
И 53/496
в 4

МАТЕРІАЛЫ

для

ИСТОРИИ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

и

ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ.

СБОРНИКЪ, ИЗДАВАЕМЫЙ КОМИТЕТОМЪ ПО УСТРОЙСТВУ СЕВАСТОПОЛЬСКАГО МУЗЕЯ.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Н. ДУБРОВИНА.

ВЫПУСКЪ IV.

ПОРТРЕТЫ:

Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича.
Генерала Соймонова.
Генерала Тотлебена.
Князя Васильчикова.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ДЕПАРТАМЕНТА УДѢЛОВЪ, ЛИТЕЙНЫЙ ПРОСП., № 39.
1872.

2007081643

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ

ИСТОРІИ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

И

ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ.

СБОРНИКЪ, ИЗДАВАЕМЫЙ КОМИТЕТОМЪ ПО УСТРОЙСТВУ СЕВАСТОПОЛЬСКАГО МУЗЕЯ.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Н. ДУБРОВИНА.

ВЫПУСКЪ IV.

ПОРТРЕТЫ:

Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича.

Генерала Соймонова.
Генерала Тотлебена.
Князя Васильчикова.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ДЕПАРТАМЕНТА УДѢЛОВЪ, ЛИТЕЙНЫЙ ПРОСП., № 39.
1872.

МАТЕРІАЛЫ

для

ИСТОРІИ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

и

ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ.

Защитники чести Россіи и славы!
Вашъ подвигъ и древнихъ героевъ затмилъ:
Отъ васъ получили *четыре* державы
Лишь груды развалинъ! да груды могилъ!
Мы любимъ отчизну! но вы намъ явились
Примѣромъ высокой, священной любви!
Одиннадцать мѣсяцевъ слишкомъ вы бились
Подъ адскимъ огнемъ, утопая въ крови!
Нѣтъ! въ жизни народовъ все можетъ случиться!
Вновь силу событій изведаетъ свѣтъ,
Но Крымское дѣло едвали повторится,
Хоть Русь проживетъ за три тысячи лѣтъ!!
Такъ тостъ нашъ за тѣхъ, *кто отъ бомбъ и отъ дыма*
Отъ вылазокъ, штурмовъ остался въ живыхъ!
За васъ, безпардонные витязи Крыма,
Мы пьемъ какъ за кровныхъ, безцѣнныхъ родныхъ!

(Изъ стих. П. Григорьева, сказаннаго на обѣдѣ черноморскимъ героямъ).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

АЛФАВИТЫ:

Лит. А. Беггрова

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ

МИХАИЛЪ НИКОЛАЕВИЧЪ

ПОЛОЖЕНІЕ СОЮЗНИКОВЪ ПОДЪ СЕВАСТОПОЛЕМЪ СЪ 5-го по 13-е ОКТЯБРЯ.

Сообщаемъ нѣкоторыя подробности изъ писемъ корреспондентовъ англійскихъ газетъ, о ходѣ осадныхъ работъ противъ Севастополя и о лагерной жизни. Корреспондентъ газеты «Times» пишетъ: «Въ лагерѣ теперь только и разговора, что о бомбардированіи. Мы могли бы бомбардировать съ бо́льшимъ успѣхомъ, еслибъ начали тотчасъ, какъ скоро явились сюда. Всего болѣе возбуждаетъ сожалѣніе состояніе нашихъ бѣдныхъ лошадей. Багажнымъ лошадямъ сѣна вовсе не дается, а отпускается только нѣсколько фунтовъ весьма посредственнаго ячменя. О травѣ нѣтъ и помину: всю равнину и возвышенія покрываетъ только одинъ репейникъ. На каждую верховую лошадь отпускается сѣна не болѣе 6 ф. въ день. Пушки наши треснули во многихъ мѣстахъ отъ безпрерывнаго огня. Погода стоитъ прелестная; дни также теплы, какъ у насъ въ іюлѣ.

Корреспондентъ газеты «Chronicle» пишетъ: По видимому Эвпаторія находится теперь въ осадномъ положеніи. Городъ этотъ неохотно занятъ былъ генералами; адмиралы же, напротивъ, желали занять его. Въ немъ находится теперь гарнизонъ, состоящій изъ 1,500 турокъ и около 900 англичанъ и французовъ. Двѣ главныя дороги, ведущія въ городъ, защищены земляными насыпями, на которыя поставлены шесть 24 фунт. орудій съ кораблей. Крѣпость, набережная и весь городъ полны стадами и табунами, ко-

торые, вѣроятно, мрутъ теперь, вслѣдствіе недостатка пищи и воды, какъ 26-го числа городъ угрожаемъ былъ 4,000 кавалеріи и 4 пушками. Однакожъ не думаютъ, чтобы русскіе рѣшились на приступъ. Въ Севастополѣ непріятель неутомимо работаетъ и не только исправляетъ поврежденія нанесенныя ему флотомъ, но и воздвигаетъ земляныя насыпи по направленію къ телеграфу. Русскіе поставили также пушки въ амбразурахъ Константиновскаго форта, покрывъ ихъ мѣшками съ пескомъ; прежде же здѣсь были открытыя батареи.

Корреспондентъ газеты «Herald» пишетъ: «Во всю длину города Севастополя, со стороны моря, идетъ высокая каменная зубчатая стѣна, съ глубокимъ и широкимъ рвомъ впереди. Стѣна осталась совершенно нетронута нашими батареями. Она прекращается на очень красивомъ кладбищѣ внѣ города; рядомъ стоятъ двѣ прекрасныя церкви. Тамъ, гдѣ стѣна оканчивается, русскіе окружили городъ брустверомъ, который, по высотѣ своей и глубинѣ, кажется истинно-поразительною работою для 20,000 человѣкъ. Въ концѣ стѣны находится сильная каменная батарея, которая, если вѣрить плану, вооружена 44 пушками и 6 мортирами. Батарея эта сама по себѣ достаточно страшная препона во время приступа пѣхоты, между тѣмъ это бездѣлица въ сравненіи съ рядами пушекъ, разставленныхъ вдоль вышеупомянутаго бруствера. Напротивъ этихъ укрѣпленій, но въ разстояніи около четверти мили, находится другой окопъ, совершенно подобнаго же характера, такъ что ведущіе приступъ неминуемо должны подвергнуться убійственному перекрестному огню. Кромѣ этихъ страшныхъ сооруженій, впереди кладбища, выведена глубокая траншея, между церквями, которыя составляютъ нѣчто въ родѣ бастіоновъ на каждомъ концѣ. Я замѣтилъ также небольшія траншеи, сдѣланныя въ различныхъ направленіяхъ для пѣхоты, и около 12,000 человѣкъ, изъ которыхъ не болѣе трети солдатъ неутомимо работаютъ, возводя редуты и устраивая траншеи, на сѣверной сторонѣ города. Сооруженія эти дѣлаются, вѣроятно, съ тою цѣлію, чтобы

господствовать надъ городомъ, въ случаѣ, если южная сторона будетъ взята.

Корреспондентъ газеты «Post» пишетъ: «Русскіе такъ хорошо узнали теперь разстояніе нашихъ пушекъ, что могутъ причинить много вреда нашимъ батареямъ. Вчера они сдѣлали не менѣе 9 дыръ въ гюйсѣ, который матросы выставили въ своей части 21-вой пушечной батареи. Сегодня выстрѣлъ разбилъ пополамъ флагштокъ. Едва только матросы успѣли водрузить его кое какъ на подпоркахъ, снова прилетѣло ядро и разбросало подставки, флагштокъ и гюйсъ въ различныхъ направленіяхъ. Наши ребяты сильно взбѣшены этимъ. Сцены, происходящія на корабляхъ въ Балаклавѣ, чрезвычайно разнородны и забавны. Вообразите себѣ грязно-одѣтаго, бородатаго нѣмца, помѣщающагося на кормѣ. Голова его выглядываетъ изъ люка, между тѣмъ толпа голодныхъ рубакъ старается обратить на себя его благосклонное вниманіе. Здѣсь есть и королевскіе гвардейцы, покупающіе какія нибудь бездѣлушки, какъ въ Лондонѣ, но добивающіеся, наравнѣ съ сержантами—капралами, первыхъ потребностей жизни.

— Вы очень обязали бы меня, еслибъ были такъ добры, дали мнѣ фунтъ свѣчей и горшечекъ pâté au diable, скромно спрашиваетъ одинъ.

Но нѣмецъ не обращаетъ вниманія на скромныя требованія; слухъ его старается уловить бо́льшія требованія предметовъ, которые идутъ по дорогой цѣнѣ.

— Давайте мнѣ шесть фунтовъ свѣчей, восемь ящиковъ бульона и столько варенья, съѣдобнаго и овощей сколько у васъ есть, кричитъ смуглый юноша съ рѣшительнымъ видомъ.

Требованія тотчасъ же исполняются, потому что не только выражаются повелительнымъ тономъ, но за ними слѣдуетъ немедленная уплата, приносящая продавцу огромную прибыль. Наконецъ раздается голосъ: «Милостивый государь, я просилъ васъ пять, десять разъ дать мнѣ два фунта свѣчей и фунтъ табаку, а вы мнѣ твердите все одно—подождите, да подождите. Если вы мнѣ не дадите тотчасъ же, я отправляюсь къ вамъ внизъ и распоряжусь

самъ». «И я тоже, и я тоже подхватываютъ другіе». Тогда дѣятельность торговца усиливается въ необыкновенной степени, и онъ раздаетъ свой товаръ во всѣ стороны, не дожидаясь денегъ и полагаясь на честность покупателей. Запасшись чѣмъ нужно и расплатившись, каждый бросается стремглавъ съ транспорта и летитъ въ лагерь (¹).

Константинопольскій корреспондентъ одной газеты сообщаетъ, что союзные генералы выслали изъ Балаклавы всѣхъ греческихъ жителей, опасаясь, чтобы они не содѣйствовали русскимъ войскамъ (²).

Въ «Zeit» напечатаны слѣдующія извѣстія:

10-го октября отправилось изъ Варны въ Крымъ новое подкрѣпленіе турецкихъ войскъ. Они будутъ высажены не въ Балаклавѣ, а близъ устья Бельбека, потому что союзники намѣрены произвести диверсію противъ сѣверныхъ фортовъ Севастополя. Большая часть плоскодонныхъ судовъ, служившихъ въ высадкѣ союзныхъ войскъ въ Крыму, возвратились въ Варну. Это доказываетъ, что не намѣрены еще отправлять обратно. *Омеръ-пашу* ожидали въ Варнѣ для осмотра дивизій Румелійскаго корпуса, которая тоже назначается въ Крымъ. Большія казармы въ Скутари завалены больными; по сей причинѣ одинъ турецкій линейный корабль долженъ быть превращенъ во временный госпиталь. По извѣстіямъ изъ Смирны, отъ 18 октября, хотятъ учредить въ этомъ городѣ госпиталь на 3000 больныхъ.

Изъ Букареста, отъ 14 октября, пишутъ въ Аугсбургской газетѣ, что, по официальнымъ извѣстіямъ, полученнымъ изъ Варны, послѣдніе отряды 3-й французской дивизіи отправились, 8-го числа, въ Крымъ, и въ Варнѣ остается только турецкій гарнизонъ въ 3.000 человѣкъ. По этому корреспондентъ полагаетъ, что въ Крыму нахо-

(¹) „С.-Петербургскія Вѣдомости.“ 1854 г. № 257.
(²) „Сѣверная Пчела.“ 1854 г. № 241.

дятся теперь всѣ войска, которыми могли располагать союзники ([1]).

Парижъ 26-го октября. Изъ Рима пишутъ: «Нѣсколько французскихъ войскъ римскаго гарнизона пошли въ Чивита-Веккію и оттуда отправятся на востокъ. Единственный бывшій здѣсь батальонъ храбрыхъ венсенскихъ егерей также будетъ отправленъ въ Мальту, а оттуда въ Галлиполи.

Въ «Аугсбургской газетѣ», сообщая извѣстія изъ Парижа, отъ 19-го октября, находятъ, что во французскихъ газетахъ очень забавно критикуютъ дѣйствія князя *Меншикова* въ Крыму. «Можно ли, по законамъ здраваго смысла, предположить (сказано въ сей газетѣ), чтобъ князь не имѣлъ достаточныхъ причинъ на то, что онъ дѣлаетъ и чего не дѣлаетъ. Его упрекали въ томъ, что онъ не воспротивился высадкѣ въ Эвпаторіи и у стараго укрѣпленія. Спрашиваемъ: не оправданъ ли онъ событіями вполнѣ? Еслибъ онъ воспротивился высадкѣ въ тѣхъ мѣстахъ, союзники тотчасъ же спустились бы къ Балаклавѣ. Но онъ далъ имъ безъ помѣхи произвесть эту высадку, зная, что Севастополь не можетъ быть атакованъ съ сѣверной стороны, и расчитывалъ, что такимъ образомъ непріятель потеряетъ драгоцѣнное время. Прежде нежели восхвалять союзниковъ и осуждать русскихъ, лучше было бы дождаться конца. Достаточнымъ доказательствомъ тому, что союзники не смотрятъ на эту экспедицію слегка, служатъ мѣры, предписанныя теперь для усиленія ихъ арміи. Командующій флотомъ въ Черномъ Морѣ получилъ приказаніе отправить въ Тулонъ всѣ паровые фрегаты и транспорты, которые ему не совершенно необходимы, чтобы привезти оттуда резервный корпусъ. Отряды его ежедневно отправляются на Востокъ.

Въ письмѣ изъ Парижа, отъ 19-го октября, въ той же газетѣ сообщаютъ слѣдующія подробности: «Вѣрьте какъ

([1]) „Сѣверная Пчела." 1854 г. № 240.

можно меньше извѣстіямъ парижскихъ газетъ о Крымѣ: онѣ исключительно имѣютъ цѣлью поддерживать биржу въ хорошемъ расположеніи духа, доколѣ это возможно. Такъ, напримѣръ, даны стражайшія приказанія разнымъ газетамъ касательно цифръ, и вотъ мы уже достигли до 120,000 человѣкъ союзныхъ войскъ, тогда какъ ихъ всего 75,000, считая и полученное уже подкрѣпленіе въ 23,000 человѣкъ, лишь бы не было упадка курса на биржѣ вотъ девизъ нашей нынѣшней политики; всякая ложь позволена для достиженія этой цѣли. Впрочемъ должны быть приняты мѣры для прекращенія частныхъ корреспонденцій изъ Крыма, и потому теперь ни черезъ письма, ни изъ офиціальныхъ депешей нельзя ничего узнать о положеніи нашей арміи. Естественнымъ послѣдствіемъ этого положенія дѣлъ были недоумѣніе и опасенія публики, усиливающіяся день отъ дня. Правительство готово на неслыханныя усилія, чтобъ въ надлежащее время отвратить всякое несчастіе отъ нашей биржи. Всего этого можно бы было избѣжать, еслибъ не вздумали прежде сего увѣрить насъ, что взятіе Севастополя можетъ быть произведено однимъ натискомъ (coup de main) (1).

Въ «Букарестской нѣмецкой газетѣ» сказано: «Мы узнали, что въ Крыму происходилъ большой военный совѣтъ. Генералъ *Канроберъ* предложилъ взять городъ штурмомъ. *Лордъ Рагланъ* отвѣчалъ, что армія его уже потеряла 3,000 человѣкъ; что штурмъ будетъ стоить союзникамъ по крайней—мѣрѣ 10,000 человѣкъ; что онъ не полагаетъ возможнымъ принять на себя передъ англійскою націею и парламентомъ отвѣтственности за подобное пожертвованіе людей; что по сей причинѣ онъ предлагаетъ придвинуть работы еще ближе къ крѣпости. Предложеніе было принято.

Изъ Константинополя, отъ 19-го октября, пишутъ

---

(1) „Сѣверная Пчела.“ 1854 г. № 238. Окончаніе статьи относится до испанскихъ дѣлъ.

въ «Вѣнском Ллойдѣ»: Теперь невозможно пріѣхать въ Крымъ. Негоціанты, прибывшіе туда на корабляхъ, нагруженныхъ товарами, нужными для осаждающей арміи, не могли выйти на берегъ, и должны были на корабляхъ ждать покупщиковъ, которые, впрочемъ, вскорѣ раскупили всѣ товары по огромнымъ цѣнамъ. Послѣ сего они были принуждены тотчасъ же удалиться. Даже офиціальное званіе въ турецкомъ главномъ штабѣ не достаточно, чтобъ попасть въ Крымъ: на то нуженъ особый приказъ генерала *Канробера*, котораго еще никто не могъ получить (¹).

Въ газетѣ «Constitutionnel» напечатаны письма отъ разныхъ корреспондентовъ изъ Крыма.

Отъ 17-го октября. Передъ разсвѣтомъ вся армія была подъ ружьемъ и готова ко всѣмъ случайностямъ предстоящаго дня. Въ шесть съ половиною часовъ три бомбы, брошенныя съ нашей большой батареи, даютъ сигналъ и немедленно весь фронтъ осаждающихъ въ огнѣ. Осаждаемые отвѣчаютъ съ неожидаемой силой и совокупностію и вскорѣ обнаруживается, что число ихъ орудій, находящихся въ дѣйствіи, слишкомъ вдвое превышаетъ нашихъ, тѣмъ болѣе что половина французскихъ одудій, изъ которыхъ намѣревались стрѣлять, еще не поставлена на мѣсто. Въ девять часовъ раздался страшный взрывъ, и по направленію французскихъ батарей поднялся огромный и черный столбъ дыма, сквозь который можно было отличить форму боченка. Полагали, что это боченокъ пороха, одинъ изъ тѣхъ боченковъ, которые называются саваровскими, по имени ихъ изобрѣтателя, и который русскимъ удалось бросать къ намъ за 1,000 метровъ; но, къ несчастію, то былъ взрывъ магазина одной изъ нашихъ батарей, причиненный паденіемъ бомбы и умертвившій или ранившія 30 артиллеристовъ и разрушившій батарею. Въ 11½ часовъ флотъ открываетъ огонь и стрѣляетъ изъ 2,000 орудій вдругъ. Въ часъ — новый взрывъ въ нашихъ сухопутныхъ батареяхъ, въ той, которую флотъ выстроилъ возлѣ разрушенной. Этотъ второй случай окончательно за-

(¹) „Сѣверная Пчела.“ 1854 г. № 242.

ставляетъ нашъ огонь умолкнуть, и мы съ горестью слышимъ только пушки съ моря и пушки англичанъ. Рѣже разставленныя, чѣмъ наши, англійскія орудія меньше страдаютъ, и взрывъ ящика (въ три часа сорокъ минутъ) производитъ тамъ только слабое опустошеніе. *19-го октября.* У англичанъ ланкастерскія пушки, которыя въ отношеніи къ обыкновеннымъ орудіямъ тоже самое, что карабины къ обыкновенному ружью. Ядро этихъ новыхъ орудій вѣситъ 100 фунтовъ; оно элиптическое и беретъ 4.000 метровъ. Метательныя орудія (?) непріятеля продолжаютъ падать градомъ на французскую батарею, поврежденную наканунѣ, и въ этотъ день мы лишились двухъ молодыхъ артиллерійскихъ капитановъ, гг. Масcоля и Вассара. Послѣдній убитъ близъ генерала, командующаго артиллеріей. Смерть застигла его посреди звонкаго смѣха, и лицо сохранило отпечатокъ веселости. Этихъ двухъ офицеровъ очень жалѣютъ многочисленные ихъ товарищи. Сухопутная батарея, устроенная флотомъ противъ Карантиннаго форта, сбита; она слишкомъ страдала отъ огня изъ этого форта.

20-го октября. Нынѣшней ночью непріятель сдѣлалъ смѣлый поступокъ. Около 2 часовъ утра, 200 русскихъ, подъ начальствомъ молодаго и красиваго офицера, проскользнули незамѣтно, черезъ амбразуры, въ флотскую батарею, оканчивающую на лѣвой сторонѣ нашу первую паралель. Чтобъ меньше дѣлать шума, они сняли свою обувь, и ихъ открыли только тогда уже, когда они крикнули *ура!* Имъ удалось заклепать семь орудій. Начальствующій этимъ движеніемъ офицеръ и около дюжины его солдатъ остались на мѣстѣ.

Газетѣ «Presse» пишутъ, отъ 19-го октября, изъ-подъ Севастополя: сопротивленіе русскихъ весьма энергическое и дѣлаетъ величайшую честь гарнизону и его командирамъ. Они показываютъ изумительную дѣятельность. Каждое утро мы видимъ какую либо батарею или какой нибудь новый редутъ, построенный въ теченіе ночи. Начиная съ 17-го, т. е. съ открытія огня противъ крѣпости, они при-

чинили намъ много вреда. Постройка батарей подъ пушками непріятеля представляетъ величайшія трудности. Огонь русскихъ такъ силенъ и неумолкаемъ, что рѣшиться на такой поступокъ было почти безуміемъ. Передъ англичанами менѣе могущественная сторона укрѣпленій; большая часть ихъ батарей метитъ въ военный портъ. Передъ нами страшныя работы. Свѣдѣнія, полученныя нами сначала, оказались неточными. Укрѣпленія, хотя и построенныя наскоро, весьма страшны: всѣ они оказываютъ другъ другу взаимную и энергическую поддержку. Русскіе офицеры хорошо воспользовались мѣстностью. Вооруженіе ихъ весьма сильно. Всей морской артиллеріей воспользовались на сухомъ пути для защиты Севастополя. Послѣ двухъ-часоваго боя, одна изъ лѣвыхъ нашихъ батарей, построенная близъ лазарета, подверглась боковой атакѣ со стороны скрытой дотолѣ батареи и оказалась совершенно негодною. Всю ночь 17-го и цѣлый день 18-го пришлось возобновлять ее; она открыла вновь огонь не раньше 20-го утромъ. Одна изъ нашихъ батарей, батарея Пти-Пье, понесла значительныя потери. Бомба упала на нѣкоторомъ разстояніи и, катаясь, провела большой кругъ, кончившійся близъ магазина: тамъ она лопнула. Взрывъ былъ страшенъ. Капитанъ *Пти-Пье* убитъ, лейтенанты *Берже и Окуберъ* ранены. Пятьдесятъ семь человѣкъ въ батареѣ убиты или ранены. Недалеко отъ этого мѣста убиты два артиллерійскіе офицера, которыхъ я оставилъ за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ: *Массолю* ядро снесло голову, а *Вассара* поразило въ животъ. Ученые инженеры изучаютъ эту осаду. Система нынѣшнихъ укрѣпленій разсчитана на то, какъ берутъ орудія. А между тѣмъ, система не измѣнилась, тогда какъ артиллерія и карабины сдѣлали большіе успѣхи. Необходимо въ этомъ отношеніи совершить цѣлый переворотъ. Съ моря бой былъ столь же жарокъ. Офицеры *Альбіона* говорятъ, что его аваріи принудили его отправиться въ Босфоръ; они объявляютъ, что никогда не видали ничего страшнѣе нападенія флотовъ на батареи рейда. Важныя поврежденія, которыя потерпѣли оба флота, свидѣтельствуютъ объ искуствѣ и силѣ

обороны со стороны русскихъ. Оборона ихъ равносильна атакѣ ([1]).

Изъ Парижа пишутъ «Аугсбургской газетѣ». отъ 19 октября: «нѣтъ почти никакой возможности довѣрять извѣстіямъ изъ Крыма, сообщаемымъ парижскими газетами. Единственная ихъ цѣль—поддерживать какъ можно болѣе увѣренность на биржѣ. Нѣкоторыя изъ нихъ получили, между прочимъ, самыя строгія предписанія на счетъ сообщенія свѣдѣній относительно числа союзныхъ войскъ.—При старомъ укрѣпленіи высадились 60 т. англо-французовъ, но сраженіе при Альмѣ, болѣзни, плѣнъ и проч. лишили ихъ по крайней мѣрѣ 8 т. чел.. и если предположить, что потомъ присоединилось къ нимъ 23 т. вновь прибывшихъ вспомогательныхъ войскъ, то все таки армія осаждающихъ не можетъ превышать 75 т. челов. —Лишь бы не было пониженія биржевыхъ курсовъ—вотъ девизъ нынѣшней политики; всякую ложь считаютъ позволительною, если только достигается эта цѣль.—Надобно полагать. что приняты мѣры и противъ распространенія частныхъ извѣстій изъ Крыма, потому что ни частныя письма. ни оффиціальныя депеши не приносятъ намъ никакихъ извѣстій о положеніи нашей арміи.—Опасенія увеличиваются съ каждымъ днемъ, и правительство напрягаетъ всѣ усилія, чтобы предупредить возможное потрясеніе парижской биржи».

«До сихъ поръ въ Крыму ничего еще не сдѣлано. —Великолѣпныя фразы о превосходномъ духѣ, одушевляющемъ союзныя войска, и о неприступной позиціи осаждающаго корпуса, ничего не доказываютъ, тѣмъ болѣе что одинъ духъ не можетъ разрушить укрѣпленія первоклассной крѣпости.—Не слѣдуетъ забывать и того, что Севастополь не окруженъ со всѣхъ сторонъ, что русскіе имѣютъ съ нимъ свободное сообщеніе и получаютъ значительныя подкрѣпленія, русскіе—и это очень естественно — знаютъ на перечетъ почти каждый корабль и каждаго человѣка въ союзныхъ силахъ, между тѣмъ какъ союзники, тоже по весь-

---

([1]) „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1854 г. № 248.

ма понятнымъ причинамъ, почти ровно ничего не знаютъ о силахъ, которыми противники ихъ располагаютъ въ Крыму. Сужденія нашихъ журналовъ о русскихъ военныхъ операціяхъ просто смѣшны. —Прежде чѣмъ восхвалять союзниковъ и осуждать русскихъ, было бы гораздо лучше подождать конца.

Отъ 21 октября. Союзники, по видимому, убѣдились наконецъ, что Севастополь не Бомарзундъ, и авторы тѣхъ самыхъ оффиціальныхъ статей, въ которыхъ, по случаю мнимаго паденія русской крѣпости, въ слѣдъ за сраженіемъ при Альмѣ, восхвалялась *furia francese*, теперь превозносятъ *«благоразумную медленность»* осадныхъ работъ. — Но мы съ своей стороны постоянно доказывали, что ни французская furia, ни благоразумная медленность покуда не привели еще ни къ какому результату. Всѣ офиціальныя донесенія наполнены только фразами о томъ, что духъ и здоровье войскъ превосходны. Между-тѣмъ все ближе и ближе подходитъ то время года, которое принудитъ союзные флоты удалиться въ гавани, а сухопутныя войска подумать о зимнихъ квартирахъ,—только не подъ пушками непріятельской крѣпости, а гдѣ нибудь подальше (¹).

Французскій «Мониторъ» обнародываетъ полученный отъ генерала *Канробера* журналъ дѣйствій французской арміи подъ Севастополемъ, съ 1 по 22-е октября включительно (съ 19 сентября по 10 октября.) Въ журналѣ этомъ весьма подробно описанъ ходъ осадныхъ работъ съ 9 октября (27 сентября): но впрочемъ, кромѣ мелкихъ подробностей, онъ не заключаетъ въ себѣ ничего, что уже не было бы извѣстно нашимъ читателямъ. Онъ указываетъ только, что осадныя работы подъ Севастополемъ принадлежатъ къ числу самыхъ затруднительныхъ, утомительныхъ и опасныхъ, какія когда либо были предпринимаемы. Генералъ отдаетъ въ немъ, какъ и въ своихъ донесеніяхъ, полную справедливость неутомимому мужеству русскихъ и искусству ихъ артиллеріи. Общую потерю французскихъ

(¹) „С.-Петерб. Вѣдом." 1854 г. № 235.

сухопутныхъ войскъ, съ начала осадныхъ дѣйствій по 22-е (10-е) октября, онъ опредѣляетъ въ 58 человѣкъ убитыми (въ томъ числѣ 4 офицера) и 465 челов. ранеными (140 офицеровъ). Изъ журнала видно также, что 17 (5-го) октября. огонь противъ севастопольскихъ укрѣпленій открытъ союзниками съ сухопутныхъ батарей изъ 126 орудій (53 французскихъ и 73 англійскихъ). Взрывомъ пороховаго погреба, послѣдовавшимъ отъ бомбы въ половинѣ 10 часа утра, разстроена французская батарея № 4 и убито или ранено около 50 человѣкъ. Спустя три четверти часа, послѣдовалъ другой взрывъ, а именно: взорванъ зарядный ящикъ на французской батареѣ № 1-го, гдѣ прислуга состояла изъ моряковъ. Въ половинѣ одиннадцатаго часа утра, французскій главнокомандующій, видя, что число его батарей уменьшилось до трехъ, и что онѣ не могутъ болѣе состязаться съ артиллеріею осажденныхъ, приказалъ прекратить огонь. Въ 4 часа пополудни, взорванъ зарядный ящикъ, стоявшій позади правой батареи англичанъ; значитъ у союзниковъ было въ этотъ день три взрыва, не считая многочисленныхъ поврежденій, нанесенныхъ ихъ осаднымъ веркамъ и орудіямъ. Французская артиллерія могла возобновить свой огонь 19 (7-го) октября въ половинѣ седьмаго часа утра. 20 (8-го) числа, утромъ, огонь батареи № 2-го (морской) прерванъ взрывомъ другаго пороховаго погреба; генералъ говоритъ, однакожъ, что этотъ взрывъ нанесъ мало вреда, и что никто не былъ при этомъ раненъ. Осадными работами французовъ подъ Севастополемъ управляютъ инженерный генералъ *Бизо* и артиллерійскій генералъ *Тири*. Вмѣстѣ съ помянутымъ журналомъ, Монитеръ сообщаетъ донесеніе инспектора медицинской части Восточной арміи, д-ра *Леви*, изъ лагеря подъ Севастополемъ, отъ 22 (10-го) октября. Судя по этому донесенію, общее число больныхъ французской арміи на Востокѣ простиралось въ то время до 4.074: въ полевыхъ лазаретахъ подъ Севастополемъ было 225 раненыхъ, большею частію тяжело. Прочіе раненые отправлены въ Константинополь, куда отвозится изъ Крыма и большая часть больныхъ. Наконецъ Монитеръ объявляетъ, что

французское и англійское правительства послали генераламъ *Гамелену* и *Дондасу* приказаніе немедленно распространить блокаду, въ которой уже содержатся устья Дуная, на всѣ русскія гавани Чернаго моря и Азовскаго. Походъ на Дунаѣ кажется оконченнымъ. Объявляютъ, что наступленіе осенней поры заставило *Омеръ-пашу* отказаться отъ предпріятія противъ Бессарабіи. Извѣстно, впрочемъ, что турецкій главнокомандующій никогда не обнаруживалъ большаго расположенія къ этому походу. *Омеръ-пашу* упрекаютъ, что онъ нарочно замедлилъ движеніе своей арміи, чтобы не исполнить желанія лорда *Раглана* и генерала *Канробера*, требовавшихъ отъ него этой диверсіи; какъ бы то ни было, осень дѣйствительно давно наступила, а *Омеръ-паша* до сихъ поръ не предпринималъ ничего не только противъ Бессарабіи, но даже противъ пунктовъ занимаемыхъ русскими въ Добруджѣ, на правомъ берегу нижняго Дуная.

Монитеръ флота, описывая поврежденія, нанесенныя французскимъ судамъ въ сраженіи 17 (5 го) октября, говоритъ, что корабль «Городъ Парижъ» получилъ 50 ядеръ въ стѣны и 3 ядра ниже ватеръ-линіи; 3 каленыя ядра произвели пожаръ, который, однакожь, скоро былъ потушенъ: около 100 ядеръ попали въ снасти и сильно повредили ихъ; нѣсколько мачтъ сбито; ютъ почти совершенно разрушенъ бомбами. Всѣ извѣстія о вредѣ, нанесенномъ прочимъ судамъ, подтверждаются.—По извѣстіямъ изъ подъ Севастополя отъ 1 ноября (20 октября), сообщаемымъ австрійскою газетою Soldatenfreund, союзники, въ послѣднихъ числахъ октября мѣсяца (по н. ст), должны были бороться не только съ русскими силами, но еще съ холодами, дождемъ и жаждою. Въ водѣ у нихъ былъ крайній недостатокъ.—Въ послѣднихъ извѣстіяхъ изъ Константинополя, полученныхъ въ Тріестѣ съ пароходомъ «Европа», туда почти ежедневно прибывали изъ Крыма пароходы съ ранеными. Число раненыхъ моряковъ, привезенныхъ въ Константинополь, уже простиралось до 400 человѣкъ. Погода стояла дождливая. Газетѣ Times пишутъ изъ лагеря подъ Севастополемъ, отъ 25 (13-го) октября: «Свѣдѣ-

нія», собранныя мною о наличномъ числѣ союзниковъ, не совсѣмъ успокоительны. Британскія силы, по этимъ свѣдѣніямъ, не превышаютъ 16,000 человѣкъ, такъ велика убыль, произведенная въ нихъ оружіемъ непріятеля и холерою. Въ продолженіе послѣднихъ 8-ми недѣль выбыло изъ строя не менѣе 9,000 челов. Число французовъ простирается до 36.000, турокъ до 11.000 человѣкъ.—Артиллеристы сильно измучены безпрерывною работою, потому что должны проводить въ траншеяхъ вмѣсто 8-ми по 12 часовъ въ сутки. По словамъ газеты «Times», англичане ежедневно теряютъ отъ ранъ и отъ болѣзней. среднимъ числомъ, по 80-ти человѣкъ (¹).

Въ «Neue Preussische Zeitung» выписываютъ слѣдующее изъ письма одного французскаго офицера подъ Севастополемъ.

Англичане тяжко страдаютъ отъ холода, къ которому весьма чувствительны. Они не могутъ простить маршалу *Сентъ-Арно*, котораго почитаютъ виновникомъ этой экспедиціи. Послѣ холодной ночи 23 октября, они отправили болѣе 500 больныхъ въ балаклавскій госпиталь.

Въ той же газетѣ напечатано: Въ донесеніи генерала *Конробера*, обнародованномъ въ Монитерѣ съ поправками, содержится. какъ говорятъ, слѣдующее: «Траншейныя работы, достигнувъ до 140 метровъ отъ гласиса, были остановлены почвою. которая въ этомъ пунктѣ представляетъ непреодолимую преграду».

Въ «Тріестской газетѣ» напечатаны слѣдующія подробности:

Французы жалуются на англійскаго главнокомандующаго, который часто предписываетъ дѣйствія, несогласныя съ условленными стратегическими движеніями.—Впрочемъ, вообще хвалятъ хладнокровіе и храбрость англичанъ, а послѣдніе увѣряютъ, что французы обнаруживаютъ въ дѣлѣ мало рѣшимости и стойкости.—Турецкій главнокомандующій *Сулейманъ-паша* уѣхалъ изъ Крыма, подъ предлогомъ болѣзни.—Военный министръ сдѣлалъ по сему предмету такое сильное донесеніе. что султанъ разжаловалъ *Сулей-*

(¹) „Русск. Инв." 1854 г. № 250.

манъ пашу. Рустемъ-паша, назначенный на его мѣсто, уже отправился въ Крымъ.—Изъ подъ Севастополя прибыло столько больныхъ, что всѣ константинопольскіе госпитали ими наполнены.

Разжалованный Сулейманъ-паша подвергся. сверхъ того, заключенію на семь лѣтъ ([1]).

ДОНЕСЕНІЕ КНЯЗЯ МЕНШИКОВА О ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ 8-го И 10-го ОКТЯБРЯ 1854 ГОДА.

Въ донесеніи генералъ-адъютанта князя *Меншикова* отъ 11-го (23-го) октября заключаются слѣдующія дополнительныя свѣдѣнія о дѣйствіяхъ, происходившихъ 8-го числа подъ Севастополемъ.

Генералъ-маіоръ *Семякинъ* возобновилъ въ этотъ день наступательное движеніе отъ дер. Чоргунъ на лѣвую сторону р. Черной, направивъ двѣ колонны къ дер. Комары и къ небольшому укрѣпленію, которое, близъ этой деревни, было устроено непріятелемъ.—Найдя оба эти пункта имъ оставленными, отрядъ нашъ, съ наступленіемъ ночи, возвратился на прежнія свои мѣста. Англійскія войска снова затѣмъ были выдвинуты къ дер. Комары. открыли ружейный и пушечный огонь по тѣмъ высотамъ. которыя были уже нами покинуты, и ничего болѣе не предпринимали.

Въ ночь съ 8-го на 9-е, изъ Севастополя высланы были отряды охотниковъ на непріятельскія батареи. Одинъ изъ этихъ отрядовъ, состоявшій изъ 5-ти офицеровъ и 27-ми нижнихъ чиновъ, бросился на французскія траншеи, заклепалъ 8 мортиръ и 11-ть пушекъ, и. лишивъ такимъ образомъ батарею возможности дѣйствовать на другой день, возвратился въ городъ. Удачная эта вылазка, распростра-

([1]) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. №№ 261 и 262.

нившая общую тревогу въ непріятельскомъ лагерѣ, стоила намъ 2 убитыхъ офицеровъ (лейтенантъ *Троицкій* и мичманъ князь *Путятинъ*) и одного матроса. Прочія команды вездѣ встрѣтили бдительное со стороны непріятеля наблюденіе и возвратились, потерявъ 12 раненыхъ нижнихъ чиновъ.

Вообще при бомбардированіи 8-го числа у насъ убито 50 челов. (въ томъ числѣ 3 офицера) и ранено 197 (офицеровъ 5).

9-го и 10-го октября бомбардированіе Севастополя съ непріятельскихъ осадныхъ батарей продолжалось; но причиненныя нашимъ укрѣпленіямъ поврежденія были по прежнему маловажны и немедленно же исправлялись, такъ что огонь не прекращался ни съ одного изъ нашихъ бастіоновъ. Потеря у насъ 9-го числа состояла изъ 30 убитыхъ (1 офицеръ) и 160 раненыхъ (3 офицера); 10-го же числа—еще не приведена въ извѣстность.

Въ ночь съ 9-го на 10-е, одинъ изъ нашихъ пикетовъ, состоявшій изъ 8 чел., замѣтивъ приближавшійся англійскій патруль изъ 40 чел., смѣло бросился на непріятеля, разсѣялъ его и взялъ въ плѣнъ командовавшаго патрулемъ, гвардейскаго капитана лорда *Дункельна* (сына лорда *Кланрикарда*).

Со стороны моря непріятель опять ничего не предпринималъ.

Подъ Эвпаторіею дѣйствія ограничивались перестрѣлками нашихъ уланскихъ и казачьихъ аванпостовъ съ непріятельскими партіями, покушавшимися выходить изъ города.—8 го числа, вызванные въ охотники Уланскаго Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Екатерины Михайловны полка, поручикъ *Горячевъ* и корнетъ *Богомолецъ*, съ 20-ю уланами и нѣсколькими казаками, пользуясь туманомъ, подскакали къ самой Эвпаторіи, врубились въ толпу татаръ, стоявшую передъ городскою стѣною, положили 12 человѣкъ на мѣстѣ, 2-хъ взяли въ плѣнъ, многихъ поранили и, на плечахъ бѣгущихъ, ворвались въ городъ; у заставы они закололи стоявшихъ 3-хъ часовыхъ французской пѣхоты, и когда въ городѣ произошло общее

смятеніе, отошли назадъ, угнавъ болѣе 1,000 головъ скота, овецъ и лошадей; при этомъ корнетъ *Богомолецъ* легко раненъ пикою [1].

Постановленіе таврическаго магометанскаго духовенства и пожертвованіе ногайцевъ.

С.-Петербургъ 26-го октября. Первымъ дѣйствіемъ непріятеля по занятіи Эвпаторіи, 3-го минувшаго сентября, было возбужденіе татаръ противъ правительства, устроившаго ихъ благосостояніе. Эти подстрекательства не достигли полной своей цѣли; но буйная молодежь ближайшихъ къ сему городу татарскихъ деревень увлеклась видами на ограбленіе вѣрныхъ своему долгу жителей, подъ предлогомъ снабженія союзныхъ войскъ продовольственными припасами. Прибытіе казаковъ, а вскорѣ и резервной Уланской дивизіи въ окрестности Эвпаторіи, положило уже предѣлъ своеволію мятежниковъ.

Между тѣмъ чувства, одушевляющія благомыслящихъ татаръ Таврической губерніи, проявились въ нижеслѣдующихъ отзывахъ, представленныхъ начальнику оной, генералъ-лейтенанту *Пестелю.*

1) Постановленіе таврическаго магометанскаго духовнаго правленія отъ 6-го октября.

При общемъ засѣданіи членовъ духовнаго правленія въ присутствіи они имѣли сужденіе.

До свѣдѣнія ихъ дошло, что изъ числа магометанъ, въ таврической губерніи находящихся, принявшихъ присягу Государю Императору Россіи на вѣрность подданства ихъ, нѣкоторые стали нарушать таковую и возмущаться противу данной ими присяги и правительства, такъ какъ многіе якобы ужé передались непріятелю, прибывшему въ предѣлы Россіи въ городъ Эвпаторію.

Нарушеніе присяги строго воспрещается, какъ россійскимъ, такъ равно и магометанскимъ законами, ибо, въ по-

---

(1) „Русскій Инвалидъ" 1854 г. № 234. „Сѣверная Пчела" 1854 г. № 233.

слѣднемъ, въ книгѣ Викіе сказано: Если мусульмане возмутятся противу Государя и правительства, то, узнавъ о томъ, объявить имъ, чтобы они оставили свою злоумышленность и не надѣялись на вражескую силу, обѣщая за эти преступленія подвергать ихъ наказанію, увѣряя въ томъ ихъ; если же послѣ того тѣ самыя лица, собравшись опять въ одномъ мѣстѣ, не оставятъ свои злоумышленности, то, въ такомъ случаѣ, подвергать ихъ смертной казни, но не распространять оной на ихъ семейства и имѣнія.

Въ книгѣ *Дурфъ* сказано: Если кто, имѣя намѣреніе ограбить кого либо безвинно и, не исполнивъ намѣренія своего, будетъ пойманъ, то въ такомъ разѣ таковой подлежитъ тюремному заключенію, гдѣ будетъ находиться, пока не объявитъ о заблужденіи своемъ показаніе. Если онъ ограбитъ кого либо и ограбленныя имѣнія или вещи, по оцѣнкѣ, окажутся на сумму деньгами не менѣе 200 дремовъ серебра, то въ такомъ разѣ будетъ наказанъ отсѣченіемъ одной руки и одной ноги, — первой отъ локтя, а послѣдней отъ колѣна. При отсѣченіи правой руки, отсѣкать ногу лѣвую. Если между тѣмъ онъ кого либо убьетъ, не успѣя ограбить его, то въ семъ случаѣ онъ подлежитъ смертной казни безъ всякаго помилованія, а если онъ успѣетъ ограбить и убьетъ, то въ такомъ разѣ отсѣчь руку и ногу, и вслѣдъ или убить, или повѣсить, или же, не отсѣкая, прямо убить и повѣсить.

О вышеписанномъ духовное правленіе честь имѣетъ увѣдомить ваше превосходительство и присовокупить, что если бы изъ числа мусульманъ, въ таврической губерніи находящихся, принявшихъ присягу россійскому Государю Императору на вѣрность подданства, стали нарушать таковую и возмущаться противу правительства, то, согласно вышеобъясненному магометанскому закону, слѣдуетъ подвергать наказанію, какое сказано въ книгахъ магометанскаго закона: Викіе и Дурфъ.

2) Прошеніе депутатовъ ногайскаго племени, отъ 12-го октября.

Мы, нижеподписавшіеся начальники и депутаты народа

ногайскаго, обитающаго въ трехъ сѣверныхъ уѣздахъ таврической губерніи, Днѣпровскомъ, Мелитопольскомъ и Бердянскомъ, по письменнымъ довѣренностямъ отъ нашихъ обществъ, уполномочены объявить высшему начальству слѣдующее:

Что, находясь болѣе 70 лѣтъ подъ скипетромъ Великихъ Государей Россіи, ногайцы чувствуютъ себя вполнѣ счастливыми своимъ положеніемъ, и, желая доказать свою благодарность и признательность свою за благодѣтельныя попеченія правительства, а вмѣстѣ съ тѣмъ показать, сколь чужды они отъ тѣхъ неблагонамѣренныхъ и неблагодарныхъ крымскихъ татаръ, которые оказывали дружеское расположеніе врагамъ Россіи, единогласно рѣшили назначить насъ депутатами и убѣдительнѣйше просить начальство принять отъ довѣрившихъ намъ ногайскихъ обществъ слѣдующее:

1) Днѣпровскаго округа отъ ногайцевъ Аирчинской волости 200 штукъ коровъ, по 16 р. 50 к. каждая, или же вмѣсто ихъ, если окажется нужнѣе, 100 паръ воловъ, съ арбами и ярмами, безъ погонщиковъ.

2) Бердянскаго округа отъ волостей Шуютъ-Джурецкой, Ульконъ-Бежеклинской и Югартасигалынской отъ каждой по 200 коровъ, по 15 руб. серебромъ каждая, или же, вмѣсто ихъ, если окажется нужнѣе, по 100 паръ воловъ съ арбами, безъ погонщиковъ, всего триста паръ воловъ; да кромѣ того отъ всѣхъ трехъ волостей 75 нѣмецкихъ бричекъ съ лошадьми (каковыя брички и лошади, по окончаніи надобности общества желаютъ возвратить имъ обратно).

3) Мелитопольскаго округа Эльвизъ-Агачьская волость жертвуетъ 140 штукъ рогатаго скота, по 15 руб. сер. каждая штука.

Въ заключеніе общества поручаютъ намъ объявить начальству, что они къ пожертвуемымъ подводамъ не назначаютъ погонщиковъ по той причинѣ, дабы принадлежащіе имъ ногайцы не имѣли никакого сношенія съ крымскими неблагонамѣренными татарами и не слушали ихъ легкомысленныхъ и вредныхъ сужденій, такъ какъ всѣ члены

ногайскихъ обществъ клятвенно одинъ за другаго ручаются нынѣ въ вѣрности ихъ престолу и отечеству.

Вслѣдствіе всего этого мы, нижеподписавшіеся начальники и депутаты народа ногайскаго, усерднѣйше ходатайствуемъ о принятіи упомянутыхъ пожертвованій довѣрившихъ намъ обществъ. Подписи.

Доведя о семъ до Высочайшаго Государя Императора свѣдѣнія, г. главнокомандующій военными и сухопутными и морскими силами въ Крыму, сдѣлалъ распоряженіе о преданіи главнѣйшихъ зачинщиковъ грабежа военному суду по полевому уложенію, предоставивъ выдать ихъ самому магометанскому духовному правленію.

Государь Императоръ, по выслушаніи отзывовъ, Высочайше повелѣть соизволилъ:

1) Изъявить таврическому магометанскому духовенству и ногайскому племени благодарность Его Величества, за вѣрноподданническія ихъ чувства.

2) Пожертвованіе ногайскаго племени обратить въ пользу ([1]).

Донесеніе генералъ-адъютанта князя Меншикова о наступательномъ дѣйствіи отряда генералъ-лейтенанта Липранди противъ лагеря союзниковъ, прикрывающихъ дорогу изъ Севастополя въ Балаклаву.

Сего числа 13-го (25-го) октября начались вступательныя наши дѣйствія противу осаждающихъ и были увѣнчаны успѣхомъ.

Генералъ-лейтенанту *Липранди* поручено было: съ ввѣренною ему дивизіею атаковать отдѣльный непріятельскій укрѣпленный лагерь, прикрывающій дорогу изъ Севастополя въ Балаклаву.

Предпріятіе это исполнено имъ сего утра блестящимъ образомъ. Въ рукахъ нашихъ находятся теперь 4 редута, въ которыхъ взято 11 орудій.

Главный редутъ непріятельскій, защищавшійся турками, былъ взятъ штурмомъ Азовскимъ пѣхотнымъ полкомъ,

---

([1]) Русскій Инвалидъ 1854 г. № 240.

который исполнилъ это молодецки, подъ личнымъ начальствомъ бригаднаго командира, генералъ-маіора *Семякина*, и полковаго - полковника *Криднера*, отличившагося въ этомъ дѣлѣ.

Противъ нашего отряда дѣйствовала и англійская кавалерія, которая, подъ начальствомъ лорда *Кардигана*, съ необыкновенною стремительностью атаковала гусарскую бригаду 6-й кавалерійской дивизіи; но, бывъ взята во флангъ двумя дивизіонами своднаго резервнаго Уланскаго полка и откинутая подъ перекрестные картечные выстрѣлы артиллеріи 12-й и 16-й пѣхотныхъ дивизій, а равно и штуцерныхъ 1-й бригады сей послѣдней дивизіи, понесла значительный уронъ.

1-я бригада 16-й дивизіи, подъ личнымъ начальствомъ генералъ-маіора *Жабокритскаго*, выдвинута была для воспрепятствованія непріятелю обойти отрядъ генерала *Липранди*.

Одновременно съ атакою на нашихъ гусаръ, англійская кавалерія наскакала и на донскую № 3-го батарейную батарею, въ которой нѣсколько канонировъ изрублено.

Потеря нашей пѣхоты въ этомъ дѣлѣ убитыми и ранеными, кажется, не превышаетъ 300 человѣкъ.

Потери же въ кавалеріи и артиллеріи не приведены еще и приблизительно въ извѣстность.

Командиръ Гусарскаго Его Императорскаго Высочества Князя Николая Максимиліановича полка, генералъ-маіоръ *Халецкій*, раненъ саблею въ ухо и руку.

Потерю непріятеля съ достовѣрностью опредѣлить трудно (1).

Въ плѣну у насъ, англичанъ, примѣрно до 60 человѣкъ, въ томъ числѣ 1 штабъ-офицеръ и 2 оберъ-офицера.

Изъ числа взятыхъ у непріятеля 4-хъ редутовъ, 2 въ теченіе сей ночи будутъ срыты, а остальные 2 еще болѣе укрѣплены, дабы удержать эту позицію, съ которой

(1) Полагаютъ однакоже, что англійская кавалерія потеряла до 500 чел.

можно дѣйствовать на дер. Кадыкіой, гдѣ проходитъ дорога, ведущая отъ непріятельскаго лагеря въ Балаклаву.

Крѣпостная артиллерія въ Севастополѣ сегодня нисколько не уступала батареямъ осаждающихъ, но отъ дѣйствія бомбъ и зажигательныхъ снарядовъ въ артиллерійской слободкѣ сгорѣло до 40 домиковъ или мазанокъ.

Предварительное сіе донесеніе, со свѣдѣніями, собранными мною на мѣстѣ, представитъ Вашему Императорскому Величеству адъютантъ мой, гвардейскаго экипажа капитанъ-лейтенантъ баронъ *Виллебрантъ*, находившійся при генералъ-лейтенантѣ *Липранди*.

Въ заключеніе имѣю счастіе донести, что я позволилъ себѣ Именемъ Вашего Императорскаго Величества благодарить на мѣстѣ всѣ войска, которыя достохвально принимали участіе въ сегодняшнемъ дѣлѣ ([1]).

Донесеніе генералъ-адъютанту князю Меншикову начальника 12-й пѣхотной дивизіи, генералъ-лейтенанта Липранди, отъ 14-го октября, № 3,076.

Вслѣдствіе приказанія Вашей Свѣтлости, 13-го октября, войска ввѣренной мнѣ дивизіи, съ прикомандированными къ ней частями, произвели общее наступленіе изъ с. Чоргуна и атаковали укрѣпленія на высотахъ, образующихъ Кадыкіойскую долину.

Сходно диспозиціи, на вышеписанное число мною отданной, всѣ войска отряда выступили, въ 5 часовъ утра, изъ с. Чоргунъ, по двумъ ущельямъ. По главному ущелью, ведущему изъ с. Чоргуна къ Кадыкіой, наступалъ, подъ командою генералъ-маіора *Левуцкаго*: Украинскій егерскій полкъ, съ 4-мя орудіями батарейной № 4-го батареи и 6-ю орудіями легкой № 7-го батареи. Части эти стройно выдвинулись впередъ и, подойдя къ кадыкіойскимъ высотамъ, открыли огонь по укрѣпленіямъ № 1-го и 2-го, въ слѣдъ за этими частями вышли, подъ командою генералъ-маіора *Семякина*: Азовскій пѣхотный полкъ, 4-й баталіонъ

([1]) „Русск. Инв.“ 1854 г. № 235. „Сѣв. Пчел.“ 1854 г. № 236.

Днѣпровскаго полка, дивизіонъ батарейной № 4-го и 6-ть орудій легкой № 6-го батареи. По второму ущелью, идущему изъ Чоргуна въ Байдарскую долину, наступали, подъ командою генералъ-маіора *Гриббе*: первые 3 баталіона Днѣпровскаго пѣхотнаго полка, съ 6-ю орудіями легкой № 6-го, дивизіономъ батарейной № 4-го батареи, сотнею донскаго № 53-го казачьяго полка и эскадрономъ своднаго Уланскаго полка. Генералъ-маіоръ *Гриббе*, выдвинувшись впередъ, занялъ с. Комары, пославъ сотню казаковъ къ Байдарской долинѣ. Одновременно съ этимъ движеніемъ, генералъ маіоръ *Семякинъ*, выйдя на позицію влѣво отъ Украинскаго полка, подъ прикрытіемъ артиллерійскаго огня и разсыпанной впереди цѣпи 2-й роты 4-го стрѣлковаго баталіона, съ штуцерниками отъ Азовскаго пѣхотнаго полка, двигался быстро съ Азовскимъ полкомъ, построеннымъ въ двѣ линіи въ ротныхъ колоннахъ, имѣя между линіями не болѣе 100 шаговъ, а въ 3-й линіи 1-й баталіонъ Азовскаго и 4-й баталіонъ Днѣпровскаго полковъ, въ колоннахъ къ атакѣ. Симъ строемъ подойдя къ укрѣпленной непріятелемъ высотѣ, на разстояніе отъ подошвы не болѣе 150 шаговъ, генералъ-маіоръ *Семякинъ* приказалъ идти на приступъ. Быстро двинулись роты, и въ половинѣ 8-го часа Азовскій полкъ поставилъ свои знамена на укрѣпленіяхъ. Трофеями были 3 крѣпостныя орудія и лагерь. Въ этомъ укрѣпленіи непріятель потерялъ одними убитыми болѣе 170 человѣкъ.

Въ то же время непріятель, видя быстрое овладѣніе главною высотою и наступленіе Украинскаго егерскаго полка, оставилъ укрѣпленія № 2-го и 3-го (1-е съ 2-мя, а 2-е съ 3-мя орудіями), которыя и были тотъ же часъ заняты нашими войсками. Одесскій егерскій полкъ, съ легкою № 7-го батареею, подъ командою полковника *Скюдери*, наступалъ на редутъ № 4-го; устрашенный непріятель не принялъ и на этомъ пунктѣ атаки и оставилъ укрѣпленіе и въ немъ 3 орудія. Кромѣ того, во всѣхъ укрѣпленіяхъ оставлены непріятелемъ палатки, порохъ въ погребкахъ и шанцевый инструментъ.

Немедленно по занятіи укрѣпленій, я приказалъ вой-

скамъ устроиться на оныхъ. — Укрѣпленіе № 4-го, какъ слишкомъ далеко выдававшееся впередъ, я приказалъ сейчасъ же срыть; находившіяся на ономъ орудія заклепать, перерубить колеса у лафетовъ, а самыя орудія сбросить съ горы. Когда все это было исполнено, тогда войска, занимавшія укрѣпленіе, присоединились къ общей линіи остальныхъ войскъ.

Находившаяся при отрядѣ, подъ командою генералъ-лейтенанта *Рыжова*, гусарская бригада 6-й легкой кавалерійской дивизіи, съ конно-легкою № 12-го и казачьею батарейною № 3-го батареями, была поставлена на правомъ флангѣ общаго боеваго порядка. Донская артиллерія, при наступленіи войскъ, быстро вынеслась впередъ и, занявъ позицію, мѣткими выстрѣлами своими способствовала успѣху общаго наступленія.

Когда всѣ укрѣпленія были заняты, я выдвинулъ кавалерію, съ Уральскимъ казачьимъ № 1-го полкомъ и 3-мя сотнями Донскаго казачьяго № 53-го полка, за перевалъ высотъ къ непріятельскому лагерю. Кавалерія наша быстро вынеслась впередъ до самаго лагеря; но, встрѣченная съ фланга огнемъ непріятельскихъ штуцерныхъ, а съ фронта англійскою кавалеріею, должна была остановиться и потомъ отошла, по прежнему, на правый флангъ общаго боеваго порядка, уступомъ назадъ.

Въ это время генералъ-маіоръ *Жабокритскій*, съ отрядомъ Владимірскаго (3 батальона), и Суздальскаго пѣхотныхъ полковъ, 10 орудій батарейной № 1-го батареи, 4-хъ орудій легкой № 2-го батареи, 16-й артиллерійской бригады, 2-хъ ротъ стрѣлковаго № 6 го баталіона, дивизіона гусарскаго Гроссъ-герцога Саксенъ-веймарскаго полка и 2-хъ сотенъ казаковъ № 60-го полка (*Попова*), выдвинулся на высоты, лежавшія вправо отъ нашей кавалеріи, и занялъ ихъ.

Едва только кавалерія наша успѣла выстроиться за правымъ флангомъ пѣхоты, какъ изъ за высоты, гдѣ находилось укрѣпленіе № 4-го, показалась англійская кавалерія въ числѣ болѣе 2,000 человѣкъ. Отчаянное нападеніе ея побудило генералъ-лейтенанта *Рыжова* отступить

по дорогѣ къ Чоргуну, чтобы заманить непріятеля. Между тѣмъ я придвинулъ къ правому своему флангу, пришедшій изъ Байдаръ къ отряду генералъ-маіора *Гриббе*, сводный уланскій полкъ, подъ командою полковника *Еропкина*, приказавъ сему полку стать за пѣхотою въ скрытномъ мѣстѣ. Непріятель произвелъ самую упорную атаку, и, не смотря на мѣткій картечный огонь 6-ти орудій легкой № 7-го батареи, штуцерныхъ отъ Одесскаго егерскаго полка и роты 4-го стрѣлковаго баталіона, находившейся на правомъ флангѣ, а также и на огонь части артиллеріи отряда генералъ-маіора *Жабокритскаго*, бросился на нашу кавалерію; но въ это время 3 эскадрона сводного уланскаго полка ударили во флангъ непріятелю. Неожиданная атака эта, произведенная стройно и рѣшительно, имѣла блестящій успѣхъ: вся непріятельская кавалерія въ безпорядкѣ бросилась назадъ, преслѣдуемая нашими уланами и огнемъ батарей. При этой атакѣ непріятель потерялъ болѣе 400 убитыхъ, 60 раненыхъ, подобранныхъ на полѣ, и 22 плѣнныхъ, въ числѣ коихъ находится 1 штабъ-офицеръ.

Одинъ французскій эскадронъ африканскихъ конныхъ егерей бросился на отрядъ генералъ-маіора *Жабокритскаго*; обскакавъ лѣвый флангъ батарейной батареи, онъ прорвался сквозь стрѣлковую цѣпь до самой батареи, и началъ рубить прислугу. За нимъ неслись и прочіе эскадроны. Тогда 2 батальона Владимірскаго полка, подъ личнымъ начальствомъ самого генералъ-маіора *Жабокритскаго* бросились въ штыки и принудили непріятельскую кавалерію податься назадъ; ее провожали мѣткіе выстрѣлы черноморскихъ пластуновъ и стрѣлковъ до подошвы горы. Болѣе 10-ти тѣлъ и нѣсколько лошадей осталось на мѣстѣ; 3 человѣка взято въ плѣнъ; офицеръ, командовавшій непріятельской атакой, убитъ.

Замѣтивъ, что непріятель началъ снова подводить къ своему лѣвому флангу свѣжія войска, я усилилъ мой правый флангъ и расположилъ всѣ войска отряда слѣдующимъ образомъ:

Однимъ батальономъ Днѣпровскаго полка занялъ с. Комары; Азовскій пѣхотный полкъ и 1-й батальонъ Днѣпров-

скаго назначилъ для защиты укрѣпленія № 1-го; одинъ баталіонъ Украинскаго егерскаго полка оставилъ въ укрѣпленіи № 2-го, а другой баталіонъ сего же полка—въ укрѣпленіи № 3-го, близъ коего расположенъ также весь Одесскій егерскій полкъ, 2 баталіона Днѣпровскаго и одинъ Украинскаго егерскаго полковъ. Вся артиллерія поставлена на выгодныхъ мѣстахъ; кавалерія по прежнему стала на правомъ флангѣ пѣхоты; но непріятель уже болѣе не производилъ атаки, и въ 4 часа пополудни прекратилъ канонаду.

Потерю нашу, при овладѣніи съ боя столь сильною позиціею, я считаю въ пѣхотѣ весьма незначительною; въ кавалеріи она была нѣсколько болѣе, чѣмъ въ пѣхотѣ. Краткая по сему предмету вѣдомость при семъ представляется ([1]).

Успѣхомъ этого дня я обязанъ усердію и распорядительности гг. частныхъ начальниковъ, мужеству и рвенію всякихъ войскъ. Въ особенности же командиръ 1-й бригады ввѣренной мнѣ дивизіи, генералъ-маіоръ *Семякинъ*, и находившійся подъ его начальствомъ командиръ Азовскаго пѣхотнаго полка, полковникъ *Криднеръ*, коимъ предназначено было атаковать самый сильный редутъ № 1-го, находящійся на большой и крутой возвышенности, подавали собою примѣръ храбрости и распорядительности. Атака Азовскаго пѣхотнаго полка была исполнена смѣло, быстро и рѣшительно. — 2-я рота стрѣлковаго баталіона, подъ командою штабсъ-капитана *Калакуцкаго*; 6 орудій легкой № 6-го батареи, подъ начальствомъ подполковника *Афанасьева*, и дивизіонъ батарейной № 4-го батареи, подъ командою поручика *Постникова*, находясь при той же колоннѣ, дѣйствовали съ примѣрною быстротою и мѣткостью, что и облегчило взятіе высоты.

При нападеніи непріятельской кавалеріи и отраженіи оной, находившіеся при Одесскомъ егерскомъ полку 8 ору-

([1]) Въ этой вѣдомости значится: убитыхъ: штабъ и оберъ-офицеровъ 6, нижнихъ чиновъ 232; раненыхъ: генералъ 1, штабъ и оберъ-офицеровъ 19 и нижнихъ чиновъ 292.

дій легкой № 7-го батареи, подъ начальствомъ командира батареи, капитана *Божанова*, мѣткими картечными выстрѣлами, нанесли главнѣйшій вредъ непріятельской кавалеріи.

Всѣ дѣйствія артиллеріи 12-й артиллерійской бригады, направляемыя командиромъ оной, полковникомъ *Пьмовымъ*, увѣнчивались блестящимъ успѣхомъ.

Присланные ко мнѣ Вашею Свѣтлостію, генеральнаго штаба полковникъ *Герсеванов* и адъютантъ Вашей свѣтлости, капитанъ-лейтенантъ баронъ *Виллебрантъ*, находясь при мнѣ во все время сраженія, были мнѣ весьма полезными помощниками, передавая съ строжайшею точностью всѣ мои приказанія войскамъ, въ передовой линіи находившимся.

При этомъ имѣю честь представить Вашей Свѣтлости взятые въ укрѣпленіи № 1-го турецкіе знамя и значекъ».

Подвиги мужества, оказанные чинами отряда генералъ-лейтенанта Липранди, въ сраженіи 13 октября 1854 г., на кадыкіойскихъ высотахъ.

Азовскаго пѣхотнаго полка.

Поручикъ *Эйнзидель* (принятый изъ саксонской службы), разговаривая накапунѣ сраженія въ кругу товарищей, обѣщался имъ непремѣнно отличиться и сказалъ имъ: «Вы увидите завтра—гдѣ я буду». *Эйнзидель* сдержалъ свое слово: въ числѣ первыхъ былъ онъ на укрѣпленіи, гдѣ получилъ три тяжелыя раны.

Рядовой Иванъ *Заровный* защищалъ израненаго поручика *Эйнзиделя*, и палъ жертвою своей преданности начальнику.

Днѣпровскаго пѣхотнаго полка.

Рядовой Климъ *Ефимовъ*, при взятіи комарскихъ высотъ, находясь въ цѣпи штуцерныхъ, былъ раненъ оскол-

---

(¹) „Русск. Инвал." 1854 г. № 237. „Сѣв. Пчел." 1854 г. № 237.

комъ гранаты въ бровь; послѣ сдѣланной перевязки, онъ просилъ доктора отпустить его на мѣсто сраженія и, по разрѣшеніи, прибылъ къ своей ротѣ, при которой и находился до конца сраженія.

Одесскаго егерскаго полка.

Во время атаки редута № 4-го, штуцернику 5-й егерской роты Дементію *Коммисарову* оторвало осколкомъ гранаты концы средняго и указательнаго пальцевъ лѣвой руки; долго онъ не оставлялъ своего штуцера, стараясь еще зарядить его; но лившаяся кровь мочила патронъ и оружіе; выведенный изъ терпѣнія, Дементій *Коммисаровъ* обратился къ офицеру: «ваше благородіе, позвольте мнѣ сбѣгать завязать руку: а пока не угодно ли самимъ пострѣлять изъ моего штуцера: знатно попадаетъ! я же сейчасъ ворочусь». И, дѣйствительно, чрезъ нѣсколько минутъ Дементій *Коммисаровъ* явился опять между стрѣлками и, хотя съ перевязанною рукою, не переставалъ стрѣлять изъ своего любимаго штуцера до конца сраженія.

Когда, разбитая на-голову, непріятельская кавалерія, въ безпорядкѣ и во весь духъ мчалась назадъ, лежавшій на землѣ, раненый въ ногу, штуцерной 4-й карабинерной роты *Цвѣрковскій*, котораго не успѣли еще отвести на перевязку (а самъ идти былъ не въ состояніи), увидѣлъ скакавшего впереди на лихой лошади англичанина: «Ахъ, батюшки», сказалъ онъ, «не дайте ему выскочить! Онъ славно напиралъ, пусть же хоть на отъѣздъ попробуетъ русскаго свинцу!» Съ этими словами онъ повернулся, приподнялся, прицѣлился, выстрѣлилъ — и славный англійскій наѣздникъ свалился съ коня. «Теперь хоть и на перевязку!» сказалъ *Цвѣрковскій*.

Въ одно время съ горнистомъ 1-го батальона *Денегою*, принесеннымъ съ оторванною рукою на перевязочный пунктъ, принесли туда же англійскаго гусара, истекавшаго кровью и совершенно ослабѣвшаго отъ сабельныхъ ранъ. Видя это, *Денега* забылъ о собственныхъ страданіяхъ и обратился къ полковому штабъ-лекарю съ просьбою: «Ваше высокоблагородіе, погодите еще смотрѣть меня, по-

могите вотъ этому прежде, а то онъ пить попросить не можетъ. Пусть знаетъ, что мы христіане и люди добрые!»

Гусарскаго Его Императорскаго Высочества Герцога Лейхтенбергскаго полка.

Вахмистръ *Гуровъ*, не смотря на полученную имъ рану, видя, что эскадронный командиръ маіоръ *Майдель*, раненый въ голову, упалъ, слѣзъ съ лошади подъ убійственнымъ огнемъ пѣхоты, и вывелъ своего начальника.

Унтеръ-офицеръ *Кисленко*, раненый въ локоть пулею, отправился на перевязочный пунктъ, но едва услыхалъ перестрѣлку, какъ, не окончивъ перевязку, возвратился во фронтъ и остался до конца боя.

Рядовой *Шульга*, раненый въ бокъ пулею, не хотѣлъ оставить фронтъ до конца боя.

Гусарскаго Гроссъ-Герцога Саксенъ-Веймарскаго полка.

Унтеръ офицеръ *Захаровъ*, когда убита была подъ генераломъ *Рыжовымъ* лошадь, подалъ ему свою, а самъ остался подъ сильнымъ огнемъ непріятельскихъ батарей снимать сѣдло съ убитой лошади. Онъ исполнилъ это хладнокровно, безъ суеты, и принесъ сѣдло на плечахъ до перевязочнаго пункта.

Своднаго Уланскаго полка.

Эскадрона Его Высочества Эрцъ Герцога австрійскаго Алберта, рядовой Марко *Зиноватый*, будучи раненъ и сбитъ съ коня, схватилъ бѣжавшую непріятельскую лошадь, сражался на ней до конца дѣла, а послѣ дѣла, отыскавъ свою лошадь, явился раненый въ эскадронъ и теперь находится въ рядахъ.

Конно-легкой № 12-го батареи.

Фейерверкеръ 3-го класса, Максимъ *Ѳедоровъ*, видя, что ящичный ѣздовой донской батарейной батареи былъ убитъ непріятельскимъ ураномъ, и что ящикъ былъ уже захва-

ченъ непріятелемъ, бросился туда, убилъ саблею улана, готовившагося сѣсть на подсѣдельную лошадь и самъ, успѣвши вскочить на нее, доставилъ ящикъ въ батарею ([1]).

ОПИСАНІЕ АТАКИ РУССКИХЪ ВОЙСКЪ НА КАДЫКІОЙСКІЯ ВЫСОТЫ 13-го (25-го) ОКТЯБРЯ 1854 ГОДА.

Къ ночи 11-го октября 1854 года, войска 12-й пѣхотной дивизіи, слѣдовавшія форсированными маршами изъ Бессарабіи, на присоединеніе къ арміи генералъ-адъютанта князя *Меншикова*, сосредоточились у сел. Чоргунъ, на правомъ берегу р. Черной, и расположились лѣвымъ флангомъ у сел. Карловки, а правымъ противъ Трактирнаго моста.

12-го числа по полудни, начальникъ отряда, генералъ-лейтенантъ *Липранди*, съ своимъ штабомъ и всѣми командирами отдѣльныхъ частей, произвелъ рекогносцировку непріятельской позиціи, чему представляла возможность значительная высота, расположенная передъ сел. Чоргунъ, откуда весьма хорошо были видны непріятельскія укрѣпленія, избранныя для атаки. Во время рекогносцировки, во избѣжаніе недоразумѣній въ предстоящемъ сраженіи, начальникомъ отряда указаны были первоначальныя мѣста для отдѣльныхъ колоннъ.

Непріятельская позиція, весьма выгодная для обороны по своей мѣстности, была еще усилена вооруженными артиллеріею полевыми укрѣпленіями, которыя были расположены по довольно крутымъ возвышенностямъ, прикрывающимъ долину сел. Кадыкіой, и составляли первую линію укрѣпленій передъ Балаклавою. Правый флангъ союзниковъ, упиравшійся въ неприступныя высоты горъ Спилія и Кая-десъ, составлялъ редутъ № 1, съ тремя крѣпостными орудіями, расположенный на вершинѣ отдѣльнаго крутаго холма. Далѣе, на сплошной грядѣ холмовъ, по направленію къ Сапунъ-горѣ, были возведены три ре-

---

([1]) „Русск. Инвал.“ 1854 г. № 282. „Сѣв. Пчел.“ 1854 г. № 284.

дута, вооруженные восемью орудіями. Мѣстность передъ укрѣпленіями была покрыта густымъ кустарникомъ, весьма способствовавшимъ штуцерной оборонѣ. Лѣвѣе непріятельской позиціи, по направленію къ Трактирному мосту, тянется довольно ровная долина. образуемая кадыкіойскими возвышенностями й восточнымъ склономъ Ѳедюхиныхъ горъ. Аванпосты союзниковъ стояли въ сел. Комарахъ и противъ Трактирнаго моста. Въ редутахъ и позади нихъ были размѣщены главныя силы; резервъ же оставался передъ селеніемъ Кадыкіой. въ полутора верстѣ отъ линіи укрѣпленій.

По возвращеніи на бивуакъ, диспозиція была составлена и разослана по войскамъ. Для атаки отрядъ долженъ былъ выдвинуться двумя ущеліями: лѣвая колонна на сел. Карловку. а главныя силы войскъ чрезъ Трактирный мостъ. Для обезпеченія, во время нашей атаки, праваго фланга отъ нападенія французовъ съ сапунскихъ высотъ, по распоряженію князя *Меншикова*, былъ назначенъ расположенный на Инкерманѣ отрядъ генералъ-маіора *Жабокритскаго*, направленный на Ѳедюхины горы, въ то время весьма слабо занятыя непріятельскими аванпостами.

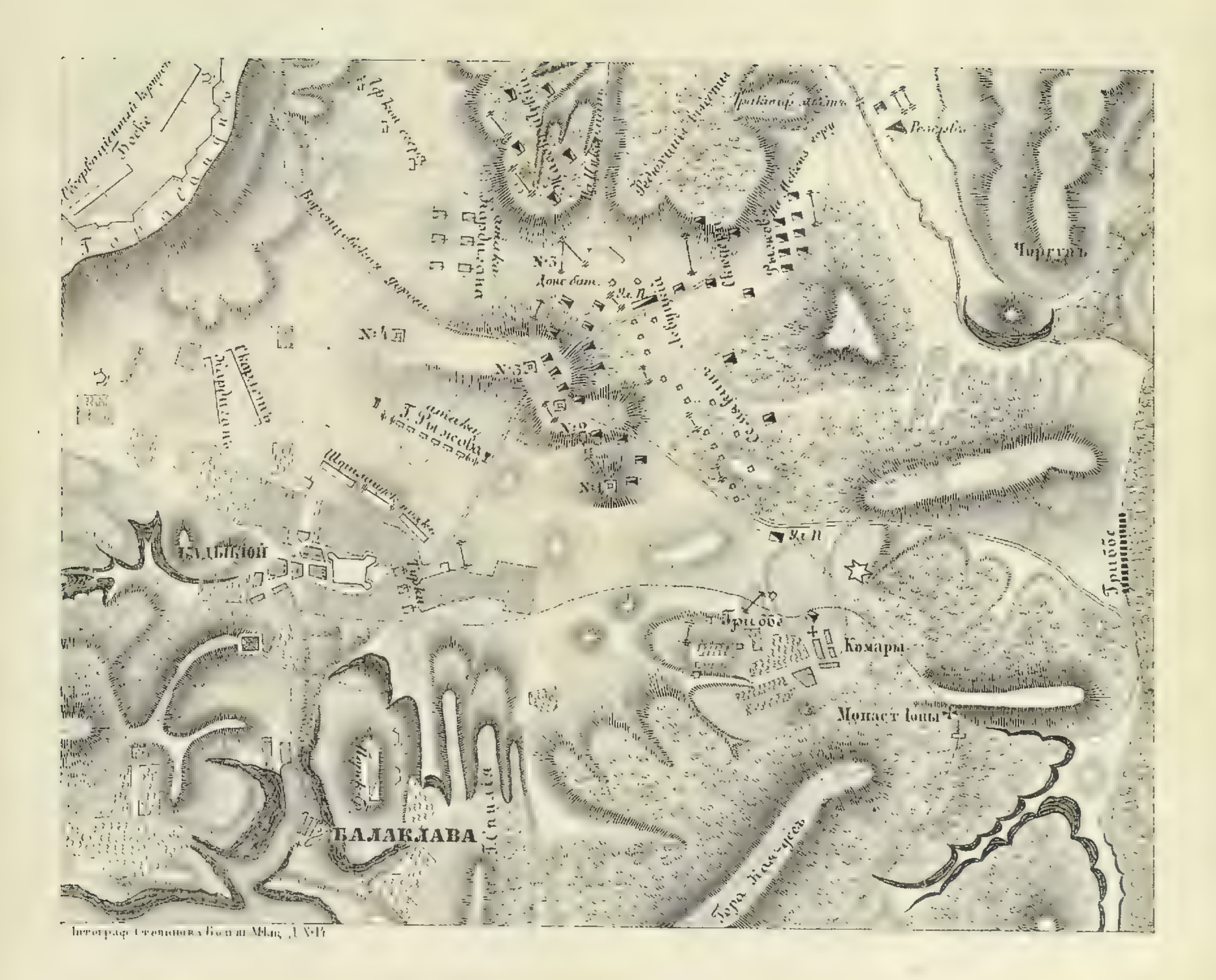
Въ сел. Чоргунѣ. подъ командою генералъ-лейтенанта *Липранди*, были сосредоточены слѣдующія войска: 12-я пѣхотная дивизія съ артиллеріею (полки Азовскій, Днѣпровскій. Украинскій и Одесскій. батарейная № 4-го и легкія № 6-го, 7-го и 8-го батареи); 4-й стрѣлковый баталіонъ; гусарская бригада 6-й легкой кавалерійской дивизіи (16 эскадроновъ съ восемью орудіями конно-легкой № 12-го батареи); сводный Уланскій полкъ, Уральскій № 1-го полкъ (6 сотенъ), 4 сотни донскаго № 53 полка съ восемью орудіями донской батарейной № 3-го батареи, и вспомогательный отрядъ генерала *Жабокритскаго*, состоявшій изъ 1-й бригады 16-й пѣхотной дивизіи (полки Владимірскій и Суздальскій, всего пять баталіоновъ), съ десятью орудіями батарейной № 1-го батареи и дивизіономъ легкой № 2-го батареи 16-й артиллерійской бригады. Полки 12-й пѣхотной дивизіи были въ четырехъ-баталіонномъ, а батареи въ 12-ти орудійномъ составѣ.

Съ разсвѣтомъ, 13-го числа, войска выстроились на бивуакахъ и, по словесному приказанію, началось наступленіе, согласно диспозиціи, въ слѣдующемъ порядкѣ (¹): лѣвая колонна, подъ командою генералъ-маіора *Гриббе* (сотня казаковъ, рота стрѣлковаго баталіона, первые три баталъона Днѣпровскаго пѣхотнаго полка, съ дивизіономъ батарейной № 4-го и шестью орудіями легкой № 6-го батареи, и сводный Уланскій полкъ), направилась къ сел. Комарамъ, отрядивъ по дорогѣ, идущей изъ Байдарской долины въ Балаклаву, полъ-сотни казаковъ, для занятія монастыря Іоны Постнаго, что и было немедленно исполнено; остальныя же войска этой колонны, продолжая наступленіе, заняли ротою штуцеровъ сел. Комары, откуда непріятель поспѣшно вывелъ свои аванпосты. Генералъ *Гриббе* выставилъ по гребню возвышенія дивизіонъ батарейной № 4-го батареи, а вправо, для подкрѣпленія войскъ, дѣйствовавшихъ противъ редута № 1-го, четыре орудія легкой № 6-го батареи. Занятіемъ монастыря св. Іоны и селенія Комары совершенно обезпечились наши дѣйствія съ лѣваго фланга.

Своевременно и отрядъ генерала *Жабокритскаго*, перейдя рѣчку Черную, сталъ подниматься на Ѳедюхины высоты, а главныя силы чоргунскаго отряда, средняя колонна изъ двухъ отдѣленій, перваго, подъ начальствомъ генералъ-маіора *Левуцкаго* (первые три батальона Украинскаго полка съ четырьмя батарейными и четырьмя легкими орудіями легкой № 7-го батареи), и изъ втораго отдѣленія, подъ командой генералъ-маіора *Семякина* (2-я рота стрѣлковаго батальона, четыре батальона Азовскаго пѣхотнаго полка, съ дивизіономъ батарейной № 4-го батареи, и четвертый батальонъ Днѣпровскаго полка съ шестью орудіями легкой № 6-го батареи), начали переправу черезъ Трактирный мостъ. Правая колонна полковника *Скюдери* (рота стрѣлковъ и четыре батальона Одесскаго полка съ восемью орудіями легкой № 7-го батареи) перешла вслѣдъ за среднею и развернулась внѣ пушечнаго выстрѣла, пра-

---

(¹) См. прилагаемый планъ сраженія.

БАЛАКЛАВА
Комары
Монаст Іоны
Чоргунь
№ 1
№ 2
№ 3
№ 4
№ 5
Донс бат.

вѣе редута № 3. За этими войсками переправилась гусарская бригада генерала *Рыжова*. Резервъ находился на правой сторонѣ р. Черной, передъ Трактирнымъ мостомъ (4-й батальонъ Украинскаго полка съ двумя орудіями легкой № 8-го батареи, Уральскій полкъ и сотня Донскаго № 53 полка съ донскою батарейною № 3 го батареею). Вагенбургъ оставался въ сел. Чоргунѣ.

Войска генерала *Семякина* прошли, послѣ переправы, позади небольшихъ возвышеній и развернулись правѣе Воронцовской дороги, противъ редута № 1, примкнувъ своимъ флангомъ къ войскамъ лѣвой колонны. Генералъ-маіоръ *Левуцкій* выстроился передъ редутами № 2 и № 3.

Батальоны первой линіи, построенные въ ротныхъ колоннахъ, разсыпали находившуюся при нихъ роту стрѣлковаго батальона, а также штуцерныхъ отъ своихъ полковъ, и начали перестрѣлку съ непріятельскими застрѣльщиками. Вторая линія была построена въ колоннахъ къ атакѣ. Артиллерія, занявъ выгодныя позиціи, открыла огонь: четыре батарейныя орудія и шесть орудій легкой № 6-го батареи дѣйствовали по редуту № 1, а четыре орудія легкой № 7-го батареи и дивизіонъ батарейной по редутамъ № 2 и № 3.

Генералъ *Липранди*, объѣхавъ линію войскъ и удостовѣрившись въ правильномъ и искусномъ расположеніи всѣхъ частей своего отряда, приказалъ выдвинуть изъ резерва, по равнинѣ, передъ Одесскій егерскій полкъ, донскую батарейную № 3-го батарею и открыть огонь по укрѣпленію № 3. Удачное дѣйствіе этой батареи обратило на себя вниманіе непріятельскихъ генераловъ: командующій союзными войсками кадыкіойскаго отряда, имѣя въ виду рекогносцировку, произведенную 6-го октября передовымъ отрядомъ съ Ѳедюхиныхъ высотъ, и усиленіе нашихъ войскъ противъ лѣваго своего фланга, сталъ придвигать всѣ свои резервы къ центральному укрѣпленію № 3, предполагая, что онъ есть избранный пунктъ атаки. Между тѣмъ артиллерія наша, расположенная не болѣе какъ въ 400 саженяхъ отъ обстрѣливаемыхъ ею укрѣпленій, наносила значительный вредъ гарнизону редутовъ и

заставила замолчать нѣкоторыя орудія. Штуцерники же, продолжая перестрѣлку, оттѣснили цѣпь застрѣльщиковъ и поражали прислугу на батареяхъ. Редутъ № 1, какъ командующій всею окрестною мѣстностію, былъ избранъ главнымъ пунктомъ атаки. Въ 8 часовъ утра, батальоны Азовскаго пѣхотнаго полка, подъ командою храбраго полковника *Криднера*, вспомоществуемые артиллеріею, были направлены генераломъ *Семякинымъ* и стройно двинулись въ атаку. Ротныя колонны первой линіи быстро подошли къ подошвѣ возвышенія и, по знаку полковника *Криднера*, съ крикомъ «ура!» стали подниматься къ укрѣпленію. Ни значительная крутизна, ни мѣткій батальный огонь штуцерниковъ съ редута, ни на минуту не остановили храбрыхъ батальоновъ азовцевъ.

Солдаты, видя офицеровъ впереди. смѣло бросились въ амбразуры и начался рукопашный бой. Турки, извѣстные своею храбростію при защитѣ укрѣпленій, не устояли. Мужество и быстрота атаки нашихъ войскъ увѣнчались блистательнымъ успѣхомъ. Редутъ, три крѣпостныхъ орудія, пороховой погребокъ, лагери и шанцевый инструментъ—все досталось въ руки побѣдителей.

Во время нашей атаки шесть англійскихъ полевыхъ орудій выѣхали между редутами № 1 и № 2-мъ для дѣйствованія во флангъ атакующимъ; но штуцерные Украинскаго полка и дивизіонъ батарейной № 4-го батареи, подъ командою поручика *Постникова*, заставили ихъ немедленно отступить и тѣмъ много облегчили атаку. По занятіи редута, полковникъ *Афанасьевъ* съ четырьмя орудіями легкой № 6-го батареи поднялся на высоту и открылъ огонь по начинавшему устраиваться непріятелю; который, видя что укрѣпленіе уже занято артиллеріею, оставилъ свои покушенія и отошелъ къ сел. Кадыкіой.

Вмѣстѣ съ артиллеріею прибылъ на высоту начальникъ отряда, генералъ-лейтенантъ *Липранди*. и благодарилъ войска. Восторженные крики «ура!» и готовность къ новымъ подвигамъ были отвѣтомъ на благодарность любимаго начальника.

Пользуясь первымъ успѣхомъ, генералъ *Липранди* не-

медленно направилъ четвертый батальонъ Днѣпровскаго полка на смежный редутъ № 2, а генералъ *Левуцкій* повелъ Украинскій полкъ къ редуту № 3. Устрашенные предъидущею атакою, турки поспѣшно оставили оба укрѣпленія и бѣжали въ сел. Кадыкіой. Между тѣмъ, полковникъ *Скюдери* съ Одесскимъ егерскимъ полкомъ занялъ редутъ № 4, сбросилъ съ высоты орудія, изрубилъ лафеты, и такъ какъ это укрѣпленіе было слишкомъ удалено впереди нашей позиціи, то отвелъ свои батальоны и расположилъ ихъ въ кустарникѣ, правѣе центральнаго укрѣпленія.

Къ 10-ти часамъ утра вся линія редутовъ была занята нами и, чтобы дать время войскамъ устроиться и приготовиться къ ожидаемой атакѣ, начальникъ отряда приказалъ гусарской бригадѣ генерала *Рыжова* и Уральскому полку, съ конно-легкою № 12-го батареею, перейдя черезъ перевалъ между редутами № 3 и № 4, спуститься въ долину и атаковать расположенный у сел. Кадыкіой англійскій вагенбургъ. Гусары смѣло пошли въ атаку и бросились на встрѣтившую ихъ англійскую кавалерію, но, видя, что драгунская бригада *Скарлета* начинаетъ обходить нашъ правый флангъ, генералъ *Рыжовъ* сталъ отводить свои эскадроны и въ совершенномъ порядкѣ перешелъ обратно на сѣверозападную сторону кадыкіойскихъ высотъ. Англійская же кавалерія, бросившаяся преслѣдовать отступившіе эскадроны гусаръ, была наведена генераломъ *Рыжовымъ* на батареи генерала *Левуцкаго* и полковника *Скюдери*, которыя своими выстрѣлами остановили запальчивое преслѣдованіе непріятеля.

Лордъ *Рагланъ*, получивъ извѣстіе о потерѣ передовыхъ редутовъ и слыша усиливающуюся канонаду подъ Балаклавою, прибылъ къ 10-ти часамъ утра, вмѣстѣ съ французскимъ главнокомандующимъ, генераломъ *Канроберомъ*, на поле сраженія и немедленно послалъ въ Кадыкіой сильныя подкрѣпленія. Генералъ *Боске* поставилъ весь свой обсерваціонный корпусъ въ ружье и спустилъ нѣкоторую часть войскъ въ долину по Воронцовской дорогѣ. Усиленіе войскъ противъ нашего праваго фланга и под-

ходившіе резервы ясно показали намѣренія непріятеля, вслѣдствіе чего расположеніе нашихъ войскъ было измѣнено слѣдующимъ образомъ: въ сел. Комарахъ поставленъ первый батальонъ Днѣпровскаго полка съ дивизіономъ батарейной батареи; позади и правѣе редута № 1-го батальоны Азовскаго полка съ четырьмя батарейными и шестью орудіями легкой № 6-го батареи; въ редутѣ № 2, второй батальонъ Днѣпровскаго полка съ шестью орудіями легкой № 6 батареи; далѣе, по гребню возвышенія, у центральнаго редута, дивизіонъ батарейной № 4-го батареи съ Украинскимъ полкомъ, имѣя во второй линіи два послѣдніе батальона Днѣпровскаго полка. Правый флангъ, расположенный уступами назадъ, составлялъ Одесскій егерскій полкъ съ восемью орудіями легкой № 7 го батареи. Долина же, раздѣляющая кадыкіойскія высоты отъ Ѳедюхиныхъ горъ, гдѣ стоялъ генералъ *Жабокритскій*, была занята гусарскою бригадою, поставленною въ двѣ линіи, въ колоннахъ къ атакѣ, съ донскою батарейною № 3-го батареею впереди и съ конно-легкою № 12 го батареею въ резервѣ.

По прибытіи всѣхъ подкрѣпленій, англійскій главнокомандующій рѣшился вторично овладѣть потерянными укрѣпленіями и далъ приказаніе графу *Лукану* атаковать занятую нами позицію. Бригада легкой кавалеріи генерала *Кардигана*, не смотря на всю трудность этого предпріятія, обогнувъ высоту срытаго нами укрѣпленія № 4, выстроилась въ долинѣ и быстро пошла въ атаку. Блистательная, но совершенно безуспѣшная атака генерала *Кардигана* была встрѣчена нашими войсками съ полнымъ хладнокровіемъ и должною поспѣшностію. Шестнадцать батарейныхъ и восемь легкихъ орудій, искусно разставленныхъ открыли перекрестный картечный огонь по долинѣ. Пѣхота, по данному сигналу, свернулась въ каре и встрѣтила атакующихъ батальнымъ огнемъ. Англичане, увлеченные мужественнымъ примѣромъ своего храбраго начальника, съ рѣдкою запальчивостью налетѣли на донскую батарейную № 3-го батарею и начали рубить прислугу и нашихъ гусаръ, бросившихся къ нимъ на встрѣчу. Тогда генералъ *Липранди* приказалъ сводному уланскому полку, скрыто

расположенному за укрѣпленіемъ № 3, ударить во флангъ непріятелю. Прибытіе свѣжихъ силъ, бросившихся съ надлежащею быстротою и рѣшимостью, рѣшило участь атаки. Здѣсь то лордъ *Рагланъ* былъ свидѣтелемъ полнаго уничтоженія своей кавалеріи, и, чтобъ сколько нибудь облегчить гибельное ея отступленіе, выдвинулъ четыре полевыя орудія на высоту срытаго нами укрѣпленія, но они были встрѣчены мѣткимъ огнемъ дивизіона батарейной № 4-го батареи и едва могли держаться. Тогда генералъ *Канроберъ* приказалъ генералу *д'Алонвилю* атаковать батареи *Жабокритскаго*. Африканскіе конные егеря пошли уступами съ праваго фланга на выручку своихъ союзниковъ и стремительно атаковали батарейную № 1-го батарею 16-й артиллерійской бригады; но батальоны Владимірскаго полка, предводимые самимъ генераломъ *Жабокритскимъ*, бросились въ штыки и заставили французовъ отступить. Для окончательнаго уничтоженія англійской кавалеріи, единовременно съ атакою уланъ были разсыпаны, по опушкѣ кустарника, двѣ роты стрѣлковаго батальона, а легкая № 7-го батарея, подъ командою капитана *Боженова*, повернувъ хоботы, навела орудія по пути отступленія непріятеля и, вмѣстѣ со штуцерниками, довершала картечью пораженіе спасавшихся бѣгствомъ остатковъ англійской кавалеріи. Потерпѣвъ вторичную неудачу, непріятель не рѣшился возобновлять нападенія, и дѣйствія его ограничились одною канонадой, продолжавшейся до четырехъ часовъ по полудни, послѣ чего союзныя войска стали отходить, оставивъ занятую нами позицію.

Трофеями этого дня были восемь орудій съ полною принадлежностью, весь лагерь и значительное количество шанцеваго инструмента. Потеря наша въ этомъ сраженіи, убитыми и ранеными, сравнительно съ потерею союзниковъ и принимая во вниманіе, что атака производилась на сильную и укрѣпленную позицію, весьма незначительна: изъ строя выбыло 550 человѣкъ.

Генералъ *Липранди*, утвердившись въ виду всей непріятельской арміи на кадыкіойскихъ высотахъ, показалъ союзнымъ генераламъ полную возможность атаковать Ба—

лаклаву и заставилъ ихъ усилить балаклавскій корпусъ и заняться возведеніемъ болѣе правильныхъ и сильныхъ укрѣпленій въ Кадыкіойской долинѣ и на Сапунъ-горѣ, а, слѣдовательно, ослабилъ дѣятельность осадныхъ работъ противъ едва только возникавшихъ тогда крѣпостныхъ верковъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, удачною атакою въ тылъ осадныхъ войскъ возбудилъ еще болѣе энергіи и мужества въ храбрыхъ защитникахъ Севастополя.

Участвуя въ описанномъ мною сраженіи въ званіи ординарца отъ артиллеріи при генералѣ *Липранди*, я былъ свидѣтелемъ всѣхъ движеній, какъ нашихъ, такъ и непріятельскихъ войскъ, и имѣлъ возможность наблюдать за ходомъ дѣла, замѣчая всѣ обстоятельства, способствовавшія и противодѣйствовавшія успѣху нашихъ войскъ.

Союзники, какъ надо полагать, и что, вѣроятно, имѣлось въ виду, вовсе не ожидали нападенія русскихъ со стороны Балаклавы. Доказательствомъ тому служатъ упущенныя ими слѣдующія обстоятельства: сел. Комары были заняты только передовыми пикетами, тогда какъ это селеніе, расположенное по дорогѣ изъ Байдарской долины въ Балаклаву, будучи укрѣплено и занято болѣе сильнымъ отрядомъ, совершенно обезпечивало союзниковъ съ этой стороны, потому что, для наступленія по байдарской дорогѣ, атакующимъ войскамъ пришлось бы дебушировать изъ ущелья и устроиваться подъ выстрѣлами непріятельской артиллеріи, что весьма часто бываетъ сопряжено съ большими пожертвованіями и требуетъ не мало времени, котораго было бы весьма достаточно обороняющимся, чтобъ подвести значительныя подкрѣпленія. Трактирный мостъ не былъ уничтоженъ и переправа чрезъ водопроводъ совершена была нашими войсками безпрепятственно, тогда какъ разрушеніе моста и сооруженіе батарей на сѣверозападномъ склонѣ Ѳедюхиныхъ горъ дѣлало это предпріятіе весьма сомнительнымъ. Предположеніе, что главная наша атака будетъ направлена на центральное укрѣпленіе № 3, не имѣло никакого основанія, потому что еслибы наши войска и заняли это укрѣпленіе, то не могли бы тамъ держаться, подвергаясь перекрестному огню съ

командующаго мѣстностію редута № 1 и выстрѣламъ съ редута № 4; вести же единовременно атаку и на послѣднее укрѣпленіе мы не могли, не открывая своего праваго фланга французскимъ батареямъ генерала *Боске*, расположеннымъ на горѣ Сапунъ. Атака англійской кавалеріи, произведенная съ цѣлію сбить наши войска съ занятой позиціи, была предпріятіемъ болѣе нежели рискованнымъ. Примѣры военной исторіи весьма часто показываютъ, что одною кавалеріею удавалось разстроить войска обороняющіяся и уже утомленныя продолжительнымъ боемъ; но здѣсь лордъ *Рагланъ* предполагалъ прорвать линіи нашихъ баталіоновъ, еще свѣжихъ и воодушевленныхъ только что одержанною побѣдою. Разумѣется, подобная попытка, не смотря на примѣрное исполненіе, не могла имѣть успѣха. Непріятельская артиллерія, расположенная на весьма крутыхъ возвышенностяхъ, въ особенности въ укрѣпленіи № 1, не могла обстрѣливать подошвы занятыхъ ею высотъ, чѣмъ весьма искусно воспользовались наши штуцерники, а атакующія колонны имѣли возможность, въ самую критическую для нихъ минуту, сомкнуться и прійдти въ необходимый при атакѣ холоднымъ оружіемъ порядокъ. Большая часть орудій дѣйствовала черезъ амбразуры, и, слѣдовательно, не имѣла необходимаго при оборонѣ полнаго обстрѣла мѣстности. Наши же орудія, расположенныя большею частію по-дивизіонно, на значительныхъ между собою разстояніяхъ, сосредоточивали свои выстрѣлы только на то укрѣпленіе, на которое должна была направляться состоявшая при нихъ пѣхота.

Тридцать орудій 12-й артиллерійской бригады, дѣйствовавшихъ въ продолженіе 10-ти часовъ, отъ 6-ти утра до 4-хъ часовъ пополудни, выпустили 1,596 выстрѣловъ, въ томъ числѣ 162 выстрѣла картечныхъ, слѣдовательно каждое орудіе дѣлало въ часъ отъ 5-ти до 6-ти выстрѣловъ. Этотъ разсчетъ ясно показываетъ, что взводные офицеры производили пальбу съ правильною наводкою и тщательнымъ наблюденіемъ за дѣйствіемъ своего выстрѣла, имѣя въ виду сбереженіе снарядовъ, что, при тогдашнемъ составѣ крымской арміи, было крайне необхо-

димо. Хорошее состояніе лошадей и исправность аммуниціи дали дивизіону легкой № 6-го батареи возможность, не смотря на крутизну болѣе 30°, подняться, почти вмѣстѣ съ пѣхотою, на редутъ № 1 и остановить турецкіе батальоны, собиравшіеся для вторичной атаки. Атака англійской кавалеріи, веденная съ примѣрною быстротою и рѣшительностію, нисколько не засуетила дѣйствовавшую по ней легкую № 7-го батарею, успѣвшую произвесть двѣ очереди картечныхъ выстрѣловъ.

Точное исполненіе частными начальниками искусныхъ и опытныхъ распоряженій и увѣренность войскъ въ способностяхъ и распорядительности своего любимаго начальника были, разумѣется, главными причинами успѣха.

Когда войска, слѣдуя къ переправѣ черезъ Трактирный мостъ, проходили мимо генералъ-лейтенанта *Липранди* и бодро отвѣчали на его привѣтствіе и надежды на нихъ, тогда уже можно было ожидать успѣха, и, дѣйствительно, чтобы дать полное понятіе о правильности, рѣшительности и быстротѣ всѣхъ движеній чоргунскаго отряда, остается сказать, безъ всякаго преувеличенія, что войска исполняли всѣ построенія и атаки точно такъ же, какъ это многіе видали на маневрахъ подъ Варшавою ([1]).

Поручикъ **Н. Ушаковъ.**

ВОСПОМИНАНІЯ О БАЛАКЛАВСКОМЪ ДѢЛѢ 13-го ОКТЯБРЯ 1854 ГОДА.

(РАЗСКАЗЪ ОЧЕВИДЦА).

Послѣ альмскаго сраженія, князь *Меншиковъ*, въ ожиданіи подкрѣпленій, держался въ оборонительномъ положеніи. Нетерпѣливо, со дня на день, ожидались войска изъ княжествъ; каждый изъ насъ увѣренъ былъ, что съ приходомъ ихъ начнутся дѣйствія наступательныя; всякій горѣлъ желаніемъ побывать въ дѣлѣ!

([1]) «Артиллер. Журналъ» 1858 г. № 2.

Маршевой уланскій полкъ, въ которомъ я имѣлъ честь служить, стоялъ въ это время въ Байдарской долинѣ, наблюдая за татарами и препятствуя имъ перегонять къ непріятелю скотъ и доставлять ему фуражъ, въ которыхъ онъ очень нуждался. Полкъ занималъ разъѣзды, держалъ пикеты, вообще несъ самую трудную и скучную аванпостную службу. Онъ сформированъ былъ передъ высадкою союзниковъ въ Крымъ изъ резервовъ 1, 2. 3, 4, 5 и 6-й легкихъ кавалерійскихъ дивизій, по недостатку кавалеріи, которая почти вся находилась въ Молдавіи. Но такъ какъ изъ означеннаго полка только что отправлены были, по требованію главнокомандующаго, эскадроны для укомплектованія дѣйствующихъ полковъ, то намъ досталось лишь незначительное число старыхъ людей и коней; большинство же эскадроновъ состояло изъ рекрутъ годоваго срока службы: лошади были тоже молодыя; на нѣкоторыхъ изъ нихъ надѣты были, во время похода, въ первый разъ мундштуки.

Въ нашемъ полку обнаружилось вполнѣ, какъ важно пріученіе лошадей къ постоянныхъ трудамъ и неломаніе ихъ, неизбѣжно сопряженное съ утонченною выѣздкою. Съ самаго начала похода, до Николаева, куда до высадки непріятеля направленъ былъ нашъ полкъ, мы шли обыкновенными переходами съ дневками, такъ что люди и лошади пріучились къ труду постепенно. Въ Крыму же мы дѣлали походъ форсированно, безъ дневокъ, по 50 верстъ ежедневно. Не смотря на это, мы пришли на мѣсто не изнуренные; лошади были свѣжи и въ хорошемъ тѣлѣ, люди здоровы; вообще во все время нашего пребыванія въ Крыму, не было полка, гдѣ бы меньше нашего было больныхъ и больше быстрыхъ и въ хорошемъ тѣлѣ лошадей.

Аванпостную службу намъ приходилось нести по-дивизіонно, смѣняясь чрезъ каждыя двое сутокъ. Мы хорошо понимали, что, при востребованіи полка для дѣла, часть его непремѣнно должна будетъ остаться въ Байдарской долинѣ, и каждый изъ насъ ничего такъ не боялся, какъ остаться при этой части въ то время, какъ товарищамъ

придется побывать въ дѣлѣ. По этому мы шли на смѣну каждый разъ весьма неохотно.

Но вотъ наконецъ начинаютъ подходить давно ожидаемыя войска.

Закаленная въ бояхъ, 12-я пѣхотная дивизія, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта *Липранди*, пришла первая, въ полномъ составѣ, изъ Кишинева, совершивъ этотъ длинный путь по суворовски. Для русскаго солдата походъ ничего не значитъ; напротивъ, во время похода онъ здоровѣетъ и дѣлается веселѣе. И не мудрено — русскій мужикъ съ малолѣтства пріучается къ дальнимъ походамъ. Стоитъ посмотрѣть на нашихъ плотниковъ и каменьщиковъ, которые шагаютъ, какъ будто ни въ чемъ не бывало, тысячами верстъ.

12-го октября, утромъ, казакъ привезъ къ полковому командиру экстренный пакетъ. Съ непритворною радостью встрѣтили мы этого вѣстника, и проводили его до шалаша нашего храбраго начальника, покойнаго полковника *Еропкина*.

Мы чуяли, что онъ привезъ извѣстіе о предстоявшемъ боѣ, въ которомъ пришлось бы участвовать и намъ, и съ любопытствомъ ожидали подтвержденія нашихъ предположеній. Полковникъ не долго заставилъ себя ждать.

Чрезъ нѣсколько минутъ онъ былъ уже передъ нами съ радостнымъ лицомъ и отдалъ приказаніе сѣдлать лошадей, запастись на трое сутокъ фуражемъ, а всѣ хозяйственныя принадлежности и все лишнее отправить въ обозъ; при этомъ онъ объявилъ, что дежурный дивизіонъ останется на мѣстѣ. Это досталось на долю 2-го дивизіона, то есть маршевымъ эскадронамъ 4-й дивизіи.

Замѣчу мимоходомъ, что за два дня передъ этимъ, по болѣзни моего эскадроннаго командира, я былъ назначенъ командовать вторымъ эскадронамъ.

Выслушавъ приказанія, мы съ радостію побѣжали къ эскадронамъ. Солдаты суетились уже около лошадей.

Старые солдаты въ подобныхъ случаяхъ имѣютъ какое-то особенное чутье. Они толкуютъ между собою о походѣ или дѣлѣ прежде, чѣмъ знаетъ о томъ начальство.

У нихъ есть свои примѣты на разные случаи, которымъ они слѣпо довѣряютъ. Напримѣръ: если лошади днемъ ржатъ и ложатся, это означаетъ дальній походъ; если лошадь не ѣстъ и стоитъ съ поникшею головою — быть ей убитой; если она наканунѣ боя очень ласкается къ хозяину, быть ему убитымъ.

Я былъ самъ свидѣтелемъ, какъ сбывались иногда подобныя предвѣщанія.

Вечеромъ передъ боемъ я замѣтилъ, что одинъ старый солдатъ, уважаемый всѣмъ эскадрономъ, стоялъ передъ лошадью и горько плакалъ. Я подошелъ къ нему и спросилъ о причинѣ его слезъ: «Какъ, ваше благородіе, мнѣ не плакать», возразилъ онъ, «вѣдь моя Юнона завтра будетъ убита, торбу не ѣстъ и грустна стоитъ. Я на ней вотъ уже восьмой годъ ѣзжу; она ко мнѣ привязана; понимаетъ мои слова, никому не даетъ себя чистить, кромѣ меня. Завтра останусь я сиротою; и любить-то некого будетъ»!

Въ самомъ дѣлѣ, эта была самая бѣшеная лошадь во всемъ полку; она никому не позволяла подойти къ себѣ, но любила и слушала своего хозяина. Предчувствія старика сбылись: Юнона была убита.

Черезъ четверть часа послѣ приказанія, полкъ стоялъ въ порядкѣ, готовый двинуться. Солдаты прощались другъ съ другомъ и наказывали землякамъ о пересылкѣ къ ихъ роднымъ, въ случаѣ ихъ смерти, небольшихъ бывшихъ при нихъ денегъ.

Съ завистью, но и съ грустью, смотрѣли на насъ офицеры 2-го дивизіона: тяжело было разставаться со многими, можетъ быть навсегда, и какъ тяжело! Можетъ быть, слова мои не покажутся общимъ мѣстомъ для тѣхъ, которые имѣли случай видѣть тѣсное дружество, которымъ связано между собою общество офицеровъ въ кавалерійскихъ армейскихъ полкахъ.

Дѣйствительно, врядъ ли гдѣ развивается такъ товарищество, какъ въ армейскихъ полкахъ, гдѣ самыя обстоятельства тѣсно сближаютъ между собою однополчанъ. Стоянки наши, по большей части, куда какъ не привлекательны,

особенно въ поселеніяхъ, гдѣ эскадронъ отъ эскадрона отстоитъ иногда на довольно значительномъ разстояніи. Говорятъ, что человѣкъ, желающій развиться, всегда найдетъ средства достать книги и заниматься серьезно. Но не должно забывать, что для занятій нужно болѣе чѣмъ средства. Для этого необходимы еще и побужденія, и въ этомъ случаѣ одной скуки далеко не достаточно. Нельзя себѣ представить труда серьезнаго безъ какой нибудь опредѣленной, положительной цѣли, а потому одно только желаніе убить время не можетъ побудить человѣка къ ученымъ занятіямъ. Наконецъ, справедливость требуетъ сказать, что занятіе чтеніемъ иногда физически невозможно, по весьма простой причинѣ: гдѣ прикажете взять книгъ? Представьте себѣ, напримѣръ, что вы сидите въ деревнѣ, отъ которой ближайшій помѣщикъ находится въ 70 верстахъ, да при томъ осенью, когда нигдѣ нѣтъ проѣзда, и все ваше общество состоитъ изъ одного полуобразованнаго священника.

Въ полкахъ не всегда находятся библіотеки, а выписывать журналы нѣтъ средствъ. Читатель, можетъ быть, не повѣритъ мнѣ, что, при такихъ обстоятельствахъ, читается все, что попадается подъ руку, даже старыя газеты, и мало сказать читаются—двадцать разъ перечитываются!

Скука одиночества и бездѣйствія бываетъ такъ сильна, что даже рапортъ вахмистра составляетъ истинное развлеченіе. Онъ является передъ вами и говоритъ старую, стереотипную фразу, которую вы уже слышали нѣсколько лѣтъ сряду, постоянно произносимую въ одномъ и томъ же тонѣ: «въ эскадронѣ все обстоитъ благополучно». Вы пользуетесь этимъ случаемъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, съ полчаса предлагать ему вопросы, которые вамъ также давно извѣстны. Напримѣръ, въ родѣ того: «что, Асмодей потолстѣлъ»? «Потолстѣлъ, ваше благородіе! отчего не потолстѣть: кормъ вальяжный и вдоволь».

Такое совершенное одиночество, правда, составляетъ уже особенную невзгоду въ жизни армейскаго офицера. Но вообще хорошая обстановка его въ общественномъ от-

ношеніи -рѣдкость, и дается только въ удѣлъ немногимъ полкамъ. Въ большей части случаевъ все общество армейскаго офицера ограничивается тѣснымъ кружкомъ его полковыхъ товарищей. Съ ними онъ свыкается, дѣлитъ радость и горе. Мало по малу отношенія становятся самыя близкія. Однополчане составляютъ болѣе чѣмъ все *общество* армейскаго офицера — они составляютъ его *семью.*

Естественно, что такое близкое отношеніе тамъ только можетъ водвориться, куда не примѣшивается интересъ. И вотъ тайная разгадка этого славнаго полковаго товарищества, о которомъ каждый служившій въ арміи (я говорю о кавалеріи, въ которой имѣлъ честь служить) выносилъ такое пріятное воспоминаніе на всю жизнь. Въ армейскомъ полку все идетъ обыкновеннымъ, невозмутимымъ порядкомъ. Понятно, что мы не равнодушно разставались съ своими однополчанами передъ боемъ, и съ теплымъ чувствомъ пожимали другъ другу руки.

Но прошу извиненія, если я, можетъ быть неумѣстно, распространился объ этомъ. Повторяю: каждый служившій въ арміи выноситъ изъ тѣснаго, радушнаго кружка своихъ полковыхъ товарищей столько пріятныхъ воспоминаній, что читатель не долженъ удивляться, если, коснувшись этой струны, я отвлекся нѣсколько отъ своего предмета. Струна эта такъ живо затрогиваетъ сердце каждаго армейскаго офицера!...

Полкъ не долго дожидался. Раздалась команда: «справа по шести», и эскадроны, дружно вытянувшись одинъ за другимъ и вышедъ изъ Байдарской долины, пошли по узкой дорогѣ, ведущей къ долинѣ Черноречѣнской, ограниченной съ одной стороны высокими горами, а съ другой глубокимъ оврагомъ, за которымъ, на возвышеніяхъ, расположены были небольшіе непріятельскіе кавалерійскіе пикеты. Досадно бываетъ видѣть непріятеля, и не имѣть возможности съ нимъ сцѣпиться. «Глазъ видитъ, да зубъ неймётъ». Это, впрочемъ, нерѣдко приходится испытывать кавалеристу, во время разъѣздовъ. Правда, досада наша умѣрялась нѣсколько надеждою на скорую встрѣчу съ непріятелемъ, въ которой мы надѣялись ему отомстись за

прежнія наши неудачи. Особенное желаніе имѣли всѣ схватиться съ англійской кавалеріею, столь извѣстною своими бѣшеными атаками и хладнокровною рубкою.

Путь былъ недалекій, и мы скоро пришли въ долину Черной рѣчки, гдѣ увидѣли расположенную на бивуакахъ, на берегу рѣки, пѣхоту. Это была 12-я пѣхотная дивизія. Адъютантъ главнокомандующаго привезъ намъ приказаніе остановиться тутъ же, и расположиться бивуакомъ, въ ожиданіи дальнѣйшихъ приказаній. И такъ, не остается ни малѣйшаго сомнѣнія. Здѣсь сосредоточиваются войска для нападенія на непріятеля. Бой будетъ!

Въ самое короткое время коновязи были разбиты, лошади разсѣдланы, и часть солдатъ пошла отъискивать земляковъ между пѣхотинцами. Офицеры послѣдовали ихъ примѣру, и спѣшили свести знакомство съ героями дунайской арміи.

Знакомство между военными при такихъ обстоятельствахъ дѣлается очень скоро. Черезъ полчаса мы всѣ уже были на пріятельской ногѣ съ офицерами 12-й дивизіи и дружно бесѣдовали съ ними, истощаясь въ предположеніяхъ о предстоявшемъ дѣлѣ. Пѣхотные офицеры поразсказали намъ кое что о своихъ походахъ и о дѣлахъ, въ которыхъ они участвовали на Дунаѣ. Не безъ зависти слушали мы ихъ разсказы, но утѣшались тѣмъ, что много черезъ день и намъ будетъ кое-что поразсказать.

Мало по малу къ намъ стали подходить и другія войска; ночью прибыли: 2-я бригада 6-й легкой кавалерійской дивизіи и Уральскій казачій полкъ. Всего сосредоточилось 16 баталіоновъ, 22 эскадрона, 8 сотенъ казаковъ при 52 орудіяхъ.

Вечеромъ узнали мы диспозицію къ предстоявшему бою. Вотъ въ краткихъ словахъ ея содержаніе: войска, подъ общимъ начальствомъ генерала *Липранди*, должны были двинуться противъ непріятеля двумя колоннами. Правая главная колонна, подъ начальствомъ генералъ-маіора *Семякина* (въ составѣ $16^1/_2$ баталіоновъ, 22 эскадроновъ и 2 казачьихъ полковъ, съ 52 орудіями), должна была направиться къ Кадыкіою. Лѣвая колонна (5 баталіоновъ, 6

эскадроновъ и одна сотня казаковъ, съ 10 орудіями), подъ начальствомъ генерала-маіора *Гриббе*—чрезъ Байдарскую долину къ Комарамъ, для обезпеченія лѣваго фланга главныхъ силъ отъ обхода. Въ то же время генералъ-маіоръ *Жабокритскій*, съ отрядомъ въ $7^1/_2$ баталіоновъ, 2 эскадрона и 2 казачьи сотни, долженъ былъ выступить изъ окрестностей Инкермана и, направясь вверхъ по рѣкѣ Черной, обезпечить движенія генерала *Липранди* съ праваго фланга.

И такъ, цѣль нашихъ дѣйствій — произвести нападеніе на союзниковъ со стороны Кадыкіоя и Балаклавы, двухъ пунктовъ, защищаемыхъ англичанами.

Бивуакъ нашъ находился у селенія Чоргунъ, на правомъ берегу рѣки Черной, и упирался лѣвымъ флангомъ въ селеніе Карловку, а правымъ въ Трактирный мостъ. Вечеръ былъ тихій и прекрасный, весьма обыкновенный въ осеннее время въ Крыму. По всей долинѣ разложены были костры, около которыхъ сидѣли офицеры, въ самыхъ живописныхъ группахъ, большею частью за самоваромъ, вѣчнымъ спутникомъ дорожной и походной жизни. Громкій смѣхъ раздавался далеко вокругъ; нѣкоторые, не столь беззаботные, тихо бесѣдовали между собою и дѣлали различныя распоряженія: сжигали письма, которыхъ не желали, въ случаѣ смерти, видѣть въ рукахъ постороннихъ, и писали духовныя завѣщанія. Теперь смѣшно вспомнить о многомъ, что тогда не поражало никого и казалось въ порядкѣ вещей. Что, подумаешь, за духовная для того, который не имѣетъ ничего, кромѣ вальтрапа, двухъ форменныхъ сюртуковъ и самовара, а между тѣмъ духовныя завѣщанія писались очень усердно.

Тамъ, около лѣска, ища уединенія, разсѣлось нѣсколько юношей, которые, въ пылу дружеской бесѣды, среди воспоминаній прошедшаго и мечтаній о предстоящемъ боѣ, забывали о покоѣ, который не безполезенъ передъ дѣломъ; другіе, какъ бы въ противоположность этой тревожной мечтательности, завернувшись въ бурки или шинели, спали крѣпкимъ сномъ, не заботясь о завтрашнемъ дѣлѣ. Тамъ вдали, въ полумракѣ, около лѣса, освѣщеннаго отблескомъ

разложенныхъ костровъ, виднѣлись коновязи, подлѣ которыхъ кучами сидѣли солдаты. Они группировались всегда около старыхъ служивыхъ, и съ живымъ любопытствомъ вслушивались въ ихъ разсказы о битвахъ, о первомъ впечатлѣніи, производимомъ свистомъ пуль, и о многомъ другомъ, что каждому предстояло испытать самому чрезъ нѣсколько часовъ. Нѣкоторые солдаты, менѣе любопытные, или, можетъ быть, болѣе заботливые, суетились около лошадей. Какъ то таинственно блистали штыки на ружьяхъ, посеребреные едва мерцающимъ огонькомъ потухающихъ костровъ.

Но вотъ постепенно все стихаетъ; воцаряется глубокое молчаніе, прерывавмое только ржаніемъ лошадей, бряцаніемъ оружія дежурныхъ и тихимъ шопотомъ незаснувшихъ.

Непродолжительно было это молчаніе. Скоро зардѣлась заря; лагерь постепенно началъ просыпаться. Солдаты хлопотали около лошадей и оружія, старые служивые надѣвали чистое бѣлье, хранящееся у нихъ всегда въ запасѣ, какъ у людей, каждую минуту готовыхъ на смерть; другіе молились, и молились отъ всей души; начальники хлопотали около своихъ частей.

По данному сигналу, пѣхота взялась за ружья и стала выстраиваться; кавалеристы садились на лошадей; артиллеристы брали на перекидки орудія.

Но вотъ послѣдовало приказаніе двинуться, и войска начали наступать, согласно данной диспозиціи.

Колонны шли въ глубокой тишинѣ; даже лошади не ржали, какъ будто опасаясь пробудить вниманіе непріятеля.

Послѣ не болѣе получасоваго движенія мы очутились передъ непріятельскою позиціею. Она пролегала по самой Воронцовской дорогѣ, вдоль высотъ, господствовавшихъ надъ мѣстностью.

Высоты эти были усилены четырьмя редугами, которые, прикрывая дорогу, составляли первую линію полевыхъ сооруженій предъ Балаклавою.

Какъ ни далеки были мы, армейскіе офицеры, отъ

вѣрной оцѣнки военныхъ событій того времени, но мы ясно понимали, что положеніе союзниковъ въ это время въ Крыму было далеко не блестящее. Мы понимали, что медленность, обнаруженная ими передъ Севастополемъ, лишила ихъ всѣхъ преимуществъ, которыя могла бы доставить имъ побѣда при Альмѣ, и что они перешли изъ положенія наступательнаго въ оборонительное. Мы считали это положеніе не только затруднительнымъ, но и безвыходнымъ. Особенно трудную задачу взяли на себя англичане. Будучи на правомъ флангѣ расположенія союзниковъ, они должны были, въ одно и тоже время, вести подступы къ Севастополю и озаботиться обезпеченіемъ себя съ тыла и фланга. Для всего этого они имѣли въ своемъ распоряженіи не болѣе 25,000 человѣкъ; съ этими силами нужно было защищать линію укрѣпленій, построенную ими вдоль цѣпи высотъ отъ Инкермана до Балаклавы, на протяженіи 16 верстъ.

На оборону Балаклавы, какъ пункта, потеря котораго могла нанести рѣшительный ударъ союзникамъ, обращено было, разумѣется, особенное вниманіе.

Впереди Балаклавы, англійскіе инженеры построили укрѣпленный лагерь едвали не на 30,000 человѣкъ. Кромѣ того, они предприняли построить кругомъ лагеря на высотахъ, такъ сказать опоясывавшихъ Балаклаву, цѣпь редутовъ.

Неизвѣстно, въ какихъ размѣрахъ предполагалось совершить эти сооруженія, но четыре редута, весьма тѣсные, не доставлявшіе другъ другу взаимной фланговой обороны, были готовы въ то время, какъ мы приступали къ непріятельской позиціи; но они не окончательно были еще вооружены и заняты нѣсколькими сотнями турокъ, которымъ придали англійскихъ офицеровъ и артиллеристовъ. Эти укрѣпленія выступали изъ общей линіи укрѣпленій непріятеля, и сюда то готовился нанести ударъ генералъ *Липранди*.

Какъ мы замѣтили уже выше, каждый изъ насъ инстинктивно понималъ, что положеніе союзниковъ, не смотря на одержанный ими перевѣсъ, вовсе не блестящее. Пред-

шествовавшія неудачи не произвели въ войскахъ упадка духа; напротивъ, возбудили живѣйшее желаніе отметить врагамъ, и можно сказать, что духъ въ войскахъ былъ отличный. Мы носили въ себѣ увѣренность въ несомнѣнномъ торжествѣ надъ непріятелемъ.

Наша колонна (подъ начальствомъ генералъ-маіора *Гриббе*) прежде всѣхъ достигла своего назначенія. Полсотни казаковъ, поддержанныхъ эскадрономъ уланъ (маршеваго Бугскаго уланскаго полка), бросились на стоявшій у монастыря св. Іоанна (Іоанна Постнаго) непріятельскій пикетъ и заставили его быстро отступить. Одновременно съ этимъ, наша пѣхота оттѣснила непріятельскіе аванпосты у селенія Комары и заняла его штуцерными. Артиллерія расположилась по гребню возвышенія, готовая вспомоществовать войскамъ правой колонны, на которыхъ была возложена атака редутовъ. Занятіемъ своей позиціи, генералъ *Гриббе* вполнѣ обезпечивалъ лѣвый флангъ главныхъ силъ.

Когда часть пѣхоты и артиллерія, находившаяся подъ начальствомъ генералъ-маіора *Семякина*, развернулась передъ фронтомъ непріятельской позиціи съ сѣверной стороны Воронцовской дороги, нашъ полкъ, въ составѣ 3-хъ эскадроновъ, примкнулъ къ лѣвому ихъ флангу.

Первая линія пѣхоты выстроилась въ ротныхъ колоннахъ, вторая въ колоннахъ къ атакѣ, кавалерія въ эскадронныхъ колоннахъ. Стрѣлковый батальонъ и штуцерные всѣхъ полковъ разсыпались въ кустарникахъ, впереди непріятельской позиціи.

Грозно рисовались передъ нами редуты. Мы несомнѣвались, что они должны будутъ намъ достаться и падутъ при первомъ натискѣ, но опасались, чтобы все дѣло не ограничилось этимъ занятіемъ, при которомъ кавалеріи, конечно, нечего было дѣлать.

Когда все было готово къ бою, генералъ *Липранди* объѣхалъ со своею свитою войска, и, обращаясь къ своей дивизіи, выразилъ надежду, что она будетъ драться такъ же храбро, какъ и на Дунаѣ. Онъ прибавилъ, что не сомнѣвается въ успѣхѣ нашего оружія. Ничто не возбуждаетъ въ такой степени мужества и рѣшимости, какъ увѣренность

въ успѣхѣ. Это каждый военный навѣрное не разъ испытывалъ на себѣ и это правило сохраняетъ свою силу и въ отношеніи къ цѣлымъ массамъ войскъ. Замѣчу мимоходомъ, что ничто такъ легко не передается нашему солдату, какъ эта увѣренность. Генералъ *Липранди* своими краткими словами вполнѣ наэлектризовалъ свой отрядъ. Солдаты неумолкаемымъ «ура» отвѣчали на слова своего любимаго начальника. Это не былъ тотъ кликъ, который такъ протяжно и ровно раздавался на ученьяхъ; это былъ кликъ, предвозвѣстникъ побѣды, естественно вырвавшійся изъ могучей груди нашего богатыря-солдата.

Нашъ полкъ находился въ центрѣ второй линіи, что давало ему возможность быть свидѣтелемъ всего хода сраженія и оцѣнить мужество нашей пѣхоты, столь блестящимъ образомъ обнаружившееся при этомъ случаѣ.

Въ восьмомъ часу, генералъ *Семякинъ* двинулъ свою пѣхоту на приступъ редута № 1. Азовцы, подъ начальствомъ полковника *Криднера*, стройно двинулись впередъ въ ротныхъ колоннахъ. Мѣткій артиллерійскій и штуцерный огонь непріятеля не поколебалъ ихъ. Офицеры были впереди и подавали блистательный примѣръ неустрашимости. Солдаты шли, не обращая вниманія на артиллерійскій и ружейный огонь. При всякой убыли они смыкались какъ на ученьѣ. Но вотъ въ стройной массѣ доходятъ они до подошвы горы. Далѣе уже нельзя соблюсти прежнюю стройность. Раздается протяжный кликъ «ура» и крутизна покрывается густою толпою взбирающихся на нее солдатъ. При такой быстрой, смѣлой атакѣ, успѣхъ не могъ быть долго сомнителенъ. Солдаты наши взбираются на самое укрѣпленіе и, какъ шмели, облѣпили его! Многіе уже на валу, многіе проникаютъ въ амбразуры... Значительная часть спустилась въ укрѣпленія. Напрасно англійская батарея, выѣхавъ между редутами № 1 и № 2, открыла огонь во флангъ нашимъ войскамъ; наши штуцерные заставили ее отступить

Успѣшное овладѣніе редутомъ № 1 рѣшило дѣло въ нашу пользу.

Турки, занимавшіе редуты № 2 и № 3, едва увидѣвъ

направленныя на нихъ войска праваго крыла, поспѣшно обратились въ бѣгство. Далеко отъ насъ, на оконечности праваго крыла нашего, полковникъ *Скюдери*, съ Одесскимъ егерскимъ полкомъ, овладѣлъ между тѣмъ и редутомъ № 4-го (оставленный въ слѣдъ за тѣмъ по приказанію генерала *Липранди*, какъ пунктъ, слишкомъ отъ насъ отдаленный).

Между тѣмъ, почти въ самомъ началѣ сраженія, шотландскій полкъ, единственное находившееся по близости атакованнаго пункта непріятельское войско, встревоженный нашимъ нападеніемъ, расположился впереди селенія Кадыкіой, на главномъ пути наступленія нашихъ войскъ Турки, бѣжавшіе съ редутовъ, примкнули къ его флангамъ. Нѣсколько спустя, на лѣвомъ флангѣ шотландцевъ расположилась англійская кавалерійская дивизія *Лукана*. Появленіе англійской кавалеріи насъ обрадовало: мы надѣялись, что надежда наша сразиться съ нею сбудется.

Читатель могъ замѣтить изъ представляемаго мною очерка, что я вовсе не имѣю въ виду входить въ подробный разборъ балаклавскаго дѣла, а желаю только передать ему то, чему самъ былъ очевиднымъ свидѣтелемъ. Я позволяю себѣ выдти изъ роли очевидца только тамъ, гдѣ это необходимо для соблюденія общей связи въ описаніи сраженія, которую я считаю себя не вправѣ нарушить.

Послѣ непродолжительнаго бездѣйствія, послѣдовавшаго за занятіемъ редутовъ, генералъ-лейтенантъ *Рыжовъ*, начальникъ кавалеріи нашего отряда, получилъ приказаніе произвести атаку съ Лейхтенбергскимъ и Веймарскимъ гусарскими, Уральскимъ казачьимъ полками и съ конною № 12-го батареею.

Кавалерія наша, пройдя чрезъ перевалъ между редутомъ № 3-го и № 4-го, спустилась въ долину. Отдѣливъ часть казаковъ впередъ, генералъ-лейтенантъ *Рыжовъ* съ гусарами слѣдовалъ за ними. Казаки направились на шотландцевъ, стоявшихъ на склонѣ высотъ, возлѣ лагеря, и обхватили ихъ съ обоихъ фланговъ. Непріятельская артиллерія встрѣтила ихъ картечью, а шотландскіе стрѣлки, взобравшись на возвышеніе, хладнокровно подпустили ихъ къ се-

бѣ на вѣрный выстрѣлъ и тогда только открыли губительный огонь. Ошеломленные казаки были опрокинуты, но, оправившись, бросились снова въ атаку, которая была также неудачна, какъ и въ первый разъ. Между тѣмъ наши гусары стройно подвигались впередъ и, несмотря на огонь артиллеріи, стали выстраиваться. Въ первой линіи развернулся Веймарскій полкъ, имѣя шесть эскадроновъ развернутыхъ, по флангамъ 4 орудія, а въ прикрытіи ихъ по эскадрону въ колоннѣ. Во второй линіи были Лейхтенбергцы въ колоннахъ къ атакѣ.

Генералъ-лейтенантъ *Рыжовъ* обнаружилъ при этой атакѣ свою обычную неустрашимость и хладнокровіе. Подобно *Мюрату*, несся онъ впереди своей кавалеріи, не обнажая сабли. Огонь артиллеріи не остановилъ гусаръ и казаковъ, ободряемыхъ примѣромъ своего старика-начальника. Бригада тяжелой кавалеріи, подъ начальствомъ *Скарлета*, двинулась имъ на встрѣчу, но движеніе ея было замедлено пересѣченною мѣстностью поля, заросшаго виноградниками.

Тогда генералъ *Скарлетъ* подкрѣпилъ свою кавалерію двумя гвардейскими полками. Эти свѣжія войска обхватили нашихъ гусаръ съ обоихъ фланговъ. Въ то же время кавалерія наша была обсыпана картечью и пулями. Она не выдержала и быстро отступила.

Схватка эта не обошлась безъ геройскихъ подвиговъ. Храбрый ротмистръ *Хитрово*, командиръ 1-го эскадрона Веймарскаго полка, раненный пулею и нѣсколькими сабельными ударами и окруженный непріятелемъ, дрался отчаянно. Эскадронъ бросился на выручку своего любимаго начальника, но ротмистръ *Хитрово*, видя неизбѣжную гибель своихъ людей, приказалъ имъ воротиться. Уже спѣшенный, онъ продолжалъ драться, пока не палъ подъ ударами непріятеля. Вотъ другой эпизодъ, характеризующій русскаго солдата; лошадь подъ генералъ-лейтенантомъ *Рыжовымъ* была убита пулею во время схватки. Плохо приходилось храброму начальнику, но самоотверженіе унтеръ-офицера Веймарскаго полка спасло его отъ неизбѣжнаго плѣна; храбрецъ слѣзъ съ лошади и отдалъ ее командиру.

Самъ же, снявъ съ убитой генеральской лошади сѣдло, поймалъ непріятельскаго коня, разсѣдлалъ, надѣлъ на него генеральское, и ускакалъ. Присоединясь къ полку, онъ отдалъ спасенное имъ сѣдло по принадлежности. Когда его спросили: зачѣмъ не оставилъ онъ его на убитой лошади?—онъ отвѣчалъ:

— Вотъ-те на! Развѣ можно оставить у непріятеля въ рукахъ генеральское сѣдло?

Уланскій полкъ между тѣмъ стоялъ, какъ выше было упомянуто, около Воронцовской дороги, почти противъ кадыкіойскихъ высотъ. Ординарецъ генералъ-лейтенанта *Липранди*, не понявъ приказанія, отданнаго ему, подъѣхалъ къ полку и сказалъ полковому командиру, что генералъ велѣлъ идти впередъ, для поддержанія гусаръ. Насъ удивило это приказаніе. Мы понимали очень хорошо, что, исполняя его, намъ пришлось бы встрѣтить отступающихъ гусаръ, которые могли бы смять и разстроить насъ до встрѣчи съ непріятелемъ. Но приказаніе дано; разсуждать не велѣно, да и не всегда возможно. Мы развернули эскадроны въ одну линію и пошли прибавленною рысью. Замаскированная непріятельская батарея выѣхала намъ навстрѣчу и, снявшись съ передковъ, обсыпала насъ картечью.

Генералъ - лейтенантъ *Липранди*, увидавъ съ редута № 1-го, гдѣ онъ тогда находился, наше движеніе, и понимая ужасное положеніе, которому мы подвергались, послалъ адъютанта съ приказаніемъ немедленно вернуться на прежнее мѣсто. Къ счастію, мы получили это приказаніе еще во-время, иначе, вырывающіеся кучами изъ схватки гусары наскочили бы на насъ и произвели бы страшный безпорядокъ. Повернувъ на лѣво кругомъ, мы пошли большой рысью на прежнее мѣсто, гдѣ построились опять въ колонну. Бригада Скарлета, совершивъ свое дѣло, также отошла назадъ. Отрядъ генерала *Жабокритскаго* примкнулъ между тѣмъ къ нашему правому флангу.

При первыхъ выстрѣлахъ, въ семь съ половиною часовъ, лордъ *Рагланъ* и *Канроберъ* прибыли на мѣсто сраженія. *Боске* поставилъ весь свой корпусъ подъ ружье и

и велѣлъ одной бригадѣ спуститься съ высотъ, чтобы служить связью между англійскими и французскими войсками. *Лордъ Рагланъ* приказалъ усилить свой лѣвый флангъ и подойти резервамъ.

Генералъ-лейтенантъ *Липранди*, угадывая намѣреніе непріятеля произвести наступленіе, призналъ необходимымъ сдѣлать нѣкоторыя измѣненія въ расположеніи войскъ и усилить свой правый флангъ. Пѣхота по прежнему заняла высоты. Правый флангъ, расположенный уступами назадъ, составлялъ съ фронтомъ позиціи нашей почти прямой уголъ. Онъ состоялъ изъ Одесскаго егерскаго полка съ 8 орудіями. Мы были также переведены съ лѣваго фланга на правый и расположились между редутами № 2-го и № 3-го. Въ долинѣ, раздѣляющей кадыкіойскія высоты отъ Ѳедюхиныхъ горъ, гдѣ стоялъ генералъ *Жабокритскій*, находилась гусарская бригада и Уральскій полкъ.

Гусары и уральцы были построены слѣдующимъ образомъ: уральцы стояли впереди, около возвышеній, правѣе ихъ донская батарея, имѣя по флангамъ, для прикрытія, по дивизіону Веймарскаго полка въ колоннѣ къ атакѣ; сзади ея остальные два дивизіона; за веймарцами, въ развернутомъ фронтѣ, лейхтенбергцы.

Лордъ Рагланъ рѣшился атаковать правый флангъ нашъ и, съ этою цѣлью, двинулъ впередъ легкую кавалерію (бригаду Кардигана), которая не принимала участія въ схваткѣ съ гусарами. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ просилъ *Канробера* подержать его атаку.

Здѣсь произошло одно изъ тѣхъ недоразумѣній, которыя такъ часто случаются въ пылу боя: капитанъ *Поланъ* адъютантъ генералъ-квартирмейстера, привезъ лорду *Лукану* такого рода письменный приказъ: «Лордъ *Рагланъ* поручаетъ выдвинуться впередъ, препятствовать непріятелю увозить орудія съ редута и атаковать русскую кавалерію. Возьмите съ собою конную батарею. Васъ съ лѣва поддержатъ африканскіе егеря».

Отдано ли было дѣйствительно лордомъ *Рагланомъ* приказаніе атаковать нашу кавалерію, или слова его не такъ были поняты — не извѣстно! Не входя въ разборъ этого

дѣла, мы замѣтимъ только, что недоразумѣніе это имѣло гибельныя слѣдствія для англійской кавалеріи.

Кардиганъ ужаснулся этого приказанія; онъ понималъ все безвыходное положеніе, которому долженъ былъ подвергнуться при атакѣ. И въ самомъ дѣлѣ: ему приходилось идти подъ перекрестными выстрѣлами нашей артиллеріи и стрѣлковъ; за тѣмъ, разстроенному отъ непріятельскихъ выстрѣловъ, надлежало встрѣтить атаку русской кавалеріи. Но дѣлать было нечего. Онъ повелъ бригаду, и, обогнувъ редутъ № 4-го, выстроилъ войско въ долинѣ, въ двѣ колонны, и продолжалъ движеніе. Отважные англичане неслись быстро за своимъ начальникомъ. Русскіе встрѣтили ихъ картечью, а пѣхота, свернувшись въ каре,—батальнымъ огнемъ. Англичанъ ничто не могло остановить, ни картечь, вырывавшая цѣлые ряды солдатъ, ни пули, летавшія около нихъ какъ мухи: они двигались быстро впередъ. Казаки наши, видя стройнаго непріятеля, несущагося на нихъ, не выдержали, — повернули на лѣво кругомъ, начали стрѣлять по своимъ, смяли веймарцевъ, прикрывавшихъ артиллерію, и произвели въ рядахъ ихъ страшную суматоху. Разстроенные веймарцы бросились назадъ, сбили лейхтенбергцевъ, и вся наша кавалерійская линія начала быстро отступать. Храбрые офицеры старались остановить солдатъ, но тщетно; толчекъ былъ данъ; не оставалось никакихъ средствъ возстановить порядокъ. Нѣкоторые изъ офицеровъ бросились-было впередъ, но поплатились за свою отвагу жизнію; въ числѣ прочихъ погибъ здѣсь храбрый полковникъ *Войниловичъ*. Генералъ-лейтенантъ *Рыжовъ* отступилъ одинъ изъ послѣднихъ; онъ искалъ смерти, зная, что отвѣтственность въ неуспѣхѣ падетъ на него. Конечно, не въ недостаткѣ мужества можно было обвинить доблестнаго воина. Единственное, что можетъ быть поставлено ему въ вину, это ошибочное расположеніе казаковъ, которыхъ онъ поставилъ въ первой линіи.

Англичане, не смотря на картечный огонь донской артиллеріи, наскочили на батареи; артиллеристы, видя невозможность взять съ собою орудія, отступили съ пе-

редками. Непріятель, загвоздивъ нѣсколько орудій и думая при обратномъ пути ихъ захватить, продолжалъ движеніе далѣе, напалъ на отступающихъ гусаръ, рубилъ ихъ безпощадно и чисто насѣдалъ на плечи. Преслѣдуемые гусары неслись къ Чернорѣченской долинѣ; имъ приходилось переправляться черезъ рѣчку, на которой былъ только одинъ мостъ; дойдя до моста, они всѣ разомъ хотѣли на него броситься. Тутъ началась страшная суматоха: артиллеристы (конная № 12-й батарея и передки донской батареи) страшась попасть въ руки непріятеля, напрягали всѣ свои усилія и прорвались чрезъ безпорядочную толпу. Гусары дрались около моста отчаянно, но, приведенные уже въ разстройство въ началѣ дѣла, не могли придти въ порядокъ и, среди ожесточенной рубки мало по малу отступали по слѣдамъ артиллеріи. Англичане преслѣдовали ихъ почти до обоза.

Тогда Уланскій полкъ, находившійся между редутомъ №№ 2-го и 3-го, получилъ приказаніе двинуться впередъ и атаковать непріятеля при его отступленіи. Это извѣстіе насъ обрадовало. Наконецъ, и до насъ дошла очередь,—и мы изъ простыхъ зрителей становились дѣйствующими лицами.

Дивизіонеръ, маіоръ *Тиньковъ*, за отсутствіемъ полковаго командира полковника *Еропкина*, отозваннаго предъ тѣмъ къ начальнику отряда, скомандовалъ «направо» и мы, заѣхавъ лѣвымъ плечомъ, пошли на большихъ рысяхъ, вдоль линіи нашей пѣхоты. Одинъ изъ батальоновъ Одесскаго полка, принявъ насъ за непріятеля, по той, причинѣ, что мы были на разномастныхъ лошадяхъ (тогда какъ русскіе кавалерійскіе полки бываютъ обыкновенно одномастные), свернулся въ каре и открылъ по насъ батальный огонь. Мы кричали изо всей силы, чтобы дать имъ замѣтить ихъ ошибку, но они не переставали стрѣлять; въ рядахъ нашихъ началъ раздаваться ропотъ и говоръ объ измѣнѣ. Къ счастію, батальонный командиръ замѣтилъ скоро свою ошибку и прекратилъ огонь. Мы потеряли отъ этого недоразумѣнія трехъ лошадей убитыми и двухъ солдатъ ранеными. Дойдя до дороги, ведущей къ

Мекензіевой горѣ, мы остановились, и, повернувъ во фронтъ, начали развертываться. Непріятель, кончившій преслѣдованіе гусаръ, отступалъ. Никогда нельзя лучше оцѣнить кавалерію, какъ при отступленіи, послѣ удачной атаки, въ виду непріятеля. Нужно отдать справедливость англичанамъ: они представляли верхъ совершенства въ этомъ отношеніи и шли на рысяхъ въ порядкѣ, какъ на ученьѣ.

1-й эскадронъ нашего полка, подъ начальствомъ ротмистра *Вержбицкаго*, повернувъ направо, а потомъ во фронтъ, первый стремительно бросился на непріятеля; затѣмъ очистился фронтъ моего эскадрона, и я повелъ его прямо впередъ; 3-й эскадронъ, подъ начальствомъ маіора *Лавреніуса*, повернулъ налѣво и послѣдовалъ за нами. Но еще въ самомъ началѣ построенія, храбрый корнетъ *Астафьевъ*, взводный командиръ моего эскадрона, бросился одинъ на приближавшагося непріятеля и врѣзался въ голову его колонны. Хотя въ этомъ дѣйствіи было нарушеніе дисциплины, но геройскій подвигъ *Астафьева* служилъ еще большимъ возбужденіемъ энергіи въ рекрутахъ, изъ которыхъ былъ составленъ нашъ полкъ. Я только что успѣлъ скомандовать въ атаку, какъ четвертый взводъ, въ которомъ состоялъ *Астафьевъ*, бросился впередъ и, перегнавъ прочіе, поспѣшилъ на выручку своего любимаго командира.

Непріятель былъ ошеломленъ нашимъ появленіемъ, котораго онъ никакъ не ожидалъ. Наша атака была вполнѣ фланговая, и, слѣдовательно, гибельная для кавалеріи. Быстро врѣзались наши храбрые уланы въ англійскую колонну. Началась отчаянная рубка. Наша пѣхота и артиллерія открыли въ это время огонь. Нужно сознаться, впрочемъ, что мы терпѣли отъ него, по крайней мѣрѣ, столько же, какъ и непріятель, такъ что большая часть нашихъ лошадей была ранена и убита пулями своихъ. Англичане дрались удивительно храбро, даже спѣшенные и раненые не хотѣли сдаваться и продолжали отбиваться, какъ говорится, до послѣдней капли крови.

Колонна ихъ была почти совершенно уничтожена; мало кто изъ непріятелей вернулся въ лагерь. Мы преслѣдо-

вали ихъ почти до 4-го редута. Въ это время полковникъ *Еропкинъ*, по приказанію генералъ-лейтенанта *Липранди*, спѣшилъ догнать полкъ, но по дорогѣ былъ атакованъ тремя англичанами; одного онъ убилъ выстрѣломъ изъ пистолета, съ другимъ схватился вѣстовой его унтеръ-офицеръ *Муха*, съ третьимъ *Еропкинъ* справился чисто по русски: не успѣвъ схватиться за саблю, онъ ударилъ англичанина кулакомъ въ лицо, и когда тотъ упалъ на шею лошади, то храбрый полковникъ нанесъ ему еще ударъ въ високъ, который окончательно ошеломилъ его. Послѣ этого подвига, *Еропкинъ* присоединился къ полку и хладнокровно распоряжался во все остальное время боя.

Собравшись опять около дороги на Мекензіеву гору, мы стояли развернутыми въ линію и дожидали приказанія слѣзать съ лошадей, предполагая, что покончили совсѣмъ съ непріятелемъ.

Вдругъ показалась вдали пыль, а за нею масса кавалеріи. По отдаленности нельзя было разобрать, были ли то наши или непріятель. По мѣрѣ приближенія колонны мы увидѣли, что къ намъ неслись гусары въ черныхъ ментикахъ, шитыхъ золотомъ, на темныхъ лошадяхъ, точь въ точь какъ наши лейхтенбергцы. Подъѣхавшій къ намъ офицеръ генеральнаго штаба увѣрилъ насъ къ тому же, что это были дѣйствительно лейхтенбергцы, идущіе къ намъ на подкрѣпленіе. Колонна была уже очень недалеко отъ насъ, когда мы увидѣли, что предположенія наши были ошибочны: то была другая непріятельская колонна, отступавшая въ слѣдъ за первою.

Нигдѣ такъ не важно воспользоваться благопріятнымъ моментомъ, какъ въ кавалеріи, гдѣ потеря удобной минуты бываетъ въ полномъ смыслѣ невознаградима. Мы упустили такую удобную минуту. Нѣсколько секундъ ранѣе, и мы могли стать на пути отступленія непріятеля, и, бросившись въ атаку, опрокинуть его назадъ на нашихъ гусаръ. Такимъ образомъ, мы поставили бы его между двухъ огней, и забрали бы живьемъ всю колонну. Теперь это было уже поздно, и, чтобы атаковать непріятеля, намъ пришлось сдѣлать большой заѣздъ.

Этотъ разъ мы встрѣтились съ непріятелемъ лицомъ къ лицу. Долгое время не подавалась ни та, ни другая сторона. Англичане дрались отчаянно. Они знали, что имъ одно спасеніе—пробиться. Мало кому однако же это удалось.

Послѣ весьма непродолжительной схватки, большая часть англичанъ была убита или тяжело ранена. Только весьма немногіе всадники, спасшіеся отъ общаго истребленія, неслись по открытой равнинѣ, преслѣдуемые уланами.

Преслѣдованіе составляетъ особый родъ дѣйствій кавалеріи. Здѣсь, догнавъ непріятеля, кавалеристъ дерется въ одиночку, хладнокровно: это своего рода дуэль. Кромѣ чувства самосохраненія, здѣсь дѣйствуетъ еще и самолюбіе. Каждому хочется быть побѣдителемъ, выказать удальство.

Первые спасшіеся отъ общей гибели были лордъ *Кардиганъ* и адъютантъ его; нѣсколько офицеровъ и солдатъ бросились ихъ преслѣдовать. Адъютантъ былъ скоро догнанъ и убитъ, но у лорда *Кардигана* лошадь была быстрѣе молніи: вотъ, кажется, догонятъ его: еще скачекъ, и онъ въ нашихъ рукахъ; не тутъ-то было: едва *Кардиганъ* дастъ шпоры лошади, она рванется и опять всѣ далеко отъ него. За такую лошадь можно было бы дать огромныя деньги.

Возвращаясь съ преслѣдованія, мы снова встрѣчались съ одинокими спѣшенными и конными остальными непріятельскими кавалеристами. Тутъ опять пошли поединки, опять одиночныя схватки. При этомъ случаѣ съ поручикомъ *Павловымъ* повторилось почти тоже, что и съ полковникомъ *Ероткинымъ*: онъ схватился съ двумя англичанами, на него напалъ сзади еще одинъ; лошадь его была ранена, ему приходилось плохо, но унтеръ-офицеръ уланскаго Его Императорскаго Высочества Константина Николаевича полка, *Ивченко*, бросился на выручку, убилъ одного англичанина, а съ другимъ *Павловъ* справился самъ.

Но вотъ, по приказанію полковаго командира, раз-

дался сигналъ «аппель», и мы, оставивъ преслѣдованіе, начали сбираться.

Въ это время французскіе конные егеря бросились на батарею отряда генерала *Жабокритскаго*, производившую усиленную пальбу по отступавшей англійской кавалеріи. Французы начали уже рубить прислугу, но генералъ *Жабокритскій* повелъ въ штыки два батальона Владимірскаго полка. Непріятель отступилъ.

Эта кавалерійская атака была послѣднею попыткою союзниковъ въ кадыкіойскомъ дѣлѣ; озадаченные потерею большей части кавалеріи, они ограничились одною канонадою, продолжавшеюся до 3-хъ часовъ пополудни.

Послѣ боя, къ нашему полку подъѣхалъ генералъ-лейтенантъ *Рыжовъ*, который, до назначенія своего начальникомъ всей кавалеріи, находившейся въ Крыму, былъ нашимъ бригаднымъ командиромъ. Старикъ очень любилъ наши резервные полки, да и неудивительно. Онъ состоялъ въ резервахъ съ самаго начала ихъ сформированія, и принималъ большое участіе въ фронтовомъ образованіи ихъ. Заслуженный ветеранъ благодарилъ полкъ со слезами на глазахъ, говорилъ, что лучшія мечты его сбылись. Онъ видѣлъ насъ въ дѣлѣ, гдѣ мы вели себя какъ слѣдуетъ русскимъ войскамъ.

Главнокомандующій *Меншиковъ*, объѣзжая полки, подъѣхалъ къ намъ и сказалъ, что мы начали свое молодое поприще блестящимъ образомъ, и пожелалъ намъ продолжать его такъ же хорошо.

Эти похвалы порадовали насъ, но мы понимали хорошо свое положеніе: нашъ полкъ не былъ дѣйствующимъ, а только случайно и временно составленною командою; кончись завтра война, насъ сейчасъ же расформируютъ, думали мы, и со временемъ, читая въ реляціяхъ о маршевомъ уланскомъ полку, многіе не поймутъ, что это за полкъ и откуда онъ взялся. Совсѣмъ иное дѣло, еслибы мы состояли въ дѣйствующемъ, постоянномъ полку: тогда бы эта атака внесена была въ лѣтописи, и имя его поставили бы на ряду съ именами храбрѣйшихъ кавалерійскихъ полковъ.

Послѣ дѣла выставлены были цѣпи пѣхотная и кавалерійская и дивизіонъ гусаръ для поддержанія ихъ. Остальныя войска расположились: одна часть пѣхоты на редутахъ, а другая, вмѣстѣ съ кавалеріею, на отбитой позиціи.

Вечеромъ, когда собрались къ кострамъ, разсказамъ не было конца; всякій старался на перерывъ другъ передъ другомъ разсказать подвиги, которымъ онъ былъ очевидцемъ. Но какъ ни радостна была для насъ мысль о побѣдѣ, этотъ вечеръ не былъ такъ шуменъ и веселъ, какъ предшествовавшій. Сраженіе, со всѣми ужасами смерти, оставляетъ въ сердцѣ тяжелое чувство. Многихъ изъ насъ недоставало; нѣкоторые были переранены, всюду лежали тѣла убитыхъ, все это вмѣстѣ какъ то грустно настроило всѣхъ насъ и мы заснули подъ самыми тяжелыми впечатлѣніями (1).

Поручикъ **Корибутъ Кубитовичъ.**

ИЗЪ КРЫМСКИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ О ПОСЛѢДНЕЙ ВОЙНѢ.

Сѣверозападная часть Крыма—сторона не веселая. Куда ни взглянешь, всюду степь гладкая, ровная, пыльная; не на чемъ глазу остановиться, и даже курганы, которые хотя сколько нибудь разнообразятъ физіономію новороссійскихъ степей, здѣсь встрѣчаются весьма рѣдко.

Въ то время, когда мы вступали въ Крымъ, сторона эта была еще печальнѣе, еще безотраднѣе. Изрѣдка встрѣчавшіеся по пути аулы были оставлены возмутившимися татарами; въ деревняхъ, населенныхъ русскими, мы находили однѣхъ бабъ и ребятишекъ, да и тѣ встрѣчали насъ съ какими-то безпокойными, запуганными лицами. Безпрестанно попадавшіяся команды козаковъ наводили еще большую тоску, придавая странѣ характеръ враждебный и негостепріимный.

По мѣрѣ приближенія къ Симферополю, картина военной дѣятельности принимала болѣе широкіе размѣры. Во-

(1) «Военный Сборникъ» 1859 г. № 5.

нискія команды встрѣчались чаще, а еще чаще встрѣчались транспорты съ фуражемъ, продовольственными припасами и артиллерійскими снарядами. Въ сторонѣ дороги, по садамъ, бивуакировали войска; дымившіеся костры и разбросанныя по этимъ бивуакамъ въ безпорядкѣ палатки придавали всей мѣстности сходство съ обширнымъ военнымъ лагеремъ. Нерѣдко встрѣчали мы большія отары овецъ, отбитыхъ козаками у возмутившихся татаръ, и партіи рабочихъ, возвращавшихся изъ Севастополя. Послѣдніе насъ крайне интересовали; но разсказы ихъ о положеніи Севастополя были до такой степени невѣроятны, что не удовлетворяли насъ даже и въ то время, когда вѣрили всему и все считали возможнымъ и вѣроятнымъ.

Въ Симферополь пришли мы поздно вечеромъ. Здѣсь я въ первый разъ услышалъ о бомбардировкѣ 5-го октября и о смерти *Корнилова*. На другой день батарея наша выступила по маршруту въ Дуванку; но, не доходя до этого селенія, получила приказаніе ночевать въ Бакчисараѣ. Времени до вечера оставалось еще много, и я пошелъ бродить по городу. Осмотрѣвъ ханскій дворецъ, такъ много прославленный и такъ часто описанный, я купилъ татарской работы бурку, сафьяныя туфли, яблоковъ и винограду и отправился домой на квартиру; болѣе купить было нечего, кромѣ развѣ баранины — этимъ продуктомъ Бакчисарай изобиловалъ и изобилуетъ даже болѣе, нежели бурками, яблоками и сафьяными туфлями.

На другой день, т. е. 11-го октября, часа въ 4 утра, батарея выступила далѣе и прибыла въ Дуванку въ полдень. Здѣсь насъ ожидалъ уже унтеръ-офицеръ Балаклавскаго греческаго батальона для указанія дороги въ отрядъ генералъ лейтенанта *Липранди*, расположенный около Чоргуна.

Переходъ изъ Дуванки въ Чоргунъ былъ и продолжителенъ, и труденъ. Насъ повели не дорогами, а какими-то тропинками и ущельями, по которымъ не только артиллерія, но даже пѣхота съ трудомъ могла слѣдовать. Пройдя верстъ 10-ть, мы наглядномъ образомъ могли замѣтить близость непріятеля, ибо вступили на ту самую дорогу,

на которой, послѣ альмскаго дѣла, была уничтожена половина парка № 8-го. Обломки повозокъ, ядра, осколки гранатъ, разбросанные ранцы и солдатскіе мундиры, все это ясно говорило, что тутъ не за долго до насъ разыгралась одна изъ печально-занимательныхъ сценъ войны. Поздно ночью мы остановились у спуска съ Мекензіевой горы, а въ отрядъ генерала *Липранди* батарея пришла часа въ два. Ночь была темная, костры въ отрядѣ уже потухали, и всѣ мы были утомлены до крайности. Установивъ кой какъ артиллерію, я легъ подъ зарядный ящикъ и заснулъ мертвымъ сномъ.

Свѣжесть октябрской ночи заставила меня рано проснуться, и я, отдохнувъ не болѣе трехъ часовъ, не чувствовалъ, однакожъ, никакой усталости. При свѣтѣ ранняго и яркаго солнца, отрядъ представлялъ картину живописную. Небольшая котловина, обставленная со всѣхъ сторонъ крутыми горами, въ которой едва ли могъ съ удобствомъ размѣститься одинъ пѣхотный полкъ съ батареею артиллеріи, была наполнена войсками до невозможности. На этомъ небольшомъ пространствѣ помѣщались въ то время четыре полка пѣхоты, съ четырьмя батареями артиллеріи, стрѣлковый батальонъ и еще, кажется, одинъ кавалерійскій полкъ. Куда ни взглянешь, вездѣ видны составленныя въ козла ружья, орудія, зарядные ящики, лошади и разнообразныя группы солдатъ, спавшихъ у потухающихъ, но еще дымившихся костровъ.

Въ военное время на бивуакахъ просыпаются рано; здѣсь жизнь начинается съ восходомъ солнца. Вскорѣ спавшія группы зашевелились, костры задымились сильнѣе, и проснувшійся отрядъ опять зажилъ своею обычною бивуачною жизнью.

Часовъ въ 10-ть утра пришелъ на бивуакъ отрядный начальникъ генералъ *Липранди*; поздоровавшись съ войсками и поздравивъ нашу батарею съ прибытіемъ на квартиры, онъ обратился къ стрѣлковому батальону, стоявшему позади нашей батареи, съ слѣдующими словами: «Здорово стрѣлки! Завтра намъ, можетъ быть, придется поработать; смотрите жъ—ни одной пули на вѣтеръ!»

Всѣмъ было извѣстно, что около Чоргуна сосредоточиваются войска для начатія наступательныхъ дѣйствій съ нашей стороны; но никто не зналъ достовѣрно, когда именно эти дѣйствія начнутся. Слова генерала *Липранди* разъяснили загадку, и черезъ нѣсколько минутъ всѣ знали въ отрядѣ, что завтра будетъ дѣло.

Наступательныя дѣйствія предполагалось начать занятіемъ передовой непріятельской позиціи на Кадыкіойскихъ высотахъ, съ тою цѣлью, чтобы, утвердившись на ней, безпокоить непріятеля въ сообщеніяхъ его съ Балаклавою. Впрочемъ, цѣль эта, какъ оказалось впослѣдствіи, не совсѣмъ была достигнута, ибо Балаклавская дорога пролегала отъ кадыкіойской позиціи гораздо далѣе чѣмъ на пушечный выстрѣлъ.

Лишь только въ отрядѣ сдѣлалось извѣстно, что на другой день предполагается дѣло, какъ толпы любопытныхъ, съ зрительными трубами, отправились на близъ лежащія высоты для обозрѣнія непріятельской позиціи. Со стороны Чоргуна позиція эта казалась почти неприступною. Четыре довольно большихъ редута были устроены на самыхъ возвышенныхъ пунктахъ, командовавшихъ надъ окружающею мѣстностью. Мелкій кустарникъ покрывалъ всю эту мѣстность и доставлялъ болѣе выгодъ непріятелю нежели намъ, затрудняя свободное движеніе артиллеріи. Глядя на эту позицію, мы разсчитывали на упорное сопротивленіе и на большія съ нашей стороны потери. Но слѣдующій день доказалъ противное: сопротивленіе мы встрѣтили далеко не упорное; потери хотя и были значительны, особенно въ Азовскомъ полку, но далеко не такъ велики, какъ мы ожидали, да и самая позиція на дѣлѣ оказалась вовсе не такъ неприступною. Впрочемъ, легкость занятія этой позиціи я отношу къ энергической и предусмотрительной распорядительности генерала *Липранди* и къ тому, что укрѣпленія защищали не французы или англичане, а турки, съ которыми, конечно, сладить было гораздо легче. Вообще канунъ каждаго сраженія, особенно на первыхъ порахъ войны, когда еще армія не успѣла свыкнуться съ опасностями, приноситъ много ощущеній, и

на этотъ разъ канунъ 13-го октября не былъ исключеніемъ. Весь день мы провели въ самыхъ оживленныхъ разговорахъ и въ самыхъ разнообразныхъ предположеніяхъ о результатахъ слѣдующаго дня. Всѣ говорили о трудностяхъ, но никто не говорилъ о неудачѣ, не потому, полагаю, что всѣ были увѣрены въ успѣхѣ, но потому, что, наканунѣ дѣла, какъ-то непріятно не только говорить, а даже и думать о неудачахъ.

Послѣ полудня погода перемѣнилась; пошелъ небольшій дождь, потянулся туманъ съ горъ. и ясный южный день смѣнился сѣвернымъ, осеннимъ, сумрачнымъ вечеромъ.

Мнѣ хотѣлось провести эту ночь съ большимъ комфортомъ нежели прошлую, и потому я ранѣе другихъ отправился устраивать себѣ постель. Дѣло было очень просто: поднявъ оглобли зарядпаго ящика и растянувъ на нихъ молдаванскую попону, я разостлалъ на сырую землю съ полъ-пуда сѣна и, такимъ образомъ устроившись довольно удобно, легъ спать, но заснуть не могъ: —мысли одна другой непріятнѣе, какъ на зло, тѣснились въ голову, а между тѣмъ мелкій дождикъ все барабанилъ въ мою молдаванскую попону. Что если неудача? думалъ я. Что если, вмѣсто ожидаемаго успѣха, мы будемъ завтра разбиты? Какія страшныя послѣдствія можетъ повлечь за собой это несчастіе! Малочисленная наша севастопольская армія, разбитая подъ Альмой, теряла бодрость; она съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ждала подкрѣпленія.—и вотъ, наконецъ, подкрѣпленія пришли, пришли съ тѣмъ, чтобы начать наступательныя дѣйствія; взоры всѣхъ теперь обращены на насъ, всѣ ждутъ отъ насъ подвиговъ, и что жь, если мы не выполнимъ этихъ ожиданій, не осуществимъ надеждъ?..

Я всегда былъ такого мнѣнія, что дѣло 13-го октября не принесло намъ никакихъ матеріальныхъ выгодъ; напротивъ, оно принесло даже вредъ въ разсужденіи нашихъ дальнѣйшихъ военныхъ операцій: ибо съ отрядомъ, который былъ въ распоряженіи генерала *Липранди*, нельзя было продолжать наступательныхъ дѣйствій далѣе Кадыкіойскихъ высотъ; даже, и въ случаѣ успѣха, мы бы

должны были остановиться и ждать новыхъ подкрѣпленій, а между тѣмъ обнаруживали преждевременно предъ непріятелемъ наши намѣренія, указывали слабые пункты и давали ему время укрѣпить эти пункты и исправить свои ошибки ([1]). Послѣ сраженія на Кадыкіойскихъ высотахъ, въ арміи ходили слухи, будто бы генералъ *Липранди* не совѣтовалъ князю *Меншикову* начинать дѣла 13-го октября; говорили, будто бы онъ докладывалъ главнокомандующему о необходимости подождать прибытія всего 4-го корпуса, и потомъ уже энергически начать наступательныя дѣйствія. Не знаю, дѣйствительно ли это мнѣніе принадлежало генералу *Липранди*, или это было общее мнѣніе и только приписано ему, въ слѣдствіе очень обыкновеннаго закона все хорошее приписывать людямъ, пользующимся популярностью. И такъ матеріальныхъ выгодъ дѣло генерала *Липранди* не принесло; но, не смотря на это, оно имѣло громадную важность для всей крымской арміи и огромное вліяніе на ходъ всей кампаніи. Не то важно, что мы заняли позицію, почти уничтожили въ этотъ день англійскую кавалерію и отбили 9-ть орудій; но важно то, что успѣхъ 13-го октября пробудилъ упадавшую бодрость арміи, увѣрилъ ее въ возможности сопротивленія и подвигнулъ на тѣ труды и лишенія, которые въ теченіе 11-ти мѣсяцевъ, такъ геройски переносили защитники Севастополя. Въ этомъ отношеніи дѣло 13-го октября такъ важно, что едва ли какое нибудь другое событіе изъ всей Крымской войны, не исключая даже и отраженія штурма, можетъ сравниться съ нимъ.

Но и эта важность не можетъ, кажется, оправдать торопливости князя *Меншикова*. Не слѣдовало такъ рано начинать наступательныхъ дѣйствій; не было ни причины, ни необходимости съ ничтожными силами, преждевременно, обнаруживать свои намѣренія. Хорошо, что мы 13-го

([1]) Дѣйствительно, непріятельская позиція противъ Кадыкіойскихъ высотъ на Сапунъ-горѣ до 19-го октября вовсе не была укрѣплена. На другой день занятія нами этихъ высотъ, мы уже видѣли, что войска начали рыть Сапунъ-гору, а 24-го октября, во время инкерманскаго сраженія, означенная позиція непріятеля имѣла уже весьма значительную оборону.

октября имѣли успѣхъ; но вѣдь могла быть и неудача, тогда какія бы были послѣдствія этой неудачи? Окончательный упадокъ духа въ арміи, глубокое сознаніе въ своемъ безсиліи и въ превосходствѣ непріятеля и, наконецъ, твердое убѣжденіе въ невозможности защищаться: вотъ эти послѣдствія, и конечно, всякій согласится, что они весьма достаточны для того, чтобы сдѣлать даже и многочисленную армію неспособною не только къ веденію энергической войны, но даже и къ посильной оборонѣ.

Не то было бы, если бы наступательныя дѣйствія были начаты, когда весь 4 корпусъ сосредоточился въ Крыму. Тогда князь *Меншиковъ*, имѣя въ своемъ распоряженіи не одну дивизію, а цѣлый корпусъ свѣжихъ войскъ, могъ бы рѣшительнѣе начать наступательныя дѣйствія; могъ бы не останавливаться въ исполненіи задуманныхъ плановъ и пользоваться всѣми ошибками непріятеля, не давая ему времени опомниться и исправить эти ошибки ([1]).

Часа два лежалъ я подъ зарядными ящикомъ, но заснуть не могъ; наконецъ, усилившійся дождь, отъ котораго молдаванская попона уже не защищала болѣе, заставилъ меня отказаться отъ надежды уснуть спокойно; я всталъ и пошелъ къ ближайшему костру. Здѣсь я увидѣлъ двухъ англичанъ, только что взятыхъ въ плѣнъ въ Байдарской долинѣ козаками. Это были, кажется, или коммиссіонеры, или просто маркитанты, но только не изъ военныхъ. Не понимая совершенно по русски и весьма мало по французски, они находились въ самомъ плачевномъ положеніи, стараясь всѣми силами объяснить, что они прозябли и промокли и что желали бы попробовать русской водки. Съ помощію нѣсколькихъ французскихъ словъ, а болѣе жестовъ, они успѣли, наконецъ, растолковать свое желаніе; имъ дали по стакану водки и повели къ генералу *Липранди*.

— Что это за плѣнные? французы или англичане? спросилъ я стоявшихъ около костра солдатъ.

([1]) Это не мое личное мнѣніе; таково было мнѣніе всей арміи послѣ инкерманскаго сраженія. Вѣрно оно или не вѣрно, я не берусь доказывать.

— Должно быть англичане, ваше благородіе, отвѣтилъ пѣхотный унтеръ-офицеръ. Козачки сейчасъ захватили въ Байдарахъ.

— Да ты почему знаешь, что это англичане, а не французы?

— А какъ же, ваше благородіе; съ французомъ сейчасъ разговоришься — это народъ понятливый, а вотъ съ этими почитай часъ бьешься, а все не въ домекъ, чего имъ сердечнымъ хочется.

Было уже часа два ночи. Дождикъ пересталъ, и я, подъ полушопотъ дремавшихъ около костра солдатъ, самъ сладко задремалъ.

Черезъ часъ отрядъ зашевелился; каша была готова, и солдатъ звали къ винной порціи. Я всталъ и пошелъ къ батарейному командиру.

— Что, Н... М..., получена диспозиція?

— Получена.

— Можно посмотрѣть?

— Можно;—вотъ она.

Я взялъ кругомъ исписанный листъ сѣрой бумаги и съ нетерпѣніемъ началъ читать. По диспозиціи весь отрядъ раздѣлялся на три части. Одна, подъ начальствомъ генералъ-маіора *Гриббе*, должна была занять сел. Комары; другая, подъ начальствомъ генералъ-маіора *Семякина*, должна была атаковать самый главный редутъ, на правомъ флангѣ непріятельской позиціи; а третья, не помню подъ чьей командой, составляла боевой резервъ и назначалась для дѣйствія противъ остальныхъ пунктовъ позиціи. Наша батарея ни въ одинъ изъ отрядовъ не попала; она, какъ только что пришедшая съ похода, назначена была съ батальономъ Украинскаго полка прикрывать вагенбургъ и защищать Чоргунское ущелье.

— Что жь, Н... М..., сказалъ я, обращаясь къ батарейному командиру, батарея-то наша въ резервъ назначена?

— По диспозиціи-то въ резервъ; да вѣдь Богъ знаетъ, какъ пойдетъ дѣло, можетъ быть и въ первую линію попадешь: заранѣе ни на что нельзя разсчитывать.

— А скоро мы тронемся?

— Часа черезъ полтора, я полагаю; намъ торопиться некуда—пойдемъ послѣ всѣхъ.

Разсвѣтало. Артиллерія запрягала лошадей, солдаты надѣвали аммуницію. Густой туманъ, носившійся въ воздухѣ, не обѣщалъ яснаго дня.

Часовъ въ шесть выступила и наша батарея. Не успѣли еще вытянуться мы изъ селенія и занять назначенную батареѣ позицію, какъ услышали въ далекѣ выстрѣлъ,—это непріятель замѣтилъ войска генерала *Гриббе*, подходившія къ Комарамъ. Минутъ черезъ 10-ть раздался другой выстрѣлъ, за нимъ третій, и дѣло началось.

Подробности этого дѣла болѣе или менѣе всѣмъ извѣстны. Донесенія объ немъ князя *Меншикова* было напечатано во всѣхъ газетахъ и производило всеобщій восторгъ въ тогдашнее тревожное время. Дѣйствительно, результаты дѣла были блестящи и въ реляціи генерала *Липранди* нисколько не преувеличены, какъ это большею частію дѣлается всегда и вездѣ, гдѣ только война ведется; но, какъ очевидецъ, я долженъ сказать, что и эта реляція не совсѣмъ непогрѣшима относительно правды подробностей. Я говорю объ отступленіи нашей кавалеріи, конечнымъ результатомъ котораго было совершенное пораженіе англійской кавалеріи.

Начать съ того, что это отступленіе вовсе не входило ни въ предварительные планы генерала *Липранди*, ни въ планы командовавшаго нашей кавалеріей генерала *Халецкаго*. а было просто одною изъ тѣхъ военныхъ случайностей, которыя нельзя предусмотрѣть заранѣе, нельзя своевременно предотвратить никакимъ геніемъ и которыя, однакожь, часто даютъ неожиданный и неотразимый оборотъ сраженію, блестящій или гибельный, смотря по обстоятельствамъ, слагающимся, опять таки, большею частію случайно, во время самаго сраженія.

На самомъ дѣлѣ отступленіе нашей кавалеріи и пораженіе кавалеріи непріятельской вотъ какъ происходило:

Часа въ три по полудни, когда непріятельская позиція на высотахъ была уже сбита, укрѣпленія заняты нашими

войсками и всѣ полагали, что сраженіе кончено, вдали, противъ центра нашей позиціи, показались небольшія массы непріятельской кавалеріи. Въ этомъ пунктѣ, по широкой лощинѣ, служащей какъ бы продолженіемъ чоргунскому ущелью и раздѣляющей на двѣ части высоты лѣваго берега рѣки Черной, расположена была наша кавалерія — два полка гусаръ и два полка казаковъ, съ двумя, кажется, конными батареями. Лѣвѣе находилось 8-мь орудій 7-й легкой пѣшей батареи съ двумя батальонами Одесскаго полка. Непріятель, встрѣченный нашей артиллеріей, сталъ быстрѣе подвигаться и, не смотря на картечный и батальный огонь, смѣло понесся въ карьеръ на нашу кавалерію. Все это случилось такъ неожиданно и такъ быстро, что никто еще не успѣлъ даже достаточно уяснить себѣ, что именно такое совершается въ нашемъ центрѣ, какъ наша кавалерія была уже смята. Гусары первые не выдержали натиска, за ними казаки; всѣ четыре полка, бросивъ артиллерію, которую прикрывали, начали безпорядочно отступать. Суматоха произошла страшная. Въ пять разъ сильнѣйшая наша кавалерія, смѣшавшись еще болѣе при отступленіи, торопливо и въ безпорядкѣ направлялась къ Чоргуну. За нею по пятамъ, проскакавъ линію нашихъ войскъ, безумно неслась уцѣлѣвшая отъ картечнаго и батальнаго огня англійская кавалерія. У перевязочнаго пункта всѣ эти безпорядочныя массы остановились, потому что отступать далѣе нельзя было. Украинскій полкъ и наша батарея, прикрывавшіе чоргунское ущелье, энергически не допускали дальнѣйшаго отступленія. Тутъ все перемѣшалось, и суматоха еще болѣе усилилась. На маленькомъ пространствѣ, у самаго входа въ чоргунское ущелье, гдѣ расположенъ перевязочный пунктъ, тѣснились четыре полка гусаръ и козаковъ и между ними, какъ рѣдкія пятна, виднѣлись красные мундиры англичанъ, вѣроятно тоже не менѣе насъ изумленныхъ тѣмъ, что такъ неожиданно случилось.

Но дѣло, конечно, не могло такъ оставаться. Генералъ *Липранди*, находясь въ это время не подалеку отъ перевязочнаго пункта и видя, что одесскіе батальоны устояли,

успокоился за послѣдствія этой безумной атаки. Не расчитывая болѣе на растерявшихся гусаръ и козаковъ, онъ немедленно приказалъ находившимся тутъ-же въ резервѣ 6-ти эскадронамъ своднаго уланскаго полка *Еропкина* аттаковать англичанъ во флангъ и отрѣзать имъ отступленіе.

Англичанамъ, казалось, ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ положить оружіе, и всѣ это ожидали; однакожъ вышло совсѣмъ не такъ. Атака уланъ почему-то не удалась. Разсказывали въ то время, что будто бы одинъ изъ батальоновъ Одесскаго полка, принявъ уланъ за непріятеля, открылъ по нимъ огонь, вслѣдствіе чего уланы съ полъ-дороги повернули назадъ. Между тѣмъ какъ англичане, замѣтивъ эту неудавшуюся атаку и не опасаясь серьезнаго преслѣдованія со стороны разстроенныхъ гусаръ и козаковъ, рѣшились на то, что исполнить, повидимому, было свершенно невозможно: — они рѣшились прорваться чрезъ линію нашихъ войскъ, по той же самой дорогѣ, по которой наступали, и, слѣдовательно, еще разъ пройти, такъ сказать, сквозь строй картечнаго и батальнаго огня.

Трудный, почти невозможный, подвигъ предстояло исполнить этой сумасшедшей кавалеріи. Потерявъ не менѣе четвертой части еще во время наступленія, она наскоро, кое какъ, устроила свои порѣдѣвшіе эскадроны и быстро понеслась по прежней дорогѣ, усѣянной теперь убитыми и ранеными и оставляя съ каждымъ шагомъ новыя жертвы. Съ какой-то отвагой отчаянія, неслись на проломъ эти безумные храбрецы, и ни одинъ изъ живыхъ, не раненыхъ тяжело, не положилъ оружія.

А гусары и козаки еще долго не могли опомниться. Они были убѣждены, что ихъ преслѣдовала по крайней мѣрѣ вся непріятельская кавалерія и сердито не хотѣли вѣрить, что были смяты ничтожною, сравнительно, горстью смѣльчаковъ. Когда вся эта суматоха кончилась, козаки первые опомнились и, вѣрные своему характеру, принялись немедленно за подручное имъ дѣло. Они переловили всѣхъ англійскихъ лошадей и тотчасъ же открыли торговлю ими. Дорогія, кровныя лошади продавались тогда за

три, много за четыре полуимперіала, а можно было купить за два и даже за одинъ. Впрочемъ почти всѣ эти прекрасныя лошади не перенесли суровостей зимы и пропали; но тѣ, которыя пережили зиму, продавались потомъ за дорогую цѣну, рублей за 300, 400 и даже дороже.

Поздно вечеромъ приказано было нашей батареѣ занять позицію на высотахъ въ первой линіи. Усталые отъ восьмисотверстнаго форсированнаго марша и утомленные впечатлѣніями только что минувшаго дня, мы и на этотъ разъ не ожидали спокойной ночи. Дѣйствительно, впереди былъ непріятель, и непроглядная темь, заряженныя картечью орудія и засѣдланныя лошади какъ то непріятно напоминали о недавней безумной атакѣ англичанъ, а доносившійся изъ-подъ Севастополя гулъ выстрѣловъ внушительно твердилъ объ осторожности... ([1]).

Степанъ Кожуховъ.

О СРАЖЕНІИ ПОДЪ БАЛАКЛАВОЙ.

(Записка генералъ-лейтенанта Ив. Ив. Рыжова).

Съ прибытіемъ моимъ въ Крымъ, съ двумя маршевыми полками отъ сводной резервной кавалерійской дивизіи, однимъ уланскимъ и однимъ гусарскимъ, въ шести-эскадронномъ составѣ, по 18 рядовъ во взводѣ, главнокомандовавшему, князю *Меншикову*, угодно было поручить въ мое командованіе всю кавалерію, находившуюся тогда въ Крыму и состоявшую изъ гусарской бригады 6-й легкой кавалерійской дивизіи, двухъ маршевыхъ полковъ, 1-го уральскаго казачьяго полка, сотни резерва грардейскихъ крымскихъ татаръ и всей конной артиллеріи. Послѣдняя состояла изъ батареи № 12 и трехъ батарей донскихъ резервныхъ, подъ командой флигель-адъютанта полковника князя *Оболенскаго*. Въ числѣ этой артиллеріи была одна донская батарейная батарея, отличная по своему составу

([1]) «Русскій Архивъ» 1869 г. № 2.

и вообще по храбрости и дѣйствію. До 11-го октября вся кавалерія была расположена бивуаками на р. Качѣ, въ четырехъ верстахъ отъ города Бакчисарая, и посылала почти ежедневно по два, по три и болѣе эскадрона на разныя экспедиціи.

11-го октября я получилъ предписаніе главнокомандовавшаго: со всею артиллеріей и кавалеріей, за исключеніемъ маршеваго гусарскаго полка, который приказано было отправить къ устью р. Качи, для содержанія постовъ и наблюденія за непріятельскимъ флотомъ, прибыть къ девяти часамъ вечера на Мекензіеву гору и оттуда, вмѣстѣ съ однимъ егерскимъ полкомъ и четырьмя стрѣлковыми батальонами, спустившись съ Мекензіевой горы, со всѣми военными предосторожностями, направиться прямымъ путемъ въ с. Чоргунъ, для присоединенія къ отряду генерала *Липранди*, подъ начальство котораго я поступалъ. 12-е число было употреблено на обзоръ непріятельской позиціи и другія приготовленія къ бою на 13-е октября. 12-го получена мною диспозиція, въ которой далеко не выражалось того, что лично мнѣ было передано отъ главнокомандовавшаго. Мнѣ приказано было: по занятіи послѣдняго непріятельскаго редута нашею пѣхотой, немедленно и даже съ самаго мѣста, въ карьеръ броситься на англійскую кавалерію, занимавшую укрѣпленную позицію вблизи с. Кадыкіой и города Балаклавы. Надобно отдать полную справедливость генералу *Липранди*, что всѣ его распоряженія, до самыхъ мелочей, были самыя благоразумныя и самыя дѣльныя; каждому начальнику части были переданы мѣры на всякій могшій произойти случай ясно, основательно и подробно.

13-го числа, въ 5 часовъ утра, войска начинали выходить изъ Чоргуна на указанную каждой части позицію. Быстро устроились они, и вся артиллерія была выдвинута впередъ. Турки, занимавшіе редуты, открыли сильный огонь изъ орудій большаго калибра; но наша артиллерія, какъ только успѣла выстроиться, заставила, въ самомъ непродолжительномъ времени, сильною и мѣткою стрѣльбой своею, почти замолчать первый непріятельскій ре-

дутъ, и въ тотъ же самый моментъ колонна нашей пѣхоты, имѣя впереди роты 4-го стрѣлковаго батальона, неустрашимо взбиралась на крутую гору, къ редуту. Турки дрогнули, не выдержали такого мужественнаго приближенія нашей мощной пѣхоты. оставили редутъ и все что въ немъ находилось, и бѣжали. Прочіе редуты были взяты еще съ большею легкостью. На турокъ напалъ какой-то паническій страхъ, такъ что они не могли выдержать приближенія нашей пѣхоты и почти заблаговременно убрались вонъ. Въ томъ, что я говорю истину, можетъ свидѣтельствовать весьма малая потеря нашей пѣхоты при занятіи редутовъ, устроенныхъ на такой, можно сказать, неприступной мѣстности.

Со взятіемъ послѣдняго редута, наступила моя работа, работа, безпрекословно самая трудная изъ всего этого дѣла. Я вполнѣ постигалъ возложенную на меня обязанность: съ гусарскими полками 6-й дивизіи, при слабомъ ихъ составѣ (не имѣли болѣе 10 рядовъ во взводѣ, а нѣкоторые эскадроны и того менѣе), подняться на гору, на которой вся англійская кавалерія и даже часть пѣхоты—въ укрѣпленной позиціи. Но не мое дѣло было разсуждать объ этомъ; довольно, что я получилъ приказаніе, и считалъ для себя святымъ дѣломъ выполнить то, что на меня возложено, по мѣрѣ моего разумѣнія, возложивъ надежду на помощь Божію. Когда адъютантъ генерала *Липранди* передалъ мнѣ приказаніе исполнить назначенное. я двинулъ бригаду, построенную въ дивизіонныхъ колоннахъ, къ атакѣ въ двѣ линіи. имѣя Лейхтенбергскій полкъ въ передней. Я приказалъ тронуться большою рысью, а не съ мѣста въ карьеръ, какъ было приказано, единственно по опытности моей въ кавалерійскомъ дѣлѣ, имѣя въ виду, что мнѣ предстояло пройти до непріятеля версты полторы; причемъ, неизбѣжно, лошади не имѣли бы такой силы, какая требовалась для атаки. При воспоминаніи объ этомъ движеніи, я не могу не вспомнить о слѣдующемъ обстоятельствѣ. Я знакомъ былъ съ мѣстностію по картѣ, но зналъ, что при находившемся вблизи генералѣ *Липранди* былъ офицеръ. совершенно и подробно знакомый съ мѣ-

стами въ окрестностяхъ Севастополя: Подъѣхавъ къ генералу *Липранди*, я предложилъ этому офицеру: не угодно ли ему быть моимъ колоновожатымъ. На это, къ удивленію моему и, кажется, общему, получилъ отказъ. Имя этого господина не считаю нужнымъ приводить. Вмѣсто него предложилъ свои услуги отличный и храбрый офицеръ генеральнаго штаба капитанъ *Ѳеоктистовъ*. Съ нимъ мы поскакали и успѣли еще опередить полки, потому что по мѣстности, имъ не вездѣ удобно было слѣдовать скоро. Въ это самое время генералъ *Липранди* далъ мнѣ знать, что, находя два слабые полка недостаточными, онъ приказалъ туда же идти и полку уральскихъ козаковъ. Полкъ этотъ я имѣлъ намѣреніе удержать въ резервѣ, но лишь только другой, посланный отъ *Липранди* прямо къ полку, сообщилъ это приказаніе, полковой командиръ безъ дальнѣйшаго разсужденія бросился въ карьеръ, безъ всякаго необходимаго порядка, и, что еще хуже, справа по шести. Посланный отъ меня съ приказаніемъ офицеръ не успѣлъ уже остановить ихъ. Когда я прискакалъ на гору, взорамъ моимъ представилось слѣдующее: вся англійская кавалерія, не далѣе какъ въ 200 саженяхъ отъ меня, была построена въ одну линію, упираясь правымъ флангомъ въ изрытую мѣстность и, сверхъ того, защищаясь довольно сильною батареей, устроенною въ с. Кадыкіой. На лѣвомъ ея флангѣ, саженяхъ во ста, уступами въ колоннахъ, стояла пѣхота. Уральскій казачій полкъ, принявши много на право отъ непріятеля, по опушкѣ горы, въ томъ же порядкѣ какъ и съ мѣста, то есть по шести, двинулся со страшнымъ «ура», быстро носился взадъ и впередъ какой-то вереницей, не сближаясь, впрочемъ, съ непріятелемъ. Въ это самое время колонны гусаръ начали подниматься. Первымъ былъ дивизіонъ Лейхтенбергскаго полка, подъ командой истинно храбраго полковника *Войниловича*, которому я приказалъ принять влѣво на столько, чтобы стать лицомъ къ лицу съ англійскими гвардейскими красными драгунами. Прочіе дивизіоны также, по мѣрѣ всхода ихъ на гору, были мною направлены на части непріятельскаго строя, такъ что я вынужденъ былъ, соображаясь съ

протяженіемъ англійскаго фронта, вытянуть и свои оба полка въ одну линію, оставаясь безъ резерва. Удивляться надобно, какъ непріятель, превосходя числительностію, допустилъ насъ свободно подняться на гору и, можно сказать, тутъ же, предъ своимъ носомъ, далъ мнѣ время устроить свои части и направить на указанные пункты. Но это такъ было: непріятель стоялъ спокойно и ожидалъ какъ будто по условію. Тишина съ обѣихъ сторонъ была удивительная; одни козаки кричали, но это было поодаль, и никто не обращалъ на нихъ вниманія. Одна непріятельская батарея со стороны Кадыкіоя напомнила намъ своею сильною стрѣльбой, гдѣ мы и зачѣмъ пришли. Наконецъ, вся линія моя быстро полетѣла на фронтъ враговъ. Первымъ взошелъ и первымъ врѣзался въ ряды красныхъ драгунъ полковникъ *Войниловичъ*; полтора часа позже этотъ храбрый офицеръ съ честію палъ въ этомъ же сраженіи, будучи пораженъ двумя пулями въ грудь. Все мое вниманіе было обращено на это побоище. Я притаилъ духъ, ожидая какой конецъ этому будетъ. Еслибы гусары повернули назадъ, въ такомъ случаѣ, не имѣя резерва, я не имѣлъ бы средства остановить непріятеля, а спускъ съ горы, при неизбѣжномъ безпорядкѣ, помогъ бы вражеской кавалеріи нанести намъ великое пораженіе. Съ помощію Божіей, конецъ для насъ былъ славный. Гусары, рубившись на мѣстѣ минутъ семь, хотя и понесли значительную потерю (лейхтенбергцы 18 штабъ-и оберъ-офицеровъ, нижнихъ чиновъ 122, а Веймарнскій полкъ 12 штабъ и оберъ офицеровъ, нижнихъ чиновъ 105), заставили однакожъ стойкаго врага показать тылъ. Англійская кавалерія, повернувъ назадъ, скрылась за свою пѣхоту. Бросившихся за нею гусаръ я призналъ необходимымъ остановить, сочтя этотъ моментъ самымъ удобнымъ для возвращенія. Тутъ же, подъ самымъ сильнымъ огнемъ съ непріятельской батареи отъ Кадыкіоя, сколько возможно было, я построилъ ихъ, и въ порядкѣ, въ глазахъ нашего отряда, спустился съ горы на мѣсто, которое слѣдовало занять кавалеріи, построилъ вновь въ двѣ линіи, занявши

всю поперечную часть долины, указалъ мѣста артиллеріи и велѣлъ снять орудія съ передковъ.

Я прослужилъ 42 года, сдѣлалъ 10 кампаній, былъ во многихъ великихъ, какъ напримѣръ Кульмъ, Лейпцигъ, Парижъ и другихъ сраженіяхъ, но никогда не видалъ кавалерійской атаки, въ которой обѣ стороны, съ равнымъ ожесточеніемъ, стойкостью и, можно сказать, упорствомъ, рубились на мѣстѣ такое продолжительное время, да и въ военной исторіи кавалерійскихъ атакъ немного встрѣчаемъ такихъ примѣровъ. Старшіе и младшіе офицеры служили примѣромъ солдатамъ, въ чемъ свидѣтельствуетъ такое значительное число раненыхъ, и всѣ эти раны большею частію получены или въ лицо, или въ голову. Командиръ Лейхтенбергскаго полка, генералъ-маіоръ *Халецкій*, собственноручно сразилъ двухъ человѣкъ и былъ раненъ саблею; однимъ ударомъ разрублено ему ухо, а другимъ шея поверхъ галстуха. Изъ находившихся при мнѣ офицеровъ, адъютантъ мой и другой ординарецъ были ранены, подо мною убита лошадь. Атака эта самыми недоброжелательными для насъ людьми не можетъ быть названа иначе какъ самою смѣлою, рѣшительною, образцовою и въ свое время займетъ мѣстечко въ исторіи кавалерійскихъ дѣлъ. Въ реляціи этого знаменитаго дня, не знаю почему, не было подробно сказано объ атакѣ, развѣ отъ того, какъ мнѣ кажется, что не слѣдовало подниматься съ такою слабою частью на гору и атаковать сильнѣйшаго непріятеля въ укрѣпленной его позиціи.

Не могу утвердительно сказать, но полагаю, что прошло до полутора часа совершеннаго бездѣйствія со стороны непріятеля. Казалось, сраженіе можно было считать оконченнымъ. Въ это время я находился у донской батарейной батареи, разговаривая о ходѣ дѣла съ полковникомъ княземъ *Оболенскимъ*, какъ зоркіе глаза донцевъ замѣтили и сообщили, что непріятельская кавалерія спускается съ горы. Не болѣе какъ чрезъ двѣ минуты она уже неслась назадъ. Артиллерія наша встрѣтила ее сначала гранатами и ядрами, а въ слѣдъ затѣмъ картечью. Я приказалъ первой линіи двинуться впередъ, на встрѣчу

непріятелю, но тутъ то ясно дала себя знать убыль дивизіонныхъ и эскадронныхъ командировъ, мѣста которыхъ по необходимости заняли младшіе, неопытные офицеры; къ тому же слабый строй рядовъ показалъ, что это не тѣ уже гусары, которые сражались такими молодцами у Кадыкіоя. Вяло двинулись съ мѣста Подавшись не болѣе 150 шаговъ, шедшій впередъ дивизіонъ Лейхтенбергскаго полка первый повернулъ назадъ, и съ оглушительнымъ крикомъ «ура», не позволившимъ ни остановить его, ни дать приказаніе, наткнулся на вторую линію, изъ которой я желалъ выдвинуть часть, чтобы можно было ударить во флангъ непріятелю. Этого нельзя уже было сдѣлать. Вторая линія была увлечена первою, и въ этомъ положеніи онѣ скакали болѣе полуверсты назадъ, имѣя непріятеля на хвостахъ своихъ лошадей. Этотъ непростительный для русскаго солдата поступокъ искупленъ былъ храбростью и молодечествомъ четырехъ эскадроновъ маршеваго уланскаго полка. Эскадроны эти были въ эскадронной колоннѣ съ лѣвой стороны нашей позиціи, такъ что лѣвый ихъ флангъ примыкалъ къ горамъ, а неровность мѣстности и кустарники препятствовали непріятелю разсмотрѣть ихъ. Послѣднему способствовало и то, что непріятельская кавалерія, для приданія себѣ отваги послѣ полученнаго пораженія, напилась пьяною. Когда непріятельскіе драгуны, уланы и гусары, перемѣшавшись въ безпорядкѣ, понеслись за гусарами, наши маршевые уланы, перемѣнивъ дирекцію почти кругомъ, поспѣшно выстроились и быстро и рѣшительно атаковали непріятеля съ тыла. Вскорѣ англичане отрезвились и вспомнили чему подвергли себя. Повернувшись назадъ, они очутились лицемъ къ лицу съ нашими уланами. Гусаровъ я успѣлъ остановить, и они загладили свою вину тѣмъ, что бросились за непріятелемъ и поставили его между двухъ огней. Съ этой минуты бой можно было уподобить охотѣ за зайцами. Тѣ, которымъ удалось ускакать отъ гусарскихъ сабель и проскользнуть мимо уланскихъ пикъ, встрѣчаемы были картечью съ нашихъ батарей и пулями штуцерныхъ. Немногіе изъ нихъ были настолько счастливы, что имъ

удалось возвратиться здравыми и невредимыми; одинъ только резервъ, увидѣвъ бѣду, загодя отправился назадъ, не подумавъ о поданіи помощи своимъ.

Тѣмъ дѣло кончилось. Чистая истина водила перомъ моимъ, какъ личнаго очевидца. Тутъ нѣтъ хвастовства и ничего не прибавлено,—напротивъ, скорѣе уменьшено

Оставалось жалѣть только о томъ, что графъ *Луканъ* (?) не попался въ наши руки; онъ обязанъ жизнію своею только превосходнѣйшей и быстрѣйшей лошади своей. Я видѣлъ собственными глазами, какъ онъ несся, избѣгая и ускользая отъ преслѣдовавшихъ его, и какъ бы въ какомъ опьяненіи размахивая по воздуху саблей направо и налѣво (¹).

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ПО ПОВОДУ ЗАПИСКИ ГЕНЕРАЛЪ-ЛЕЙТЕНАНТА РЫЖОВА О БАЛАКЛАВСКОМЪ СРАЖЕНІИ.

Въ 4 книгѣ «Русскаго Вѣстника» 1870 г. напечатана записка генералъ-лейтенанта *Рыжова* о балаклавскомъ сраженіи. Объ этомъ же самомъ сраженіи я помѣстилъ свой разсказъ въ № 2 «Русскаго Архива» за 1869 годъ, въ статьѣ озаглавленной: изъ крымскихъ воспоминаній послѣдней войны. Находясь въ то время субалтернъ офицеромъ въ 8-й легкой батареѣ 12-й бригады, которая, по диспозиціи сраженія, была назначена въ резервъ, вмѣстѣ съ Украинскимъ полкомъ (для защиты ущелья, ведущаго въ дер. Чоргунъ, гдѣ былъ оставленъ весь нашъ вагенбургъ) я въ своемъ разсказѣ ограничился изложеніемъ одного общаго хода сраженія, такъ какъ батарея наша не была въ немъ участницей, и подробно передалъ только то, что совершилось передъ нашими глазами: финалъ сраженія, т. е. безпорядочное отступленіе нашихъ гусаръ и козаковъ, не выдержавшихъ атаки англійской кавалеріи, и гибель послѣдней.

Генералъ *Рыжовъ* въ 1854 г. былъ начальникомъ ка-

(¹) «Русскій Вѣстникъ» 1870 № 4.

валеріи въ Крыму и участвовалъ въ балаклавскомъ сраженіи, командуя всей кавалеріей, находившейся въ отрядѣ. Въ своей запискѣ онъ сначала весьма подробно разсказываетъ дѣйствія нашей кавалеріи; превозноситъ храбрость гусаръ, въ то время, когда, послѣ занятія пѣхотою редутовъ, они атаковали непріятеля въ его укрѣпленной позиціи; сѣтуетъ на генерала *Липранди* за то, что онъ въ своей реляціи ничего не упомянулъ о совершенныхъ гусарами подвигахъ, и, выражая надежду, что эти подвиги непремѣнно займутъ въ послѣдствіи блестящую страницу въ исторіи русской кавалеріи, вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно подтверждаетъ дѣйствительность заявленнаго мною факта, что вся наша кавалерія, атакованная въ концѣ сраженія непріятелемъ по численности гораздо слабѣйшимъ, не выдержала этой атаки, смѣшалась и съ громкимъ крикомъ ура! бѣжала. Послѣ этого каждый, прочитавшій записку генерала *Рыжова*, невольно долженъ сдѣлать вопросъ: какимъ образомъ одни и тѣ же гусары, въ одномъ и томъ же сраженіи, въ началѣ совершаютъ чудеса храбрости, разбиваютъ непріятеля и воздвигаютъ себѣ памятникъ на страницахъ исторіи, а въ концѣ дѣла, безъ особенно уважительной причины, бѣгутъ отъ того же самаго непріятеля, т. е., выражаясь словами генерала *Рыжова*, совершаютъ поступокъ, постыдный для чести русскаго солдата? Вѣдь это выходитъ, что отъ храбрости до трусости, какъ отъ великаго до смѣшнаго, всего одинъ шагъ. Но не въ томъ, впрочемъ, дѣло. Дѣло въ томъ, что генералъ *Рыжовъ*, подтверждая вѣрность заявленнаго мною факта, даетъ однако же этому факту такое толкованіе, съ которымъ никакъ нельзя согласиться. На кого то жалуясь, передъ кѣмъ то, какъ будто бы, оправдываясь, упоминая о какихъ то недоброжелателяхъ, авторъ записки слагаетъ съ себя, какъ начальника, всякую отвѣтственность въ совершившейся катастрофѣ и всю вину относитъ къ неопытности молодыхъ офицеровъ, заступившихъ мѣста эскадронныхъ и дивизіонныхъ командировъ вмѣсто выбывшихъ изъ строя, а также къ тому, что гусарскіе взводы, понесшіе убыль въ первоначальной атакѣ, численностью были нѣсколько

слабы. Конечно, это есть только личное мнѣніе генерала *Рыжова*, и каждый можетъ принять его или отвергнуть; но если мнѣніе высказывается печатно, и при томъ касается дѣла, составляющаго достояніе нашей исторіи, то необходимо, чтобы высказываемое мнѣніе было не бездоказательно, а на чемъ нибудь прочно основано. Посмотримъ же, въ какой степени основательно высказанное генераломъ *Рыжовымъ* мнѣніе.

Самъ генералъ *Рыжовъ* говоритъ, что, при первоначальной атакѣ гусарами непріятельской позиціи, выбыло изъ строя до 30-ти штабъ и оберъ-офицеровъ, что составляетъ только треть всего числа. А такъ какъ нельзя предположить, чтобы въ числѣ 30 человѣкъ выбыли все старые офицеры, молодые же всѣ остались невредимыми, то значитъ только третья часть дивизіонныхъ и эскадронныхъ командировъ были замѣнены молодыми офицерами. Такая убыль, хотя и довольно значительная, есть однако же явленіе очень обыкновенное въ сраженіяхъ, и отъ такой единственной причины, даже посредственныя войска, при предусмотрительной распорядительности начальниковъ, никогда не побѣгутъ.

Вторая причина, проводимая генераломъ *Рыжовымъ*, есть аргументъ еще менѣе доказательный. Кавалерія наша численностью несоразмѣрно превышала нападающую англійскую кавалерію, и та ничтожная убыль (съ небольшимъ 200 человѣкъ на два полка), которую понесли гусары при первоначальной атакѣ, не могла имѣть на стойкость ихъ никакого вліянія.

Если же, кромѣ всего вышеизложеннаго, мы примемъ въ соображеніе, во первыхъ, то, что гусары были не новички пришедшіе съ квартиръ, а уже участвовали въ альмскомъ сраженіи и потомъ уже прожили нѣсколько мѣсяцевъ боевою жизнію въ виду непріятеля (слѣдовательно, даже и молодые офицеры въ этихъ полкахъ не могли быть неопытными и пугливыми мальчиками) а, во вторыхъ, что непріятельская кавалерія нападала самолично, никѣмъ неподдержанная, тогда какъ наша кавалерія, болѣе многочисленная, была подъ защитою двухъ конныхъ донскихъ батарей,

одной пѣшей и двухъ батальоновъ Одесскаго полка, тотчасъ перестроившихся въ карре, то становится совершенно яснымъ, что причины совершившейся обидной катастрофы были не тѣ, на которыя указываетъ генералъ *Рыжовъ*, а какія нибудь иныя.

Въ своей прежней статьѣ, напечатанной въ «Русскомъ Архивѣ», я, какъ очевидецъ, заявлялъ только фактъ, который совершился передъ моими глазами. Никакихъ личныхъ взглядовъ объ этомъ фактѣ я не высказывалъ и даже не передавалъ тѣхъ толковъ, которые въ то время распространены были во всей арміи; но теперь, въ виду сдѣланнаго генераломъ *Рыжовымъ* заявленія, что кавалерія наша не выдержала натиска, главнымъ образомъ, отъ несостоятельности нашихъ молодыхъ офицеровъ, я считаю невозможнымъ умолчать объ этихъ толкахъ, а, напротивъ, нахожу необходимымъ сопоставить ихъ рядомъ съ мнѣніемъ генерала *Рыжова* и разсмотрѣть, на чьей сторонѣ болѣе правды.

Общее мнѣніе всего отряда единодушно обвиняло тогда не офицеровъ и даже не солдатъ, а начальниковъ кавалеріи. Конечно, послѣ такой прискорбной неудачи, къ гусарамъ не относились симпатично; но всѣ говорили, что они не устояли единственно потому, что основное правило тактики: встрѣчать атаку атакой, не было исполнено. Хотя генералъ *Рыжовъ* въ своей запискѣ и говоритъ, что атака была имъ скомандована, но, при всей полной вѣрѣ въ справедливость этихъ словъ, нельзя ихъ считать опроверженіемъ справедливости общихъ толковъ. Еще мало того, чтобъ атака была скомандована, а нужно, кромѣ того, чтобъ она была скомандована съ такимъ разсчетомъ, чтобы атакованная кавалерія могла пріобрѣсти въ моментъ столкновенія такую же силу стремительности, какую имѣетъ атакующая кавалерія. Но могло ли это быть въ настоящемъ случаѣ? Самъ генералъ *Рыжовъ* говоритъ въ своей запискѣ, что, послѣ атаки нашими гусарами непріятельской позиціи, сраженіе всѣ считали оконченнымъ. Эти слова генерала *Рыжова* даютъ ключъ къ раскрытію истины. Если сраженіе считалось оконченнымъ, и нападе-

нія, слѣдовательно, ни откуда не ожидали, то, само собою разумѣется, что не было никакой надобности держать нѣсколько часовъ утомленную кавалерію въ томъ напряженномъ положеніи, въ какомъ должна находиться кавалерія, ожидающая нападенія и готовая къ немедленной атакѣ. Между тѣмъ, разстояніе отъ непріятельской позиціи до нашей было самое ничтожное, и, чтобъ пройдти его быстрымъ аллюромъ, достаточно было нѣсколькихъ минутъ. Въ такое короткое время невозможно было устроить къ атакѣ такую значительную массу кавалеріи, отнюдь неожидавшей нападенія, и ввести ее въ бой безъ суеты, въ совершенномъ порядкѣ и своевременно. Такимъ образомъ становится не только вѣроятнымъ, но почти несомнѣннымъ, что или атака была скомандована генераломъ *Рыжовымъ* слишкомъ поздно, или же она была скомандована тогда, когда гусары не успѣли еще устроиться, и пошли въ атаку безпорядочной толпой, а потому и нерѣшительно. Въ обоихъ случаяхъ трудно было нашей кавалеріи удержаться противъ стремительнаго натиска, даже и тогда, если бы всѣ старые офицеры находились въ строю и взводы не понесли передъ этимъ никакой убыли.

Вотъ выводъ, и мы предоставляемъ судить читателямъ, на чьей сторонѣ болѣе вѣроятностей: на сторонѣ ли сдѣланнаго нами вывода, или на сторонѣ мнѣнія генерала *Рыжова*.

За тѣмъ дальнѣйшія подробности дня, сообщаемыя генераломъ *Рыжовымъ*, оказываются тоже не совсѣмъ точными и во многомъ преувеличенными. Такъ, напримѣръ, онъ говоритъ: этотъ непростительный для русскаго солдата поступокъ искупленъ былъ храбростью и молодечествомъ четырехъ эскадроновъ маршевыхъ уланъ, которые быстро и рѣшительно атаковали непріятеля съ тыла.

Прежде всего позволяемъ сдѣлать себѣ вопросъ: почему генералъ *Рыжовъ* поступокъ нашей кавалеріи называетъ непростительнымъ? Если причина катастрофы была та, которая высказывалась въ тогдашнихъ толкахъ и приведена мною въ настоящей замѣткѣ, то непростительнаго для чести русскаго солдата въ этомъ грустномъ собы-

ніи ничего не было, а была только печальная неизбѣжность, вызванная непредусмотрительностью начальниковъ. Но если бы даже причины этой и не существовало, то генералъ *Рыжовъ* все таки не можетъ называть замѣшательство нашей кавалеріи поступкомъ непростительнымъ, ибо самъ указываетъ на тѣ причины, слѣдствіемъ которыхъ было отступленіе нашей кавалеріи, а въ этихъ причинахъ ничего непростительнаго нѣтъ. Ясно, что генералъ *Рыжовъ*, обзывая поступокъ кавалеріи непростительнымъ, относитъ его не къ тѣмъ причинамъ, которыя самъ высказалъ (иначе поступокъ въ его глазахъ долженъ былъ бы быть этими причинами извиненъ), а къ недостатку храбрости, дѣйствительно позорящему честь солдата. Онъ не желаетъ только это обвиненіе прямо высказать. Но обвиненіе очевидно и такъ важно, что высказывать его бездоказательно, не опираясь ни на какіе факты, по меньшей мѣрѣ немного смѣло. Для севастопольской войны исторія еще не наступила, но общественное мнѣніе объ этой эпопеѣ сложилось уже довольно вѣрно, и если оно видитъ много темныхъ пятенъ въ распоряженіяхъ главныхъ и второстепенныхъ двигателей этой громадной войны, то храбрость, энергію и самоотверженіе нашей молодежи, безропотно тамъ умиравшей, ставитъ (съ благоговѣйнымъ уваженіемъ къ памяти падшихъ и къ чести оставшихся въ живыхъ) выше всякаго сомнѣнія.

Обратимся однако же къ подробностямъ. Генералъ *Рыжовъ* говоритъ, что атака улановъ была блистательна. Мы видѣли, что уланы пошли въ атаку, но блистательной атаки не видали; да ея и быть не могло, а, напротивъ, нужно предположить, что атака или вовсе не состоялась, или была очень не рѣшительна ([1]).

Иначе какъ объяснить (если атака, дѣйствительно, была блистательна), чтобы разстроенныя толпы англійской ка-

([1]) Въ своей первой статьѣ, я сообщилъ распространенные въ то время толки: уланы, бросившись въ атаку, попали въ общемъ хаосѣ подъ огонь одесскихъ батальоновъ и отступили. Правда ли это, не знаю; но только улановъ нашихъ въ тылу у англичанъ мы не видѣли.

валеріи, по числительности уже ничтожныя; безъ начальниковъ и руководителей, могли прорваться сквозь массы свѣжей кавалеріи и уйдти, оставивъ въ нашихъ рукахъ только убитыхъ да раненыхъ. Это положительная невозможность, и невозможность эту генералъ *Рыжовъ* еще болѣе усиливаетъ сообщеніемъ дальнѣйшихъ подробностей. Онъ говоритъ, что гусары были имъ остановлены, устроены и обращены противъ непріятелей, и что англичане были такимъ образомъ поставлены между двухъ огней. Съ этой минуты, продолжаетъ генералъ *Рыжовъ*, бой можно было уподобить охотѣ за зайцами. Тѣ, которымъ удалось ускакать отъ гусарскихъ сабель и проскользнуть мимо уланскихъ пикъ, встрѣчены были картечью и пулями штуцерныхъ.

Ничего подобнаго, а въ особенности охоты за зайцами, мы не видѣли. Гусары не были остановлены, а, напротивъ, перемѣшавшись съ казаками, огромными массами столпились у входа въ Чоргунъ, стараясь туда пробраться; но были остановлены Украинскимъ полкомъ и нашей батареей. Привести въ порядокъ такой хаосъ въ теченіе нѣсколькихъ минутъ было немыслимо. По этому никакого преслѣдованія гусарами англичанъ не было. По всей вѣроятности, генералу *Рыжову* удалось остановить и соединить около себя нѣсколько десятковъ изъ менѣе растерявшихся; но это еще не значитъ, что были остановлены и приведены въ порядокъ цѣлыхъ два полка. Можетъ быть, изъ этихъ десятковъ нѣкоторые и порывались за отступающими англичанами; но развѣ это значитъ преслѣдованіе? Если допустить, что оба гусарскіе полка, устроившись, обратились преслѣдовать англичанъ, да если припомнить, что, по словамъ генерала *Рыжова*, они т. е., англичане, были блистательно атакованы съ тыла уланами, то въ такомъ случаѣ на каждаго непріятельскаго кавалериста пришлось бы почти по полувзводу нашей кавалеріи. А между тѣмъ англичане ушли! Какъ же это объяснить?

— Они ушли именно потому, что дѣйствительнаго преслѣдованія ни со стороны гусаръ, ни со стороны уланъ не было. Они ушли по своей прежней, смертельной дорогѣ и легли почти всѣ подъ картечью 7-й легкой батареи

и пулями Одесскаго полка, не тронутые саблями гусаръ и не задѣтые пиками уланъ.

Вотъ въ какомъ видѣ представлялося дѣло намъ, хладнокровнымъ зрителямъ.

Теперь остается сказать нѣсколько словъ по поводу заявленнаго генераломъ *Рыжовымъ* мнѣнія, что англійская кавалерія вся была пьяная. Объ этомъ дѣйствительно говорили и въ то время, но серьезно этому никто не вѣрилъ. Я по крайней мѣрѣ видѣлъ почти всѣхъ раненыхъ и въ числѣ ихъ не видѣлъ ни одного пьянаго. Да и трудно допустить, чтобы пьяная кавалерія совершила то, что совершила кавалерія англійская.

Положимъ, что вино могло прибавить къ храбрости много безумства; но вѣдь не безумство нужно было англійской кавалеріи, чтобъ вырваться изъ той западни, въ которую она попала. Тутъ нужно было сознаніе долга и чести, хладнокровная и обдуманная отвага; но ко всему этому пьяный человѣкъ, конечно, не способенъ (¹).

Степанъ Кожуховъ.

Москва, май 1870 г.

Отрывокъ изъ соч. Кинглэка о сраженіи подъ Балаклавою.

Для англичанъ въ Крыму портомъ, арсеналомъ, складочнымъ мѣстомъ, откуда они получали все для себя необходимое, служила Балаклава, небольшой городокъ, расположенный на узкой полосѣ широкаго берега, между небольшимъ заливомъ и восточнымъ склономъ горы Хиблакъ. Городъ окруженъ со всѣхъ сторонъ высокими и крутыми холмами, за исключеніемъ Кадыкіойскаго ущелья, находящагося на сѣверной сторонѣ и представляющаго довольно удобный доступъ къ городу. Поэтому для защиты города требовался небольшой отрядъ войска и, кромѣ того, при Кадыкіойскомъ ущельѣ стояли полкъ шотландцевъ, одинъ турецкій батальонъ и батареи англійской полевой

(¹) „Русскій Архивъ" 1870 г. № 9.

артиллеріи Кадыкіойское ущелье выходитъ на довольно пространную равнину, прерываемую во многихъ мѣстахъ возвышенностями и окруженную со всѣхъ сторонъ холмами отъ 300 до 1000 футовъ высоты, именно: на сѣверѣ находятся такъ называемыя Ѳедюхины горы, на западъ гора Гасфорда, на югѣ Комарскія высоты и Хиблакъ, а на востокѣ крутые обрывы Херсонесской возвышенности. Эта мѣстность и была театромъ такъ называемаго балаклавскаго сраженія, о которомъ *Кинглэкъ* говоритъ весьма подробно. Минуя всѣ эти подробности, мы скажемъ только о немъ въ самыхъ краткихъ словахъ, чтобы не прерывать нить общаго разсказа.

Меншиковъ, желая отрѣзать англичанъ отъ моря и, по возможности, ихъ стѣснить, рѣшился сдѣлать нападеніе на Балаклаву и послалъ съ этою цѣлью предварительно генерала *Липранди* къ Чоргуну, который его занялъ безъ сопротивленія. Вмѣстѣ съ нимъ долженъ былъ дѣйствовать и отрядъ генерала *Жабокритскаго*. Прежде всего нужно было занять тѣ полевыя укрѣпленія (редуты), въ которыхъ стояли шотландцы и турки на Кадыкіойскихъ высотахъ. Русскіе скоро выбили турокъ изъ занимаемыхъ ими редутовъ, овладѣли ими вмѣстѣ съ находившимися въ нихъ англійскими пушками. Турки отступили, а вмѣстѣ съ ними отступили и стоявшія невдалекѣ англійскія войска—кавалерія и батареи конной артиллеріи, которыя и стали близъ Кадыкіойскаго ущелья. Въ это время *Жабокритскій* успѣлъ занять Ѳедюхины высоты.

По видимому, русскіе не хотѣли предпринимать ничего рѣшительнаго противъ Балаклавы, и русская кавалерія одна двинулась по открывшейся предъ нею равнинѣ, подошла къ Херсонесскимъ высотамъ, но, увидавъ, что онѣ заняты артиллеріею, отошла въ сторону Въ то же время англійская кавалерія, подъ начальствомъ *Скарлетта*, шедшая къ Кадыкіою, напала на русскую кавалерію; произошло кавалерійское сраженіе, послѣ котораго русскіе отступили назадъ, разобщивъ такимъ образомъ отряды *Липранди* и *Жабокритскаго*. *Рагланъ*, замѣтивъ это, рѣшился немедленно воспользоваться такимъ удобнымъ случаемъ,

и двинулъ кавалерію въ атаку, чтобы занять потерянныя Кадыкіойскія высоты. Приказаніе это было худо понято *Луканомъ*, командовавшимъ кавалеріей. Онъ двинулъ свою легкую кавалерію, подъ командою *Кардигана*, въ долину, отдѣлявшую высоты близъ шоссейной дороги, которыя *Рагланъ* намѣревался атаковать, отъ Ѳедюхиныхъ высотъ, на которыя долженъ былъ произвести нападеніе *Алонвиль*. Въ долинѣ этой кавалерія могла легко подвергнуться дѣйствію перекрестнаго огня съ окружавшихъ высотъ, имѣя предъ собою русскія батареи и кавалерію подъ начальствомъ *Рыжова*. Въ этой атакѣ, не смотря на всю свою храбрость, англійская кавалерія понесла рѣшительное пораженіе: нѣкоторые полки ея были почти совсѣмъ уничтожены, а остальные отступили съ большими потерями. Въ то же время *Алонвиль*, съ знаменитыми африканскими конно-егерями, двинулся на Ѳедюхины высоты и заставилъ русскихъ, занимавшихъ оныя, отступить, хотя только на время; но и этотъ временной успѣхъ помогъ остаткамъ англійской кавалеріи отступить. Видя пораженіе, понесенное англичанами, *Липранди* снова подвинулъ свою пѣхоту на высоты близъ шоссе и удержалъ окончательно за собою занятые въ началѣ сраженія редуты. Союзники потеряли такимъ образомъ часть внѣшней оборонительной линіи подъ Балаклавою, и вмѣстѣ съ тѣмъ лишились возможности свободно дѣйствовать въ странѣ, которую намѣревались завоевать; они теперь, въ продолженіе многихъ мѣсяцевъ, должны были ограничиться лишь очень небольшою территоріею. Вскорѣ, какъ увидимъ ниже, возникла мысль покинуть совсѣмъ Балаклаву. Мысль эта, впрочемъ, не была приведена въ исполненіе, но, тѣмъ не менѣе, за союзниками осталась только очень небольшая приморская полоса земли, необходимая для поддержанія сообщеній съ Херсонессомъ. Воронцовская дорога совершенно отъ нихъ ускользнула. Русскіе взяли, кромѣ редутовъ, еще 7 англійскихъ орудій и турецкое знамя, которыя и были посланы въ Севастополь.

Вообще говоря, если это балаклавское сраженіе, по различнымъ фазисамъ и его результату, не можетъ быть

названо побѣдою русскихъ, тѣмъ не менѣе оно имѣло значительныя послѣдствія нравственныя. особенно для защитниковъ Севастополя. *Липранди* могъ указать на блистательную атаку, штурмъ и взятіе турецкихъ редутовъ и на то, что онъ чрезъ это стѣсняетъ до крайности англичанъ подъ Балаклавою. Присланные трофеи русскаго оружія доставляли не малое утѣшеніе Севастопольскому гарнизону и разсѣевали значительно то впечатлѣніе, которое было произведено на русское войско сраженіемъ подъ Альмою ([1]).

Статьи иностранныхъ газетъ о дѣлѣ 13-го октября на Кадыкіойскихъ высотахъ.

Въ «Fremdenblatt», по достовѣрнымъ извѣстіямъ. сообщаютъ, что англичане въ дѣлѣ 25 го октября (съ дивизіею генерала *Липранди*) потеряли до 600 человѣкъ кавалеріи и 11 пушекъ ([2]).

Парижскій корреспондентъ «Ind. Belge» пишетъ: «Въ самыхъ горестныхъ событіяхъ бываетъ и смѣшная сторона. Одинъ очевидецъ разсказываетъ, что въ дѣлѣ 25 октября турки, которые, какъ извѣстно, обратились въ бѣгство, сражались въ туфляхъ (бабушахъ), и эта обувь, конечно, мѣшала имъ бѣжать» ([3]).

Изъ всѣхъ донесеній видно ([4]), что турецкія войска играли въ Крыму самую жалкую роль, за которую и наказаны огромными потерями, затмѣвающими даже потери англійской легкой кавалеріи. Не менѣе 1,500 турокъ убито или тяжело ранено въ дѣлѣ 25 октября. Большая часть во время бѣгства поражена пиками казаковъ. Англичане очень недовольны такимъ поведеніемъ турокъ. Расположеніе въ пользу Турціи, существовавшее впрочемъ только въ Англіи, а не во Франціи. получило чувствительный ударъ. Корреспондентъ «Кельнской Газеты» также гово-

---

([1]) „Заря“ 1870 г. № 9.
([2]) „Сѣв. Пчел.“ 1854 г. № 244
([3]) „Спб. Вѣд. 1854 г. № 257.
([4]) „Спб. Вѣд.“ 1854 г. № 253.

рить, что въ балаклавскомъ дѣлѣ турки вели себя самымъ жалкимъ образомъ; за то англичане выказали необыкновенную храбрость, хотя начальники ихъ заслуживаютъ осужденія.—Такимъ образомъ одинъ англійскій кавалерійскій полкъ, вопреки увѣщаніямъ многихъ изъ его офицеровъ, былъ посланъ подъ перекрестный огонь трехъ батарей, немедленно сооруженныхъ русскими противъ Балаклавы.— Онъ двинулся впередъ, превосходно исполнилъ долгъ свой, но вышелъ изъ огня только въ числѣ 60 человѣкъ.

Когда русскіе взяли редуты на балаклавской дорогѣ, турки бросились въ самую Балаклаву, но тотчасъ же были оттуда съ презрѣніемъ выгнаны. Они расположились теперь по ту сторону гавани.—Эти негодяи не довольствуются одною трусостью, но были такъ низки, что принялись грабить палатки шотландскихъ гвардейцевъ въ то время, какъ послѣдніе сражались. Турки снимали также сапоги и платье безъ различія съ британскихъ и русскихъ убитыхъ.—Чѣмъ скорѣе отправятъ турецкій отрядъ назадъ въ Варну или Константинополь, тѣмъ лучше.—Офицеръ, который начальствовалъ на первомъ редутѣ, и который, кажется, первый обратился въ бѣгство, былъ преданъ, говорятъ, военному суду (1).

Въ Монитерѣ 12-го ноября напечатано донесеніе генерала *Канробера* о дѣлѣ 25-го (13-го) октября. Замѣчательно, что въ этомъ донесеніи потеря англійской кавалеріи показана въ 150 челов., тогда какъ въ «Times», 11-го числа, полученномъ въ тотъ же день, напечатана слѣдующая телеграфическая депеша изъ Марселя.

Нашъ корреспондентъ пишетъ изъ севастопольской арміи, отъ 28-го октября, что изъ 607 человѣкъ легкой пѣхоты, участвовавшей въ дѣлѣ 25-го (13-го), возвратились только 198. Изъ 800-же человѣкъ кавалеріи воротилось только 200; 9 офицеровъ были убиты, 21 раненъ и 4 пропали безъ вѣсти. 17-й уланскій полкъ уничтоженъ почти совершенно (2).

---

(1) „Спб. Вѣд." 1854 г. № 256.
(2) „Сѣверная Пчела" 1854 г. № 253.

Въ вѣнской газетѣ «Soldatenfreund» пишутъ: Прямыя извѣстія изъ Крыма простираются до 31-го октября. Побѣда генерала *Липранди* 25-го числа привела въ восторгъ севастопольскій гарнизонъ. Одушевленный къ бою болѣе нежели когда либо, онъ окончилъ свое дѣло съ честію. Съ тѣхъ поръ, какъ союзники убѣдились трехъ-недѣльнымъ опытомъ, что бомбардировка не поколеблетъ города, они обратились къ правильной осадѣ. Однако же сомнительнымъ кажется, чтобъ и этимъ способомъ они достигли своей цѣли скорѣе и удачнѣе. Въ «Soldatenfreund» почитаютъ весьма важнымъ то обстоятельство, что союзный флотъ не можетъ принимать участія въ осадѣ, въ слѣдствіе поврежденій претерпѣнныхъ значительнѣйшими его судами: это подтверждается константинопольскими корреспондентами сей газеты самымъ положительнымъ образомъ. Наконецъ въ сей газетѣ сообщаютъ еще, что адмиралъ *Нахимовъ* совершенно выздоровѣлъ (?) отъ своей раны и управляетъ обороною крѣпости (1).

Депешею въ «Daily News» увѣряютъ, что лордъ *Кардиганъ* лишенъ начальства за необдуманное поведеніе 25-го октября (когда англійская кавалерія пострадала близъ Балаклавы) (2).

Изъ Вѣны, отъ 31-го октября, пишутъ въ *Новой Прусской Газетѣ*, что телеграфическія извѣстія, полученныя (черезъ Варшаву) о побѣдѣ одержанной 25-го (13-го) октября генераломъ *Липранди* надъ союзниками, произвели въ Вѣнѣ тѣмъ сильнѣйшее впечатлѣніе, что, по донесеніямъ сихъ послѣднихъ, позиція осаднаго корпуса почиталась совершенно неприступною (3).

Телеграфическою депешею изъ Лондона, отъ 4-го чи-

---

(1) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 254.
(2) «Сѣверная Пчела» 1854 г. № 255
(3) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 243.

сла, полученною въ Берлинѣ, лордъ *Страдфордъ* сообщаетъ изъ Константинополя отъ 28-го октября объ атакѣ и взятіи русскими фортовъ близъ Балаклавы, прибавляя, что три полка англійской легкой кавалеріи жестоко при томъ пострадали ([1]).

Лордъ Страдфордъ *Редклифъ*, во второй депешѣ, посланной имъ къ герцогу *Ньюкестлю* изъ Константинополя вечеромъ 28-го октября, подтверждая препровожденное имъ утромъ въ тотъ же день въ Лондонъ извѣстіе о взятіи генералъ-лейтенантомъ *Липранди* редутовъ при Балаклавѣ, говоритъ что это нападеніе произведено русскими совершенно неожиданно, что редуты были защищаемы турками и шотландцами, что турки показали тылъ, даже не заклепавъ своихъ пушекъ, но что шотладцы защищались храбро, и повторяетъ, что три полка легкой англійской кавалеріи, пытавшейся удержать натискъ русскихъ войскъ, понесли огромную потерю ([2]).

Корреспондентъ англійскихъ газетъ не находитъ словъ чтобъ заклеймить трусость турокъ въ дѣлѣ 13-го (25-го) октября. Солдаты союзной арміи, встрѣчаясь съ ними, ругали ихъ и кричали: бѣглецы, трусы! и т. п. Двѣ солдатки, жены ирландцевъ, гнали передъ собою четырехъ турокъ, взваливъ имъ на плечи разный скарбъ и, погоняя ихъ приговаривали: «Вы, трусы, только на то и годны, чтобъ служить намъ, а драться вы не умѣете». Адъютантъ *Блунтъ*, подъ которымъ убита была лошадь, вскочилъ на другую, бѣжавшую безъ сѣдока, которая прямо понесла его на русскую кавалерію. Онъ спасся только тѣмъ, что бросился въ сторону, къ одному редуту. Тамъ лежала ничкомъ цѣлая толпа турокъ восклицая: О Аллахъ! Аллахъ ([3]).

([1]) «Сѣверн. Пчела» 1854 г. № 243.
([2]) „Русск. Инвал.“ 1854 г. № 247.
([3]) „С.-Петерб. Вѣдом.“ 1854 г. № 262.

Письма доктора

17-го октября ([1]).

13-го октября генералъ *Липранди* передъ Кадыковкою имѣлъ дѣло съ непріятелемъ, сбилъ его съ позиціи, овладѣлъ 4 редутами, отнялъ 11 орудій и, какъ говорятъ сами переметчики, истребилъ всю англійскую кавалерію.—Начало хорошее и доказываетъ, что и англичанъ бить можно—не чугунные.—*Липранди* въ этихъ же занятыхъ имъ редутахъ укрѣпился и будетъ дожидать прибытія и присоединенія 10-й дивизіи: тогда что Богъ дастъ! Переметчики изъ непріятельской арміи являются почти каждый день и увѣряютъ, что у нихъ въ арміи замѣтенъ упадокъ духа и надежды на взятіе Севастополя; большой ропотъ, что не воспользовались случаемъ, который у нихъ былъ въ рукахъ (?), а теперь поздно; думаютъ о собственномъ спасеніи и страшно укрѣпляютъ свою позицію. Между тѣмъ Севастополь нашъ много получилъ проклятыхъ бомбъ и ядеръ. Но наши бастіоны держатся непоколебимо; моряки обстрѣлялись, стоятъ на своихъ мѣстахъ, какъ истинные герои. Перечень, составленный 16-го числа, показываетъ, что у насъ съ бастіоновъ убыло уже довольно; но и у непріятеля не лучше. Вы не можете себѣ представить тотъ хаосъ, то разрушеніе въ ихъ окопахъ, которое причиняютъ имъ наши бастіоны: а на бастіонахъ нашихъ теперь до 450 орудій... и когда все это успѣли сдѣлать?... Въ этомъ помогъ только одинъ Богъ чрезъ посредство неутомимой дѣятельности незабвеннаго *Корнилова* и вѣрнаго его помощника *Тотлебена*. Вотъ ужъ молодецъ-инженеръ. Если Севастополь устоитъ противъ всѣхъ усилій врага, то этимъ обязаны наиболѣе *Корнилову*. Миръ праху твоему! Вотъ уже 14-й день, какъ городъ нашъ громятъ со всѣхъ сторонъ; но что же они сдѣлали? Сожгли старыя казармы, бывшія артиллерійскія, сожгли старый госпитальный флигель, нѣсколько домиковъ въ Артиллерійской слободкѣ, въ томъ числѣ и

([1]) См. статью А. Скальковскаго „Русскіе крестовые рыцари 1854—1855 годовъ" С.-Петерб. Вѣдом. 1855 г. № 124.

домъ *Залѣсскаго*; а бастіоны, предметъ всѣхъ ихъ усилій, стоятъ себѣ и будутъ стоять твердо. Переметчики увѣряютъ, что непріятель ведетъ подъ какой-то изъ нашихъ бастіоновъ мину,- а подъ какой именно, не знаютъ, потому что это дѣлается тайно; но, благодаря Бога за грунтъ земли, въ этомъ непріятель успѣетъ не скоро; силы же наши подходятъ окончательно, и результатъ произойдетъ прежде взрыва мины—что Богъ дастъ.

«Я живу себѣ какъ заяцъ; семейство выпроводилъ въ Симферополь, а самъ пріютился при бывшихъ моихъ паціентахъ, днемъ большею частью съ ними на батареяхъ, а ночую дома; дворъ мой засыпанъ ядрами и осколками бомбъ, а домъ хотя безъ стеколъ, но еще, Богъ миловалъ, держится. Во все это время погода была необыкновенная; совершенные штили, ясно и жарко, до 19 градусовъ тепла; вчера же задулъ нашъ сѣверный вѣтеръ: вдругъ сдѣлалось холодно—не больше 13 град. тепла. Сегодня тотъ-же вѣтеръ; съ мелкимъ дождемъ ..»

18-го октября (1).

«Суматоха и бѣготня въ домѣ, гдѣ я ночевалъ, вывели меня изъ забвенія; говорятъ, войска непріятельскія двигаются на 4-й бастіонъ, что противу бульвара! Но тревога была напрасна: все утихло... на минуту. Сегодня; кромѣ убійственной канонады обошлось безъ особенныхъ хлопотъ и потерь. Вѣтеръ на дворѣ реветъ страшно, домъ нашъ дрожитъ, остатки стеколъ въ окнахъ словно въ набатъ бьютъ. Въ адмиралтейство перевели мы всѣхъ женщинъ и дѣтей, какъ мѣсто самое безопасное... Корабль *Варна* и четыре другихъ затопили мы на фарватерѣ».

«*19-го октября* (2).

«*Новосильскій* (вице-адмиралъ) командуетъ 4-мъ бастіономъ, и вотъ уже 15-й день, какъ выдерживаемъ страшный огонь непріятельскій. Много уже пало солдатъ и офицеровъ; но храбрый командиръ, слава Богу, невредимъ. *Нахимовъ* также страшно рискуетъ, не желая оставлять сво-

(1) Тамъ же.
(2) Тамъ же.

ихъ моряковъ однихъ на бастіонахъ. Въ домѣ П. К. Волкова, гдѣ былъ перевязочный пунктъ, 16-го числа влетѣла бомба чрезъ потолокъ и ударилась въ откосъ перваго окна. Тутъ ее, проклятую, разорвало въ куски, изрѣшетившіе всѣ стѣны въ залѣ и гостиной. Однимъ осколкомъ пробило тюфякъ и полъ и раненому, тутъ лежавшему, оторвало обѣ руки. Прочіе раненые, наполнявшіе всѣ комнаты, остались невредимы. Господь Богъ съ нами...»

«20-го октября» (¹).

«Сегодня англичане жестоко били бастіонъ Новосильскаго изъ 27-ми осадныхъ орудій; но онъ, голубчикъ, не поддался: у него теперь всѣ моряки Щеголевы! Я давно уже нахожусь на перевязочномъ пунктѣ, да завѣдываю больными матросами, моими старыми друзьями... Сегодня приняты были мѣры на случай штурма; но, кажется, враги наши его боятся. Они храбры—«на деликатной дистанціи».

Извѣстія изъ Крыма о положеніи дѣлъ подъ Севастополемъ, по 22-ое октября 1854 года.

Послѣ 13 числа, до 15-го включительно, непріятель ничего противъ позиціи, занятой въ тылу его отрядомъ генералъ-лейтенанта *Липранди*, не предпринималъ. Въ то же время противъ Севастополя огонь съ англійскихъ батарей производился гораздо слабѣе, нежели въ предшествовавшіе дни. Французскія батареи продолжали еще канонаду довольно сильную; но по-прежнему важныхъ поврежденій намъ не причиняли. Артиллерія наша отвѣчала съ такимъ успѣхомъ, что заложенная французами еще съ 11-го числа, въ 200 саженяхъ отъ бастіона № 4-го, новая батарея, примѣрно на 30 орудій, не могла до 15-го числа быть вооружена по причинѣ губительнаго съ означеннаго бастіона картечнаго огня.

По донесенію, полученному отъ генералъ-адъютанта князя *Меншикова*, взаимное положеніе наше съ непріяте-

(¹) Тамъ же.

лемъ подъ Севастополемъ, въ теченіе 16-го и 17-го числъ октября мѣсяца, не измѣнилось. Осадныя непріятельскія работы продолжались, но ближайшія его къ городу батареи не были еще вооружены. Въ оба эти дня огонь по Севастополю производился вообще слабѣе прежняго.

Генералъ-адъютантъ князь *Меншиковъ* доноситъ отъ 20-го числа октября, вечеромъ, что бомбардированіе Севастополя продолжалось непріятелемъ съ сухопутныхъ его батарей, хотя не съ тою силою, какъ въ первые дни. — Поврежденія, производимыя имъ въ нашихъ укрѣпленіяхъ, малозначительны и немедленно исправляются. Подъ Балаклавою съ 18-го по 20-е ничего не происходило.

По донесенію генералъ-адъютанта князя *Меншикова*, отъ 22-го октября (3-го ноября), осадныя работы противъ Севастополя продолжались безъ видимаго успѣха. Огонь англійскихъ батарей замѣтно слабѣлъ. Вообще поврежденія, наносимыя непріятелемъ нашимъ укрѣпленіямъ, по прежнему незначительны и исправляются безъ малѣйшей потери времени [1].

Лондонъ, 28-го октября (16-го) октября. Англійское правительство не хотѣло оставить безъ отвѣта упреки относительно дурнаго устройства медицинской части въ арміи и напечатало въ газетахъ родъ оправданія. Изъ этого отчета видно, что въ Константинополь было отправлено съ экспедиціонною арміею 2500 фунтовъ корпіи; что потомъ туда послано еще 800 фунтовъ, потомъ еще 2,504 фунта, а въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ еще 2,500 фунтовъ, что составляетъ всего навес. слишкомъ 8,300 фунтовъ. Кромѣ того, на Востокъ отправлено 1,200 дюжинъ бутылокъ портвейна, 500 галлоновъ водки, 2,600 фунтовъ чая, не считая 600 дюжинъ бут. вина и 200 галлоновъ водки, посылаемыхъ туда теперь. Что касается до военныхъ врачей и хирурговъ, то ихъ было 276 челов., значитъ по одному на 97 человѣкъ, тогда какъ въ испанскую войну ихъ было только по одному на 154 человѣка. Полевыхъ лазаретовъ бы-

(1) «Русскій Инвалидъ» 1854 г. № 238, 240 и 242.

ло 21, и въ каждомъ изъ нихъ могло помѣщаться по 11 раненыхъ. Но случилось то, чего не предвидѣли, а именно: были принуждены оставить большую часть этихъ подвижныхъ лазаретовъ въ Варнѣ, потому что они стали бы слишкомъ мѣшать движеніямъ экспедиціи. Эти подвижные госпитали прекрасное изобрѣтеніе, но съ ними много хлопотъ, и кажется, что по этой то причинѣ герцогъ *Веллингтонъ* и не хотѣлъ вводить ихъ въ армію. Какъ бы то ни было, правительство приняло теперь всѣ мѣры къ улучшенію устройства медицинской части въ своей арміи на Востокѣ и даже отправляетъ въ Константинополь, для хожденія за больными и ранеными, до сорока сидѣлокъ, взятыхъ изъ женскихъ больницъ. Не смотря на это оправданіе британскаго правительства, жалобы на небрежное обхожденіе съ ранеными не умолкаютъ, и, судя по всему, жалобы эти весьма основательны. Газета «Times» справедливо замѣчаетъ, что цѣлые грузы корпіи, бальзама и постельнаго бѣлья, отправленные изъ Англіи, принесли на самомъ дѣлѣ очень мало пользы раненымъ. Наши солдаты, говоритъ она, получили свои раны въ Крыму; госпиталь, куда ихъ надобно было перевезти, лежитъ въ Скутари, а аптека находится въ Варнѣ. Случилось даже, что пароходъ шелъ по Босфору съ грузомъ лекарствъ, которыхъ ждали въ Скутари съ тоскливымъ нетерпѣніемъ, но долженъ былъ, не останавливаясь при Скутари, идти къ Варнѣ, потому что Варна была мѣстомъ его назначенія. Надобно сказать, впрочемъ, что въ дурномъ устройствѣ нашей медицинской части виновата нѣсколько сама армія: ни одинъ британскій солдатъ, ни офицеръ, пока онъ здравъ и невредимъ, не хочетъ думать о врачѣ (газета «Times» видитъ въ этомъ особенную черту характера англо-саксовъ). Медицина играетъ въ лагерѣ роль Сандрильоны. Перевозка врачей на пароходѣ — дѣло послѣднее, и на нихъ обращаютъ вниманіе (и то слегка и неохотно) уже тогда, когда снаряжена послѣдняя фура. О ромѣ и чаѣ англичане заботятся несравненно болѣе, нежели о лекарствахъ и врачѣ. До тѣхъ поръ, пока во врачѣ нѣтъ крайней надобности, онъ долженъ самъ думать

о томъ, на чемъ ему ѣхать, самъ хлопотать о прінсканіи вьючной скотины для перевозки своихъ запасовъ; но когда кровь польется ручьями, тогда всѣ въ одинъ голосъ кричатъ: подавайте намъ врача! а часто это бываетъ слишкомъ поздно. При посаженіи экспедиціонныхъ войскъ на суда было оставлено на берегу все, что не служило непосредственно къ бою: бѣлье и платье офицеровъ, аптека и даже палатки, которыя, какъ оказывается теперь, могли бы спасти жизнь не одному человѣку. Въ самомъ дѣлѣ, холера произвела въ рядахъ нашей арміи еще большія опустошенія, нежели какія произведены въ нихъ ядрами и картечью непріятеля. Въ продолженіе двухъ недѣль наши офицеры и солдаты спали подъ открытымъ небомъ, безъ палатокъ, безъ покрова и безъ огня. Прибавьте къ этому чрезвычайное обиліе плодовъ и овощей, среди котораго они очутились послѣ нѣсколькихъ дней, проведенныхъ почти вовсе безъ воды, и вы поймете, почему болѣзни дѣйствовали между ними такъ опустошительно (1).

— Если вѣрить газетѣ «Times», то англійское правительство намѣрено отправить въ Крымъ, для пополненія убыли въ войскахъ, батальонъ гвардіи, 97-й полкъ, находящійся въ Пиреѣ, 62-й полкъ, который теперь въ Галлиполи, 34-й полкъ, съ острова Мальты, 71-й, съ острова Корфу, 82-й, изъ Эдинбурга и 90-й, изъ Дублина. Правительство надѣется, что въ крѣпостяхъ, откуда будутъ выведены эти войска, милиція станетъ отправлять гарнизонную службу съ такимъ же усердіемъ, съ какимъ она была отправляема доселѣ. Газета «Times», разсчитывая, что, такимъ образомъ, Англія отправитъ въ Крымъ около 7,000 челов. свѣжаго войска, объявляетъ, что Франція посылаетъ туда, въ то же время, 8,000 чел., на англійскихъ пароходахъ (2).

Сообщаемъ выписку изъ новѣйшихъ англійскихъ га-

(1) „Русскій Инвалидъ„ 1854 г. № 240
(2) «Русскій Инвалидъ» 1854 г. № 255.

зеть: Въ «Times», кажется, не хотятъ уже болѣе скрывать опаснаго положенія союзныхъ войскъ въ Крыму, и въ статьѣ, выражающей большія опасенія, настаиваютъ, чтобъ употреблены были всѣ средства, для безотлагательнаго подкрѣпленія арміи и флота въ самыхъ больших размѣрахъ. Непосредственнымъ поводомъ къ опасеніямъ въ «Times» было полученное въ Лондонѣ извѣстіе, что союзники потеряли въ сраженіи при Балаклавѣ 13 го (25-го) октября болѣе, нежели сознавались въ донесеніяхъ англійскихъ и французскихъ. Въ извѣстіяхъ, полученныхъ черезъ С.-Петербургъ, потеря союзниковъ съ самаго начала была показана вѣрно, въ 800 человѣкъ. «Мы никогда не разсчитывали, сказано въ «Times», на легкую и дешевую побѣду». Можно было бы поспорить противъ этихъ словъ, но достовѣрно, что нынѣшнія фразы «Times» въ точности выражаютъ общественное мнѣніе Англіи. «Не правда, чтобы (какъ сказано въ газетѣ) боялись *только стихій*, хотя мысль о сильныхъ, проливныхъ дождяхъ, возвѣщающихъ начало зимы въ Крыму и развивающихъ новыя болѣзни въ лагерѣ, заставляетъ трепетать за результатъ великаго предпріятія. Нѣтъ! Боятся также и прибытія свѣжихъ русскихъ войскъ, которыхъ князь *Меншиковъ* ждетъ къ 3-му ноября (22-го октября). На бѣду, князь *Меншиковъ* жестоко обманулъ Европу. Ожидали, что реляціи его будутъ лгать, а до сихъ поръ справедливость ихъ оправдалась вполнѣ (забавная укоризна!) Видя эту опасность и удостовѣрясь, что холера, лихорадка и непріятельскіе выстрѣлы уменьшили британскую армію со времени высадки 14-го сентября почти на половину, въ «Times» печатаютъ большими буквами: *Намъ нужны сильныя подкрѣпленія*. Правительство недавно послало 4.000 чел., но это капля на горячій камень. Намъ должно употребить всѣ наши силы. Важная цѣль требуетъ величайшихъ усилій. Нашъ черноморскій флотъ состоитъ почти изъ одних парусныхъ судовъ, а они худо противятся зимнимъ бурямъ. Почему не посылаемъ мы въ Черное море, безъ замедленія, всѣхъ нашихъ колесныхъ и винтовыхъ пароходовъ, возвратившихся изъ Балтійскаго моря? У насъ

здѣсь 20,000 солдатъ и нѣсколько тысячъ стоящихъ гарнизонами въ Средиземномъ морѣ, которые могутъ быть замѣнены милиціею. Какъ могутъ 16,000 челов. совершить такую геркулесовскую работу, которая не легка была бы и для тридцати? Кто читалъ исторію древнихъ, тотъ знаетъ, что не мечъ Марцелла и не щитъ Фабія исторгли Италію изъ рукъ Аннибала, а жалкая политика завистливаго карѳагенскаго сената, задержавшаго подкрѣпленія до того времени, какъ было уже поздно. Вотъ что разрушило планы геніальнаго полководца, истощеннаго сотнями побѣдъ. Еслибъ совѣты «Times» и были выполнены немедленно, то подкрѣпленія ни подъ какимъ видомъ не могутъ придти въ Крымъ раньше трехъ недѣль ([1]).

Изъ Парижа пишутъ: Волненіе здѣсь необыкновенное, и повсюду носятся самые зловѣщіе слухи. Кромѣ депешъ объ успѣхахъ одержанныхъ генераломъ *Липранди*, сначала казавшихся сомнительными, говорятъ о большихъ потеряхъ понесенныхъ французами на приступѣ къ городу; говорятъ также о жестокой эпидеміи опустошающей лагерь. Слухи эти не основываются ни на какомъ достовѣрномъ извѣстіи, тѣмъ не менѣе они производятъ большое уныніе. Биржевой курсъ понизился почти на франкъ.

Поленъ, издатель иллюстраціи, представилъ въ цензуру заранѣе изготовленные рисунки, изображающіе приступъ и взятіе Севастополя. Ему сказали, чтобъ онъ повременилъ до новаго приказанія.

Въ «Journal de Constantinople», 24-го октября, сообщаютъ, что сынъ *Османъ-паши* убитъ на кораблѣ «Вилль-де-Пари. Въ той же газетѣ сказано, что часть французскаго войска изъ Греціи пришла въ Константинополь и уже отправлена въ Крымъ. Остальныхъ ожидаютъ въ сей столицѣ для перевоза туда-же. (По прямымъ извѣстіямъ изъ Аѳинъ, отъ 27-го октября, войска сіи еще не отправлялись) ([2]).

([1]) „Сѣверн. Пчела“ 1854 г. № 254.
([2]) «Сѣверн. Пчелѣ» 1854 г. № 247.

Вотъ нѣкоторые отрывки изъ писемъ корреспондента «Times» изъ лагеря предъ Севастополемъ:

Отъ 20-го октября. Люди наши чрезвычайно утомлены. Ежедневная служба истощаетъ ихъ и наши артиллеристы едва имѣютъ 5 часовъ отдохновенія въ сутки. Они жестоко разочарованы, какъ, безъ сомнѣнія, и англійская публика. Мы думали что Севастополь *городъ картонный*, и что его стѣны обрушатся при громѣ нашей артиллеріи, какъ стѣны Іерихона, при звукахъ трубъ Іисуса Навина. Ложное извѣстіе о взятіи Севастополя, привезенное изъ Англіи, произвело здѣсь большое негодованіе и самое комическое изумленіе.

Вообще въ Англіи наше положеніе очень мало извѣстно. Смѣшно мнѣ было читать въ одной газетѣ предложеніе печь хлѣбъ на индійскій манеръ съ солью, молокомъ и масломъ. Соль принадлежитъ къ числу неизвѣстныхъ для насъ предметовъ роскоши. Мы уже забыли вкусъ молока и масла. Однажды ввечеру, послѣ перехода, лордъ *Гагланъ* былъ очень счастливъ, что нашелъ кусокъ холодной свинины, немного солдатскаго рому и воды.

Самая тяжелая участь терзаетъ нашихъ лошадей: у нихъ нѣтъ ни сѣна, ни травы: они должны пользоваться волчцомъ. Въ этихъ обстоятельствахъ конина продается дешево и солдаты подчиваютъ другъ друга кусками отличныхъ скакуновъ, но ихъ ѣдятъ мало.

Отъ 22-го. Уменьшеніе силъ нашихъ возбуждаетъ со дня на день живѣйшія опасенія. Изъ первоначальныхъ 35,000 человѣкъ едва 16,500 въ состояніи нести службу.

Съ 10 числа отправлены въ Балаклаву болѣе 700 больныхъ. Ежедневно выбываютъ изъ фронта по сороку и по пятидесяти человѣкъ, которыхъ далеко не замѣняютъ выздоравливающіе.

Въ «Zeit» сообщаютъ, что первый корпусъ арміи *Омеръ-паши*, и именно кавалерійскій (недостатокъ кавалеріи былъ всегда весьма ощутителенъ для союзниковъ) отправился 25-го октября изъ Варны въ Крымъ (¹).

(¹) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 256.

Вотъ нѣсколько подробностей объ осадѣ Севастополя. заимствуемыхъ нами изъ писемъ корреспондентовъ «Times» въ Крыму отъ 18-го до 28-го октября.

20-го числа чрезвычайно безпокоили французовъ выстрѣлы русскихъ, а особливо бомбы. Мѣткость ихъ, по словамъ корреспондента, была удивительная. 22-го числа русскій военный пароходъ «Владиміръ» сталъ на шпрингъ при входѣ въ гавань и открылъ огонь по правому флангу англійской линіи. Бомбы его были направляемы съ такою вѣрностью, что у англичанъ было убито два человѣка и ранено двадцать, прежде нежели они успѣли отвѣчать съ успѣхомъ. Съ этого дня англійскіе артиллеристы были утомлены до крайности и жаловались на дурное качество своихъ ракетъ. Эта жалоба повторяется въ письмѣ 24-го числа: въ немъ сказано, что огонь англійскихъ мортиръ почти совсѣмъ прекратился. 26-го числа корреспондентъ увѣряетъ, что во французскихъ траншеяхъ вновь взорванъ былъ одинъ пороховой погребъ русскою бомбою, и прибавляетъ: «русскіе бросаютъ на наши батареи тринадцатидюймовыя бомбы—и такимъ образомъ заставили вчера замолчать, на одной батареѣ, огонь девяти орудій изъ двадцати одного. Мы же не можемъ стрѣлять по кораблю, который бросаетъ эти бомбы. Пушки наши разрываются отъ слишкомъ сильной пальбы; намъ нужно больше людей и какъ можно скорѣе. 24-го числа до 500 выздоровѣвшихъ прибыли изъ Скутари въ Балаклаву, но они были еще такъ слабы, что, отправляясь изъ города въ лагерь, многіе изъ нихъ упали отъ истощенія силъ на дорогѣ (¹).

Въ «Neue Preussische Zeitung» помѣщена любопытная статья: авторъ ея, по видимому военный, старается доказать, что штурмъ Севастополя сдѣлался невозможнѣе, нежели когда либо, съ тѣхъ поръ, какъ въ тылу союзниковъ стоитъ генералъ *Липранди*: въ этихъ обстоятельствахъ всякая подобная попытка будетъ развѣ дѣломъ отчаянія. Впрочемъ, по мнѣнію автора, князь *Меншиковъ*, получивъ

(¹) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 257.

всѣ ожидаемыя подкрѣпленія, не останется въ бездѣйствіи и, принявъ свои мѣры, вскорѣ нанесетъ врагамъ рѣшительный ударъ. Въ заключеніе авторъ сей статьи говоритъ: Ученый *Вагнеръ*, приводя испанскую пословицу: «Samara ne se gano en un hora», переводитъ ее: «былъ Римъ выстроенъ не въ одинъ день». Лексикографы могутъ на будущее время замѣнить этотъ переводъ слѣдующимъ: Севастополь былъ взятъ не такъ скоро, какъ воображали умники въ Европѣ (¹).

Хотятъ усилить въ Крыму англійскую кавалерію: всѣ признаютъ ее слишкомъ слабою. Въ бригадѣ тяжелой кавалеріи въ каждомъ изъ пяти полковъ по спискамъ 1.200 человѣкъ, но на дѣлѣ только два или три въ полномъ комплектѣ. 1-й драгунскій полкъ до того пострадалъ въ Варнѣ отъ болѣзней, что принуждены были оставшихся солдатъ присоединить къ 4-му драгунскому полку. Полки 1-й драгунскій и Эннискелленскій драгунскій потеряли болѣе половины своихъ лошадей. Бригада легкой кавалеріи нѣсколько въ лучшемъ положеніи; 4-й и 13-й легкіе драгунскіе, 8-й и 11-й гусарскіе и 17-й уланскій находятся въ довольно хорошемъ состояніи, но 25-й, кажется, сильно пострадалъ противъ первоначальнаго своего состава. Отказались отъ системы отправленія кавалеріи на парусныхъ судахъ, а пароходовъ не достаетъ, и отъ этого произойдутъ большія замедленія. Еще не рѣшено положительнымъ образомъ, какіе полки отправлены будутъ на Востокъ (²).

Изъ Парижа пишутъ Аугсбургской газетѣ, отъ 16-го октября. «Не смотря на молчаніе газетъ, общественное мнѣніе сильно занято общимъ положеніемъ дѣлъ. Всѣ спрашиваютъ: такъ ли ведется восточная война, столь пышно возвѣщенная, какъ ее можно и должно было бы вести? Съ самаго начала этой войны, она была ознаменована медлительностію, колебаніемъ и недостаткомъ въ дружномъ

(¹) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 252.
(²) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 252.

дѣйствіи. Предпріятіе противъ Севастополя рѣшено слишкомъ поздно, начато съ недостаточными средствами, и теперь, когда поняли эту огромную ошибку, по прежнему вездѣ и во всемъ опаздываютъ. Кромѣ того, силы союзниковъ не составляютъ одной арміи, а состоятъ изъ двухъ различныхъ войскъ, изъ которыхъ каждое дѣйствуетъ отдѣльно; только случайно и изрѣдка главные начальники соглашаются между собою на счетъ принятія какихъ либо мѣръ. Такимъ образомъ союзнымъ арміямъ не достаетъ единства, которое обезпечивало бы успѣхъ ихъ плановъ.

Этого единства нѣтъ даже между флотомъ и сухопутной арміей одной и той же націи, что особенно замѣтно въ Парижѣ, въ центрѣ, въ которомъ соединяются всѣ нити этой огромной сѣти: виды и дѣятельность обоихъ управленій, имѣющихъ главное отношеніе къ этому вопросу морскаго и военнаго, совершенно расходятся между собою; и морской, и военный министры распоряжаются каждый по своему благосмотрѣнію, не заботясь о томъ, что дѣлается возлѣ него, и императоръ не обращаетъ на это вниманія. Но общественное мнѣніе съ безпокойствомъ слѣдитъ за всѣмъ этимъ, зная, что отъ Франціи вскорѣ потребуютъ новыхъ большихъ жертвъ.

Отъ 17-го октября. Вчера дошелъ до насъ первый планъ укрѣпленій Севастополя, но онъ такъ не полонъ, все существенное обозначено на немъ такъ бѣгло—въ немъ не достаетъ даже масштаба—что мы не беремся выводить изъ него какія либо заключенія. Къ прежнимъ нашимъ извѣстіямъ мы можемъ присовокупить только одно—что позиція англичанъ и французовъ передъ Севастополемъ, чрезъ продолженіе оврага идущаго отъ военной гавани, до того разъединены между собою, что ихъ можно назвать изолированными, не только въ отношеніи къ Севастополю, но и въ отношеніи къ взаимному подкрѣпленію. Англичанамъ, какъ извѣстно, досталась при осадѣ Севастополя легчайшая задача — сохранять страдательное положеніе, между тѣмъ какъ французы должны дѣйствовать. Слѣдовательно, о наступательномъ фронтѣ (Angriffsfront) въ смыслѣ прежнихъ осадъ крѣпостей, при Севастополѣ не мо-

жетъ быть и рѣчи. Теперь союзники принуждены защищаться не только противъ непріятельскаго огня, но и противъ непріятельскихъ войскъ, должны имѣть средства соединять войска разнаго оружія, чтобъ противиться непріятелю, дѣлающему вылазки тоже съ различными войсками. 25-ое октября было для союзниковъ гибельнымъ днемъ: «*осаждающіе*» сдѣлались въ этотъ день «*осажденными*». Въ донесеніяхъ не говорится; затруднено ли только сообщеніе съ Балаклавой или вовсе прекращено, и это молчаніе заставляетъ предполагать самое худшее — что во власти союзниковъ находится только севастопольская равнина. Это видно также изъ одной статьи Constitutionnel, журнала полуоффиціальнаго. Тамъ сказано, въ письмѣ изъ Крыма отъ 4-го ноября: «Множество лошадей погибаетъ отъ недостатка воды. При Балаклавѣ впадаетъ въ море небольшая рѣчка: теперь она потеряна для союзниковъ. Успѣхи осады достигли своихъ предѣловъ и остановились. По этому положеніе *осаждающихъ-осажденныхъ* кажется очень опаснымъ. Газеты, и именно англійскія, начинаютъ уже умывать руки въ томъ, что онѣ побуждали съ своей стороны къ предпріятію. «Times» безъ зазрѣнія совѣсти говоритъ, что «не только она, но и всѣ военные авторитеты обманулись въ трудности предпріятія». Это грубая ложь. Можно ошибаться тамъ, гдѣ результатъ склоняется на ту и на другую сторону, но принять за легкій подвигъ, за гусарскій наѣздъ то, что было въ высшей степени опаснымъ предпріятіемъ, можетъ только совершенный профанъ. Газеты даже дозволяли себѣ давать совѣты старымъ испытаннымъ генераламъ и адмираламъ. Carte géologique de la Crimée dressée par Huot могла бы дать самое точное понятіе о качествѣ почвы при Севастополѣ. Слѣдовательно, можно было заранѣе предвидѣть недостатокъ въ водѣ и топливѣ. На этой картѣ, въ окрестностяхъ Севастополя, вовсе не показано такъ называемой Terrain récent (наносная почва, на которой легко производятся работы). Точно также можно было предвидѣть, что всѣ работы придется производить въ (каменистой) «Terrain supracrétacé moyen et inférieure»; кромѣ того были въ виду превосход-

ныя морскія карты береговъ и съемокъ, сдѣланныя пароходомъ Retribution, во время его весенней рекогносцировки подъ парламентерскимъ флагомъ. Извѣстны были численность русскаго флота, равно какъ его экипажей, и то, что въ Севастополѣ находилось нѣсколько тысячъ гарнизона. По этому легкомысліе въ подобныхъ обстоятельствахъ было преступленіемъ. Все это не могло же измѣниться въ одну ночь, и мы имѣемъ полное право спросить, такъ какъ обстоятельства сами даютъ отвѣтъ: зачѣмъ газеты старались обмануть публику на счетъ слабости кораблей противъ хорошо вооруженныхъ береговыхъ батарей? Зачѣмъ выставляли они турецкую армію столь сильною, а русскую столь слабою? Зачѣмъ преувеличивали онѣ силу англійскихъ сухопутныхъ войскъ? Зачѣмъ намѣренно прикидывались онѣ не знающими о средствахъ обороны Севастополя? (¹)

Въ новой прусской газетѣ напечатана слѣдующая статья, подъ заглавіемъ «Военныя замѣтки»: «Между пунктами, на которые указываютъ въ наше время, въ доказательство просвѣщенія европейскаго запада, одну изъ главныхъ ролей играютъ его военныя средства. Въ Англіи и Франціи хвастаютъ тѣмъ, что идутъ въ главѣ европейской, или, вѣрнѣе, всемірной цивилизаціи, благодаря превосходству своихъ военныхъ средствъ. Это сознаніе ни на минуту не покидало западныя державы во всѣхъ предъидущихъ дѣйствіяхъ ихъ; у нихъ сражаются прекраснѣйшіе флоты, когда либо переплывавшіе моря; паръ и винтъ противятся бурямъ и подводнымъ скаламъ; сыновья старой Англіи и императорской Франціи мужественно выдерживаютъ холеру, зимній лагерь подъ суровымъ небомъ таврическаго Херсонесса, исключительное продовольствіе флотами, потому что у нихъ ланкастерскія пушки и кельтскіе револьверы, пексановскія орудія и карабины Минье, чудеса бывшаго греческаго огня и удушающія ядра. Министръ, посланникъ, купецъ—всѣ твердятъ: мы стоимъ во главѣ цивилизаціи.

(¹) „С.-Петерб. Вѣдом.“ 1854 г. № 261.

Отсюда и «искреннее согласіе», о которомъ болѣе уже нечего и говорить, потому что оно заняло мѣсто въ ряду совершенно нормальныхъ явленій.

Хотя газета «Constitutionnel» не разъ восклицала, что мы или «жертвы, или сообщники варварства», однако, въ качествѣ честныхъ варваровъ, разсмотримъ, чѣмъ «просвѣщенные народы» опередили насъ въ матеріяльныхъ средствахъ и изобрѣтательности.

Что касается усовершенствованія артиллерійскихъ снарядовъ и мелкаго оружія, то оно составляетъ часть того, что пріобрѣли всѣ вѣтви техники изъ химическихъ наукъ нашего времени «эпохи Либиха». Какъ могли мы отстать въ этомъ отношеніи? Развѣ мы остались назади въ отношеніи къ паровымъ машинамъ, желѣзнымъ дорогамъ и электрическимъ телеграфамъ? Развѣ не мы первые въ Берлинѣ сообщили вамъ севастопольскія извѣстія чрезъ С.-Петербургъ? Нѣтъ, въ огнестрѣльныхъ орудіяхъ вы насъ не опередили; если существуетъ разница, то развѣ только въ томъ, что вы употребляете слишкомъ сильныя средства и заходите далѣе цѣли. Мы здѣсь не можемъ войти въ ближайшее разсмотрѣніе этой богатой темы, но замѣтимъ вообще, что ни одинъ техникъ, какой бы то ни было отрасли, не имѣетъ такихъ причинъ болѣе опасаться новыхъ открытій, изумительныхъ результатовъ, чрезмѣрнаго напряженія силъ, какъ артиллеристъ.

Въ постройкѣ крѣпостей и нападеніи мы отдаемъ вамъ полную справедливость. Если вы ошиблись въ Севастополѣ, то на это есть свои причины: но развѣ крѣпостныя орудія прекратили огонь послѣ втораго выстрѣла, развѣ укрѣпленія рушились и самыя тяжелыя бомбы немедленно пробили земляныя насыпи и своды? Развѣ батареи нападающихъ скорѣе и прочнѣе исправлялись, чѣмъ батареи защищавшихся, развѣ онѣ задуманы геніальнѣе? — И въ сраженіи на чистомъ полѣ варвары могутъ сравниться съ вами: они при Альмѣ, въ числѣ 36 т. человѣкъ, вышли на встрѣчу 60 т., дрались четыре часа и отступили, даже не оставивъ своихъ батарейныхъ орудій; фланговый маршъ въ Бахчисарай они совершили со всѣмъ своимъ обозомъ. Ко-

нечно, если, для возвышенія своей славы, западныя державы признають за варварами мужество, непоколебимую стойкость и даже искусство, то философскій духъ «цивилизаціи» неожиданно найдетъ этому объясненіе.—«Въ плѣнныхъ 26-го октября обнаруживается тотъ духъ—едва вообразимый въ наше время—который считаетъ нынѣшнюю войну нападеніемъ на все, что только они имѣютъ самаго святаго,—на ихъ религію!»

«Въ устройствѣ арміи, Англія преимущественно представляетъ задачу для западной цивилизаціи. Соединенное королевство Великобританія и Ирландія, при населеніи въ 28 милліоновъ душъ, имѣетъ войско только изъ 81 т. человѣкъ въ Европѣ, т. е. только около четвертой части того, что имѣетъ Пруссія при ея населеніи въ 17 милліоновъ. Притомъ это войско стоитъ почти столько же какъ и прусское, потому что это такая армія, въ которой каждый служитъ пожизненно или получаетъ пропитаніе.—Англія существовала прежде при такомъ устройствѣ въ Португаліи и Испаніи, потому что тамашнія силы присоединялись къ ея войскамъ, и во Франціи, потому что содержала на жалованьѣ германскіе вспомогательные народы. Теперь, оставшись при той же системѣ цѣлыя сорокъ лѣтъ, Англія нашлась вынужденною отправить на востокъ 25 т. человѣкъ т. е. все что могла собрать—кромѣ своихъ гарнизоновъ въ Гибралтарѣ, Мальтѣ и Іоническихъ островахъ—въ гарнизонахъ Англіи, Шотландіи и Ирландіи.—Изъ этихъ 25 т. человѣкъ уничтожена въ настоящую минуту добрая половина, особенно потери офицерами въ такой мѣрѣ безпримѣрны, что, какой бы оборотъ ни приняли нынѣшнія событія, можно предсказать, что къ веснѣ англійская армія на Востокѣ вовсе не будетъ входить въ разсчетъ.—Пусть газета «Times» говоритъ, что Англія немедленно пошлетъ новое, по возможности столь же сильное войско, она не думаетъ о томъ, какъ и въ какое время эти потери могутъ быть вознаграждены, откуда взять кадры офицерами и унтеръ-офицерами, если остающіяся части войскъ не будутъ такъ сказать распущены. Эти кадры вездѣ находятся въ извѣстной соразмѣрности къ силѣ арміи:

ихъ нельзя собрать на сторонѣ и держать въ запасѣ, и если Англія терпитъ такія же потери какъ и Франція, то относительно своихъ кадровъ она впадаетъ въ положеніе вчетверо, и, быть можетъ, вшестеро неблагопріятнѣйшее, если рѣчь идетъ о возможности замѣны потерь. Нѣсколько тысячъ человѣкъ можно будетъ набрать еще и отправить немедленно, а къ веснѣ навербуютъ, быть можетъ, 20 т. человѣкъ изъ многочисленныхъ людей лишенныхъ хлѣба, особенно если наемная плата будетъ хороша; но это еще не солдаты, а тѣмъ менѣе войско съ привычными къ службѣ солдатами и унтеръ-офицерами. Итакъ, какимъ образомъ Англія будущей весною станетъ на ряду съ Франціей?

Во Франціи устройство войска совсѣмъ другое: оно основано на общей обязанности нести военную службу семь лѣтъ, съ состояніемъ подъ знаменами въ теченіе четырехъ лѣтъ и правомъ замѣщать себя другимъ.—При этой системѣ сторона, въ предѣлахъ своего европейскаго могущества, пользуется достаточной арміей для того, чтобы вести не только оборонительныя войны, но и политическія, хотя бы политика заставила перенести и на Востокъ расположеніе «къ цивилизаціи». Но замѣчательно, что нечувствительность къ этой чрезмѣрной цивилизаціи сохранила Франціи ея старую армію. -Въ 1848 году французы готовы были перейти къ системѣ національныхъ гвардій. Но *Тьеръ* (въ засѣданіи національнаго собранія 21 октября) объяснилъ имъ, что въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ всякій—солдатъ, всѣ дурно исполняютъ воинскія обязанности, и войско имѣетъ кочевое, варварское устройство; онъ сослался на сужденія *Тюренна*, *Монтекукули*, принца *Евгенія*, *Фридриха* II, *Наполеона*, и они подчинились этой «аристократіи заслуги». По этому французы остались при системѣ, существующей въ большей части германскихъ государствъ, и были такъ справедливы, что приняли прусскую систему съ ея общей обязанностью нести военную службу.

Не зачѣмъ выводить дальнѣйшихъ заключеній о превосходствѣ «цивилизаціи запада»; на сторонѣ западныхъ дер-

жавъ только превосходство флотовъ, но ихъ могущество также преувеличено. Скоро это выкажется еще яснѣе ([1]).

Въ Аугсбургской газетѣ пишутъ изъ Парижа:

Отъ 28 октября «Не смотря на всѣ слухи, на всѣ вспомогательныя средства и даже на попытки къ угрозамъ, правительство не успѣваетъ уже болѣе увѣрять въ благопріятномъ окончаніи крымской экспедиціи. Всеобщее разочарованіе тѣмъ прискорбнѣе, что мы, именно по офиціальнымъ донесеніямъ, не сомнѣвались въ успѣхѣ. Если теперь мы потерпимъ пораженіе подъ Севастополемъ, то кампанія нынѣшняго года, конечно, не дастъ лестнаго понятія о могуществѣ союзныхъ державъ. Наши спекуляторы вышли изъ себя съ досады, что правительство своими ложными слухами заставило ихъ принять обязательства, которыхъ они бы никогда не заключили, еслибъ не почитали взятіе Севастополя дѣломъ несомнѣннымъ. По этому то новый заемъ, условленный съ Г. *Родшильдомъ* (въ 400 милліоновъ, по три процента, со взносомъ 70-ти) заключенъ былъ съ условіемъ, что будетъ внесенъ не прежде взятія Севастополя.

Отъ 29-го Союзныя арміи (въ Крыму) утомились и истощились отъ усилій, нуждъ и болѣзней. Что же будетъ, если онѣ возвратятся побѣжденными, какъ на дѣлѣ, такъ и морально! Генералъ *Канроберъ* желалъ бы зимовать съ войскомъ въ Скутари, а лордъ *Рагланъ*, напротивъ того, полагаетъ, что должно воротиться въ Варну, потому что онъ мало довѣряетъ арміи *Омеръ паши*. Что же касается до Императора, онъ, какъ кажется, твердо разсчитываетъ на взятіе Севастополя и гораздо тверже, нежели его главнокомандующій на Востокѣ. Здѣсь говорятъ о предстоящемъ созваніи законодательной палаты. Дѣло идетъ о доставленіи правительству новыхъ финансовыхъ средствъ, потому что прежнія совершенно истощились. Но, прежде взятія Севастополя, нельзя ничего сдѣлать: оттого Императоръ находится въ лихорадочномъ волненіи; онъ старается раз-

([1]) „С.-Петерб. Вѣдом.“ 1854 г. № 261.

влечься луврскими работами, которыя торопятъ неслыханнымъ образомъ (1).

По поводу извѣстія о первыхъ дняхъ бомбардировки, въ «Times» помѣщены слѣдующія размышленія. «Все, что мы можемъ сообщить нашимъ читателямъ о второмъ днѣ осады, состоитъ въ весьма краткомъ обзорѣ, но онъ достаточенъ для доказательства исполинскихъ размѣровъ этого предпріятія. Очевидно, что русскіе исправляютъ свои укрѣпленія съ неменьшею дѣятельностью, какъ и осаждающіе чинятъ свои. И, дѣйствительно, когда идетъ рѣчь о земляныхъ работахъ, не видно, почему бы этого не дѣлать, покуда есть матеріялы и люди. Каменныя работы не могутъ быть исправляемы такъ скоро. Но мы узнали, что въ концѣ втораго дня поврежденные форты, которые наканунѣ нашимъ огнемъ принуждены были молчать, въ тотъ день стрѣляли живо и сильно, а съ нашей стороны съ трудомъ доставляли боевые припасы къ нашимъ орудіямъ».

Въ «Times» сказано еще: Ходъ осады доказываетъ, что Севастополь, какъ крѣпость и какъ арсеналъ, гораздо сильнѣе, нежели сначала предполагали. Боевые запасы, кажется, рѣшительно въ немъ неистощимы. Къ огромнымъ уже укрѣпленіямъ прибавляются батареи за батареями и вооружаются пушками, которыя тотчасъ же замѣщаются, когда ихъ подобьютъ. Всего удивительнѣе, что калибромъ эти орудія, по крайней-мѣрѣ, равны нашимъ. Что же касается до снарядовъ, то сотни пушекъ продолжаютъ извергать ядра безпрерывно и неослабно. Не менѣе велика сила ихъ гарнизона, или, по крайней мѣрѣ, той арміи, которою они располагаютъ. Надобно сознаться, что укрѣпленія Севастополя съ сухопутной стороны доведены до огромныхъ размѣровъ (2).

Сообщаемъ выписки изъ частныхъ писемъ, получен-

---

(1) «Сѣверная Пчела» 1854 г. № 246,
(2) «Сѣверная Пчела» № 251.

ныхъ въ «Times» изъ Крыма отъ 30-го октября, 2 и 3 ноября.

Бѣдные турецкіе солдаты гибнутъ цѣлыми толпами (die in swarms) отъ поносовъ, лихорадокъ и тифуса. У нихъ нѣтъ врачей, а число нашихъ хирурговъ недостаточно и для потребностей собственной нашей арміи. Ничто не можетъ сравниться съ заботливостью турокъ о своихъ больныхъ. Нерѣдко видишь, что цѣлые ряды ихъ несутъ на своихъ плечахъ больныхъ или умирающихъ, которыхъ складываютъ въ Балаклавѣ, въ жалкомъ сараѣ, служащемъ госпиталемъ, или, лучше сказать, могилою. Наши люди чрезвычайно утомлены форпостною службою и работами. Рѣдко случается, чтобъ они провели цѣлую ночь въ палаткахъ. Дѣйствительно, имъ нѣтъ ни одной ночи покоя, ибо въ англійской арміи введено обыкновеніе, чтобъ всѣ войска были подъ ружьемъ до разсвѣта и пробыли часъ во фронтѣ. Потомъ, если все кажется спокойнымъ, ихъ распускаютъ. Сверхъ того, по ночамъ бываютъ безпрестанныя тревоги, и ружейная стрѣльба слышна на которомъ нибудь пунктѣ. Тогда солдаты бѣгутъ къ ружью, и это часто повторяется по два и по три раза въ каждую ночь.

Пушки наши начинаютъ портиться. Болѣзни свирѣпствуютъ между нами, а союзники наши, какъ турки, такъ и французы, страдаютъ отъ нихъ тоже. Первые лежатъ по улицамъ Балаклавы и бродятъ спотыкаясь или держась за стѣны. Врачъ требовалъ 3-го числа корабль для отправленія больныхъ изъ лагеря, но капитанъ *Дакръ* отказалъ ему начисто. Подтверждается, что солдаты наши бѣгаютъ. Въ одну ночь два королевскіе артиллериста перебѣжали къ непріятелю. Должно прибавить, что люди эти были тѣлесно наказаны наканунѣ. Правда, у насъ наказываютъ много, но наиболѣе за важные проступки, а именно за то, что люди засыпаютъ на часахъ.

Константинопольскій корреспондентъ той же газеты пишетъ отъ 12-го ноября: Наша армія въ такомъ положеніи, что только немедленными и значительными подкрѣпленіями можно спасти ее отъ совершеннаго истощенія и истребленія. И съ важными дополненіями, полученными ею на

дняхъ, она имѣетъ на лицо не болѣе 16 т. человѣкъ, и люди до того утомлены работою и безсонницею, что не въ состояніи переносить труды зимней кампаніи. Гвардейская бригада, въ которой было при отъѣздѣ изъ Лондона 3 т. челов., и которая возбуждала удивленіе турецкой столицы, за нѣсколько мѣсяцевъ передъ симъ, уменьшилась теперь до 800 слабыхъ и изнуренныхъ солдатъ, поддерживаемыхъ въ безпрестанныхъ своихъ трудахъ только непреодолимою твердостью англійскаго духа. Траншейная и пикетная служба губительна для нашей слабой арміи, подверженной ежеминутному столкновенію съ силою сѣвера и утомленной безпрестанными тревогами, призывающими къ оружію людей, которые думаютъ отдохнуть послѣ службы и работы, продолжавшихся часовъ двѣнадцать. Стихіи, благопріятствовавшія экспедиціи сначала, теперь, кажется, возстали противъ союзниковъ. Ежедневно вѣтеръ, дождь, густой туманъ ощутительная изморозь. Это продолжалось двѣ недѣли сряду, и здоровье солдатъ оттого весьма пострадало. И въ эту минуту свирѣпствуетъ буря. Ни одна лодка не можетъ переѣхать въ Скутари. Высадка раненыхъ снова прекратилась и они должны вновь оставаться на кораблях, въ тѣснотѣ и укачиваемые зыбью, впредь до перемѣны погоды. Дождь льетъ ливмя. И эти тучи проходятъ не скоро: здѣшнее небо такое же свинцовое, мрачное и ужасное, какъ и лондонское. Ночной холодъ сильно ощутителенъ даже въ этой многолюдной столицѣ, а на холмахъ около Севастополя онъ еще сильнѣе. Армія подвергается всѣмъ страданіямъ отъ холода и отъ недостатка пищи. Сами офицеры могутъ изъ трехъ ночей только одну проводить въ своихъ палаткахъ, которыя предохраняютъ ихъ отъ дождя, но ни мало не защищаютъ отъ холода (1).

Изъ Константинополя отъ 30-го октября пишутъ въ «Times». Вотъ мы дожили до конца пятой недѣли дѣйствій противъ Севастополя. Двѣнадцать дней огонь союзниковъ противъ земляныхъ укрѣпленій непріятеля не пре-

(1) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 269.

кращался, и утомленные артиллеристы падаютъ отъ усталости. Они отдыхаютъ въ сутки не больше шести или семи часовъ Хотя они исполняютъ свои обязанности исправно, но сила человѣческая имѣетъ предѣлы, и если крѣпость не будетъ взята отчаяннымъ усиліемъ, нашъ огонь по необходимости вскорѣ долженъ ослабнуть отъ истощенія артиллеристовъ, которые въ такомъ маломъ числѣ людей должны производить градъ ядеръ и бомбъ противъ линіи укрѣпленій, защищаемыхъ превосходно. Англійская пѣхота уменьшилась теперь до 15 т. человѣкъ, годныхъ служить во фронтѣ, и одинъ джентельменъ, прибывшій изъ Крыма, сообщаетъ, что мы теряемъ по 600 человѣкъ въ недѣлю. Ежедневно бываетъ до 30 человѣкъ убитыхъ и раненыхъ, и до 50 челов. отправляются въ госпиталь отъ утомленія, лихорадки и поноса. Прибавьте къ этому, что дурная погода началась, и теперь, по видимому, начнутся осенніе дожди и бури. Въ нынѣшнюю ночь свирѣпствовала буря, а теперь дуетъ жестокій, холодный сѣверный вѣтеръ, съ перемежкою проливныхъ дождей. Все заставляетъ предполагать, что дѣло кончится тѣмъ или другимъ образомъ прежде двухъ недѣль. Надобно рѣшиться на штурмъ.

Описавъ сраженіе 25-го октября, корреспондентъ прибавляетъ, что англійская армія, уже истощенная усталостью, теперь должна защищать тылъ со стороны Балаклавы. «Въ нынѣшнемъ положеніи дѣлъ, говоритъ онъ, половина нашей пѣхоты постоянно на ногахъ, и новая возложенная на насъ обязанность, вѣроятно, еще болѣе истощитъ нашу слабую армію».

Тотъ же корреспондентъ сообщаетъ, что, послѣ сраженія 25-го числа, сэръ *Колинъ Кемпбель* призвалъ турецкихъ офицеровъ, которые такъ поспѣшно оставили свой постъ (въ четырехъ редутахъ взятыхъ русскими) и объявилъ имъ, что, при первомъ случаѣ, онъ поставитъ ихъ съ турецкими солдатами въ первой линіи, и прикажетъ своимъ шотландскимъ горцамъ стрѣлять по первому изъ нихъ, кто побѣжитъ.

— Депешею отъ 3-го ноября, изъ-подъ Севастополя

лордъ *Рагланъ* сообщаетъ, что позиціи союзниковъ и Балаклавѣ угрожаетъ непріятель, получившій значительныя подкрѣпленія. Со всѣхъ сторонъ строятъ редуты и шанцы для защиты линій. Лордъ *Рагланъ* выражаетъ сожалѣніе, что у него мало войска. Траншеи и батареи французовъ подвигаются впередъ. Огонь русскихъ продолжается безпрерывно. Погода ясная, но холодная.

— По извѣстіямъ Тріестской газеты, союзники намѣрены провести зиму въ Крыму и для сей цѣли подходятъ къ нимъ подкрѣпленія. Множество артиллерійскихъ лошадей пало отъ недостатка воды. Холера свирѣпствуетъ между англійскими войсками и въ пятой французской дивизіи. Увѣряютъ, что въ Крыму не было еще сильныхъ дождей, а въ Константинополѣ погода чрезвычайно бурная. Одинъ египетскій фрегатъ сталъ на мель при входѣ въ Босфоръ. Три англійскіе парохода отправились въ Чурукъ-Су за подкрѣпленіемъ въ четыре тысячи человѣкъ ([1]).

Въ письмѣ изъ Парижа, отъ 3-го ноября, въ Аугсбургской газетѣ сообщаютъ новыя доказательства добросовѣстности Монитера, измѣнившаго въ офиціальныхъ своихъ столбцахъ депешу генерала *Канробера* отъ 23 го октября. Въ ней (по словамъ сего письма) сказано было между прочимъ: «Наши траншейныя работы доведены на триста метровъ (четыреста шаговъ) отъ пункта атаки. Мы встрѣчаемъ большія затрудненія какъ по свойству самой почвы, которая почти вездѣ каменистая, такъ и по огромному развитію непріятельской артиллеріи. Осадныя наши работы подвигаются впередъ съ трудомъ и проч.» Новѣйшія депеши, прибавляетъ корреспондентъ, заставляютъ догадываться, что война сдѣлалась чрезвычайно упорною, и что союзникамъ осталось на выборъ — побѣда или гибель. Здѣсь всѣ твердо увѣрены, что они сражаются съ мужествомъ отчаянія. Но чрезвычайное сопротивленіе, встрѣчаемое ими, доказываетъ, что не *робкое мнѣніе* совѣтывало не предпринимать

([1]) Сѣверная Пчела" 1854 г. № 257.

этой экспедиціи, а разсудительность опытныхъ военныхъ людей, понимающихъ всю опасность, которой подвергались. И потому выраженіе императора французовъ, которое было рѣшительно направлено противъ Англіи и которое въ Монитерѣ такъ неловко свалили на храбрую французскую армію, произвело всеобщее негодованіе между военными людьми. Сравнивъ сужденія всѣхъ авторитетовъ о качествахъ маршала *Сентъ-Арно*, вы согласитесь съ общимъ мнѣніемъ, что непростительно было ввѣрять его попеченію командованіе Восточною арміею и съ такою безразсудною отвагою играть кровью французовъ. Въ Сенъ-Клу почти ежедневно происходятъ засѣданія военнаго-совѣта (1).

Парижъ 22-го ноября. Въ Аугсбургской газетѣ пишутъ: «Въ донесеніи генерала *Канробера*, гдѣ онъ объявляетъ, что траншеи доведены до 140 метровъ отъ гласиса, сказано (въ оригиналѣ), что съ этого пункта почва представляетъ непреодолимыя препятствія. Это мѣсто исключено въ оффиціальной газетѣ, равно какъ и важный отзывъ изъ донесенія отъ 3-го числа, гдѣ генералъ сознается, что нельзя уже обозначить числа подкрѣпленій, полученныхъ русскими. Что же касается до донесенія лорда *Раглана*, которое напечатано въ нашихъ газетахъ, то говорятъ, что въ немъ было слѣдующее мѣсто: «не смотря на многочисленныя и важныя затрудненія, я думаю еще быть въ состояніи управлять обстоятельствами». Это мѣсто исключено было правительствомъ (2).

По словамъ англійскихъ газетъ, армія англичанъ до 25 октября состояла не болѣе какъ изъ 16 т. человѣкъ (36 батальон. 18 эскадроновъ). Французскія силы, получившія 22-го послѣднее свое подкрѣпленіе, состояли изъ 36 батальоновъ, высадившихся 14-го сентября, и 12 присоединившихся къ нимъ впослѣдствіи. Первоначально высаженные батальоны заключали въ себѣ не свыше 500 человѣкъ;

---

(1) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 250.
(2) «Сѣверная Пчела» 1854 г. № 262.

англійскіе батальоны, среднимъ числомъ, состояли только изъ 400, а французы въ Варнѣ и Добруджѣ пострадали несравненно болѣе англичанъ. Высаженные впослѣдствіи батальоны, прибывшіе на Востокъ съ 800—1000 челов. и изъ которыхъ восемь сильно пострадали отъ холеры въ Галлиполи и Пиреѣ, нельзя считать болѣе какъ въ 700 человѣкъ. По этому 24 октября французская пѣхота состояла никакъ не болѣе какъ изъ 26.400 челов., а съ присоединеніемъ къ тому кавалеріи, артиллеріи и инженернаго корпуса 29 т. Дессантныя бригады обоихъ флотовъ доходили до 2 т. челов. У турокъ наивысшее число 6 т. Все вмѣстѣ составляло 24 октября не болѣе 53 т. человѣкъ. Потери съ 24 октября по 3 ноября включительно можно опредѣлить слѣдующимъ образомъ:

1) *Убитые и раненые*. По оффиціальнымъ спискамъ, англійская армія съ 17 по 21 октября лишилась 22 человѣка убитыми и 112 ранеными; французская, съ 9 по 22-е, 58 убитыми 465 ранеными; англійская дессантная бригада, съ 17 по 20-ое—12 убитыми и 53 ранеными; всего 92 убитыхъ и 630 раненыхъ. Не достаетъ показаній: a) въ англійской арміи съ 9 по 16 и 22 октября; b) въ англійской дессантной бригадѣ съ 9 по 16, 21 и 22; c) во французской дессантной бригадѣ; d) у турокъ. Эти недостающія показанія можно вознаградить французскими потерями съ 9 по 16 и 22. На этомъ основаніи съ 17 по 21 (въ 5 дней) убито и ранено 720 челов., т. е. въ день по крайней мѣрѣ 140. Потери во время осады убитыми и ранеными съ 25 (включительно) по 3 ноября (включительно же) простираются до 1400 человѣкъ. Во время сраженій у окружныхъ валовъ, 25 октября, убито и ранено, по меньшей мѣрѣ, 800 человѣкъ, итого 2,200 человѣкъ. 2) *Больные*. Въ англійской арміи, по прежнимъ показаніямъ, заболѣвало въ день по 160 человѣкъ. Во французской арміи (по оффиціальнымъ донесеніямъ) было 22 октября 4074 больныхъ, т. е. въ день, считая по 4 съ тысячи въ день, заболѣвало около 120 челов. Итого 280 больныхъ въ день. Если состояніе здоровья англійской арміи нѣсколько улучшилось, то это должно вознаградить потерями дессантныхъ бригадъ

и турецкихъ войскъ, и по этому можно положить къ 3-му ноября потерю больными въ 2800 человѣкъ. И такъ убитыхъ и раненыхъ 2200, больныхъ 2800 человѣкъ; всего съ 25 октября по 3 ноября потеря простирается до 5 т. челов. За то въ пути находятся подкрѣпленія: 1) англійскихъ войскъ 4 пѣхотные полка и около 800 человѣкъ запасныхъ, всего 4500 челов. 2) французскихъ войскъ около 4000 чел. запасныхъ—всего 8500 челов., которые однако не могли еще всѣ прибыть къ 3 ноября. И такъ, и въ этотъ день союзная армія состояла не болѣе какъ изъ 53 т. челов. (считая и офицеровъ). Англійскій и французскій флотъ, по оффиціальнымъ донесеніямъ, лишился 17 октября 75 челов. убитыми и 458 ранеными, всего 528. Англійскій и французскій флотъ *одинъ* понесъ 17-го столь же сильную потерю, какъ весь русскій гарнизонъ. Изъ Англіи хотятъ послать еще войска въ Крымъ, но они врядъ-ли поспѣютъ во время ([1]).

Въ донесеніи генерала *Канробера* отъ 2? октября сказано: «Затрудненія, которыя мы встрѣчаемъ, двухъ родовъ: одни происходятъ отъ качества почвы, въ которой слой земли, и безъ того уже весьма незначительный, уменьшается по мѣрѣ приближенія къ крѣпости; другія происходятъ отъ количества и калибра артиллерійскихъ орудій противупоставляемыхъ намъ непріятелемъ почти въ прямой и весьма обширной линіи. Въ этомъ отношеніи средства, получаемыя имъ съ кораблей, находящихся въ бездѣйствіи въ портѣ, почти неистощимы какъ по числу людей, такъ и орудій, а наши, хотя и усиленныя заимствованіемъ изъ обоихъ флотовъ, по необходимости ограничены. Шестидесяти-восьми-фунтовыя пушки, восьмидесяти фунтовые единороги и двѣнадцати-дюймовыя мортиры—вотъ окончательно артиллерія, на какую мы должны отвѣчать ([2]).

Изъ Парижа отъ 5 ноября въ Аугсбургской газетѣ пи-

([1]) «С.-Петерб. Вѣдом.» 1854 г. № 250.
([2]) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 251.

шутъ: «Подъ вліяніемъ нынѣшнихъ обстоятельствъ, начинаетъ обнаруживаться въ императорѣ внутреннее волненіе; онъ большею частію находится въ лихорадочномъ состояніи и раздражительность его обнаруживается частыми восклицаніями. Теперь дознано, что всѣ наши способныя военныя лица, какъ равно и англичане, отсовѣтовали предпринимать экспедицію противъ Севастополя. Но *Сентъ-Арно*, ссылаясь на волю императора, настоялъ на этомъ предпріятіи, и англичанамъ оставалось только раздѣлять опасности.

По письму изъ Парижа (число не показано) въ Бреславской газетѣ генералы союзныхъ армій получили инструкціи, которыми имъ предоставлено оставить Крымъ, еслибъ Севастополь не былъ взятъ до 15 ноября. Эти инструкціи объясняются затрудненіемъ сохранить долѣе сего срока необходимыя сообщенія между крымскими берегами и Константинополемъ и опасностями, которымъ будутъ тогда подвергнуты какъ флоты, такъ и сухопутныя войска ([1]).

Въ Soldatenfreund сообщаютъ слѣдующія извѣстія изъ Крыма отъ 1-го ноября. Бомбардировка южной части Севастополя продолжалась сего числа безпрерывно. Въ послѣднихъ числахъ октября осаждающіе должны были бороться не только съ непріятелемъ, но и съ холодомъ, дождемъ и жаждою. Принуждены были взять съ кораблей часть запасенной прѣсной воды.

На мысахъ крымскаго южнаго берега вновь устроили маяки и сигнальные шесты, а вдоль всей позиціонной линіи воздвигли, на возвышеніи, походный телеграфъ. Бивуачные огни горятъ день и ночь. 31-го октября генералъ *Канроберъ* ожидалъ значительныхъ подкрѣпленій изъ Варны, куда отправилась одна морская дивизія, чтобъ принять войска на суда. Многіе другіе военные корабли, неспособные держаться въ морѣ, возвратились въ Босфоръ. По мѣрѣ того какъ на возвышеніи нашей позиціи ставятъ новыя пушки, русскіе матросы вооружаютъ съ своей стороны

([1]) «Сѣверная Пчела» 1854 г. № 251.

бастіоны крѣпостной стѣны; наблюдательнымъ глазамъ представляется уже не осажденная крѣпость, а два лагеря: одинъ наступательный, другой оборонительный ([1]).

По новѣйшимъ извѣстіямъ съ позорища войны (сказано въ Zeit) не было до 4-го ноября никакихъ существенныхъ успѣховъ ни съ той, ни съ другой стороны. За то уже нѣсколько дней продолжающіеся бури, прерываютъ мореходство по Черному морю и еще болѣе увеличиваютъ затрудненія въ положеніи осаждающихъ ([2]).

Газетѣ Constitutionnel пишутъ изъ подъ Севастополя отъ 3 и 4 ноября: «Орудія на батареѣ вооруженной флотомъ —чугунныя и самаго большаго калибра, подобно всѣмъ орудіямъ нашихъ кораблей. Но чугунъ не совсѣмъ хорошъ, потому что одна пушка лопнула и осколками ея ранены одиннадцать канонировъ. Дождливое время года усиливаетъ страданія нашихъ солдатъ, которые изъ четырехъ ночей только одну проводятъ въ своихъ палаткахъ. Однако этимъ работникамъ, для подкрѣпленія ихъ силъ, выдаютъ добавочныя порціи сухарей и водки. Послѣдняя возбуждаетъ дѣятельность нашу, и мы шутимъ при видѣ бомбъ и ядеръ, которыхъ каждый изъ насъ, какой бы пунктъ ни занималъ, можетъ насчитать въ своемъ сосѣдствѣ съ полдюжины въ минуту. Можно, кажется, утвердительно сказать, что, со времени изобрѣтенія пороха, его никогда столько еще не потреблено; это потребленіе даже все увеличивается, такъ что въ послѣднія двѣ недѣли рѣдкій день проходитъ безъ того, чтобъ мы не сказали: «Никогда столько не стрѣляли, какъ сегодня». Есть часы, въ которые пальба бываетъ ужасная. Утромъ мы, въ теченіе пяти минутъ, могли замѣтить, что въ воздухѣ было постоянно пять метательныхъ снарядовъ. Огонь утихаетъ только ночью, когда русскіе поправляютъ свои батареи и строятъ новыя ([3]).

([1]) «Сѣверная Пчела» 1854 г. № 251.
([2]) «Сѣверная Пчела» 1854 г. № 252.
([3]) «С.-Петерб. Вѣдом.» 1854 г. № 261.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ЗАПИСОКЪ УНТЕРЪ-ОФИЦЕРА.

I.

СО ДНЯ ВЫСТУПЛЕНІЯ СЪ ПРОСТОРНОЙ СТОЯНКИ ДО ПОСЛѢДНЯГО НОЧЛЕГА.

Въ 1853 году, 20-го ноября, штабъ нашего (Тарутинскаго) полка, съ нѣкоторыми батальонами, выступилъ изъ Нижняго Новгорода въ походъ. Роты, расположенныя въ уѣздахъ этой губерніи, вышли со стоянокъ въ разное время, соображаяеь съ дальностію ихъ разстоянія, чтобы одновременно сосредоточиться на назначенныхъ пунктахъ и слѣдовать вмѣстѣ.

Мнѣ привелось служить въ 6-й ротѣ 2-го батальона (по прежнему разсчету; теперь эта рота имѣетъ 8-й №). Ротный дворъ нашъ былъ въ селѣ Чернухѣ, Арзамасскаго уѣзда, и мы выступили 19-го, кажется, числа, днемъ раньше полковаго штаба.

Нашъ полкъ въ 1852 году и въ началѣ 1853 занималъ караулы въ Москвѣ и весною этого года находился въ С.-Петербургѣ на Высочайшемъ смотру. Тогда въ Петербургъ была отправлена вся 17-я дивизія.

На смотру мнѣ не случилось быть: въ то время я только что вступилъ въ службу и не достигъ той степени фронтоваго образованія, чтобы участвовать въ строю; а потому еще до отправленія полка въ Петербургъ меня послали съ слабосильною командою въ Нижній-Новгородъ, гдѣ находился постоянно 4-й батальонъ нашего полка, какъ резервъ.

Полкъ нашъ возвратился на свои квартиры въ концѣ августа или въ началѣ сентября.

Бывшіе на Высочайшемъ смотру сказывали, что Государь Императоръ остался доволенъ строевымъ образованіемъ полковъ 17-й дивизіи, и что всѣ армейскіе полки, въ то же время, получили поздравленіе съ походомъ.

Однако, возвратившіеся солдаты, не смотря на объявленный походъ, все-таки надѣялись простоять зиму со сво-

ими мужичками-домохозяевами. Къ тому же многіе изъ нихъ обзавелись кумовствомъ, посестрами, такъ какъ стоянка въ нижегородской губерніи была давнишняя, хлѣбная; провіанта нигдѣ не брали. Мужики и бабы также привыкли къ своимъ старымъ постояльцамъ. Даже деревенскія дѣти сдружились съ солдатскою сѣрою шинелью.

Въ день выступленія изъ села Чернухи. сельскій священникъ отслужилъ обѣдню. а на площадкѣ села напутственный молебенъ.

Задолго еще до молебна все село собралось провожать своихъ постояльцевъ. Всѣ знали, что солдаты идутъ на войну. Многія женщины и дѣвушки не стѣсняясь плакали, провожая своихъ возлюбленныхъ; въ другое время, при прощаніи, плакали бы наканунѣ, гдѣ нибудь на гумнѣ или въ овинѣ; а теперь нельзя было: идутъ на войну; хотя и стыдно, да что дѣлать! сердце не терпитъ.

Когда выступили изъ села, то, не смотря на выпадавшій въ тотъ день снѣгъ, долго провожали насъ солдатскія посестры, иная до привала, иная до станціи, а другая и дальше.

По первому маршруту, намъ слѣдовало идти въ Ставрополь; но на походѣ было приказано слѣдовать въ Севастополь. Не одинъ разъ, впрочемъ, измѣнялся маршрутъ, и потому не завѣряю, было ли первое назначеніе въ Севастополь, или въ Ставрополь. Дѣло въ томъ, что мы шли-шли и пришли въ Севастополь.

Походъ начался русскими первыми морозцами. Зиму провели мы въ великой Россіи, раннюю весну въ Малороссіи, а во второй половинѣ апрѣля 1854 года вступили въ Крымъ.

Этотъ походъ многимъ изъ насъ, не смотря на сѣдины и долголѣтнюю службу, былъ первымъ, далекимъ на военномъ положеніи шествіемъ.

По выступленіи съ постоянныхъ квартиръ, первый уѣздный городъ, чрезъ который проходила наша рота, для соединенія съ другими ротами 2-го батальона, былъ Горбатовъ (нижегородской губерніи), очень некрасивый по наружности; но не красна изба углами, а красна пирогами:

голова, городничій и другіе чиновники города встрѣтили насъ съ молебствіемъ, съ радушной чаркой водки и съ калачемъ. Во второмъ городѣ, Вязникахъ (владимірской губерніи), расположенномъ на шоссе между Нижнимъ и Владиміромъ, было не то. Здѣсь насъ встрѣтили собаки и оборванныя старухи, съ плачемъ и причитаніями: «Солдатушки-батюшки, всѣ-то вы были люди!... Родименькіе! куда васъ ведутъ-то! на бѣлую Арапію. Сложите буйныя свои головушки въ чужой дальней сторонѣ. Развѣютъ буйные вѣтры ваши косточки»!... и т. п., все на распѣвъ, съ завываніями.

Шли потомъ черезъ города: Владиміръ, Покровъ, Богородскъ (Москву миновали на деревню Нижніе Котлы), Подольскъ, Серпуховъ, Чернь, Тулу, Мценскъ, Орелъ, Кромы, Фатежъ, Курскъ, Обоянь, Бѣлгородъ и Харьковъ. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ городовъ встрѣчали насъ водка и калачи, калачи и водка.

Нашъ полкъ состоялъ изъ четырехъ батальоновъ и слѣдовалъ поэшелонно. 1-й и 2-й батальоны составляли 1-й эшелонъ и шли впереди. Полковой штабъ и обозъ слѣдовали со 2-мъ эшелономъ, на одинъ переходъ сзади нашего. Штабъ всегда останавливался на станціяхъ, поименованныхъ въ маршрутѣ; роты же слѣдовали и по шоссе, и по проселкамъ, имѣя ночлеги почти всегда вдалекѣ отъ своихъ штабовъ. Въ недѣлю дѣлали двѣ дневки — черезъ два дня въ третій и черезъ три въ четвертый. Станціи по маршруту были небольшія: отъ 15 до 20 верстъ; въ 25 или въ 30 рѣдко. Разстояніе отъ Нижняго до Москвы 450 верстъ, а отъ Москвы до Харькова 700 верстъ, итого 1,150 верстъ; но мы прошли разстояніе отъ Москвы до Харькова чуть ли не вдвое больше. Это случилось вслѣдствіе экономическихъ соображеній: не стѣсняя жителей, хотѣли пріобрѣтать отъ нихъ уступку провіанта въ пользу нижнихъ чиновъ. Бывало, по маршруту, видно: такого-то числа, станція такая-то, верстъ, положимъ, 20; но мы уже заранѣе знаемъ, что идти придется вѣрныхъ 30 верстъ, если не больше. Напримѣръ: приходится ротѣ ночевать верстъ за 10 отъ

большой дороги, т. е. въ сторонѣ отъ штаба. На другой день этой ротѣ необходимо выйдти опять на большую дорогу, потомъ слѣдовать до новой станціи верстъ, положимъ, 20. У станціи встрѣчаютъ квартиргеры и ведутъ опять роту въ сторону съ большой дороги, вправо или влѣво, верстъ за 5, за 6, а порою и за 10. Иногда приходилось той же станціей, только что пройденной, возвращаться назадъ и ночевать невдалекѣ отъ того же селенія, гдѣ былъ ночлегъ въ тотъ же день. Вотъ почему мы прошли отъ Нижняго до Харькова не 1,150, а 2,000 верстъ съ лишками.

На пути, помѣщики радушно принимали гг. офицеровъ и юнкеровъ. Въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ помѣщиковъ не было, офицеры и юнкера, по приказанію отсутствующихъ владѣльцевъ, были принимаемы или управляющими, или приказчиками. Въ нѣкоторыхъ домахъ были оставлены помѣщиками даже просительныя письма, чтобъ проходящіе съ полками офицеры помѣщались какъ у себя дома, распоряжались всѣмъ какъ своею собственностію и только подписывали бы свои фамиліи: были, дескать, такіе-то, пили, ѣли и хозяину спасибо свидѣтельствуемъ. Въ первый разъ подобная предупредительность обнаружилась въ имѣніи, кажется, г. Анненкова, въ курской губерніи, недалеко отъ губернскаго города.

День ото дня все дальше и дальше оставалась за нами средина Россіи. Пошли степи, населеніе рѣдѣло; кругомъ дышало привольемъ.

Разстоянія между станціями увеличивались. Бывало, во весь переходъ никого не встрѣтишь; развѣ изрѣдка попадется малороссъ, везя хлѣбъ на волахъ, или обозъ русскихъ мужичковъ. Начали встрѣчаться курганы, или могилы, по мѣстному названію, съ торчащими на нихъ камнями, или каменными бабами, какъ здѣсь выражаются.

Приближаясь къ Харькову, мы имѣли ночлеги уже не въ курныхъ и грязныхъ избахъ, а въ чисто-выбѣленныхъ малороссійскихъ хатахъ. Здѣсь, въ этихъ хатахъ, всякаго

солдата ожидали горячія галушки, паленица, вареники, кусокъ сала и чарка горѣлки радушнаго хлѣбосола-малоросса. Наслушались мы довольно и малороссійскихъ пѣсенъ, сложенныхъ про дѣла давно минувшихъ дней. Какой напѣвъ! Какъ затрогиваетъ онъ душу, когда украинецъ, выпивъ горилки, запоетъ про родныхъ богатырей: про Гамелію, Сагайдачнаго, Остряницу, Пидкову, Наливайко, Дорошенко!... Нужно видѣть лицо украинца, когда онъ разсказываетъ, поетъ или слушаетъ разсказъ другаго о старинѣ: то онъ нахмурится, то поведетъ усами, то вдругъ встрепенется, будто все закипитъ въ немъ, то умиленіе явится на лицѣ его, послѣ разсказа, напримѣръ, о подвигахъ или о смерти какого нибудь стариннаго лыцаря, и и́ на рѣсницахъ заблестятъ слезы.... Послѣ этого украинецъ молчитъ долго, упорно, понуривъ голову....

Въ Харьковъ нашъ эшелонъ вступилъ на масляницѣ 1854 года. Съ послѣдней станціи мы тронулись почти съ полуночи, такъ какъ приказано было вступить въ городъ утромъ. Ночь была темная. Мы верстъ десять прошли и съ первой зорькой вступили въ предмѣстья, гдѣ и дѣлали привалъ. Часа черезъ полтора тронулись въ самый городъ. Шли главными улицами съ музыкой. Было 8 или 9 часовъ, не болѣе, но, не смотря на раннее время, окна, балконы и тротуары были усѣяны жителями. На соборной площади, съ марша, строились для молитвы въ колонны, «по знаменнымъ взводамъ къ атакѣ». Передъ соборомъ стояли столы, образа и всѣ принадлежности для молебна. Жителей и на площади столпилось много, до тѣсноты.

Раздалась команда: «смирно, слушай, на караулъ!» Пріѣхалъ генералъ-адъютантъ Толстой, который, по назначенію Государя Императора, долженъ былъ осмотрѣть наши войска. Понимая натуру русскаго военнаго человѣка, генералъ оживилъ всѣхъ своею любезностію, заставивъ полюбить походъ, войну и свою собственную личность. Съ напряженнымъ вниманіемъ, а многіе и со слезами на глазахъ, слушали его слова о родинѣ, о Царѣ, о чести. Солдаты замѣтно подавали впередъ свои груди,

чтобъ лучше видѣть черты лица такого начальника. Всѣ были непритворно веселы.

Но вотъ, на паперти соборной церкви, показалось духовное шествіе. Архіепископъ, въ полномъ облаченіи, и духовенство выходили на площадь. «Смирррно!» скомандовалъ генералъ, и все замерло, сдѣлалось такъ тихо, будто всѣ перестали дышать.... Молились.

По окончаніи молебна, архіепископъ, при пѣніи: «Спаси, Господи, люди Твоя», окропилъ ряды святой водой.

Предъ смотромъ. гг. офицеры получили приглашеніе отъ всего харьковскаго общества на обѣдъ, балъ и другія удовольствія. Юнкера и вольноопредѣляющіеся также не были забыты радушными харьковцами. Послѣ молебна и они были приглашены отъ имени директора 2-й гимназіи и гимназистовъ на блины.

Нижнимъ чинамъ отъ городскаго общества была безденежная баня, мыло и проч. Харьковцы и за городъ проводили насъ съ хлѣбомъ и солью.

Въ двухъ переходахъ отъ Харькова мы встрѣтили военный городъ Чугуевъ. Не смотря на чистоту улицъ, правильность построекъ, форменность жителей, этотъ городъ никому изъ насъ не понравился. Однообразные дома его глядѣли мрачно, жители казались какими-то машинами, такъ что одинъ изъ нашихъ доморощенныхъ стиходѣлателей сказалъ тутъ же слѣдующій экспромптъ:

Вотъ градъ, гдѣ царствуетъ застой
И жизнь въ разладѣ съ головой.

Ночлегъ и дневку батальонъ имѣлъ въ полуверстѣ отъ Чугуева, въ какой-то военно-поселенной слободѣ. Мы пришли въ субботу на масляницѣ; въ воскресенье было заговѣнье, а во многихъ домахъ поселенцевъ не оказалось въ достаточномъ количествѣ и хлѣба. Чистота же и опрятность въ слободѣ были примѣрныя. Въ поселенцахъ проглядывала какая-то запуганность; лица ихъ выражали тоску.

Послѣ Чугуева путь лежалъ намъ на Изюмъ. Предъ вступленіемъ сюда, наши офицеры одѣлись въ солдатскія

сѣрыя шинели. Немного прежде (кажется, въ Харьковѣ) имъ дали фуражки съ бѣлымъ суконнымъ верхомъ. Кромѣ того, офицеры сами выдумали большіе сапоги. Эта новая форма была красива, дешева и удобна для походнаго и военнаго времени.

Настала первая недѣля поста. Послѣ ночлега подъ Изюмомъ, намъ слѣдовало идти въ село Каменку, гдѣ мы должны были говѣть. Село это принадлежитъ двумъ помѣщикамъ и замѣчательно тѣмъ, что здѣсь еще въ то время существовало общинное правленіе, благотворныя послѣдствія котораго оказывались на зажиточности крестьянъ.

Въ продолженіе недѣли помѣщики (полковникъ Малиновскій и баронесса Розенъ) оказывали намъ истинно русское гостепріимство. Послѣ причастія, баронесса Розенъ давала обѣдъ офицерамъ и юнкерамъ.

Шли мы потомъ черезъ Славянскъ, извѣстный своими минеральными водами, Бахмутъ, переполненный евреями, и черезъ Орѣховъ. За станцію до этого города, весь полкъ повезли на подводахъ самыхъ разнокалиберныхъ. Подводчиками были ногайцы, евреи, нѣмцы-колонисты, малороссіяне и русскіе. Лучшими конями и удобствомъ бричекъ отличались нѣмцы.

Подъѣзжая къ одной нѣмецкой колоніи, мы видѣли отлично воздѣланныя поля, парки, сады, красивые дома. Мы были удивлены чистотою и опрятностію. Здѣсь была однако не чугуевская вынужденная чистота, а чистота добровольная, какъ слѣдствіе потребностей и характера жителей. Такое невиданное благоустройство разгладило невеселыя солдатскія лица; всѣ, не смотря на пасмурность погоды, пріободрились. Къ тому же семейства колонистовъ, ожидая насъ, стояли на балконахъ домовъ, и только что мы успѣли въѣхать въ улицу, бѣлые платки женщинъ и мужчинъ замахали намъ привѣтливо.

Въ колоніи мы пробыли лишняго полдня противъ положенія, потому что какая то рѣчка разлилась и остановила переправу. Этому замедленію колонисты были рады. Всякаго солдата они старались обласкать, успокоить, уго-

щали всѣмъ и отъ души. Хотя каждый колонистъ имѣлъ на постоѣ отъ 10 до 20 человѣкъ, однако нѣмцы ссорились даже между собою за то, что всякому хотѣлось взять къ себѣ еще большее число постояльцевъ. Нѣмцы не скрывали отъ насъ свое довольство, нажитое трудолюбіемъ; напротивъ, объясняли средства и способы, какъ выгоднѣе и лучше дѣлать и пріобрѣтать все то, что они имѣютъ. Однажды хозяинъ, въ домѣ котораго я квартировалъ въ числѣ прочихъ солдатъ, водя меня по своимъ различнымъ хозяйственнымъ постройкамъ и толкуя удобства и неудобства всякой своей собственности, передавая свои предположенія, какъ и что онъ хочетъ на будущее время предпринять, чтобъ изъ неудобнаго вышло удобное, изъ негоднаго годное, привелъ меня въ конюшню. Она меня не удивила своею чистотою: лошадь и безъ того опрятное животное; но когда мы вошли въ сарай, гдѣ помѣщались шленскія овцы, и въ коровникъ, то, признаюсь, въ коровникѣ колониста гораздо лучше было бы квартировать, чѣмъ въ курной избѣ бѣднаго крестьянина орловской или тульской губерній.

Послѣ нѣмецкой колоніи, намъ предстоялъ, по маршруту, ночлегъ въ нагайскомъ аулѣ. Часа два ѣхали; пахло уже кизякомъ -значитъ близко жилье, а аулъ еще не показывался. Стало темнѣть. Вблизи слышался вой собакъ, а аула все не видать. Нѣсколько жучекъ посердитѣе окружили нашъ поѣздъ. «Гдѣ же аулъ?» спрашивали мы другъ друга, а мы уже проѣхали десятка два чуть-чуть торчавшихъ изъ земли сакль, откуда едва-едва блестѣли огни. «Такъ вотъ аулъ-то! здѣсь мы будемъ ночевать?» съ прискорбіемъ говорили многіе, когда переднія брички уже остановились. Въ самомъ дѣлѣ, грустно было намъ спускаться въ грязныя, вонючія землянки, послѣ стоянки въ опрятныхъ домикахъ колонистовъ. Крыши землянокъ немного возвышались отъ грунта. Въ окнахъ были, вмѣсто стеколъ, бычачьи пузыри.

Однимъ было хорошо: нагайцы народъ гостепріимный. Въ саклѣ, назначенной мнѣ, съ товарищами, насъ привѣтливо встрѣтилъ съ приплюснутымъ носомъ нагаецъ.

Поглаживая свою съ просѣдью бороду, онъ приговаривалъ: «Сала-маликомъ!... чюрекъ баръ, маханъ баръ... кушай, кунакъ», т. е. «здравствуйте; хлѣбъ и мясо есть; ѣшьте, друзья». Жена его, дѣйствительно, пекла въ золѣ чуреки, и въ котлѣ прыгали куски мяса.

Подводчики-нѣмцы остались въ этомъ аулѣ ночевать вмѣстѣ съ нами, изъявивъ желаніе безденежно везти насъ до Мелитополя. Какъ только выѣхали мы наутро изъ нагайскаго аула, предъ нашими глазами открылась безпредѣльная сѣроватая степь. Утреннее солнышко, только что разъигралось. Весело пѣли въ воздухѣ жаворонки. Самый вѣтерокъ дышалъ какъ-то тепло. Различныя перелетныя птицы стадами тянулись на сѣверъ, наполняя воздухъ криками. Въ сторонѣ отъ дороги ходилъ спокойно аистъ.

Наши повозки вытянулись длинною цѣпью на версту, и часа черезъ три прыткіе кони колонистовъ довезли насъ до переправы подъ Мелитополемъ. Самая переправа задержала насъ часа четыре. Въ городѣ мы только перемѣнили подводы и опять тронулись дальше. Отсюда насъ везли и лошади, и верблюды; тяжести доставлялись на волахъ. Дневка была въ Перекопѣ.

Къ Симферополю мы приближались рано утромъ, въ великую пятницу, чтобъ провести здѣсь и свѣтлый день. Съ этого только почлега мы пошли по волнистой мѣстности. Всюду виднѣлись сады, и часто попадались рѣчки, или пожалуй, лужицы. Но ничто больше не интересовало насъ тогда такъ сильно, какъ ясно виднѣвшіяся горы. Великанъ Чатырдагъ издали выглядывалъ будто сквозь прозрачную кисею, и отблески утреннихъ лучей солнца играли на его вершинахъ.

Квартиры въ Симферополѣ намъ были отведены въ сараяхъ, на дворахъ, въ конюшняхъ, въ кофейняхъ. Однако, встрѣтили и провели свѣтлый день недурно. Греки и малоросcы больше нашихъ земляковъ русскихъ выказывали радушія къ намъ, пришельцамъ съ сѣвера. Особенно греки въ этотъ день радостно встрѣчали военныхъ привѣтствіемъ: «Христосъ воскресе!» на своемъ родномъ языкѣ (Христосъ анэсти).

Понедѣльникъ свѣтлой недѣли провели здѣсь же. Во вторникъ выступили въ Бакчисарай. Станція была тридцати-верстная, и вечеромъ мы едва добрались до казармъ, отстоящихъ съ четверть версты отъ города, по сю сторону его.

Давно уже распростились мы съ казарменными помѣщеніями. Признаться, ихъ не долюбливаютъ нижніе чины. Съ именемъ казармъ и при взглядѣ на казармы, для солдата сосредоточивается все, что называется общимъ именемъ служба, т. е. все, отъ чего замираетъ солдатское сердце. При входѣ въ казармы откуда бы то ни было, съ похода ли, съ просторной ли стоянки, или просто съ караула, солдаты говорятъ: «навастривай, братцы, уши!... Казарма лежитъ поперекъ дороги». Такъ и въ то время, не смотря, что мы прошли тридцати-верстное разстояніе и ноги примялись на порядкахъ, всѣ нехотя входили въ ворота отведенной для ночлега казармы.

Было ровно шесть часовъ вечера, какъ размѣстились, сняли ранцы и амуницію Нѣкоторые солдаты гремѣли манерками, отвязывая ихъ и приготовляясь идти за водой. Другой, побеззаботнѣе, натягивалъ балалайку—скуку разгонять; кто разувался; кто развѣшивалъ шинель для просушки; кто стучалъ огнивомъ, рубя огонь для трубки. А у кого помягче натура, съ непривычки, или много уже послужилъ, тотъ лежалъ.

Дядька Игошинъ имѣлъ обыкновеніе съ похода всегда немного постоять, а потомъ лечь, поднять кверху ноги и потрясти ими немного въ воздухѣ. «Лучше — говоритъ — уставать не будутъ: а то дорогой послѣ скучать начнутъ: мое дѣло стариковское, немало потопталъ Ходынку, да и рассейскимъ-то шоссеямъ и проселкамъ досталось-таки на порядкахъ» ([1]).

([1]) Дорогой или на привалѣ, или прежде двухъ часовъ съ прихода, дядька не позволялъ себѣ никогда выпить даже полкрышки воды, потому что «послѣ—говоритъ—хуже: замучаетъ жажда; а глоткомъ не напьешься, да и не ровенъ часъ, пожалуй на ноги все пойдетъ». Послѣднее онъ объяснялъ, приводя въ примѣръ опоеныхъ лошадей, оригинально толкуя молодымъ солдатамъ причины кривизны ихъ ногъ такимъ образомъ: «примѣрно, братцы,

Завтра ожидалъ насъ послѣдній походный ночлегъ.

II.

СЪ ПОСЛѢДНЯГО НОЧЛЕГА.

Крымъ—русская Италія, говорятъ путешественники. Хороша тамъ природа, нѣтъ слова; но какъ она ни хороша, какъ ни величественна, а все-таки ея величіе и прелести могутъ нравиться только путешественнику въ экипажѣ и съ полнымъ кошелькомъ; нашему же брату, русскому солдату, путешественнику на собственной парѣ, Крымъ показался далеко не понутру. Насъ встрѣтили здѣсь страшная грязь и жара, именно 20 апрѣля 1854 года, въ день вступленія нашего изъ аула Дуванкіой въ Севастополь.

солдатъ не солдатъ, а лошадь; гони ты лошадь, ну и загонишь. Дай ей напиться—вода сразу и взойдетъ въ ноги, ну ноги и подведетъ сердягѣ. Такъ-то и человѣкъ: человѣкъ-солдатъ идетъ, идетъ, ну жарко, ремни давятъ; вотъ и хлѣбнетъ, не то что не знамши, а знамши, значитъ, да больно ужь загорится въ душѣ, не въ терпѣжь: душа-то не выдержитъ, ну и хлебнетъ, съ тѣхъ поръ и сталъ пропащій человѣкъ: въ ногахъ ломота, груди тяжко, и все такое скверное приключится...»

У Игошкина была одна странность: вѣря всему, онъ не вѣрилъ одному, напримѣръ, что человѣкъ дышитъ не легкими, а брюхомъ; всѣ жидкости, какъ-то: вода, квасъ, чай, водка и проч., проходили, по его мнѣнію, не сквозь желудокъ, а по всему тѣлу. На это у старика были свои доказательства: первое объяснялъ онъ тѣмъ, что когда человѣкъ идетъ ли, бѣгаетъ ли, животъ больше отдувается, а не грудь. Второе доказывалъ иначе: когда человѣкъ пьетъ водку, то она расходится по всѣмъ жилкамъ и суставчикамъ,—это всякій чувствуетъ, когда пьетъ; а когда пьетъ чай или воду, горячую или холодную, то тоже чувствуется: отъ горячаго на тѣлѣ показывается потъ, а отъ холоднаго питья человѣкъ зябнетъ. Впрочемъ, для доказательства послѣдняго, онъ приводилъ опоеныхъ лошадей: «когда опоятъ лошадь, то ей ноги сводитъ, а не брюхо», заключалъ Игошкинъ.

Старикъ не былъ честолюбивъ: онъ нѣсколько разъ отказывался отъ производства въ унтеръ-офицеры: «отвѣта больше, врядъ мнѣ за себя отвѣчать; пусть племяши будутъ сержантами». Онъ былъ храбръ: при Альмѣ, хотя былъ въ первомъ дѣлѣ, держалъ себя во время боя прилично, какъ подобаетъ солдату по присягѣ.

Во время первой бомбардировки въ Севастополѣ, Игошкинъ былъ уже какъ старый вояка, и вся рота присудила его къ Георгію. (Тогда было обѣщано по одному кресту въ роту). Но не дождался Игошкинъ этой награды. «На роду что написано, того не минуешь». Это его же слова. Онъ пропалъ безъ вѣсти при Инкерманѣ.

Въ аулѣ Дуванкіой мы имѣли послѣдній походный ночлегъ, или, точнѣе сказать, привалъ, для чистки амуниціи, чтобъ величественнѣе представиться севастопольскимъ жижителямъ.

Небо было сѣрое, когда мы выступили изъ Бакчисарая къ этому аулу, и на этомъ переходѣ въ первый разъ шли по гористой мѣстности.

Въ Дуванкіой, на ночлегъ, собрался весь 1-й эшелонъ нашего полка, который съ самаго начала похода рѣдко ночевалъ вмѣстѣ. Всѣ сакли были заняты: ночевать было почти негдѣ. Солдатики едва находили себѣ мѣстечко для чистки амуниціи. О снѣ никто не думалъ. Весь вечеръ и всю ночь шелъ проливной дождь, и ручьи воды текли сквозь крыши татарскихъ сакль будто изъ рѣшета. Трудъ бѣдныхъ солдатъ пропалъ. Блескъ ружей, сіяніе касокъ и лакъ восковой черной амуниц и, втертые въ полномъ смыслѣ солдатской костью [1]—все это было смыто дождевою водою. По счастію, на другой день, когда собрались къ выступленію, начальство не обратило вниманія на щегольство, потому что и утромъ моросилъ дождь.

Изъ Дуванкіоя мы потянулись по Бельбекской (какъ говорили тогда) долинѣ.

Старики-солдаты шли тихо, молча, спокойно.... развѣ кто побезсильнѣе покряхтитъ, вытаскивая ноги изъ поколѣнной грязи... У молодыхъ же, наоборотъ, было замѣтно неудовольствіе: они какъ будто тяготились своею судьбою; но когда стали подниматься на крутую и лѣсистую возвышенность. цѣликомъ, то и старики заворчали и привѣтствовали Крымъ и его поэтическія красоты русскимъ крѣпкимъ словцомъ.

Наконецъ взобрались на гору и вышли на дорогу. Здѣсь батальонъ остановили, чтобы перевести духъ.... Потомъ опять тронулись и, въ жидкой грязи по колѣно, измучен-

(1) О чисткѣ *солдатской костью* говорю потому, что мнѣ разъ привелось слышать разговоръ стараго солдата съ молодымъ. «Какъ бы это, дяденька, чистить амуницу?» «Ахъ ты неучъ, мужикъ сиволапый—говорилъ старикъ—возьми потри солдатской костью, да покрѣпче», т. е. голымъ локтемъ: онъ при чисткѣ играетъ главную роль.

ные, тянулись тяжелымъ шагомъ. Вотъ миновали и бѣлые домики, столько знакомые намъ впослѣдствіи; позади остался и фонтанъ. Мы приближались къ бухтѣ, гдѣ разчитывали на привалъ. Вотъ и бухта, въ которую впадаетъ Черная рѣчка. Пробитъ отбой.

Знали ли мы, что, впослѣдствіи, на самомъ этомъ мѣстѣ нашего привала, будетъ перевязочный пунктъ? И въ голову не приходило, что за этимъ мостомъ, на который мы теперь смотрѣли равнодушно, на самой этой горѣ и дорогѣ, по которой сейчасъ пойдемъ, спустя шесть мѣсяцевъ оставимъ больше половины нашихъ товарищей, что этотъ мостъ, эта гора, это мѣсто привала обольются нашей кровью!... Замѣчательно, что привалъ, не смотря на то, что былъ послѣдній, навѣялъ на всѣхъ безотчетную тоску. «Вернемся ли назадъ въ Рассею-то?» проговаривались въ октаву нѣкоторые солдаты, и многіе задумывались надъ этими пророческими словами...

Но вотъ забили подъемъ. Тяжело поднимался эшелонъ по извилистой горной дорогѣ, гдѣ позже была жаркая битва. Внизу дороги виднѣлась каменоломня, на днѣ которой впослѣдствіи въ особенности много было пролито крови, гдѣ пропалъ безъ вѣсти и нашъ батальонный командиръ подполковникъ *Горевъ*.

Но вотъ мы все ближе и ближе подвигаемся къ Севастополю. Осталось пройдти одну балку. Открылась сначала часть города, а спустя нѣсколько минутъ и весь Севастополь. Показалось море, съ изрѣдка мелькавшими на немъ парусными судами. Къ нашему счастію, выглянуло солнышко. Солдатики забыли усталость, незамѣтно удваивали шагъ и скоро подвинулись къ Корабельной части города, къ Матросской слободкѣ.

Здѣсь мы ожидали пріѣзда свѣтлѣйшаго князя *Меншикова*; но вмѣсто его пріѣзжалъ кто-то другой, не помню. Послѣ неизбѣжнаго «по церемоніяльному маршу», насъ отвели въ великолѣпныя морскія казармы, гдѣ мы простояли съ недѣлю.

Моряки были довольны прибытіемъ нашихъ войскъ: «ве

селѣ будетъ жить — говорили они — все войска-то побольше; а то французъ больно близко къ берегу подходитъ».

Батальоны нашего полка были переведены потомъ на южную часть города и размѣщены въ слѣдующемъ порядкѣ: 1-й батальонъ расположенъ въ николаевской морской батареѣ, 3-й и 4-й въ баракахъ, гдѣ впослѣдствіи былъ знаменитый «4-й бастіонъ»; а нашъ 2-й батальонъ помѣстился въ баракахъ же, позади каменной батареи, называвшейся позже «редутъ-Шварцъ».

Въ Севастополѣ особенно трудной службы не было. Нижнимъ чинамъ дѣлались облегченія: напримѣръ: даны были бѣлые чахлы на фуражки, разрѣшено имѣть козырьки, а главное—запрещено снимать фуражки предъ кѣмъ бы то ни было. Это исполнялось, впрочемъ, не всегда: солдаты, по привычкѣ ли, или по врожденному чувству почтенія къ старшимъ, забывали исполнять приказъ: «больно стыдно» —говорили многіе, когда имъ замѣчали, что не слѣдуетъ открывать голову -«шапочка сама снимается передъ добрымъ начальникомъ». Были, однако, и такіе начальники, больше молодые прапорщики и офицеры, произведенные изъ гвардейскихъ фельдфебелей, которые не могли быть равнодушны къ такому нововведенію: они строго требовали «фронта».

До вступленія нашего въ лагерь на сѣверную, ученій не производилось, а если и были, то неутомительныя. Мы отдыхали послѣ похода. Ученья дѣлались однимъ резервнымъ батальонамъ.

Въ маѣ мѣсяцѣ, войска, кромѣ резервныхъ батальоновъ, были переведены на сѣверную сторону, въ лагерь. Тамъ простояли мы до 2 сентября. Съ этого числа началась наша бивуачная и боевая жизнь и служба. О стоянкѣ въ лагерѣ нечего вспомнить: лагерь всегда и вездѣ одинаковъ. Болѣзненность была значительная: господствовали тифъ, лихорадки; удовольствій же не было никакихъ.

III.

ВЫСТУПЛЕНІЕ НА БИВУАКИ.

Еще въ августѣ у насъ въ лагерѣ бывали тревоги. Не-

пріятельскій флотъ иногда дерзко расхаживалъ близъ береговъ. Носились слухи, что непріятель непремѣнно сдѣлаетъ дессантъ въ Крыму. Молва назначала иногда и число; но мы ждали напрасно и даже потеряли надежду быть когда нибудь въ сраженіи, а, между тѣмъ, подвиги нашихъ войскъ въ азіятской Турціи окончательно внушили намъ мысль о нашей непобѣдимости. 1 сентября въ нашемъ лагерѣ засуетились; пошли приготовленія: осмотръ ружей (собственно штыковъ), раздача патроновъ, сухарей, надвертокъ, пыжовниковъ и проч.

Утромъ 2 сентября, разнеслась по лагерю вѣсть: «сегодня выступаемъ встрѣчать французовъ». Назначено было выходить изъ палатокъ по тревогѣ. Поэтому солдаты съ десяти часовъ расхаживали по лагерю въ амуниціи, чтобы тотчасъ же надѣть ранцы. Погода была довольно прохладная, а по крымскому, пожалуй, и холодная; солнце свѣтило, однако, ярко. Непріятельскій флотъ очень ясно виднѣлся на горизонтѣ, сдвигаясь къ Эвпаторіи. Непріятельскіе пароходы, небольшихъ размѣровъ, то и дѣло шныряли недалеко отъ береговъ, то приближаясь къ Севастополю, то удаляясь къ Эвпаторіи. Послѣ полудня раздались крики: «надѣвай ранцы!» Построились передъ палатками своихъ ротъ, а потомъ формировались въ батальоны передъ лагеремъ, каждый батальонъ передъ своими палатками; барабанщики, какъ бы изъ приличія, чтобъ исполнить свое дѣло, ударили тревогу. Пріѣхало начальство и объявило намъ походъ; а нѣкоторые командиры, хотя и незнакомые съ практическимъ употребленіемъ штыка, давали такіе совѣты: «смотри, ребята! на штыкѣ долго не держи; нырнулъ, да и скорѣй тащи назадъ! Шапками его, каторжнаго, закидаемъ!»

Всѣ были довольны такими совѣтами; всѣ были увѣрены въ своихъ еще не испытанныхъ силахъ. Одинъ подполковникъ *Горевъ*, командиръ нашего батальона, сидѣлъ нахмурившись на своемъ конѣ и отвѣчалъ на всѣ слова и рѣчи угрюмымъ молчаніемъ. Но когда тронулись въ походъ, онъ промолвилъ какъ бы самъ про себя: «не хвались, идучи на рать».

Медленно подвигались мы къ рѣкѣ Качѣ. Дорога шла горами, но не крутыми. По бокамъ ея были видны зеленѣющіе сады и виноградники. Кой-гдѣ проглядывали красивые домики владѣтелей этихъ дачъ. Даже татарскія сакли пріятнѣе выглядывали изъ-за старинныхъ плодовитыхъ деревьевъ, которыми такъ богатъ Крымъ.

Выйдя изъ садовъ на мѣстность болѣе ровную и открытую справа (слѣва къ сторонѣ моря были горы), мы приблизись къ какому-то помѣщичьему домику. Это было уже вблизи Качи. Батальоны правымъ плечомъ были подведены въ промежутки между горою и домомъ и остановлены. Здѣсь начали приготовлять первый бивуачный ужинъ. Нѣкоторые изъ любопытства поднимались на гору, у подошвы которой былъ нашъ бивуакъ. Съ горъ было видно море. Возвращавшіеся съ горы приносили извѣстія о безпрестанно увеличивавшемся количествѣ непріятельскихъ судовъ.

Передъ вечеромъ, другіе полки, слѣдовавшіе сзади насъ, проходили мимо нашего бивуака, тоже для ночлега и ужина. Они строились дальше, такъ что ихъ позиціи намъ не было видно.

Въ то время къ намъ много являлось волонтеровъ изъ русскаго купеческаго званія. Генералъ *Волковъ* принялъ въ полкъ двухъ или трехъ; одного изъ нихъ, рослаго, помѣстилъ въ 1-ю роту, какъ будущаго лихаго бойца. Мы всѣ собрались посмотрѣть на рослаго дѣтину (жаль, забылъ его фамилію), какъ на храбраго товарища. Однако, послѣ дѣла подъ Альмой, молодецъ сконфузился и, чтобъ избавиться волонтерства, объявилъ себя ложно контуженнымъ. Удаляясь, онъ сознался: «лучше торговать, чѣмъ рисковать жизнью».

Впрочемъ, волонтеры хотя не принесли рѣшительно никакой пользы, но своимъ появленіемъ подѣйствовали благотворно на нравственную сторону нижнихъ чиновъ.

Послѣ ужина пробили зорю. Стемнѣло. Разложили костры, и все успокоилось. Солдаты, закутавшись съ головами въ свои сѣрыя шинели, лежали у ружейныхъ козелъ...

На другой день, 3 сентября, утро было прекрасное. Дулъ тихій прохладный вѣтерокъ. Играли зорю. Солдаты

подинмались. Чашки, ложки и прочія принадлежности стола неслись къ костру, гдѣ были ротные котлы. Здѣсь былъ первый ранній бивуачный обѣдъ.

Тотчасъ послѣ благодарственной обѣденной молитвы, приказано было: быть готовыми къ выступленію, и около 8 часовъ батальоны тронулись къ аулу Бурлюкъ. Со стороны Эвпаторіи были слышны пушечные выстрѣлы. Мы, въ это время, подвигались уже къ Бурлюку, и думали, что насъ поведутъ прямо въ дѣло. При этой мысли неровно стало биться солдатское сердце (1). Вскорѣ, однако, насъ остановили на высокой мѣстности, не вдалекѣ (съ версту) отъ Альмы. Отсюда море и непріятельскій флотъ виднѣлись какъ на ладони. Близъ Эвпаторіи возвышался лѣсъ мачтъ. Батальоны были поставлены фронтомъ къ морю. Передъ лицомъ нашимъ, невдалекѣ, стоялъ маякъ, у котораго, 8 числа, Московскій полкъ мужественно бился съ французами.

Къ вечеру мы были подвинуты на окраины возвышенной мѣстности предъ рѣчкой Альмой, фронтомъ поперекъ ея теченія. Предъ нашими глазами былъ Бурлюкъ, а дальше за ауломъ, къ сторонѣ Эвпаторіи, открытая мѣстность, кое-гдѣ заставленная стогами сѣна и другихъ хлѣбовъ. Долина оканчивалась возвышенностью, на которой 7 числа былъ ночлегъ непріятельской арміи.

На этой позиціи мы простояли съ 3 до 8 сентября. Въ теченіе трехъ дней, 4, 5 и 6 числа, къ намъ прибывали изъ Эвпаторіи солдаты нашего полка, находившіеся тамъ въ слабосильной командѣ, для поправленія здоровья (2). Они первые принесли темныя свѣдѣнія о непріятелѣ. Разсказывали, что «высаживается рать-сила несмѣтная: татары и евреи помогаютъ непріятелю, и даже многихъ русскихъ больныхъ перебили». Между 3 и 7 числомъ къ намъ постоянно подходили войска.

(1) Стрѣльбу дѣлали непріятели, празднуя благополучную высадку. Это мнѣ пришлось узнать впослѣдствіи, отъ плѣнныхъ французовъ.

(2) Вблизи Эвпаторіи есть цѣлебныя грязи, и нашихъ больныхъ посылали туда на поправку.

IV.

7 сентября рекогносцировка.

7 числа день былъ ясный Провіантъ выдавался сполна; а солдату былъ бы хлѣбъ, да если къ этому чарка водки, да хорошій день, то ему все нипочемъ. Въ такія минуты онъ счастливъ, на лицѣ его написано самодовольствіе, во всѣхъ его движеніяхъ видна размашистость; онъ даже иначе набиваетъ свою трубку, даже иначе угощаетъ ею своего товарища, непремѣнно какъ-то особенно толкнетъ его и назоветъ по отчеству: Максимычъ, Иванычъ, а если не знаетъ отчества (что бываетъ рѣдко), то фамилію переверпетъ на отчество; напримѣръ, если товарищъ татаринъ и его зовутъ Абдурахманъ Мугаметулинъ, солдатикъ скажетъ: «а что, господинъ Абдрахманъ Габадулычъ, покуримъ-ка трубочки...» Зовутъ товарища Антонъ Намазовъ или Пѣтуховъ, а солдатикъ величаетъ его Намазычъ! Пѣтуховичъ! Все это я привелъ потому, что 7 сентября всѣ и всѣмъ были довольны и спокойны какъ-то. Всѣ, кто стоя, кто лежа, кто сидя, толковали, острили, разсказывали....

Была уже обѣденная пора. Между солдатами скоро разносятся даже секретныя распоряженія начальства. Такъ случилось и на этотъ разъ... Только что поѣхали адъютанты за приказаніями въ главную квартиру, а ужъ солдаты разсуждали, «что вотъ-де мы пойдемъ сегодня встрѣчать безпремѣнно французовъ». Угадали. Часа въ два или въ три пополудни пришло приказаніе: отъ нѣкоторыхъ полковъ взять отъ всякаго взвода по полувзводу для рекогносцировки, а прочимъ остаться на своихъ позиціяхъ. Въ числѣ несчастныхъ, невзятыхъ, былъ и я съ однимъ моимъ товарищемъ изъ дворянъ, *Кучевскимъ*. Мы и другіе оставленные завидовали счастливцамъ идущимъ: мы думали: разобьютъ они въ пухъ и прахъ французовъ, боялись, что лавры побѣды не достанутся намъ.

Рекогносцирующіе выступили съ позиціи послѣ полудня и, перейдя рѣку Альму и деревню Бурлюкъ, построи

лись невдалекѣ отъ аула въ боевой порядокъ, имѣя пѣшую артиллерію въ головѣ, а нѣсколько взводовъ гусаровъ на правомъ флангѣ. Войска эти очень часто перемѣняли фронтъ свой: строились лицомъ то къ морю, то къ сторонѣ Эвпаторіи. *Кучевскій*, я и другіе сидѣли сзади ружейныхъ козелъ и съ грустію посматривали на различныя передвиженія нашихъ. Наша позиція (гдѣ мы сидѣли) была очень высокая; она командовала долинами и возвышенностями, лежащими впереди верстъ на шесть, если не далѣе. Съ нея намъ были видны не только движенія нашихъ войскъ, но даже приближеніе чуть-чуть замѣтнаго непріятеля, уже слѣдовавшаго изъ Эвпаторіи.

Помню какъ теперь, верстахъ въ двухъ дальше нашихъ, разъѣзжала наша конная артиллерія и изрѣдка открывала огонь. Спустя часа два, показалась съ непріятельской стороны конная партія, въ числѣ эскадрона или взвода; она медленно приближалась къ нашимъ рекогносцирующимъ. Мы притаили дыханіе, ожидая какъ будутъ драться французы и какъ наши. Но конная партія, соблюдая равненіе, стройно и спокойно шла тихимъ шагомъ и развернутымъ фронтомъ....

Пѣшая артиллерія, построенная впереди колонны нашихъ рекогносцирующихъ, засуетилась; закурились фитили, а конная партія подвигалась все ближе и ближе къ фронту артиллеріи. Но вотъ изъ пушекъ сверкнулъ огонь, повалили клубы дыма, загрохотали выстрѣлы по дерзкимъ кавалеристамъ. Когда дымъ разсѣялся, мы увидѣли, какъ эти кавалеристы маршъ-маршемъ бросились на правый флангъ нашихъ, гдѣ стояли гусары. Правый флангъ нашихъ какъ будто подался назадъ отъ ихъ напора. Но—о чудо!—вдругъ нападавшіе были приняты нашими въ свои ряды!... А одинъ отдѣлившійся отъ нихъ всадникъ, когда еще продолжалась стрѣльба, устремился съ поднятой саблей прямо къ фронту артиллеріи.

— Что это такое? спрашивали мы другъ друга въ недоумѣніи.

Когда наши возвратились на свои позиціи, загадка разъяснилась. Своихъ же гусаровъ мы приняли, по ихъ

кителямъ, за непріятельскихъ кавалеристовъ. Имъ пришлось за французовъ выдержать первый выстрѣлъ — «для почину», говорили солдаты. Неблагопріятно подѣйствовалъ этотъ почииный выстрѣлъ на солдатъ: они находили въ немъ дурное предзнаменованіе. Отдѣлившійся же всадникъ былъ, говорили, гусарскій штабъ-офицеръ, который бранился за выстрѣлъ....

Считаю нужнымъ разъяснить этотъ случай. Гусары уѣхали прежде на рекогносцировку, и ихъ не узнали будто потому, что отдано было приказаніе быть нашимъ войскамъ въ шинеляхъ для единообразія, у гусаровъ же кто-то распорядился надѣть кители, по случаю жары. Кители эти и были приняты за бѣлые мундиры непріятельскихъ кавалеристовъ (если только они носятъ ихъ). Слава Богу, выстрѣлы никому не повредили.

Подъ вечеръ этого дня прибылъ Московскій пѣхотный полкъ, въ своихъ высокихъ шапкахъ, похожихъ на нынѣшніе армейскіе кивера, если съ нихъ снять всю мѣдь и помпонъ; только козырьки были немножко больше.

Во время рекогносцировки, казаки взяли въ плѣнъ французскаго штабъ-офицера.

Вечеромъ непріятель занималъ противоположныя намъ возвышенности. Музыканты нашего полка играли, близъ сѣрой палатки его свѣтлости, марши и въ особенности русскія пѣсни. Пѣсенники пѣли:

Вы, французы, англичане,
Что турецкій глупый строй!
Выходите, бусурмане!
Вызываемъ васъ на бой!
Вызываемъ васъ на бой!

Смеркалось. Приказано было меньше класть костровъ. По нѣскольку человѣкъ отъ ротъ были назначены въ цѣпь за аулъ.

Безотчетно тяжелъ былъ вечеръ 7-го сентября, канунъ альминской битвы. На солдатахъ стала ложиться какая-то неувѣренность и задумчивость

На нашей позиціи горѣли рѣдкіе тусклые огни. Въ опустѣвшемъ аулѣ выли голодныя собаки. Вдали и кругомъ

раздавались говоръ, топотъ, ржанье, и все это, сливаясь въ одинъ гулъ, наводило тоску при видѣ большихъ и яркихъ огней непріятельскихъ, раскинутыхъ на противоположной намъ возвышенности.

Во время ужина, многіе солдаты ѣли неохотно. Ночь прошла въ томительномъ ожиданіи; спали въ амуниціи.

Настало утро 8-го сентября.

V.

8-го сентября. Частности альминскаго дѣла.

8-е число — день Рождества Пресвятыя Богородицы. День этотъ долго будетъ памятенъ участникамъ въ альминскомъ боѣ. Грустно вспоминать о немъ! Не мнѣ судить о причинахъ несчастнаго для насъ исхода дѣла: онѣ уже извѣстны. Мое дѣло разсказать то, что пока не вывѣтрилось изъ памяти. Пройдетъ еще лѣтъ пять — и забудется многое. Даже теперь прошлое представляется будто въ туманѣ, тогда какъ въ первые три года послѣ войны чуть не каждую ночь приходилось видѣть во снѣ былыя кровавыя сцены.

Да, товарищи! кто прослужилъ всю крымскую кампанію во фронтѣ, у того крѣпко отзываются въ бокахъ всѣ металлическія неудовольствія и нравственныя скорби. Еще прискорбнѣе и больнѣе, если послѣ такой войны поставятъ тебя въ заднюю шеренгу. А это можетъ случиться.... Но не о томъ рѣчь.

Утро 8-го сентября предвѣщало ясный день. У насъ не было никакихъ приготовленій, и всѣ мы какъ-то равнодушно смотрѣли на непріятельскую позицію. У французовъ и англичанъ было наоборотъ. Часу въ девятомъ правый ихъ флангъ (французовъ) началъ спускаться со своей позиціи. Намъ было не совсѣмъ видно движеніе французскихъ колоннъ: онѣ шли по волнистой береговой мѣстности, и только когда поднимались на возвышенныя части дороги, изрѣдка выказывались. Спустя долгое время, начали спускаться и остальныя непріятельскія войска (англичане). Позиція англичанъ была перпендикулярная позиціи на-

шего 2-го батальона, и намъ показалось, что они идутъ прямо на насъ. Красные мундиры были видны ясно.

Непріятель приближался. Полковые священники служили въ батальонахъ молебны; горячо молились солдаты; многіе изъ офицеровъ становились на колѣни.

Вотъ правый флангъ непріятеля уже подвинулся къ нашему лѣвому: онъ уже составляетъ прямую линію съ нашимъ батальономъ, который стоялъ на выдавшейся мѣстности полукругомъ.

Непріятельскій лѣвый флангъ (англичане) наступалъ на нашъ правый, а частію и середину, длиннымъ развернутымъ строемъ, имѣя впереди себя парную цѣпь, загнутую по угламъ. Красные мундиры и оружіе блестѣли отъ яркихъ лучей крымскаго солнца.

Войска, шедшія по берегу, т. е. французы, опередили англичанъ; ихъ густыя колонны были уже близъ рѣчки.

Въ этотъ самый моментъ нашъ батальонный командиръ, подполковникъ *Горевъ*, крикнулъ: «въ ружье»! и тотчасъ же, на лѣвомъ нашемъ флангѣ, раздался первый ружейный выстрѣлъ; потомъ послышался мелкій дробный огонь, то усиливаясь, то ослабѣвая и переходя въ продолжительные залпы. Лѣвѣе нашего батальона, за лощиной, стояли 3-й и 4-й батальоны нашего полка; впереди было расположено нѣсколько ротъ резервныхъ мушкатерскихъ полковъ.

Былъ часъ пополудни. Къ намъ, изъ англійской цѣпи, стали долетать пули. Кто испыталъ въ первый разъ визгъ пули, не хвались, что слышалъ его хладнокровно [1]. Мы, никогда не бывавшіе въ огнѣ, всѣ оторопѣли, и многіе безсознательно спрашивали другъ друга, слыша звукъ пули: «пэ-энь»,—что это такое?—хотя и знали, что это пу-

---

[1] Когда пуля послѣ выстрѣла пролетаетъ первую половину своего пространства, то звука она не имѣетъ; ея полетъ слышенъ, какъ сильное дуновеніе вѣтра; но на второй половинѣ она имѣетъ уже звукъ, который можно опредѣлить словомъ „пэ-энь". Послѣднія двѣ буквы визга пули увеличиваются октавой выше двухъ первыхъ буквъ и визжатъ особенно пронзительно. Весельчаки-солдаты, впослѣдствіи, конечно, когда уже были обстрѣляны, слыша полетъ пуль, разсуждали: вишь какъ напослѣдяхъ-то ее забираетъ! знать съ голоду. Все пень кричитъ, не видитъ, что сукъ.

ли. Пули посыпались чаще и чаще.... и «пэ-энь» слился въ продолжительный, непрерывный «пэ-энь».

Когда у насъ ранили перваго, рядоваго *Черепова*, какое смущеніе распространилось въ рядахъ! «Черепова. Черепова ранили», говорили солдаты, съ вытянутыми лицами.

Открыла огонь ядрами и наша земляная батарея по наступающимъ англичанамъ. Эта батарея находилась у подошвы горы, бывшей на правомъ флангѣ нашей позиціи, внизу палатки его свѣтлости. Аулъ еще не былъ зажженъ, и мы видѣли неудачные выстрѣлы нашей батареи: ея снаряды то не долетали, то перелетали англійскій строй, что тоже, на первый случай, дурно подѣйствовало на солдатъ.

Нашъ лѣвый флангъ просилъ помощи, и для усиленія его повели Московскій пѣхотный полкъ. Московцамъ путь лежалъ сзади нашего батальона.

«Помоги вамъ, Боже»! проговорилъ имъ подполковникъ *Горевъ*, и весь почти батальонъ повторилъ слова своего командира.

Предъ тѣмъ мимо фронта нашего батальона проскакалъ на лѣвый флангъ его свѣтлость: тамъ огонь увеличивался. Князь былъ окруженъ многочисленной свитой, въ числѣ которой было много татарскихъ всадниковъ и одинъ кавалергардъ. Во время своего проѣзда мимо насъ, князь замѣтилъ смущеніе отъ англійскихъ стрѣлковъ. Штуцерный огонь, признаться сказать, произвелъ непріятное впечатлѣніе на необстрѣленныхъ солдатъ. Насъ удивляло то, что непріятельскихъ стрѣлковъ не было видно, а въ рядахъ нашихъ оказывалась убыль.

Но вотъ непріятель и вовсе скрылся. Предъ приближеніемъ его аулъ былъ зажженъ казаками: дымъ пожара закрылъ нашихъ враговъ, которые въ то время уже подходили къ мосту.

Когда огонь англійскихъ штуцерныхъ и артиллеріи сталъ усиливаться, нашъ батальонный командиръ, чтобь не подвергать людей прицѣльнымъ выстрѣламъ, безпре-

станно переводилъ батальонъ съ мѣста на мѣсто, то вправо, то влѣво, то впередъ, то назадъ. Это было лучшее средство развлечь непривычныхъ къ бою. Многіе до такой степени поддались чувству самосбереженія, что нагибались и жались другъ къ другу, призывая на помощь всѣхъ святыхъ угодниковъ и угодницъ.

Непріятель сильно тѣснилъ нашъ лѣвый флангъ. Московцы и минцы, прижавшись къ маяку, открыли адскій ружейный огонь. Раненые кучами шли и ползли оттуда на перевязку, и многихъ изъ нихъ доколачивали непріятельскіе снаряды.

Къ нашему батальону, на мѣсто нашей позиціи (откуда только что свелъ насъ *Горевъ*, поставивъ насъ немного ниже), прискакала пѣшая батарея; она открыла стрѣльбу по аулу, черезъ головы, бывшихъ впереди этой мѣстности, уже растроенныхъ резервныхъ ротъ.

Вмѣстѣ съ этой батареей прискакалъ сѣдой и довольно тучный генералъ или полковникъ, не знаю (не до того уже было). Онъ обратилъ на себя общее вниманіе своею хладнокровною распорядительностію. Солдаты говорили «вотъ командиръ, такъ командиръ, видно бывалъ въ передрягахъ»! Нашъ подполковникъ *Горевъ* ободрялъ насъ: «смотри, ребята»! говорилъ онъ: «вотъ старикъ, заслуженный, конечно, семейный, а видишь: не дорожитъ жизнью!... а мы что? что намъ терять? Кто изъ васъ струситъ—продолжалъ подполковникъ — взгляни на меня, и если я моргну хоть глазомъ, то вы можете меня не слушаться и уйдти». Слова эти имѣли большой успѣхъ: батальонъ ободрился.

Замѣтивъ потомъ, что на солдатъ дѣйствуетъ визгъ снарядовъ, *Горевъ* крикнулъ: «ребята! не бойся той пули, что жужжитъ: эта пуля далеко!... той, которая тебя убьетъ, не услышишь».

Московскій и Минскій пѣхотные полки, тѣснимые отовсюду, отступали, отстрѣливаясь. Въ этотъ критическій моментъ нашего лѣваго фланга, пронеслась маршъ-маршемъ, сзади нашего батальона, казачья лихая конная ба-

тарея ([1]) и, снявшись съ передковъ, немного лѣвѣе нашего батальона, открыла учащенный огонь.... Огонь былъ такъ дѣйствителенъ, что съ первыхъ же выстрѣловъ къ намъ меньше залетали пули, и непріятель не рѣшался выходить на ту позицію, гдѣ были прежде московцы. Наши солдаты перевели свой сдержанный духъ. Похвалы, желанія всего лучшаго посыпались на казаковъ, и здѣсь только мы оцѣнили этотъ родъ оружія. Командиръ казачьей батареи командовалъ весело, громко и балагурилъ....

Въ нашъ батальонъ ни разу не привозили приказанія отступать и даже вовсе не было никакихъ приказаній съ самаго начала боя. *Горевъ*, соображаясь съ дѣйствіями фланговыхъ батальоновъ, которые отступали шагъ за шагомъ, сталъ отводить свой батальонъ, и нельзя было поступить иначе: нашъ батальонъ стоялъ въ центрѣ, и еслибъ не былъ отведенъ назадъ, то мы образовали бы уголъ и непремѣнно погибли бы.

Бой все кипѣлъ и кипѣлъ. Снаряды гудѣли повсюду.

Вдали слышался барабанный бой, который и приняли за отбой. Батальонъ нашъ отходилъ шагъ за шагомъ, безпрестанно останавливаясь. *Гореву* не вѣрилось, чтобъ русскіе отступали, потому что конная артиллерія имѣла на лѣвомъ флангѣ успѣхъ. Но отступленіе уже началось. У насъ ядромъ вырвало трехъ человѣкъ изъ рядовъ.

Пройдя съ версту отъ мѣста боя, *Горевъ* скомандовалъ: «стой». Очутившись внѣ выстрѣловъ, мы вздохнули свободнѣе.

Невкусно стоять подъ ядрами!.... дѣло прошлое.... крѣпко щемило сердце у всякаго!... И если кто бывшій подъ Альмой скажетъ, что онъ не ощущалъ подобнаго чувства, не вѣрьте ему.

Мы простояли съ часъ. Вдали была еще стрѣльба, но съ каждой минутой она становилась рѣже и рѣже.

Впереди насъ, на возвышенности, стояли гусары, для прикрытія отступленія. Когда мы тронулись къ р. Качѣ,

---

([1]) Съ начала боя, прежде казачьей батареи работала противъ лѣваго фланга конная батарея.

послышался голосъ генерала *Кирьякова*, шедшаго пѣшкомъ, а потомъ подъѣхалъ нашъ полковой командиръ (*Волковъ*). Онъ, во время дѣла, былъ безъ лошади, но вездѣ тамъ, гдѣ предстояло наиболѣе опасности.

VI.

КОЕ-ЧТО ОБЪ ОТСТУПЛЕНІИ.

Въ безпорядкѣ и быстро отступали наши войска.

Нравственное состояніе ихъ было дурно; всѣ боялись, чтобъ французы не бросились преслѣдовать. Мы думали, что намъ придется на ранцахъ внести французовъ въ Севастополь.

Ночь была темная; тучи обложили все небо. До сумерекъ мы долго плутали по оврагамъ и долинамъ. Мы шли не дорогой, чтобъ не тѣсниться всѣмъ вмѣстѣ и чтобы дать время проѣхать повозкамъ и орудіямъ.

На Качѣ былъ данъ намъ двухчасовой отдыхъ. Здѣсь всякая рота хоронила своихъ товарищей, привезенныхъ въ фурахъ. Шанцеваго инструмента не было, и потому могилы рыли тесаками, но, по твердости грунта, не могли закапывать всего трупа; сверху только обсыпали землей. Многимъ засыпали одно туловище.

Съ Качи нашъ батальонъ повели на сѣверную часть Севастополя, куда мы прибыли въ полночь съ 8-го на 9-е число. Утромъ насъ поставили на возвышенномъ мѣстѣ сзади нашего мирнаго лагеря, въ которомъ мы прожили около четырехъ мѣсяцевъ, мечтая о своей непобѣдимости.... Взглянувъ на наши палатки, я вспомнилъ совѣтъ: «не держи долго на штыкѣ: шапками ихъ, каторжныхъ, закидаемъ»!... и слова подполковника *Горева*: «не хвались идучи на рать»....

Во время нашей стоянки на этой возвышенности, внизу проходили остатки полковъ Владимірскаго, Московскаго, Казанскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича и другихъ, наиболѣе пострадавшихъ.

Въ полдень насъ повели далѣе.... Отъ полка были наряжены рабочіе снимать лагерь и укрѣплять или чинить насыпь и одежду сѣвернаго укрѣпленія.

VII.

СЛУЧАИ ВО ВРЕМЯ ФЛАНГОВАГО ДВИЖЕНІЯ СЪ 12-ГО СЕНТЯБРЯ ПО 17 ЧИСЛО 1854 Г.

Съ 9-го по 12-е число солдаты наши всякій день были на инженерныхъ работахъ. По ночамъ иногда случались тревоги.

12-го числа, часу въ пятомъ по полудни, полкъ выступилъ къ Бахчисараю. Насъ вели цѣликомъ. Дорога была правѣе того мѣста, гдѣ мы шли. Путь лежалъ по каменистому грунту, вездѣ торчалъ терновый и кизилевый кустарникъ; но чѣмъ ближе подвигались къ дорогѣ (къ мѣсту нашего перваго привала при вступленіи въ Севастополь), тѣмъ чаще начиналъ встрѣчаться дубовый кустарникъ, а потомъ и лѣсъ. Наконецъ мы вышли къ знакомымъ намъ бѣлымъ домикамъ. Подальше, сажень пятьдесятъ вверхъ по дорогѣ къ Бахчисараю, мы встрѣтили, по правой сторонѣ нашего пути, гусаровъ, которые стояли держа своихъ лошадей въ поводу. Пройдя мимо пзоиціи гусаровъ, мы, минутъ черезъ пять, были остановлены какимъ-то адъютантомъ и простояли на томъ мѣстѣ около получаса. Потомъ было приказано нашимъ батальонамъ размѣститься вправо и влѣво по дорогѣ, въ кустахъ. Нашему 2-му батальону досталось влѣво (если идти отъ Севастополя въ Бахчисарай), и мы стали карабкаться туда, по крутой и поросшей мѣстности, на вершину, гдѣ и заняли позицію въ густомъ дубнякѣ.

Къ сумеркамъ, гусары, мимо нашей стоянки, по дорогѣ къ Бахчисараю, поѣхали-было поить лошадей, но, не напоивъ ихъ, стремглавъ бросились назадъ на свою позицію. Въ то время невдалекѣ находился непріятель и будто бы уже сталъ показываться на противоположныхъ возвышенностяхъ.

Стемнѣло. Огней не раскладывали на нашей позиціи.

Время приближалось къ полуночи. Всякій изъ насъ отъ утомленія прилегъ вздремнуть у своихъ ружейныхъ козелъ. Не спали одни только часовые у знаменъ, да и тѣ, нахохлившись, ходили сонливо и съ завистію посматривали на своихъ спящихъ товарищей.

Я долженъ немного отклониться отъ послѣдовательности разсказа о ночи 12-го сентября. Носились въ полкахъ слухи, будто сначала предполагали сдѣлать фланговое движеніе къ Бахчисараю по этой дорогѣ; я этого не завѣряю, да и не въ томъ дѣло. Но какъ непріятель былъ слишкомъ близко, то будто бы было приказано войскамъ, находившимся здѣсь, отступить на инкерманскую искусственную дорогу (къ бухтѣ), и потому всѣ войска ушли, оставивъ одинъ 2-й батальонъ Тарутинскаго полка. Забыли ли насъ, или не нашли въ лѣсистой мѣстности, не знаю.

Дѣйствительно, нашъ батальонъ былъ весь рѣшительно закрытъ кустами; солдаты спали спокойно. Кругомъ была тишь; лишь изрѣдка слышалась пѣсня кузнечиковъ. Вдругъ на правой сторонѣ дороги (къ сторонѣ рѣчки) раздался стонъ или вопль ([1]). Нѣкоторые изъ солдатъ проснулись и стали вслушиваться. Потомъ проснулись и офицеры. Всѣ были въ недоумѣніи.

Одинъ солдатикъ, идя въ кусты, встрѣтился съ казакомъ, осторожно пробиравшимся къ Инкерманскому мосту (къ бухтѣ). Казакъ удивился, встрѣтивъ здѣсь русскихъ, и совѣтовалъ поскорѣе убираться, говоря: «наши часъ слишкомъ назадъ отступили, неизвѣстно куда; я изъ-за рѣки искалъ тамъ своихъ товарищей и, пробираясь по за-хатамъ у моста, видѣлъ невдалекѣ французовъ, поившихъ лошадей. Непріятель, вѣрно, пришелъ занимать эти высоты». Солдатъ прибѣжалъ прямо къ мѣсту, гдѣ лежалъ командиръ батальона *Горевъ*, и объявилъ о случив-

---

([1]) Возвращаясь послѣ фланговаго движенія изъ-подъ Бахчисарая этимъ же путемъ, мы видѣли въ лѣвой сторонѣ дороги два обезображенныхъ трупа: одинъ былъ старикъ-татаринъ, другой казакъ. У послѣдняго изъ рукъ были вытянуты жилы; онъ уже весь распухъ, такъ что его казакинъ во многихъ мѣстахъ лопнулъ. Чьи это были проказы? французовъ или татаръ?

шемся. *Горевъ* вскочилъ и велѣлъ растолкать спящихъ и какъ можно тише разобрать ружья и строиться.

Солдаты, вскочивъ со сна, засуетились, оторопѣли и стали торопливо выбираться изъ лѣсу подъ гору.

При выходѣ на дорогу, батальонъ было-побѣжалъ, но подполковникъ *Горевъ*, заскакавъ впередъ, саблей остановилъ переднихъ, привелъ все въ порядокъ и повелъ насъ къ Инкерманскому мосту.

Онъ сообразилъ, что наши должны были отступить не иначе, какъ къ Инкерману. Приближаясь къ мосту, мы дѣйствительно увидѣли нашихъ, уже двигавшихся по вершинѣ инкерманской дороги, тамъ, гдѣ было потомъ кровавое побоище 24-го октября.

Здѣсь войска остановились, и мы тоже были остановлены для ночлега. Костры пылали во многихъ мѣстахъ.

На этой позиціи мы пробыли до сумерекъ 13-го числа, когда пришло приказаніе идти.

При выступленіи съ позиціи былъ зажженъ ближайшій кустарникъ. Такая иллюминація производилась нами всегда съ цѣлью обмануть непріятеля на счетъ мѣста нашего расположенія, а количествомъ огней замаскировать число нашихъ войскъ. Эти огни, кажется, имѣли вліяніе на нашего противника, судя по его осторожнымъ передвиженіямъ и рѣшительности.

Темная ночь съ 13-го на 14-е число благопріятствовала фланговому движенію. Батальоны шли скорымъ шагомъ, не по дорогѣ, а «воробьинымъ путемъ», какъ выражались солдаты. Погода стояла сухая. Воздухъ былъ пропитанъ запахомъ полыни. Тишина нарушалась лишь добрымъ стукомъ нашихъ шаговъ.

Солдаты шопотомъ разговаривали между собою. Трубокъ не велѣно было курить.

Послѣ добраго часоваго марша мы пустились въ Сапунъ-горы, приблизились къ Черной рѣчкѣ и, невдалекѣ отъ знаменитаго послѣ Трактирнаго моста, перешли ее въ бродъ. На берегу былъ разложенъ большой костеръ.

Переправившись черезъ Черную, батальоны вышли на поляну и правымъ плечомъ направились къ горѣ «Сахар-

ная голова». Въ это время тишина соблюдалась еще строже; запрещали шептать и приказывали: мягче ставить на землю ноги. Оставивъ «Сахарную» влѣвѣ, мы слѣдовали учащеннымъ шагомъ по дорогѣ къ Мекензіевымъ высотамъ и черезъ часъ достигли горной дороги, ведущей въ лѣсъ того же имени. Здѣсь находились уже наши войска, отдыхавшія у огромныхъ разложенныхъ костровъ.

Въ лѣсу и намъ былъ данъ отдыхъ, часа на два или на три.

Послѣ насъ повели къ Бахчисараю. Къ утру мы прошли аулъ Дуванкіой, а часамъ къ семи или восьми были остановлены за версту отъ Бахчисарая.

Часа черезъ три батальоны выступили обратно къ аулу Дуванкіой, пробыли тамъ съ часъ и опять двинулись къ Бахчисараю. Былъ пятый часъ пополудни. Солнце сильно пекло. Утомленіе было большое.

Наконецъ раздалась команда: «стой, къ ноги, ранцы долой»! Какъ только солдаты сбросили съ плечъ эту ношу, то кто стоялъ на какомъ мѣстѣ, тутъ и сѣлъ, ожидая, не поведутъ ли опять .. Но прошелъ часъ, прошло нѣсколько часовъ, и солдаты стали заговаривать—значитъ отдохнули: кто лежалъ вытянувши самодовольно ноги, кто разувался и сушилъ портянки, кто снималъ шинель и украдкой вынималъ безпокоившее насѣкомое. Прежде, въ мирное время, это считалось между солдатами стыдомъ.

Здѣсь въ первый разъ показалась на войскахъ «нужда», по выраженію солдатъ.

Горевъ и тутъ былъ нашимъ наставникомъ: онъ объяснилъ своимъ солдатамъ эту новую бѣду и сказалъ, что стыдиться ея незачѣмъ, что такая болѣзнь въ войнѣ неизбѣжна, и, передъ вечеромъ, когда были разложены огни, самъ, для примѣра, снялъ шинель и сорочку и приказалъ своему деньщику повертѣть послѣднюю надъ огнемъ... Тогда всѣ, безъ стыда, раскладывали костры и, стоя около нихъ голые, держали надъ огнемъ свое бѣлье. Солдаты повеселѣли.

Въ тотъ день къ намъ на эту позицію былъ приведенъ первый французскій дезертиръ Онъ гордо лежалъ на тра-

вѣ, окруженный двумя нашими часовыми, и ѣлъ виноградъ, данный ему генераломъ *Волковымъ*. Съ нимъ говорилъ по-нѣмецки поручикъ нашего полка *Гове*, потому что дезертиръ былъ нѣмецъ и взятъ въ Парижѣ насильно въ службу передъ войной. По разсказамъ его, непріятель имѣлъ сорокъ тысячъ человѣкъ: войска французскія всѣ испытанныя въ африканскихъ войнахъ, въ особенности зуавы; англійскія медленны и вялы; турецкія ниже посредственности, и ихъ нельзя даже пустить въ дѣло.

Позиція подъ Бахчисараемъ была для солдатъ самая сытная, во всю почти кампанію. Здѣсь варились вкусныя щи и другія лакомыя блюда. Провизія бралась, по праву войны, изъ покинутыхъ жителями ауловъ. Брали, впрочемъ, лишь необходимое для содержанія войскъ. Бывали, конечно, случаи посягательства на чужую собственность; но нашъ начальникъ дивизіи, генералъ *Кирьяковъ*, объявилъ смертную казнь для всякаго попавшагося въ грабежѣ. Была разставлена цѣпь, и всѣ возвращавшіеся съ добычею были задерживаемы и тутъ же наказываемы. Грабежъ прекратился.

Простояли мы на этой позиціи ночь на 14-е и сутки 15-го числа, а 16-го, послѣ полудня, были двинуты къ аулу Дуванкіой.

На этомъ маршѣ насъ объѣхалъ князь *Меншиковъ*, отправлявшійся въ Севастополь. Говорили тогда, что, послѣ флангового движенія, французъ сидитъ какъ бы въ клѣткѣ.

Пройдя Дуванкіой, мы къ вечеру подвинулись къ лѣсу (гдѣ была ночь 12-го числа) и ночевали на прежнемъ мѣстѣ. Здѣсь, послѣ удаленія нашего, имѣли бивуакъ французы. Изъ шомполовъ русскихъ ружей, подобранныхъ, вѣроятно, подъ Альмой, надѣланы были кочерги для мѣшанія огня, при вареніи кофе, и оставались вмѣстѣ съ кусками галетъ, лоскутками французскихъ журналовъ, старыми штиблетами и разными негодными мелочами.

На другой день тронулись къ сѣверной сторонѣ Севастополя, спустились на пристань, откуда черезъ бухту на пароходѣ были перевезены на южную часть города и вы-

садились на Графской пристани. Отсюда насъ вывели на большую Морскую улицу, къ театру, гдѣ мы долго стояли, дожидаясь приказанія, гдѣ и какъ размѣститься.

Нашъ батальонъ былъ помѣщенъ близъ почтамта, на театральной площади. Рядомъ съ почтамтомъ стоялъ домикъ, гдѣ еще жила старушка-вдова, жена какого-то морскаго чиновника. У ней были дочери, которыя во время первой бомбардировки удивляли даже храбрыхъ своею неустрашимостію.

VIII.

ПЕРВОЕ ВРЕМЯ ПРЕБЫВАНІЯ ВЪ СЕВАСТОПОЛѢ.

Въ Севастополѣ вездѣ кипѣла работа; все бѣгало, суетилось. Почти всѣ полки были вооружены лопатами, кирками, мотыгами и другими орудіями, необходимыми при постройкѣ укрѣпленій. Рабочіе таскали землю въ корзинахъ, въ мѣшкахъ, въ полахъ шинелей, во всемъ, въ чемъ было можно. Всюду носили и возили бревна, доски, стапки и орудія, снятыя съ потопленныхъ кораблей. Работали не только солдаты, но даже женщинамъ была дана работа: онѣ построили батарею. Жители выбирались изъ своихъ домовъ, покидая все неудобоперевозимое. Многіе, не вѣрившіе въ будущіе ужасы или не ожидавшіе ихъ, а также не имѣвшіе средствъ къ выѣзду, или имѣя въ виду какія нибудь выгоды, оставались еще въ городѣ; но и тѣ, съ понуренными головами и печальными лицами, бродили по опустѣвшимъ улицамъ Севастополя. Казалось, самые дома мрачно глядѣли на приготовленія. Съ возвышенныхъ частей города мирные обыватели посматривали съ безпокойствомъ въ подзорныя трубы на позицію непріятеля, котораго палатки были разбросаны къ сторонѣ Сапунъ-горы, георгіевскаго монастыря и къ развалинамъ Херсонесса.

Первыя непріятельскія осадныя работы начались въ ночь съ 27-го на 28-е число и медленно подвигались впередъ, хотя союзники работали усердно, такъ что пыль подымалась отъ ударовъ шанцевымъ инструментомъ. На-

ши орудія, поставленныя на кое-какъ устроенныхъ батареяхъ, старались, по возможности, охладить въ непріятеляхъ рвеніе и настойчивость: посылали къ нимъ ядра, гранаты, порой и бомбы. Иногда непріятель прекращалъ свои денныя работы, но почью вознаграждалъ себя за дневное бездѣйствіе.

Войскъ въ Севастополѣ было мало. Незадолго до первой бомбардировки прибыли черноморскіе пластуны — казаки, въ своихъ, изношенныхъ до крайности, полуазіятскихъ костюмахъ, т. е. въ чекменяхъ, папахахъ, шальварахъ различныхъ цвѣтовъ и узоровъ. Этотъ костюмъ довершался лаптями и постолами изъ сырой невыдѣланной воловьей кожи. Мы на пластуновъ мало имѣли надежды, судя по ихъ малорослости и немолодымъ уже лѣтамъ: нѣкоторые пластуны имѣли отъ 40 до 50 лѣтъ. Со строемъ они рѣшительно не были знакомы, но вооруженіе имѣли хорошее: бельгійскіе штуцера, или «штучера», по ихъ произношенію. Такимъ оружіемъ вооружались въ то время стрѣлковые батальоны. Словомъ, и поодиночкѣ, и въ цѣломъ пластуны были неказисты. Мы надъ ними подсмѣивались: «вотъ еще въ Россіи какое пряничное войско», говорили наши доморощенные остряки. Впрочемъ, намъ было простительно думать такъ о пластунахъ: мы еще не знали ихъ, не видали ихъ подвиговъ храбрости. Намъ казалось все неблестящее смѣшнымъ, невоинственнымъ, а ихъ наружная вялость и отсутствіе строевой выправки, какою мы сами обладали до тонкости, еще болѣе убѣждало насъ въ странныхъ понятіяхъ. Но пластунамъ принадлежали первые подвиги съ самаго дня вступленія ихъ въ Севастополь, а насмѣшка наша надъ ними обратилась на насъ самихъ съ 5-го октября 1854 года, когда загорѣлась первая знаменитая бомбардировка.

Это былъ канунъ нашего полковаго праздника: 6-го октября празднуется память св. Фомы Апостола. Солдатики разсчитывали закусить и выпить лишнюю чарку.

На кухняхъ варилось и пеклось все вдвойнѣ; порціи говядины увеличены были козлятиной.

Союзники готовили намъ другаго рода праздникъ.

Невиданные нами доселѣ снаряды: огромныя бомбы, круглыя, коническія, конгревовы ракеты, брандскугели, полетѣли со свистомъ и ревомъ и, лопаясь и завывая различными голосами, заставляли наше сердце биться неровно. Гранаты и ядра прыгали по улицамъ Севастополя будто эластическіе мячики и, смотря по твердости грунта, или углублялись въ землю, или съ новой силой подымались отъ земли, отправляясь въ дальнѣйшія части города.

Раздалась всеобщая тревога. Полкъ нашъ побатальонно сталъ въ ружье. Думали, что французы пойдутъ на штурмъ. Подъ ружьемъ простояли мы съ полчаса, не видя ничего, кромѣ падающихъ снарядовъ и дыму. Намъ было приказано размѣститься по стѣнамъ домовъ.

Съ нашихъ батарей моряки молодецки отвѣчали непріятелю, хотя убыль на батареяхъ была большая.

Въ слѣдъ за первыми выстрѣлами, съ батарей потянулись носильщики непрерывными рядами. Несли почти однихъ моряковъ. Легко раненыхъ не было, и не могло быть. Путь носильщиковъ пролегалъ мимо нашего батальона. Съ ужасомъ смотрѣли мы на обезображенныхъ моряковъ; нѣкоторые изъ нихъ были уже мертвы и едва носили подобіе человѣка, другіе рѣшительно не имѣли человѣческаго образа.

Даже тяжело раненые моряки рѣдко лежали на носилкахъ: одинъ сидитъ, нагнувши голову, покачивается, будто пьяный, клюетъ носомъ; другой обводитъ мутными глазами окружающіе его предметы; иной стоитъ на четверенькахъ, значитъ раненъ въ спину и ни сѣсть, ни лечь нельзя. Но не слышалось ни одного крика, ни одного упрека: матросъ или пластунъ развѣ только охнетъ тяжело отъ нестерпимой боли.

Однако вотъ слышны завыванія, причитанія и святыхъ, и родныхъ. Это, вѣрно, армейскій солдатъ. Такъ и есть: армейскій щеголь, ефрейторъ, лежитъ въ носилкахъ и

воетъ безъ стыда на различные голоса. «Что, крупа [1], орешь, скуку нагналъ»! проговоритъ несомый сзади какой нибудь гораздо тяжелѣе раненый матросъ.

Впрочемъ, дня черезъ два или три и наши пѣхотинцы пообдержались и впослѣдствіи во многомъ не уступали морякамъ.

Какъ хладнокровны были моряки и пластуны къ смерти, я разскажу нѣсколько случаевъ, бывшихъ въ октябрѣ мѣсяцѣ

5-го октября, утромъ, несли матроса. Онъ сидѣлъ на носилкахъ, поддерживая одной рукой другую, перебитую вблизи плеча. Кровь лилась изъ раны. «Земляки, стой!» сказалъ онъ носильщикамъ: «здѣсь армейцы»! Носильщики остановились. «Дайте, братцы, трубочки!... смерть захляснуться дымкомъ хочется»! обратился онъ къ нашимъ. «Въ душѣ больно горитъ»!... Наши солдатики, вмигъ, наперерывъ, подскочили къ матросу съ услугами.

Матросъ хладнокровно спустилъ раненую руку на колѣни, здоровой взялъ поданную трубку, жадно сталъ глотать изъ нея дымъ, всякій глотокъ пристукивалъ зубами и выпускалъ дымъ и въ ноздри, и въ ротъ. Такое затягиваніе онъ повторилъ раза четыре, пять и, кивнувъ головой въ знакъ благодарности хозяину трубки, примолвилъ: «спасибо, спасибо вамъ, братцы, добрые вы ребята!... прощайте, теперь пора къ дохтуру! ..» А вы, товарищи, тащите меня поскорѣе—сказалъ раненый носильщикамъ, а то что-то въ затылокъ постукиваетъ, да и въ глазахъ четверится». Носильщики тронулись.

Спустя часъ, не болѣе, носильщики эти возвращались на батареи за новыми жертвами: «Что, живъ ли?» спрашивали ихъ наши солдатики. «Нѣтъ, умеръ дорогой,» былъ отвѣтъ. «Царство ему небесное!» проговорили нѣсколько голосовъ вдругъ. «Лихая забубенная голова была. Ребятишекъ, жаль, много покинулъ!» договорили носильщики, проходя со спѣхомъ мимо.

Около полудня проходилъ по батареямъ и по позиціямъ

---

[1] Такъ матросы называли армейскихъ солдатъ.

войскъ рыжеватый монахъ, въ облаченіи, съ крестомъ и святою водою. Кругомъ летали снаряды; но онъ не обращалъ на нихъ ни малѣйшаго вниманія: онъ весь былъ воплощенное спокойствіе и ободрялъ войска и своею личностью, и наставленіями.

Вскорѣ послѣ сего, мимо насъ проѣхалъ адмиралъ Владиміръ Алексѣевичъ *Корниловъ*, и въ этотъ же день мы простились съ нимъ навѣки. Крѣпко любили его солдаты за привѣтъ и доброе слово. Рѣчь его была впечатлительна, всякое слово было близко солдатскому уму и сердцу. При всякой встрѣчѣ и прощаньѣ съ нимъ, солдаты говорили между собою: «вотъ такъ енералъ; отецъ, а не енералъ!...»

Вечеромъ, когда разнесся слухъ: «адмиралъ убитъ», никто не повѣрилъ. Но когда получены были достовѣрныя свѣдѣнія, то всѣ были поражены этимъ несчастіемъ. Отчаяніе же матросовъ убѣдило насъ въ потерѣ благороднаго вождя.

Вечерѣло. Огоньки на трубкахъ летѣвшихъ бомбъ казались свѣчками. Французскія батареи поутихли еще до вечера, англійскія же и въ сумерки неутомимо работали. Малахова башня отвѣчала вяло, потому что съ начала бомбардировки много на ней было подбито, какъ говорили, орудій.

Утромъ намъ, новичкамъ, была страшна бомбардировка. Снаряды производили непріятное впечатлѣніе; но къ вечеру мы уже любовались летавшими огоньками и оборотомъ ихъ подъ прямымъ угломъ. Англичане бросали коническія бомбы. Солдаты при этомъ дѣлали свои предположенія, гдѣ долженъ упасть снарядъ, и всякое неудачное паденіе приводило насъ въ восторгъ.

Вечеромъ 6 октября, были похороны адмирала *Корнилова*. Мало мнѣ приходилось видѣть подобныхъ похоронъ. Плакали не только офицеры, къ нему приближенные: плакали чужіе, плакали угрюмые матросы, плакали и тѣ, которымъ слеза была незнакома съ пеленокъ.

8 и 9 числа, стрѣльба была со стороны непріятеля слабая; но 10 октября, часу въ шестомъ утра, французы

опять открыли съ батарей и флота сильнѣйшую канонаду, превосходившую 5 и 6 октября. Проходящихъ солдатиковъ, кромѣ носильщиковъ, нигдѣ не было видно. Изрѣдка спѣшилъ кто нибудь, и то по необходимости, съ экстреннымъ приказаніемъ. Роты, бывшія на площади, сидѣли въ безпорядкѣ близъ стѣнъ окружающихъ строеній.

Ружья были не въ козлахъ, а лежали на землѣ, въ линіяхъ, передъ ротами, изъ предосторожности, чтобъ непріятель не замѣтилъ войска.

11 октября, за полдень, мнѣ привелось по службѣ сходить въ траншею, бывшую въ оврагѣ между 4-мъ бастіономъ и редутомъ *Шварца*, гдѣ, для прикрытія, находились двѣ изъ ротъ 1-го батальона нашего полка и часть пластуновъ. Лишь только я повернулъ за почтамтъ направо, пули начали уже падать. На первый разъ я сохранилъ хладнокровіе и шелъ обыкновеннымъ шагомъ. Когда же я вышелъ на площадку, на которой была траншея, то пули посыпались какъ горохъ, поднимая пыль своими рикошетами. Одна изъ нихъ разорвала рукавъ моей шинели, что заставило меня бѣглымъ шагомъ пробѣжать остальное пространство и съ маршъ-марша опуститься въ яму траншеи.

Еще я не успѣлъ перевести духъ, какъ грохнулась бомба на окраинѣ траншеи. Всѣ пригнулись и прижались къ стѣнѣ ямы. Чрезъ секунду бомба лопнула, бросивъ нѣсколько осколковъ къ намъ въ яму, при чемъ одинъ изъ нихъ жестоко ранилъ старика-пластуна, перебивъ ему руку и ноги, кажется, и спину.

— Э, диду! ридnэнькій! що мы будэмъ робыть? вскричали всѣ наличные пластуны.

— Що? ничово!... Що вы галдите, бисову-батьку! хладнокровно говорилъ старикъ, посматривая то на пластуновъ, то на свои перебитые члены.

— Давай бинтовъ: старикъ изойдетъ кровью! кричали оторопѣвшіе армейцы.

— Крови нэ-ма, говорилъ упрямый старикъ.

— Да ты, старичекъ, умрешь! сказалъ какой-то офицеръ.

— Ну, що жь, умру. Я, панэ, и безъ васъ бачу, що умру.

Старикъ видимо ослабѣвалъ, хотя крови дѣйствительно было мало. Съ полчаса дождались носилокъ, безпрестанно бывшихъ въ расходѣ. Старикъ ихъ не дождался, захрапѣлъ и умеръ. Носильщики понесли его уже мертваго.

13 числа, вечеромъ, пришло въ Севастополь извѣстіе о побѣдѣ, одержанной на Черной рѣчкѣ нашими войсками, подъ командою генерала *Липранди*. Солдаты кричали «ура!» Всѣ были въ восторгѣ; у всѣхъ защитниковъ Севастополя лица были веселы. Много эта побѣда возвысила духъ нашихъ войскъ; надежда къ намъ воротилась.

Не помню, какого числа, были выпущены арестанты. Всѣмъ имъ роздали короткія (абордажныя) пики. Они съ пѣснями отправились по батареямъ.

Странно было смотрѣть на этихъ новыхъ защитниковъ Севастополя въ арестантскихъ костюмахъ, съ бритыми лбами.

Они почти всѣ кровью омыли свои проступки. Кромѣ того, эти люди доказали намъ, что не всякій носящій сѣрую куртку, съ бубновымъ тузомъ на спинѣ, есть неисправимый негодяй. Голосъ совѣсти знакомъ и тяжкому преступнику.

Въ костелѣ, на площади, утромъ и вечеромъ бывала служба.

Въ одно прохладное октябрское утро, по обыкновенію, шла обѣдня, а на батареяхъ происходила довольно горячая перестрѣлка съ непріятелемъ. Въ городѣ много падало чугуна. Обѣдня приходила къ концу. Вдругъ бомба, пробивъ крышу и потолокъ, упала невдалекѣ отъ ксендза и тотчасъ лопнула. Одинъ осколокъ разорвалъ ризы на ксендзѣ и убилъ молившагося штабъ-лекаря нашего полка Шипилло. Осколки позадѣли и еще кого-то.... Говорили тогда, что служба, не смотря на то, была окончена.

Простительно мнѣ забыть числа нѣкоторыхъ замѣчательныхъ случаевъ, но не прощу себѣ того, что забылъ число смерти своего лучшаго товарища...

Это случилось въ зданіи почтамта.

Домъ, гдѣ прежде помѣщалось почтовое отдѣленіе, былъ оставленъ и все изъ него вывезено, кромѣ ненужныхъ бумагъ, негодныхъ писемъ и старыхъ газетъ. Такъ какъ домъ былъ пустой, а стѣны имѣлъ крѣпкія, то тамъ помѣщались солдаты, въ надеждѣ хотя сколько нибудь въ немъ уберечься, если не отъ навѣсныхъ выстрѣловъ, то отъ продольныхъ. Съ этою надеждою я и мой товарищъ помѣстились въ почтамтѣ: онъ у окна, я на столѣ. Въ этотъ день стрѣльба была обыкновенная. Товарищъ-юнкеръ сидѣлъ у окна и читалъ изъ «Русскаго Инвалида» вслухъ какой-то эпизодъ изъ венгерской кампаніи. Солдаты кто сидѣлъ, кто стоялъ, кто лежалъ (я лежалъ на столѣ) и всѣ слушали да похваливали юнкера: «ужь больно хорошо читаетъ! такъ только сельскій попъ проповѣдь говоритъ!» толковали потихоньку солдатики. Былъ часъ третій пополудни. Стрѣльба глухо раздавалась на дальнихъ англійскихъ батареяхъ, и дымъ и звуки разносились вѣтеркомъ въ противоположную намъ сторону. Товарищъ, занятый чтеніемъ, какъ то болѣзненно вздрагивалъ. Предъ этимъ только что лопнула бомба. Онъ пересталъ читать, судорожно привсталъ, посмотрѣлъ на меня, потомъ опять сѣлъ и задумался; газета была все еще въ его рукахъ.

— Что съ тобой? спросилъ я.

— Скучно мнѣ; у меня сердце что-то бьется, печально отвѣтилъ юнкеръ.

— Полно скучать! .. Ты все думаешь.... Не думай, и сердце болѣть не будетъ... Поди, поищи отрады въ моей манеркѣ, сказалъ я шутя.

Въ манеркѣ была трехпробная...

Товарищъ не сказалъ ни слова и началъ читать про себя.... Я подумалъ: не предчувствіе ли томитъ его? Въ это самое мгновеніе, передъ нашими окнами лопнула граната, черепокъ прогудѣлъ въ окно, гдѣ сидѣлъ мой товарищъ, и, взвизгнувъ мимо меня, повалилъ на смерть

стоявшаго у двери унтеръ офицера, ударивъ его въ грудь. Унтеръ-офицеръ даже не охнулъ. Я вскочилъ, оглянулся къ окну, у котораго былъ чтецъ. Юноша сидѣлъ и безсмысленно размахивалъ руками. Вся лѣвая сторона его головы была содрана тѣмъ же осколкомъ, которымъ былъ убитъ унтеръ-офицеръ. Кровь лилась. Юнкеръ вскочилъ и началъ снимать съ себя шинель. Мы бросились за носилками; но раненый не хотѣлъ ложиться на нихъ, поминутно приподнимался и царапалъ раненое мѣсто.

Онъ умеръ къ вечеру, на перевязкѣ, въ библіотекѣ. Миръ твоему праху, добрый и честный товарищъ!

20 октября, часовъ въ девять утра, мы узнали, что насъ смѣнялъ храбрый Тобольскій полкъ.

Еще до полученія этого извѣстія тобольцы подвинулись къ театру, выстроившись продольно по Морской улицѣ. Строиться въ колонну, на театральной площади, намъ было рѣшительно невозможно: непріятель, замѣтивъ, вѣроятно, прибываніе войскъ, усиливалъ огонь; поэтому роты нашего батальона частичками пробѣгали опасное пространство въ Морскую улицу и строились по другой сторонѣ ея, насупротивъ тобольцевъ.

Предъ лѣвымъ ихъ флангомъ, который почти упирался къ театру, была уже жертва новаго ихъ знакомства съ Севастополемъ: рослый молодой солдатъ лежалъ на спинѣ съ разбитымъ животомъ....

По загорѣлымъ и спокойнымъ лицамъ тобольцевъ было видно, что они прежде насъ познакомились съ ужасами войны: они стояли угрюмо, облокотившись на ружья, и разговаривали между собою о постороннихъ предметахъ, не обращая никакого вниманія на падавшіе съ шумомъ снаряды.

Когда мы направлялись къ Графской пристани, французская граната не замедлила проститься съ нами, взявъ изъ батальона, на память выступленія, одного солдатика. Солдаты заторопились-было; строгій взглядъ *Горева* на батальонъ остановилъ суету.

— Никакъ кого-то убили, Өедотъ Никонычъ? шопотомъ говорили молодые солдатики, обращаясь къ своему капралу: въ какой это ротѣ?

— Въ четвертой, должно быть, спокойно отвѣчалъ капралъ Никоновъ (1).

Нѣсколько головъ обернулись туда, гдѣ остался трупъ.

— Царство ему небесное, продолжалъ, крестясь, капральный, посылая проходящихъ мимо носильщиковъ поднять тѣло.

— Вишь какая смерть.... съ-разу.... и не пикнулъ.... Богъ грѣхи скорѣй отпуститъ... Райская теперь душа будетъ.... Своей судьбы не уйдешь.... покачивая головой, заключилъ Игошкинъ, встряхнувъ своимъ мѣшкомъ (2).

На пароходѣ мы переѣхали на сѣверную сторону и часа четыре отдыхали насупротивъ бараковъ, гдѣ прежде, во время нашего мирнаго лагеря, помѣщался полковой штабъ.

Подъ вечеръ мы тронулись на инкерманскую дорогу, вблизи бѣлыхъ домиковъ имѣли трехчасовой привалъ, а отсюда, черезъ мекензіевскій лѣсъ, пошли къ Черной рѣчкѣ. Ночевали на долинѣ, за три версты отъ Трактирнаго моста, вблизи мекензіевыхъ высотъ. По рѣчкѣ была позиція русской кавалеріи. Настало утро 21 октября (3).

Егерь.

Село Хомутово,
Владимірской губерніи.

---

(1) Честный капральный унтеръ-офицеръ Никоновъ, впослѣдствіи георгіевскій кавалеръ, былъ отдѣленнымъ 1-го отдѣленія 6-й роты, по новому разсчету 8-й.

(2) По возвращеніи изъ флангового движенія, ранцы отъ насъ были отобраны, и вмѣсто ихъ батальоны получили холщевые мѣшки. Мѣшки не имѣли формы, и у всякаго они были различнаго вида и величины: у кого мѣшокъ подобенъ перинѣ, у другихъ котомкѣ, съ которыми обыкновенно странники ходятъ на богомолье. У нѣкоторыхъ висѣлъ онъ на спинѣ, у иного сбоку, или поперекъ, у кого вдоль за всѣ четыре конца. Съ мѣшками мы прослужили всю зиму 1854 года. Ранцы появились опять въ началѣ 1855 года.

(3) „Военный Сборникъ“ 1863 г. № 6.

Пребываніе ихъ императорскихъ высочествъ великихъ князей Николая Николаевича и Михаила Николаевича въ Одессѣ и отъѣздъ ихъ въ Крымъ.

Одесса 22-го октября. Ихъ Императорскія Высочества Государи Великіе Князья Николай Николаевичъ и Михаилъ Николаевичъ изволили проѣхать вчера, 21-го октября, чрезъ Одессу, на пути изъ главной квартиры Южной арміи, въ Кишиневѣ, въ главную квартиру войскъ, расположенныхъ въ Крыму. Ихъ Высочества прибыли въ Одессу въ 7-мъ часу вечера и благоволили остановиться у г-на исправляющаго должность Новороссійскаго и Бессарабскаго генералъ губернатора, генералъ-адъютанта *Анненкова*, гдѣ и имѣли обѣденный столъ; послѣ обѣда, въ ожиданіи пріѣзда своей свиты, Государи Великіе Князья изволили быть на короткое время въ театрѣ. Въ 10-ть часовъ вечера Ихъ Высочества отправились въ дальнѣйшій путь, по тракту въ Крымъ.

Сегодня 22-го октября, по совершеніи преосвященнымъ *Иннокентіемъ*, архіепископомъ херсонскимъ и таврическимъ, божественной литургіи въ церкви Казанскія Богоматери, на Пересыпи, по случаю храмоваго праздника оной,— его высокопреосвященствомъ принесено было, соборнѣ, молебствіе Господу Богу о благополучномъ путешествіи Ихъ Императорскихъ Высочествъ Государей Великихъ Князей Николая Николаевича и Михаила Николаевича.

ИНКЕРМАНСКОЕ СРАЖЕНІЕ 24-го ОКТЯБРЯ 1854 ГОДА.

а) *Донесеніе генералъ-адъютанта князя Меншикова, отъ 25-го октября (6-го ноября) 1854 года.*

«Вчера, 24-го числа, произведена была изъ Севастополя вылазка со стороны бастіона № 1-го, въ которой участвовали слѣдующія войска:

10-й Пѣхотной дивизіи:

«Полки: Екатеринбургскій, Томскій и Колыванскій.

11-й Пѣхотной дивизіи:

«Полки: Селингинскій, Якутскій и Охотскій.

16-й Пѣхотной дивизіи:

«Полки: Владимірскій, Суздальскій и Углицкій.

и 17-й Пѣхотной дивизіи:

«Полки: Бутырскій, Бородинскій и Тарутинскій.

«Артиллеріи было столько, сколько трудность взъѣздовъ дозволяла взять ([1]).

«Командованіе войсками поручено было командиру 4-го пѣхотнаго корпуса, генералу отъ инфантеріи *Даннeнбергу*.

«Первый натискъ нашъ на высоты былъ весьма удаченъ: англійскія укрѣпленія взяты и 11 орудій ихъ заклепаны. Къ несчастію, при семъ первомъ движеніи, ранены были начальники войскъ 10-й дивизіи, атаковавшей завалы и редуты. Между тѣмъ французскія силы прибыли на подкрѣпленіе. Осадная артиллерія англичанъ выведена была ими въ поле й наша полевая не могла уже выгодно съ нею состязаться. Числительное превосходство непріятельскихъ штуцерныхъ наносило значительный уронъ: въ артиллеріи лошадямъ и прислугѣ, а въ пѣхотѣ —офицерамъ. Почему невозможно было, безъ пожертвованія войскъ, довершить занятые нами во время боя редуты, на мѣстности, которою командовала непріятельская позиція, до самаго Севастополя.

«Отступленіе совершилось въ порядкѣ въ Севастополь и чрезъ Инкерманскій мостъ, а подбитыя орудія свезены съ поля сраженія въ городъ.

«Великіе Князья *Николай Николаевичъ и Михаилъ Николаевичъ* находились въ этомъ жестокомъ огнѣ, подавая примѣръ мужества и хладнокровія въ бою».

«Одновременно съ сею вылазкою учинена была другая — на французскія батареи: Минскимъ пѣхотнымъ полкомъ съ одною легкою батареею, подъ начальствомъ артиллеріи генералъ-маіора *Тимофѣева*. Во время этой вылазки заклепано 15-ть орудій.

«Потеря наша убитыми не приведена еще въ извѣстность, но число раненыхъ простирается до 3,500 чел. нижнихъ чиновъ и 109 офицеровъ. Въ числѣ послѣднихъ на-

---

([1]) Часть войскъ переходила чрезъ Инкерманскій мостъ.

ходятся: генералъ-лейтенантъ *Соймоновъ*, прострѣленный въ животъ на-сквозь, вскорѣ отъ того и умершій; генералъ-маіоры: *Вильбоа* и *Охтерлоне*; командиры полковъ, полковники: екатеринбургскаго пѣхотнаго — *Александровъ*, томскаго егерскаго—*Пустовойтовъ*, охотскаго егерскаго—*Бибиковъ*, владимірскаго пѣхотнаго — баронъ *Дельвигъ*, и бородинскаго егерскаго—*Веревкинъ-Шелюта 2-й*.

«Контужены: начальникъ артиллеріи, генералъ-маіоръ *Кишинскій*—осколкомъ бомбы; свиты Вашего Императорскаго Величества генералъ-маіоръ князь *Меншиковъ* — въ шею; флигель-адъютантъ, полковникъ *Альбединскій* и адъютантъ мой, ротмистръ *Грейгъ*—въ голову.

«Подъ генераломъ *Данненбергіомъ* убиты 2 лошади и окружавшія его лица переранены.

«Уронъ непріятеля долженъ быть также не менѣе значителенъ и вылазка генерала *Тимоѳѣева* обошлась не дешево французамъ, ибо, преслѣдуя его густыми массами, они попали подъ сильный картечный огонь съ бастіона № 6-го.

«Одновременно же съ вышеописанными движеніями, войска, состоящія подъ начальствомъ князя *Горчакова*, сдѣлали демонстрацію на Кадыкіой, чѣмъ и удержали въ бездѣйствіи балаклавскій отрядъ непріятеля» ([1]).

b) *Дополнительныя свѣдѣнія объ уронѣ въ русскихъ войскахъ.*

По достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, собраннымъ послѣ дѣла 24-го октября, оказывается, что потеря, понесенная нашими войсками въ этотъ день, была значительнѣе, чѣмъ первоначально предполагалось. Впрочемъ бой, продолжавшійся 8 часовъ безпрерывно съ такимъ упорствомъ и ожесточеніемъ съ обѣихъ сторонъ, не могъ обойтись безъ значительныхъ жертвъ. Съ нашей стороны число убитыхъ простирается всего до 2,969 человѣкъ, со включеніемъ 42 штабъ и оберъ-офицеровъ; раненыхъ до 5.791, въ томъ числѣ 2 генерала и 206 штабъ и оберъ-офицеровъ. Одна-

([1]) „Русск. Инвал." 1854 г. № 245.

кожь въ этомъ числѣ весьма много легко-раненыхъ, которые поступили уже снова въ строй. Уронъ непріятеля положительно намъ неизвѣстенъ, но достовѣрно, что онъ также весьма много потерпѣлъ; въ числѣ убитыхъ у нихъ, по разсказу плѣнныхъ, должны быть 3 генерала (¹).

c) *Донесеніе генералъ-адъютанту князю Меншикову, командира 4-го пѣхотнаго корпуса, генерала отъ инфантеріи Данненберга, отъ 27-го октября 1854 года.*

На основаніи диспозиціи по крымской арміи, на 24-е октября, я сдѣлалъ слѣдующія распоряженія:

Генералъ-лейтенанту *Соймонову*, командовавшему правою колонною, предписано было, выстроясь въ боевой порядокъ до разсвѣта, производить наступательное движеніе, упираясь лѣвымъ флангомъ о лѣвый берегъ оврага Киленъ-Балки, дабы, пользуясь удобною для движенія и дѣйствій мѣстностью, развлечь непріятельскія силы, расположенныя около верховья помянутаго оврага.

Лѣвой же колоннѣ, подъ командою генералъ-лейтенанта *Павлова*, предписано было: 12-ю баталіонами Охотскаго, Бородинскаго и Тарутинскаго егерскихъ полковъ, съ 2-мя ротами 4-го стрѣлковаго батальона, занять и очистить покрытыя густымъ кустарникомъ ущелья за Черною рѣчкою и двинуть прочія войска по новой, такъ называемой, саперной дорогѣ. Потомъ, построясь между оврагомъ Киленъ-Балки и означенными выше ущельями, дѣйствовать на одной высотѣ съ колонною генералъ-лейтенанта *Соймонова*.

Къ крайнему сожалѣнію, колонна генералъ-лейтенанта *Соймонова*, вмѣсто взятія вышеуказаннаго направленія, перешла на правый берегъ оврага Киленъ-Балки и съ разсвѣтомъ, не выждавъ появленія лѣвой колонны, быстро двинулась впередъ, къ чему она была, впрочемъ, принуждена сильнымъ штуцернымъ огнемъ непріятеля, который, не будучи угрожаемъ съ лѣваго своего фланга, могъ сосредоточить всѣ силы свои между верховьемъ Киленъ-Балки

(¹) „Русск. Инвал." 1854 г. № 247.

Большая Бухта

Кораб. Слобода

N:1

N:2

Корниловскій бастіонъ

Инкерманскій мостъ

р. Черная

Арт. резерв.

Англійскія траншеи

4я Дивизія Каткарта

3я Дивизія Инглэнда

Гвард. бриг. Бентинка

Торренсъ

Масштабъ

250 200 150 100 50 0 250 500 750 Саж.

Русскія: Соймонова, Павлова

Англійскія

Французскія

и долиною инкерманскою, на весьма выгодной для обороны и крайне пересѣченной мѣстности. Въ первой линіи были Томскій и Колыванскій полки, а за ними Екатеринбургскій пѣхотный полкъ. За правымъ флангомъ сихъ войскъ шли, подъ командой генералъ-маіора *Жабокритскаго*, Бутырскій пѣхотный и Углицкій егерскій полки и 1-я бригада 16-й пѣхотной дивизіи, какъ резервъ для прикрытія праваго фланга, сообразно предположенію дѣйствовать на лѣвомъ берегу Киленъ-Балки.

Для избѣжанія разрушительнаго огня непріятельскихъ штуцерныхъ, Томскій и Колыванскій полки, предшествуемые цѣпью штуцерныхъ, и построившись въ ротныя колонны, бросились на непріятеля, поддерживаемые батарейною № 2-го батареею 10-й артиллерійской бригады, батарейною № 1-го, 16-й и легкою № 4-го, 17-й артиллерійской бригады. Егеря преслѣдовали непріятеля неостановочно. 2-й батальонъ Томскаго и 1-й и 2-й батальоны Колыванскаго полковъ бросились на непріятельскую батарею и заклепали два орудія. Вслѣдъ за симъ 1-й и 3-й батальоны Екатеринбургскаго пѣхотнаго полка прошли впередъ и вправо чрезъ Киленъ-Балку и взяли съ боя часть непріятельскаго лагеря, причемъ заклепали четыре орудія. Успѣшное сіе дѣйствіе прекращено, одновременно почти, потерею: раненаго смертельно генералъ-лейтенанта *Соймонова*, бригаднаго командира 2-й бригады 10-й пѣхотной дивизіи, генералъ-маіора *Вильбоа*; командира 10-й артиллерійской бригады, полковника *Загоскина*, и командировъ полковъ: Екатеринбургскаго, Томскаго и Колыванскаго, въ коихъ убыли также убитыми и ранеными батальонные командиры и значительное число офицеровъ.

Полки егерской бригады 10-й пѣхотной дивизіи и 2-й и 4-й батальоны Екатеринбургскаго пѣхотнаго полка принуждены были спуститься въ верхнюю часть оврага, въ коемъ пролегаетъ каменоломня. Здѣсь завязалась упорная перестрѣлка: батарейная № 2-го батарея 10-й артиллерійской бригады и батарейная № 1-го 16-й, съ легкими № 4-го и № 5-го батареями 17-й артиллерійской аригады, по распоряженію генералъ-маіора *Жабокритскаго*, заняли воз-

вышеніе за вышеупомянутымъ оврагомъ и вправо, параллельно оврагу Килепъ-Балки. Полки же расположились: Бутырскій пѣхотный на лѣвомъ флангѣ батарей, Углицкій егерскій на правомъ. Въ резервѣ же, за правымъ флангомъ, 1-я бригада 16-й пѣхотной дивизіи.

Почти одновременно съ наступленіемъ 10-й пѣхотной дивизіи вступили въ дѣло Тарутинскій и Бородинскій егерскіе полки, построенные отчасти въ ротныхъ колоннахъ и предшествуемые 2-мя ротами 4-го стрѣлковаго батальона и всѣми своими штуцерными. Движеніе сихъ войскъ способствовало къ понужденію непріятеля уступить быстрому напору правой колонны. Потомъ, когда полки 10-й пѣхотной дивизіи спустились въ оврагъ, вышеупомянутые полки также вступили въ перестрѣлку съ непріятелемъ, и бой кипѣлъ съ перемѣннымъ успѣхомъ. Неоднократно непріятель былъ тѣснимъ и отбрасываемъ на правомъ своемъ флангѣ; но, имѣя на ономъ всѣ свои силы сосредоточенными, противустоялъ натиску нашихъ войскъ. Къ 8 часамъ утра подошли, послѣ крайне затруднительнаго движенія, на крутыя высоты, остальныя войска лѣвой колонны: Охотскій егерскій, Якутскій и Селенгинскій пѣхотные полки, съ батарейными батареями № 3-го 11-й артиллерійской бригады, № 1-го 10-й артиллерійской бригады и 8 орудіями батарейной № 3-го батареи 17-й артиллерійской бригады. Батареи сіи были поставлены мною на лѣвомъ нашемъ флангѣ, на оконечность коего прибыли въ послѣдствіи еще двѣ Донскія конно-легкія батареи, которыя не могли участвовать въ дѣлѣ по дальности занимаемой непріятелемъ позиціи.

Въ продолженіе дѣла, батарейная № 2-го 10-й и 8 орудій батарейной № 3 го и легкая № 4-го батареи 17-й артиллерійской бригады, потерпѣвъ значительный уронъ въ людяхъ и лошадяхъ, смѣнены были легкими №№ 1-го и 2-го 10-й и № 3-го 11-й артиллерійскихъ бригадъ, которыя и оставались на позиціяхъ до конца дѣла.

Для поддержанія боя, продолжавшагося въ оврагѣ передъ нашимъ лѣвымъ флангомъ, я направилъ туда Охотскій егерскій полкъ, который, построивъ 3-й и 4-й ба-

тальоны въ ротныя колонны, стремительно двинулся впередъ и занялъ непріятельскій редутъ съ 9-ю орудіями. изъ коихъ 3 были взяты и спущены въ оврагъ, а остальныя заклепаны. При семъ подвигѣ былъ раненъ командиръ полка, полковникъ *Бибиковъ*, и большая часть штабъ и оберъ-офицеровъ Непріятель съ своей стороны продолжалъ подводить новыя силы, къ коимъ подошла и часть французскихъ войскъ, и принудилъ Охотскій полкъ къ отступленію. Пользуясь глубокимъ оврагомъ, прикрывавшимъ лѣвый флангъ нашей позиціи, я направилъ еще послѣдовательно Якутскій и Селенгинскій полки, для поддержанія лѣваго нашего фланга въ оврагѣ. Якутскій полкъ встрѣтилъ также стремительно англичанъ, тѣснившихъ Охотскій егерскій полкъ, и, опрокинувъ сперва съ большимъ успѣхомъ непріятеля, въ свою очередь принужденъ былъ. сильнымъ штуцернымъ огнемъ и прибывшими на помощь англичанъ французскими войсками, оставить захваченную имъ батарею.

Не имѣя болѣе на лѣвомъ флангѣ войскъ въ резервѣ. я перевелъ сюда 1-ю бригаду 16-й пѣхотной дивизіи; между тѣмъ непріятель продолжалъ держаться съ особеннымъ упорствомъ, и какъ, кромѣ того, къ нему подходили свѣжія французскія войска, то мы были принуждены уступить его превосходству. Войска, сражавшіяся въ оврагѣ, направились частью по Инкерманской долинѣ къ переправѣ чрезъ Черную рѣчку, частію отступили на главную позицію. Для прикрытія движенія лѣваго фланга по Инкерманской долинѣ, я направилъ еще Владимірскій пѣхотный полкъ, который дѣльно исполнилъ свое порученіе; причемъ былъ также раненъ командиръ полковникъ баронъ *Дельвигъ*. Вскорѣ разрушительный огонь непріятельской артиллеріи принудилъ насъ отступить къ городу. Движеніе сіе совершилось безпрепятственно и безъ натиска со стороны непріятеля.

Въ семъ дѣлѣ всѣ войска, отъ начальниковъ до нижнихъ чиновъ, сражались съ духомъ, достойнымъ войскъ Его Императорскаго Величества (1).

(1) „Русск. Инвал." 1854 г. № 251. „Сѣв. Пчел." 1854 г. № 250 и 251.

d) *Извлеченіе изъ донесенія генералъ-маіора Тимофѣева, отъ 26-го октября 1854 года.*

Въ 10 часовъ утра, когда бой на высотахъ Инкерманскихъ былъ уже въ полномъ разгарѣ, генералъ-маіоръ *Тимофѣевъ*, съ Минскимъ пѣхотнымъ полкомъ и 4 орудіями легкой № 4-го батареи 14-й артиллерійской бригады, произвелъ вылазку изъ Севастополя противъ лѣваго фланга непріятельскихъ работъ. Выступивъ изъ воротъ правѣе бастіона № 6-го, колонна перешла оврагъ Карантинной бухты, оставила лѣвѣе кладбище и начала тѣснить непріятеля. Впереди шли 2 батальона въ ротныхъ колоннахъ, прикрываясь цѣпью застрѣльщиковъ и имѣя между батальонами орудія; за ними 2 другіе батальона въ колоннахъ къ атакѣ.

Оттѣснивъ непріятеля къ самымъ его траншеямъ, батальоны ударили въ штыки и взлетѣли на батареи; одни гнали непріятеля отъ траверса до траверса, другіе бросались къ орудіямъ, коихъ и заклепали 15.

Между тѣмъ непріятель, опомнившись, сталъ присылать войска. Генералъ-маіоръ *Тимофѣевъ* потребовалъ подкрѣпленія; къ нему подоспѣли 2 батальона 13-й резервной бригады (5-й Брестскаго и 6-й Виленскаго полковъ) и остальныя шесть орудій. Построивъ батальоны въ ротныя колонны и поставивъ между ними артиллерію на правой сторонѣ Карантиннаго оврага, генералъ-маіоръ *Тимофѣевъ*, видя, что непріятель въ значительныхъ силахъ старается его обойти, приказалъ минскимъ батальонамъ отступить.

Отступленіе сіе совершено было такъ медленно и въ такомъ отличномъ порядкѣ, что не только забраны всѣ наши раненые, но и нѣсколько непріятельскихъ, въ томъ числѣ 2 офицера.

Непріятель, подошедъ, во время преслѣдованія, подъ картечные выстрѣлы крѣпостныхъ орудій и ружейнаго огня оборонительной стѣнки, понесъ огромный уронъ и обратился въ бѣгство.

Генералъ-маіоръ *Тимофѣевъ* свидѣтельствуетъ о храбро-

сти всего Минскаго полка, въ особенности командовавшаго имъ, маіора *Евспавлева;* командира 4-го батальона, капитана *Ляпунова*; ротныхъ командировъ, капитановъ *Жуковскаго*, *Мацкевича*, поручика *Воробьева*, прапорщика *Загоровскаго*, полковаго адъютанта, штабсъ-капитана *Подстольскаго*, который самъ заклепалъ два орудія, и, будучи раненъ въ руку, передалъ заклепки поручику *Воробьеву* (1).

Донесеніе князя Меншикова, объ участіи ихъ Императорскихъ Высочествъ Великихъ Князей Николая Николаевича и Михаила Николаевича въ инкерманскомъ сраженіи 24-го октября 1854 г.

Въ донесеніи моемъ Вашему Императорскому Величеству непосредственно послѣ дѣла 24-го числа — большой вылазки изъ Севастополя, я имѣлъ уже счастіе свидѣтельствовать, что Ихъ Императорскія Высочества Великіе Князья *Николай Николаевичъ* и *Михаилъ Николаевичъ* явили Себя на полѣ битвы, подъ сильнѣйшимъ непріятельскимъ огнемъ, не только вполнѣ достойными высокаго Своего званія, встрѣчая хладнокровно опасности, но и примѣромъ настоящей воинской доблести. Присутствіе Ихъ посреди огня побуждало всѣхъ и каждаго къ исполненію священнаго долга Царю и Отечеству!

Ввѣренное мнѣ войско это видѣло, и то мужество, которое показало оно въ столь упорномъ съ обѣихъ сторонъ дѣлѣ, конечно было плодомъ мысли, что дорогіе Царю и Россіи Дѣти посреди насъ, и что въ Ихъ самоотверженіи каждый долженъ имѣть примѣръ для себя.

Въ приказѣ моемъ, отъ 29-го числа, я счелъ моею обязанностью повторить передъ войскомъ о доблестяхъ Великихъ Князей и осмѣлился выразиться, что подъ непріятельскимъ огнемъ они были истинно русскими молодцами!

Но я не исполнилъ бы священнѣйшаго и вѣрноподдан-

---

(1) „Русск. Инвал.“ 1854 г. № 251. „Сѣв. Пчел.“ 1854 г. № 250 и 251.

нѣйшаго моего долга предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ и предъ всею Россіею, если бы умолчалъ о нѣкоторыхъ подробностяхъ тѣхъ опасностей, въ которыхъ находились Ихъ Высочества.

Доказавъ уже на полѣ сраженія все мужество свое и хладнокровіе, Государи Великіе Князья пожелали въ тотъ же день посѣтить бастіоны и батареи, чтобы устно, во исполненіе Высочайшей воли Вашей, передать храбрымъ морякамъ Царское «спасибо». Въ это время всѣ почти батареи дѣйствовали, и особенно на Малаховомъ курганѣ огонь былъ неумолкаемый, такъ что всю дорогу къ этому бастіону громъ ядеръ и даже свистъ штуцерныхъ пуль провожали Великихъ Князей. На Малаховомъ курганѣ непріятель доставилъ отрадный случай защитникамъ Севастополя: свое испытанное мужество сочетать съ впервые испытавшимся мужествомъ дорогихъ Россіи сыновей! Въ присутствіи Ихъ Высочествъ, почти къ Ихъ ногамъ, упали 2 непріятельскія ядра въ брустверъ, третьимъ, ударившимъ въ мерлонъ, засыпало прислугу, и наконецъ, какъ бы въ довершеніе испытанія, бомба, передъ Ихъ глазами, разрушила зданіе въ то время, когда, въ нѣсколькихъ шагахъ, Ихъ Высочества одушевляли команду милостивыми словами Вашего Величества.

Лишне было бы говорить, что во всѣ эти минуты, которыя могли бы быть роковыми, Государи Великіе Князья были—осмѣлюсь и здѣсь повторить—истинно русскими молодцами!

Ваше Императорское Величество осчастливите все ввѣренное мнѣ войско, опредѣливъ Ихъ Высочествамъ тотъ орденъ за воинскія доблести, который въ мысляхъ каждаго изъ насъ единодушно Имъ присужденъ. Высочайше удостоеніе Ихъ кавалерами ордена св. Георгія 4-й степени за храбрость, по всей справедливости Ихъ Высочествамъ слѣдующаго, было бы знакомъ монаршей неизреченной милости и всѣмъ ввѣреннымъ мнѣ войскамъ, свидѣтелямъ мужества и неустрашимости Великихъ Князей, Которыми, какъ Ваше Императорское Величество, такъ и вся Рос-

сія имѣютъ счастливое и полное право гордиться и утѣшаться.

Столь лестный отзывъ главнокомандующаго о воинскихъ доблестяхъ, оказанныхъ въ виду всего войска юными Сыновьями Царскими, доставилъ истинную отраду родительскому сердцу Государя Императора. Его Императорское Величество, согласно представленію генералъ-адъютанта князя *Меншикова*, Всемилостивѣйше пожаловалъ Ихъ Высочествамъ Великимъ Князьямъ Николаю Николаевичу и Михаилу Николаевичу орденъ св. Георгія 4-й степени ([1]).

НѢСКОЛЬКО ЧАСТНОСТЕЙ ВО ВРЕМЯ ИНКЕРМАНСКАГО ДѢЛА НА НАШЕМЪ ЛѢВОМЪ ФЛАНГѢ.

(изъ записокъ унтеръ-офицера).

По выступленіи Тарутинскаго егерскаго полка изъ Севастополя, 20-го октября 1854 года, батальоны наши, въ ночь съ 21-го на 22-е число, остановились на Федюхиныхъ высотахъ, за Каменнымъ, или Трактирнымъ мостомъ. Недѣли полторы передъ тѣмъ непріятель былъ вытѣсненъ отсюда отрядомъ генерала *Липранди*, и видны были еще слѣды безпорядочнаго отступленія союзныхъ враговъ: изломанное оружіе, изорванные мундиры и различныя военныя принадлежности. Непріятельскіе верки представляли также картину разрушенія. Въ воздухѣ носился тотъ особенный запахъ, который обыкновенно въ жаркое время долго держится на поляхъ битвъ—запахъ крови.

Блистательная побѣда 13-го октября 1854 года имѣла важное вліяніе въ нравственномъ смыслѣ: она возвысила духъ нашихъ войскъ послѣ неудачнаго альминскаго дѣла, доказавъ возможность торжества надъ противниками.

На этой позиціи встрѣтили мы утро и провели день,

([1]) „Русск. Инвал.“ 1854 г. № 251. „Сѣв. Пчел.“ 1854 г. № 250 и 251.

а съ 22-го на 23-е число, вечеромъ, получено было приказаніе слѣдовать на инкерманскую дорогу. Черезъ Мекензіевъ лѣсъ мы прибыли туда рано утромъ.

Погода 23-го числа, съ самаго утра, была сырая; шелъ мелкій холодный дождь, насквозь пробивавшій наши ветхія шинели.

По занятіи позиціи за домиками (вблизи инкерманской дороги), всякій изъ насъ озаботился приготовить себѣ мѣсто. Солдаты стали носить дубовыя съ листьями вѣтки для шалашей, рыли ямки, раскладывали въ нихъ огонь, чтобы обсушить землю.

На томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ утромъ, до нашего прихода, были лѣсъ и кустарникъ, вечеромъ возвышался родъ табора изъ землянокъ-шалашей, разбросанныхъ въ различныхъ направленіямъ. Солдаты были довольны этими скороспѣлыми помѣщеніями: во всѣхъ концахъ лагеря раздавались удалыя пѣсни, вторимыя свирѣлью-самодѣльщиной; кой-гдѣ слышались молитвы. Около офицерскихъ шалашей грѣлись на угольяхъ чайники, стояли погребцы съ вынутыми принадлежностями для закуски, состоявшей изъ солдатскихъ сухарей, лука, селедки и куска сала. Мѣстами можно было замѣтить и колоды распечатанныхъ картъ, порядочно замасленныхъ. Нашъ таборъ-скороспѣлка имѣлъ неподдѣльно веселый видъ. Здѣсь солдатъ-балагуръ разсказывалъ какую-то сказку, и окружающіе, разинувъ рты, простодушно хохотали, хотя разсказъ былъ вовсе несмѣшной; тамъ барахтался пьяный деньщикъ, свалившійся на возвратномъ пути изъ духана съ офицерской покупкой, то есть сушеной рыбой (таранью), которая валялась около него въ грязи и которой онъ не могъ никакъ отыскать. Проходившіе мимо солдаты, по странной ненависти своей къ деньщикамъ, осыпали пьянаго своими остротами, на что онъ отвѣчалъ крупною бранью. Въ иныхъ мѣстахъ солдаты играли въ носки, и хлопанье по носамъ, сопровождаемое счетомъ «разъ-два» и смѣхомъ окружающихъ, разносилось по бивуаку.

Часамъ къ девяти все успокоилось, все спало богатырскимъ сномъ, все храпѣло на различные тоны и перели-

вы. Нагулявшись по позиціи, я тоже отправился въ свою берлогу, то есть въ ямку, покрытую вѣтками дубняка, гдѣ меня давно ожидалъ котелокъ застывшей каши, превратившейся въ синюю студень. Солдаты одного со мною десятка всѣ спали. Не спалъ одинъ старикъ-дядька Игошкинъ: онъ задумчиво сидѣлъ у огня и мѣшалъ угольки костра, разложеннаго передъ нашей общей ямой.

Я подошелъ къ нему и спросилъ довольно громко, отчего онъ не спитъ. Дядька молча показалъ на сосѣдній шалашъ, давая мнѣ понять, чтобы я говорилъ тише. То былъ шалашъ нашего командира батальона, Александра Матвѣича Г. Больше и не нужно было говорить, чтобы заставить всякаго изъ насъ быть поскромнѣе, и потому я тихонько спустился въ свое логовище. Вдругъ послышался крикъ: «эй, ты! что лѣзешь по головамъ? раздавилъ!... али не видишь»? и въ слѣдъ затѣмъ раздался возгласъ изъ шалаша: «молчать! что зашевелились»! Мы свернулись колесомъ и притаили дыханіе. Спать мнѣ хотѣлось; но сонъ бѣжалъ меня. Прозябъ ли я, былъ ли голоденъ, не знаю; только я всталъ, осторожно вышелъ изъ ямки и подсѣлъ къ огоньку, прикрывшись дубовой вѣткой. Дядька мой, по прежнему, сидѣлъ у огонька, помѣшивая угольки и пуская клубы дыма изъ своей коротенькой трубочки.

Было тихо и темно. Накрапывалъ мелкій дождь. Изрѣдка слышалось ржаніе лошадей стоявшей сзади нашей позиціи пѣшей артиллеріи, да порою раздавались выстрѣлы изъ Севастополя, глухо замиравшіе въ горахъ. Около полуночи я услышалъ конскій топотъ съ инкерманской дороги, отъ сѣверной стороны крѣпости. Оглянувшись и всмотрѣвшись въ темноту, откуда несся топотъ. дядька и я замѣтили приближеніе двухъ всадниковъ: одинъ былъ жандармъ, другой казакъ. Они ѣхали по направленію къ нашему костру. На вопросъ: «гдѣ командующій полкомъ»? дядька молча показалъ имъ на сосѣдній шалашъ, гдѣ спалъ подполковникъ Г..., командовавшій Тарутинскимъ полкомъ, по случаю неприбытія только что назначеннаго новаго командира.

Казакъ и жандармъ безъ доклада вошли въ шалашъ подполковника, разбудили его и подали пакетъ.

Въ шалашѣ командующаго полкомъ тотчасъ же показался огонь, и сквозь рѣдкіе сучья мы видѣли, какъ, во время чтенія, мѣнялись черты всегда спокойнаго лица нашего начальника. Прочитавъ бумаги, подполковникъ послалъ казака за дежурнымъ фельдфебелемъ и, по приходѣ его, приказалъ: «въ ротахъ готовить скорѣй обѣдъ, раздать по двѣ чарки водки и быть готовымъ выступить въ три часа ночи».

По уходѣ фельдфебеля, подполковникъ Г... вышелъ изъ своего шалаша; мы притаились за темной стороной нашего пріюта. Взглянувъ на бивуакъ, начальникъ перекрестился, перекрестилъ бивуакъ, задумался и, сказавъ что-то про себя, началъ ходить по позиціи со всегдашнимъ спокойнымъ своимъ лицомъ.

Дядька мой сказалъ: «должно быть, завтра намъ рано утромъ идти на какую нибудь дальнюю новую позицію или за чистой отставкой»....

Долго ходилъ подполковникъ по бивуаку, заглядывая съ участіемъ въ шалаши солдатъ, спокойно спавшихъ, и когда возвратился къ своему шалашу, къ нему подбѣжалъ дежурный фельдфебель съ докладомъ: «обѣдъ готовъ».

«Будить людей, раздавать обѣдъ и водку, да живо и тихо»! было приказаніемъ. На бивуакѣ зашевелились. Солдаты, съ заспанными глазами, удивлялись такому раннему пробужденію и обѣду въ третьемъ часу ночи. Пошли сужденія, заключенія, толки, догадки. Стали раздавать водку и говяжьи порціи—поднялся шумъ: одинъ былъ недоволенъ костью, другому достался малъ кусокъ. «Что малъ, что кость»!—въ отвѣтъ ворчалъ какой нибудь старый капральный ефрейторъ—«смотри, братъ, кабы и этого-то въ брюхѣ не ощупалъ французъ штыкомъ»!...

— Въ ружье! крикнулъ изъ шалаша командующій полкомъ.

— Въ ружье, въ ружье! раздалось по бивуаку.

— Надѣвай ранцы!... ну, живо! видишь, *антилерія* поѣхала, говорили фельдфебели.

И дѣйствительно: глухой стукъ колесъ и шлепанье по грязи прислуги послышались по дорогѣ, ведущей къ Инкерманскому мосту. Но вотъ и у насъ раздалась монотонная команда: «знаменные ряды прямо! прочіе налѣво и направо! ружье вольно, шагомъ маршъ»!... и мы тронулись въ слѣдъ за артиллеріей и, въ свою очередь, пошли шлепать по знакомой намъ дорогѣ.

Медленно и сонливо передвигали ноги солдатики; не было ни говора, ни шума. Всякій думалъ свою думу—думу крѣпкую— и, конечно, души многихъ чувствовали, что наступающее утро будетъ послѣднимъ днемъ въ ихъ жизни. Никто не зналъ, куда и зачѣмъ ведутъ насъ такъ рано, хотя ночной обѣдъ, лишняя чарка водки и путь къ непріятельской позиціи заставляли догадываться. Въ рядахъ иногда раздавались вздохи; даже лошадь подполковника Г..., ѣхавшаго впереди батальона, застонала какъ-то странно. «Что ты, что ты стонешь, *карій*»? говорилъ Г..., трепля ее по шеѣ, а самъ измѣнился въ лицѣ. Но *карій* продолжалъ стонать и вздыхать, понуря голову.

Приблизились къ мосту, наведенному прежде нашего прихода. Стало свѣтать. Одинъ пароходъ стоялъ въ концѣ Большой бухты (рейда), выжидая приказанія дѣйствовать. Пѣшія и конныя батареи, переправившись черезъ мостъ, понеслись вверхъ по откосной дорогѣ. Пѣхота двигалась въ слѣдъ. За мостомъ батальоны перестраивались на походѣ въ ротныя колонны и, кромѣ втораго батальона нашего полка (которымъ командовалъ Г...), разными направленіями поднимались на крутыя возвышенности Инкермана, поросшія кизилевыми и терновыми кустарниками.

Ротныя колонны приближались уже къ гребню возвышенности, а нашъ второй батальонъ стоялъ за мостомъ, внизу горы, близъ самой бухты. Солдаты не знали причины нашей остановки здѣсь, когда товарищи шли въ бой, и потому стояли спокойно, держа ружья у ноги, посматривали вверхъ на гору, гдѣ скрывались роты, уже достигшія вершинъ.

Слышно было, какъ дѣйствовала пѣшая артиллерія, бывшая на гребнѣ горы, открывъ огонь навѣсными вы-

стрѣлами черезъ головы нашего батальона, и пароходъ, стоявшій сзади насъ въ бухтѣ (имя парохода не помню). Вслѣдъ затѣмъ посыпались отвѣтные непріятельскіе снаряды; они перелетали черезъ гребень горы.

Картечныя гранаты чаще стали лопаться передъ нашимъ батальономъ. Ядра небольшихъ калибровъ постукивали о землю и сзади и спереди. Штуцерныя пули визжали передъ нашими носами. Въ ущельѣ всякій выстрѣлъ, всякій разрывъ гранаты гудѣли многократнымъ отголоскомъ. Въ этотъ самый моментъ, подскакалъ къ нашему батальону генералъ, неизвѣстный никому изъ насъ. Съ нимъ подъѣхалъ нашъ новый командиръ полка, полковникъ Г..., котораго мы увидѣли здѣсь въ первый разъ. Генералъ съ сердцемъ спросилъ: «чей это батальонъ? какого полка? кто батальонный командиръ (назвавъ при этомъ весь батальонъ не слишкомъ лестнымъ именемъ)? по какому случаю вы здѣсь стоите»? Въ это время, подскакалъ и нашъ батальонный командиръ. Генералъ встрѣтилъ его строгими словами. Однако, мы все стояли на мѣстѣ, дожидаясь своего командира, который, не получивъ опредѣлительныхъ приказаній, поѣхалъ лично спросить: «по какому направленію вести батальонъ»? За нашего батальоннаго командира всѣ готовы были поручиться: мы хорошо знали и видѣли его ничѣмъ непоколебимую холодную стойкость при Альмѣ и во время фланговаго движенія къ Бахчисараю 12-го сентября. Тотчасъ послѣ того, подполковникъ тронулъ батальонъ и повелъ насъ въ гору, туда, гдѣ была наша артиллерія. Перелетавшіе черезъ нее снаряды, въ особенности картечныя гранаты, сильно тронули наши ряды: много мы потеряли убитыми и ранеными.

Подниматься въ гору было очень трудно. Ило-глинистая почва отъ дождей распустилась, такъ что мы, скользя по ней, хватались за кусты, упирались прикладами, а иногда и подсаживали другъ друга. Добравшись до позиціи нашей артиллеріи, мы остановились позади ея перевести духъ и тутъ же бросили свои мѣшки, бывшіе у насъ вмѣсто ранцевъ.

Немного выше этого мѣста, стояли зарядные ящики, валялись убитыя лошади и кучами лежали изуродованные артиллеристы. Ядра низали нашу артиллерію до крайности; но ея командиръ, сидя въ буркѣ верхомъ, задомъ къ сторонѣ непріятеля и лицомъ передъ дулами своихъ орудій, хладнокровно отдавалъ приказанія, какими дѣйствовать снарядами. Прислуга быстро исполняла свои обязанности, не обращая вниманія на всѣ ужасы смерти и огромную убыль своихъ товарищей. Войска, двигавшіяся изъ Севастополя, хотя и толпами, но дружно и восторженно, съ громкими криками, ускореннымъ шагомъ проходили мимо нашей артиллеріи, по лощинѣ, подъ страшнымъ ружейнымъ и картечнымъ огнемъ, на слѣдующую возвышенность черезъ каменоломню. Наши артиллеристы кричали имъ: «Проходите, проходите, братцы, скорѣй! Не заслоняйте насъ. Изъ-за васъ и насъ перебьютъ: намъ нельзя отвѣчать непріятелю». А непріятель, въ самомъ дѣлѣ, сильно билъ съ одной возвышенной земляной батареи, стрѣляя хотя рѣдко, но, какъ говорится, мѣтко.

Нашъ батальонный командиръ, передъ тѣмъ только что построилъ свой батальонъ въ ротныя колонны, напомнивъ намъ о долгѣ чести и совѣтуя, какъ намъ, такъ равно и проходящимъ мимо насъ войскамъ, не разсыпаться: «какъ мухъ перебьютъ и возьмутъ всѣхъ въ плѣнъ», говорилъ онъ.

На противоположной балкѣ появились красные мундиры англійскихъ гвардейцевъ. Подполковникъ скомандовалъ: «маршъ», и всѣ бросились на «ура»! Какъ только мы спустились внизъ, нашему батальонному командиру оторвало пулей правое ухо. Кровь струею бѣжала по его сѣрой шинели; но онъ, зажавъ рану рукой, не отставалъ отъ насъ, хотя былъ безъ лошади — пѣшкомъ. Ему, какъ раненому, можно было бы выйдти изъ боя на перевязку; но онъ не хотѣлъ оставить сраженія и своихъ подчиненныхъ безъ руководителя, и тѣмъ болѣе въ минуту опасности. Солдаты разъединились. Подполковникъ Г..., предчувствуя гибельныя послѣдствія уже начавшагося безпорядка, закричалъ своимъ звучнымъ голосомъ: «эхъ-ма! эдакъ погиб-

нете вы, ребята!... Богъ съ вами»!... Эти послѣднія его слова раздались какъ-то въ антрактѣ стрѣльбы и разнеслись по каменоломнѣ, но тотчасъ же были заглушены ружейнымъ огнемъ и стонами раненыхъ. Многіе изъ насъ оглянулись назадъ и видѣли, какъ подполковникъ махнулъ рукой; послѣ того мы уже не видали его — онъ пропалъ безъ вѣсти: вѣроятно, былъ убитъ или умеръ отъ вновь полученныхъ ранъ. Миръ праху твоему, отецъ - командиръ!...

Свинцовый дождь усилился. Наши ротныя колонны, въ нестройныхъ рядахъ, перебѣгали низменное пространство каменоломни съ неумолкаемымъ крикомъ: «ура!» и карабкались на слѣдующую, довольно крутую, возвышенность, задыхаясь отъ ускореннаго бѣга и нравственныхъ ощущеній. На этой возвышенности, вправо отъ насъ, торчала англійская батарея, замѣченная нами по густымъ клубамъ дыма, вылетавшаго изъ пушекъ. Непріятель билъ гранатами и ядрами; его снаряды гудѣли надъ нашими головами. Англичане, кажется, не обращали вниманія на пѣхоту, потому что всѣ ихъ выстрѣлы были направлены на нашу артиллерію, стоявшую на дорогѣ въ Севастополь. Едва только поднялись нѣкоторыя роты къ батареѣ, какъ тотчасъ же были засыпаны картечью и тучами пуль. На этомъ самомъ мѣстѣ, и въ одинъ и тотъ же мигъ, легло много нашихъ офицеровъ, и роты на половину уменьшились въ своемъ составѣ. Нѣсколько кучекъ англичанъ кинулись было на насъ въ штыки изъ-за батареи, и имъ удалось заколоть и сбросить нѣсколькихъ русскихъ подъ гору: но нашъ трехгранный штыкъ поддержалъ свою старинную славу. Я видѣлъ удаль одного унтеръ-офицера 2-й карабинерной роты (изъ безсрочно-отпускныхъ Московской губерніи). Фамиліи его не помню; но его рыжіе волосы и суровое лицо запечатлѣлись въ моей памяти. Онъ угомонилъ до пяти рослыхъ англійскихъ гвардейцевъ. Ободренные его примѣромъ, и молодые солдаты ловко работали штыкомъ. Бравый унтеръ-офицеръ былъ убитъ.

Батарея была взята, не смотря на всѣ старанія какого-то непріятельскаго офицера, который, въ бѣломъ плащѣ,

носился по рядамъ и подгонялъ своихъ солдатъ нагайкой. Недолго онъ скакалъ: его подетрѣлили наши штуцерные, а его подчиненные, избавясь отъ ударовъ нагайки, съ особеннымъ удовольствіемъ отступали ускореннымъ шагомъ. Безтолковая поговорка: «пуля виноватаго найдетъ», послужила намъ здѣсь въ большой вредъ: наши солдаты, и безъ того плохо стрѣлявшіе въ мирное время, старались въ бою выпустить какъ можно больше патроновъ, не заботясь о дѣйствительности выстрѣловъ. Англичане, отступившіе съ батарей, не видя за собою преслѣдованія и замѣтивъ недѣйствительность нашей стрѣльбы, останавливались и въ разстояніи какихъ нибудь 60 шаговъ прехладнокровно поражали насъ пулями на выборъ. На грѣхъ, бывшіе сзади насъ мушкетерскіе полки, расположенные по дорогѣ на противоположной возвышенности ниже нашей артиллеріи, открыли по насъ огонь, конечно, потому, что въ дыму и туманѣ не различали своихъ отъ непріятеля, или, можетъ быть, думая: «своя своихъ не тронетъ». Вышло дѣло не такъ: не одна легла тутъ голова и отъ своихъ пуль. Убитые своими, по неосторожности, были очень замѣтны: мы находились на самой горѣ и ея крутомъ откосѣ, и убитые и раненые непріятелемъ падали на спину, стремглавъ скатываясь подъ гору: убитые же сзади, своими, падали лицомъ къ горѣ, не скатываясь, а какъ бы прижимаясь къ ней (1).

Все это произошло, вѣроятно, отъ недостатка офицеровъ и въ слѣдствіе безначалія. Сбылись предсказанія нашего батальоннаго командира: чтобъ продолжать такъ счастливо начатое, нуженъ былъ порядокъ, нужно было единодушіе, а этого-то и не доставало намъ для удержанія первыхъ удачъ побѣды за собой. Солдаты, не видя передъ собою начальниковъ, забывали свои обязанности, бродили по отбитымъ батареямъ, носили раненыхъ на перевязочный пунктъ, а многіе таскали и мертвыхъ туда же,

(1) Подобная стрѣльба случилась съ нашими артиллеристами во время рекогносцировки 7 сентября, наканунѣ альминской битвы. Они сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ по возвращавшимся нашимъ гусарамъ. По счастію, ни одно ядро не задѣло никого.

подъ предлогомъ уборки тѣлъ, чтобы удалиться изъ боя. Два раза свѣжія роты другихъ полковъ занимали эту возвышенность и батарею, выгоняя оттуда англичанъ штыками, но, по причинѣ безпорядка, были всегда отбиваемы и прогоняемы внизъ къ Черной рѣчкѣ. Нашихъ отступающихъ по низу Черной рѣчки англичане провожали штуцерными пулями. Они поражали остатки разбитыхъ ротъ, лишенныхъ своихъ командировъ, стрѣляя съ обрывистой скалы вертикально; но, пули, летавшія на такомъ близкомъ разстояніи и съ особеннымъ какимъ то визгомъ, ожесточили нашихъ солдатъ: увидя безполезно погибшихъ и погибающихъ товарищей, они, собравшись кучками, съ изступленіемъ бросились опять на эту возвышенность, гдѣ, встрѣтивъ англійскихъ удальцовъ, перекололи ихъ и снова овладѣли на нѣсколько минутъ непріятельскими батареями.

Въ этотъ моментъ намъ показалось, что побѣда должна остаться за нами. Солдаты тащили съ непріятельскихъ батарей двѣ чугунныя пушки [1], съ тремя артиллерійскими лошадьми, и вели въ плѣнъ молодаго англійскаго офицера, съ нѣсколькими солдатами. Стрѣльба стала утихать. На возвышенностяхъ число англійскихъ труповъ преобладало, повидимому, надъ русскими; безпорядокъ же и безначаліе болѣе и болѣе увеличивались. Воротники и погоны различныхъ цвѣтовъ и нумерацій перемѣшались; въ нѣкоторыхъ частяхъ всѣ офицеры выбыли изъ строя, и солдаты, забывъ о повиновеніи и какъ будто отуманенные, не слушали совѣта старослуживыхъ: «построиться всѣмъ въ общую колонну и дѣйствовать облавой». Всѣ безсознательно бродили, отыскивая свои полки, и всѣ почти впослѣдствіи были истреблены непріятелемъ въ той же лощинѣ.

Между тѣмъ, раздались на непріятельской сторонѣ сигналы и крики: на помощь къ англичанамъ шли французы, открывъ сильный ружейный огонь. Нѣсколько мушке-

[1] Эти пушки, при появленіи французовъ, пришедшихъ на помощь къ англичанамъ, были брошены въ лощинѣ.

терскихъ батальоновъ, въ толпахъ, съ барабаннымъ боемъ, ударили было на нихъ въ штыки; но мѣткій ружейный огонь непріятеля съ разу привелъ нашихъ въ безпорядокъ, и мушкетеры отступили. Сумятица увеличилась. Крики: «гдѣ резервъ? гдѣ резервъ?» слышались отвсюду. Да и правда: будь въ то время свѣжая дивизія, возвышенности съ непріятельскими батареями, пожалуй, остались бы за нами, потому что непріятель, не смотря на свой перевѣсъ въ огнѣ, видимо ослабѣвалъ отъ засѣвшихъ въ кустахъ немногихъ русскихъ удальцовъ, которые внезапно и отчаянно бросились въ штыки на французовъ и производили въ рядахъ ихъ замѣшательство. И не разъ непріятель, разсѣявъ наши большія толпы, принужденъ былъ отступать отъ ничтожной горсти молодцевъ, обрекшихъ себя на смерть. Такими отчаянными кучками командовали рѣшительные офицеры и молодые юнкера, обладавшіе всѣми качествами, необходимыми для воодушевленія упавшихъ духомъ.

Было за полдень. Бой замѣтно ослабѣвалъ. Утомленныя толпы собирались къ инкерманской дорогѣ и къ мосту, на которомъ кровь отъ переносимыхъ на перевязку раненыхъ запеклась и тропой шла къ Инкерману и перевязочному пункту, бывшему за мостомъ, внизу маяка. Близъ рѣчки, недалеко отъ моста, на которомъ стоялъ генералъ *Кирьяковъ*, строились знаменные ряды нѣкоторыхъ полковъ, съ знаменами.

Когда, послѣ столь успѣшно начатаго и столь неудачно окончившагося дѣла, собрались небольшія кучки раненыхъ и не раненыхъ офицеровъ и солдатъ, первые не находили своихъ подчиненныхъ, послѣдніе—начальниковъ. Офицеры между собою толковали о ходѣ сраженія и о причинахъ неудачи. Одни говорили: «Дѣло проиграно отъ безпорядка и безначалія Наши войска не привыкли дѣйствовать на мѣстности горной».

«Гораздо лучше было бы—говорили другіе, идти цѣлыми батальонами, а не въ ротныхъ колоннахъ, и, не останавливаясь, пользоваться успѣхами: тогда убыль старшихъ замѣнялась бы младшими, и колонны не лишились

бы своихъ непосредственныхъ начальниковъ вовсе, слѣдовательно солдаты не теряли бы дисциплины».

Дѣйствительно, такъ какъ въ ротныхъ колоннахъ начальствующихъ было мало, да и тѣ скоро выбыли изъ строя, то солдаты расходились кто куда. Остановить ихъ было некому. Слѣдовавшія же свѣжія роты, также отчасти разстроенныя убылью чиновъ, разъединяемыя притомъ между собою кустарникомъ, неровностями и другими мѣстными препятствіями и, наконецъ, только что потерявшія своихъ офицеровъ, смѣшивались съ толпами, теряли бодрость, не думали о повиновеніи. Никто изъ разговаривавшихъ офицеровъ не отвергалъ пользы ротныхъ колоннъ и вообще небольшихъ частей на мѣстности горной: но, замѣчали они, для этого нужны войска привычныя, какъ, напримѣръ, войска кавказскія. Говорили также о недостаткѣ военной опытности солдатъ, указывали на качество оружія, на неимѣніе резервовъ, а больше всего толковали о недостаткѣ офицеровъ вообще и боевыхъ въ особенности. Одинъ пожилой офицеръ изъяснился такъ: «Я самъ служу съ четверть вѣка, всю службу провелъ на мирныхъ поляхъ и состарѣлся, не видѣвши до сего дня сраженія. Ни разу не слыхалъ я ядра, какъ оно гудитъ надъ ухомъ... вдали, бывало, слышишь, да и то на ученьѣ.... и я до сихъ поръ считалъ себя военнымъ. Мнѣ ни разу на мысль не приходило, какое впечатлѣніе производятъ вой и дѣйствіе снаряда, когда снарядъ падаетъ около тебя, убивая твоего товарища и тебя самого обрызгивая кровью.... Многіе изъ нашей братіи смотрятъ, въ мирное, разумѣется, время, героями; иной, отпустивъ страшные усищи и цѣлый лѣсъ бакенбардъ, такъ и глядитъ Наполеономъ, изподлобья, а спроси-ка его, былъ ли онъ въ дѣлѣ, нюхалъ ли пороху. Немудреная, думалъ я, наука стоять подъ ядрами и умирать; однако, не привыкнешь къ ней скоро... Читалъ я про подвиги Суворова, Ермолова, Пассека, Слѣпцова и многихъ другихъ нашихъ славныхъ военныхъ людей, но не могъ понять, въ чемъ же состоятъ подвиги. Ну, велятъ тебѣ — исполнилъ... Убили — что дѣлать, судьба.. Теперь же, испытавши на себѣ боевыя удовольствія, буду

понимать и цѣнить....» Этими словами пожилой офицеръ окончилъ свое разсужденіе.

Солнышко освѣтило окровавленныя возвышенности Инкермана. Кучи тѣлъ тамъ и сямъ были разбросаны въ безпорядкѣ и въ различныхъ положеніяхъ. Многіе изъ смертельно-раненыхъ шевелились, издывая въ предсмертныхъ мукахъ; иные раненые вставали на ноги, безсмысленно озирались и опять падали на землю, съ глухимъ стономъ. Войска стрѣляли рѣдко. Всѣ были утомлены.

Остатки нашего разбитаго полка собрались сначала у горы, а потомъ перешли за мостъ и строились невдалекѣ отъ перевязочнаго пункта. Наша артиллерія тоже спустилась съ горы и отправилась на свою старую позицію, гдѣ была наканунѣ дѣла. Многихъ раненыхъ товарищей артиллеристы везли на лафетахъ своихъ орудій.

Непріятель, спустя часъ времени, рѣшился поставить свои полевыя орудія на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ брошены были при началѣ наши мѣшки, и сдѣлалъ оттуда по насъ и по перевязочному пункту нѣсколько сильныхъ выстрѣловъ, не знаю какими снарядами, потому что ни одинъ снарядъ не долетѣлъ ни до насъ, ни до перевязочнаго пункта. На эти выстрѣлы ему отвѣчали съ маяка. Стоявшая тамъ огромнаго калибра гаубица съ страшнымъ ревомъ послала гранату, которая заставила французовъ поскорѣе убраться. Взявъ на передки, они скрылись. Тогда зашевелился отступать нашъ перевязочный пунктъ; вскорѣ тронулись и мы на свою старую позицію.

Медленно и невесело поплелись солдатики. Порой кто нибудь изъ нихъ оглядывался и, озираясь, спрашивалъ своего сосѣда: «живъ ли такой-то? не видѣлъ ли его?» — «Не знаю», или: «убитъ!» Послѣднее слово чаще всего служило отвѣтомъ. Измученные, разстроенные, пришли мы на позицію. Грустна и пустынна показалась она намъ: съ какимъ-то стыдомъ вглядывались мы въ свои шалаши, оставленные утромъ. Въ трепетаньѣ засохшихъ вѣтокъ, покрывавшихъ наши жилища, будто слышались упрекъ и вопросъ: «гдѣ же ночевавшіе здѣсь? развѣ они не возвра-

тились?» Вчера, въ этихъ самыхъ шалашахъ, раздавались свирѣль, громкія пѣсни: сегодня въ нихъ и кругомъ слышны однѣ молитвы. Вчера здѣсь было тѣсно, во всякомъ шалашѣ помѣщалось по четыре, по пяти и даже по семи человѣкъ; сегодня въ нихъ два, три человѣка, да и тѣ угрюмо выглядывали оттуда. Вчера были здѣсь говоръ, шумъ, игры; сегодня—грусть, пустота, скука....

Солнце садилось. Шла перекличка наличнымъ людямъ и разсчетъ. Въ эту минуту послышалось невдалекѣ, гдѣ-то на высокомъ дубу, заунывное кукованье кукушки, дополнившее печальную картину нашего бивуака послѣ инкерманскаго дѣла.

Много въ этотъ день было совершено никѣмъ не замѣченныхъ подвиговъ мужества, храбрости и самоотверженія. Долго говорили, напримѣръ, солдаты о подвигѣ прапорщика нашего полка *Соловьева*, который, видя нерѣшительность солдатъ (1) идти на непріятельскую батарею, закричалъ: «друзья, за мною!» бросился на нее и, вмѣстѣ съ капральнымъ унтеръ-офицеромъ *Яковлевымъ*, за нимъ послѣдовавшимъ (2), былъ заколотъ англичанами. Но въ слѣдъ за ними ворвались и солдаты и всѣхъ засѣвшихъ тамъ англичанъ перекололи безъ пощады, мстя за смерть двухъ храбрыхъ. Объ этомъ подвигѣ, какъ и о многихъ другихъ, никто не зналъ, кромѣ нижнихъ чиновъ, которые поговорили о немъ, а потомъ и забыли.... Да и вся осада Севастополя не есть ли непрерывный рядъ блистательныхъ подвиговъ?... (3)

Егерь.

1860 года.
Владимірской губерніи, село Тѣйково.

(1) Солдаты, добѣжавъ до рва батареи, начали перебрасываться каменьями съ англичанами.

(2) Яковлевъ былъ капральнымъ въ 12 ротѣ 1 капральства.

(3) «Воен. Сборникъ», 1861 г. № 9.

ПЕРЕВОДЪ ПИСЬМА ГЕНЕРАЛА КНЯЗЯ ПЕТРА ДМИТРІЕВИЧА ГОРЧАКОВА.

КЪ АВТОРУ «СОЧИНЕНІЯ О КРЫМСКОЙ ВОЙНѢ», Г. ГЕРЕНУ

Не безъ основанія говорятъ, что для современныхъ событій нѣтъ исторіи. Сочиненіе ваше, милостивый государь, вполнѣ подтверждаетъ справедливость этого замѣчанія. Описываемая вами эпоха *Histoire de la dernière guerre de Russie* еще такъ свѣжа въ нашей памяти, дѣйствующія лица оной еще не сошли съ поприща служебнаго, а побудительныя причины ихъ дѣйствій, въ подробностяхъ своихъ, слишкомъ мало извѣстны, чтобы въ настоящее время можно было рѣшиться произнести неопровержимое сужденіе о событіяхъ послѣдней восточной войны. Въ сочиненіи вашемъ, замѣчательномъ во многихъ отношеніяхъ, вкрались нѣкоторыя ошибки, особенно въ описаніи военныхъ дѣйствій русскихъ войскъ. Вообще, трудно быть судьею безъ упрека въ разборѣ событій, лично извѣстныхъ съ одной лишь стороны, событій, для разъясненія которыхъ, по необходимости, приходится прибѣгать къ источникамъ болѣе или менѣе достовѣрнымъ, не всегда точнымъ, иногда пристрастнымъ явленіе, весьма понятное, потому что эпоха личностей не миновалась. Такимъ образомъ, люди, съ самыми искренними, прямыми намѣреніями, повторяя разсказы другихъ, часто распространяютъ неправильныя, случайныя мнѣнія. Обязанность историка требуетъ безпристрастнаго обсужденія ошибокъ, не взирая на личности, — *справедливость суда прежде всего*; осуждая совершенное уже, быть можетъ было бы справедливо, въ то же самое время, указать на способъ, какъ бы слѣдовало дѣлать лучше.

Не останавливаясь на тѣхъ мѣстахъ сочиненія вашего, которыя бы могли вызвать опроверженія и вовлечь меня въ полемику, я тѣмъ не менѣе считаю необходимымъ разъяснить тѣ страницы вашей книги, гдѣ вы касаетесь лично меня, описывая инкерманское сраженіе.

Томъ II стр. 373—374: «Онъ (князь *Горчаковъ*) не высказалъ въ этотъ день свойственныхъ ему способностей, вѣроятно потому, что, прежде всего, долженъ былъ заботиться о безопасности двухъ юныхъ сыновей императора Николая» и т. д.

Приписываемая мнѣ *заботливость о безопасности Великихъ Князей* не могла имѣть мѣста, потому что я никогда не имѣлъ счастія состоять при особахъ Ихъ Высочествъ, а въ день инкерманскаго сраженія, какъ извѣстно цѣлому міру, Великіе Князья Николай и Михаилъ находились на высотахъ инкерманскихъ, въ пылу сраженія, весьма мало заботясь о личномъ самосохраненіи.

Разъяснивъ это обстоятельство, перехожу къ другимъ. По вашему мнѣнію (томъ II, стр. 336), мнѣ бы слѣдовало: «выступивъ изъ Чоргуна, идти по направленію къ Сапунъ-горѣ и Балаклавѣ, сдѣлать диверсію противъ *обсерваціоннаго* (наблюдательнаго) корпуса генерала *Боске*» (томъ II, стр. 367) «*и въ то же время*, слѣдуя Воронцовскою дорогою, *обнаружить намѣреніе* овладѣть одною изъ дорогъ (?), ведущихъ къ Сапунъ-горѣ, *чтобы привлечь вниманіе* резерва генерала *Боске*, и держать *на сторожѣ* лорда *Раглана* въ балаклавской долинѣ».

Достаточно одного взгляда на карту, приложенную къ третьему тому вашего сочиненія, карту, которая хотя только поверхностно выражаетъ мѣстность, чтобы съ перваго взгляда убѣдиться въ совершенной невозможности исполнить это двоякое назначеніе, выраженное рѣшительнымъ наступательнымъ движеніемъ. И, дѣйствительно, свернувъ на право, по Воронцовской дорогѣ, я не могъ уже остановить вниманія лорда *Раглана*, а слѣдуя въ направленіи къ Балаклавѣ, развязывалъ руки французскому резервному корпусу, обстоятельство, *котораго всячески долженъ былъ избѣгать*.

Желая привлечь одновременно вниманіе обоихъ непріятельскихъ генераловъ, я продолжалъ прямое наступленіе до тѣхъ поръ, пока это было возможно; подойдя же на пушечный выстрѣлъ, всякая возможность *маскировать* движеніе исчезла: генералъ *Боске*, съ высоты своей позиціи,

могъ не только слѣдить за каждымъ моимъ шагомъ, но даже по одиночкѣ пересчитать весь мой отрядъ.

Слѣдовательно, мнѣ необходимо было остановиться и ограничиться огнемъ артиллеріи, дѣйствіе которой изъ полевыхъ орудій, какое бы ни было число ихъ, не могло оказать важнаго успѣха противу укрѣпленныхъ высотъ, вооруженныхъ отчасти длинными морскими орудіями 30-ти фунтоваго калибра (томъ II, стр. 373). Или, наконецъ, я долженъ былъ рѣшиться открытою силою атаковать отвѣсныя укрѣпленныя высоты, болѣе чѣмъ въ 100 метровъ, командующія окрестною мѣстностію и *до самаго окончанія дѣла* (томъ II, стр. 379) защищаемыя первою и, частію, второй французскими дивизіями (отъ 10-ти до 12-ти батальоновъ), съ сильною артиллеріею.

Отдавая себя на судъ всѣхъ военныхъ людей, спрашиваю: возможно ли было мнѣ надѣяться на успѣхъ предпріятія, съ 16-ю батальонами отряда, бывшими подъ командою генерала *Липранди* ([1]), изъ которыхъ слѣдовало отдѣлить часть для занятія отбитыхъ у турокъ редутовъ, удаленныхъ на 500 саженъ отъ кадыкіойскихъ ретраншементовъ, прикрывавшихъ мой лѣвый флангъ? Могъ ли я, въ моемъ положеніи, подражать дѣйствіямъ зуавовъ при Альмѣ, которые, при своей блистательной отвагѣ, по всѣмъ вѣроятіямъ, не имѣли бы успѣха, если бы наша позиція была укрѣплена столь же сильно, какъ Сапунъ-гора, фронтъ ея протяженія былъ бы соразмѣренъ съ числомъ нашихъ войскъ, и если бы войска наши не подвергались продоль-

([1]) Я не считаю 58 эскад. кавалеріи, составлявшихъ болѣе трети моихъ силъ и оставленныхъ при чоргунскомъ отрядѣ, за неимѣніемъ въ нихъ надобности на другомъ пунктѣ, потому что по тѣснотѣ пространства негдѣ имъ было даже развернуться. Къ тому же, я не могъ раздѣлять мнѣнія полагавшихъ возможнымъ бросить ее на Балаклавскую дорогу, во входящій уголъ линіи союзниковъ, тѣмъ болѣе, что до укрѣпленія еще этого ущелья, генералъ Рыжовъ потерпѣлъ уже тамъ неудачу и что съ тѣхъ поръ (Т. II, стр. 352) англичане построили укрѣпленныя линіи и редуты, которые, утвердивъ за ними владѣніе обѣихъ сторонъ ущелья, обезпечивали оборону горжи, замыкающей Балаклавскую долину; ровъ съ эполементами и волчьи ямы были вырыты на семъ пунктѣ для воспрепятствованія приближенію непріятельской кавалеріи.

нымъ выстрѣламъ съ непріятельскаго флота. При томъ же за зуавами шла цѣлая армія, а чоргунскій отрядъ, дѣйствующая сила котораго слишкомъ преувеличена, 24-го октября (5-го ноября), былъ предоставленъ собственнымъ средствамъ. Такъ, что въ случаѣ *весьма невѣроятной* удачи, войска, взобравшись на высоты, въ разсыпную, безъ артиллеріи, были бы отброшены съ потерею, соотвѣтствующею напраснымъ усиліямъ.

Смѣлая демонстрація противъ лорда *Раглана*, на отдаленномъ пунктѣ отъ театра рѣшительныхъ дѣйствій, не принесла бы значительной пользы нашей главной атакѣ, потому что генералъ *Боске*, никѣмъ не угрожаемый, пріобрѣталъ бы еще болѣе свободы въ своихъ дѣйствіяхъ, могъ устремиться съ своими силами къ угрожаемому пункту, и исполнить это тѣмъ удобнѣе, что ему нечего было заботиться о безопасности Балаклавы, охраняемой (томъ II, 352 стр.) «бригадою сэра Колина *Кемпбеля*, отрядомъ англійскихъ моряковъ и отборными турецкими батальонами; кромѣ того, войска эти были поддерживаемы съ лѣваго фланга французскою бригадою *Винуа* и прикрыты укрѣпленіями», на которыя лордъ *Рагланъ* (т. II, стр. 364) «исключительно обращалъ свое вниманіе», и о которыхъ вы выражаетесь (т. II, стр. 364): «препятствія, созданныя *съ 25-го октября*, на балаклавской дорогѣ, и позиція, занятая союзниками со стороны города, обороняемая значительнымъ числомъ батарей, не позволяли (русскимъ) атаковать съ *успѣхомъ*, въ томъ направленіи, въ которомъ была произведена атака генерала *Липранди*.

Мнѣ, какъ и всякому воину, хорошо извѣстно, что на войнѣ приходится иногда жертвовать собою, безъ всякой надежды на успѣхъ, единственно съ цѣлію обезпечить результаты болѣе важные; но въ томъ неблагопріятномъ положеніи, въ какомъ я находился, подставляя непріятелю одинъ или другой изъ моихъ фланговъ на мѣстности, командуемой высотами, которыми, какъ вы говорите, я не могъ овладѣть по *общему мнѣнію*, мнѣ нельзя было отважиться на какое либо рѣшительное предпріятіе (т. II. стр.

365), которое вело бы только къ *безполезной* потерѣ значительнаго числа храбрыхъ, безъ отвлеченія отъ генерала *Даненберга* единаго даже человѣка сверхъ того числа, которое генералъ *Боске* основательно признавалъ достаточнымъ для обороны своей позиціи.

Вотъ краткія подробности инкерманскаго сраженія, которыя, я полагаю, могутъ измѣнить строгій вашъ объ немъ приговоръ, объяснить *необыкновенную вялость* моей диверсіи и препятствія, мною встрѣченныя, для принятія *болѣе энергическаго участія* въ событіяхъ этого дня. Но, соглашаясь съ справедливостію замѣчанія относительно слабаго содѣйствія моего отряда въ день инкерманскаго сраженія, я не могу, однако, понять, какимъ образомъ мое присутствіе, даже пассивное, предъ Сапунъ-горою, «могло *вредить* атакующимъ колоннамъ генерала *Даненберга*» (т. II, стр 374), когда оно 'дѣйствительно отвлекло отъ него многія тысячи людей, участіе которыхъ на главномъ пунктѣ боя могло бы съ пользою послужить непріятелю.'

Льщу себя надеждою, что я выполнилъ добросовѣстно обязанности генерала, если не солдата. Въ приписываемыхъ же мнѣ ошибкахъ могу сознаться только тогда, когда мнѣ будетъ доказано, что я *долженъ* и *могъ* атаковать Балаклаву, то есть долженъ былъ исполнить предпріятіе, «которое князь *Меншиковъ* и его совѣтъ (т. II, стр. 365) признали затруднительнымъ, почти неудобоисполнимымъ», атаковать Сапунъ-гору, «противъ которой рѣшительныя дѣйствія встрѣтили бы *еще большія препятствія*», или, по крайней мѣрѣ, когда мнѣ скажутъ, какого рода маневръ слѣдовало мнѣ сдѣлать, чтобы скрыть отъ генерала *Боске* мою существенную слабость.

Не соглашаясь, м. г., съ мнѣніемъ вашимъ, что рѣшительное и энергическое наступленіе чоргунскаго отряда въ дѣлѣ 24-го октября (5-го ноября) могло бы измѣнить въ нашу пользу результаты инкерманскаго сраженія (т. II, стр. 368), я считаю себя обязаннымъ предложить на судъ вашихъ читателей другія предположенія, справедливость которыхъ они сами могутъ оцѣнить.

Наше предпріятіе, разсчитанное на неожиданности [1], не увѣнчалось успѣхомъ, очевидно въ слѣдствіе ошибокъ, совершенныхъ на самой *инкерманской равнинѣ* при началѣ дѣла, когда еще была возможность воспользоваться мгновеннымъ замѣшательствомъ непріятеля, захваченнаго въ расплохъ (томъ II, стр. 370), и который, услыхавъ канонаду вдругъ съ разныхъ сторонъ, не зналъ, куда обратить свое вниманіе. Наши батальоны, по тѣснотѣ мѣста, при невозможности построиться въ соотвѣтствующій боевой порядокъ, находясь въ сомкнутомъ строѣ, представлявшемъ непріятельскимъ выстрѣламъ почти сплошныя массы, вмѣсто одновременнаго наступленія по всей линіи, какъ было приказано, производя атаки частныя и то на одинъ лѣвый флангъ непріятеля (томъ II, стр. 372), не могли пріобрѣсть успѣха. Правда, какъ только увидѣли ошибку, то тотчасъ исправили ее, давъ частямъ войскъ, невведеннымъ еще въ бой, первоначальное ихъ назначеніе; но удобный моментъ для рѣшительнаго удара упущенъ былъ безвозвратно. Англичане, оправившись отъ перваго замѣшательства и получивъ подкрѣпленія, которыхъ не имѣли при началѣ сраженія, скоро пріобрѣли перевѣсъ и сдѣлали безуспѣшными всѣ наши дальнѣйшія усилія. Такимъ то образомъ, наше предпріятіе, начатое при столь благопріятныхъ условіяхъ, не удалось, въ слѣдствіе несвоевременной встрѣчи колоннъ *Соймонова* и *Павлова* на одномъ и томъ же пунктѣ, что задержало на время наше наступленіе, и, дозволивъ англичанамъ оправиться, *было отчасти ихъ спасеніемъ* (томъ II, стр. 372). Этотъ

---

(1) Утверждаю положительно, что успѣхъ нашего предпріятія зависѣлъ единственно отъ перваго нашего усилія, и что соображенія нашего нападенія были основаны на безпечности англичанъ, не наблюдавшихъ даже за единственнымъ удобнымъ всходомъ на высоты, потому что безъ надежды, оправдавшейся на дѣлѣ, застать ихъ въ расплохъ, генералу Павлову не представлялось возможности взобраться подъ ихъ огнемъ на крутизны Инкерманскія. Вѣроятно, что и князь Меншиковъ измѣнилъ бы эту часть начертаннаго имъ плана, неудобоисполнимаго, еслибы намъ пришлось атаковать непріятеля, немедленно по выходѣ съ плотины рѣчки Черной, въ порядкѣ чрезмѣрно растянутомъ и удаляющимъ на долгое время головныя войска отъ подкрѣпленій послѣднихъ.

то *ошибочный маневръ*, о которомъ нѣтъ рѣчи въ вашемъ разборѣ нашей неудачи (томъ II, стр. 386), *одинъ* подвергъ не только опасности участь дня, но едва не сдѣлался для насъ еще болѣе гибельнымъ, еслибъ не геройское самоотверженіе нашихъ войскъ, которыя, при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, выдерживали сраженіе долгое и упорное, хоть уже безполезное, и нанесли союзникамъ довольно ощутительный уронъ, воспрепятствовавшій имъ преслѣдовать наши разстроенные батальоны, не смотря на то, что пути отступленія нашего пролегали по тѣснинамъ, съ одной стороны черезъ севастопольскія ворота, а съ другой по крутому спуску, за которымъ слѣдовало узкое шоссе, длиною въ 600 метровъ.

Прося васъ, милостивый государь, принять увѣреніе въ въ моемъ уваженіи, смѣю надѣяться, что ваше безпристрастіе откроетъ мѣсто этому письму въ дополнительныхъ статьяхъ вашего сочиненія.

Генералъ, князь Петръ *Горчаковъ*.

P. S. Пользуюсь симъ случаемъ, чтобы протестовать противъ приписываемаго мнѣ *не совсѣмъ вѣжливаго* разговора съ посланнымъ отъ англичанъ парламентеромъ, по поводу атаки, произведенной ихъ кавалеріею въ балаклавскомъ дѣлѣ (томъ II, стр. 345). Имѣю честь объявить, что, въ продолженіе цѣлой крымской кампаніи, я не только не имѣлъ случая *вести непосредственно переговоръ*, *но даже не видѣлъ* ни одного непріятельскаго парламентера [1].

СТАТЬИ ИНОСТРАННЫХЪ ГАЗЕТЪ ОБЪ ИНКЕРМАНСКОМЪ СРАЖЕНІИ 24-го ОКТЯБРЯ 1854 Г.

Французскій «Мониторъ», какъ уже говорено, обнародовалъ, 1-го (13-го) ноября, депешу (судя по всему, телеграфическую), полученную отъ генерала *Канробера* и содержавшую въ себѣ краткое и весьма темное извѣстіе о сраженіи 5-го ноября (24-го октября). Изъ этой депеши

---

[1] «Военный Сборникъ» 1859 г. № 4.

можно видѣть лишь то, что бой былъ упорный, что англичане были поддержаны дивизіею генерала *Боске* и другими французскими войсками, бывшими подъ рукою, что генералъ *Тимофѣевъ* имѣлъ дѣло съ войсками подъ начальствомъ генерала *Форе*, и что день этотъ обошелся «не безъ потери» (!!) для союзниковъ ([1]).

Генералъ *Канроберъ*, описывая, въ своемъ донесеніи отъ 7-го ноября (26-го октября), дѣло на лѣвомъ флангѣ линіи союзниковъ, противъ котораго отрядъ генерала *Тимофѣева* произвелъ столь удачную вылазку, говоритъ, что русскіе уже заняли двѣ изъ французскихъ батарей, почему дивизіонный генералъ *Форе*, начальникъ осаднаго корпуса, поспѣшилъ на помощь къ генералу де-ла *Моттъ-ружу*, командовавшему французскими войсками въ траншеяхъ. Когда русскіе начали отступать, тогда генералъ де-*Лурмель*, съ своею бригадою, увлеченный жаромъ преслѣдованія, подошелъ слишкомъ близко къ севастопольскимъ укрѣпленіямъ, причемъ и былъ смертельно раненъ. «Генералу *Форе* стоило большаго труда», говоритъ французскій главнокомандующій, «вывести бригаду генерала де-*Лурмеля* изъ весьма-опаснаго положенія, въ которое поставила ее опрометчивая храбрость его. Бригада генерала *Ореля*, занявшая выгодную позицію съ лѣвой стороны, прикрыла это отступленіе, совершенное, подъ огнемъ крѣпости, съ чувствительною потерею. Полковникъ *Ніоль*, 26-го линейнаго полка, лишившагося обоихъ своихъ батальонныхъ командировъ, принялъ начальство надъ бригадою и вывелъ ее изъ огня ([2])».

Лондонъ, 20-го ноября. Въ «Times» сообщаютъ слѣдующія свѣдѣнія о дѣлѣ 5-го ноября подъ Севастополемъ:

«У насъ убито и ранено 102 офицера и 2,500 солдатъ. Французы потеряли 48 офицеровъ и 1,300 солдатъ. Какъ ни ужасна потеря 4,000 солдатъ въ подобныхъ обстоятель-

---

([1]) „С.-Петербургскія Вѣдомости.“ 1854 г. № 253.

([2]) „Русскій Инвалидъ“ 1854 г. № 263.

ствахъ, но намъ остается прибавить о печальнѣйшемъ еще, можетъ быть, событіи: герцогъ *Нью-Кестль* уже сообщилъ публикѣ, что генералы сэръ *Дж. Броунъ*, *Адамсъ*, *Бентинкъ*, *Буллеръ* и *Торренсъ* находятся въ числѣ раненыхъ. Чтобъ приготовить друзей къ оффиціальному извѣстію, министръ почелъ нужнымъ исключить изъ депеши лорда *Раглана* статью о смерти генераловъ *Каткарта*, *Гольди* и *Странгвейса*. Для знающихъ англійскую армію, имена эти лучше цифръ доказываютъ, въ какой жестокой борьбѣ мы теперь находимся. Генералъ *Канроберъ* раненъ. Англійская гвардія много претерпѣла. Англійская армія уменьшилась до 12,000 человѣкъ (¹)».

Лондонъ, 23-го ноября. Во вчерашнемъ чрезвычайномъ нумерѣ «Лондонской Газеты» напечатано оффиціальное донесеніе лорда *Раглана* о сраженіи 5-го ноября со списками потерь, которыхъ результатъ слѣдующій: убито 462 человѣка, изъ которыхъ 43 офицера; ранено 1,952, изъ которыхъ 103 офицера; безъ вѣсти пропало 198 и 1 офицеръ (²).

По письму константинопольскаго корреспондента газеты «Times», отъ 5-го октября (24-го ноября), у англійской арміи было въ то время въ скутарійскихъ госпиталяхъ 3,000 больныхъ, изъ которыхъ около 1,500 помѣщались въ большихъ казармахъ, 800 въ собственно называемомъ госпиталѣ, а отъ 500 до 600 на турецкомъ линейномъ кораблѣ, стоящемъ передъ сераломъ и предоставленномъ турецкимъ правительствомъ англичанамъ для помѣщенія въ немъ выздоравливающихъ. Англійскій комендантъ получилъ приказаніе принять раненыхъ въ дѣлѣ 25-го (13-го) октября при Балаклавѣ (они прибыли въ Константинополь, но еще не могли быть всѣ высажены по причинѣ бурной погоды), и приготовиться къ принятію еще 1,000 челов. Помянутый корреспондентъ сообщаетъ, что болѣзни усиливаются въ войскахъ подъ Севастополемъ, страшно терпящихъ отъ хо-

(¹) „Сѣверная Пчела.“ 1854 г. № 260.
(²) „Сѣверная Пчела.“ 1854 г. № 263.

лода и мороза во время ночей. Газетѣ «l'Etoile Belge» пишутъ изъ Парижа, отъ 16-го (4-го) ноября: Письма, полученныя нами сегодня съ Востока, содержатъ въ себѣ множество подробностей относительно событій, уже извѣстныхъ. Я видѣлъ частное письмо отъ одного офицера, описывающаго въ немъ терпѣніе и мужество, съ какимъ армія переноситъ испытываемыя ею страданія всякаго рода. Больше всего терпитъ она отъ холода. Дровъ нѣтъ совсѣмъ, и разводить бивуачные огни невозможно.

Въ окрестностяхъ позиціи, занимаемой арміями, всего нѣсколько небольшихъ частицъ лѣса, только что достаточныхъ для варки пищи; парусина, подъ которою спятъ солдаты, защищаетъ ихъ очень плохо. Англичане терпятъ болѣе насъ: они не привезли съ собою палатокъ, какъ наши войска. Извѣстно, что въ Африкѣ французскіе полки привыкли носить палатки съ собою. Эти палатки состоятъ изъ двухъ кусковъ холста и четырехъ кольевъ, и подъ каждой изъ нихъ спятъ по 4 человѣка.

Въ телеграфической депешѣ изъ Лондона, отъ 18-го (6-го) ноября, полученной въ Берлинѣ, сообщаютъ, что лордъ *Рагланъ* произведенъ королевою въ фельдмаршалы. По прямымъ извѣстіямъ изъ Крыма отъ 5-го ноября (24 октября), англичане потеряли въ тотъ день убитыми и ранеными 102 офицера и 2,500 чел. нижнихъ чиновъ, а французы 43 офицера и 1,300 чел. нижнихъ чиновъ, всего до 4,000 человѣкъ. Потеря англичанъ чувствительна особенно тѣмъ, что они лишились девяти генераловъ. Храбрый генералъ-лейтенантъ сэръ Дж. *Каткартъ*, начавшій свое военное поприще въ битвѣ при Лейпцигѣ, сражавшійся съ честію при Ватерлоо и въ Канадѣ, счастливо окончившій послѣднюю войну съ кафрами, и едва успѣвшій возвратиться съ мыса Доброй Надежды въ отечество, командовалъ одною изъ дивизій корпуса англійскихъ войскъ въ Крыму и имѣлъ отъ роду 62 года, но былъ еще такъ свѣжъ и бодръ, какъ сорокалѣтній мужчина. Смерть бригадныхъ генераловъ *Страйнгвейса* и *Гольди* тоже весьма чувствительна для англичанъ; оба они принадлежали къ числу офицеровъ способнѣйшихъ. Сэръ Джоржъ *Броунъ*,

одинъ изъ лучшихъ генераловъ, какими владѣетъ въ настоящее время Англія, тяжело раненъ; у него отнята рука, и Англія надолго лишена услугъ его.

Сэръ де Леси *Эванс* боленъ въ слѣдствіе паденія съ лошади; 4 другіе генерала (*Адамсъ. Бентинкъ*, *Буллеръ* и *Торренсъ*) ранены; холодный ночной воздухъ распространяетъ между войсками злокачественные поносы. Севастопольскій гранитъ держится крѣпко: русскіе одушевлены мужествомъ и рѣшимостью.

О положеніи дѣлъ подъ Севастополемъ краснорѣчивѣе всѣхъ частныхъ извѣстій говоритъ послѣдняя депеша лорда *Раглана*, отъ 3-го ноября (22-го октября). Британскій военачальникъ пишетъ, что онъ былъ бы спокойнѣе, если бы имѣлъ у себя въ распоряженіи болѣе силъ, для прикрытія своей позиціи, которой угрожаетъ большая опасность. По этому лордъ *Рагланъ*, 3-го ноября (22-го октября), не былъ нисколько спокоенъ относительно участи Балаклавы и своей арміи. Когда онъ говоритъ такъ въ депешѣ, назначенной для публики, и когда англійское правительство находитъ себя вынужденнымъ обнародовать такія депеши, что же, послѣ этого, онъ говоритъ въ своихъ частныхъ донесеніяхъ правительству? Изъ писемъ, полученныхъ англійскими газетами отъ ихъ крымскихъ корреспондентовъ, но непростирающихся, впрочемъ, далѣе 3-го (22-го октября), заимствуемъ слѣдующія подробности: 28-го (16-го) октября, къ французамъ и англичанамъ были присоединены, для работъ въ траншеяхъ, 1,600 турокъ. Сначала тяжка была для нихъ эта работа; но, потомъ, они кое какъ привыкли къ ней и теперь усердно помогаютъ своимъ союзникамъ. Диссентерія и тифозная горячка свирѣпствуетъ, однакожъ, въ ихъ рядахъ. Сухопутныя войска до сихъ поръ зовутъ турокъ бонно-Джонни, но матросы, со времени дѣла при Балаклавѣ, гдѣ турки такъ проворно показали пятки, называютъ ихъ не иначе, какъ но-бонно-Джонни. Сэръ Колинъ *Кемпбель* имѣетъ теперь у себя подъ начальствомъ 600 челов. турокъ; но лорду *Раглану* стоило большаго труда уговорить храбраго шотландца принять

ихъ подъ свою команду. Очень холодныя ночи породили въ войскахъ союзниковъ сильные поносы, такъ что ежедневно приходится отправлять въ госпиталь человѣкъ по 100. Выздоравливающіе не довольно многочисленны для пополненія убыли. Пожаровъ въ осажденномъ городѣ болѣе не видно: наши ракеты и бомбы перестали производить свое дѣйствіе. Изъ англійскаго лагеря можно замѣтить, съ помощію хорошихъ зрительныхъ трубъ, что всѣ двери и оконныя рамы изъ домовъ вынуты. То же сдѣлано, вѣроятно, и съ внутренними деревянными частями жилыхъ домовъ, такъ что теперь городъ безопасенъ отъ огня. Одинъ изъ офицеровъ французскаго лагеря подъ Севастополемъ пишетъ: англичане сильно страдаютъ отъ холода и очень боятся его. Въ ихъ лагерѣ чрезвычайно раздражены противъ бѣднаго маршала *Сентъ-Арно*, котораго они почитаютъ виновникомъ экспедиціи. Вслѣдствіе одной холодной ночи, 23-го (11-го) октября, англичане отправили въ балаклавскій лазаретъ слишкомъ 500 человѣкъ больныхъ. Извѣстно, что изъ четырехъ редутовъ, взятыхъ генераломъ *Липранди* при Балаклавѣ, три редута брошены турками при первой атакѣ русскихъ. Турокъ сильно порицаютъ за это, но ихъ начальникъ, *Сулейманъ-паша*, первый подалъ имъ примѣръ трусости, притворясь больнымъ и возвратившись въ Константинополь. Къ несчастію *Сулейманъ-паши*, турецкій военный министръ понялъ эту продѣлку и представилъ султану докладъ, вслѣдствіе котораго *Сулейманъ-паша*, начальникъ крымскаго 10-тысячнаго корпуса турецкихъ войскъ, «разжалованъ въ рядовые». Тріестской газетѣ пишутъ изъ Константинополя, что, въ послѣднее время, туда привезено изъ подъ Севастополя такое множество больныхъ, что въ тамошнихъ госпиталяхъ нѣтъ болѣе мѣста.

По извѣстію, сообщаемому константинопольскимъ корреспондентомъ газеты «Times», генералъ *Канроберъ* равномѣрно раненъ въ сраженіи 5-го ноября (24 го октября). Англійская гвардія сильно пострадала. Англійскія газеты говорятъ, что, со времени битвы при Ватерлоо, британ-

ская армія еще никогда не терпѣла такой тяжкой потери (¹).

Новая прусская газета, въ нумерѣ 21 (9-го) ноября, разсуждая о сраженіи 5 ноября (24 октября), говоритъ, что, по ея разсчету, въ этомъ сраженіи участвовало не болѣе 31.000 человѣкъ русской пѣхоты, тутъ же считая и войска генерала *Тимоѳеева*, тогда какъ остальные 36,000 человѣкъ (тоже по разсчету новой прусской газеты) или вовсе не участвовали въ дѣлѣ, или производили демонстрацію къ Кадыкіою. Изъ этого помянутая газета заключаетъ, что князь *Меншиковъ*, 5 ноября (24 октября), вовсе не имѣлъ намѣренія нанести рѣшительный ударъ непріятелю, какъ, напримѣръ, отбросить его къ морю, ибо, иначе, онъ не ввелъ бы въ огонь лишь меньшую половину своей пѣхоты. «Поэтому», говоритъ новая прусская газета, «сраженіе 5 ноября (24 октября), было и останется не инымъ чѣмъ, какъ вылазкою, произведенною въ возможно-обширномъ размѣрѣ. Должно предположить, что 4 англійскія и подоспѣвшія къ нимъ на помощь 2 французскія дивизіи были по крайней мѣрѣ равны въ числѣ 29,000 русскихъ, атаковавшихъ правый флангъ союзниковъ. При этомъ у союзниковъ была та выгода, что они занимали высоты и могли противопоставить свои осадныя батареи русскимъ полевымъ батареямъ. Тѣмъ не менѣе, изъ донесенія самого лорда *Раглана* видно, что бой продолжался почти цѣлый день, съ перемѣннымъ успѣхомъ. Обстоятельство, что русскіе не могли удержаться на позиціи, которою они овладѣли сначала, еще отнюдь не доказываетъ безуспѣшности предпріятія вообще, если смотрѣть на него съ истинной точки, т. е. какъ на вылазку. Цѣль вылазокъ, какъ извѣстно, заключается единственно въ томъ, чтобы мѣшать осаднымъ работамъ непріятеля заклепывать орудія и проч., а также доказывать ему способность гарнизона къ сопротивленію, что, разумѣется, не можетъ дѣйствовать на непріятеля ободрительно. Этотъ

(¹) „Русск. Инв." 1854 г. № 258.

результатъ удачной вылазки достигнутъ княземъ *Меншиковымъ*. Замѣтимъ еще, что отступленіе русскихъ должно было совершиться въ наилучшемъ порядкѣ, ибо, не смотря на всѣ затрудненія, представляемыя неровною мѣстностію, они не потеряли ни одной пушки, а чувствительная потеря, понесенная непріятелемъ, отняла у него охоту преслѣдовать ихъ». Въ телеграфической депешѣ изъ Константинополя отъ 9 ноября (28 октября), опредѣляютъ потерю англичанъ въ дѣлѣ 5 ноября (24 октября), въ 2,000 человѣкъ убитыхъ и раненыхъ; потеря французовъ была еще неизвѣстна; генералы *Каткартъ*, *Гольди и Странгвейсъ* убиты; генералъ *сэръ Джонъ Броунъ* тяжело раненъ въ руку, генералы *Буллеръ*, *Пеннефетеръ и Адамсъ* тоже ранены; подъ *герцогомъ Кембриджскимъ* убита лошадь (1).

Въ новой прусской газетѣ пишутъ изъ Лондона: Полученныя здѣсь частныя письма изъ Крыма изображаютъ положеніе тамошнихъ дѣлъ самыми мрачными красками. Неудовольствіе и безнадежность въ англійскомъ лагерѣ велики. Они заразили уже лагерь французскій. Въ англійской гвардіи осталось всего на-всего 480 чел., остальные или убиты, или въ лазаретахъ.

Въ «Аугсбургской Газетѣ» пишутъ, изъ Константинополя, отъ 13 (1) ноября. Здѣсь съ безпокойствомъ предлагаютъ себѣ вопросъ: какую пользу принесло союзникамъ кровопролитное сраженіе 5 ноября (24 октября)? Конечно, русскіе понесли, можетъ быть, большую потерю, нежели союзники, и были принуждены отступить, но они возвратились на свои прежнія позиціи, а эти позиціи возлѣ самаго Севастополя и Балаклавы! Они вознаградятъ свою потерю и могутъ возобновить свои нападенія всякій разъ, когда почтутъ то нужнымъ. А могутъ ли союзники, которые изъ осаждающихъ превратились теперь въ осажденныхъ, постоянно отражать эти нападенія? Могутъ ли они такъ скоро вознаграждать свои потери какъ русскіе? Нельзя болѣе скрывать: положеніе союзниковъ отчаянное.

(1) „Русскій Инвалидъ“ 1854 г. № 251.

Снять осаду и удалиться изъ Крыма они уже не могутъ; сѣсть на суда въ Балаклавѣ имъ невозможно уже теперь. Они должны остаться близъ Севастополя. Но если они и возьмутъ городъ, лежащій на южной сторонѣ гавани, что тогда? Тогда ихъ будутъ громить въ выжженомъ городѣ, изъ орудій приморскихъ фортовъ, между тѣмъ, какъ извнѣ станетъ тѣснить ихъ русская армія. Мы не видимъ почти никакой возможности спасенія. По извѣстію сообщаемому въ Тріестскомъ наблюдателѣ, Сулейманъ-паша, разжалованный изъ генераловъ въ рядовые, безъ выслуги, посланъ изъ Константинополя опять въ Крымъ, чтобы служить тамъ до окончанія похода, въ качествѣ простаго солдата. Войска, участвовавшія въ дѣлѣ при Балаклавѣ, были не тунисцы, какъ говорили сначала, а опытные египтяне, которые, при начальникѣ болѣе способномъ, обнаружили бы, конечно, большую стойкость (сперва они были турки, потомъ тунисцы, теперь египтяне). Никто не хочетъ принадлежать къ отряду защищавшему балаклавскіе редуты. Не мѣшаетъ замѣтить, впрочемъ, что главный редутъ былъ защищаемъ, сколько было возможно, и что, если русскіе такъ скоро взяли его, то въ этомъ виноваты уже не турки, а стремительный ничѣмъ неудержимый натискъ храбраго Азовскаго полка. Что устрашенные турки бросили другіе редуты, а не легли до послѣдняго, чтобы дать англичанамъ время подоспѣть къ нимъ на помощь, это, конечно, не дѣлаетъ чести ни имъ, ни тунисцамъ, ни египтянамъ, кто бы ни защищалъ эти редуты. Французскій «Мониторъ», какъ было говорено, сообщаетъ телеграфическую депешу изъ Тераціи отъ 16 (4) ноября, въ которой сказано: съ 5 числа (24 октября), подъ Севастополемъ не произошло ничего важнаго. За исключеніемъ огня батарей, осадныя дѣйствія прерваны. Невольно спрашиваешь: почему «Мониторъ» не описываетъ рода этихъ дѣйствій яснѣе и не говоритъ, по какой причинѣ онѣ прерваны? Или ему неловко сознаться, что севастопольская мѣстность не допускаетъ правильной осады, и что, слѣдовательно, всѣ осадныя работы англо-французовъ были напрасны. Французскіе полковники *Трошю* (генеральнаго

штаба, адъютантъ генерала *Канробера*), *Лебефъ* (начальникъ штаба артиллеріи восточной арміи) и *Тренье* (*Мартенпре?*) (начальникъ главнаго штаба той же арміи) произведены въ бригадные генералы.

Газета «Patrie», говоритъ, что въ дѣлѣ 5 ноября (24 октября), генералъ *Канроберъ* контуженъ въ руку. Что касается до принца Наполеона, то онъ, во весь этотъ день, не сходилъ съ коня, управляя движеніями обѣихъ бригадъ своей дивизіи, изъ которыхъ одна дѣйствовала вмѣстѣ съ осадною арміею, а другая оставалась при наблюдательномъ корпусѣ въ резервѣ Принцъ чувствовалъ себя не здоровымъ уже въ продолженіе нѣсколькихъ дней, а въ этотъ день, вѣроятно отъ напряженія силъ, болѣзни его увеличились до того, что главный врачъ арміи и врачъ 3 дивизіи должны были предписать ему отправиться. для пользованія, въ Константинополь. По извѣстію, сообщаемому въ «Тріестской Газетѣ», въ лагерѣ союзниковъ происходило, послѣ сраженія 5 ноября (24 октября), большое военное совѣщаніе, по окончаніи котораго были отправлены англійскій, французскій и турецкій курьеры. Изъ Константинополя пишутъ отъ 13 (1) ноября: Правительство приказало изготовить для войска въ Крыму 10,000 палатокъ.

Третьяго дня, не вдалекѣ отъ Дарданелъ, брошены на берегъ три французскія и одно сардинское суда, нагруженныя военными запасами. Въ Адріанополь прибыло 5 (?) французскихъ кавалерійскихъ полковъ, кромѣ того, ожидаютъ значительныхъ подкрѣпленій для крымской пѣхоты. Оттуда же пишутъ, что бывшій начальникъ турецкихъ войскъ въ Крыму. Сулейманъ паша, а также и адъютантъ его, за самовольное оставленіе своего поста, слѣдствіемъ чего было пораженіе тунисскихъ войскъ 25 (13) октября и дальнѣйшія несчастія испытанныя въ этотъ день союзниками, приговорены были военнымъ судомъ къ разстрѣлянію, и что султанъ даровалъ имъ жизнь и замѣнилъ эту казнь семилѣтнею работою въ арсеналѣ въ оковахъ. Кажется довольно страннымъ, однако, приписывать

потерю союзниками 4 редутовъ и пораженіе англійской кавалеріи самовольной отлучкѣ изъ Крыма начальника турецкихъ войскъ и его адъютанта. Извѣстно, что всѣми дѣйствіями въ Крыму управляютъ французскій и англійскій главнокомандующіе, и что турецкіе генералы играютъ при этомъ весьма незавидную роль ([1]).

Въ «Journal d'Odessa» сообщаютъ слѣдующее мѣсто изъ письма полученнаго изъ Севастополя, отъ 3 (15) ноября 24 октября (5 ноября): нашъ полкъ (Минскій) вышелъ изъ Севастополя и стремительно бросился на французскія батареи. Тутъ произошла ужасная схватка, закипѣлъ рукопашный бой, при чемъ мы овладѣли окопами и заклепали 11 пушекъ. На нашу яростную атаку французы отвѣчали самымъ упорнымъ сопротивленіемъ. Когда же французскія войска, съ своей стороны, атаковали насъ нѣсколькими колоннами, и когда мы отступили къ городу, тогда наши батареи открыли огонь и произвели въ непріятельскихъ рядахъ страшное опустошеніе; наши штыки довершили остальное. Солдаты наши были до такой степени ожесточены, что почти никому не давали пощады, потому, по своемъ возвращеніи въ городъ, мы не мало удивились, увидя, что одинъ изъ нихъ несетъ на плечахъ тѣло убитаго французскаго офицера. На вопросъ, зачѣмъ съ собою взялъ онъ этотъ трупъ, онъ отвѣчалъ: «затѣмъ, что это былъ, какъ я замѣтилъ въ схваткѣ, офицеръ очень храбрый, который ранилъ у насъ нѣсколько человѣкъ и одного убилъ; тогда я положилъ его на мѣстѣ. Онъ перекрестился передъ смертью, а потому и стоитъ похоронить его вмѣстѣ съ нашими. Въ самомъ дѣлѣ на другой день этотъ офицеръ былъ похороненъ съ военною почестью ([2]).

Со времени сраженія при Балаклавѣ. 25-го (13) октября, турки не внушаютъ къ себѣ никакого уваженія, и при Инкерманѣ они совсѣмъ не были употребляемы въ дѣло. Ихъ надобно кормить, между тѣмъ какъ состояніе дорогъ

([1]) „Русск. Инвал." 1854 г. № 261.
([2]) „Русскій Инвалидъ" 1854 г. № 275.

уже дѣлаетъ затруднительнымъ перевозку нашихъ собственныхъ запасовъ. Турки, своимъ неопрятствомъ, сдѣлали Балаклаву почти негодною къ обитанію, и если тифозная горячка распространится на союзниковъ, то слѣдствія будутъ ужасны. И такъ, во имя человѣчества, лучше было бы отправить ихъ назадъ въ Константинополь, Варну или Батумъ.

Корреспондентъ одной марсельской газеты пишетъ изъ Константинополя отъ 1-го декабря: «Герцогъ Кембриджскій прибылъ сюда въ понедѣльникъ (27 ноября нов. ст.) ввечеру съ своими адъютантами. Здѣсь распространились неблагопріятные слухи о болѣзни принца. Кажется, что въ инкерманскомъ дѣлѣ онъ не соглашался на движеніе, произведенное генераломъ *Каткартомъ* и подвергшее опасности одну англійскую дивизію. Послѣ кончины генерала *Каткарта*, герцогъ, не смотря на всю свою прежнюю оппозицію, бросился впередъ, желая раздѣлить участь своихъ ратныхъ товарищей. Герцогъ оказалъ чудеса храбрости: подъ нимъ убито нѣсколько лошадей, мундиръ его пробитъ пулями, и, избавившись отъ смерти, онъ видѣлъ, какъ вокругъ него умирали многіе офицеры, бывшіе его друзьями и товарищами. Это печальное зрѣлище такъ сильно поразило герцога, что съ тѣхъ поръ онъ находится въ состояніи величайшаго умственнаго раздраженія, которое, вѣроятно, пройдетъ послѣ нѣсколькихъ дней отдохновенія (¹).

Въ Mornig Advertiser, 15 декабря, пишутъ. Съ удовольствіемъ сообщаемъ, что здоровье герцога *Кембриджскаго* поправилось въ такой степени, что скоро можно будетъ его видѣть командующимъ своею дивизіею въ Крыму. Мы полагаемъ, что въ эту минуту онъ уже при своей дивизіи... Мы положительно знаемъ, что не эпизоды битвы произвели разстройство умственныхъ способностей, сдѣлавшихъ принца неспособнымъ къ отправленію службы. За нѣсколько дней до сраженія онъ подвергся припадку нервической лихорадки. Но нѣтъ сомнѣнія, что ужасное пораженіе соотв-

---

(¹) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 280.

чественниковъ его и потеря друзей, къ которымъ онъ былъ искренно привязанъ, способствовали усиленію его болѣзни (¹).

Изъ Парижа пишутъ въ Кельнской Газетѣ: «Извѣстіе о разстройствѣ мозга герцога Кембриджскаго, по прибытіи его въ Мальту, по видимому подтверждается. Въ письмахъ, полученныхъ нами сегодня изъ Англіи, сообщаютъ о скоромъ возвращеніи его въ отечество и упоминаютъ о сильной ссорѣ, происходившей между герцогомъ и лордомъ *Рагланомъ* по случаю дурнаго будто бы употребленія дивизіи перваго изъ нихъ при сраженіи 5-го ноября (инкерманскомъ). Адъютантъ генерала *Ламотъ-Ружа* пишетъ къ проживающему здѣсь отцу своему, что изъ союзнаго лагеря отправленъ былъ въ Брестъ корабль съ 38-ю офицерами и солдатами (офицеровъ больше нежели солдатъ) которые всѣ находятся въ совершенномъ сумасшествіи. Впрочемъ если инкерманское сраженіе произвело подобное дѣйствіе на мозгъ нѣкоторыхъ воиновъ, то принцъ Наполеонъ не принадлежитъ къ этому числу: онъ еще боленъ, но страдаетъ желудкомъ. Увѣряютъ, что генералъ *Канроберъ* неоднократно настаивалъ на отозваніи принца (²).

Въ Лондонской Газетѣ обнародована депеша лорда *Раглана*, отъ 11-го ноября, которою фельдмаршалъ сообщаетъ имена офицеровъ, отличившихся въ сраженіи при Инкерманѣ. «Во 2-й дивизіи сказано въ донесеніи, съ которою я, какъ уже вамъ извѣстно, выдержалъ первое нападеніе и весь день былъ въ огнѣ, число отличившихся офицеровъ весьма велико. Всѣ полковые командиры сей дивизіи были убиты или ранены, а во многихъ случаяхъ были ранены и тѣ, которые заняли ихъ мѣста. Что же касается до 4-й дивизіи, то въ рядахъ ея смерть также собрала обильную жатву. Генералъ-лейтенантъ *Каткартъ* и бригадный генералъ *Гольди*, которые, какъ извѣстно, оба убиты, и тяжело раненъ бригадный генералъ *Торренсъ*. Въ числѣ убитыхъ

(¹) «Сѣверная Пчела» 1854 г. № 281.
(²) «Сѣверн. Пчела» 1854 г. № 275.

находится подполковникъ *Чарльсъ*, шотландскаго гвардейскаго полка; онъ служилъ въ штабѣ сэра Дж. *Каткарта* на Мысѣ Доброй Надежды и послѣдовалъ за нимъ въ Крымъ въ званіи втораго адъютанта ([1]).

Въ Fremdenblatt, по извѣстіямъ изъ Варны, сообщаютъ слѣдующій невѣроятный и однако же буквально вѣрный случай, что третья часть солдатъ, раненыхъ въ дѣлѣ 5-го ноября и привезенныхъ въ Варну, были перевязаны въ первый разъ не прежде прибытія въ этотъ городъ. Тысячи больныхъ и раненыхъ привозятся туда изъ гаваней Чернаго моря на военныхъ пароходахъ для перевозки ихъ въ босфорскіе госпиталя; недостатокъ врачей весьма тамъ чувствителенъ ([2]).

Отъ 16 (числа) по телеграфу. Отъ лорда *Раглана* получена депеша, отъ 6-го числа, о кровопролитномъ сраженіи бывшемъ наканунѣ. Онъ сознается, что потеря англичанъ была весьма сильная (не показывая однако же, сколько именно). Въ этой же депешѣ сказано, что ранены пять генераловъ, но не опасно ([3]).

Лондонъ 17-го ноября. Англійское министерство получило извѣстіе, что въ сраженіи 5-го числа (24-го октября) при Севастополѣ, убиты генералъ-лейтенантъ *Каткартъ* (смерть этого отличнаго офицера, пользовавшагося особою дружбою *Веллингтона*, будетъ большою потерею для англійской арміи) и бригадные генералы *Странгвейсъ* и *Гольди*.

Телеграфическою депешею изъ Марсели, сообщаютъ извѣстія (привезенныя пароходомъ Синай) изъ Константинополя отъ 5-го числа, а изъ Крыма отъ 3-го. Кажется, что были сдѣланы всѣ приготовленія, чтобъ штурмовать Севастополь 5-го числа, именно въ тотъ день, когда линіи союзниковъ были атакованы русскими ([4]).

Въ письмѣ изъ Варшавы въ Soldatenfreund говорятъ о

([1]) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 271.
([2]) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 262.
([3]) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 255.
([4]) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 256.

сраженіи 24-го октября (5-го ноября): Съ самаго начала осады это сраженіе было важнѣйшее. Оказывается, что русскіе вовсе не упали духомъ послѣ дѣла при Альмѣ и храбро начали наступательныя дѣйствія. Если сраженіе 5-го числа не имѣло существенныхъ результатовъ, если правое крыло осаждающихъ успѣло удержаться въ своей позиціи, то подробности этого боя подтверждаютъ, что только часть севастопольскаго гарнизона и прочихъ русскихъ войскъ участвовала въ атакѣ, а союзники должны были употребить всѣ свои силы, чтобъ противустать имъ. Слѣдственно, союзники могли убѣдиться, что въ подобномъ положеніи дѣлъ общій приступъ не можетъ имѣть ни малѣйшей надежды на успѣхъ. Ихъ Императорскія Высочества Великіе Князья Николай Николаевичъ и Михаилъ Николаевичъ принимали блистательное участіе въ кровопролитномъ бою 5-го числа и братски раздѣлили честь и славу съ своими бранными товарищами [1].

Въ Neue Preussische Zeitung 21-го ноября помѣщена новая статья о битвѣ 24-го октября (5-го ноября). Разсчитывая, что князь *Меншиковъ* употребилъ въ этомъ сраженіи менѣе половины наличныхъ войскъ своихъ, въ сей газетѣ полагаютъ, что русскій главнокомандующій не могъ имѣть намѣренія дать непріятелю рѣшительную битву, и что сраженіе это въ существѣ было вылазкою, хотя и въ большихъ размѣрахъ, а потому ничто не доказываетъ, чтобъ предпріятіе не удалось, если смотрѣть на оное съ настоящей точки зрѣнія, т. е. какъ на вылазку, имѣвшую одну цѣль—прервать работы непріятеля, заколотить пушки и проч. и доказать ему силу сопротивленія гарнизона, что всегда производитъ неблагопріятное дѣйствіе надъ осаждающими. Князь *Меншиковъ* достигъ этого результата удачною вылазкой. «Печальный законъ войны, говорятъ въ Прусской газетѣ, въ заключеніе требуетъ, чтобъ большое пожертвованіе людей не всегда доставляло непосредственную и очевидную выгоду. Утѣшеніе въ этомъ случаѣ—столь

(1) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 258.

же печальное — состоитъ въ томъ, что непріятель понесъ такую же потерю. Мы еще замѣтимъ, что отступленіе русскихъ совершилось въ величайшемъ порядкѣ, потому что, не смотря на мѣстныя затрудненія, они не потеряли ни одной пушки (1).

По телеграфическому извѣстію, въ Монитерѣ, 22-го ноября напечатано донесеніе генерала *Канробера* о сраженіи 5-го числа. Въ семъ донесеніи сказано, что французы потеряли 1726 челов. убитыми и ранеными и сообщено о смерти генерала *Лурмеля*, отъ сильной раны, а также объ одномъ убитомъ полковникѣ. (Въ этомъ донесеніи генералъ *Канроберъ* не говоритъ о собственной своей ранѣ, о которой положительно объявлено въ «Journal de Constantinople» и въ «Times».

Лондонъ, 22-го ноября. Въ вечернемъ изданіи лондонской газеты напечатана депеша лорда *Раглана* о сраженіи 5-го числа, въ которомъ потеря англичанъ исчислена: убитыми 43 офицера и 416 нижнихъ чиновъ, а раненыхъ и безъвѣсти пропавшихъ 2131 человѣкъ (2).

Изъ Парижа пишутъ въ Аугсбургской газетѣ отъ 12 ноября: «какъ ни бѣдны заключенія, которыя можно вывести изъ обнародованныхъ французскимъ правительствомъ депешъ, столь явно страдающихъ недостаткомъ откровенности, однакоже, при всемъ томъ, можно съ увѣренностью утверждать, что 5-го ноября осаждающіе Севастополь должны были употребить въ дѣло *всѣ свои силы*, чтобы отразить *нападеніе* со стороны осажденныхъ. Такимъ образомъ противники начинають мѣняться ролями, а можетъ быть вскорѣ и совершенно помѣняются ими, такъ-что союзникамъ придется заботиться уже не о продолженіи осады, а только о своемъ собственномъ спасеніи, потому что, во всякомъ случаѣ, они не могутъ возвратиться безъ огромныхъ матеріяльныхъ потерь, не говоря о потеряхъ нравствен-

---

(1) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 260.
(2) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 261.

ныхъ. Изъ депешъ генерала *Канробера* видно, что, въ 250 шагахъ отъ восточныхъ траншей, осаждающіе встрѣтили каменную почву, изъ толстаго третичнаго слоя; слѣдовательно, о подкрѣпленіи нападенія трудными подземными работами не можетъ быть и рѣчи. Первые транспорты съ французскими вспомогательными войсками, которымъ дано приказаніе немедленно отправиться изъ Тулона (двѣ дивизіи *Дюлана* и *Сале*) могутъ прибыть къ Херсонесскому мысу не ранѣе 22 ноября. Вообще силы осаждающихъ, по видимому, истощены до крайности, потому что, какъ видно изъ того же донесенія генерала *Канробера*, онъ по возможности старается избѣгать наступательныхъ дѣйствій. Въ той же газетѣ замѣчаютъ, что французовъ подъ Севастополемъ вдвое-болѣе, чѣмъ англичанъ, и это обстоятельство отчасти подтверждаетъ, какъ мало послѣдніе имѣютъ права на рѣшительный голосъ въ континентальныхъ вопросахъ (¹).

Вотъ нѣкоторыя изъ подробностей дѣйствій англійскихъ войскъ въ послѣдней битвѣ подъ Севастополемъ, сообщаемыя корреспондентомъ газеты «Times». «Накунѣ ночью дождь лилъ почти безпрерывно и раннее утро не предвѣщало, чтобы ливень прекратился. Около разсвѣта, на возвышенія и Инкерманскую долину палъ сильный туманъ. Солдаты, находившіеся на пикетахъ, промокли до костей, и, не смотря на всѣ предосторожности, оружіе ихъ отсырѣло. Нѣтъ ничего удивительнаго, что нѣкоторые изъ нихъ не были такъ бдительны, какъ слѣдуетъ быть часовому въ виду непріятеля. Не надо забывать, что наши легкія войска совершенно истомились безпрерывными трудами, и что нерѣдко на передовые посты посылаютъ такихъ создатъ, которые далеко не отдохнули отъ работы въ траншеяхъ или отъ исполненія полковыхъ своихъ обязанностей. Когда развѣло, туманъ и испаренія отъ проливнаго дождя были такъ густы, что съ трудомъ можно было разсмотрѣть въ двухъ шагахъ. Въ 4 часа послышал-

(¹) „Спб. Вѣд." 1854 г. № 257.

ся изъ Севастополя благовѣстъ колоколовъ, но мы такъ привыкли къ этому, что не обратили особеннаго вниманія на это обстоятельство. Однако же въ продолженіе ночи, сержантъ, находившійся на одномъ передовомъ пикетѣ легкой дивизіи и обладавшій чуткимъ ухомъ, слышалъ шумъ колесъ, поднимавшійся изъ низу долины: ему казалось, что шумъ какъ бы приближался къ возвышенію, на которомъ пикетъ помѣщался. Онъ довелъ объ этомъ обстоятельствѣ до свѣдѣнія маіора *Бембери*; шумъ этотъ объяснили движеніемъ подводъ съ военными запасами, которыя тянулись въ Севастополь по инкерманской дорогѣ. Никому не приходило и въ голову, что огромныя массы русскихъ взбирались по крутымъ откосамъ возвышеній, господствующихъ надъ Инкерманскою долиною, во флангъ второй дивизіи, не имѣвшей никакой защиты. Такимъ образомъ всѣ воображали себя въ безопасности. Покоившіяся войска не думали, что неутомимые русскіе подвозили къ ихъ лагерю сильную артиллерію, чтобы на разсвѣтѣ открыть огонь по ихъ палаткамъ. Надо замѣтить, что сэръ де-Леси *Эвансъ* давно уже убѣдился въ беззащитномъ положеніи этой части нашей позиціи, и неоднократно представлялъ объ этомъ тѣмъ, обязанность которыхъ охранять насъ отъ угрожающихъ опасностей. Это была единственная мѣстность, гдѣ русскіе могли напасть на насъ въ расплохъ, потому что рвы и неровности почвы, находящіеся въ значительномъ числѣ, на откосѣ холма по направленію къ долинѣ, шли до самой вершины, къ противоположной сторонѣ которой прилегалъ нашъ лѣвый флангъ, но онѣ не были укрѣплены ни пушками, ни ретраншаметами, ни какимъ либо другимъ образомъ. Каждый чувствовалъ справедливость представленій де-Леси *Эвансa* главному начальству объ этомъ предметѣ, но нерадѣніе или непомѣрная самоувѣренность ведутъ къ медлительности или равнодушію. Наконецъ на этомъ мѣстѣ построили батарею, но она еще не была вооружена пушками, потому сэръ Леси *Эвансъ* былъ того убѣжденія, что двѣ пушки, на подобной позиціи, безъ всякихъ сооруженій для защиты ихъ, повлекутъ за собою одно нападеніе

и взятіе со стороны русскихъ. Въ дѣлѣ 25 го (13-го) октября, они попробовали уже свои силы на подобномъ мѣстѣ, но теперь нѣтъ сомнѣнія, что это была только одна рекогносцировка, и что русскіе ожидали подкрѣпленій, чтобы атаковать позицію въ томъ мѣстѣ, гдѣ они всего болѣе могли причинить намъ вреда. Большая отвѣтственность лежитъ на тѣхъ, нерадѣніе которыхъ дало русскимъ возможность напасть на насъ тамъ, гдѣ мы наименѣе были приготовлены. Если бы приняты были во-время предосторожности, много бы спасено было драгоцѣнныхъ намъ жизней. Въ инкерманской битвѣ нѣтъ ничего для насъ радостнаго. Мы ни на шагъ не подвинулись ближе къ Севастополю, между тѣмъ потерпѣли страшный урокъ. Въ началѣ шестаго часа бригадный генералъ *Кондрингтонъ* посѣтилъ, согласно своему обыкновенію, передовые пикеты своей бригады легкой дивизіи. Ему донесли, что «все обстоитъ благополучно», и генералъ вступилъ въ разговоръ съ капитаномъ *Претиманомъ*, въ продолженіе котораго кто-то замѣтилъ, что нѣтъ ничего удивительнаго, если русскіе воспользуются сегодняшнимъ утреннимъ туманомъ и сдѣлаютъ нападеніе на нашу позицію, особенно если принять въ разсчетъ дождь, который препятствуетъ нашей бдительности и дѣлаетъ негоднымъ наше оружіе. Наконецъ генералъ поворотилъ свою лошадь и пустился обратно къ своимъ войскамъ. Едва онъ проѣхалъ нѣсколько шаговъ, какъ внизу холма, на лѣво отъ пикетовъ легкой дивизіи, раздался сильный ружейный огонь. Тамъ помѣщались пикеты второй дивизіи. Генералъ *Кондрингтонъ* тотчасъ же поворотилъ коня по направленію къ тому мѣсту, гдѣ слышались выстрѣлы, и черезъ нѣсколько мгновеній поскакалъ назадъ, чтобы поднять свою дивизію. Русскіе двигались на насъ въ большомъ числѣ. Сѣрыя ихъ шинели скрывали ихъ отъ глазъ даже въ то время, когда они подошли къ намъ совершенно близко. Едва только пикеты второй дивизіи усмотрѣли передовые ряды русской пѣхоты, которая подъ мелкимъ дождемъ взбиралась по крутымъ откосамъ возвышенія, какъ сильный ружейный огонь русскихъ заставилъ отступить наши передовые посты до

самой вершины возвышенія. Вскорѣ послѣ того произведено нападеніе на пикеты легкой дивизіи; они также принуждены были отступить къ главнымъ нашимъ силамъ. Сдѣлалось ясно, что сильная вылазка произведена на правое крыло союзной арміи. Въ это же самое время, русскою кавалеріею, артиллеріею и небольшимъ числомъ пѣхоты, сдѣлана была демонстрація въ долинѣ противъ Балаклавы, чтобъ развлечь французовъ, находящихся на господствующихъ надъ нею возвышеніяхъ и занять шотландскую бригаду и морскихъ солдатъ. Извѣстія съ одной позиціи на другую передавались русскими посредствомъ морскихъ телеграфовъ. Пароходъ съ пушками весьма большаго калибра и мортирами поставленъ ночью въ углубленіи инкерманской бухты, и въ теченіе дня нанесъ намъ много вреда огромными гранатами, которыя онъ бросалъ прямо въ средину нашихъ рядовъ. Въ нашемъ лагерѣ солдаты только что вступили было въ борьбу съ дождемъ, пытаясь зажечь свои огни для завтрака, какъ поданъ сигналъ, что русскіе приближаются въ значительномъ числѣ. Бригадный генералъ *Пеннефазеръ*, командовавшій 2-ю дивизіею за болѣзнію сэра Десси *Эванса*, тотчасъ же выстроилъ войска. Одна бригада, подъ начальствомъ бригаднаго генерала *Адамса*, состоящая изъ 41, 47 и 49 го полковъ, двинута на вершину возвышенія, чтобъ воспрепятствовать наступленію русскихъ. Другой бригадѣ, подъ начальствомъ самого *Пеннефазера*, состоящей изъ 30, 55 и 95-го полковъ, назначено дѣйствовать во флангъ. Они были встрѣчены страшнымъ огнемъ гранатъ и ядеръ изъ пушекъ, поставленныхъ на возвышеніяхъ, находящихся впереди нашего праваго крыла. Между тѣмъ тревога распространилась во всемъ лагерѣ. Сэръ Джоржъ *Каткартъ* выстроилъ ту часть своей дивизіи, которая не занята была въ траншеяхъ, и повелъ части 20, 21, 46, 57, 63 и 68 полковъ противъ русскихъ, направляя свои войска налѣво отъ того мѣста, которое было занято колоннами 2-й дивизіи. Сэръ Джоржъ *Броунъ* бросился впередъ съ частію фузилернаго полка и 19, 23, 33, 77 и 88 полками, находящимися подъ командою бригадировъ *Кондрингтона* и *Буллера*. На пути

своемъ, они попали вдругъ подъ огонь русскихъ, которыхъ было не видно. Утро было по прежнему пасмурно. Потоки дождя падали посреди тумана и сдѣлали почву вязкою, какъ бы только что вспаханное поле. Русскіе наносили страшный вредъ нашимъ передовымъ колоннамъ. Когда, такимъ образомъ, вся армія приведена была въ движеніе, герцогъ *Кембриджскій* не отсталъ отъ другихъ, выведя гвардію, состоящую подъ командою бригадира *Бентинка*, такъ какъ шотландцы находились въ Балаклавѣ. Эти войска бросились на возвышенія, занятыя уже русскими. Третья дивизія, подъ командою сэра *Ингленда*, также находилась подъ ружьемъ, какъ резервъ. Часть ея также введена была въ послѣдствіи въ дѣло. Теперь-то началась борьба, кровопролитнѣйшая изъ всѣхъ когда либо происходившихъ. Нѣсколько разъ принуждены мы были отражать штыками русскихъ. Они атаковали насъ съ невѣроятною силою и рѣшимостью. Инкерманское сраженіе нельзя описывать. Это былъ рядъ геройскихъ подвиговъ, кровавыхъ рукопашныхъ схватокъ, отчаянныхъ нападеній, скрытыхъ отъ всѣхъ людскихъ взоровъ, въ которыхъ какъ британскій, такъ и русскій побѣдитель тотчасъ же бросался впередъ, чтобъ сразиться на смерть съ новымъ врагомъ. Между тѣмъ нельзя было разсмотрѣть и части дѣяній этого достопримѣчательнаго дня: дождевыя испаренія, туманъ и мгла до такой степени покрывали то пространство земли, гдѣ происходило сраженіе, что ничего нельзя было разсмотрѣть въ нѣсколькихъ шагахъ. Кромѣ того, этому много содѣйствовало неправильное свойство почвы и быстрое понижение мѣстности по направленію къ Инкерману. Было 6 часовъ, когда ружейные залпы, слѣдовавшіе одинъ за другимъ на правомъ крылѣ, и выстрѣлы изъ левыхъ орудій подняли все въ лагерѣ главной квартиры. Лорду *Раглану* донесли, что русскіе двигаются впередъ въ значительныхъ силахъ, и въ началѣ восьмаго онъ поѣхалъ на мѣсто дѣйствія, сопровождаемый своимъ штабомъ, сэромъ Джономъ *Бургоиномъ*, бригаднымъ генераломъ *Странгвейсомъ* и многими адъютантами. На пути оглушительный и неумолкаемый громъ пушечныхъ и ружейныхъ выстрѣловъ

далъ имъ знать. что сраженіе въ самомъ разгарѣ. Гранаты русскихъ, которыя они бросали съ большою мѣткостью, сыпались такъ близко отъ нашихъ войскъ, что тяжелые осколки наносили смерть во всѣхъ направленіяхъ. Какъ скоро туманъ нѣсколько разсѣялся и дозволилъ русскимъ увидать лагерь второй дивизіи, они открыли огонь ядрами и большими гранатами по палаткамъ. Палатка за палаткой повергались на земь, разрывались на части, взлетали на воздухъ; лагерная прислуга и лошади были перебиты или переранены. Наши генералы не знали куда двинуться. Они не могли сказать. гдѣ были русскіе, откуда они пришли, куда направляются. Сэръ Джоржъ *Каткартъ*, видя что солдаты его приведены въ безпорядокъ русскою пѣхотою. взявшею ихъ съ фланга, съѣхалъ въ оврагъ, гдѣ они сражались, и собралъ ихъ. Въ то же время онъ замѣтилъ, что русскіе завладѣли частію холма, находившагося въ тылу его дивизіи. Онъ сталъ въ главѣ этой дивизіи, ободряя ее, и когда ему закричали, что не достаетъ боевыхъ снарядовъ, онъ хладнокровно отвѣтилъ: «Развѣ у васъ нѣтъ штыковъ»? Въ то время, какъ *Каткартъ* велъ своихъ солдатъ. открылось, что какое то войско завладѣло вершиною холма, находившагося за нами направо, но не было никакой возможности рѣшить. были-ли это друзья или враги. Вдругъ смертоносный залпъ поразилъ наши нестройные полки. Сэръ Джоржъ *Каткартъ* съ крикомъ ура! повелъ ихъ обратно на холмъ подъ градомъ пуль. но. смертельно раненый, упалъ въ самомъ близкомъ разстояніи отъ русскихъ колоннъ. Солдатамъ его пришлось пробиваться сквозь ряды русскихъ, причемъ наши страшно пострадали. Они были окружены и атакованы штыками со всѣхъ сторонъ; наконецъ пробились, но число ихъ сильно уменьшилось: они потеряли около 500 человѣкъ. Тѣло сэра Джоржа *Каткарта* было найдено потомъ;—онъ раненъ пулею въ голову и въ трехъ мѣстахъ штыками. Въ этой схваткѣ были также смертельно ранены полковникъ *Свайни*, лейтенантъ *Даулингъ*. маіоръ *Вайнъ* и бригадиръ *Гольди*. Битва на правомъ крылѣ была равнымъ образомъ кровопролитна и шла съ перемѣннымъ

успѣхомъ. Въ легкой дивизіи, 88 полкъ такъ далеко ушелъ впередъ, что былъ окруженъ и приведенъ въ крайнее разстройство. Русскіе особенно мѣтили въ офицеровъ, находившихся на лошадяхъ. Сэръ Джорджъ *Броунъ* былъ пораженъ ядромъ, оторвавшимъ ему руку и ранившимъ его въ бокъ. Когда я несъ раненаго генерала на носилкахъ, съ чувствомъ сожалѣнія смотрѣлъ я на его блѣдное и суровое лицо. Убѣленные сѣдинами волосы сэра *Броуна* волновались по волѣ вѣтра. Въ немъ мы лишились отличнаго воина. Далѣе направо происходила отчаянная схватка, между нашими гвардейцами и колоннами русской пѣхоты. Русскіе взяли ихъ во флангъ. Гвардейцы истратили всѣ свои заряды и бились на штыкахъ, не зная, друзья или непріятель у нихъ позади. Вдругъ другая колонна русскихъ показалась на правомъ ихъ крылѣ и осыпала ихъ страшнымъ картечнымъ и ружейнымъ огнемъ. Гвардейцы были сломлены; они потеряли 12 офицеровъ убитыми и половину своихъ солдатъ и возвратились по дорогѣ, лежащей внизу по долинѣ. Французы пришли къ намъ на помощь не ранѣе десяти часовъ (1).

Корреспондентъ газеты «Herald» слѣдующимъ образомъ описываетъ видъ поля сраженія по окончаніи последней битвы подъ Севастополемъ: «Вечеромъ послѣ сраженія, я отправился на поле сраженія. Между нашими палатками лежало множество убитыхъ и раненыхъ, посреди которыхъ находилось большое, слишкомъ большое число тѣлъ зуавовъ и солдатъ французской линейной пѣхоты. Всѣ наши раненые были уже перевезены, раненыхъ русскихъ также подбирали. Наши солдаты приносили имъ воды, клали ранцы подъ голову, доставали одѣяла, чтобы прикрыть ихъ отъ сырого ночнаго воздуха. Нѣсколько выше ряда палатокъ, находилось возвышеніе, господствующее надъ инкерманскою гористою мѣстностію. На этомъ мѣстѣ союзная артиллерія помѣрилась силами съ непріятельскою артиллеріею. Зрѣлище здѣсь было невыносимо. Ничего не можетъ быть ужаснѣе вида тѣлъ, изуро-

(1) „Спб. Вѣд.“ 1854 г. № 263. „Московскія Вѣдомости“ 1854 г. № 142.

дованныхъ ядрами и гранатами. Одинъ бѣднякъ изъ 95-го полка пораженъ былъ двумя 24-хъ-фунтовыми ядрами въ голову и въ корпусъ. Послѣ того надъ нимъ лопнула еще граната и разорвала его въ куски. Только по остаткамъ платья, на которомъ уцѣлѣло еще нѣсколько пуговицъ съ полковымъ нумеромъ, вы могли бы опредѣлить, что эта безобразная окровавленная масса, лежащая на дорогѣ, была нѣкогда разумнымъ существомъ. Но оставимте эти страшныя подробности; довольно сказать, что здѣсь, посреди какихъ нибудь 200 убитыхъ и раненыхъ лошадей, лежатъ тѣла нашихъ англійскихъ и французскихъ артиллеристовъ, которые всѣ болѣе или менѣе страшно изувѣчены. У однихъ оторваны головы по самую шею, какъ будто отрублены топоромъ, у другихъ ноги, руки, другіе поражены въ грудь или животъ и казались какъ будто сплющенными въ машинѣ. Пробираясь между грудами убитыхъ по дорогѣ, ведущей къ Севастополю, вы подходите къ тому мѣсту, гдѣ гвардейцы принуждены были отступить отъ защищаемыхъ ими укрѣпленій, находящихся надъ инкерманскою долиною. Здѣсь число нашихъ убитыхъ было такъ же велико, какъ у непріятеля. Вдоль дороги, одинъ подлѣ другаго, лежали пять гвардейцевъ, убитыхъ однимъ и тѣмъ же ядромъ, когда они шли въ атаку противъ непріятеля. Всѣ они лежали въ одинаковомъ положеніи, обхвативъ ружья обѣими руками; на лицахъ у всѣхъ ихъ изображалось то же суровое выраженіе. Здѣсь находилось также множество убитыхъ и раненыхъ лошадей. Послѣднія, съ перебитыми ногами, подымались иногда съ земли и, протащась нѣсколько шаговъ, съ страшнымъ ревомъ падали снова на землю. Направо шла дорога къ двухъ-пушечной батареѣ. Путь лежалъ густымъ хворостникомъ и былъ залитъ кровью; хворостникъ во многихъ мѣстахъ былъ сломанъ и заваленъ убитыми. Видъ съ батареи былъ ужасенъ. Часовъ въ девять вечеромъ, я вошелъ на брустверъ батареи, и, когда взглянулъ на окружающее меня кровавое зрѣлище, сердце мое сжалось. Мѣсяцъ стоялъ въ полномъ блескѣ; было свѣтло какъ днемъ. Передо мною разстилалась инкерманская долина, рѣчка Черная медлен-

но катила серебристыя свои волны между возвышеніями, которыя, по разнообразію своему и живописности, могутъ соперничать съ любою изъ самыхъ красивыхъ мѣстностей въ свѣтѣ. Но инкерманская долина будетъ всегда представляться моему воображенію въ соединеніи съ чувствомъ ужаса и отвращенія. Вокругъ того мѣста, на которомъ я стоялъ, лежало до 5 тысячъ тѣлъ. Между ними находилось также множество смертельно раненыхъ. Малѣйшія ихъ стенанія въ предсмертной агоніи долетали до слуха съ страшной ясностью, но еще ужаснѣе было храпѣніе и отчаянная борьба съ смертію тѣхъ, которые умирали въ конвульсіяхъ. Вокругъ возвышенія виднѣлись группы въ нѣсколько человѣкъ, отыскивающихъ, съ носилками, раненыхъ; въ другихъ мѣстахъ мелькали фонари, которыя подносили къ лицамъ убитыхъ, отыскивая тѣла офицеровъ. Были здѣсь и англійскія женщины, мужья которыхъ не возвратились. Онѣ оглашали воздухъ своими громкими рыданіями, обращали лица нашихъ убитыхъ къ свѣту луны, торопливо отыскивая то, что боялись найти. Какъ скоро походные лазареты явились, они тотчасъ же нагружены были страдальцами. Даже одѣяла были употреблены въ дѣло, чтобы переносить раненыхъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поля, убитые лежали цѣлыми грудами. Многіе изъ нихъ перешли въ вѣчность съ улыбкою на устахъ, и, казалось, только что заснули; напротивъ того, лица другихъ были страшно искривлены, глаза открыты. Нѣкоторые лежали какъ бы приготовленные къ погребенію, другіе находились въ полустоячемъ положеніи или на колѣнахъ. Лунный свѣтъ придавалъ ихъ лицамъ неестественную блѣдность (¹).

Англійскій генералъ *сэръ Лесси Эвансъ* сказалъ въ одномъ парижскомъ обществѣ, что покойнаго маршала Сентъ-Арно нельзя назвать отцемъ крымской экспедиціи, потому что въ одинъ и тотъ же день, немедленно послѣ холернаго періода, *Сентъ-Арно* и лордъ *Рагланъ* получили пред-

(¹) „С.-Петерб. Вѣдом." 1854 г. № 266.

писаніе завоевать Крымъ и Севастополь. Въ военномъ совѣтѣ, гдѣ поданы были знаменитые «робкіе совѣты», разсуждали не о самомъ предпріятіи, а о способѣ приведенія его въ исполненіе. Генералъ увѣряетъ, что въ инкерманскомъ сраженіи участвовало не болѣе 30 тысячъ русскихъ, и что потери англичанъ и французовъ гораздо значительнѣе тѣхъ, которыя обнародованы; особенно огромна смертность между ранеными ([1]).

С.-Петербургъ, 18-го декабря. Въ «Journal de St.-Pétersbourg» напечатано: «Въ послѣднее время, въ англо-французскихъ газетахъ и даже въ парламентѣ раздавались упреки въ жестокости, которыми враги наши осыпали наши храбрыя войска, сражающіяся въ Крыму. Старались увѣрить публику, будто бы наши солдаты добивали раненыхъ, лежавшихъ на полѣ сраженія. Намъ извѣстно, что князь *Меншиковъ* рѣшительно отвѣчалъ на это гнусное обвиненіе. Достаточно будетъ напомнить, что великодушіе и сострадапіе суть качества, всѣми приписываемыя русскому народу, и что писатели, самые непріязненные къ нему, никогда не думали оспаривать у него этихъ качествъ. Кто повѣритъ, чтобы народъ, у котораго прекрасное правило — *лежачаго не бьютъ* — вошло въ пословицу, могъ быть способенъ къ подобнымъ жестокостямъ! Присовокупимъ, однакожь, что если мы громко опровергаемъ обвиненіе, взводимое на нашу храбрую армію вообще, мы нисколько не думаемъ распространить это оправданіе на какіе-нибудь частные случаи, которые, по несчастію, могли встрѣтиться и которымъ, еслибы они дошли до свѣдѣнія военнаго начальства, былъ бы положенъ конецъ со всею строгостію нашей дисциплины. Притомъ, случаи эти, если они и встрѣчались, должны быть преимущественно приписаны раздраженію, возбужденному въ нашихъ войскахъ образомъ дѣйствій союзныхъ армій. Не забудемъ, что русскій солдатъ сражается за свою родную землю, свою отчизну, на которыя нападаютъ иноземцы, союзники вра-

([1]) „С.-Петерб. Вѣдом.“ 1854 г. № 286.

говъ христіанства, противники, не уважающіе ни церквей, ни монастырей, ни святыхъ колоколовъ, и что эти посягательства на святыню онъ почитаетъ святотатствомъ, требующимъ отмщенія. Нельзя не признаться, что разграбленіе херсонесской церкви, этого древняго храма, разграбленіе, которое наши войска видѣли съ севастопольскихъ бастіоновъ, раздражило ихъ до крайности и по весьма справедливой причинѣ. Сопротивленіе народа, защищающаго самые священные, самые дорогіе его сердцу предметы, Вѣру и Родину, часто принимаетъ свирѣпый характеръ, соразмѣрно съ положеніемъ дѣлъ. Притомъ, почему не указать также на образъ дѣйствій нашихъ враговъ? Почему не сказать, напримѣръ, что, въ сраженіи 24-го октября, англо-французскіе стрѣлки, не имѣя возможности устоять противъ напора нашихъ штыковъ, притворялись ранеными и бросались на землю, а потомъ, когда наши храбрыя войска проходили впередъ, приподнимались и посылали въ слѣдъ имъ пули? Дѣйствій, подобныхъ тѣмъ, о которыхъ мы упомянули, достаточно, чтобъ объяснить ожесточеніе русскаго солдата.

«Въ заключеніе напомнимъ еще, что если наши противники такъ охотно обвиняютъ насъ въ жестокости, то ихъ собственные плѣнные отдаютъ намъ бо́льшую справедливость. Начальники союзныхъ армій получили отъ князя *Меншикова* самыя неопровержимыя доказательства этой истины (1)».

Извлеченіе изъ письма изъ Севастополя, отъ 30-го октября 1854 г.

«Новая Прусская Газета» сообщаетъ слѣдующее извлеченіе изъ письма, полученнаго изъ Севастополя, отъ 12-го ноября (30-го октября): «Русскіе одушевлены такимъ боевымъ жаромъ, что ихъ едва можно удержать въ госпиталѣ. Въ вылазкахъ нерѣдко участвуютъ матросы, у которыхъ отнята нога, на костыляхъ. Я видѣлъ одного, ра-

(1) „Русскій Инвалидъ“ 1854 г. № 284.

ненаго въ бокъ осколкомъ бомбы и контуженнаго въ лобъ камнемъ; его отнесли въ госпиталь, но онъ ни за что не хотѣлъ лечь, говоря, что чувствуетъ себя хорошо, и что ему нужны только одинъ или два дня покоя. Въ самомъ дѣлѣ, онъ тайкомъ ушелъ изъ госпиталя и отправился на свою батарею. Я могъ бы привести еще множество примѣровъ мужества и хладнокровія, которыми отличаются особенно моряки наши. Одинъ изъ матросовъ находился въ пороховомъ погребѣ въ ту минуту, когда туда упала бомба: онъ имѣлъ присутствіе духа оторвать отъ нея горящій фитиль и выбѣжать съ нимъ изъ погреба. Двое другихъ, увидѣвъ, что бомба упала на ихъ батарею, бросились на фитиль и затушили его своимъ тѣломъ. Одинъ изъ морскихъ канонировъ былъ пораженъ непріятельскимъ ядромъ въ то время, когда онъ старался подбить непріятельскую пушку, которая сильно досаждала ему. Указавъ на эту пушку смѣнявшему ему канониру, онъ сказалъ съ величайшимъ хладнокровіемъ: «Когда я ворочусь, Ванюша, и ты все еще не сбавишь съ нея спѣси, то ужь на меня не пѣняй».... Одна матросская дѣвушка, лѣтъ 20-ти или 22-хъ, потерявшая при Синопѣ отца, а потомъ лишившаяся и матери, посвятила себя служенію раненымъ ([1]). При Альмѣ она разносила солдатамъ хлѣбъ и вино, а послѣ того не покидала здѣшняго госпиталя и ревностно ухаживали за приносимыми туда ранеными. Она прислуживаетъ хирургамъ при операціяхъ, подаетъ имъ инструменты, связываетъ артеріи и спитъ съ 5-го ноября (24-го октября) на голомъ полу, потому что уступила постель свою одному изъ раненыхъ ([2]).

Оффиціальныя извѣстія о положеніи дѣлъ подъ Севастополемъ 25-го — 31-го октября.

Генералъ-адъютантъ князь *Меншиковъ* донесъ Государю Императору, отъ 27-го октября (8-го ноября), что осадныя

([1]) Извѣстная Дарья севастопольская.
([2]) «Русскій Инвалидъ» 1854 г. № 276.

работы противъ Севастополя продолжались. Не смотря на огонь непріятельскихъ батарей, преимущественно направленный на бастіонъ № 4-го, всѣ наносимыя нашимъ укрѣпленіямъ поврежденія исправляются успѣшно, а войска по прежнему одушевлены геройскимъ мужествомъ. Непріятель сильно укрѣпляетъ правый флангъ своей позиціи (¹)».

Изъ донесеній генералъ-адъютанта князя *Меншикова* отъ 31-го октября (12-го ноября) видно, что осадныя работы непріятеля противъ Севастополя нисколько не подвинулись, и что укрѣпленія наши по прежнему съ успѣхомъ выдерживали огонь осаждающихъ. Каждую ночь не только всѣ поврежденія были у насъ исправляемы, а подбитыя орудія замѣнялись другими, но во многихъ частяхъ средства защиты еще вновь усилены. Между тѣмъ непріятель продолжалъ укрѣплять свой правый флангъ до самой Балаклавы (²).

ИЗЪ ПОХОДНЫХЪ ВОСПОМИНАНІЙ О КРЫМСКОЙ ВОЙНѢ.

Дѣло 13-го октября на Кадыкіойскихъ высотахъ возвѣщено было началомъ нашихъ наступательныхъ дѣйствій. Всѣ съ тревожнымъ нетерпѣніемъ ждали окончательнаго прибытія войскъ 4-го корпуса, вполнѣ увѣренные, что съ прибытіемъ этихъ войскъ должно произойдти что нибудь серьезное. Высадка союзниковъ, альмское дѣло, а потомъ обложеніе и бомбардированіе Севастополя, были до такой степени для всѣхъ неожиданны, что прежнія убѣжденія о собственной непобѣдимости смѣнились убѣжденіями совершенно противоположными; но успѣхъ 13-го октября значительно возвысилъ упавшій духъ войскъ. Если уже не было такихъ, которые бы по прежнему легкомысленно относились къ нарѣзнымъ ружьямъ и штуцерамъ пожаловавшихъ гостей; то за то не было и такихъ, которые видѣ-

(¹) „Русск. Инвал." 1854 г. № 247.
(²) „Русск. Инвал." 1854 г. № 251.

ли бы въ непріятелѣ несокрушимую силу. Впечатлѣнія альмскаго погрома почти изгладились отъ впечатлѣній нашихъ недавнихъ маленькихъ успѣховъ. Съ напряженнымъ, но невѣроятнымъ нетерпѣніемъ ждали всѣ начала дѣйствій; всѣ понимали серьезность имѣющаго быть неизбѣжно столкновенія и относились къ наступающимъ событіямъ солидно, безъ прежняго самообольщенія, но и безъ недовѣрія къ самимъ себѣ. Однимъ словомъ, духъ войскъ, эта нравственная сила, дѣлающая иногда чудеса безъ штуцеровъ и нарѣзныхъ пушекъ, въ арміи былъ вполнѣ удовлетворителенъ. 22-го октября подошли послѣдніе эшелоны находившихся въ движеніи войскъ, а 24-го октября всѣ нетерпѣливыя ожиданія, всѣ сомнѣнія и всѣ надежды грустно разрѣшились катастрофой на Инкерманскихъ высотахъ. Громадны были послѣдствія этой катастрофы, и не столько въ матеріальномъ, сколько въ нравственномъ отношеніи. Семь или восемь тысячъ выбывшихъ изъ строя безполезно, конечно, несчастіе великое; но все еще бѣда поправимая, а непоправимо было то, что на Инкерманскихъ высотахъ подорвано было довѣріе массъ къ тѣмъ, кто долженъ былъ этими массами руководить. Войска не упали духомъ, потому что въ свои собственныя, дѣйствительно громадныя, силы вѣры не утратили; но, не довѣряя болѣе разумному ихъ направленію, перестали ждать успѣховъ и разсчитывали на однѣ неудачи. Недовѣріе это желчно высказывалось при каждомъ удобномъ случаѣ. Тысячи анектодовъ и разсказовъ, распространившихся въ арміи, послѣ инкерманскаго сраженія, могутъ служить подтвержденіемъ этого. Въ каждомъ изъ этихъ анекдодовъ и расказовъ слышна была безпощадная насмѣшка надъ всѣми нашими намѣреніями и планами и какое-то злорадное самоосужденіе. Образовалась цѣлая стихотворная литература въ этомъ родѣ. Наконецъ, всѣмъ извѣстно, что наша полумилліонная армія едва насчитывала три-четыре имени, которымъ вѣрила и которыя дѣйствительно были популярны.

Вотъ это то настроеніе арміи, при тогдашнемъ несчаст-

номъ положеніи дѣлъ, дѣйствительно было не поправимо, а потому и имѣло громадную важность.

24-го октября, я былъ въ отрядѣ генерала Л., расположенномъ противъ Сапунъ горы, по лѣвому берегу Черной рѣчки. Нашему отряду, по диспозиціи, назначено было производить демонстрацію и перейдти въ серьезное наступленіе въ случаѣ успѣха нашихъ войскъ на Инкерманѣ. Но потому ли, что мы уже слишкомъ откровенно производили демонстрацію, или почему нибудь иному, только непріятель догадался, что изъ нашей тучи громъ не грянетъ. Въ силу, вѣроятно, этой догадки, генералъ *Боске*, оставивъ противъ нашего весьма сильнаго отряда самую незначительную часть войскъ, со всей почти своей дивизіей поспѣшилъ на помощь къ англичанамъ, въ то время уже почти разбитымъ нашими войсками. Помощь оказалась какъ разъ во время и мгновенно дала сраженію тотъ печальный исходъ, который въ настоящее время всѣмъ извѣстенъ.

А со стороны нашего отряда такъ грозы и не было.

Въ продолженіе всей драмы, разыгрывавшейся почти въ виду нашемъ на Инкерманѣ, мы самымъ комфортабельнымъ образомъ демонстрировали. Впрочемъ у насъ было не безъ суеты. Вотъ что разсказывали въ отрядѣ на другой день послѣ сраженія.

Отрядъ нашъ состоялъ подъ начальствомъ князя Г.; но князь былъ только начальникомъ по названію, а дѣйствительнымъ начальникомъ отряда былъ генералъ Л....н. Во время самаго дѣла князю захотѣлось полюбопытствовать и поближе взглянуть, какъ расположенъ нашъ правый флангъ, хотя собственно въ этомъ любопытствѣ никакой надобности не предстояло. Взявъ 5 или 6 казаковъ, нѣсколькихъ ординарцевъ и двухъ адъютантовъ, князь отправился. Черезъ нѣсколько времени прискакалъ во весь карьеръ къ генералу Л. одинъ изъ ординарцевъ князя.

— Что такое? спросилъ немного встревожившись всегда хладнокровный Л.

— Князь проситъ ваше превосходительство подкрѣпить

правый флангъ, Одесскій полкъ обходятъ, проговорилъ торопливо ординарецъ.

Л. удивился. Онъ никакъ не вѣрилъ въ возможность обхода нашего праваго фланга и вполнѣ былъ убѣжденъ, что князь что нибудь спуталъ; но не исполнить приказанія его, не рѣшился. Наскоро собранный небольшой отрядъ, съ нѣсколькими легкими орудіями, былъ немедленно посланъ по указанію ординарца, и послѣ этого все по прежнему успокоилось. Вскорѣ пріѣхалъ и самъ его сіятельство. Онъ подошелъ къ Л. и сказалъ:

А тамъ непріятель хотѣлъ обойдти нашъ правый флангъ... Послали вы подкрѣпленіе?

— Послалъ, ваше сіятельство: но я рѣшительно не понимаю, гдѣ вы могли замѣтить непріятеля, отвѣчалъ Л.

— Какъ гдѣ?... Да вонъ посмотрите, непріятельская кавалерія и теперь еще стоитъ на прежнемъ мѣстѣ.

Л. взялъ трубу и, посмотрѣвъ по указанію князя, засмѣялся.

— Ну что? спросилъ нетерпѣливо князь.

— Да вѣдь это наши драгуны, ваше сіятельство, отвѣчалъ сдержанно Л.

— Драгуны?... ну можетъ быть и драгуны... А я признаться не досмотрѣлъ и принялъ за англичанъ, прахъ ихъ побери! проговорилъ очень спокойно князь.

Если этотъ разсказъ справедливъ, то онъ говоритъ самъ за себя и не нуждается въ комментаріяхъ; если же сочиненъ, что очень можетъ быть, то пусть по этому разсказу читатель судитъ о множествѣ другихъ такихъ же разсказовъ, распространенныхъ въ арміи, въ которыхъ также рельефно выражалось недовѣріе массъ къ своимъ предводителямъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ 24-го числа, я былъ командированъ за полученіемъ денегъ на фуражное и порціонное довольствіе для батарей нашей бригады. Полученіе изъ интендантства денегъ составляло въ то время операцію чрезвычайно трудную и хлопотливую Едва ли какая кампанія представляетъ примѣры такой безурядицы въ продовольствіи арміи, какою отличалась крымская кампа-

нія ([1]). Баснословныя суммы отпускались въ войска, преимущественно на фуражное довольствіе лошадей, а между тѣмъ на глазахъ у всѣхъ лошади дохли отъ голода. Дошло наконецъ до того, что въ ноябрѣ, декабрѣ и январѣ мѣсяцахъ, когда справочныя цѣны возвышены были въ Севастополѣ и окрестностяхъ, на сѣно до 1 р. 20 к. за пудъ и на овесъ до 16 р. за четверть, многія лошади въ полкахъ и артиллерійскихъ батареяхъ по цѣлымъ днямъ не видали ни клочка сѣна, ни зерна овса и поддерживали свое существованіе морскими сухарями, да мелкимъ дубовымъ кустарникомъ, которымъ въ избыткѣ изобиловала мѣстность, занятая нашими войсками. Кормить лошадей вмѣсто сѣна дубьемъ, какъ рельефно выражались наши солдатики, считалось въ то время дѣломъ естественнымъ и хозяйственнымъ. Всѣ, начиная съ главнокомандующаго, это видѣли и всѣ молчали. Преслѣдовать зло нельзя было, потому что это зло застраховано было отъ всякой отвѣтственности сознаніемъ высшихъ властей своей полнѣйшей неспособности продовольствовать армію.

Такое ненормальное положеніе дѣлъ было неизбѣжнымъ слѣдствіемъ прежнихъ распоряженій. До высадки непріятеля; распоряженій по продовольственной части собственно говоря, никакихъ не было. Не было сдѣлано никакихъ заготовленій; о перевозочныхъ средствахъ никто не думалъ; о дорогахъ никто и не вспомянулъ, а объ осенней и зимней распутицѣ, какая бываетъ въ Крыму, вѣроятно никто и не зналъ. Войска жили, какъ въ мирное время, на квартирахъ, получали отъ казны хорошія деньги на фуражъ и мясо и продовольствовались, кто какъ умѣлъ и кто какъ могъ, истощая и безъ того небогатыя средства края. Затрудненія въ продовольствіи обнаружились скоро послѣ высадки и увеличиваясь по мѣрѣ прибытія новыхъ войскъ, съ наступленіемъ распутицы дошли до крайности: оказалось, что перевозочныя средства края почти всѣ по-

---

([1]) По новѣйшимъ извѣстіямъ, даже и въ пресловутой прусской арміи комисаріатскіе и провіантскіе подрядчики и чиновники тоже охулки на себя не кладутъ. П. Б.

треблены войсками еще лѣтомъ, въ слѣдствіе чего доставка фуража на позицію къ Севастополю, гдѣ сосредоточивались главныя наши силы, становилась почти невозможною и обходилась баснословно дорого. Войска начали требовать, чтобъ интендантство арміи доставляло имъ фуражъ въ натурѣ; но интендантство, не имѣя ни запасовъ, ни перевозочныхъ средствъ, конечно не могло и думать объ исполненіи этихъ требованій. Чтобъ вывести интендантство изъ крайняго положенія, въ какомъ оно находилось, главное начальство арміи сдѣлало новую капитальную ошибку. Вмѣсто того, чтобы принять энергическія мѣры къ сформированію запасовъ и перевозочныхъ средствъ, оно вздумало соблазнить командировъ отдѣльныхъ частей назначеніемъ высокихъ цѣнъ, съ тѣмъ чтобы они не отказывались продовольствовать лошадей своимъ попеченіемъ и не требовали бы отъ интендантства фуража въ натурѣ. Мѣра удалась, но гибельныя ея послѣдствія не замедлили обнаружиться. Командиры догадались, что начальство арміи не можетъ доставлять фуража въ натурѣ, и вымогательствамъ ихъ нельзя уже было положить никакихъ предѣловъ. При каждомъ удобномъ случаѣ они грозили отказаться отъ продовольствія лошадей своимъ попеченіемъ и, чтобъ ихъ задобрить, растерявшееся начальство опять должно было прибѣгать къ прежней гибельной мѣрѣ—возвышенію цѣнъ. Такимъ образомъ между начальствомъ и войсками установился не высказанный, но всѣми понятый, договоръ: не требовать отъ интендантства фуража въ натурѣ и за это пользоваться выгодами отъ ненормально возвышаемыхъ цѣнъ, кто какъ умѣетъ и у кого на сколько хватитъ совѣсти. Но и эта палліативная мѣра принесла только зло и никакой пользы. Командиры дѣйствительно не требовали болѣе отъ интендантства фуража въ натурѣ; но за то и лошадей почти вовсе перестали кормить. Дѣло въ томъ, что непомѣрное возвышеніе цѣны потребовало на довольствіе войскъ, въ 5-ть или 6-ть разъ по численности увеличившихся, такіе громады милліоновъ, которыхъ никогда въ достаточномъ количествѣ армія не имѣла. Такимъ образомъ только часть арміи могла полу-

чать деньги на продовольствіе своевременно, тогда какъ остальная часть получала ихъ по истеченіи мѣсяца, а иногда и позже. Весьма естественно, что командиры тѣхъ частей, которымъ интендавство не отпускало ни фуража, ни денегъ, могли уже совершенно безнаказанно держать лошадей на самой строжайшей діетѣ и получать потомъ десятки тысячъ, высчитанныя аккуратнѣйшимъ образомъ по справочнымъ цѣнамъ на овесъ и сѣно.

Вотъ образчикъ, какъ расходовались тѣ громады милліоновъ, которыя такъ ненасытно требовала и поглотила крымская война.

И такъ, въ первыхъ числахъ ноября мѣсяца, я былъ командированъ за полученіемъ изъ интендантства денегъ. Деньги всѣмъ были нужны, а денегъ всегда было мало, слѣдовательно получать ихъ было не легко. Выбравъ изъ заводныхъ казенныхъ лошадей ту, которая была посытнѣе, я, въ сопровожденіи вѣстоваго, рано утромъ выѣхалъ съ позиціи. Погода въ этотъ день была ужасная: дождь, вѣтеръ, густой туманъ и при этомъ грязь по колѣна дѣлали мое путешествіе отвратительно гадкимъ. Предвидя впереди еще много хлопотъ и затрудненій, я проклиналъ свою злосчастную судьбу и едва только къ вечеру добрался до мѣста. Переночевавъ въ грязнѣйшей татарской кофейнѣ, я на другой день имѣлъ удовольствіе услышать хотя не совсѣмъ неожиданный, но все же крайне непріятный отвѣтъ: «нѣтъ денегъ ни гроша». Нужно было снова отправляться верстъ за 30-ть, въ другое интендантское учрежденіе, отпускавшее войскамъ деньги, и я отправился немедленно. Учрежденіе это было расположено въ хорошемъ городѣ, и такъ какъ было болѣе центральное, то я надѣялся получить тамъ деньги безъ задержки и расчитывалъ вмѣстѣ съ тѣмъ денекъ другой отдохнуть въ теплой комнатѣ. Но мои разсчеты и планы не сбылись. Пріѣхавъ въ городъ ночью, я, часовъ въ 9-ть утра, отправился за деньгами. Не смотря на раннюю пору, я уже нашелъ человѣкъ двадцать пріемщиковъ отъ разныхъ частей войскъ. Ихъ озабоченныя лица ясно говорили, что деньги и здѣсь достаются не легко.

— Гдѣ управляющій? спросилъ я чиновника, составлявшаго какую-то вѣдомость на двухъ-аршинномъ листѣ.

— Пожалуйте вотъ въ эту комнату, отвѣчалъ онъ мнѣ и указалъ на плотно притворенную дверь.

Комната, въ которую я вошелъ, была не присутствіе, а что то въ родѣ домашняго кабинета. За письменнымъ столомъ, въ мягкихъ креслахъ, сидѣлъ самъ управляющій: напротивъ его помѣщался усатый гусаръ, а рядомъ сидѣли два пѣхотныхъ офицера, должно быть квартермистры, судя по ихъ щегольскому походному костюму.

— Вы г. управляющій? спросилъ я, вѣжливо обращаясь къ тому, кто сидѣлъ въ мягкихъ креслахъ.

— Точно такъ. Что вамъ угодно?

— Могу ли я получить деньги для бригады №№ по этимъ требованіямъ?

Управляющій взялъ требованія, посмотрѣлъ нѣсколько минутъ на итоги и молча положилъ требованія подъ самый низъ цѣлой груды наваленныхъ на столѣ бумагъ. Я ждалъ.

— Деньги вы получить можете, проговорилъ наконецъ управляющій; но это будетъ зависѣть отъ васъ самихъ, добавилъ онъ глубокомысленно.

— Въ такомъ случаѣ, проговорилъ я обрадовавшись, нельзя-ли поскорѣе? Бригада стоитъ на позиціи, лошади голодаютъ, а мнѣ проживаться въ городѣ дорого.

Управляющій на эти слова не обратилъ по видимому никакого вниманія и оживленно продолжалъ прерванный моимъ приходомъ разсказъ о какой-то блистательно исполненной имъ продовольственной операціи.

— Что же, началъ я снова, когда прикажете явиться за деньгами?

Управляющій прекратилъ разсказъ, но на вопросъ не отвѣчалъ.

— Можетъ быть деньги сейчасъ получить можно?.. Не задерживайте меня, пожалуйста, настаивалъ я.

Управляющій вздохнулъ, потеръ лобъ, какъ будто о чемъ то размышляя, наконецъ, проницательно взглянувъ на меня, хладнокровно спросилъ:

— А вы сколько дадите процентовъ?

Я еще въ первый разъ принималъ деньги въ Крыму и хотя зналъ по наслышкѣ, что эта операція даромъ не дѣлается, однакожъ не могъ допустить такой патріархальной безцеремонности и не вдругъ понялъ вопросъ управляющаго.

— Какіе проценты?.. Съ чего?.. Объяснитесь пожалуйста... проговорилъ я, немного сконфузившись.

— Я спрашиваю васъ, молодой человѣкъ, началъ управляющій наставительнымъ тономъ, сколько вы мнѣ заплатите за тѣ деньги, которыя я прикажу отпустить для батарей вашей бригады? Мнѣ обыкновенно платятъ по 8 процентовъ и болѣе; но вы, артиллеристы, народъ упрямый и любите торговаться... Ну, съ васъ можно взять и подешевле... Однакожъ предупреждаю: менѣе 6% ни за что не возьму, нельзя...

Такой безстыдный и хладнокровный грабежъ вывелъ меня изъ терпѣнія. Я рѣшительно объявилъ, что не только 6-ти, но даже и полъ процента не заплачу, и настойчиво требовалъ, чтобъ деньги были отпущены мнѣ немедленно; въ противномъ случаѣ грозилъ жалобой. Но управляющій, какъ оказалось, былъ обдержанная птица, и запугать его было не легко.

— Не горячитесь такъ, молодой человѣкъ, началъ управляющій своимъ прежнимъ наставительнымъ тономъ. Я съ вами до сихъ поръ говорилъ келейно, такъ сказать по товарищески; а теперь скажу оффиціально, что денегъ вамъ выдать нельзя. Поѣзжайте домой, берите назадъ ваши требованія и объявите вашимъ батарейнымъ командирамъ, что, за неимѣніемъ денегъ, требованій ихъ удовлетворить невозможно.

— Это вздоръ? возразилъ я запальчиво. Мнѣ извѣстно, что у васъ есть восемьсотъ тысячъ...

— Не восемьсотъ, молодой человѣкъ, а только пятьсотъ...

— Ну это все равно...

— Все равно да не одно...

— Однако я не уѣду безъ денегъ, проговорилъ я сер-

дито и рѣшительно. Давайте мнѣ, чортъ возьми, деньги сейчасъ: иначе я донесу рапортомъ о всѣхъ вашихъ продѣлкахъ...

—Ну и чтожъ? перебилъ меня управляющій все тѣмъ же хладнокровно-наставительнымъ тономъ. Эхъ, молодой человѣкъ! Горячки то въ васъ много, а толку мало. Не думаете-ли-вы, что я, прослуживъ 40 лѣтъ, буду рисковать въ такихъ пустякахъ? Взгляните-ка на столъ, — видите какая груда бумагъ! Это все требованія. Ихъ тутъ милліона на полтора, а у насъ всего пятьсотъ тысячъ.... Такъ чтожъ я буду за дуракъ, продолжалъ онъ, вдругъ воодушевившись и вставъ съ креселъ, если буду раздавать эти деньги зря? Нужны деньги—бери, да заплати. Вѣдь я не съ нищаго пользуюсь; ваши командиры не 6%, а чуть не рубль на рубль получаютъ. Такъ чтожъ за грѣхъ?... А въ отвѣтственности я никогда не могу быть, молодой человѣкъ, продолжалъ управляющій прежнимъ мягкимъ тономъ, снова садясь на кресло. Я не Богъ и изъ пятисотъ тысячъ не могу сдѣлать полтора милліона....

Я былъ тогда очень молодъ, очень неопытенъ, и такое нахальное безстыдство не могъ переварить.

— Гг. офицеры, заговорилъ я, едва сдерживая себя, прошу засвидѣтельствовать, что говоритъ г. управляющій....

Пѣхотные промолчали, а гусаръ, улыбаясь и вѣжливо поклонившись, отвѣтилъ:

— Извините, мы въ семейныя дѣла не мѣшаемся.

Управляющій и его собесѣдники весело засмѣялись.

Что мнѣ оставалось дѣлать? Настаивать на отпускѣ денегъ, очевидно, было безполезно, а уѣхать безъ денегъ скверно; платить же 6% я не могъ, потому что не былъ уполномоченъ на то батарейными командирами. Я рѣшился уйти, оставить требованія и написать обо всемъ въ бригаду. Объявивъ управляющему въ вѣжливыхъ выраженіяхъ, что онъ подлецъ, я, взбѣшенный, вышелъ изъ комнаты.

На дворѣ ожидалъ меня одинъ изъ писарей.

— Что, ваше благородіе, деньжонокъ то не получили? спросилъ онъ.

— Не получилъ... Управляющій говоритъ, что нѣтъ денегъ...

— А вы такъ ему и повѣрили?...

— Конечно не повѣрилъ, да что же станешь дѣлать? Насильно изъ ящика денегъ не вытащишь.

— Я, ваше благородіе, научу васъ, что нужно дѣлать.

— Сдѣлай милость, любезнѣйшій, посовѣтуй;—за добрый совѣтъ я поблагодарю тебя.

— Помилуйте, ваше благородіе,—нешто корысть...

— Увѣренъ, увѣренъ! мой любезный; но ради Бога скажи, какъ и гдѣ я могу добыть деньги.

— Только не здѣсь, ваше благородіе. Здѣсь проживите хоть цѣлый мѣсяцъ, гроша даромъ не дождетесь. Пріемщики по здѣшнимъ мѣстамъ все больше кавалеристы, народъ богатый; ну и разумѣется у нихъ съ управляющимъ лады.

— Все это я знаю; но мнѣ-то что же дѣлать? прервалъ я словоохотливаго писаря.

— А мой вамъ совѣтъ: взять обратно требованія и отправляться опять туда-же, откуда пріѣхали.

— Что ты, братецъ?.. Да я только что оттуда,—тамъ ни копѣйки.

— Это вѣрно, а завтра будутъ.

— Какъ такъ?..

— Мы ожидаемъ сегодня изъ Петербурга, заговорилъ уже шопотомъ писарь, два милліона; одинъ останется у насъ, а другой туда посылается. Только вы послушайте меня, не оставайтесь здѣсь,—честью могу завѣрить ваше благородіе, что ни копѣйки не получите.

Хотя некорыстолюбивый писарь былъ, по всей вѣроятности, агентъ управляющаго, сбывавшій съ рукъ не податливыхъ пріемщиковъ, но сообщенное имъ свѣдѣніе было такъ важно для меня, что я тотчасъ вручилъ ему полуимперіалъ и тотчасъ же отправился опять къ управляющему.

— Ну, что, г. артиллеристъ, или передумали? сказалъ онъ мнѣ, когда я вошелъ въ комнату.

— Да, я передумалъ, пожалуйте назадъ мои требованія.

— Вотъ и прекрасно! Лучше вы ничего и придумать не могли. Изъ за чего вамъ, въ самомъ дѣлѣ, хлопотать и проживаться? Прибыли вамъ тутъ нѣтъ никакой, а дать урокъ батарейнымъ командирамъ не мѣшаетъ. Чего они скряжничаютъ? Будто намъ дѣла-то ихъ неизвѣстны... Вотъ ваши требованія; желаю вамъ счастливой дороги.

Я взялъ требованія и поспѣшно вышелъ, не сказавъ ни слова.

Отдѣленіе интендантства, куда я прежде обращался за деньгами, находилось въ городѣ Б., куда я немедленно и отправился. Милліонъ дѣйствительно на другой день привезли, и эта новость не могла остаться тайной для пріемщиковъ. Какъ голодные волки, бросились они на добычу, такъ что, когда я, часу во второмъ пополудни, явился въ отдѣленіе, тамъ уже было человѣкъ до 30-ти пріемщиковъ. Окружая столъ секретаря, они наперерывъ требовали денегъ, стараясь другъ друга перекричать. Только нѣкоторые стояли отдѣльно, порываясь переговорить съ секретаремъ гдѣ нибудь въ сторонѣ, по секрету. Къ этимъ господамъ секретарь былъ особенно внимателенъ, хотя, надо отдать справедливость, онъ былъ достаточно внимателенъ и любезенъ со всѣми.

Управляющій этимъ отдѣленіемъ интенданства былъ человѣкъ уже пожилой, больной и весьма богатый, составившій себѣ состояніе еще въ 1849 году, во время венгерской кампаніи, какой-то мудреною и выгодною операціей.

Назначеніе его въ Крымъ не согласовалось съ его видами. Онъ понималъ, что если это назначеніе не безвыгодно, но за то хлопотливо и отвѣтственно. Не отказавшись отъ него, чтобы не испортить отказомъ своей служебной карьеры, онъ однако же рѣшилъ во что бы то ни стало поскорѣе убраться во свояси. Такъ онъ и дѣйствевалъ. Вѣчно жалуясь на нездоровье, постоянно подвязан-

ный и охающій, управляющій оставилъ въ своемъ завѣдываніи только дѣла самыя важныя и безопасныя, подъ которыя, какъ говорится, шила не подточишь: а всѣ дѣла помельче и хлопотливыя, въ томъ числѣ и раздачу войскамъ денегъ, предоставилъ своему секретарю, человѣку очень ловкому, умному и на видъ чрезвычайно приличному и обязательному. Съ перваго раза никакъ нельзя было разгадать, что за человѣкъ былъ секретарь. Онъ всегда говорилъ бойко, смѣло возставалъ противъ всѣхъ возможныхъ злоупотребленій и вообще казался человѣкомъ современнымъ и умѣренно-либеральнымъ.

- Вотъ видите-ли, господа, проповѣдывалъ секретарь окружавшимъ его пріемщикамъ; вы все на насъ валите, все мы у васъ виноваты, а дѣла то порядкомъ разобрать нехотите. Посудите сами, ну что намъ за расчётъ безъ надобности держать васъ? Если бы мы изъ этого извлекали какія нибудь выгоды,—тогда дѣло другое; но вѣдь вы знаете сами—у насъ дѣла ведутся на чистоту, а не какъ у другихъ. Есть деньги милости просимъ получить; нѣтъ, виноваты не мы, а тѣ кто думаетъ, что возможно на копейки войну вести... Что вамъ угодно? обратился онъ ко мнѣ, замѣтивъ, что я стараюсь поближе протѣсниться къ столу.

— Денегъ для **ой бригады, отвѣчалъ я.

Пожалуйте ваши требованія.... Ну, вотъ слава Богу, и еще прибавка, сказалъ онъ, разсматривая требованія и въ полъ-голоса повѣряя итоги: пять да восемь тринадцать; тринадцать да пятнадцать двадцать восемь, двадцать восемь да одинадцать тридцать девять.... всего около сорока двухъ тысячъ,—знатно!.. Кажется, господа, миліончикъ-то къ завтрашнему вечеру сдѣлается очень тонокъ, да и слава Богу; а то вѣрите ли, какъ только грошъ заведется въ ящикѣ, отъ вашей братьи-пріемщиковъ просто отбою нѣтъ,—такъ и рвутъ на клочки.

— Когда же можно получить деньги? перебилъ я секретаря. Нельзя ли сегодня?

- Сегодня никакъ нельзя. Деньги еще нужно сосчи-

тать, сдѣлать распредѣленія, заготовить ордера,—сами посудите, скоро-ли со всѣмъ этимъ справишься?

— Такъ, по крайней мѣрѣ, нельзя-ли завтра?

— Завтра приходите—посмотримъ. Утро вечера мудренѣе.

Я отправился домой. Дорогою, встрѣтивъ знакомаго артиллериста и разсказавъ ему объ откровенномъ взяточничествѣ, какое въ ходу при отпускѣ денегъ, я выразилъ удовольствіе, что здѣсь, кажется, не такъ.

— Здѣсь дѣйствительно немножко лучше, отвѣчалъ мой знакомый; впрочемъ безъ подачки тоже ничего не сдѣлаешь. Вся разница въ томъ, что, въ другихъ мѣстахъ, требуютъ взятку откровенно и настоятельно, какъ что-то законное, и притомъ не менѣе $6_0/^0$, а здѣсь будутъ васъ водить за носъ вѣжливостями и вниманіемъ до тѣхъ поръ, пока вы не догадаетесь, чего они хотятъ. Впрочемъ здѣсь не такъ грабятъ,—довольствуются тремя процентами и даже менѣе.

— Неужели секретарь беретъ? Онъ съ виду такой приличный.

— Онъ-то и заправляетъ всею операціей. Шельма первой руки и умная бестія.

На другой день утромъ, придя въ отдѣленіе, я обратился къ секретарю.

— Что же мои требованія?...

— По вашимъ требованіямъ деньги еще не готовы; ей Богу, нельзя было.

— Да почему же деньги нельзя выдать мнѣ именно, а другимъ можно? Это что-то странно.

— Экой вы какой неугомонный, съ досадой проговорилъ секретарь. Деньги есть, и вамъ ихъ выдадутъ непремѣнно; но имѣйте маленькое терпѣніе. Сегодня мы удовлетворяемъ только тѣ войска, объ которыхъ имѣемъ предписанія главнокомандующаго, чтобъ разсчитать ихъ немедленно.

Какъ было спорить противъ такихъ аргументовъ! Я согласился ждать до завтра и отъ нечего-дѣлать началъ разсматривать лежавшіе на столѣ заготовленные ордера. Пер-

вое, что мнѣ бросилось въ глаза, это ордеръ о выдачѣ двадцати слишкомъ тысячъ командиру подвижнаго парка, полковнику Х—у, на фуражное продовольствіе лошадей въ ноябрѣ мѣсяцѣ. Это меня изумило. Какимъ образомъ парку, не стоящему даже на позиціи, приказано главнокомандующимъ отпустить деньги на ноябрь, тогда какъ наша бригада, расположенная на позиціи, и при томъ въ виду непріятеля, остается неудовлетворенною еще за октябрь, а нѣкоторыя батареи даже за сентябрь мѣсяцы. Я взялъ ордеръ и, показавъ его секретарю, спросилъ:

— Объясните пожалуйста, что это такое значитъ? Неужели правда, что князь предписалъ выдать деньги подвижному парку на ноябрь, тогда какъ войска, расположенныя на позиціи, голодаютъ, не получая денегъ за октябрь и даже за сентябрь?

Секретарь сконфузился и, взявъ изъ рукъ моихъ бумагу, съ досадой проговорилъ:

— Сдѣлайте одолженіе, не трогайте бумагъ. Вамъ сказано, что получите деньги завтра, чего же больше? А ты чего смотришь, болванъ, продолжалъ онъ сердито, обращаясь къ провинившемуся писарю. Хоть всѣ бумаги растащи, тебѣ и горя мало, скотина!

Положивъ отобранный у меня ордеръ на свой письменный столъ, секретарь успокоился и обратился ко мнѣ уже съ прежнею любезностію:

— Извините, поручикъ, но ей Богу нельзя не выдти изъ терпѣнія. Помѣщеніе у насъ, видите, какое маленькое, бумажнаго хламу на столахъ цѣлые возы навалены. Не будешь требовать отъ этихъ скотовъ порядку, такъ и толку не доберешься.

— Извините и меня за то, что я нарушаю неумышленно вашъ порядокъ; но ради Бога, скажите мнѣ положительно, когда я могу получить деньги. Требованія мои до сихъ поръ лежатъ у васъ на столѣ, а изъ милліона остается уже не много.... Вѣдь это просто безчеловѣчно!

— Я сказалъ уже вамъ, что вы деньги получите, — значитъ о чемъ же толковать? Дайте намъ только вздохнуть немножечко—вѣдь измучились... А знаете что? ска-

залъ онъ, посмотрѣвъ на часы. Теперь 11-ть часовъ, заходите черезъ часокъ ко мнѣ на квартиру. Закусимъ чѣмъ Богъ послалъ, да и о дѣлахъ кстати потолкуемъ.

— Съ удовольствіемъ, отвѣчалъ я.

— Ну, такъ до свиданья; — а тѣмъ временемъ я разсмотрю ваши требованія. Я вышелъ и отъ нечего-дѣлать отправился бродить куда глаза глядятъ. Городъ былъ чисто татарскій — весьма живописный издали и отвратительно грязный вблизи. Во время войны онъ имѣлъ удивительно странную физіономію. По грязнымъ и темнымъ улицамъ безпрестанно тянулись транспорты съ провіантомъ, сѣномъ и другими потребностями арміи; солдаты въ неопрятныхъ шинеляхъ и офицеры верхами на неопрятныхъ лошадяхъ встрѣчались всюду. Крики цобъ! цобъ! понукавшіе измученныхъ воловъ, тонувшихъ въ грязи смѣшивались съ гнусливыми и пронзительными криками муедзиновъ, призывавшихъ правовѣрныхъ къ молитвѣ.

По обѣимъ сторонамъ самой главной и самой грязной улицы, у полуразвалившихся лавченокъ, сидѣли на корточкахъ татары, продавая свой незатѣйливый товаръ: бурки, нагайки, софьяную обувь, баранину и крымскія яблоки. Женщинъ почти нигдѣ не было видно; изрѣдка только встрѣчались сестры милосердія, да одѣтыя въ глубокій трауръ осиротѣвшія семейства.

Цѣлый часъ бродилъ я по городу. Эта смѣсь суетливой военной дѣятельности съ невозмутимымъ спокойствіемъ поклонниковъ пророка занимала меня своею оригинальностію. Наконецъ я вспомнилъ, что время завтракать, и поспѣшилъ на назначенное свиданье.

Секретарь жилъ въ ханскомъ дворцѣ и занималъ квартиру, по тогдашнему времени весьма роскошную: двѣ небольшія комнаты, весьма прилично меблированныя. Войдя въ первую комнату, я нашелъ тамъ самого хозяина, одного чиновника изъ интендантства, высокаго, тонкаго и бѣлаго, и двухъ жидовъ-подрядчиковъ, франтовски одѣтыхъ и съ щеголевато-подстриженными бородками.

— А! милости просимъ, г. поручикъ, заговорилъ, обращаясь ко мнѣ, секретарь. Не хотите-ли закусить? про-

должалъ онъ, фамильярно беря меня подъ руки и подводя къ столу, обильно заставленному всевозможными соблазнительными закусками, составлявшими въ тогдашнее время рѣдкую роскошь для нашего брата бивуачнаго человѣка. Вотъ рекомендую вамъ настоящую старку, — чудо что за водка! Эльяшъ изъ Дубна привезъ три бутылки и одну подарилъ мнѣ: только дорогихъ пріятелей угощаю этою водкою.

Благодарю за любезность и за старку, отвѣтилъ я, наливая рюмку и досадуя, что неожиданные гости, чего добраго, помѣшають мнѣ переговорить съ секретаремъ откровенно.

Выпивъ и закусивъ, я закурилъ папироску и не вмѣшивался въ общій разговоръ. Бесѣда имѣла характеръ чисто спеціяльный и мало для меня интересный—о подрядахъ, поставкахъ, барышахъ и т. п. Постоянно только и слышались слова: выгодно, невыгодно, по полтинѣ на рубль, изрѣдка прерываемыя энергическими восклицаніями щеголеватыхъ жидковъ: Якъ-Бога кòхамъ! Не мозно, пане! Наконецъ бѣлый коммисіонеръ, а съ нимъ и два жида-подрядчика ушли, оставивъ меня наединѣ съ секретаремъ. Я безъ церемоніи тотчасъ-же приступилъ къ дѣлу.

— Послушайте, мы теперь съ вами одни и можемъ говорить откровенно. Намѣрены вы мнѣ выдать деньги, или нѣтъ?

— Странный вопросъ... Я вамъ сказалъ, что вы получите деньги, значитъ это вѣрно. Повремените только:..

— То есть, говоря иначе, повременить, пока вы всѣ деньги раздадите другимъ. Слуга покорный, я уже лучше уѣду на позицію.

— Напрасно,—впрочемъ какъ хотите.

— Вотъ три дня, какъ вы меня кормите все одними обѣщаніями, а между тѣмъ выдаете деньги другимъ пріемщикамъ на ноябрь мѣсяцъ.

— Кому же выдаютъ на ноябрь?.. это вздоръ...

— А Х—ъ?

— Дался вамъ Х—ъ! съ досадой проговорилъ секретарь. Ну, что жъ если бы въ самомъ дѣлѣ одному и вы-

дали на ноябрь? Двадцать какихъ нибудь тысячъ разницы не составятъ. Да и притомъ Х—ъ не такой человѣкъ, чтобъ его заставлять ждать.

— Это почему-жъ?

— А потому что Х—ъ всегда деньги получаетъ самъ и всегда удѣляетъ рублей по шести сотъ, не мнѣ конечно... какъ бы выразиться поточнѣе... на увеличеніе средствъ... въ помощь служащимъ... для общихъ цѣлей... понимаете?..

— Понимаю, проговорилъ я улыбаясь.

Секретарь обидѣлся.

— Вы вѣроятно скажете, началъ онъ, что это взятка, а я скажу нѣтъ, и тысячу разъ нѣтъ! Я самъ человѣкъ честный и взятки ни съ кого не возьму; а тутъ какая-же взятка? Благодарность—такъ; но не взятка. Да и войдите въ наше положеніе, продолжалъ секретарь, тономъ уже болѣе заискивающимъ: ну, есть-ли возможность жить нашему брату однимъ жалованьемъ? Я, напримѣръ, получаю съ небольшимъ четыреста руб. въ годъ, а, вѣдь я въ годъ-то больше четырехъ сотъ рублей на однѣ закуски ухлопаю. А что станешь дѣлать? Нельзя, съ такими людьми водишься...

Видя, что безъ взятки ничего не сдѣлаешь, я рѣшился пообѣщать, но съ твердымъ намѣреніемъ не исполнить обѣщанія. Не составивъ никакого опредѣленнаго плана, я приступилъ къ дѣлу на-авось.

— Позвольте, перебилъ я секретаря. Что вы тутъ толкуете о благодарности? Благодарность, извѣстно, дѣло необходимое, да за нее и не стоятъ.

— Такъ что же вы молчите! вдругъ, весело и смѣясь, заговорилъ секретарь. Бьемся съ нимъ чуть не съ недѣлю, а Богъ вѣсть изъ за чего; другъ друга не понимаемъ.

— Отъ того, что вы все хитрите; не объяснитесь прямо...

— Да, нельзя, батинька. Вѣдь не всѣ на дѣло то смотрятъ такъ благоразумно, какъ вы. Другой казну то самъ деретъ какъ липку; она у него что твоя дойная корова, а придетъ время деньги получать, попробуй-ка ему заикнуться, что вотъ-де не худо бы было что нибудь на увеличе-

ніе средствъ... въ общихъ цѣляхъ что-нибудь... Куда тебѣ! Такой содомъ подыметъ, что хоть святыхъ вонъ выноси.

И такъ недоразумѣній между мною и секретаремъ болѣе не существовало. Мы вдругъ сдѣлались какъ будто пріятелями, какъ будто сдѣлали сдѣлку обоюдно выгодную.

— Однако много дать мнѣ нельзя, заговорилъ я, уже нисколько не стѣсняясь. Два-три процента удѣлить могу...

— Ну, ужь три процентика, друже, куда не шло!... Такъ по рукамъ, что ли?

— По рукамъ, отвѣчалъ я.

Мы налили по рюмкѣ хересу и чокнулись.

— Такъ ты, батинька, заговорилъ секретарь, прибирая со стола закуску, ступай теперь съ Богомъ домой, а часу въ 8-мъ приходи къ намъ въ присутствіе; тамъ уже все будетъ готово.

— Пожалуйста, заговорилъ было я...

— Не безпокойся, другъ любезный, прервалъ меня секретарь. Тутъ дѣло на чести. Вѣдь вотъ я съ тебя росписки никакой не беру, потому обѣщано—значитъ свято.

Выйдя изъ дворца, я задумался. Дать обѣщанные три процента, конечно, я не имѣлъ права, потому что не былъ уполномоченъ батарейными командирами на такой расходъ, а безъ этой взятки ясно, что мнѣ денегъ не выдадутъ. Что было дѣлать? Ничего не придумавъ, я предоставилъ обстоятельствамъ довести дѣло до конца, а самъ, махнувъ рукой, отправился обѣдать. Въ назначенный часъ я былъ въ присутствіи. Секретарь еще не приходилъ, но въ казначейской комнатѣ собралось уже человѣкъ пять пріемщиковъ. Всѣ они разговаривали между собою въ полголоса и ожидали, пока казначей кончитъ записываніе въ шнуровую книгу расходныхъ статей.

Такъ какъ со времени завтрака у секретаря, я принадлежалъ къ разряду доброхотныхъ дателей, то двери казначейства, недоступныя для многихъ, для меня были открыты. Не ожидая секретаря, я вошелъ въ казначейскую комнату въ то самое время, когда казначей кончилъ свою работу и снималъ очки.

— А, здравствуйте, г. К...ъ, заговорилъ казначей, протягивая мнѣ руку. Есть вамъ денежки, есть... Посмотри-ка *Вакуловъ*, сколько для —ой бригады выписано? Писарь *Вакуловъ* отыскалъ въ книгѣ статью и прочиталъ: сорокъ двѣ тысячи восемьдесятъ пять рублей семнадцать и три четверти коп. сер.

— Экую пропасть отнимаете у насъ денегъ! Такъ вы, пожалуй, насъ совсѣмъ обанкрутите, сострилъ казначей. Ну, господа, продолжалъ онъ, не угодно ли денежки получать? Только поочереди... Екатеринбургскому пѣхотному!... Иванъ Петровичъ, пожалуйте!...

Усатый штабсъ-капитанъ, въ сѣрой солдатской шинели съ сумкой черезъ плечо, подошелъ къ столу и сѣлъ противъ казначея.

Вамъ слѣдуютъ деньги по тремъ статьямъ. Дай-ка, *Вакуловъ*, счеты: я проложу... На фуражъ 11,685 р. 7 к., на порціи 9,302 р. $11^3/_4$ коп., да на заведеніе воловыхъ транспортовъ 1,700 рублей, всего 22,687 р. $18^3/_4$ коп. Кажется такъ? провѣрьте. Затѣмъ казначей вынулъ изъ ящика нѣсколько пачекъ асигнацій и занялся считаньемъ.

— Нельзя-ли мнѣ рублей на триста серебромъ? проговорилъ усатый штабсъ-капитанъ.

— И не просите! Радъ бы душею, да теперь во всемъ казначействѣ и на десять цѣлковыхъ серебра не нагребешь.

Усатый штабсъ-капитанъ вздохнулъ, но не настаивалъ.

Процессъ считанья возобновился. Казначей каждую пачку пересчитывалъ по два раза, сумму записывалъ на особой бумажкѣ и клалъ на счеты. Потомъ, окончилъ считанье и заглянувъ въ маленькій листикъ бумажки, которую вынулъ изъ своего боковаго кармана, онъ сдѣлалъ въ пачкахъ убавки и переложенія, провѣрилъ снова все на счетахъ и, пододвинувъ пачки къ штабсъ-капитану, проговорилъ серьезно:

— Получайте!

Штабсъ-капитанъ, придвинувъ деньги къ себѣ и засучивъ рукава, принялся за ту же церемонію, которую только что окончилъ казначей. Онъ аккуратно пересчиталъ каждую пачку и тщательно разсмотрѣлъ, есть-ли номера

на ветхихъ ассигнацiяхъ. Когда эта работа приведена была къ вожделѣнному концу, казначей, зорко слѣдившiй за процесомъ считанья, съ значительнымъ взглядомъ спросилъ штабсъ-капитана.

— Вѣрно, кажется?

— Штабсъ-капитанъ кивнулъ головой и сдержанно проговорилъ: такъ.

— Ну и слава Богу, если такъ. *Вакуловъ*, дай расписаться штабсъ-капитану... А теперь вамъ, артиллерiя, подъѣзжайте, продолжалъ шутливо казначей.

Всѣ эти взгляды, многозначительные вопросы и переложенiя въ пачкахъ ассигнацiй раскрыли мнѣ дѣло. Я догадался, что сокровищница, которую доброхотливые датели пополняютъ по мѣрѣ силъ, въ общихъ цѣляхъ, находится именно здѣсь, въ комнатѣ казначейства. Ясно, что обѣщанный процентъ удерживали при выдачѣ; а такъ какъ въ прiемѣ денегъ даютъ расписываться уже по ихъ полученiи, то приходилось дѣйствовать немедленно: иначе я рисковалъ не получить денегъ и на этотъ разъ. Конечно, я могъ отказаться отъ своего обѣщанiя; но казначей всегда могъ, подъ какимъ нибудь благовиднымъ предлогомъ, отложить выдачу до другаго дня и выдать потомъ выписанныя на мое имя деньги другимъ войскамъ, отмѣтивъ въ статьѣ: не выданы за неявкою прiемщика. Поди потомъ, доказывай на нихъ, а денегъ то я все-таки не получилъ бы. Вдругъ мнѣ пришла въ голову счастливая мысль. Въ то время, когда казначей углубился въ свои соображенiя, *Вакуловъ* усердно что то прокладывалъ на счетахъ и не обращалъ на меня вниманiя, а прiемщики о чемъ то шумно разсуждали, я пододвинулъ къ себѣ шнуровую книгу и разсѣянно, какъ бы отъ нечего-дѣлать, перелистывая ее, въ тихомолку расписался въ полученiи слѣдуемой мнѣ суммы. Продѣлка моя никѣмъ не была замѣчена; я закрылъ книгу, всталъ и вмѣшался въ общiй разговоръ. Наконецъ, казначей все счелъ, все сообразилъ и началъ озираться, не найдя меня противъ себя, на обычномъ мѣстѣ очередныхъ прiемщиковъ.

— Артиллерiя? Гдѣ же артиллерiя?.. да идите же, ба-

тюшка, получать, заговорилъ казначей гнѣвно, замѣтивъ меня между пріемщиками. Вѣдь ужь поздно, другихъ задерживаете...

— Мнѣ бы серебреца немножко, замѣтилъ я, садясь на стулъ и придвигая поближе къ себѣ деньги.

— Нѣту, нѣту, нѣту... Вѣдь сказано одному, а онъ все свое... Что мнѣ родить вамъ серебра то, что ли?.. Ну, считайте скорѣе, не задерживайте!

Я не возражалъ и углубился въ считанье. Зная очень хорошо, что казначей сосчиталъ деньги вѣрно и также вѣрно не додалъ обѣщанные мною три процента, я однако же принялся за перечетъ со всею тщательностію и осмотрительностію. Каждую пачку, по примѣру казначея, я пересчитывалъ по два раза; по примѣру его же записывалъ итоги на особой бумажкѣ; нарочно по нѣскольку разъ ошибался и снова пересчитывалъ; наконецъ, сосчитавъ послѣднюю пачку и сложивъ записанныя на бумажкахъ цифры, я смѣшался и, обратившись къ казначею, съ сконфуженнымъ видомъ продолжалъ:

— Извините пожалуйста... дѣло не привычное, но тутъ, кажется, ошибка.

— Не можетъ быть.

— Странно въ такомъ случаѣ... продолжалъ я тѣмъ же сконфуженнымъ тономъ. На такую сумму ошибиться невозможно... Я могъ, по непривычкѣ къ дѣлу, просчитать пятьдесятъ, сто рублей; но вѣдь тутъ не достаетъ тысячи двухъ сотъ семидесяти рублей.

— Пусть со всего свѣта счетчики считаютъ — ошибки нѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ пересчитайте снова при мнѣ, проговорилъ я, притворно разсердившись, и отодвинулъ отъ себя деньги къ казначею.

Казначей засуетился. Протянувъ мнѣ черезъ столъ руку, онъ заговорилъ въ полъ-голоса:

— Деньги вѣрны... Ну, что вы шутите?

— Какъ вѣрны? спросилъ я, притворяясь непонимающимъ.

— А вы забыли три процента?...

— Такъ вы бы давно и сказали, а то я думалъ, что эти деньги секретарю нужно отдать. Значитъ дѣло кончено. Вы теперь потрудитесь только дать мнѣ маленькую записочку, такъ, на лоскуточкѣ...

— Какую записочку? спросилъ изумленно казначей и, взявъ меня за руку, отвелъ въ сторону, забывъ даже спрятать деньги, которыхъ я не принялъ.

— Что вы тутъ чудите? продолжалъ онъ сдержаннымъ шопотомъ. Какую вамъ еще записочку нужно?

— Да на лоскуточкѣ, маленькую; хоть карандашомъ напишите, просто такъ для памяти, что вы при выдачѣ денегъ удержали съ меня 1,270 рублей.

— Это для чего?

— А чѣмъ же я удостовѣрю батарейныхъ командировъ, что недоданныя имъ деньги я дѣйствительно не получилъ? Они могутъ подумать, что я ихъ взялъ себѣ.

— Какой вздоръ!... Вы офицеръ: они обязаны вѣрить вашему слову.

— Да Богъ ихъ знаетъ, повѣрятъ ли; а какъ есть документецъ, такъ оно и спокойнѣе.

— Нѣтъ, нѣтъ!... Никакой записки мы выдать не можемъ... Объ этомъ и толковать нечего, проговорилъ казначей, немного подумавши.

— Въ чемъ же вы затрудняетесь?

— Странный вы человѣкъ! продолжалъ раздраженнымъ и неспокойнымъ тономъ казначей. Да развѣ такія дѣла дѣлаются по запискамъ? Попадись-ка такая записка начальству, вѣдь закричатъ: взятки берутъ, мошенничаютъ!... Поди потомъ доказывай, что это не взятки, а благодарность... Нѣтъ уже вы, поручикъ, записочки то съ насъ не требуйте...

— Ну ей Богу же не могу безъ записки. Я бы, конечно, съ удовольствіемъ; но вѣдь вы сами знаете, что за народецъ батарейные командиры: за копѣйку удавятъ, а тутъ дѣло идетъ о тысячѣ, это кушъ!.. Нѣтъ, безъ записки никакъ не могу.

— Эхъ! заладили одно—записку да записку!... Сказано—нельзя, значитъ и толковать объ этомъ нечего... Пой-

демте, впрочемъ, къ секретарю... пусть онъ что хочетъ, то съ вами и дѣлаетъ.

Секретарь въ это время былъ въ той самой комнатѣ, гдѣ я съ нимъ видѣлся поутру. Онъ, какъ и прежде, любезно бесѣдовалъ съ пріемщиками и краснорѣчиво ораторствовалъ, что взятки брать подло, что онъ, наконецъ, ни минуты не остался бы служить въ томъ мѣстѣ, гдѣ такая мерзость заведется, что каждый благородный офицеръ долженъ дорожить своею совѣстью и своимъ мундиромъ, и тому подобное въ этомъ родѣ.

Казначей остановился у дверей и незамѣтно кивнулъ головой. Секретарь понялъ знакъ и, проговоривъ пріемщикамъ: виноватъ, господа!.. на минутку... подошелъ къ намъ.

— Въ чемъ дѣло? спросилъ онъ.

— А въ томъ, что я такого безпокойнаго пріемщика, какъ г. К...ъ и не видалъ никогда. Можете себѣ представить, чего онъ требуетъ?

— Чего?

— Пустяковъ! росписки, что у него изъ отпущенной суммы удержано въ благодарность три процента.

Секретарь расхохотался, хотя видимо притворно.

— Ха, ха, ха! Экой шутникъ какой! Да, ужь не дать-ли росписку-то на гербовой бумагѣ? Ха, ха, ха!...

Притворный смѣхъ секретаря взбѣсилъ меня. Я видѣлъ, что ему не до смѣха, понимая, что притворяется; но мнѣ досадна была эта сдержанность: хотѣлось, чтобъ онъ высказался откровенно. Принявъ на себя обиженный видъ, я обратился къ секретарю:

— Что вы находите смѣшнаго въ моемъ требованіи? Я еще повторяю: дайте мнѣ росписку, а если не хотите дать, то пожалуйте всѣ деньги полностью до копѣйки.

— Это вы серьезно говорите? спросилъ вдругъ секретарь, перемѣняя тонъ и выраженіе лица.

— Совершенно серьезно.

— Прекрасно!.. Благородно!.. Пообѣщать и потомъ отказаться... Очень хорошо!...

— Съ чего вы взяли, что я отказываюсь?

— Перестаньте, поручикъ!.. Вѣдь мы не дѣти и хорошо понимаемъ, чего вамъ хочется... Ну, да смотрите. не раскайтесь!

И съ этими словами секретарь взялъ казначея подъ руку и отошелъ въ противоположную сторону. Переговоривъ нѣсколько минутъ между собой въ полъ-голоса, оба подошли ко мнѣ.

— Теперь, поручикъ, уже поздно. заговорилъ не безъ прошіи секретарь. Потрудитесь прйдти завтра.

— Къ сожалѣнію, я этого исполнить не могу и непремѣнно долженъ получить деньги сегодня, отвѣчалъ я совершенно хладнокровно.

— Это почему?

— Потому что въ полученіи денегъ я уже росписался.

— Какъ росписались? Не можетъ быть!.. заговорили въ одинъ голосъ и секретарь, и казначей, и оба поспѣшно вошли въ казначейскую комнату. Казначей тотчасъ же взялъ книгу и, торопливо отыскавъ мою статью, опустилъ руки и печально поникнулъ головой.

— Ну что? спросилъ секретарь.

— Росписались! отчаянно отвѣтилъ казначей.

— Такъ вотъ какъ!! проговорилъ секретарь и съ этими словами такъ зло взглянулъ на казначея, какъ будто бы хотѣлъ сказать: ахъ ты старый колпакъ, а еще казначей! Однакожъ, принявъ опять спокойный и любезный видъ, подошелъ къ ожидавшимъ его пріемщикамъ и началъ прежнюю проповѣдь о томъ, какой онъ честнѣйшій человѣкъ.

Казначей, ошеломленный неожиданнымъ ударомъ, не скоро могъ придти въ себя. Наконецъ, видя, что горемъ дѣлу не поможешь и что со мной разсчитаться нужно, онъ вынулъ изъ ящика недоданныя 1.270 р. и съ сердцемъ швырнулъ ихъ ко мнѣ, не проговоривъ ни слова. Затѣмъ, сердито хлопнувъ крышкою ящика и щелкнувъ ключемъ, онъ злобно объявилъ пріемщикамъ:

— Выдача кончена! *Вакуловъ*, печатай ящикъ (¹)!

К.

(¹) «Русскій Архивъ» 1870 г. № 11.

КРЫМСКІЙ ПОХОДЪ 1854 ГОДА.

(Изъ Magazin f. d. Literatur d. Auslandes).

Періодическая литература Англіи воспользовалась временемъ, истекающимъ между первымъ неудавшимся нападеніемъ союзниковъ на Севастополь и приготовленіями къ новымъ, болѣе энергическимъ, но, какъ послѣдствія доказали, столь же неуспѣшнымъ дѣйствіямъ, и подвергла строгому разбору крымскую кампанію, какъ въ политическомъ, такъ и въ военномъ отношеніяхъ. Конечно, въ яростныхъ и исполненныхъ желчи статьяхъ «Times» нельзя искать ни истины, ни спокойнаго безпристрастія и не подлежитъ теперь сомнѣнію, что не столько паденіе русской твердыни, сколько паденіе англійскаго министерства было задушевною заботою этой газеты. Но, кромѣ того, строгіе голоса порицанія и опасеній раздаются также со стороны людей военныхъ, которыхъ прошедшая опытность имѣетъ большое значеніе. Извѣстный инженеръ генералъ сэръ Говардъ *Дугласъ* издалъ недавно особое, весьма подробное сочиненіе о крымской экспедиціи, разобранное въ январской книжкѣ журнала «Quarterly Review». Разборъ этотъ возбудилъ общее вниманіе, ибо онъ написанъ, хотя и безъименнымъ, но, очевидно, весьма знающимъ и просвѣщеннымъ человѣкомъ.

Упрекъ въ томъ, что крымская экспедиція была предпринята съ недовольно достаточными средствами, касается болѣе французскаго, нежели англійскаго правительствъ, тѣмъ болѣе, что первое, не смотря на несравненно значительнѣйшія военныя силы, которыми оно располагало, отправило въ Крымъ къ Севастополю корпусъ войскъ, который, по своей численности, едва равнялся британскому. Всѣ стороны отдаютъ справедливость образцовому порядку, въ которомъ происходила перевозка и высадка войскъ, подъ начальствомъ сэра Эдмонда *Лайонса*.

Но съ первыхъ же движеній арміи начинаются рѣзкія обвиненія. Каждый еще до сихъ поръ помнитъ кровопро-

литное сраженіе при Альмѣ и особенно тяжкую потерю, которую понесло въ немъ англійское войско. Главнѣйшею причиною этой потери, какъ свидѣтельствуетъ авторъ приводимой статьи «Обозрѣнія», было уклоненіе отъ первоначальнаго плана дѣйствій, составленнаго по общему согласію французскаго и англійскаго главнокомандующихъ, — уклоненіе, происшедшее въ слѣдствіе настоятельныхъ представленій французскаго предводителя. По предварительному условію положено, что нападеніе должна была совершить французская дивизія *Боске* съ вспомогательнымъ турецкимъ корпусомъ. Дивизія эта должна была, подъ защитою корабельной артиллеріи, идти впередъ вдоль по берегу моря, занять высоты и обойти лѣвый флангъ русскихъ. Въ слѣдъ за тѣмъ остальныя французскія войска должны были атаковать часть центра русской арміи, стоявшаго у д. Алма-Тамакъ, англичане же остаться въ позиціи по ту сторону д. Бурлюкъ до тѣхъ поръ, пока французы не утвердятся на высотахъ, и тогда обойти правый флангъ русской позиціи, избѣгая по возможности огня центральныхъ ея батарей. «Но послѣ того», говоритъ авторъ, «какъ французы заняли высоты и стали на позицію, маршалъ *Сентъ-Арно* замѣтилъ, что еще до начала атаки на лѣвую оконечность центра русскихъ они выслали впередъ свѣжія колонны пѣхоты съ батарейною артиллеріею. Тогда, опасаясь быть разбитымъ, *Сентъ-Арно* послалъ къ лорду *Раглану* съ настоятельною просьбою безостановочно слѣдовать впередъ. «Мы будемъ истреблены, nous serons massacrés!, восклицали его адъютанты. Минута, казалось, была критическая. Тогда лордъ *Рагланъ*, не обращая вниманія на грозную массу русской артиллеріи, скомандовалъ впередъ (что, какъ припомнятъ, было вовсе несогласно съ прежними предположеніями). Легкая дивизія (*Броуна*) начала атаку, но, по причинѣ затруднительной мѣстности, и поставленная въ необходимость пробираться чрезъ горящую деревню и ручей, пришла въ разстройство. Ей не дали времени построиться вновь и этой «важной ошибкѣ» должна быть приписана тяжкая потеря, которую потерпѣли три полка. 7, 23 и 33-й. Но главная ошибка состояла,

конечно, въ попыткѣ идти на штурмъ прямо на сильныя русскія батареи въ центрѣ, не обойдя правый флангъ позиціи русскихъ (согласно первому предположенію). И какъ эта попытка была вызвана понудительными требованіями французскаго главнокомандующаго, то лорду *Раглану*, знавшему о страсти *Сентъ-Арно* къ преувеличенію, должно было съ большею осторожностію отступить отъ перваго плана атаки». Справедливъ ли этотъ разсказъ, мы, конечно, судить не можемъ; что же касается первоначальнаго плана дѣйствій, то онъ противорѣчитъ съ рапортомъ лорда *Раглана* отъ 23-го сентября, изъ котораго ясно видно, что англичане должны были напасть на правое крыло и центръ русской позиціи. Въ рапортѣ не говорится ни слова о томъ, что въ первоначальномъ планѣ атаки было сдѣлано какое-либо измѣненіе при исполненіи.

Союзники не преслѣдовали русскихъ послѣ сраженія, по причинѣ недостатка въ кавалеріи и полевой артиллеріи. Но и въ самомъ движеніи на Севастополь авторъ статьи «Обозрѣнія» возлагаетъ на французскаго главнокомандующаго отвѣтственность за потерю цѣлаго дня. Лордъ *Рагланъ*, пишетъ онъ, «желаетъ въ одинъ день совершить переходъ къ Бельбеку, но маршалъ *Сентъ-Арно* былъ съ нимъ несогласенъ. По этой причинѣ союзныя арміи остались при Качѣ и только на слѣдующій день (24-го) достигли лѣваго берега Бельбека».

Перейдемъ теперь къ тому, какъ измѣненъ былъ первоначальный планъ осады Севастополя съ сѣверной стороны и союзники предприняли знаменитый фланговый маршъ, который привелъ ихъ на южную сторону города. И здѣсь всѣ обвиненія падаютъ на маршала *Сентъ-Арно*, при томъ авторъ объясняетъ побудительныя къ тому причины, что также не вполнѣ согласуется съ донесеніемъ лорда *Раглана*. Англійскій главнокомандующій приписываетъ перемѣну плана дѣйствій тому обстоятельству, «что русскіе построили укрѣпленіе, господствующее надъ устьемъ рѣки и препятствующее перевозу войскъ и подвозку припасовъ и военныхъ снарядовъ». По словамъ же критика въ «Обозрѣніи», маршалъ *Сентъ-Арно* предпринялъ движеніе по

особымъ стратегическимъ разсчетамъ. Онъ полагалъ, что союзныя войска не могли занять позиціи при Бельбекѣ (которая была бы необходима для веденія правильной осады), не подвергаясь выстрѣламъ русскихъ батарей, господствующихъ надъ устьемъ рѣки. Союзный флотъ остался бы тогда при Качѣ, и припасы съ осадными снарядами должно выгружать на открытомъ берегу. Но и при слѣдованіи въ лагерь, за нихъ надлежало бы опасаться по невозможности снабдить транспорты достаточнымъ прикрытіемъ. Такимъ образомъ, фланговый маршъ былъ предпринятъ лишь единственно потому, что открытое съ тыла положеніе французской арміи дѣлало, по увѣренію *Сентъ Арно*, совершенно невозможнымъ открытіе осадныхъ работъ съ сѣверной стороны. Это мнѣніе подтверждаетъ донесеніе адмирала *Гамелена*, въ которомъ говорится, что затопленіе кораблей передъ входомъ въ Севастопольскую гавань и наружные верки, недавно возведенные у форта Константинъ, которые, въ соединеніи съ прежними, могли обстрѣливать укрѣпленія севастопольскія съ сѣверной стороны, произвели внезапную перемѣну въ планѣ союзниковъ. Какъ бы то ни было, но отважно дерзкое фланговое движеніе по лѣсистой, почти непроходимой мѣстности на востокъ отъ Севастополя было окончено благополучно, и 26-го сентября англійская армія явилась подъ Балаклавою. Дорогою, при Мекензіевомъ хуторѣ, англійскій авангардъ встрѣтился съ аріергардомъ русской арміи, и захватилъ часть обоза. Прошло много времени, пока въ союзномъ лагерѣ поняли причину и настоящее значеніе этой встрѣчи и убѣдились, что обѣ противныя арміи обмѣнялись своими позиціями. Послѣ дѣла при Альмѣ князь *Меншиковъ* потянулся съ своимъ войскамъ на югъ отъ Севастополя и, послѣ краткаго отдыха, отправился снова къ сѣверу въ направленіи на Бахчисарай и Симферополь, дабы ударить въ тылъ союзниковъ, которыхъ онъ думалъ найти еще на сѣверѣ отъ Севастополя. «Объясненія, которыя князь *Меншиковъ* далъ о своемъ намѣреніи, вполнѣ справедливы. Сначала онъ, кажется, имѣлъ преувеличенныя свѣдѣнія о силахъ союзниковъ и считалъ весьма естественнымъ, что

мы будемъ осаждать сѣверное укрѣпленіе, и при томъ имѣемъ достаточно силъ для того, чтобы отрѣзать подкрѣпленія, которыхъ онъ каждый день ожидалъ съ сѣвера. Князь *Меншиковъ* желалъ лишь скрытно достигнуть Симферополя, точно такъ какъ мы, съ своей стороны, надѣялись дойти незамѣченными до Балаклавы. Отступивъ къ Симферополю и собравъ тамъ подкрѣпленія, русскій главнокомандующій хотѣлъ угрожать намъ съ тыла и тѣмъ принудить отказаться отъ осады. Планъ его былъ обдуманъ и выполненъ хорошо. Но движеніе нашей арміи доставило ей большія выгоды и, безъ сомнѣнія, спасло отъ истребленія всю союзную армію».

Высадка союзниковъ въ Крымъ и движеніе къ Севастополю было совершенно дѣломъ неожиданнымъ. Есть даже слухъ, будто сэръ *Георгъ Бургоинъ* высказалъ тогда мнѣніе, что должно требовать, дабы городъ сдался, и, въ случаѣ замедленія, тотчасъ приступить къ штурму. Многіе изъ искуснѣйшихъ и опытныхъ офицеровъ британской арміи (въ томъ числѣ и покойный сэръ *Георгъ Каткартъ*), также французскіе офицеры полагали, что одинъ сильный ударъ могъ бы удаться и сопровождался бы незначительною потерей. Но противъ этого возражали, что было бы несогласнымъ съ человѣколюбіемъ поступить такимъ образомъ противу города, въ которомъ было много женщинъ и дѣтей; что нельзя ручаться за успѣшный штурмъ крѣпости, взятіе которой, при правильной осадѣ, могло обѣщать вѣрный успѣхъ; что, наконецъ, если бы мы овладѣли южною частью города, то орудія противолежащаго форта и кораблей помѣшали бы намъ удержать ее за собою. Признаемся, говоритъ авторъ «Обозрѣнія», что такое резонированіе кажется намъ несовмѣстнымъ съ состояніемъ союзныхъ армій, количественною силою ихъ, военными способами, равно какъ и временемъ года, въ которое была начата кампанія. Если же разсужденіе это признать правильнымъ, то бросить въ Крымъ армію, безъ резерва и средствъ для продолжительной осады, было болѣе чѣмъ ошибка и недостатокъ предусмотрительности. Но, какъ мы уже замѣтили, экспедиція, предпринятая при такихъ усло-

віяхъ. могла бы быть оправдана лишь при одномъ сильномъ ударѣ.

Умалчиваемъ о другихъ жалобахъ автора на медленность, съ которою были ведены дальнѣйшія военныя дѣйствія, и упомянемъ объ одномъ важномъ фактѣ, именно, что прошло три недѣли по прибытіи союзнаго войска на севастопольскія высоты, прежде чѣмъ были вооружены батареи, назначенныя дѣйствовать противъ крѣпости. Между тѣмъ, русскіе употребили невѣроятныя усилія, чтобы привести въ оборонительное состояніе южную сторону города. Мужчины, женщины, дѣти работали съ неутомимымъ усердіемъ, и въ самомъ дѣлѣ всѣ укрѣпленія, осаждаемыя въ эту минуту союзниками, воздвигнуты въ промежутокъ времени по прибытіи ихъ къ Севастополю. Разсказываютъ, что когда начальнику англійской инженерной части замѣтили о силѣ и обширности этихъ новыхъ укрѣпленій, онъ спокойно отвѣчалъ, что они построены только для того, чтобъ быть разрушенными (to be knocked down again). Однакожъ трудность разрушить ихъ очень скоро стала очевидна. 17-го октября, когда съ суши и моря началось бомбардированіе Севастополя, то самоувѣренность осаждавшихъ исчезла. «Кто изъ насъ», говоритъ авторъ, «безъ тяжести на сердцѣ видѣлъ приближеніе вечера этого дня! Мы остались на мели и намъ предстояла продолжительная и ужасная борьба. Мы безразсудно сочли слабыми средства непріятеля и дали ему время развить свои силы. Случайный взрывъ на русской батареѣ или вѣрный выстрѣлъ съ нашей стороны могутъ на минуту еще возбудить энтузіазмъ въ нашихъ солдатахъ, но для всякаго благоразумнаго человѣка слишкомъ ясно, что мы, не приготовясь, пустились на исполинское предпріятіе».

Далѣе авторъ строго разбираетъ предпріятіе вести правильную осаду крѣпости, не обложивъ ея со всѣхъ сторонъ, къ чему присоединяетъ нѣсколько занимательныхъ подробностей о недостаточности и слабости артиллерійскихъ снарядовъ, дѣйствующихъ по русскимъ батареямъ, снабжаемымъ изъ неистощимыхъ арсеналовъ. «Съ какими сред-

ствами», говоритъ онъ, «отважились мы напасть на мѣсто, которое, по силѣ и обширности своихъ источниковъ, не имѣетъ себѣ равнаго? Исторія представляетъ намъ лишь другой примѣръ такой необдуманности. Мы привезли съ собою шестьдесятъ пушекъ и мортиръ, которыя почти всѣ меньшаго калибра, чѣмъ у русскихъ. Въ распоряженіи у французовъ находилось болѣе орудій, но они всѣ мѣдныя и, слѣдовательно, никакимъ образомъ не могли выдержать сравненія съ непріятельскими. Изъ нѣкоторыхъ пушекъ было произведено рѣдко болѣе 800 выстрѣловъ, потому что боялись расширенія затравки, или того, что они лопнутъ, и теперь весьма немногія могутъ выдержать болѣе 600 выстрѣловъ. Въ первый день бомбардированія мы сдѣлали болѣе 100 выстрѣловъ изъ каждой пушки, и если бы продолжали пальбу въ той же мѣрѣ, то черезъ шесть дней всѣ наши батареи лишились бы возможности дѣйствовать болѣе. Запасъ артиллерійскихъ снарядовъ у союзниковъ былъ такъ малъ, что онъ совершенно истощился бы въ пять дней. Нѣкоторыя изъ пушекъ были снабжены лишь 120-ю снарядами каждая. Артиллеристовъ мы имѣли до того недостаточно, что ночью должны были прекращать огонь и тѣмъ давать русскимъ время исправлять поврежденія въ земляныхъ веркахъ, нанесенныя днемъ. Чтобы поддерживать лишь умѣренный огонь съ утра до вечера, наши офицеры и артиллерійская прислуга должны были оставаться на своихъ постахъ по шестнадцати часовъ въ каждыя сутки, такъ что имъ оставалось лишь шесть часовъ для сна и пищи, за исключеніемъ времени, употребляемаго для перехода изъ лагеря въ траншеи и обратно. Человѣческая природа не долго можетъ выдержать такое напряженіе».

Небрежность, которую показали англичане въ охраненіи праваго своего фланга, объясняемая частію ихъ количественною слабостію, частію истощеніемъ войска, была виною вылазокъ, за которыми послѣдовали сраженія при Балаклавѣ и Инкерманѣ, которыя хотя и выставили въ видномъ свѣтѣ стойкость британскаго солдата, но повлекли

за собою такую огромную потерю, что осада почти что прекратилась.

Такова судьба предпріятія, начатаго подъ счастливѣйшими предзнаменованіями, въ продолженіе котораго было выказано столько безпримѣрной храбрости. Предпріятію этому грозитъ конецъ, примѣръ которому мы видимъ лишь въ исторіи 1812 года, а исполненныя ужаса подробности экспедиціи до сихъ поръ доходятъ до нашего слуха ([1]).

ВОСТОЧНАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ. ВОЕННАЯ ЧАСТЬ.

Въ «Монитерѣ» напечатана длинная статья, подъ названіемъ «Восточная экспедиція, военная часть». Долгомъ почитаемъ представить ее здѣсь вполнѣ, потому что она носитъ на себѣ печать офиціальности, хотя и напечатана въ неофиціальной части газеты.

Узнать истину, когда она касается чести, безопасности и силы государства, есть неоспоримое право великой страны, какова Франція. Высказать эту истину, когда выгоды всеобщей безопасности не налагаютъ молчанія, есть священный долгъ сильнаго правительства, каково наше. Восточная экспедиція, причины ея, цѣль, военныя дѣйствія, приготовленныя для поддержанія оной, дипломатическіе переговоры, начатые для предупрежденія или для окончанія войны, составляютъ теперь предметы сужденія, доколѣ не сдѣлались страницами исторіи. Для надлежащаго и общеполезнаго обсужденія сихъ событій, мы изложимъ ихъ со всевозможною точностью. Это намъ кажется и прямодушнымъ, и полезнымъ. Общественное мнѣніе легко пугается и впадаетъ въ заблужденіе посреди волненій и событій, которыя отражаются на немъ ежедневно. Лучшее средство успокоить его состоитъ въ объясненіи дѣла. Какъ была задумана восточная экспедиція? Съ какими предположеніями и на какихъ данныхъ основанъ былъ планъ

([1]) „Русскій Инвалидъ“ 1855 г. № 66.

ея? По какимъ причинамъ онъ измѣнился? Почему англо-французская армія вышла на берегъ въ Крыму, вмѣсто того, чтобъ дѣйствовать на Дунаѣ, и начать кампанію въ Бессарабіи? Какъ объяснить продолжительное сопротивленіе осажденныхъ при порывахъ и храбрости осаждающихъ? Вотъ пункты, которые мы хотимъ разсмотрѣть въ первой части нашего труда. Мы будемъ излагать одни достовѣрныя событія, одни точные документы, однѣ истины военной науки и исторіи».

«Всѣ еще помнятъ неизбѣжныя и рѣшительныя обстоятельства, принудившія Францію обнажить мечъ послѣ сорокалѣтняго мира. Россія, не успѣвъ въ своихъ переговорахъ съ Турціею, рѣшилась прибѣгнуть къ силѣ оружія, вторглась въ предѣлы Турціи, презирая Европу и угрожая ей. Арміи ея занимали княжества, приближались къ Дунаю и уже назначали этапы побѣдоноснаго шествія къ Балканамъ. Удивительный порывъ турецкой націи не могъ быть достаточенъ къ ниспроверженію этого плана. Правда, что Россія встрѣтила неожиданное препятствіе въ преданности турецкаго народа, который почитали ослабшимъ и котораго сопротивленіе напомнило ей, что онъ нѣкогда побѣдилъ Петра Великаго. Но бой былъ неравный. Весь свѣтъ со страхомъ и волненіемъ ждалъ развязки. Германія, колеблясь еще между привычками священнаго союза и чувствомъ собственнаго достоинства, не знала еще, покоряться ли ей долѣе преобладанію, тяготѣющему надъ нею, или отвергнуть оное. Съ Запада раздался сигналъ сопротивленія. Франція и Англія, прямодушно соединенныя, не колебались послать свои флоты и арміи на Востокъ для защиты независимости турецкой имперіи, уваженія къ трактатамъ, европейскаго равновѣсія и цивилизаціи. Высокая воля, управляющая французскимъ правительствомъ и рѣшившая эту войну, какъ необходимую для чести Франціи, послѣ тщетныхъ попытокъ къ предупрежденію ея честнымъ соглашеніемъ, начертала тогда инструкцію знаменитому маршалу, которому ввѣренъ былъ мечъ Франціи. Въ этихъ инструкціяхъ, данныхъ 12-го апрѣля 1854 года, сказано: «Ввѣряя вамъ, маршалъ, французскую армію, которая бу-

детъ сражаться за шестьсотъ миль отъ отечества. прежде всего рекомендую вамъ имѣть особенное попеченіе о здоровьѣ войскъ, сберегая ихъ по возможности, и давая сраженія тогда только, когда вы убѣдитесь, что двѣ трети возможностей побѣды на вашей сторонѣ. Полуостровъ Галлиполи назначается главнымъ пунктомъ высадки, потому что онъ долженъ быть въ стратегическомъ отношеніи основою вашихъ дѣйствій: тамъ будутъ наши депо, лазареты, запасы, и оттуда мы легко можемъ и обратно сѣсть на суда. Это не воспрепятствуетъ вамъ по прибытіи, если почтете нужнымъ, помѣстить одну или двѣ дивизіи въ казармахъ, находящихся на западъ отъ Константинополя или въ Скутари. Доколѣ вы будете не въ виду непріятеля, раздробленіе силъ вашихъ не имѣетъ никакихъ неудобствъ, и присутствіе вашихъ войскъ въ Константинополѣ можетъ произвесть хорошее нравственное дѣйствіе. Но если, сверхъ чаянія, двинувшись къ Балканамъ, вы принуждены будете отступать, то гораздо выгоднѣе возвратиться прямо въ Галлиполи, нежели въ Константинополь, потому что русскіе не рѣшатся пойти изъ Адріанополя въ Константинополь, имѣя на правомъ своемъ флангѣ шестидесяти-тысячную армію хорошихъ войскъ. Если, впрочемъ, захотятъ укрѣпить линію Карасу предъ Константинополемъ, то надобно предоставить защиту ея однимъ туркамъ, потому что, повторяю вамъ, позиція наша будетъ независимѣе и грознѣе на флангахъ русской арміи, вмѣсто того чтобъ позволить себя осаждать на Ѳракійскомъ полуостровѣ. По исполненіи этого перваго пункта, и когда англо-французская армія соберется на берегахъ Мраморнаго моря, слѣдуетъ вамъ условиться съ лордомъ *Рагланомъ* и *Омеръ-пашею* о принятіи одного изъ трехъ слѣдующихъ плановъ: 1) или идти на встрѣчу русскимъ къ Балканамъ, 2) или овладѣть Крымомъ, 3) или сдѣлать высадку въ Одессѣ или на другомъ пунктѣ русскихъ береговъ Чернаго моря. Въ первомъ случаѣ Варна кажется мнѣ важнымъ пунктомъ, который должно занять. Пѣхота можетъ отправиться туда моремъ, а конницу лучше вести сухимъ путемъ. Ни въ какомъ случаѣ армія не должна отдаляться отъ Чернаго моря, чтобы имѣть

всегда свободное сообщеніе съ флотомъ. Во второмъ случаѣ, то есть при занятіи Крыма, должно прежде всего обезпечить себѣ мѣсто высадки, чтобъ произвесть ее вдали отъ непріятеля, и чтобъ можно было вскорѣ укрѣпить это мѣсто, дабы оно служило убѣжищемъ въ случаѣ отступленія. На взятіе Севастополя не надобно отваживаться прежде полученія полупарка осадныхъ орудій и значительнаго числа земляныхъ мѣшковъ. Когда вы будете въ виду этого города, не упустите овладѣть Балаклавою, небольшою гаванью въ четырехъ миляхъ къ югу отъ Севастополя, посредствомъ которой вы легко войдете въ сообщеніе съ флотомъ во время осады. Въ третьемъ случаѣ, когда, по согласію съ адмиралами, рѣшено будетъ предпріятіе на Одессу... Во всѣхъ случаяхъ болѣе всего рекомендую вамъ никогда не раздроблять своей арміи, идти безпрестанно со всѣми своими соединенными войсками, потому что сорокъ тысячъ человѣкъ на одномъ пунктѣ и съ хорошимъ начальникомъ составляютъ значительную силу; если же раздѣлены, то ничего не значатъ. Если для продовольствія должны вы раздѣлить свои войска, то размѣщайте ихъ такъ, чтобъ вы всегда могли собрать ихъ на одномъ пунктѣ въ двадцать четыре часа. Если на походѣ составляете нѣсколько колоннъ, то назначайте имъ пунктъ соединенія въ отдаленіи отъ непріятеля, дабы каждая изъ нихъ не могла быть отдѣльно атакована непріятелемъ. Если вы отразите русскихъ, то нейдите далѣе Дуная, развѣ начнетъ военныя дѣйствія австрійская армія. Вообще каждое движеніе арміи должно быть произведено по совѣщаніи съ главнокомандующимъ арміею англійскою. Только въ извѣстныхъ исключительныхъ случаяхъ, гдѣ идетъ дѣло о спасеніи арміи, можете вы взять на себя всю отвѣтственность. Я имѣю къ вамъ, маршалъ, полную довѣренность, и увѣренъ, что вы въ точности исполните сію инструкцію и возвысите славу нашихъ орловъ».

«Изъ этого перечня инструкціи маршалу *Сентъ-Арно* видно, что Галлиполи былъ избранъ мѣстомъ высадки англо-французской арміи. Мы должны представить важныя причины этого выбора. Первымъ правиломъ морской вой-

ны избирать сборный пунктъ внѣ непріятельскихъ нападеній, дозволяющій ей идти впередъ, или отступать къ своей основной операціонной линіи (если она будетъ къ этому принуждена), гдѣ, въ случаѣ неуспѣха, она нашла бы поддержку флотовъ и убѣжище. Полуостровъ Галлиполи превосходно исполнялъ условія морской войны. Находясь при входѣ въ Дарданеллы, онъ легко могъ получать подвозы съ Мраморнаго и Ѳракійскаго моря. Притомъ же главная причина, происходившая изъ взаимнаго положенія русской и турецкой армій, требовала овладѣнія этимъ пунктомъ. Русскіе, перейдя Дунай въ Рущукѣ и идя къ Адріанополю, могли оставить на лѣвомъ своемъ флангѣ турецкія крѣпости и даже Константинополь и, предупредивъ насъ въ этомъ пунктѣ, отрѣзать отступленіе нашихъ флотовъ изъ Чернаго моря. Это представляло важную опасность, которую союзныя правительства увидѣли и умѣли предупредить. Еще другая причина предписывала предварительное занятіе Галлиполи. Въ минуту отбытія экспедиціи, то есть въ апрѣлѣ 1854 года, всѣ съ безпокойствомъ спрашивали другъ у друга: поспѣютъ ли наши военныя силы во-время для прикрытія Константинополя? Тогда оборонительная война казалась вѣроятнѣе наступательной. Мы шли защищать угрожаемую независимость турецкой имперіи, которая уже подверглась нашествію. Сраженіе, потерянное турками на Дунаѣ, могло привести русскихъ въ три перехода на Балканы, и открыть имъ путь въ Константинополь. Занятіе Галлиполи совершенно прикрывало эту столицу. Оба союзныя правительства поняли, что если бъ русская армія и вступила въ Адріанополь, то не могла идти на Константинополь, оставивъ у себя на правомъ флангѣ шестьдесятъ тысячъ англо-французовъ, и эта-то предусмотрительность оказывается въ инструкціяхъ императора. Слѣдственно, со всѣхъ точекъ зрѣнія, и для отвращенія всякихъ случайностей, полуостровъ Галлиполи благоразумно былъ выбранъ мѣстомъ высадки и основою операцій. Съ этого пункта мы защищали столицу турецкой имперіи, были свободны въ дѣйствіяхъ нашего флота, шли

впередъ, не обнажая себя, и сохраняли наши сообщенія съ Тулономъ и Марселью».

«Но едва англо-французская армія прибыла въ Галлиполи, какъ уже дѣла измѣнились. Русскіе передовые резервы достигали уже до Варны, но упорная защита Силистріи остановила порывъ князя *Горчакова*. Борьба, вмѣсто перенесенія оной въ сердце имперіи, продолжалась на Дунаѣ съ перемѣнными успѣхами. Главнокомандующіе экспедиціею разсудили тогда, что они успѣютъ прибыть на мѣсто боя и спасти, можетъ быть, Силистрію, а во всякомъ случаѣ соединиться съ турецкою арміею для защиты Балкановъ противъ русскихъ, опираясь флангами на двѣ крѣпости, Шумлу и Варну. Этотъ планъ былъ и смѣлъ, и остороженъ. Впрочемъ, онъ проистекалъ изъ самыхъ обстоятельствъ и изъ очевидной опасности. Если бъ дѣйствительно русскіе взяли Силистрію, которой неминуемое паденіе возвѣщали донесенія *Омеръ-паши*, участь турецкой имперіи могла зависѣть отъ большаго сраженія. Французская и англійская арміи должны были предвидѣть его, и готовиться къ нему: тамъ было ихъ мѣсто потому, что тамъ могли случиться развязка борьбы и рѣшенія судьбы. Событія не оправдали этой предусмотрительности. Храбрость турецкой арміи и присутствіе союзниковъ достаточны были, чтобъ принудить русскихъ къ снятію осады и къ отступленію за Дунай. При отступленіи непріятеля, противная армія всегда увлекается желаніемъ преслѣдовать его. Но когда это преслѣдованіе можетъ подвергнуть армію опасности, больше славы остановиться, чѣмъ идти впередъ. Славолюбіе никогда не должно совѣтовать того, что воспрещается благоразуміемъ. Что бы могла сдѣлать англо-французская армія, двинувшись въ опустошенную страну, лишенную сообщенія, пересѣкаемую большими рѣками и зараженную злокачественными болѣзнями? Она нашла бы не побѣду, а истребленіе безъ боя, и безъ пользы».

«Полагали, что по отступленіи русскихъ слѣдовало дѣйствовать на Дунаѣ и вступить въ Бессарабію. Скажемъ прямо: безъ содѣйствія Австріи наша армія не

могла, не подвергаясь величайшей опасности, идти впередъ на Дунай. Дѣйствительно, не забудемъ главнаго пункта, что наша основная линія — море; потерять ее, значило все подвергать опасности. Не только военная наука, но и простой здравый смыслъ воспрещали съ шестидесятью тысячами турокъ идти въ нездоровую и непроходимую страну, не имѣя ни достаточныхъ средствъ къ перевозкѣ, ни понтоновъ, ни значительной кавалеріи, ни резервнаго и осаднаго парка, ни главнаго устроеннаго парка, ни депо военныхъ и съѣстныхъ припасовъ въ Шумлѣ, Варнѣ и Силистріи. Всѣ эти средства, необходимыя при началѣ кампаніи, не изготовляются въ нѣсколько дней въ восьми стахъ миляхъ отъ отечества: мы имѣли бы въ нихъ совершенный недостатокъ. Мы очутились бы передъ двухсотъ-девяносто-тысячною русскою арміею, которая ждала бы насъ твердою ногою на собственной своей почвѣ, или, отступая передъ нами, старалась бы завлечь насъ въ опаснѣйшее еще положеніе, оставляя намъ на выборъ неравный бой или невозможное отступленіе. Простая двухъ-дневная рекогносцировка въ Добруджу, стоившая намъ болѣе, нежели самое убійственное сраженіе, служитъ доказательствомъ нашихъ словъ. Главнокомандующіе, которые, не понимая опасности подобнаго предпріятія, увлеклись бы въ эту неисправимую ошибку, подвергли бы погибели всю свою армію. — Чтобъ сдѣлать кампанію возможною за Дунаемъ и на Прутѣ, нужно было (повторяемъ это еще разъ) дѣятельное соучастіе Австріи. Но не всякое правительство начинаетъ войну, когда хочетъ, развѣ бы принуждено было къ тому необходимыми обстоятельствами: оно начинаетъ ее, когда можетъ. Австрія не была еще готова въ эту минуту. При разрывѣ съ Россіею, ей надлежало быть обезпеченною со стороны Германіи, и имѣть подъ ружьемъ пятьсотъ тысячъ человѣкъ. Достоинство ея, выгоды, примѣръ западныхъ державъ побуждали ее рѣшиться и дѣйствовать. Благоразуміе совѣтовало ей ждать и составить вокругъ себя связь военныхъ силъ и политическихъ союзовъ, прежде нежели вмѣшиваться въ борьбу.—Но что могли сдѣлать союзные генералы въ Вар-

нѣ по отступленіи союзной арміи? Оставаться въ бездѣйствіи, которое произвело бы упадокъ духа, и неизбѣжно уронило бы славу нашихъ знаменъ? Ни военная честь, ни политическія выгоды не позволили бы главнокомандующимъ подобнаго положенія. Когда выступили на эту великую сцену, неподвижность была уже невозможна. Надобно было дѣйствовать, показать солдатамъ цѣль, поразить страхомъ непріятеля и подстрекнуть Европу къ честолюбію послѣдовать за нами, давъ ей случай насъ уважать и намъ удивляться. Тогда рѣшено было произвести высадку въ Крымъ. Экспедиція къ Севастополю могла ускорить развязку войны. Она имѣла цѣль опредѣленную и ограниченную. Она могла доставить союзникамъ провинцію и крѣпость, которыя по завоеваніи становились залогомъ и средствомъ размѣна для пріобрѣтенія мира. Подъ вліяніемъ этихъ причинъ, главнокомандующіе возъимѣли мысль объ этой экспедиціи, и рѣшили ее исполнить. По разсмотрѣніи этого предположенія въ Парижѣ и въ Лондонѣ, маршалъ *Сентъ-Арно* получилъ не инструкціи, ихъ нельзя было дать на такомъ огромномъ разстояніи, но слѣдующіе совѣты: «Собрать точныя свѣдѣнія о силахъ русскихъ въ Крыму. Если онѣ не слишкомъ значительны, произвесть высадку въ такомъ мѣстѣ, которое могло бы служить основнымъ операціоннымъ пунктомъ. Лучшимъ мѣстомъ кажется Кафа, нынѣ Ѳеодосія. Хотя этотъ пунктъ имѣетъ то неудобство, что онъ въ сорока миляхъ отъ Севастополя, но представляетъ большія выгоды. Во-первыхъ, бухта Ѳеодосіи просторна и безопасна для всѣхъ судовъ эскадры и для тѣхъ, которыя будутъ доставлять арміи продовольствіе. Во-вторыхъ, утвердившись однажды на этомъ пунктѣ, можно сдѣлать его основнымъ операціоннымъ пунктомъ. Занявъ такимъ образомъ восточную оконечность Крыма, можно отражать всѣ подкрѣпленія, привозимыя по Азовскому морю и съ Кавказа. Можно двинуться въ средину области, пользуясь всѣми ея средствами. Можно занять Симферополь, какъ стратегическій пунктъ полуострова. Можно потомъ направиться на Севастополь, и вѣроятно, по этой дорогѣ было бы дано большое сраженіе.

Если оно проиграно, то въ порядкѣ можно отступить на Кафу—и ничего не потеряно; если сраженіе выиграно, начать осаду Севастополя, который окруженъ будетъ со всѣхъ сторонъ и вскорѣ долженъ будетъ сдаться.

«По несчастію, не послѣдовали симъ совѣтамъ. Или главнокомандующіе не имѣли довольно войскъ, чтобъ совершить длинный переходъ чрезъ Крымъ, или ожидали быстрѣйшаго результата отъ смѣлаго и внезапнаго нападенія, но извѣстно, что они рѣшились сдѣлать высадку въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Севастополя. Славное сраженіе при Альмѣ сперва оправдало ихъ. Едва одержавъ побѣду, они замѣтили, что, не имѣя порта, не имѣютъ они и операціонной линіи. Тогда, увлеченные непреодолимымъ инстинктомъ самосохраненія, который никогда не обманываетъ, они быстро двинулись на югъ отъ Севастополя къ Балаклавѣ. Притомъ же ясно было, что армія не могла иначе держаться и существовать, какъ въ непосредственномъ сообщеніи съ флотомъ. Но это принужденное и необходимое возвращеніе къ морю имѣло послѣдствіемъ оставленіе сѣверовосточныхъ высотъ Севастополя, которыхъ занятіе нужно было для обложенія города со всѣхъ сторонъ. Дѣйствительно, англо-французская армія не была довольно многочисленна, чтобъ совершенно обложить его. И такъ, должно было ограничиться атакою южной части. Для приведенія сего въ исполненіе, англичане овладѣли Балаклавою. Французы же, отыскивая опорный пунктъ на берегу для выгрузки своихъ припасовъ и артиллерійскихъ снарядовъ, по счастію нашли камышевую гавань. Солдаты, которые никогда не обманываются, назвали ее дѣйствительно *гаванью провидѣнія*. Извѣстно, что Севастополь не окруженъ стѣнами и валомъ. Онъ скорѣе можетъ назваться большимъ укрѣпленнымъ лагеремъ, съ 15 или 20,000 солдатъ, которые, при началѣ осадныхъ работъ, защищены уже были многочисленными земляными батареями и въ особенности русскимъ флотомъ, который съ выгодной своей позиціи въ задней части бухты обстрѣливалъ всѣ подступы союзниковъ къ крѣпости. Въ это время, то есть, когда англо-французская армія пришла къ Севастополю,

можетъ быть, возможно было рѣшиться на приступъ. Но это предпріятіе было опасно, доколѣ не имѣли достаточной артиллеріи, чтобъ заставить замолчать непріятельскую. Правда, что не было ничего невозможнаго для англо-французской арміи, составленной изъ такихъ генераловъ и солдатъ, которые потомъ, въ теченіе полугода, доказали свое мужество во всѣхъ опасностяхъ, утомленіяхъ и страданіяхъ продолжительной осады. Но подобную смѣлую попытку могъ оправдать только успѣхъ. Отвѣтственность начальства обязываетъ прежде всего къ благоразумію, а благоразуміе предписывало главнокомандующимъ не ходить на приступъ, имѣя не болѣе 50,000 человѣкъ, разставленныхъ на скалѣ, терпѣвшихъ недостатокъ въ артиллеріи, въ боевыхъ припасахъ, въ резервѣ, и не имѣвшихъ позади себя укрѣпленій на случай неуспѣха, а единственнымъ убѣжищемъ корабли свои. Это значило предоставлять случаю всю участь экспедиціи, и на это нельзя рѣшиться за 800 миль отъ своего отечества. Когда былъ пропущенъ случай къ нечаянному нападенію послѣ сраженія при Альмѣ, оставалось вести регулярную осаду по правиламъ науки. Съ самаго начала этого труднаго предпріятія русскіе приняли двѣ мѣры, весьма для нихъ выгодныя и прискорбныя для насъ. Первая состояла въ стратегическомъ движеніи князя *Меншикова*, который, вмѣсто того чтобъ запереться въ Севастополѣ, направился къ Симферополю, остался потомъ въ открытомъ полѣ, и сохранилъ сообщенія съ осажденнымъ городомъ. Вторая состояла въ энергической рѣшимости потопить большую часть своихъ военныхъ кораблей. Это дозволило непріятелю сдѣлать свою гавань недоступною нашимъ флотамъ, пріобрѣсть для защиты города отъ пяти до шести сотъ пушекъ съ боевыми ихъ снарядами и моряками, употребленными на батареяхъ артиллеристами. Такимъ образомъ, хотя городъ и прежде представлялъ грозную защиту изъ пушекъ, но послѣ этого вдругъ какъ бы волшебствомъ воздвиглись новыя батареи, и наша слабая осадная артиллерія не могла уже заставить замолчать огонь осажденныхъ. Съ этой минуты было очевидно для всѣхъ, что Севастополь не иначе будетъ взятъ, какъ послѣ про-

должительной борьбы, посредствомъ весьма сильныхъ подкрѣпленій, и, можетъ быть, цѣною нѣсколькихъ кровопролитныхъ сраженій. Это положеніе дѣлъ было важно. Главнокомандующіе оцѣнили его съ спокойнымъ духомъ, возвышающимъ характеры до степени затруднительнѣйшей отвѣтственности.

«Здѣсь можно сказать нѣсколько словъ о генералѣ *Канроберъ* и лордѣ *Рагланъ*, какъ будетъ о нихъ говорить исторія. Роль ихъ на этой великой сценѣ была достойна тѣхъ державъ, которыя вручили имъ свои мечи. Видя огромныя препятствія, они измѣрили ихъ для того, чтобъ восторжествовать надъ ними своимъ мужествомъ, постоянствомъ и усердіемъ. Армія, поддерживаемая ихъ примѣромъ, переносила все безропотно. Подвергнутая всѣмъ суровостямъ жестокой зимы, не имѣя для предохраненія себя отъ стужи, снѣга и проливныхъ дождей ничего, кромѣ землянокъ и маленькихъ палатокъ, она не отказывалась ни отъ какого пожертвованія для чести знаменъ своихъ, отечества и довѣренности своихъ предводителей, которыхъ научилась любить и уважать на полѣ битвы».

«Чтобъ оцѣнить огромныя затрудненія предпріятія, составленнаго и исполненнаго главнокомандующими, не безполезно будетъ объяснить это для тѣхъ, которые не знаютъ, въ чемъ состоитъ правильная осада, и почему Севастополь находится внѣ всѣхъ правилъ науки, которую обезсмертилъ Вобанъ. Скажемъ, во-первыхъ, что Севастополь, сильно укрѣпленный съ моря, не имѣетъ правильныхъ укрѣпленій съ юга. Ограда города защищена неглубокимъ рвомъ, котораго земля, выброшенная на внѣшнюю сторону, составляетъ парапетъ. На первомъ планѣ находятся рогатки и волчьи ямы, а батареи съ перекрестными своими огнями устроены впереди этой ограды, и слѣдуютъ далѣе къ центру города, возвышаясь одна надъ другою. Сверхъ того, по гавани ходятъ военные пароходы, которые, какъ подвижныя батареи, защищаютъ фланги всѣхъ оборонительныхъ укрѣпленій. Осадныя операціи до приступа могутъ раздѣляться на слѣдующіе четыре разряда: 1) обложеніе; 2) открытіе траншей; 3) построеніе парал-

лелей и батарей и дѣйствіе съ послѣднихъ; 4) устройство кронверка на прикрытомъ пути, построеніе брешь-батарей и контръ-батарей. 1) *Обложеніе.* Это значитъ обложить городъ войскомъ со всѣхъ сторонъ, чтобъ во время осады не могъ онъ получить никакого подкрѣпленія людьми, боевыми и съѣстными припасами. По общимъ правиламъ считаютъ, что армія осаждающихъ должна быть впятеро или вшестеро сильнѣе осажденной. Мы уже сказали, что Севастополя нельзя было еще обложить, и осаждающая армія была не болѣе какъ вдвое сильнѣе осажденной; мы не считаемъ еще обсерваціонной арміи, которая удерживаетъ вспомогательную непріятельскую. 2) *Открытіе траншеи.* Онѣ обыкновенно дѣлаются въ 300—600 метрахъ отъ крѣпости. Извѣстно, что траншея состоитъ изъ вырытаго рва, котораго земля, выбрасываемая къ сторонѣ города, образуетъ парапетъ, защищающій солдатъ отъ непріятельскихъ выстрѣловъ. Въ Севастополѣ, русскіе употребляли орудія большаго калибра съ своего флота, которыя бьютъ на огромное разстояніе, а потому траншеи не могли быть открыты ближе, какъ въ девяти стахъ метрахъ. Но вмѣсто почвы, удобной для копанія, солдаты наши вездѣ встрѣчали камень. Это принуждало ихъ прибѣгать къ взрывамъ куска за кускомъ, и употреблять почти вездѣ мѣшки съ землею, которые, лежа одинъ на другомъ, образуютъ парапеты. Можно понять, какъ продолжительна, трудна и опасна эта работа. 3) *Открытіе огня.* Обыкновенно дѣйствуютъ на выдавшіяся части укрѣпленій, потому что онѣ слабѣе другихъ, и траншеи, окружая линію сихъ укрѣпленій, принимаютъ форму нѣсколькихъ полукруглыхъ линій, соединенныхъ между собою зигзагами. Эти полукруглыя линіи называются параллелями. Впереди сихъ линій воздвигаются батареи, которыя, обхватывая атакуемую линію въ видѣ полукруга, даютъ огню батарей сосредоточенное направленіе. Осажденный не имѣетъ этой выгоды. Это очень понятно, потому что осажденный городъ составляетъ какъ бы центръ круга, котораго окружность занимаетъ осаждающій. Въ Севастополѣ, съ одной стороны, свойство почвы, пересѣченной каменистыми оврагами, а съ другой

развитіе ограды непріятеля, не представляющей выдавшихся пунктовъ, препятствовали большею частію благопріятному расположенію, о которомъ мы говорили. 4) *Устройство кроверка на прикрытомъ пути.* Осаждающій, достигнувъ выдавшейся точки прикрытаго пути, устроеннаго около рва, окружаетъ это укрѣпленіе продольными путями вдоль каждой вѣтви, паралельно съ верхушкою парапета. Это называется устроить кронверкъ на закрытомъ пути. Тутъ воздвигаютъ брешь-батарею, которая должна обрушить стѣну въ ровъ, и образовать болѣе или менѣе удобный подъемъ для приступа. Вообще, когда достигаютъ этой критической минуты, почти всѣ пушки непріятеля бываютъ сбиты, лафеты разрушены, заряды истощены. Но какъ на флангахъ бастіоновъ остаются иногда еще нѣсколько пушекъ, то на кронверкѣ прикрытаго пути и на контръ-эскарпѣ рва строятъ контръ-батарею, которой цѣль погасить послѣдній непріятельскій огонь. Такимъ образомъ можно сказать, что, когда рѣшаются на приступъ, то вся крѣпостная артиллерія должна уже быть истреблена, гарнизонъ ослабленъ огнемъ осаждающихъ, изнуренъ работами, приведенъ въ уныніе недостаткомъ пищи и неимѣніемъ извѣстія о своей арміи внутри государства, и въ этомъ случаѣ сопротивленіе не можетъ быть дѣйствительнымъ. Въ Севастополѣ нѣтъ ничего подобнаго. Лишь только собьютъ одну пушку, тотчасъ замѣняютъ ее другою. Убьютъ людей, вмѣсто нихъ являются другіе. Запасы есть въ изобиліи, и брешь-батареи не могутъ производить дѣйствія, потому что препятствіе, противопоставляемое стѣною, замѣняется палисадами, волчьими ямами, засѣками и земляными эполементами, на которые ядро мало дѣйствуетъ. Предполагая правильную атаку противъ первоклассной крѣпости, и считая, что эта атака направлена на два полумѣсяца и одинъ бастіонъ, весь фронтъ этой линіи можетъ имѣть протяженія не болѣе 150 саженъ, а линія всей атаки до 8-ми верстъ. Прибавимъ къ этому, что, для охраненія этого огромнаго пространства траншей, армія давала день и ночь, въ теченіе шести мѣсяцевъ, по 10.000 человѣкъ въ самую суровую зиму, посреди снѣга и

дождя, и тогда можно себѣ составить слабое понятіе о трудахъ нашихъ солдатъ и тяжестяхъ осады. Въ новѣйшей исторіи нѣтъ примѣра столь труднаго и славнаго предпріятія по огромности самыхъ препятствій, по важности цѣли и по силѣ сражающихся державъ. Осаду Севастополя нельзя сравнить ни съ какою другою. Атаковать крѣпость, которая не обложена, когда непріятель, превосходнѣйшій въ числѣ, можетъ получать подкрѣпленія, запасы и снаряды, и когда у него стоитъ въ полѣ отдѣльная армія, это смѣлость, на которую дѣйствительно могли рѣшиться только Франція и Англія, соединенныя для одной цѣли. Много говорили съ удивленіемъ объ осадѣ Данцига, гдѣ геройство и наука восторжествовали надъ величайшими затрудненіями упорной и грозной защиты. Данцигъ огражденъ Вислою, изливающеюся въ Балтійское море. Устье ея закрыто фортомъ Вейксельмюнде, и потому города тоже нельзя было обложить совершенно, но можно было стать на рѣкѣ между фортомъ и городомъ, прервавъ сообщенія онаго съ моремъ, и такимъ образомъ обложить крѣпость. Это и было исполнено подъ начальствомъ маршала *Лефевра*. И что жъ? Хотя городъ былъ окруженъ нашими линіями, хотя императоръ *Наполеонъ* былъ по близости, прикрывая осаду многочисленною арміею и преграждая всякую помощь со стороны Пруссіи и Россіи, но Данцигъ противился 51 день по открытіи траншей. Нѣсколько лѣтъ спустя, послѣ московскаго отступленія, городъ этотъ, занятый французами, сдался на капитуляцію, защищавшись цѣлый годъ противъ соединенной атаки съ сухаго пути и съ моря».

«Мы могли бы упомянуть и о другихъ примѣрахъ, но довольно и этихъ, чтобъ доказать, что англо-французская армія сдѣлала въ Крыму все, чего можно было ожидать отъ ея мужества и искусства предводителей. Она не только доказала свое постоянство и твердость посреди страданій и опасностей, но, присоединивъ славу Инкермана къ сраженію при Альмѣ, она еще возвысила честь нашего оружія. Мы должны надѣяться, что цѣль ея усилій будетъ достигнута. Но общественное мнѣніе скажетъ теперь же,

и исторія повторитъ. что она заслужила и удивленіе свѣта. Мы объяснили теперь военныя дѣйствія союзныхъ правительствъ съ начала восточной экспедиціи. Съ такою же точностью и безпристрастіемъ изложимъ весь ходъ переговоровъ, причину ихъ и цѣль».

Эта статья Монитера перепечатана во всѣхъ нынѣшнихъ газетахъ. Въ «Etoile Belge» говорятъ о ней: «Статья, о которой я вамъ говорилъ вчера, напечатана сегодня въ «Монитерѣ»; она составляетъ единственный предметъ общественнаго вниманія. Каждый отыскиваетъ тайную цѣль ея обнародованія, но мудрено угадать ее. Статья не кончена. и, кажется, написана для того, чтобъ занять умы. Одни думаютъ, что хотятъ приготовить общественное мнѣніе къ снятію осады Севастополя и къ заключенію мира. Другіе полагаютъ, что это сигналъ къ прерванію конференцій. къ начатію болѣе обширной войны, къ новой конскрипціи, къ новому займу, наконецъ среднее между этими двумя мнѣніями состоитъ въ снятіи осады Севастополя, но безъ заключенія мира, а съ перенесеніемъ позорища войны на другое мѣсто. Эта статья предупреждаетъ, что будетъ другая, гдѣ изложится весь ходъ переговоровъ. И такъ. ожидающіе войны говорятъ, что правительство не могло бы объяснить переговоровъ, если бъ они не были прерваны. Причемъ увѣряютъ, впрочемъ, что депеши *Друэнъ-де-Люиза* заставляютъ предчувствовать, если даже не объявляютъ уже, неуспѣхъ вѣнскаго конгресса. Оставляю въ сторонѣ всѣ эти предположенія, чтобъ сказать что-нибудь положительное. По моему мнѣнію, статья «Монитера» составлена для того, чтобъ сложить съ императора отвѣтственность за эту экспедицію. Императоръ хотѣлъ произвесть эту экспедицію, но не въ такомъ видѣ. Кто же составилъ ее и исполнилъ? «Монитеръ» не говоритъ этого, и очень жаль. Всѣ знаютъ, что маршалъ *Сентъ-Арно* былъ главнымъ начальникомъ. Не на него ли одного хотятъ свалить всю отвѣтственность? Не можетъ быть, потому что въ письмѣ къ вдовѣ *Сентъ-Арно* императоръ выхваляетъ маршала за то, что онъ совершилъ экспеди-

цію, не смотря на *робкіе совѣты*. Слѣдственно императоръ тогда одобрялъ маршала, почему же теперь хулитъ его? Вся часть оффиціальной статьи служитъ явнымъ отвѣтомъ на брошюру генералъ-лейтенанта, надѣлавшую такъ много шуму въ Европѣ. Если бъ дозволено было отвѣчать, легко было бы доказать «Монитеру», что онъ сдѣлалъ бы умнѣе, если бъ молчалъ. Вообще этотъ манифестъ испугалъ спекуляторовъ. На биржѣ курсъ упалъ» ([1]).

Замѣчанія на предъидущую статью.

Въ нумерѣ «Times» 13-го апрѣля напечатано длинное разсмотрѣніе статьи «Монитера» о дѣйствіяхъ союзниковъ въ Крыму. Извлекаемъ изъ него важнѣйшія мѣста.

«Подробное и ясное изложеніе военныхъ дѣйствій союзниковъ на Востокѣ, обнародованное въ «Монитерѣ», будетъ читано во всѣхъ частяхъ свѣта съ живѣйшимъ любопытствомъ. Императоръ французовъ отдаетъ должную дань силѣ и справедливости общественнаго мнѣнія подвергая всѣ дѣйствія неоконченной еще кампаніи и экспедиціи суду Франціи, свѣдѣнію непріятеля и обсужденію прочихъ народовъ.

«Сознаемся, что мы читали этотъ замѣчательный документъ съ удовольствіемъ, которое было усилено неожиданнымъ открытіемъ, что стратегическія мнѣнія, выраженныя въ сей газетѣ съ самаго начала военныхъ дѣйствій, во всѣхъ пунктахъ, кромѣ одного, согласны съ видами англійскаго правительства и военныхъ его совѣтниковъ.

«Стараясь защищать эти мнѣнія всѣми доводами, которые доставляютъ намъ наши свѣдѣнія о позорищѣ войны и о военномъ искусствѣ, мы не знали, что тюльерійскій кабинетъ разсчитывалъ на успѣхъ по тѣмъ же самымъ причинамъ, какъ и мы; но хотя могли возникнуть неожиданныя затрудненія и повлечь за собою послѣдствія,

---

([1]) „Сѣверная Пчела“ 1855 г. № 78.

не соотвѣтственныя съ нашими пожертвованіями и надеждами. мы сохраняемъ, однако же. непоколебимое убѣжденіе. что главныя дѣйствія кампаніи были совершенно благоразумны, и что всякія другія были бы ошибочны.

«Читатели помнятъ. что задолго до объявленія войны, когда наши флоты были еще въ Бейкоеской губѣ, зимою съ 1853 на 1854, мы безпрестанно выставляли важность Крыма, какъ основанія нашей позиціи для защиты Константинополя и Румеліи. которые были тогда главнымъ предметомъ нашего посредничества.

Инструкціи, данныя императоромъ маршалу *Сентъ-Арно*, отъ 12-го апрѣля 1854 года. ровно за годъ предъ симъ, были прежде всего направлены на этотъ пунктъ. Галлиполи былъ основнымъ операціоннымъ пунктомъ, и мы, вмѣстѣ съ «Монитеромъ», думаемъ. что этотъ планъ въ современныхъ обстоятельствахъ былъ составленъ благоразумно и искусно.

Въ «Times» одобряютъ и твердую волю императора не идти на Дунай, и не дѣлать поисковъ въ дунайскія провинціи.

Но въ «Times» не согласны съ французскимъ правительствомъ. когда послѣднее называетъ Кафу (Ѳеодосію) лучшимъ основнымъ пунктомъ дѣйствій въ Крыму, упрекая нѣкоторымъ образомъ союзныхъ генераловъ за выборъ дурнаго пункта высадки и атаки.

«Планъ высадки въ Кафѣ (Ѳеодосіи), сказано въ «Times», часто обращалъ на себя наше вниманіе, и указанъ былъ въ нашихъ столбцахъ; но послѣ продолжительнаго пренія, въ которомъ мнѣніе наше было одобрено нѣкоторыми высшими военными авторитетами въ Европѣ, съ которыми французское правительство не совѣтовалось. мы полагали. однако же, что хотя Кафа представляетъ болѣе выгодъ противъ другихъ пунктовъ въ Крыму для высадки и перваго основанія, но положеніе сей гавани представляетъ непреодолимыя препятствія къ движенію противъ Севастополя.

«Большая ошибка арміи состояла въ томъ, что она сдѣлала высадку въ половинѣ сентября, не имѣя достаточ-

ныхъ перевозочныхъ средствъ и надлежащаго числа кавалеріи, оставаясь въ зависимости отъ флота для удовлетворенія всѣхъ своихъ потребностей. Движеніе изъ Кафы на Симферополь принудило бы армію вступить въ страну, отдѣленную отъ моря цѣпью высокихъ горъ, и подвергаясь атакамъ во флангъ отъ легкихъ непріятельскихъ войскъ.

«Подобный походъ во сто миль и въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ находилась армія прошлою осенью, былъ бы одною изъ опаснѣйшихъ попытокъ. Сдѣлать высадку въ Кафѣ, какъ желали нѣкоторые генералы, значило провести зиму въ бездѣйствіи, и тогда всѣ обвинили бы громогласно союзныя правительства въ измѣнѣ: словомъ, удобнѣе было бы провести зиму въ Босфорѣ. Но намъ кажется неосновательнымъ и невеликодушнымъ слагать отвѣтственность въ нашихъ ошибкахъ на людей, которые приняли рѣшеніе, одобрявшееся тогда общественнымъ мнѣніемъ и европейскими знатоками военнаго дѣла.

«Сверхъ того, одно изъ первыхъ предписаній, данныхъ маршалу *Сентъ-Арно*, въ случаѣ вторженія въ Крымъ, состояло въ томъ, чтобъ овладѣть Балаклавскою гаванью, и сохранить сообщенія между арміею и флотомъ.

Слѣдственно критики должны обратиться, по справедливости, не на стратегическій планъ, составленный союзными генералами: ошибки произошли болѣе въ исполненіи плана, нежели въ составленіи онаго. Сожалѣемъ, что во многихъ случаяхъ не было употреблено большаго усилія, чтобъ разбить вспомогательную армію, а во французской статьѣ утверждаютъ, что у насъ совсѣмъ не было арміи обсерваціонной.

«Мы раздѣляемъ всеобщее удивленіе о способѣ веденія осады, о попыткѣ прикрывать слишкомъ тридцать восемь верстъ траншей и укрѣпленій; о позднемъ срокѣ первой атаки; о нерадѣніи къ средствамъ, для предупрежденія и истребленія непріятельскихъ работъ, которыя какъ бы волшебствомъ воздвигались предъ нашими глазами; о странномъ ослѣпленіи, которое дозволило русскимъ занять и укрѣпить возвышеніе, составляющее ключъ ихъ пози-

цій, хотя оно на пятьдесятъ саженъ ближе къ французскимъ, нежели къ ихъ линіямъ.

«Вотъ нѣкоторыя изъ причинъ, повредившихъ осадѣ. О нихъ можно сказать одно: русскіе оказали болѣе искусства, силы и изобрѣтательнаго генія въ своей оборонѣ, нежели союзники въ своей атакѣ.

«Конечно, затрудненія осаждающихъ были велики и чрезвычайны: но затрудненія осажденныхъ были точно такія же, а все военное искусство состоитъ въ томъ, чтобъ пользоваться этими затрудненіями, обращая ихъ противъ своихъ противниковъ.

«И такъ, соглашаясь съ общимъ изложеніемъ французской статьи касательно стратегическихъ дѣйствій кампаніи, мы не можемъ допустить техническаго оправданія ея въ разсужденіи осадныхъ дѣйствій. Напротивъ того, намъ кажется, что союзныя арміи оказали слабость въ отношеніи къ искусству, на которое мы наиболѣе надѣялись, и теперь, по испытаніи талантовъ нашихъ инженеровъ, принуждены прибѣгнуть къ борьбѣ въ открытомъ полѣ. Искренно надѣемся, что примутъ наконецъ это рѣшеніе, о которомъ мы толкуемъ уже болѣе мѣсяца. Но если не употребятъ болѣе энергіи въ начальствѣ и болѣе силы въ изобрѣтательности, чѣмъ до сихъ поръ употребляли, то невозможно продолжать войну съ успѣхомъ (¹)».

Извѣстная статья французскаго «Монитера» о крымской экспедиціи вызвала со стороны «Аугсбургской Всеобщей Газеты» очень дѣльный отвѣтъ, который почитаемъ не лишнимъ сообщить, въ извлеченіи, нашимъ читателямъ.

Доказавъ, что, во всѣхъ военныхъ предпріятіяхъ, цѣль всегда должна соотвѣтствовать средствамъ, и что средства союзниковъ далеко не соотвѣтствовали цѣли, которую предположили себѣ западныя державы, «Аугсбургская Газета» продолжаетъ:

«Неужели, въ самомъ дѣлѣ, могли имѣть какое-нибудь

(¹) „Сѣверная Пчела“ 1855 г. № 79.

право надѣяться на успѣхъ восточной экспедиціи, предпринятой съ 60.000 англичанъ и французовъ, у которыхъ не было ни достаточныхъ перевозочныхъ средствъ, ни мостовыхъ экипажей, ни достаточной кавалеріи, ни резерва, ни устроеннаго парка, ни складовъ съѣстныхъ припасовъ, ни запасовъ военныхъ въ достаточномъ количествѣ, войскъ, имѣвшихъ основаніемъ дѣйствій своихъ море, отъ котораго они не могли удалиться, не предоставивъ всего на произволъ слѣпаго случая (такъ говоритъ самъ «Мониторъ»)? Неужели забыли, что Россія уже была атакована почти всею Европою, что величайшій полководецъ новѣйшихъ временъ уже вступалъ въ нее съ 600,000 чел., одержалъ надъ русскими побѣду въ нѣсколькихъ кровопролитныхъ сраженіяхъ, глубоко проникъ во внутренность Имперіи, стоялъ со 100.000 чел. въ ея древней столицѣ, что Россія, не смотря на всѣ эти удары, осталась не побѣжденною, а продолжала войну до тѣхъ поръ, пока императоръ Александръ не ввелъ въ Парижъ своей гвардіи? Неужели не знали, что силы Россіи возрасли съ того времени еще болѣе?..

«Прежде нежели приступимъ къ разсмотрѣнію похода союзниковъ въ Крымъ, мы должны обсудить вопросъ, совершенно упущенный «Мониторомъ» изъ вида. Когда поручаютъ кому-нибудь главное начальство надъ арміею, которая «должна сражаться за 600 миль отъ отечества», на этого полководца возлагаютъ огромную отвѣтственность; но за выборъ полководца отвѣтствуетъ правительство.

«Какія права имѣлъ маршалъ *Сентъ-Арно* на званіе главнокомандующаго? Прошлое этого человѣка извѣстно всему свѣту: онъ нигдѣ не представилъ доказательствъ высшихъ военныхъ дарованій, хотя, быть можетъ, и былъ способенъ командовать отдѣльнымъ корпусомъ противъ кабиловъ или вести въ бой, въ правильномъ сраженіи, какую-нибудь дивизію. Изгнанные генералы называли его sabreur, то есть, рубакою, безъ высшаго взгляда. Но, положимъ, 2-го декабря императоръ *Наполеонъ* самъ убѣдился въ способности генерала на что-нибудь большее; согласимся, что ему прежде всего нуженъ былъ безусловно преданный полко-

водецъ, и что онъ, въ этомъ отношеніи, ни въ комъ не былъ такъ увѣренъ, какъ въ *Сентъ-Арно*: послѣднее, однако жь, нисколько не оправдываетъ, по нашему мнѣнію, выбора, потому что *Людовикъ-Наполеонъ* знаетъ французовъ очень хорошо и не можетъ не знать, что тамъ, гдѣ дѣло идетъ о l'honneur et la gloire de France (чести и славѣ Франціи), онъ могъ вполнѣ положиться на армію. Во всякомъ случаѣ, противъ выбора *Сентъ-Арно* можно по всей справедливости привести двѣ причины:

«Во-первыхъ, *Сентъ-Арно* не пользовался ни довѣріемъ, ни уваженіемъ арміи: авторъ этой статьи долго жилъ въ лагерѣ съ французскими войсками и никогда не слыхивалъ, чтобы кто-нибудь, въ серьезномъ разговорѣ или за бутылкою вина, отозвался о маршалѣ съ любовью или, по крайней мѣрѣ, съ уваженіемъ. Но пусть это дѣло сомнительное и нерѣшенное; тѣмъ важнѣе и неоспоримѣе вторая причина: *маршалъ де-Сентъ-Арно былъ больной человѣкъ, близкій къ смерти* Въ свое время самъ «Монитеръ» сознавался въ этомъ и даже почиталъ «чудомъ», что маршалъ могъ прожить столько времени. Значитъ, избирая маршала *Сентъ Арно*, не только должны были навѣрное знать, что отъ него нельзя ждать дѣятельности даже обыкновеннаго полководца, но и предвидѣть, что командованіе арміею можетъ перейти въ другія руки въ самую рѣшительную минуту; что новый главнокомандующій легко можетъ быть вовсе несогласнымъ съ мѣрами маршала и, такимъ образомъ, долженъ будетъ продолжать, подъ своею отвѣтственностію, предпріятіе, начатое совершенно противъ его убѣжденія.

«Это и подлинно случилось такъ и всегда можетъ случиться; но, въ настоящемъ случаѣ, не предвидѣть такого результата было невозможно. Съ малочисленною, дурно устроенною, недостаточно снабженною арміею, предводительствуемою генераломъ, не отличавшимся большими способностями и бывшимъ при-смерти, взялись за предпріятіе, о которое сокрушились силы Марса нашихъ временъ, съ его слишкомъ полу-милліонною арміею!

«Замѣтимъ еще мимоходомъ, что больному при-смерти

человѣку, едва возвратившемуся съ Гіэрскихъ острововъ, напрасно предписывали «имѣть величайшее попеченіе о здоровьи войскъ», потому что ему навѣрное слишкомъ много было хлопотъ и съ своимъ собственнымъ здоровьемъ. Но что должно разумѣть подъ «двумя третями благопріятныхъ вѣроятностей», при какихъ маршалъ только могъ дать сраженіе? Если разумѣютъ подъ этимъ то, что маршалъ долженъ былъ употреблять въ дѣло слабое, дурно снабженное войско лишь «съ величайшею осторожностію», то, безъ сомнѣнія, думали, что русскихъ можно напугать одною демонстраціею. Пагубная несообразность средствъ союзниковъ съ предположенною цѣлью обнаруживается на каждомъ шагу до самаго прибытія армій подъ Севастополь. Искуснымъ и основательнымъ дѣйствіемъ союзниковъ было только утвержденіе ихъ на галлиполійскомъ полуостровѣ. Галлиполи, дѣйствительно, могъ служить точкою опоры для дѣйствій французской арміи и складочнымъ мѣстомъ для запасовъ.

«То, что говорится въ инструкціи Императора Наполеона о дѣйствіи, какое произвело бы присутствіе союзниковъ въ Галлиполи на русскую армію, при ея движеніи къ Константинополю, въ высшей степени сомнительно, если не вовсе несправедливо. Если бы русская армія дѣйствительно двинулась къ Константинополю, то, значитъ, дунайскія крѣпости были бы тогда уже взяты или, по крайней мѣрѣ, тѣсно обложены, турки въ открытомъ полѣ разбиты на-голову и разсѣяны и греки на полуостровѣ въ полномъ возстаніи. 60,000 русскихъ навѣрное не остановились бы на этомъ пути отъ того, что у нихъ стояло во флангѣ 60,000 дурно снаряженныхъ англичанъ и французовъ; ихъ главныхъ силъ было бы достаточно для завоеванія Константинополя или, по крайней мѣрѣ, Перы, у которыхъ нѣтъ даже и старыхъ укрѣпленій; или вся масса русской арміи пошла бы къ Босфору, утвердилась бы на немъ, заперла бы его, оставила бы сообщеніе черезъ Дунай и открыла бы другое сообщеніе моремъ, потому что на Черномъ морѣ еще не было тогда союзныхъ флотовъ.

«Фланговыя позиціи важны только тогда, когда занима-

ющая ихъ армія способна къ движенію; на французовъ же въ Галлиполи, гдѣ они, какъ и въ Варнѣ, были прикованы къ своему флоту, русская армія, идущая на Константинополь, могла смотрѣть довольно равнодушно, если только была въ достаточныхъ силахъ. Надежда, будто 60,000 англо-французовъ въ Галлиполи, въ ихъ «независимомъ положеніи», послужили бы для столицы оттоманской имперіи крѣпкимъ щитомъ, была пріятною мечтою, которая ни въ какомъ случаѣ не могла осуществиться.

«Далѣе, мы не понимаемъ, какимъ образомъ, сознаваясь, что въ Варнѣ (какъ еще и нынѣ въ Крыму) армія не была способна къ движенію по недостатку обозовъ и складовъ, можно говорить о походѣ черезъ Балканы и защищеніи ихъ. Экспедиція въ Варну ясно показываетъ, что союзники обманулись и въ положеніи турецкой имперіи, и въ собственныхъ силахъ. Всѣ причины, о которыхъ не знали ничего вдали отъ театра войны, вдругъ обнаружились, когда союзники подошли уже близко къ непріятелю и когда надобно было думать не о приготовленіяхъ къ войнѣ, а о самой войнѣ. По прибытіи союзныхъ армій въ Варну оказалось, что онѣ *не могутъ дѣйствовать*. «Мониторъ» самъ сознается въ этомъ. Къ счастію союзниковъ, угрожающее положеніе, принятое Австріею, принудило русскихъ снять осаду съ Силистріи и отступить за Дунай.

«Мониторъ», очень хорошо зная, почему англо-французы не атаковали русскихъ, почему они не приняли вызова, который послѣдніе сдѣлали имъ, атаковавъ Силистрію, не приводитъ, однакожь, никакой другой тому причины, кромѣ «присутствія союзниковъ», котораго, по его словамъ, было достаточно для принужденія русскихъ перейти на лѣвый берегъ Дуная. Въ этомъ нѣтъ даже и тѣни правды, потому что русскіе еще долго послѣ прибытія союзниковъ въ Варну стояли на правомъ берегу. Тогда слѣдствія необдуманнаго движенія въ Болгарію начали понуждать союзниковъ рѣшиться на что-нибудь, потому что оставаться въ самой Варнѣ было нельзя. «По прибытіи на театръ войны», говоритъ «Мониторъ», «неподвижность стала невозможною». Союзники пытались атаковать русскихъ въ Доб-

руджѣ; но урокъ былъ такъ жестокъ, что они отказались не только отъ Добруджи, но и отъ всякаго движенія къ Дунаю, увидѣли, что они прикованы къ морскому берегу, и почувствовали, что даже силы ихъ не могутъ идти въ сравненіе съ силами противника.

«Послѣ этого намъ кажется весьма страннымъ упрекъ «Монитера», что *Сентъ-Арно* не исполнилъ данныхъ ему инструкцій, не высадился при Кафѣ (Ѳеодосіи) и не избралъ ея въ основаніе дѣйствій. Если союзная армія была не въ состояніи и нѣсколько дней поддержать сообщеніе съ Эвпаторіею, отстоящею отъ Севастополя на половину ближе Кафы, то ясно, что для нея было вдвойнѣ невозможно вести войну въ Крыму изъ Кафы. Уже по однимъ продовольственнымъ причинамъ армія могла двигаться только по берегу моря, на которомъ, къ счастію, стоялъ и Севастополь. Если бъ сраженіе при Симферополѣ, о возможности котораго говоритъ «Монитеръ», не повело къ уничтоженію непріятеля (что было весьма вѣроятно при недостаткѣ кавалеріи), то союзники очутились бы въ томъ же положеніи, въ какомъ они были послѣ сраженія при Альмѣ, съ тою еще разницею, что дорога отъ Альмы къ Севастополю была короче и *вела вдоль берега*. Значитъ, приписывать этому неуспѣхъ крымской экспедиціи не совсѣмъ лестно для того, кто начерталъ планъ. Почти всѣ русскія подкрѣпленія прибыли въ Крымъ чрезъ Перекопъ; да и невѣроятно было, чтобы ихъ стали присылать изъ Закавказья: лишнихъ войскъ не было тамъ никогда. Потому «Монитеръ», говоря, что маршалъ *Сентъ-Арно* не послѣдовалъ совѣтамъ правительства, долженъ былъ бы употребить, вмѣсто слова «къ сожалѣнію», слово «къ счастію».

«Перейдемъ теперь къ самому предпріятію противъ Севастополя.

«Союзники высадились на плоскій берегъ у Эвпаторіи безъ дальнихъ затрудненій, потому что русскіе или въ самомъ дѣлѣ не ожидали ихъ въ этомъ мѣстѣ, или вовсе не имѣли намѣренія препятствовать высадкѣ. Напротивъ, они расположились на единственной дорогѣ, по которой союзники могли идти къ Севастополю, вслѣдствіе чего дѣло

дошло до сраженія на Альмѣ, удачнаго для союзниковъ. Здѣсь союзники сдѣлали столь важную ошибку, что ее можно объяснить только болѣзнію марша *Сентъ-Арно* и преклонностію лѣтъ лорда *Раглана*. Союзникамъ, бывшимъ вдвое сильнѣе русскихъ, представлялся случай уничтожить русскую армію въ Крыму, атаковавъ ее, при ея отступленіи, съ фронта и праваго фланга и прижавъ ее лѣвымъ флангомъ къ морю. Англо-французы поступили совершенно иначе. Ошибка эта такъ непростительна, что маршалъ *Сентъ-Арно* заслуживалъ за нее самаго строгаго порицанія. Вмѣсто того «Мониторъ», въ свое время, осыпалъ его за то лаврами, и, въ благодарность, тѣло *Сентъ-Арно* было погребено въ церкви инвалидовъ, подлѣ останковъ Тюренния и Наполеона!

«Послѣ сраженія при Альмѣ у союзниковъ оставалось, по ихъ собственному сознанію, никакъ не болѣе 50,000 чел., безъ обозовъ, безъ кавалеріи, безъ артиллеріи, безъ военныхъ запасовъ. Имъ противустоялъ въ полѣ князь *Меншиковъ* съ 30,000 чел. войска, снабженнаго всѣмъ необходимымъ, не считая 20,000 испытанныхъ воиновъ за валами Севастополя.

«Армія, какъ извѣстно, обошла послѣ дѣла при Альмѣ около крѣпости и утвердилась на возвышенной площади, лежащей на югѣ. «Мониторъ» говоритъ, что солдаты назвали Камышевую бухту гаванью «Провидѣнія», потому что армія «могла существовать только въ непосредственной связи съ флотомъ». Какъ согласить это съ «сожалѣніемъ» о томъ, что союзники не избрали въ основаніе дѣйствій своихъ Кафу — предоставляемъ рѣшить читателямъ. Между тѣмъ въ Европѣ распространилось пресловутое татарское извѣстіе о взятіи Севастополя. Что этому извѣстію повѣрили всѣ, что самъ императоръ Наполеонъ принялъ его за несомнѣнное, это показываетъ, до какой степени западныя державы не сознавали трудности задачи. Небольшой ошибки въ разсчетѣ нельзя избѣжать никогда; но почитать минутнымъ дѣломъ то, чего не могли совершить въ продолженіе девяти мѣсяцевъ и при чрезвычайномъ напряженіи силъ, верхъ нелѣпости.»

«Монитеръ» представляетъ Севастополь укрѣпленнымъ лагеремъ, не окруженнымъ стѣною съ валомъ и рвомъ. Изображеніе это, конечно, мало соотвѣтствуетъ дѣйствительности; но севастопольскія укрѣпленія, въ самомъ дѣлѣ, были назначены не столько для защиты города и складовъ, сколько для доставленія гарнизону возможности сражаться при выгодныхъ условіяхъ. Впрочемъ, какъ видно изъ дальнѣйшихъ разсужденій «Монитера», авторъ его знаменитой статьи смыслитъ не очень много въ новѣйшемъ искусствѣ осаждать и защищать крѣпости; онъ принялъ въ свою статью только то, что нашелъ въ старыхъ учебникахъ, и не пошелъ далѣе Вобана — быть можетъ потому, что Вобанъ нашего времени, Астеръ, былъ нѣмецъ.

«Монитеръ» старается потомъ оправдать выборъ союзниками способа атаки.

«Только люди, вовсе непонимающіе дѣла, стали бы требовать, чтобы союзники попытались взять Севастополь однимъ ударомъ — въ этомъ «Монитеру» нѣтъ надобности извиняться; но нельзя одобрить и того, что онъ переходитъ отъ этого рода атаки прямо къ правильной осадѣ, по всѣмъ «правиламъ военнаго искусства». Такъ называемая «усиленная атака» раздѣляла эти двѣ крайности. Не говоримъ, что она привела бы къ цѣли, но она была самымъ естественнымъ родомъ атаки, соотвѣтствовавшимъ существу всей крымской экспедиціи и, вообще, совершенно согласнымъ съ существомъ нашихъ нынѣшнихъ войнъ. Конечно, мы должны замѣтить, что французы еще никогда не употребляли этого способа атаки. Далѣе «Монитеръ» говоритъ:

«Съ самаго начала осады русскіе приняли двѣ мѣры, для нихъ чрезвычайно полезныя, а для насъ чрезвычайно вредныя. Первою изъ этихъ мѣръ было стратегическое движеніе князя *Меншикова*, который, вмѣсто того, чтобъ запереться въ Севастополѣ, обратился къ Симферополю, оставался потомъ въ полѣ и обезпечилъ свободное сообщеніе съ осажденнымъ городомъ; второю — энергическая рѣшимость потопить большую часть военныхъ судовъ, что

позволило непріятелю сдѣлать его гавань недоступною для нашего флота», и проч.

«Но обложить весь Севастополь было невозможно во всякомъ случаѣ, стоялъ-ли князь *Меншиковъ* съ своими 30,000 чел. въ полѣ, или оставался бы съ ними въ крѣпости. О томъ, чтобы, имѣя не болѣе 50,000 человѣкъ войска, безъ артиллеріи, безъ военныхъ запасовъ, безъ обоза, обложить столь обширную и такъ расположенную крѣпость, какъ Севастополь, когда притомъ въ ней 50,000 человѣкъ, нечего, кажется, и говорить. Что касается до второй мѣры, то союзный флотъ, безъ сомнѣнія, очень счастливъ, что ему помѣшали быть употребленнымъ на такіе опыты, на какіе указываетъ «Мониторъ». Можно навѣрное сказать, что ни одно судно не воротилось бы съ подобной попытки. Союзники вѣдь пробовали толкнуться въ Карантинный фортъ, сосредоточивъ на немъ огонь всей артиллеріи французскаго флота, но были же принуждены какъ можно скорѣе отступить на самое приличное разстояніе. И теперь, пожалуй, ничто не препятствуетъ флоту возобновить бой съ Константиновскимъ, Александровскимъ и Карантиннымъ фортами, ничто, кромѣ увѣренности, что этотъ бой будетъ его гибелью. Если флотъ былъ принужденъ отступить такъ поспѣшно даже и отъ одного верка, чтожъ было бы съ нимъ, когда бы онъ подвергся дѣйствію всѣхъ батарей гавани? севастопольская гавань была бы могилою союзныхъ флотовъ.

«Въ заключеніе своей статьи, «Мониторъ» приводитъ причины, почему осада, производимая «по всѣмъ правиламъ военнаго искусства», такъ мало подвинулась въ продолженіе полугода. «Мониторъ» отвѣчаетъ: «потому что осада эта выходитъ изъ круга всѣхъ правилъ». Если въ самомъ дѣлѣ воображали, что должно было ожидать такой осады, какую изображаетъ намъ «Мониторъ,» то мы по истинѣ не понимаемъ больше французской арміи, ибо изображеніе это противорѣчитъ всѣмъ успѣхамъ военнаго искусства и отстало отъ науки на цѣлыя полстолѣтія».

«Мы едва вѣрили своимъ глазамъ, читая о систематическомъ поступательномъ движеніи, о периферіи крайняго

круга параллелей, о разныхъ окружностяхъ къ центру крѣпости, о штурмѣ, начинающемся тогда, когда вся артиллерія непріятельской крѣпости уничтожена, о контръбатареяхъ, которыя заставляютъ умолкнуть послѣднія орудія непріятеля.

«Для тѣхъ изъ нашихъ читателей, которые не принадлежатъ къ кругу знатоковъ военнаго дѣла, замѣтимъ только, что новѣйшій способъ осады крѣпостей нисколько не похожъ на описанный «Монитеромъ». Атака крѣпостей уже не имѣетъ въ наше время систематическаго, одностороние-артиллерійскаго характера, а отличается характеромъ неправильнымъ и какъ бы насильственнымъ. Преобладаніе метательнаго огня съ одной стороны, безопасное отъ бомбъ прикрытіе съ другой, сосредоточеніе осадныхъ пушекъ, удаленіе слабой полевой артиллеріи и быстрыя перемѣны въ ея постановкѣ, или противудѣйствіе крѣпостной артиллеріи тоже массами, при пѣхотномъ боѣ въ разсыпную (стрѣлки) или въ массахъ — вотъ формы боя, совершенно отличающія новѣйшее искуство осаждать и защищать крѣпости отъ стараго. Но это лишь половина перемѣны, послѣдняя часть которой сама показываетъ, что прежнее поступательное движеніе отъ параллели (позиціи) къ параллели, отъ окружности къ окружности, нынѣ вовсе не можетъ быть правильнымъ, особенно когда основаніе, съ котораго защитникъ ведетъ оборону, измѣняется. Изъ всего этого слѣдуетъ, что «Монитеру» не мѣшало бы, принимаясь за составленіе подобной статьи, справиться прежде, не оказало-ли военное искуство какихъ-нибудь успѣховъ со временъ Вобана.

«Кто знакомъ, напримѣръ, съ сочиненіями *Астера*, тотъ увидитъ сейчасъ, что оборона Севастополя, какъ въ отношеніи къ бою войскъ, употребленію артиллерійскаго и ружейнаго огня и бою холоднымъ оружіемъ, такъ и въ отношеніи къ земляннымъ работамъ, ведется совершенно въ духѣ новѣйшаго искуства, тогда какъ «Монитеръ» толкуетъ намъ о временахъ давно прошедшихъ.

«Не сомнѣваемся, что образованная французская армія была совсѣмъ другихъ понятій о крѣпостной войнѣ, ее

ожидавшей: «робкія мнѣнія» доказываютъ это; но весьма замѣчательно, что людямъ, въ послѣдней инстанціи утвердившимъ планъ дѣйствій Восточной арміи, «Мониторъ» приписываетъ тотъ самый образъ мыслей, который выраженъ въ его статьѣ. Вмѣсто того, чтобъ оправдать людей, начертавшихъ этотъ планъ, статья «Монитера» обвиняетъ ихъ вдвое болѣе: они не понимали самыхъ обыкновенныхъ требованій военнаго искусства нашихъ временъ.

«Замѣчательно еще, что односторонняя систематика, изложенная въ статьѣ «Монитера», встрѣчается тоже въ полу-оконченной «исторіи артиллеріи», а также и въ изложеніи причинъ ко введенію во французскую артиллерію изобрѣтенныхъ вторично 12-ти-фунтовыхъ пушекъ-гаубицъ, какъ единственнаго полеваго орудія ([1])».

Донесенія князя Меншикова отъ 27-го и 31-го октября.

Генералъ-адъютантъ князь *Меншиковъ* донесъ Государю Императору, отъ 27-го октября (8-го ноября), что осадныя работы противъ Севастополя продолжались. Не смотря на огонь непріятельскихъ батарей, преимущественно направленный на бастіонъ № 4-го, всѣ наносимыя нашимъ укрѣпленіямъ поврежденія исправляются успѣшно, а войска, по прежнему, одушевлены геройскимъ мужествомъ. Непріятель сильно укрѣпляетъ правый флангъ своей позиціи.

По достовѣрнымъ свѣдѣніямъ. собраннымъ послѣ дѣла 24-го октября. оказывается, что потеря, понесенная нашими войсками въ этотъ день, была значительнѣе, чѣмъ первоначально предполагалось. Впрочемъ, бой, продолжавшійся восемь часовъ безпрерывно съ такимъ упорствомъ и ожесточеніемъ съ обѣихъ сторонъ, не могъ обойтись безъ значительныхъ жертвъ. Съ нашей стороны число убитыхъ простирается всего до 2,969 человѣкъ, со включеніемъ 42 штабъ и оберъ-офицеровъ; раненыхъ до 5,791, въ томъ числѣ 2 генерала и 206 штабъ и оберъ-офицє-

---

([1]) «Русскій Инвалидъ» 1855 г. № 145: Извѣстно, что большую часть статьи «Монитера» приписываютъ перу самого Людовика-Наполеона.

ровъ. Однакожь, въ этомъ числѣ весьма много легко раненыхъ, которые поступили уже снова въ строй. Уронъ непріятеля положительно намъ неизвѣстенъ, но достовѣрно, что онъ также весьма много потерпѣлъ; въ числѣ убитыхъ у нихъ, по разсказу плѣнныхъ, должны быть три генерала.

Изъ донесеній генералъ-адъютанта князя *Меншикова* отъ 31-го октября (12-го ноября) видно, что осадныя работы непріятеля противъ Севастополя нисколько не подвинулись и что укрѣпленія наши, по прежнему, съ успѣхомъ выдерживали огонь осаждающихъ. Каждую ночь не только всѣ поврежденія были у насъ исправляемы, а подбитыя орудія замѣнялись другими, но во многихъ частяхъ средства защиты еще вновь усилены. Между тѣмъ, непріятель продолжалъ укрѣплять свой правый флангъ до самой Балаклавы.

Кромѣ дополнительныхъ свѣдѣній о боѣ 24-го октября, Государь Императоръ изволилъ получить отъ генералъ-адъютанта князя *Меншикова* еще слѣдующее донесеніе отъ 31-го числа:

Независимо отъ милостивыхъ къ войску и севастопольскому гарнизону словъ Вашего Императорскаго Величества, переданныхъ мною, согласно велѣнію вашему, въ особомъ приказѣ, флигель-адъютантъ князь *Голицынъ* въ точности исполнилъ возложенное на него порученіе: онъ обошелъ всѣ бастіоны и батареи, гдѣ расположены и дѣйствуютъ флотскіе чины. Монаршія благодарность и ободреніе, которыя князь *Голицынъ* имѣлъ счастіе отъ имени Вашего Величества высказать храбрымъ морякамъ, не только одушевили, но и тронули до глубины души каждаго изъ нихъ. Со слезами выслушивали они слова заботливаго Царя-Отца о Своихъ любимыхъ дѣтяхъ—какъ Ваше Императорское Величество Сами изволили выразиться въ рескриптѣ, которымъ я удостоенъ отъ 19-го числа сего мѣсяца.

Съ такимъ же благочестивымъ и признательнымъ бла-

гоговѣніемъ приняты войсками даръ и благословеніе Государыни Императрицы. Привезенный княземъ *Голицынымъ* образъ Спасителя, по совершеніи молебствія, былъ, при стеченіи народа—всего, сколько еще осталось въ Севастополѣ—перенесенъ изъ Михайловской церкви въ Николаевскую батарею и оттуда уже священную икону сію, съ должнымъ обрядомъ, понесли по всѣмъ бастіонамъ и батареямъ, для благословенія защитниковъ. Люди, внимая пастырскому слову священника, усердно молились и прикладывались къ святому образу Спасителя.

Теперь эта икона поставлена на приготовленномъ для нея мѣстѣ у входныхъ воротъ Николаевской батареи ([1]).

Одесса 12-го ноября.

Его Императорскому Величеству благоугодно было осчастливить храбрыя войска, составляющія севастопольскій гарнизонъ, знакомъ всемилостивѣйшаго Своего вниманія: Государыня Императрица соизволила прислать войскамъ симъ, на благословеніе, икону Спасителя. Св. икона сія привезена была въ Симферополь однимъ изъ флигель-адъютантовъ Его Императорскаго Величества, а оттуда доставлена въ Севастополь г. таврическимъ гражданскимъ губернаторомъ. По этому поводу, въ Севастополѣ совершено было 28-го октября, въ 6½ часовъ утра, молебствіе объ отраженіи враговъ, на площади предъ Николаевскою батареею, при сборѣ войскъ. Молебствіе совершалъ протоіерей городской Петропавловской церкви, Алексѣй Лебединцевъ, которымъ и произнесена была соотвѣтственная сему священному торжеству рѣчь. Вечеромъ, того же дня, св. икона обнесена была по линіи батарей и поставлена снаружи Николаевской батареи, надъ главнымъ входомъ, ликомъ обращенная къ городу ([2]).

([1]) „Русск. Инвал.“ 1854 г. № 251. „Морской Сборникъ“ 1854 г. № 11. „Сѣв. Пчел.“ 1854 г. № 250 и 251.

([2]) „Одесск. Вѣстн.“ 1854 г. № 126.

РѢЧЬ,

сказанная въ Севастополѣ протоіереемъ Арсеніемъ Лебединцевымъ, 28 октября 1854 г., при молебствіи предъ иконою Спасителя, присланною на благословеніе защитникамъ Севастополя отъ Благочестивѣйшей Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны.

Христолюбивые воины!

Се, предъ нами св. икона Христа Спасителя, отъ царскаго чертога препосланная! Мы собрались принять этотъ святый залогъ благоволительнаго вниманія благочестивѣйшей Государыни Императрицы къ настоящему, многотрудному и многопечальному, положенію града нашего. Кто не пріиметъ сего священнаго дара Августѣйшей матери Отечества съ тою же чистою, теплою молитвою, съ которою онъ Всемилостивѣйше препосланъ намъ?

Но прежде, чѣмъ съ благоговѣніемъ пріимемъ и съ вѣрою поставимъ его на уготованномъ мѣстѣ, приникнемъ внимательнымъ взоромъ къ сей св. иконѣ.

Подпись: «*Господь Вседержитель!*»—Благословляя десницею, въ другой руцѣ своей Онъ держитъ евангеліе, раскрытое на сихъ словахъ: «*Пріидите ко мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы*» (¹). Видите, какъ утѣшительны слова Господа Вседержителя, и какъ прямо идутъ они къ прискорбнымъ, даже до смерти, сердцамъ нашимъ! Значитъ: матернее сердце благочестивѣйшей Императрицы прилежно поискало для насъ утѣшенія, намъ благопотребнаго, и умѣло найти его въ сихъ словахъ Спасителя нашего.

Господь Вседержитель, владычествуяй всѣми, яже на небеси и на земли, во власти коего судьбы царствъ и народовъ, обѣщаетъ покой всѣмъ, приходящимъ къ нему. Его ли всемогущее слово можетъ встрѣтить, гдѣ либо и отъ кого либо, себѣ препятствіе? Его ли святое обѣщаніе прейдетъ праздно и не исполнится на самомъ дѣлѣ надъ вѣрующими въ него во истину?

Господь Вседержитель обѣщаетъ покой всѣмъ труждающимся, тѣмъ паче труждающимся, какъ вы теперь, до

(¹) Матѳ. XI, 29.

крове и смерти, на полѣ брани за Вѣру, Царя и Отечество. Господь Вседержитель обѣщаетъ покой обремененнымъ, тѣмъ паче тѣмъ, кои, подобно намъ, обремененны неправедно, не какою либо, обыкновенною въ мірѣ, скорбію, а ужаснымъ и едва не безпримѣрнымъ, по самому продолженію, бременемъ огня, меча и смерти.

Но замѣтимъ, братія мои, прилежно замѣтимъ, какимъ труждающимся и обремененнымъ обѣщается покой отъ Господа? *Приходящимъ къ нему!* Кто не приходитъ ко Господу Вседержителю съ вѣрою, любовію, молитвою, тотъ, хотя бы и много труждался и былъ обремененъ тяжко, не обрѣтетъ покоя душѣ своей, ибо не взыскалъ онаго, какъ должно. И такъ, будемъ труждаться съ живою вѣрою, и Господь подастъ намъ покой и радость; будемъ нести тяжкое бремя наше съ благодушіемъ и упованіемъ, и Онъ— Всемогущій сниметъ съ насъ тѣ лютыя иго и бремя, кои такъ долго тяготѣютъ надъ нами. Кромѣ оружія вещественнаго, вооружимся сердечною молитвою, памятуя слова Егоже Премилосердаго: *вся елико аще молящеся просите: вѣруйте, яко пріимите и будетъ вамъ* (1).

Вѣруемъ, Господи, вѣруемъ отъ всея души и сердца обѣтованію Твоему: буди намъ по глаголу Твоему (2)!

Приказъ генералъ-адъютанта князя Меншикова, отъ 29-го октября 1854 года, о монаршей благодарности чинамъ черноморскаго флота за оборону Севастополя.

Бивуакъ у сѣвернаго укрѣпленія Севастополя, октября 29-го дня 1854 года.

Государь Императоръ, душою и сердцемъ постоянно съ нами не перестаетъ обращаться къ намъ съ Монаршимъ Своимъ Отеческимъ словомъ. Вотъ что повелѣлъ онъ въ рескриптѣ на мое имя, отъ 19-го числа, сказать ввѣреннымъ мнѣ войскамъ:

«Надѣюсь на милость Божію; надѣюсь, что начатое славно довершится. Меня счастливитъ геройская стойкость

(1) Мар. XI, 21.
(2) «Одесск. Вѣст.» 1854 г. № 127.

нашихъ несравненныхъ моряковъ, неустрашимыхъ защитниковъ Севастополя. Господь воздастъ имъ за всѣ ихъ доблестные подвиги, которымъ и примѣру еще не было.

«Я счастливъ, что, зная Моихъ моряковъ-черноморцевъ съ 1828 года, бывъ тогда очевидцемъ, что имъ никогда и ничего нѣтъ невозможнаго, былъ увѣренъ, что эти несравненные молодцы вновь себя покажутъ, какими всегда были и на морѣ, и на сушѣ. Скажи имъ *всѣмъ*, что ихъ старый знакомый, всегда ихъ уважавшій, ими гордится и всѣхъ отцовски благодаритъ, какъ Своихъ дорогихъ и любезныхъ дѣтей.

«Вѣроятно, дѣти Мои прибудутъ еще во-время, чтобы участвовать въ готовящемся; надѣюсь, что они покажутся достойными своего званія; ввѣряю ихъ войскамъ въ доказательство Моей любви и довѣренности; пусть ихъ присутствіе среди васъ замѣнитъ Меня.

«Да хранитъ васъ Господь Великосердый!»

Товарищи! вы уже знаете, что дѣти нашего Царя теперь съ нами; вы видѣли, что подъ непріятельскимъ огнемъ они были *истинно русскими молодцами*.

Кто же изъ насъ не захочетъ оправдать довѣренности Государя, который, въ замѣнъ себя, прислалъ дорогихъ ему и всей Россіи сыновей?

Достойнымъ отвѣтомъ нашимъ на всѣ милости Царя можетъ быть только непоколебимое до конца исполненіе нашего святаго долга Царю, Вѣрѣ и Отечеству.

Исполнимъ же его!

Приказъ этотъ прочесть всѣмъ нижнимъ чинамъ, во всѣхъ ротахъ, эскадронахъ и батареяхъ (1).

Подписалъ: генералъ-адъютантъ князь *Меншиковъ*.

Иностранныя извѣстія о дѣйствіяхъ и положеніи союзныхъ войскъ въ Крыму, въ октябрѣ 1854 года.

Въ газетѣ Constitutionnel» напечатаны письма раз-

---

(1) „Морской Сборникъ“ 1854 г. № 12.

ныхъ корреспондентовъ изъ Крыма. Сообщаемъ изъ нихъ нѣкоторыя мѣста.

1 (13) *октября.* Напрасно говорятъ, будто русскіе артиллеристы плохо стрѣляютъ; ихъ севастопольская артиллерія метитъ какъ нельзя лучше: всѣ ядра ея касаются верхушекъ нашихъ траншей, но такъ какъ она стрѣляетъ снизу вверхъ, то достаточно одной песчинки для того, чтобы ядра сдѣлали рикошетъ черезъ наши парапеты... Въ нынѣшнюю ночь былъ балъ въ Севастополѣ; суда наши, находящіяся на небольшомъ разстояніи, явственно слышали музыку французскихъ кадрилей, и видѣли дома, блестящимъ образомъ освѣщенные. Праздновали прибытіе одного значительнаго лица (?!)».

— 2 (14) *октября.* Русскіе сдѣлали въ часъ 846 выстрѣловъ, и какими ядрами! морскими въ 30, 40 и 50 фунтовъ, бомбами по крайней мѣрѣ въ 12 дюймовъ, и такъ называемыми шрапнелевыми гранатами, то есть такими, которыя, послѣ взрыва, бросаютъ еще картечи на 6—700 метровъ впередъ! Эта артиллерійская гроза разразилась около часу по-полудни. Она застала насъ въ расплохъ, потому что ничто ея не предвѣщало. Но вотъ предполагаемая ея причина: судно на рейдѣ дало знать городу о выгрузкѣ нашей морской артиллеріи, и русскіе захотѣли разрушить эполементы, назначенные для пріема этихъ орудій. Около 2-хъ часовъ шумъ внезапно утихъ. Съ тѣхъ поръ ежеминутные выстрѣлы казались уже бездѣлицей; работникъ поднималъ голову надъ верхней частью гласиса и, замѣтивъ отблескъ, предупреждалъ о томъ своихъ товарищей, которые нагибались; когда ядро пролетало мимо, то снова приступали къ работѣ. Наши солдаты къ этому роду упражненій такъ привыкли, что хорошо различаютъ стрѣльбу, направленную въ нихъ, отъ той, которая направлена направо, противъ англичанъ. *Англичанамъ!* кричитъ караульный, и всякій продолжаетъ свою работу. *Французамъ!* и всѣ нагибаются, если стоятъ слишкомъ высоко. Это доказываетъ, что непріятель цѣлится очень мѣтко, и такъ какъ 816 ударовъ въ три четверти часа свидѣтельствуютъ, по крайней мѣрѣ, о 60 или 70 орудіяхъ на ба-

тареяхъ, то мы вынуждены придать нашей атакѣ большее развитіе, чѣмъ то, которое сочли сначала достаточнымъ» ([1]).

Въ газетѣ «Globe» напечатаны подробныя извѣстія объ осадныхъ работахъ противъ Севастополя до 22-го октября включительно. «*Октября* 7 (19). Послѣдняя ночь опять была свѣтлая и звѣздная, хотя очень холодная. Упала сильная роса. Долго послѣ разсвѣта, туманъ, стлавшійся по долинѣ до самой гавани, препятствовалъ намъ видѣть городъ и укрѣпленія. Огонь съ батарей начался незадолго до 7-ми часовъ и около 2-хъ часовъ продолжался съ большою живостью. Французскія батареи на лѣвомъ крылѣ также открыли дѣйствіе и этимъ самымъ отвлекли огонь нѣсколькихъ непріятельскихъ пушекъ, которыя вчера обстрѣливали наши батареи. По зданіямъ адмиралтейства сегодня будутъ стрѣлять калеными ядрами: тонкія струи чернаго дыма, поднимающіяся отъ каменнаго угля изъ печей для нагрѣванія ядеръ, рѣзко отличаются отъ бѣлаго пороховаго дыма, который взлетаетъ по мѣрѣ того, какъ пушки разряжаются по батареямъ. Ракетъ или какихъ-нибудь другихъ снарядовъ, предназначенныхъ для поджога зданій города или адмиралтейства, до сихъ поръ не употребляли, потому что лордъ *Рагланъ* отдалъ приказаніе, чтобы весь огонь батарей былъ направленъ противъ укрѣпленій и вооруженныхъ кораблей, стоящихъ въ гавани и бухтѣ. Теперь, говорятъ, дано предписаніе зажечь, если можно, адмиралтейство и другія зданія, съ цѣлію отвлечь часть русскихъ отъ ихъ батарей. Поутру произошла передъ Круглою башнею небольшая перестрѣлка между нашими застрѣльщиками и небольшимъ числомъ русскихъ стрѣлковъ, посланныхъ, чтобы вытѣснить нашихъ. Трое или четверо изъ нашихъ ранены. Непріятель возвелъ множество песчаныхъ насыпей, достаточно высокихъ, чтобы прикрыть человѣка: онѣ тянутся въ сѣверо-восточномъ направленіи отъ подножія Круглой башни къ линіи возвы-

([1]) „С.-Петербургскія Вѣдомости.“ 1854 г. № 248.

шеній. идущихъ вдоль западной стороны Карантинной бухты. Непосредственно за этими возвышеніями виднѣется очень сильный русскій пикетъ. За этимъ пикетомъ, поперегъ земляной косы, образующей западную сторону входа въ Карантинную бухту, воздвигнута батарея въ видѣ полумѣсяца, вооруженная орудіями очень большаго калибра, вѣроятно съ какого-нибудь изъ самыхъ значительныхъ линейныхъ кораблей. Эта батарея начинается отъ берега главной бухты и кончается у берега Карантинной бухты, два раза пересѣкая сооруженія водопровода. Пушки на Круглой башнѣ и на земляной насыпи на югъ отъ нея хранятъ молчаніе, но одна пушка на восточной сторонѣ и 2 или 3 на западной до сихъ поръ еще сильно насъ безпокоятъ. Земляныя насыпи на западъ отъ башни въ теченіе ночи исправлены. Теперь открывается, что на откосѣ возвышенія въ этомъ направленіи воздвигуты русскими двѣ линіи земляныхъ укрѣпленій къ сухому доку и казармамъ.

8 *часовъ по-полудни.* День былъ солнечный и знойный, а вечеръ теперь холоденъ, тихъ, небо усыпано звѣздами. Непріятельскія батареи прекратили свой огонь; французы послѣдовали ихъ примѣру; съ нашихъ же 2-хъ батарей время отъ времени производятъ еще выстрѣлы гранатами и ракетами. Въ городѣ все тихо: вечерняя мгла озаряется только по временамъ гранатами и ракетами въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ разрываетъ. Во время прохода своего въ воздушномъ пространствѣ, гранаты, взлетающія изъ мортиръ до поразительной вышины, представляются метеорами. Для глаза кажется, что онѣ поднимаются и падаютъ совершенно въ перпендикулярномъ направленія. Синеватый свѣтъ на батареѣ предшествуетъ появленію ракеты. Послѣднія летаютъ въ болѣе горизонтальномъ направленіи, оставляя за собою огненный слѣдъ, и разсѣкаютъ воздухъ съ пронзительнымъ шумомъ, который даетъ понятіе о непреодолимой ихъ силѣ. Печальныя мысли невольно приходятъ въ голову при видѣ этихъ разрушительныхъ посланцевъ. По главной долинѣ, ведущей въ Севастополь, въ которой, говорятъ, расположено русское вой-

ско, видѣются многочисленные непріятельскіе огни; если посмотрѣть въ противоположномъ направленіи, представятся длинныя линіи огней, принадлежащихъ нашимъ войскамъ, облегающимъ городъ и крѣпость.

Октября 8-го (20). Утро туманно, небо пасмурно; но солнце снова беретъ свое и настаетъ прекрасный теплый день. *2 часа по-полудни.* Опять взрывъ на одной изъ французскихъ батарей. Одинъ французскій офицеръ разсказывалъ намъ послѣ, что при этомъ ни одинъ человѣкъ на батареѣ не раненъ и ни одна пушка не повреждена. Взрывъ произошелъ на батареѣ, съ которой были свезены большая часть пушекъ и воспламенившійся порохъ приготовленъ былъ къ перевозкѣ. Офицеръ объявилъ намъ, что французскія сооруженія подвигаются впередъ, и что завтра французы откроютъ батарею въ разстояніи 600 ярдъ отъ города. Четыре 68-фунтовыя орудія перемѣщены съ 5-пушечной батареи на наше правое крыло; 2 изъ нихъ поставлены на батарею капитана *Гордона.* Въ этомъ мѣстѣ у насъ остается теперь только одна ланкастерская пушка. Предполагаютъ построить батареи на близлежащемъ холмѣ, нѣсколько дальше направо, гдѣ находилась 5 пушечная батарея. Непріятель направилъ на этотъ пунктъ слишкомъ много орудій, и солдаты много терпѣли отъ ихъ огня. Сегодня огонь русскихъ былъ очень силенъ и хорошо направленъ противъ 21-пушечной батареи. Одно непріятельское ядро ударило въ жерло большой 68-фунтовой пушки, раздробило его и убило и поранило обломками многихъ изъ окружающихъ. Между убитыми этимъ выстрѣломъ находился лейтенантъ *Гретгетъ*, первый лейтенантъ флагманскаго корабля «Британія». У него вырвало бокъ, но, не смотря на страшную рану, онъ продиктовалъ свою послѣднюю волю въ прощальномъ письмѣ къ друзьямъ. Онъ пережилъ рану около получаса. Два матроса и артиллеристъ убиты тѣмъ же выстрѣломъ. Капитану *Брауну* отняли сегодня руку. Вчера подполковникъ *Александръ*, командующій королевскими инженерами, умеръ внезапно отъ апоплексическаго удара. Сегодня пришли два корабля: одинъ съ порохомъ, другой съ ядрами. Еслибъ этотъ за-

пасъ не подоспѣлъ къ завтрашнему вечеру, намъ нечѣмъ было бы стрѣлять изъ пушекъ большаго калибра. Одно изъ зданій адмиралтейства загорѣлось было сегодня, но скоро потушено. Огонь прекратился съ обѣихъ сторонъ вскорѣ послѣ солнечнаго заката. *11 часовъ по-полудни.* Направо отъ насъ слышна ружейная перестрѣлка, сопровождающаяся выстрѣлами изъ тяжелыхъ орудій. Выведено въ поле нѣсколько войска: оно стоитъ подъ оружіемъ, готовое къ битвѣ. Говорятъ, что всю эту тревогу произвелъ отрядъ казаковъ, подошедшій къ одной изъ батарей близъ Балаклавы, занятой турецкими войсками.

Октября 9-го (21). Опять прекрасный день. Огонь начался въ обычный часъ и безпрерывно продолжался до заката солнца. Русская стрѣльба была очень хороша. На 21-пушечной батареѣ непріятельское пустое ядро попало въ жерло одной изъ пушекъ; однакожь, пушка осталась цѣла. Другое массивное ядро, попавшее также въ жерло пушки, повредило послѣднюю. Это уже вторая 68-фунтовая пушка, сдѣлавшаяся для насъ безполезною, такъ какъ другая повреждена еще вчера. Наши пушки причинили непріятельскимъ сооруженіямъ много вреда, но русскіе быстро исправляютъ поврежденія въ теченіе ночи, и орудія ихъ, не смотря на то, что находятся подъ огнемъ, дѣйствуютъ съ большою энергіей и вѣрностью. Они открыли разстояніе каждой изъ нашихъ батарей, и имѣютъ по 3 и по 4-ре пушки противъ каждой изъ нашихъ. Нечего таить: всѣ вообще у насъ недовольны, что мы не дѣлаемъ болѣе быстрыхъ успѣховъ. Хотя погода до сихъ поръ стоитъ прекрасная, нельзя ожидать, чтобъ долго продолжалось то же самое. Жители увѣряютъ, что въ прошломъ году три недѣли ранѣе здѣшнія возвышенія покрылись снѣгомъ на 2 фута. Сегодня въ 2 часа утра русскіе сдѣлали вылазку и атаковали французскіе пикеты на лѣвомъ крылѣ; непріятель принужденъ былъ удалиться, но успѣлъ заклепать 5-ть пушекъ на одной изъ французскихъ батарей. Большая часть войскъ въ англійскомъ лагерѣ также поднялась было на ноги, пока не удостовѣрились въ направленіи и размѣрахъ вылазки. По-полудни русскіе снова

сдѣлали вылазку противъ нашихъ застрѣльщиковъ. Смертность отъ припадковъ холеры значительно усилилась между нашими войсками, потому что наши солдаты по цѣлымъ суткамъ работаютъ въ траншеяхъ и на батареяхъ, днемъ подъ солнечными лучами, ночью подъ росою.

Октября 10-го (22-го). Въ продолженіе ночи все было спокойно. Безпокоятся объ участи лорда *Дункельна*, служащаго въ гвардіи. Въ 4-ре часа утра онъ отправился съ своимъ отрядомъ, чтобъ доставить аммуницію на новую батарею на правомъ крылѣ, не взявъ съ собою проводника, и заблудился. Сержантъ, бывшій въ отрядѣ, замѣтилъ впереди какое-то войско и обратилъ вниманіе лорда *Дункельна* на это обстоятельство. Лордъ, велѣвъ командѣ остаться на мѣстѣ, пошелъ впередъ, чтобъ разузнать. Онъ не возвратился; сержантъ же, подождавъ немного, пришелъ назадъ въ лагерь съ отрядомъ и аммуниціею. Боятся, что лордъ *Дункельнъ*, по близорукости, отошелъ слишкомъ далеко и взятъ въ плѣнъ (1)».

Въ одномъ письмѣ, напечатанномъ въ «Morning Chronicle», сказано:

«Сырость и холодъ губительно дѣйствуютъ на здоровье войскъ. Поносъ сильно свирѣпствуетъ. Несчастные турецкіе солдаты жестоко страдаютъ отъ тифуса. Домы въ Балаклавѣ наполнены мертвыми и умирающими турками, лишенными всякаго врачебнаго пособія и всѣхъ средствъ. Они помогаютъ другъ другу съ усердіемъ, составляющимъ отличительную черту турецкаго характера. Наши врачи слишкомъ заняты своими больными и ранеными русскими; не имѣютъ времени помогать туркамъ.

«Жестоко было бы заставить турокъ зимовать въ Крыму. Военное содѣйствіе этихъ солдатъ намъ нимало не полезно. Со времени сраженія 13-го октября, при Балаклавѣ, они не внушаютъ ни малѣйшей довѣренности, и при Инкерманѣ ихъ даже не требовали въ дѣло. Ихъ надобно кормить, когда состояніе дорогъ дѣлаетъ перевозку соб-

---

(1) «С.-Петерб. Вѣдом.» 1854 г. № 252. „Московск. Вѣдом." 1854 г. № 136

ственной нашей провизіи чрезвычайно затруднительною. Неопрятностью своею они превратили Балаклаву въ необитаемое мѣсто, и если тифусъ распространится въ союзныхъ войскахъ, то послѣдствія будутъ ужасны. И такъ, именемъ человѣчества, лучше было бы отослать ихъ въ Константинополь, въ Варну или въ Батумъ (¹)».

Вотъ нѣсколько отрывковъ изъ частныхъ корреспонденцій газеты «Times» изъ Крыма отъ 30-го октября, 2 и 3 ноября:

«Турецкіе солдаты мрутъ какъ мухи отъ кровянаго поноса, лихорадокъ, тифа и проч. У нихъ нѣтъ фельдшеровъ, а нашихъ хирурговъ не достаетъ даже для потребностей нашей собственной арміи. Турки очень добры къ своимъ больнымъ; часто встрѣчаются на дорогѣ длинныя вереницы людей, несущихъ на спинѣ больныхъ или умирающихъ, которыхъ складываютъ въ Балаклавѣ, въ жалкомъ сараѣ, служащемъ имъ госпиталемъ, гдѣ они почти всегда умираютъ. Люди наши ужасно утомлены; они никогда не могутъ отдыхать цѣлую ночь, потому что въ англійской арміи принято за правило браться за оружіе до восхода солнца и оставаться въ такомъ положеніи часъ, а потомъ, если все окажется спокойнымъ, солдатъ распускаютъ. Кромѣ того, постоянно, бываютъ тревоги по ночамъ, потому что всегда гдѣ-нибудь слышанъ мушкетный огонь; тогда солдаты берутся за оружіе и подобные случаи бываютъ нерѣдко 2 или 3 раза въ ночь. Орудія наши начинаютъ портиться. И мы, и наши союзники, страдаемъ отъ болѣзней Турки часто лежатъ на улицахъ Балаклавы или бродятъ, спотыкаясь и придерживаясь стѣны. Врачъ потребовалъ (3-го ноября) корабль для больныхъ, присланныхъ изъ лагеря, но капитанъ *Декръ* начисто отказалъ въ этомъ. —Иногда люди дезертируютъ; даже нынче ночью 2 артиллериста бѣжали. Ихъ наканунѣ сѣкли. Наказаній, должно сказать, очень много, но имъ подвергаются преимущественно тѣ, которые позволяютъ себѣ спать во время дежурства. — Константинопольскій корре-

(¹) Сѣверная Пчела» 1854 г. № 269.

спондентъ той же газеты пишетъ, отъ 12-го ноября: «Армія наша находится въ такомъ положеніи, что одни только значительныя и немедленныя подкрѣпленія могутъ удержать ее отъ совершеннаго истощенія и истребленія. Даже съ важными подкрѣпленіями, єю полученными на этихъ дняхъ, составъ ея не доходитъ и до 16,000 штыковъ, и люди такъ утомлены работами и бдѣніемъ днемъ и ночью, что не въ состояніи болѣе выдержать трудовъ зимней кампаніи. Гвардейская бригада, которая состояла, передъ отправленіемъ своимъ изъ Лондона, изъ 3,000 человѣкъ и возбуждала удивленіе турецкой столицы нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, теперь сократилась до 800 человѣкъ, слабыхъ и истощенныхъ, которыхъ непоколебимая твердость духа одна поддерживаетъ въ непрестанныхъ работахъ, ими исполняемыхъ. Траншейная и пикетная служба ужасна для нашей слабой арміи, ежеминутно подверженной столкновенію со всякой военной силой, приходящей съ сѣвера, и утомленной постоянными тревогами, призывающими къ оружію людей, которые отдыхаютъ немного послѣ 12-часовыхъ трудовъ. Стихіи, сначала благопріятствовавшія экспедиціи, теперь, по видимому, обратились противъ союзниковъ. День за днемъ въ теченіе послѣднихъ двухъ недѣль вѣтеръ, дождь, густые туманы, холодные ливни не прекращались, и здоровье солдатъ сильно отъ этого пострадало. Даже теперь буря разразилась съ большою силой; ни одна барка не можетъ пройти въ Скутари; высадка раненыхъ снова прервана, и они должны будутъ остаться на переполненныхъ людьми судахъ и подвергаться качкѣ до перемѣны погоды: дождь льетъ потоками, и это не скоропреходящія тучи, но свинцовое небо, столь же темное и страшное, какъ и лондонское; холодъ по ночамъ жестокъ, даже въ этой населенной столицѣ, и ужасенъ на холмахъ, сосѣднихъ съ Севастополемъ (¹).

Брюссель, 12-го ноября... Одинъ англійскій офицеръ проѣзжавшій за два дня передъ симъ Парижъ, съ депе-

(¹) „С.-Петерб. Вѣдом." 1854 г. № 267.

шами лорда *Раглана*, сказалъ одному моему знакомому: «Если Севастополь не будетъ взятъ 25-го (13-го) октября, должно опасаться совершеннаго разрушенія экспедиціонной арміи». Этотъ же офицеръ признавался, что армія находится въ состояніи, близкомъ совершенному разстройству. Административная часть плохо устроена или вовсе распалась, особенно въ англійской арміи. Раненые отправляемые изъ Севастополя въ Константинополь, приходятъ туда въ бѣдственномъ положеніи, покрытые червями и едва перевязанные...

Вотъ еще свѣдѣнія о томъ же предметѣ, доказывающіе, что всѣми овладѣло уныніе и что крымскую экспедицію считаютъ точно такою же важною ошибкою, какъ и занятіе Москвы. *Парижъ 5-го ноября.* Всѣ мысли сосредоточены на извѣстіяхъ изъ Севастополя. Чувствуютъ, что минута развязки приближается съ неумолимою быстротою; извѣстія уже давно не хороши и становятся съ каждымъ днемъ хуже. Правительство, зная общее безпокойство, напрасно обнародываетъ изрѣдка кое какіе, запоздалыя депеши искаженныя, ничтожныя. Оно до крайности встревожено и не въ силахъ внушить другимъ увѣренность, которой само не имѣетъ. Положеніе экспедиціонной арміи критическое. Депеши, полученныя вчера и сегодня въ посольствахъ, не позволяютъ въ томъ сомнѣваться, если даже и допустить, что онѣ отчасти преувеличены. Крымская экспедиція приходитъ къ концу, и этотъ конецъ будетъ грустный, если не случится чего нибудь особеннаго. Не хотѣли понять, какъ безумна и безразсудна была подобная экспедиція, черезъ нѣсколько дней убѣдятся, быть можетъ, въ этомъ. Официальный свѣтъ становится озабоченнѣе и мрачнѣе. Говорятъ съ возрастающимъ единогласіемъ, что Севастополя не возьмутъ, но разрушатъ. По моему предположенію, дѣло кончится, если не случится чего лучшаго или, правильнѣе, чего худшаго, слѣдующимъ образомъ: въ скоромъ времени раздастся громъ пушекъ съ Инвалиднаго дома и возвѣстятъ, будто Севастополь разрушенъ, что этого результата достаточно, что бы приступа не было единственно для сохраненія жизни людей, а городъ не взятъ потому, что не ду-

мали оставлять его за собою. Потомъ отслужатъ молебенъ. Армія будетъ посажена на суда. и такъ прикроютъ и объяснятъ ея отступленіе.

Слухи все еще тревожные. Поговариваютъ о необходимости послать въ Крымъ всю французскую армію, занимающую Римъ. При этомъ извѣстіи курсъ понизился на 80 сантимовъ цифра огромная послѣ пониженія его наканунѣ на одинъ франкъ. *Людовикъ-Наполеонъ* становится все болѣе и болѣе озабоченнымъ; въ тѣсномъ кругу онъ жалуется на нерѣшительность, какъ онъ говоритъ, *Канробера*, и порою разражается не очень лестными отзывами о главномъ начальникѣ экспедиціи ([1]).

Въ большой статьѣ въ «Neue Preussische Zeitung» выставляютъ чрезвычайныя затрудненія союзниковъ въ Крыму и предпочитаютъ положеніе русскихъ, потому что у послѣднихъ сообщенія въ тылу совершенно свободны и обезпечены, т. е. не зависятъ отъ непогодъ нынѣшняго времени года. тогда какъ у союзниковъ нѣтъ другой основной операціонной линіи, кромѣ вѣроломнаго моря. по которому плаваніе зимою опасно въ высшей степени. Замѣчая, что численное превосходство силъ. бывшее въ первыя шесть недѣль послѣ высадки на сторонѣ союзниковъ, и которому они обязаны были столь дорого купленною поверхностью при Альмѣ, замѣчая, говоримъ мы, что это превосходство находится теперь на сторонѣ русскихъ, авторъ упоминаемой статьи доходитъ до заключенія, что вскорѣ союзники, можетъ быть, принуждены будутъ снять осаду и воротиться на суда, что, въ виду превосходнаго числомъ непріятеля, не можетъ быть произведено безъ огромныхъ потерь. не говоря уже о непредвидѣнныхъ случаяхъ, о буряхъ между прочимъ, которыя разсѣятъ флотъ въ минуту отправленія и тѣмъ подвергнутъ всю армію союзниковъ совершенному истребленію ([2]).

([1]) «Сѣверная Пчела» 1854 г. № 255.
([2]) «Сѣверная Пчела» 1854 г. № 255.

Въ плимутскомъ провіантскомъ магазинѣ Роялъ-Вилліамъ получено приказаніе отправить на транспортахъ 150,000 фунтовъ соленой свинины и 200,000 фунтовъ солонины. Эти припасы назначены для восточной арміи.

На 90-пушечномъ кораблѣ «Аннибалъ» отправлены будутъ въ Крымъ три тысячи двадцати-четырехъ фунтовыхъ ядеръ.

Полагаютъ, что эти ядра назначены для употребленія французскими войсками [1].

Въ англійскихъ письмахъ изъ Крыма содержатся еще нѣкоторыя занимательныя подробности о положеніи арміи съ 25-го октября. Изъ донесеній генераловъ видно было, какія оборонительныя укрѣпленія строятъ по всей линіи лагеря. Балаклаву также сильно укрѣпили. Сперва хотѣли было ее оставить, потому что оборонительная линія была слишкомъ растянута, но адміралъ *Лайонсъ* воспротивился этому. Черезъ два дня послѣ балаклавскаго дѣла и блистательной, но нёсчастной атаки англійской кавалеріи, посланъ былъ въ русскій лагерь одинъ офицеръ съ парламентерскимъ знаменемъ и армянскимъ переводчикомъ, чтобъ требовать позволенія похоронить мертвыхъ. Когда онъ прибылъ къ аванпостамъ, его сперва заставили отойти, а потомъ привели къ какому то генералу. Это былъ, какъ послѣ узнали, князь *Горчаковъ*. Онъ сказалъ англійскому офицеру: «Я здѣсь главный начальникъ, чего вы хотите, господа»? Когда офицеръ изложилъ цѣль своего прибытія, генералъ съ величайшимъ негодованіемъ воскликнулъ: «Мы уже сами похоронили вашихъ убитыхъ. Скажите лорду *Раглану*, что мы христіане и, воюя, умѣемъ исполнять обязанности христіанъ. Мы хоронимъ мертвыхъ и печемся о больныхъ» [2]. Послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ, обѣщано было справиться объ именахъ офицеровъ, взятыхъ русскими въ плѣнъ, и объявлено парламентеру, чтобъ онъ возвратился на другой день. Разумѣется, мы не ручаемся за

(1) „Сѣверная Пчела" 1854 г. № 256.

2) Этого никогда не было. См. стр 193 настоящего выпуска. *Ред.*

справедливость этихъ подробностей, которыя, можетъ быть, существовали только въ воображеніи англійскаго корреспондента. На другой день, при вторичномъ прибытіи, парламентеръ узналъ, что въ плѣну у русскихъ два живые англійскіе офицера и оба ранены, а сверхъ того 58 солдатъ, изъ которыхъ только 15 нераненыхъ.

И такъ кажется, что въ этомъ непродолжительномъ бою (13-го октября) потеряно 108 солдатъ и 11 офицеровъ. Подъ пятнадцатью неранеными солдатами были убиты лошади.

Вспомогательное турецкое войско распущено, и солдаты распредѣлены въ обоихъ лагеряхъ, гдѣ ихъ употребляютъ на траншейныя работы. Генералъ *Кемпбель*, встрѣтившій съ своими шотландцами атаку русской кавалеріи, въ сильномъ, какъ говорятъ, негодованіи за то, что подъ его начальствомъ было до 800 турокъ. Онъ не хочетъ ихъ имѣть ни за что.

Всѣ эти подробности были сообщены, какъ видно, ранѣе важнаго сраженія 5-го ноября (24 октября), въ которомъ у англичанъ убиты три генерала и ранены пять. Двое изъ убитыхъ пользовались большою славою въ арміи. Генералу *Каткарту* было еще только 60 лѣтъ, и въ случаѣ нужды почитали его преемникомъ званія главнокомандующаго. Онъ кончилъ послѣднюю войну на мысѣ Доброй Надежды. Генералъ *Странгвейсъ*, командовавшій артиллеріею, былъ тоже отличный офицеръ; онъ участвовалъ въ великихъ походахъ Имперіи.

У генерала *Броуна*, командовавшаго легкою пѣхотою, отняли, какъ говорятъ, руку, а генерала Лесси *Эванса*, ушибеннаго при паденіи съ лошади, перевезли на корабли. Вѣроятно два послѣдніе генерала возвратятся въ Англію, а *Кемпбель*, *Бентинкъ* и *Кондригтонъ* получатъ въ командованіе вакантныя дивизіи и бригады.

— Въ «Globe» сказано: Съ удовольствіемъ сообщаемъ, что нѣтъ никакой причины вѣрить слуху, распространившемуся здѣсь о смерти сэра Лесси *Эванса*. По послѣднимъ извѣстіямъ, онъ былъ боленъ поносомъ и ушибомъ отъ паденія съ лошади. Онъ принужденъ былъ оставить свое

командованіе и возвратиться въ Англію, но нѣтъ повода почитать положеніе его опаснымъ. Опасаемся, что рана сэра Джорджа *Броуна* лишитъ армію услугъ его ([1]).

Въ лейпцигской газетѣ напечатана статья извѣстнаго военнаго писателя Р.., въ которой между прочимъ сказано: Въ слѣдствіе большихъ потерь, понесенныхъ союзниками въ упорныхъ сраженіяхъ 25-го (13-го) октября и 5-го ноября (24-го октября), въ Парижѣ и Лондонѣ рѣшено отправить въ Крымъ значительныя подкрѣпленія; но подкрѣпленій, которыя могли прибыть туда изъ турецкихъ гаваней, едва достаточно для пополненія убыли въ войскахъ, а первыя войска, посылаемыя изъ Франціи, прибудутъ туда, конечно, не ранѣе послѣднихъ чиселъ ноября, потому что 17-го (5-го) числа, изъ дивизій *Дюлака* и *де-Салля* (7-й и 8-й) не было посажено въ Тулонѣ на суда еще ни одного человѣка, да и перевозка ихъ легко можетъ быть замедлена господствующими теперь бурями. Англичанъ по этому должно ожидать въ Крымъ еще позже, и состояніе кавалеріи союзниковъ будетъ не изъ лучшихъ. При извѣстномъ недостаткѣ воды въ Крыму, въ Лондонѣ даже не рѣшаются послать новыя подкрѣпленія для кавалеріи, уменьшившейся до 1,000 человѣкъ. Даже по прибытіи всѣхъ подкрѣпленій, союзникамъ не легко будетъ перейти къ наступательнымъ дѣйствіямъ, потому что русскіе, при всѣхъ обстоятельствахъ, всегда будутъ значительно превосходить ихъ кавалеріею и чрезъ то не только имѣть большую свободу движенія, но и могутъ серьезно угрожать союзникамъ, при ихъ наступательныхъ дѣйствіяхъ съ праваго фланга и съ тыла. Должно сознаться, что послѣ того, какъ русскіе заняли позицію при Балаклавѣ, положеніе союзниковъ стало весьма затруднительнымъ, и что всякое наступательное движеніе сопряжено теперь для нихъ съ большими опасностями. По письмамъ, полученнымъ кельнскою газетою, принцъ *Наполеонъ* рѣшительно не одобряетъ дѣйствій генерала *Канробера*. Онъ, по видимому,

---

([1]) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 262.

столь же мало доволенъ способомъ веденія войны, сколько и тѣмъ, какъ была предпринята экспедиція. Чтобы доказать, впрочемъ, что, не взирая на то, онъ твердо рѣшился исполнить свой долгъ, онъ просилъ поручить ему начальство надъ штурмовою колонною: но какъ нападеніе, произведенное русскими 5-го ноября (24-го октября), разстроило планъ союзниковъ, то на двухъ военныхъ совѣщаніяхъ, происходившихъ 6-го и 7-го чиселъ (25-го и 26-го октября), было рѣшено отложить штурмъ, до прибытія подкрѣпленій, и тогда принцъ отправился, для поправленія своего здоровья, въ Константинополь (¹).

Въ «Indépendance Belge» пишутъ объ осадѣ Севастополя изъ Парижа отъ 9-го ноября: «Изъ документовъ помѣщенныхъ въ Монитерѣ, не узнали мы ничего новаго и не можемъ догадываться, когда наступитъ время разгадки. Главнокомандующій французскою арміею не скрываетъ затрудненій предпріятія, равно какъ и главнокомандующій англійскою арміею лордъ *Рагланъ* въ донесеніяхъ его, помѣщенныхъ въ лондонскихъ газетахъ.

Подобно сему послѣднему, генералъ *Канроберъ* отдаетъ справедливость сильному отпору русскихъ, ихъ мужеству и искусству въ оборонѣ. Вообще замѣчаютъ съ удовольствіемъ, что во французскихъ и въ англійскихъ газетахъ, съ нѣкотораго времени, тонъ совершенно перемѣнился: въ нихъ признаютъ безусловно, что союзныя войска нашли въ русской арміи враговъ, съ которыми трудно сражаться, и которые совершенно достойны большихъ усилій, сдѣланныхъ союзными державами для обезпеченія успѣха экспедиціи. Въ «Times» помѣщены въ семъ отношеніи справедливыя и благоразумныя сужденія. Англійскія и французскія газеты должны были измѣнить свой языкъ, бывшій презрительнымъ въ началѣ войны. Нѣтъ никакой пользы въ униженіи непріятеля: въ такомъ случаѣ побѣда менѣе славна, а пораженіе дѣлается гораздо унизительнѣе. Въ донесеніи своемъ о сраженіи на Альмѣ, князь *Мен-*

(¹) „Русск. Инвал." 1854 г. № 266.

шиковъ отдалъ полную справедливость храбрости, оказанной союзными войсками. Генералъ *Канробертъ* и *Рагланъ*, съ своей стороны, отзываются о гарнизонѣ Севастополя въ самыхъ почтительныхъ выраженіяхъ. Журналы должны бы были подражать начальствующимъ арміями въ справедливости и безпристрастіи (¹).

Нынѣшній языкъ англійскихъ газетъ сильно противорѣчитъ недавнимъ ихъ смѣшнымъ хвастовствамъ. Такъ, напримѣръ, въ одномъ письмѣ изъ Лондона, отъ 8-го ноября, сказано: Въ эту минуту всѣ англійскіе корреспонденты изъ Крыма единогласно отзываются о нѣсколькихъ весьма важныхъ пунктахъ: 1) результатъ морскаго нападенія 5-го (17-го) октября не могъ ободрить къ возобновленію онаго; 2) оборонительныя средства Севастополя кажутся до такой степени неистощимыми, что правильная осада должна будетъ по необходимости продлиться въ неопредѣленный срокъ, и 3) слѣдственно одинъ только кровопролитный приступъ можетъ еще обѣщать нѣкоторую надежду на успѣхъ. Самъ лордъ *Рагланъ*, въ своей депешѣ отъ 23-го числа, ясно сознается, что союзники жестоко ошиблись на счетъ силы укрѣпленій Севастополя съ сухопутной стороны. Замѣчательно, что въ эту ошибку впали не только частныя лица, спокойно сидящія у камина, но и офицеры въ лагерѣ: они надѣялись, что осажденные истощатъ свои боевые запасы. Но Севастополь величайшій арсеналъ въ Россіи и проч. Какъ въ этомъ письмѣ, такъ и въ другомъ, отъ 23-го октября (въ Morning Chronicle), отдаютъ справедливость удивительной дѣятельности, съ какою русскіе воздвигли въ короткое время, протекшее между высадкою союзныхъ войскъ и 17-мъ числомъ октября (днемъ бомбардировки), цѣлую ограду внѣшнихъ укрѣпленій и батарей, которыя нанесли столько вреда союзникамъ. Корреспондентъ «Daily News» тоже заключаетъ (20-го октября уже), что приступъ неизбѣженъ. Наконецъ морской корреспондентъ «Morning Chronicle» также сознается, что 17-го

(¹) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 249.

(5-го) октября гранитныя стѣны Севастополя въ полной мѣрѣ выдержали грозное нападеніе союзнаго флота, и прибавляетъ, что вообще думаютъ не возобновлять уже попытокъ съ моря (1).

Парижъ, 3-го ноября. Изъ Парижа пишутъ въ «Кельнской Газетѣ: «*Людовикъ-Наполеонъ* крайне недоволенъ неполученіемъ извѣстій изъ Крыма. Говорятъ также, что образъ веденія осады имъ не одобряется, и что въ бывшемъ вчера засѣданіи совѣта министровъ онъ гласно объявилъ, что начинаетъ сомнѣваться въ способности избранныхъ имъ генераловъ. Впрочемъ, и по послѣднимъ секретнымъ донесеніямъ генерала *Канробера*, дѣла не въ самомъ удовлетворительномъ положеніи. Главнокомандующій формально излагаетъ въ нихъ свое мнѣніе, что поступили неблагоразумно, направившись къ югу отъ Севастополя, не оставивъ на сѣверной сторонѣ корпуса, который могъ бы препятствовать русскимъ получать подкрѣпленія. Съ тѣмъ вмѣстѣ генералъ *Канроберъ* опасается, что прежде взятія Севастополя они принуждены будутъ дать новое сраженіе русскимъ, къ которымъ подходитъ много подкрѣпленій, и которыя не замедлятъ атаковать союзниковъ (2).

Въ «Ost-Deutsche Post» напечатаны слѣдующія извѣстія изъ Константинополя отъ 9-го ноября:

«Трехдечный корабль «Багири», подъ командою адмирала *Гассанъ-паши*, и фрегатъ «Муфтаги-Джегадъ (оба принадлежали къ египетскому флоту) шли изъ Крыма въ Константинополь, но, разлученные ужаснѣйшею бурею съ сѣвера, оба были брошены на берегъ и совершенно разбились. Фрегатъ потерялъ 270 человѣкъ изъ пяти сотъ, а «Багири» 650 изъ девяти сотъ. Самъ *Гассанъ паша* находится въ числѣ погибшихъ (3).

(1) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 252.
(2) «Сѣверн. Пчела» 1854 г. № 246.
(3) «Сѣверная Пчела» 1854 г. № 262.

Изъ Константинополя. отъ 30-го октября, пишутъ въ «Аугсбургской Газетѣ: «Если вѣрить довольно запутаннымъ извѣстіямъ, получаемымъ нами съ позорища войны изъ Крыма, иллюминація, которою хотѣли праздновать здѣсь взятіе Севастополя, будетъ отсрочена «Мы вовсе не думаемъ быть несправедливыми къ союзникамъ, которые сражаются съ большимъ мужествомъ, и не ихъ вина, если препятствія, которыя имъ слѣдуетъ преодолѣть, оказываются въ дѣйствительности важнѣе, нежели предвидѣли. Хвастовство въ «Journal de Constantinople» продолжающаго съ удивительнымъ простодушіемъ излагать событія на свой ладъ. рѣшительно не измѣняетъ положенія дѣлъ. Союзники находятся въ такомъ положеніи, что должны нѣкоторымъ образомъ отваживаться на все, т. е. при малѣйшей возможности попытаться на штурмъ, но въ этомъ случаѣ, русскій корпусъ, овладѣвшій позиціею, которую занимали турки, на высотахъ Балаклавы, и утвердившійся на ней, конечно не будетъ стоять сложа руки, и результатъ всего этого можетъ служить жестокимъ опроверженіемъ слишкомъ преждевременнымъ побѣднымъ пѣснямъ (1).

Лондонъ 20-го ноября. Депеша лорда *Раглана*, отъ 3-го ноября, достаточно объясняетъ безпрестанный упадокъ отверженныхъ облигацій на лондонской биржѣ, еслибы дѣло требовало объясненія. Лордъ *Разланъ* сообщаетъ, что русская армія получила значительныя подкрѣпленія, угрожающія Балаклавѣ. Онъ сожалѣетъ, что не имѣетъ довольно силъ, чтобъ прикрыть этотъ пунктъ, и сознается, что огонь непріятельскій нимало не слабѣетъ. Во многихъ французскихъ письмахъ и депешахъ утверждали противное (2).

Лондонъ 10-го ноября. Третьяго дня и вчера, въ слѣдствіе извѣстій изъ Крыма, а еще болѣе въ слѣдствіе паденія курса на парижской биржѣ, дѣла лондонской биржи

(1) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 260.
(2) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 261.

шли очень туго. На массу народа имѣло самое тягостное впечатлѣніе быстрое отправленіе послѣднихъ подкрѣпленій, до 4,000 человѣкъ, въ Крымъ. Письмо изъ Константинополя, въ которомъ сказано, что сила англійскаго экспедиціоннаго корпуса передъ Севастополемъ уменьшилась до 16,000 человѣкъ (изъ отправившихся туда 26,000) не мало усилило всеобщее уныніе въ послѣднее время.

Упадокъ духа военной партіи и опасенія на биржѣ усиливаются. Отъ англійскихъ посольствъ въ Вѣнѣ и Константинополѣ получены, какъ говорятъ, непріятныя донесенія: они были вчера представлены въ засѣданіи совѣта министровъ. Къ этому присоединяется замѣчаніе, что лордъ *Абердинъ*, на банкетѣ въ Сити, былъ очень грустенъ: это противорѣчило словамъ, произнесеннымъ имъ при возглашеніи тоста. Нельзя уже скрывать, что дѣла въ Крыму идутъ не очень хорошо ([1]).

11-го ноября въ «Neue Preussische Zeitung» пишутъ изъ Лондона, отъ 9-го ноября, что извѣстія, получаемыя изъ Крыма, очень неблагопріятно дѣйствуютъ на общественное мнѣніе: оно начинаетъ измѣняться и партія мира рѣшительно одерживаетъ верхъ ([2]).

Пресловутый либералъ Морицъ *Гартманъ*, корреспондентъ «Кельнской Газеты» написалъ изъ Константинополя, отъ 30 октября, длинное письмо, въ которомъ, между прочимъ, сказано: «Кажется, что осажденные оказываютъ большое искусство въ своихъ вылазкахъ: они рѣдко возвращаются въ крѣпость, не нанеся много вреда осаждающимъ. Теперь убѣдились, что русскія войска въ Севастополѣ наилучшія; вѣрность ихъ выстрѣловъ болѣе и болѣе оцѣнивается союзниками, и матеріальнымъ доказательствомъ этой оцѣнки служитъ то, что сіи послѣдніе поставили часть своихъ кораблей внѣ выстрѣловъ севастопольскихъ пушекъ, не дозволивъ болѣе своему флоту содѣйствовать при бомбардировкѣ» ([3]).

([1]) Сѣверная Пчела“ 185 г. № 254.

([2]) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 254.

([3]) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 255.

Въ «Аугсбургской Газетѣ» пишутъ изъ Эйзенаха, отъ 10-го ноября. что герцогъ Саксенъ-Веймарскій *Бернардъ* получилъ отъ своего сына принца Эдуарда, маіора англійскаго гвардейскаго полка, стоящаго предъ Севастополемъ, письма, въ которыхъ, между прочимъ, послѣдній жалуется на недостатокъ боевыхъ припасовъ въ союзной арміи и на затрудненія, встрѣчаемыя ею въ осадныхъ работахъ, которыя не подвигаются (1).

Въ коммерческомъ письмѣ изъ Варны, отъ 2-го ноября, сообщаютъ, что купеческія суда, приходящія въ этотъ портъ, нагружаются только припасами для союзныхъ войскъ въ Крыму, чтобъ предупредить недостатокъ въ продовольствіи, еслибъ дѣйствія противъ Севастополя еще продолжались. *Омеръ-паша* получилъ приказаніе отправить войска въ Крымъ, и ихъ теперь сажаютъ на суда; однакоже средства къ перевозкѣ ихъ весьма недостаточны. Пароходы не могутъ быть употреблены для этого, потому что, опасаясь бурь, они не могутъ отходить отъ линейныхъ кораблей. Генералъ *Канроберъ* требовалъ присылки въ Балаклаву новаго транспорта орудій большаго калибра.

— Изъ Варны, отъ 7-го ноября, пишутъ, что два транспортныя судна, шедшія въ Балаклаву съ съѣстными припасами, разбились у Змѣиныхъ острововъ. До этого числа не было получено извѣстій изъ Крыма, по причинѣ безпрестанныхъ бурь.

— По извѣстіямъ изъ Крыма, отъ 4-го числа, полученнымъ въ Тріестѣ, начальникъ турецкихъ войскъ на семъ полуостровѣ. *Сулейманъ-паша*, разжалованъ султаномъ (2).

По письму, отъ 5-го ноября, отъ константинопольскаго корреспондента, напечатанному въ «Times», 17-го числа, въ англійской арміи было сего числа, въ скутарійскихъ госпиталяхъ три тысячи больныхъ; изъ нихъ до полуторы

(1) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 257.
(2) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 258.

тысячи находились въ большихъ казармахъ, восемьсотъ въ собственно называемомъ госпиталѣ и отъ пяти до шести сотъ на турецкомъ линейномъ кораблѣ, стоящемъ передъ сералемъ и отданномъ турецкимъ правительствомъ англичанамъ, для помѣщенія на немъ выздоравливающихъ. Англійскій комендантъ получилъ приказаніе помѣстить раненыхъ въ дѣлѣ 13-го (25) октября близъ Балаклавы (эти раненые прибыли въ Константинополь, но не могли еще всѣ быть высажены по причинѣ жестокости вѣтра) и приготовить все къ немедленному принятію еще тысячи человѣкъ другихъ раненыхъ. Корреспондентъ сообщаетъ, что между войсками предъ Севастополемъ усиливаются болѣзни, особенно солдаты страдаютъ отъ холода и мороза по ночамъ.

Въ «Zeit» сообщаютъ слѣдующее извѣстіе изъ Константинополя отъ 2-го ноября: Бурная погода затрудняетъ сообщеніе моремъ. Англійскія подкрѣпленія, прибывшія изъ Мальты, немедленно отправились въ Крымъ ([1]).

Парижъ 21 ноября. Сегодня въ оффиціальной газетѣ сообщаютъ о прибытіи въ Марсель, вчера поутру, парохода съ извѣстіями изъ Константинополя отъ 10-го ноября, въ которыхъ генералъ *Канроберъ* сообщаетъ, что союзники рѣшились ждать, для приступа къ Севастополю, прибытія подкрѣпленій. Оффиціальная газета подтверждаетъ извѣстіе о прибытіи больнаго принца Наполеона въ Константинополь ([2]).

Изъ Парижа отъ 7-го ноября пишутъ въ «Аугсбургской Газетѣ»: По новѣйшимъ извѣстіямъ изъ Крыма въ военномъ совѣтѣ былъ сильный споръ между генераломъ *Канроберомъ* съ одной стороны и генералами *Форе* и *Бизо* (артиллеристъ) съ другой. Оба послѣдніе были наказаны главнокомандующимъ. *Канроберъ* намѣренъ отважиться на штурмъ, а прочіе генералы думаютъ, что подобное предпріятіе не имѣетъ никакой надежды на успѣхъ. Генералъ

([1]) „Сѣверная Пчела.“ 1854 г. № 259.
([2]) „Сѣверная Пчела.“ 1854 г. № 260.

Юссуфъ въ совершенной немилости, ему уже не дадутъ болѣе начальства надъ его африканцами. Ему не могутъ простить того, что онъ посѣтилъ своего стариннаго товарища *Кавеньяка*.

Въ «Etoile Belge» пишутъ изъ Парижа отъ 10-го ноября: Императоръ сильно огорченъ медленностью севастопольской осады и затрудненіями, которыя встрѣчаютъ осадныя работы. Теперь, когда письмами и донесеніями изъ Крыма подтверждено, что должно отказаться отъ надежды взять Севастополь приступомъ, увѣряютъ, что императоръ рѣшился на поѣздку, которая была отложена въ послѣднее время. Онъ ѣдетъ въ Фонтенбло.

Вы знаете, что адмиралъ *Гамеленъ* противился крымской экспедиціи, и что его за это сильно осуждали. Теперь, когда успѣхъ не соотвѣтствуетъ прежнимъ надеждамъ, многія политическія лица хвалятъ осторожность адмирала, но никто не смѣетъ выразить своихъ мыслей императору: мнѣніе его касательно экспедиціи было всегда самое рѣшительное. Неудачи измѣнили нравъ *Лудовика-Наполеона*. Министры его весьма тѣмъ затрудняются, не зная какъ вести себя въ отношеніи къ нему.

Увѣряютъ, что волненіе, произведенное въ публикѣ чтеніемъ нѣкоторыхъ русскихъ депешей, внушило правительству намѣреніе преградить имъ впускъ во Францію во все продолженіе экспедиціи.

Если правда, что хотятъ усилить нашу армію новымъ резервнымъ корпусомъ, нужно будетъ не менѣе 50 первоклассныхъ кораблей или судовъ большой вмѣстимости для отправленія этого корпуса и принадлежностей. Дѣйствительно должно сказать, что отправленія, производимыя изъ Франціи со дня сраженія при Альмѣ, только пополнили убыль людей, похищенныхъ болѣзнями или огнемъ непріятеля (¹).

Изъ Парижа отъ 2-го ноября пишутъ въ «Кельнской Газетѣ»:

Въ слѣдствіе неблагопріятныхъ извѣстій изъ Крыма,

(¹) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 255.

господствуетъ теперь въ Парижѣ большое недоумѣніе. Полученныя здѣсь въ прошедшую субботу русскія извѣстія подтверждаются со всѣхъ сторонъ, а депеши, полученныя правительствомъ, неудовлетворительны. Нельзя уже сомнѣваться, что положеніе англичанъ и французовъ передъ Севастополемъ затруднительно. Огонь крѣпости поддерживается исправно и осаждающіе должны день и ночь быть на ногахъ, отъ безпрестанныхъ вылазокъ русскихъ. Положеніе союзниковъ становится опаснымъ и даже, можно сказать, невыносимымъ отъ недостатка въ водѣ. Солдаты получаютъ только небольшія порціи прѣсной воды и гибнутъ въ нечистотѣ. Безпокойство въ высшихъ кругахъ общества тѣмъ сильнѣе, что съ полною увѣренностью разсчитывали на быстрый успѣхъ, т. е. на паденіе Севастополя.

Въ «Ліонской Газетѣ» 1-го ноября сказано: Шестой батальонъ пѣшихъ егерей получилъ приказаніе отправиться на Востокъ. Говорятъ, что онъ долженъ быть высаженъ въ Трапезонтѣ и составить часть партизанскаго корпуса изъ егерей, зуавовъ, спаговъ и зефировъ, который будетъ дѣйствовать въ Азіи. Симъ корпусомъ будетъ командовать генералъ *Меранъ*.

По другимъ извѣстіямъ этотъ корпусъ назначенъ дѣйствовать противъ Персіи, еслибъ она напала на Турцію.

Въ оффиціальныхъ кругахъ тонъ значительно понизился. За двѣ недѣли только и говорили, что о завоеваніи Крыма. Нынѣ довольствуются не такими геройскими результатами, и распускаютъ слухъ, что цѣль экспедиціи была просто разрушить что можно въ Севастополѣ, а затѣмъ воротиться въ Скутари на зимнія квартиры. Объ овладѣніи городомъ нѣтъ и рѣчи (1).

Корреспонденты англійскихъ газетъ сообщаютъ дневникъ лагерной жизни подъ Севастополемъ: *8-го ноября.* Утро прекрасно, ясно и тепло. По полудни туманъ и дождь. Вѣтеръ дуетъ съ юга. Ретраншаменты и наружныя

---

(1) „Сѣверная Пчела" 1854 г. № 247.

укрѣпленія, воздвигаемые съ цѣлію прикрыть нашу позицію на правомъ крылѣ, занимаемую лагеремъ второй дивизіи, быстро подвигаются впередъ. Будетъ также сооруженъ четыреугольный редутъ. Онъ будетъ господствовать надъ мѣстностью со стороны оврага. Многочисленные отряды турецкихъ войскъ помогаютъ въ этихъ работахъ. Мы, англичане, слишкомъ много на себя полагаемся и не хотимъ хорошенько подумать, какія принять предосторожности противъ неожиданнаго нападенія или случайностей. Даже теперь, когда я пишу, есть другой важный оврагъ, незащищенный ретраншаментами или другими укрѣпленіями. Если случится такой же туманъ, какъ въ день послѣдняго сраженія, и пикеты будутъ опять недостаточно осторожны, непріятель можетъ сдѣлать на насъ нападеніе прежде, чѣмъ мы успѣемъ взяться за оружіе. Убитые на полѣ сраженія (инкерманскомъ) до сихъ поръ еще не погребены. Почти всѣ наши раненые перенесены изъ полевыхъ лазаретовъ на транспорты въ Балаклаву, откуда ихъ перевезутъ въ госпитали въ Скутари. Наши лазаретныя повозки, которыхъ у насъ приходится только по двѣ на каждую дивизію, оказались очень полезными для этой цѣли. Очень также пригодились французскіе лазаретные уремы, которыхъ у нашихъ союзниковъ множество. Простота устройства, при помощи котораго по обѣимъ сторонамъ животнаго помѣщаются стулъ или кровать, удобство съ которымъ страждущіе могутъ быть переправляемы черезъ ущелья или по неровной и тряской дороги, ловкость возницъ, которые составляютъ у французовъ особое учрежденіе, назначенное для этой цѣли, возможность употреблять муловъ для другихъ работъ, когда они свободны, придаютъ особую цѣну этому способу перевозки больныхъ. Значительное число русскихъ раненыхъ перевезено также на корабли. Можетъ быть, лучше было бы переслать ихъ обратно въ Севастополь. Около 500 человѣкъ нашихъ солдатъ возвратились сегодня изъ Скутари и шесть ротъ 46-го полка высаживаются сегодня на берегъ и отправляются въ лагерь 4-й дивизіи. Войска, прибывшія недавно изъ Англіи, съ ихъ бѣлыми портупеями и блестящей амму-

ницiей, представляютъ любопытную противоположность, съ внѣшнимъ видомъ тѣхъ, которые были уже въ дѣлѣ и которые выбѣгали къ нимъ на встрѣчу. Вновь прибывшiе отвѣчали на радостные крики тѣмъ же, но были видимо поражены разностью костюмовъ. *9-го ноября.* Прошедшую ночь, часовъ съ трехъ до разсвѣта, шелъ сильный дождь. Вѣтеръ продолжаетъ дуть съ юга и юго-запада. погода стоитъ умѣренная. Батареи не много измѣнили свой внѣшнiй видъ. Что касается до огня, съ англiйскихъ и русскихъ батарей, находящихся насупротивъ другъ друга, то вредъ, причиненный въ продолженiе дня, по видимому, въ равной степени исправляется ночью съ обѣихъ сторонъ. Стрѣльба русскихъ также продолжается отлично. Вчера три большiя пушки разбиты ядрами, ударившимися въ жерла, а сегодня такимъ же образомъ уничтожены еще двѣ пушки. Эти пушки могутъ быть замѣнены другими съ кораблей. Вооруженiю флота нельзя нанести этимъ никакого ущерба, потому что съ кораблей высажено такъ много матросовъ, для присмотра на батареяхъ, что, въ случаѣ морскаго сраженiя, на судахъ много останется пушекъ въ бездѣйствiи за недостаткамъ людей. На счетъ будущаго плана кампанiи ничего неизвѣстно. Одни думаютъ, что всего лучше ожидать французскихъ подкрѣпленiй и потомъ сдѣлать нападенiе на армiю, которая тревожитъ насъ съ тылу. Другое предположенiе заключается въ томъ, чтобы одновременно сдѣлать нападенiе съ суши и съ моря на большой фортъ и другiя батареи, находящiяся на высотахъ сѣверной стороны рейда. Для исполненiя этого послѣдняго предположенiя потребовались бы огромныя силы. Фортъ очень обширенъ, сильно вооруженъ и лежитъ такъ низко, что его невидно съ кораблей, и такимъ образомъ гранаты придется бросать на удачу. Кромѣ того, на случай нападенiя съ моря поставлены по направленiю на югъ орудiя огромнаго калибра; со стороны же суши возведены очень сильныя земляныя батареи. Между главнокомандующими союзныхъ войскъ происходили совѣщанiя, сегодня же въ главной квартирѣ соберется общiй военный совѣтъ. Говорятъ, что намъ придется расположиться здѣсь на

зимнія квартиры. Какъ перенесутъ войска постоянное пребываніе въ траншеяхъ и на этихъ обнаженныхъ горахъ, безъ теплыхъ жилищъ на случай холода и непогоды, увидимъ впослѣдствіи. Зимняя одежда еще до сихъ поръ не привезена. Топливо можно достать только съ большимъ трудомъ, такъ что приходится постоянно сторожить, чтобы солдаты не растаскали запасныя фашины, приготовленныя для батарей. Подбираютъ каждую щепку, валяющуюся на дорогѣ: порожніе ящики изъ подъ амуниціи, гранатъ и ракетъ быстро исчезаютъ. Комиссаріатъ не имѣетъ болѣе дровъ или другаго топлива для раздачи. Между тѣмъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно было бы легко избѣгнуть этой настоятельной потребности въ топливѣ. Напримѣръ, кофе раздаютъ солдатамъ сырой, такъ что каждому приходится сперва развести огонь, чтобъ поджарить кофе, а потомъ, чтобы сварить его. Ротные котлы сдѣлались негодными отъ употребленія или затерялись. Такимъ образомъ, каждый солдатъ варитъ собственно для себя въ своей манеркѣ, вслѣдствіе чего топливо тратится напрасно и кофе не такъ питателенъ. Говорятъ, что большіе запасы дровъ и древеснаго угля можно получить на противоположномъ мало-азіятскомъ берегу. Французы хозяйничаютъ лучше чѣмъ мы; у нихъ есть мягкій хлѣбъ, который они иногда отдаютъ англійскимъ солдатамъ за сухари, употребляя послѣдніе въ супъ.

Ноября 10-го. Прошлую ночь шелъ сильный безпрерывный дождь; погода, по прежнему, стоитъ умѣренная. Утро обыкновенно прекрасно, но около 11 часовъ начинается дождь и продолжается весь остальной день. По полудни дулъ сильный западный вѣтеръ. *Ноября 11-го.* Прошлою ночью у насъ была буря, которая нѣкоторое время угрожала намъ снести палатки и все поставить вверхъ дномъ въ лагерѣ. Буря началась въ десятомъ часу, и на здѣшнихъ незащищенныхъ высотахъ казалась настоящимъ ураганомъ. Вѣтеръ былъ такъ силенъ, что люди съ трудомъ могли противъ него держаться. Вскорѣ сорвало нѣсколько палатокъ. Смѣшанные крики людей, раздававшіеся около палатокъ, угрожаемыхъ тою же участью, хлопанье пару-

сины, скрипъ петлей, носящіеся въ воздухѣ сучья, собранные солдатами, чтобъ развести огонь — все это, посреди ночной темноты и завыванія вѣтра, составляло нѣчто цѣлое, которое не легко забыть. Буря началась такъ внезапно, что тотчасъ же принялись тушить бивуачные огни, изъ опасенія, чтобы пылающіе сучья и щепки не подожгли палатки. Ураганъ продолжался около четырехъ часовъ; когда прекратился, пошелъ сильный дождь, лившій всю ночь и не перестающій до сихъ поръ. Боимся, чтобы не случилось чего съ кораблями. Солдаты, находившіеся въ это время въ траншеяхъ или на передовыхъ постахъ, и такимъ образомъ испытавшіе вполнѣ все дѣйствіе непогоды, представляли жалкій видъ, когда возвратились съ своимъ промокшимъ насквозь платьемъ и одѣялами въ палатки, пробитыя равнымъ образомъ дождемъ, не имѣя чѣмъ перемѣниться. Объявлено, что въ скоромъ времени всѣмъ солдатамъ роздано будетъ еще по одному одѣялу (¹).

Въ нѣмецкой франкфуртской газетѣ пишутъ изъ Константинополя отъ 30-го октября: «Союзники сознаются въ невозможности атаковать Севастополь со стороны моря. Нѣкоторые начинаютъ сомнѣваться въ паденіи сей крѣпости. Русскіе вновь вооружили Константиновскій фортъ и получили значительныя подкрѣпленія. Четыре парохода пришли сюда съ ранеными. Вчера свирѣпствовала на морѣ сильная буря.

По телеграфической депешѣ изъ Воло, отъ 23-го октября, изъ этого порта отправилась въ Крымъ 2.000 турокъ.

Лондонъ, 11-го ноября. Въ нынѣшнемъ нумерѣ «Times» сильно настаиваютъ на необходимости послать безъ малѣйшаго промедленія на Востокъ всѣ англійскія войска, находящіяся какъ въ Англіи, такъ и въ Средиземномъ морѣ.

Въ «Times» пишутъ: «Замѣчательно, что мы очень мало знаемъ о многихъ важныхъ пунктахъ. Такъ, напримѣръ, мы не имѣемъ никакихъ вѣрныхъ данныхъ о численной силѣ русскихъ, ни о духѣ, которымъ они одушев-

---

(¹) „С.-Петерб. Вѣдом.“ 1854 г. № 274.

лены. Одни увѣряютъ, что севастопольскій гарнизонъ упалъ духомъ; другіе говорятъ, что кровопролитіе ужасно и опустошенія чрезвычайны, а иные утверждаютъ, что русскіе одушевлены самою энергическою рѣшимостью, съ невѣроятною быстротою починиваютъ разрушенія, произведенныя нашими батареями, и выдерживаютъ огонь нхъ съ силою, какой нельзя ожидать отъ арміи, еслибъ она была разстроена. Мы расположены вѣрить. что послѣднее увѣреніе самое вѣроятное. Самъ лордъ *Рагланъ*, объявляетъ, что 23-го октября. т. е. на седьмой день, нельзя было замѣтить, чтобъ непріятельскій огонь ослабѣлъ ([1]).

О КРЫМСКОЙ ЭКСПЕДИЦІИ.

Въ Брюсселѣ въ февралѣ 1855 г. вышла брошюра о крымской экспедиціи ([2]), надѣлавшая много шуму и вызвавшая неудачную попытку французскаго правительства преслѣдовать издателя судебнымъ порядкомъ. Дѣло въ томъ. что, по общему мнѣнію, она писана принцемъ *Наполеономъ*, или г. Эмилемъ *Жирарденомъ*, подъ вліяніемъ принца *Наполеона*, который. какъ извѣстно. возвратился изъ Крыма во Францію послѣ инкерманскаго сраженія. Правда. какъ принцъ *Наполеонъ*, такъ и г. *Жирарденъ* отреклись отъ всякаго участія въ изданіи брошюры: тѣмъ не менѣе всякій, внимательно прочитавшій ее, легко убѣдится, что она составлена подъ вліяніемъ лица, участвовавшаго какъ въ приготовленіяхъ къ экспедиціи, такъ и въ самой экспедиціи, и притомъ значительнаго по своему положенію. Къ тому же. брошюра, вышедшая въ Брюсселѣ, очевидно клонится къ оправданію принца *Наполеона* отъ возможныхъ нареканій и къ раскрытію политическихъ его стремленій, несогласныхъ съ стремленіями нынѣшняго императора французовъ. Всѣ эти обстоятельства, вмѣстѣ

([1]) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 253.

([2]) De la conduite de la guerre d'Orient. Expédition de Crimée. Memoire adressée au gouvernement de S. M. l'Empereur Napoléon III, par un officier général Bruxelles. Février. 1855.

взятыя, придаютъ брошюрѣ огромный интересъ: на какихъ нибудь семидесяти страничкахъ авторъ умѣлъ мимоходомъ очертить характеры главныхъ дѣйствующихъ лицъ, съ именами которыхъ познакомили насъ отчасти насильственный переворотъ 2-го декабря, отчасти самая экспедиція. Сообщаемъ, по возможности, полный отрывокъ изъ этой умной брошюры, опуская лишь то, что не имѣетъ прямаго отношенія къ экспедиціи. Первая глава брошюры и начало второй заключаютъ въ себѣ изложеніе переговоровъ, предшествовавшихъ войнѣ Мы начнемъ наше извлеченіе съ конца второй главы.

I и II.

Не смотря на колебаніе своихъ министровъ, *Людовикъ-Наполеонъ* рѣшился предпринять войну, когда князь *Меншиковъ* выѣхалъ изъ Константинополя. Это было въ февралѣ 1853 года. Императоръ французовъ зналъ, что война дастъ иное направленіе жизненнымъ силамъ Франціи, которыя были подавлены насильственнымъ переворотомъ 2-го декабря, и откроетъ блестящее поприще для арміи, запятнанной гражданскою войною; самъ онъ, предпринимая войну, удовлетворялъ своимъ личнымъ требованіямъ и въ то же время требованіямъ того великаго имени, которое онъ носитъ; наконецъ, онъ пріобрѣталъ отличное положеніе въ Европѣ, защищая независимость слабаго государства (?).

Чтобы дѣйствовать, онъ имѣлъ нужду въ союзѣ съ Англіею; союзъ этотъ былъ ему предложенъ съ большою готовностью. Доселѣ политика его была совершенно безошибочна. Нація могла упрекать его въ томъ, что онъ, по своему имени и общественному положенію, былъ виновникомъ потрясеній, которыя обыкновенно влечетъ за собою война; но нація не имѣла голоса и повиновалась потоку событій. Внѣ Франціи, нетерпѣливые могли только упрекнуть его въ медлительности, похожей на самообольщеніе и слабость. Но онъ каждый день подвигался впередъ съ свойственною ему осторожною проницательностію, не предоставляя ничего волѣ случая.

Когда русскіе перешли черезъ Прутъ, рѣшено было объявить войну, и здѣсь то начинается роковой рядъ ошибокъ, послѣднимъ результатомъ которыхъ было ничтожество и безсиліе на сѣверѣ и на югѣ Европы, въ Балтійскомъ и Черномъ моряхъ.

Желаніе вступить въ союзъ съ Австріею, по заключеніи союза съ Англіею, и составить противъ русскаго императора коалицію государей запутало эту искусную и осторожную политику, и въ одну кампанію уничтожило западныя силы.

Австрія должна была затруднить дѣло, и союзъ съ нею былъ неодолимымъ препятствіемъ къ достиженію цѣли.

Война была объявлена, и осенью 1853 года началась съ ожесточеніемъ на Дунаѣ и въ Черномъ морѣ. Подробности этой войны, битвы подъ Ольтеницей и при Четате, синопское пораженіе и пр. всѣмъ извѣстны. Но императоръ объявилъ войну лишь по прошествіи шести мѣсяцевъ, хотя въ тайнѣ весь былъ преданъ войнѣ. Обѣ западныя державы объявили войну 27-го марта. Въ это время русскіе уже перешли черезъ Дунай въ нѣсколькихъ пунктахъ, вторглись въ Добруджу и угрожали Болгаріи.

Такая медленность оправдывала обвиненія, взведенныя въ то время на правительство императора *Наполеона*. Достовѣрно, что императоръ уцѣпился за химеру австрійскаго союза, какъ за якорь спасенія. Положеніе его было хорошо, онъ испортилъ его: онъ какъ будто уничтожалъ плодъ нравственныхъ и матеріальныхъ силъ, скопившихся около него и въ пользу султана. Онъ погрузился въ вѣнскія конференціи; онъ слѣдилъ за ними съ безплоднымъ вниманіемъ, посвящалъ все время измѣненію выраженій въ протоколахъ, разставленію запятыхъ въ меморандумахъ, ухищряясь сплести сѣть, изъ которой, по его мнѣнію, не могли выпутаться Пруссія и Австрія.

Онъ увидѣлъ въ послѣдствіи, какъ освободилась Пруссія изъ непрочныхъ сѣтей его, но еще не убѣдился въ затрудненіяхъ, которыя сдѣлала намъ Австрія, въ безсиліи, къ которому привели насъ ея расположеніе или ро-

бость, и наконецъ въ той опасности, какой она подвергаетъ насъ.

Извѣстно, къ чему привелъ австрійскій союзъ знаменитаго основателя императорской фамиліи. Союзъ этотъ былъ источникомъ его гибели. *Наполеонъ III*, которому такъ хорошо извѣстна исторія имперіи,, по видимому, одинъ забылъ объ этомъ. Эта страница исторіи какъ будто написана іероглифическими знаками. Онъ вовсе непонимаетъ и не хочетъ понимать ея. Онъ разстался по этому вопросу съ самымъ искуснымъ совѣтникомъ, однимъ изъ самыхъ преданныхъ друзей своихъ, графомъ *Персиньи*; въ случаѣ надобности, онъ разстанется по тому же вопросу со всѣми членами своего семейства, и попроситъ ихъ, если уже не попросилъ нѣкоторыхъ, не дѣлать ему никакихъ возраженій относительно Австріи.

Это ослѣпленіе основано однако на причинахъ, по видимому, достаточныхъ. Во-первыхъ оно объясняется сильнымъ желаніемъ освободиться отъ титла выскочки (parvenu), удачно и смѣло принятаго однажды имъ самимъ, и вступить въ семейство старинныхъ династій и дипломатическія ихъ отношенія. Что касается до второй причины, то она заключается въ его понятіяхъ о порядкѣ и консервативной политикѣ. Онъ ненавидитъ демократію, и объявилъ безпощадную войну всякой революціи. По его мнѣнію, пробужденіе національностей, возстаніе въ Венгріи, Италіи или Польшѣ можетъ возникнуть только на демократическихъ началахъ, и потому онъ такъ же горячо и рѣшительно осуждаетъ его, какъ осудилъ бы парижское движеніе, клонящееся къ низверженію его съ престола.

III.

Еще прежде объявленія войны, которое, какъ уже было сказано, послѣдовало 27-го марта 1854 года, правительство приступило къ значительнымъ военнымъ приготовленіямъ на всемъ пространствѣ имперіи. Полки, назначенные въ составъ восточной арміи, были выбраны, батальоны поставлены на военную ногу. Въ Африкѣ были готовы вой-

ска, испытанныя въ бояхъ, и, между прочимъ, зуавы и туземные стрѣлки, которые оказали неоцѣненныя услуги.

11-го марта, по отъѣздѣ гг. *Киселева* и *Брунова* и по отозваніи г. *Кастельбажака* и сэра Гамильтона *Сеймура*, декретомъ императора былъ опредѣленъ составъ арміи.

Она простиралась до 40,000 человѣкъ, которые всѣ принадлежали къ гарнизонамъ Франціи и Алжира. То была лучшая часть французскихъ войскъ, самая надежная и опытная, находившаяся подъ начальствомъ отличныхъ низшихъ офицеровъ. Великое зрѣлище представляла отправка этихъ войскъ, одушевленныхъ самымъ чистымъ патріотизмомъ, горѣвшихъ нетерпѣніемъ сразиться съ отдаленнымъ непріятелемъ.

Всѣ свободные пароходы и болѣе 200 транспортныхъ судовъ, нанятыхъ правительствомъ, почти въ одно время перевезли эту прекрасную армію на оттоманскіе берега. Въ концѣ апрѣля войска высадились въ Галлиполи, гдѣ ожидали только маршала *Сентъ-Арно* который, какъ извѣщали, долженъ былъ отправиться на пароходѣ «Бертолле».

Нѣсколько англійскихъ полковъ при насъ прибыли въ Галлиполи. Остальные прибывали постепенно, одушевленные живѣйшимъ энтузіазмомъ, смѣшивая свою God save the Queen съ нашею марсельскою пѣснью.

Какъ много было надеждъ, которыя потомъ не оправдались! Какое желаніе сразиться, какая увѣренность въ побѣдѣ! Всѣ взоры были обращены на Дунай, гдѣ борьба продолжалась съ перемѣннымъ счастіемъ между русскою и турецкою арміей.

Что же дѣлали мы цѣлые два мѣсяца? Доселѣ трудно найти серьезную причину нашего бездѣйствія. Французскою арміей непосредственно командовалъ генералъ *Канроберъ*, англійскою генералъ-лейтенантъ *Броунъ*. Главнокомандующіе, маршалъ *Сентъ-Арно* и лордъ *Гагланъ*, находились въ Константинополѣ. Они отправились въ Варну 19-го мая, и 21-го числа имѣли совѣщаніе съ *Омеръ-пашею*, и условились съ нимъ относительно плана для предстоящихъ военныхъ дѣйствій.

На этомъ совѣщаніи, 21-го мая, силы трехъ союзныхъ армій были разсчитаны, позиціи назначены, средства опредѣлены; наконецъ, какъ кажется, составленъ былъ планъ по соглашенію между сухопутными и морскими главнокомандующими, которые всѣ должны были содѣйствовать приведенію этого плана въ исполненіе. Г. *Сентъ-Арно* былъ назначенъ генералисимусомъ союзныхъ армій. Изъ Варны всѣ три главнокомандующіе отправились въ Шумлу, гдѣ производили смотръ войскъ *Омеръ-паши*. Армія эта состояла изъ 45.000 человѣкъ, хорошо обученныхъ и хорошо расположенныхъ, но этой силы было недостаточно какъ для того, чтобы выручить Силистрію, такъ и для того, чтобы защищать Балканы. Лордъ *Рагланъ* и г. *Сентъ-Арно*, наконецъ, дали приказаніе англійскимъ войскамъ, находившимся въ Галлиполи, переправиться въ Варну моремъ. Французскій корпусъ состоялъ изъ двухъ дивизій, подъ начальствомъ генераловъ *Канробера* и *Боске*.

1-го іюля прибыли въ Варну первыя суда съ союзными войсками; зуавы шли впереди. Варна и Шумла были выбраны опорными пунктами военныхъ дѣйствій.

Къ сожалѣнію, послѣдовали новыя отсрочки и замедленія, которыя были бы необъяснимы, если не приписывать ихъ дипломатическимъ причинамъ, указаннымъ выше. Всего замѣчательнѣе, что маршалъ *Сентъ-Арно*, по видимому, одинъ зналъ все, что происходило между кабинетами. Онъ держалъ себя внѣ круга генераловъ и отвѣчалъ на нѣкоторыя возраженія, неоднократно повторяемыя, съ таинственнымъ видомъ, которымъ думалъ придать себѣ важности.

IV.

Мы должны высказать наше мнѣніе о маршалѣ, не останавливаясь суевѣрно передъ смертію, во время освободившею его отъ самой тяжкой отвѣтственности.

Маршалъ привезъ съ собою изъ Парижа инструкціи на всѣ возможныя случайности. По важнымъ причинамъ, о которыхъ мы не будемъ упоминать здѣсь, судьба его

была тѣсно связана съ личною судьбой императора; онъ нѣкоторымъ образомъ навязалъ довѣріе къ себѣ и зналъ всѣ планы *Наполеона III*. Онъ раздѣлялъ политическіе виды императора о союзѣ съ Австріею, и, подобно ему, разыгрывалъ роль человѣка, глубоко преданнаго началамъ общественнаго порядка и примирившагося съ здравыми монархическими и религіозными идеями. Въ Константинополѣ онъ усиленно старался убѣдить австрійское посольство въ благонамѣренности французскаго правительства, и увѣрялъ его въ личномъ своемъ желаніи союза между кабинетами парижскимъ и вѣнскимъ и общей политики относительно Россіи. Эти увѣренія могли обольстить австрійскаго интернунція, который выслушивалъ ихъ благосклонно и сообщалъ своему правильству, до тѣхъ поръ соблюдавшему нѣкоторую холодность.

Французскій посланникъ въ Константинополѣ былъ отозванъ въ то время, когда маршалъ прибылъ на Востокъ, и въ этомъ случаѣ правительство было право. Посланникъ былъ ненуженъ; маршалъ могъ быть употребленъ на все. Онъ даже вмѣшивался въ полицейскія распоряженія; ему представляли отчетъ о сношеніяхъ генераловъ и штабъ-офицеровъ, и онъ строго выговаривалъ нѣкоторымъ изъ нихъ за знакомство съ тѣмъ или другимъ венгерскимъ или польскимъ изгнанникомъ, котораго соприкосновеніе съ французскимъ военнымъ мундиромъ не нравилось почтенному г. *Бруку*. Онъ выражалъ явное презрѣніе къ генераламъ *Клапкѣ* и *Высоцкому*, и однажды принялъ даже общую мѣру, запрещавшую всякому гражданскому лицу являться въ главномъ штабѣ и въ рядахъ арміи. Мѣра эта была ему навязана австрійскимъ посольствомъ, но предварительно была одобрена императоромъ. Онъ имѣлъ въ виду удалить такимъ образомъ польскаго графа *Браницкаго*, который былъ другомъ принца *Наполеона*. Принцъ написалъ ему письмо, въ которомъ требовалъ объясненій; но маршалъ отвѣчалъ, что, дѣлая такое распоряженіе, онъ повиновался приказаніямъ императора.

Г. *Сентъ-Арно*, посвящая свое время и труды такимъ занятіямъ, упустилъ изъ виду армію, и съ этого времени

войска начали испытывать лишенія, за которыя не можетъ отвѣчать военное министерство, но долженъ отвѣчать главный штабъ, куда вкрались величайшіе безпорядки. Начальникъ штаба, генералъ *Мартенпре*, человѣкъ благонамѣренный и не безъ дарованій; онъ обладаетъ несомнѣнными административными способностями, но не имѣетъ достаточной находчивости и ничего не беретъ на себя. Онъ обращался къ маршалу въ самыхъ ничтожныхъ и обыкновенныхъ случаяхъ, а такъ какъ маршалъ рѣдко былъ свободенъ, ибо онъ и жена его были болѣе заняты интригами и своимъ внѣшнимъ положеніемъ, чѣмъ дѣлами не терпящими отлагательства, то всѣ части военной администраціи вскорѣ пришли въ разстройство, отъ котораго, конечно, терпѣла одна армія.

Мы не будемъ останавливаться на финансовомъ управленіи маршала: оно было весьма дурно. Министерство финансовъ и счетная палата напрасно будутъ повѣрять расходы его съ того времени, какъ войска прибыли въ Галлиполи, до отправленія ихъ въ Варну. Надо будетъ внести всю сумму разомъ, не разсматривая расходовъ по частямъ, и дать ей какое нибудь приличное названіе, которое бы не слишкомъ позорило память маршала Франціи.

Безпорядокъ и хищничество проникли во всѣ инстанціи военной администраціи. Въ другое время и при другихъ обстоятельствахъ, не одинъ изъ похитителей поплатился бы каторжною работой за явныя неисправности въ счетахъ и расхищеніе суммъ въ ущербъ солдату. Но безпорядокъ сверху оправдывалъ безпорядки снизу; всѣ были увѣрены въ снисхожденіи и вскорѣ увѣрились въ безнаказанности.

Печальные слухи ходили въ войскѣ, и позднѣе, во время варнскаго пожара, взведены были важныя обвиненія на главныхъ начальниковъ арміи. Потеря провіанта и военныхъ запасовъ, которыхъ въ то время лишилась французская армія, доставила австрійскимъ поставщикамъ, имѣвшимъ доступъ къ маршалу, случай нажить огромные барыши.

Есть еще фактъ, который остался необъяснимымъ: мы

говоримъ о недостаткѣ хлѣба въ Варнѣ въ теченіе іюля. Интендантство, не ожидавшее этого, поставлено было въ необходимость наскоро выписать сухарей изъ Орана, Алжира и Тулона.

Приказаніе объ отплытіи въ Варну было получено въ Галлиполи въ концѣ мая. Дивизія *Канробера* и *Боске* были перевезены моремъ; дивизія *Наполеона*, отправленная частію сухимъ путемъ, частію моремъ, остановилась въ Константинополѣ; дивизія *Форе*, часть которой осталась въ Аѳинахъ по случаю греко-славянскаго движенія, прибыла въ Галлиполи.

Принцъ *Наполеонъ* остался въ Константинополѣ. Здѣсь онъ послѣдовательно видѣлъ главныя лица сцены и могъ оцѣнить *Решидъ-пашу* и г. *Брука*, которые въ то время изготовляли вмѣстѣ трактатъ 20-го іюня между Австріею и Турціею. Принцъ со всѣхъ сторонъ получалъ жалобы и на политическое направленіе, сообщенное событіямъ, и на образъ дѣйствій *Решидъ-паши*, и на странное замедленіе въ перевозкѣ войскъ въ Болгарію, на театръ войны. Но онъ не могъ ничего сдѣлать и прямо говорилъ это всѣмъ. Его вліяніе было совершенно парализировано вліяніемъ маршала, который, очевидно, имѣлъ свои причины медлить, ибо ему очень хорошо было извѣстно, что г. *Брукъ* и *Решидъ-паша* изготовляютъ вышеупомянутый трактатъ. Онъ даже присутствовалъ на совѣщаніи о содержаніи и формѣ трактата, съ котораго копію послалъ въ Парижъ прямо на имя императора.

Принцъ *Наполеонъ* въ особенности былъ огорченъ интригами противъ *Омеръ-паши*, который жаловался, что въ Константинополѣ совсѣмъ забыли о дунайской арміи и не доставляли ей ничего, ни провіанта, ни одежды, ни военныхъ запасовъ. Онъ даже открыто принялъ, 24-го мая, одного офицера дунайской арміи, изложившаго ему жалобы турецкаго главнокомандующаго, къ которому онъ питалъ большое уваженіе. Принцъ говорилъ объ этомъ дѣлѣ съ султаномъ, посѣтивъ его передъ отъѣздомъ въ Галлиполи, и просилъ генерала *Боске* поговорить съ маршаломъ, не упоминая объ источникѣ этихъ жалобъ и о томъ,

какими путями они дошли до него. Султанъ, по видимому, былъ равнодушенъ къ тому, что сказалъ ему принцъ; онъ довольно холодно увѣрялъ его, что передастъ его замѣчанія военному министру, *Риза-пашѣ*, которому вполнѣ довѣряетъ. Но маршалъ, узнавъ о томъ же отъ генерала *Боске*, принялъ высокомѣрный тонъ и въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ осуждалъ турецкую администрацію.

У султана было собраніе, на которомъ присутствовали маршалъ *Сентъ-Арно*, лордъ *Рагланъ*, *Решидъ-паша*, *Риза-паша* и *Мегеметъ-Кебресли паша*. Маршалъ заговорилъ о жалобахъ мушира и хотѣлъ открыть пренія по этому дѣлу.

Но въ самомъ началѣ рѣчи маршала, *Решидъ-паша* объявилъ, что подастъ въ отставку.

То была театральная выходка, и при видѣ султана, смущеннаго этимъ предложеніемъ, маршалъ не настаивалъ. Къ тому же, послѣ совѣщанія, *Риза-паша* представилъ ему объясненія, которыя показались удовлетворительными, и послѣ, въ разговорѣ съ генераломъ *Боске* о турецкомъ главнокомандующемъ и его жалобахъ, маршалъ назвалъ его мнимо-больнымъ.

Увидѣвъ въ Босфорѣ англо-французскія войска, отправлявшіяся въ Болгарію, г. *Брукъ* рѣшился ускорить дѣло о трактатѣ съ Турціею, и трактатъ этотъ былъ подписанъ 20-го іюня. Окончательный текстъ этого документа былъ сообщенъ маршалу, который возвратилъ его г. *Бруку* безъ всякихъ замѣчаній.

Въ это время въ Варнѣ было отъ 38 до 40 тысячъ союзнаго войска, горѣвшаго желаніемъ идти къ Шумлѣ и Силистріи.

Г. *Брукъ* и его повѣренный *Решидъ-паша* отвели ударъ трактатомъ 20-го іюня.

Еще наканунѣ объ этомъ знала биржа; въ тотъ же день изъ Вѣны была отправлена депеша съ извѣстіемъ о весьма скоромъ выступленіи русскихъ изъ княжествъ.

V.

Если есть нація, отъ которой Россія имѣла право ожи-

дать дѣятельнаго содѣйствія или, по крайней мѣрѣ, полнаго нейтралитета, то, конечно, это австрійская нація.

Россійскій императоръ имѣлъ полное основаніе думать, что глава имперіи, спасенной имъ отъ погибели и упроченной на потрясенныхъ ея основахъ, не забылъ огромныхъ услугъ, ему оказанныхъ, и никогда не обнажитъ противъ него того меча, который, безъ него, былъ бы неминуемо сокрушенъ революціею. Въ совѣтахъ юнаго австрійскаго императора признательность должна была имѣть свое мѣсто и свой голосъ.

Къ тому же, образъ дѣйствій вѣнскаго кабинета могъ поддержать эти надежды. Его нерѣшительная политика избѣгала обязательствъ на будущее время, и старалась отстаивать настоящее системою нескончаемыхъ проволочекъ. Въ Вѣнѣ не переставали составлять ноты, протоколы, предложенія, проекты мировыхъ сдѣлокъ, съ единственною цѣлію выиграть время и выждать удобный случай къ дѣятельному вмѣшательству.

Австрія играла роль благоразумно, и съ чрезмѣрною осторожностію подвигалась впередъ по этому политическому пути, на каждомъ шагу представлявшему засады и опасности; къ чести совѣтниковъ императора, нельзя не сказать, что они съ изумительнымъ искуствомъ умѣли до сихъ поръ избѣгать всѣхъ опасностей своего двусмысленнаго положенія и, не теряя ничего, охранять интересы монархіи.

Политически Австрія, конечно, не была расположена къ западнымъ державамъ; послѣднія стояли за независимость Турціи, и возможное участіе въ раздѣлѣ этой несчастной страны заставляло Австрію колебаться. Но въ то же время она слѣдовала, относительно Россіи, политикѣ князя *Меттерниха* въ 1828—29 годахъ, когда вѣнскій кабинетъ одинъ воспротивился видамъ Россіи на Константинополь, между тѣмъ какъ кабинеты парижскій, лондонскій и берлинскій не препятствовали переходу русской арміи черезъ Балканы и заключенію унизительнаго для Турціи адріанопольскаго мира.

Чѣмъ большею признательностію обязана была Австрія

относительно Россіи съ 1849 года, тѣмъ сильнѣе было ея нетерпѣніе освободиться отъ этой тягостной признательности, подвергавшей ее нѣкотораго рода протекторству, которое она переносила какъ униженіе, ибо оно доказывало слабость въ прошедшемъ и неизвѣстность будущаго.

Австрія искала случая осуществить на дѣлѣ извѣстное изреченіе князя *Шварценберга*: «Когда нибудь мы удивимъ весь міръ безмѣрностію нашей неблагодарности».

Нынѣшнія обстоятельства, по видимому, были весьма благопріятны для этого. Австрія, побуждаемая правительствомъ императора *Наполеона* и виндсорскимъ кабинетомъ, мало по малу вознамѣрилась вмѣшаться въ борьбу какимъ бы то ни было образомъ и принять сторону западныхъ державъ, которымъ это вмѣшательство было болѣе гибельно, чѣмъ полезно, какъ доказали событія. Министры раздѣляли мнѣніе австрійскаго императора относительно союза съ Франціею и Англіею, но ихъ взглядъ на дѣло былъ не столь рѣзкій, ибо, обсуживая вопросъ съ болѣе обширной точки зрѣнія, они лучше предвидѣли всѣ послѣдствія, какія могли произойти отъ рѣшительной политики.

Вѣнское среднее сословіе также было нерасположено къ Россіи, въ особенности же къ старинной австрійской аристократіи, которая держала ея сторону и имѣетъ связи съ аристократіею петербургской.

Но союзъ съ западными державами представляетъ свои серьезныя опасности, которыя обойти было трудно. Извѣстно, какъ медленно приступала Австрія къ этому союзу съ самаго начала обѣщанному ею союзнымъ державамъ. Дѣло въ томъ, что Австрія подчиняла свое приступленіе къ союзу такимъ условіямъ, которыя должны были сдѣлать его невозможнымъ и уронить его во мнѣніи всѣхъ благомыслящихъ людей, какъ во Франціи, такъ и въ Англіи; она соглашалась принять участіе въ борьбѣ съ тѣмъ, чтобы существенно измѣнить характеръ, цѣль и самый ходъ ея и сдѣлать ее борьбою, не основанною ни на какихъ началахъ, безсмысленною, неопредѣленною и сомнительною въ результатѣ.

Австрія видѣла неизбѣжную опасность въ появленіи

французскихъ мундировъ на венгерской границѣ; оно могло возбудить надежды національной партіи. Въ рядахъ самой французской арміи находились венгерскіе и польскіе выходцы. Сильныя волненія могли произойти въ недавно усмиренныхъ провинціяхъ, всегда готовыхъ къ возстанію.

Свое присоединеніе къ союзу западныхъ державъ Австрія поставила въ зависимость отъ этихъ опасеній, но на такомъ условіи не должно было принимать союза съ нею.

А между тѣмъ онъ былъ принятъ.

Императоръ *Наполеонъ III* особенно дорожилъ союзомъ съ Австріею; ему очень хотѣлось, какъ уже было сказано выше, чтобы послѣдній потомокъ габсбургскаго дома призналъ и принялъ его за равнаго себѣ и за союзника.

Ему хотѣлось, чтобы Австрія въ его пользу измѣнила своему долгу, относительно россійскаго императора.

VI.

Трактатъ 20-го іюня былъ причиною всѣхъ бѣдствій, испытанныхъ арміями Франціи и Англіи въ войнѣ съ Россіею.

Трактатъ этотъ такъ хорошо извѣстенъ, что нѣтъ надобности приводить здѣсь текстъ его.

Въ нѣкоторомъ смыслѣ онъ удовлетворялъ желаніямъ западныхъ державъ, и тѣмъ самымъ устранялъ попытки къ возстанію, которыя онѣ могли поощрять, или, по крайней мѣрѣ, терпѣть въ Италіи. Но въ то же время, онъ заграждалъ англо-французскимъ знаменамъ дорогу въ Молдавію, Валахію и Бессарабію. Удаляя отъ венгерской границы всякую революціонную опасность, что было очень выгодно для Австріи, трактатъ этотъ давалъ Россіи возможность сосредоточить свои силы въ томъ пунктѣ, которому мы будемъ угрожать. Упрочивая за собою тѣ изъ своихъ владѣній, которыя наиболѣе склонны къ возстанію, Австрія воздвигала между нами и Россіею нѣчто въ родѣ китайской стѣны, подъ защитою которой русскіе могли направить свои силы на всякую другую часть своихъ гра-

ницъ, и въ особенности на Одессу и Севастополь, о которыхъ уже начали говорить въ то время.

Австрія говорила туркамъ: «Я охраняю васъ».

Она говорила Франціи и Англіи: «Я съ вами, и принуждаю русскихъ перейти обратно черезъ Прутъ».

Она говорила русскимъ: «Я только для вида предпринимаю непріязненное дѣйствіе противъ васъ; теперь вы можете защищать Одессу и Севастополь и дать маленькій урокъ союзникамъ».

Нѣтъ словъ для описанія горести, возбужденной въ генералахъ и высшихъ офицерахъ арміи объявленіемъ о трактатѣ 20-го іюня. Принцъ *Наполеонъ* обнаружилъ глубочайшее негодованіе. Въ откровенномъ разговорѣ съ однимъ изъ друзей своихъ, полковникомъ своей дивизіи, который потомъ поссорился съ маршаломъ, генералъ *Боске* произнесъ слово: измѣна; даже генералъ *Канроберъ*, который держалъ себя весьма осторожно, выразилъ свое неудовольствіе. Турки не поняли трактата. Англичане молчали и не имѣли своего мнѣнія, вѣрные своимъ военнымъ привычкамъ; генералъ *Скарлетъ*, съ которымъ заговорили о трактатѣ 20-го іюня, холодно раскланялся съ своимъ собесѣдникомъ подъ предлогомъ спѣшныхъ дѣлъ по службѣ.

Безполезно было бы обращаться съ тѣмъ же къ лорду *Раглану* и герцогу *Кембриджскому*; они не сказали бы ни слова.

Маршалъ *Сентъ-Арно* былъ въ восторгѣ; судя по его довольному виду, можно было подумать, что трактатъ 20-го іюня былъ его твореніемъ. Онъ поздравлялъ *Решидъ-пашу* и повторилъ г-ну *Бруку* свои прежнія поздравленія съ тѣмъ, что положеніе австрійскаго правительства относительно западныхъ державъ становилось все болѣе и болѣе опредѣленнымъ.

VII.

По снятіи осады съ Силистріи, русскіе медленно удалялись во внутрь княжествъ, шагъ за шагомъ уступая мѣсто туркамъ, которые осторожно подвигались впередъ и

которыхъ австрійцы вскорѣ смѣнили въ Молдавіи и Валахіи.

Что же дѣлали мы въ Варнѣ? Это извѣстно одному Богу. Утративъ надежды идти къ Дунаю, освободить Силистрію и помѣриться съ русскими, солдаты упали духомъ, и это состояніе усилили роковые іюньскіе и іюльскіе жары. Съ 20-го іюня по 20-е августа протекли два долгіе мѣсяца, въ теченіе которыхъ тоска по родинѣ, тифъ и холера свирѣпствовали въ союзныхъ арміяхъ. Онѣ представляли самое печальное зрѣлище; госпитали съ каждымъ днемъ наполнялись больными, и смерть опустошала ряды, уже разстроенные ослабленіемъ дисциплины, весьма понятнымъ въ подобныхъ обстоятельствахъ.

Поднялся всеобщій ропотъ; въ нѣкоторыхъ батальонахъ раздались даже мятежные клики. Солдаты требовали нѣкоторыхъ генераловъ, находящихся въ изгнаніи со 2-го декабря 1851 года.

Къ этому времени относится первый припадокъ болѣзни, не покидавшей принца *Наполеона* во всю экспедицію. То былъ сильный припадокъ тифа, и врачи предписали ему болѣе чистый воздухъ и болѣе спокойную жизнь Константинополя. Но если его здоровье еще не разстроилось окончательно, благодаря его личной энергіи и заботамъ, которыми онъ былъ окруженъ, то, съ другой стороны, онъ много страдалъ отъ интригъ, нити которыхъ сходились въ Константинополѣ, въ кабинетѣ министра иностранныхъ дѣлъ. Принцъ получалъ самыя подробныя свѣдѣнія обо всемъ, что происходило въ Парижѣ, Вѣнѣ и диванѣ. Онъ получалъ письма изъ Франціи, въ которыхъ извѣщали, что упорство императора непреодолимо и ослѣпленіе его неизлѣчимо. Онъ вблизи слѣдилъ, въ столицѣ Турціи, за всѣми дѣйствіями маршала, и очень хорошо зналъ, что онъ былъ близкимъ участникомъ въ печальной политикѣ своего правительства; наконецъ, ему были извѣстны всѣ подробности частыхъ свиданій между г-мъ *Брукомъ* и *Решидъ-пашей*, который воображалъ, что въ Константинополѣ онъ безопасенъ отъ всякой гласности.

Нѣсколько дней принцъ раздѣлялъ общее уныніе, и въ

это же время формально просилъ объ отставкѣ. Онъ не хотѣлъ болѣе принимать участія въ борьбѣ, которой исхода невозможно было предвидѣть, и отъ которой самые проницательные люди не ожидали ничего, кромѣ разочарованій. Тогда еще не подозрѣвали, что насъ ожидаютъ бѣдствія.

Просьба объ отставкѣ, представленная по формѣ, не была принята. Императоръ дорожилъ присутствіемъ принца въ рядахъ дѣйствующей арміи: онъ убѣждалъ его остаться, ссылаясь на его громкое имя и честь Франціи.

Принцъ *Наполеонъ* остался.

VIII.

Въ началѣ іюля стали серьезно говорить объ экспедиціи въ Крымъ. Мысль о ней родилась не на Востокѣ; она шла прямо изъ Парижа, предварительно сообщенная въ Вѣну и въ Лондонъ, гдѣ ее приняли въ высшей степени благосклонно.

Въ Вѣнѣ разомъ достигали той цѣли, къ которой стремился тамошній кабинетъ,—удаленія западныхъ войскъ отъ Дуная и вовлеченія ихъ въ какое нибудь рискованное предпріятіе въ Крыму или въ Азіи.

Въ Лондонѣ, мысль взять Севастополь и уничтожить русскія морскія силы въ Черномъ морѣ приводила въ трепетный восторгъ негоціантовъ Сити и акціонеровъ остъиндской компаніи. Что касается до военнаго исполненія, то англійскій кабинетъ, большею частію составленный изъ людей мало знакомыхъ съ военными дѣлами, вполнѣ полагался на правительство *Людовика-Наполеона*, которое, по крайней мѣрѣ по видимому, представляло лучшія ручательства въ этомъ отношеніи. Почтенный графъ *Абердинъ*, который своимъ блестящимъ ничтожествомъ такъ хорошо напоминаетъ г-на *Кауница*, былъ пораженъ смѣлостію мысли объ экспедиціи; добрый герцогъ *Ньюкестль* заранѣе улыбался неминуемому успѣху союзныхъ армій; лордъ *Пальмерстонъ* боялся только недостаточно доказать императору, съ какою готовностію Англія принимаетъ его планы и какъ она дивится его генію.

Повторяемъ, мысль объ экспедиціи возникла въ Тюльери. она родилась въ уединеніи. Императоръ. внимательно склонясь надъ картою. съ циркулемъ въ рукѣ, и свящалъ долгіе часы составленію плана. самъ переписалъ и посылалъ его въ Константинополь, не сообщая предварительно никому. Императоръ опасался возраженій маршала *Вальяна*, которыя были бы ему непріятны.

IX.

Маршалъ *Сентъ-Арно* получилъ эту важную бумагу въ теченіе іюля. Онъ безусловно одобрилъ планъ. и поставилъ его на очереди. какъ принадлежащій ему самому и одобренный императоромъ. Онъ искусно перемѣнилъ роли. и за исключеніемъ генерала *Мартенпре*, который зналъ все, армія долгое время приписывала ему честь этой важной мысли. Большинство генераловъ повѣрили ему.

Съ этой минуты маршалъ обнаруживаетъ баснословную дѣятельность; онъ безпрестанно ѣздитъ изъ Константинополя въ Варну, изъ Варны въ Константинополь; предписываетъ приготовленія къ экспедиціи; почти ежедневно совѣщается съ лордомъ *Рагланомъ*, и старается по возможности поднять духъ арміи.

Онъ не былъ лишенъ ни дѣятельности. ни умѣнья; онъ былъ смѣлъ. простъ. и эти качества нравились солдатамъ. Но, въ его отсутствіи. солдатъ задумывался и спрашивалъ самого себя. что скрывается въ глубинѣ этой натуры. лихорадочной. больной. нѣсколько безпорядочной. которая, какъ физически. такъ и нравственно, опиралась на фикціи. При этой мысли солдатъ снова впадалъ въ неизлѣчимое состояніе и дѣлался мраченъ, иногда грозенъ.

Получивъ весьма тревожное донесеніе отъ генерала *Канробера*. маршалъ прислалъ изъ Константинополя приказаніе временно занять чѣмъ нибудь наиболѣе безпокойные батальоны.

Въ Добруджѣ еще должны находиться русскіе, писалъ онъ *Канроберу*. Велите прогнать ихъ и постарайтесь выиграть какое нибудь дѣло, которое мы могли бы предста-

вить императору какъ побѣду, къ національному празднику 15-го августа. Мнѣ кажется, всего лучше поручить такое предпріятіе генералу *Эспинасу*».

Приказанія маршала были исполнены, и генералу *Эспинасу* поручено было двинуться въ Добруджу. Нѣсколько сотенъ казаковъ, находившихся постоянно въ виду нашихъ войскъ, но поодаль, завели наши батальоны въ болота и смрадныя мѣстности, на разстояніи болѣе 25 лье отъ Варны. Потомъ они вдругъ исчезли и перестали тревожить насъ.

Тогда наша дивизія въ нѣсколько дней была почти уничтожена проливными дождями, смѣнявшимися тропическимъ жаромъ. 6,000 человѣкъ погибли въ этой экспедиціи, и 2,000 человѣкъ пріобрѣли болѣзни, сдѣлавшія ихъ негодными къ службѣ.

Въ то же время холера и тифъ свирѣпствовали въ Варнѣ, Галлиполи, Пиреѣ, такъ что къ 15-му августа вмѣсто побѣды мы представили императору списокъ 14,000 умершихъ.

X.

Изъ Парижа были получены приказанія ускорить экспедицію; тогда маршалъ *Сентъ-Арно* возвратился изъ Константинополя въ Варну и собралъ военный совѣтъ.

Извѣстно, что еще прежде была произведена рекогносцировка юго-западныхъ береговъ Крыма; въ ней участвовали генералы *Канроберъ* и *Броунъ*, контръ-адмиралъ *Лайонсъ* и нѣкоторые офицеры главнаго штаба. Эти господа, конечно, собрали драгоцѣнныя свѣдѣнія и данныя, которыми можно было отлично воспользоваться; но эти данныя относились лишь къ подробностямъ исполненія, каковы: мѣсто высадки, возможное содѣйствіе флота сухопутной арміи въ случаѣ нападенія русскихъ, и наконецъ дороги, ведущія къ Севастополю.

Военный совѣтъ собрался въ Варнѣ въ началѣ августа—10-го, если мы не ошибаемся.

Маршалъ *Сентъ-Арно* предсѣдательствовалъ въ совѣтѣ.

Онъ предварительно сообщилъ принцу *Наполеону* и генераламъ *Канроберу* и *Боске* о планѣ, условленномъ между нимъ и императоромъ. То былъ планъ, составленный самимъ *Наполеономъ III*. Онъ былъ присланъ изъ Біарица, откуда въ это критическое время императоръ посылалъ свои приказанія и прокламаціи.

Маршалъ объявилъ о предполагаемой экспедиціи; указалъ выгоды ея для англо-французской политики, анализировалъ планъ, полученный изъ Парижа. Надо было выбрать мѣсто для высадки, произвести ее подъ защитою артиллеріи эскадръ, идти на русскихъ, которые, безъ сомнѣнія, захотятъ сразиться, разбить ихъ,—по его мнѣнію, это было непреложно,—послѣ побѣды идти прямо на Севастополь и разомъ взять его. Онъ не имѣлъ никакихъ положительныхъ свѣдѣній ни о русскихъ силахъ въ Крыму, ни о численности гарнизона, ни объ укрѣпленіяхъ Севастополя съ сухаго пути; но свѣдѣнія, почерпнутыя изъ различныхъ источниковъ, были единогласны въ томъ, что предпріятіе въ Крыму не представитъ не только непреодолимыхъ, но даже и слишкомъ серьезныхъ препятствій. Главныя силы Россіи были сосредоточены на Дунаѣ; гораздо легче было побѣдить ее въ Крыму, гдѣ она не ожидаетъ нападенія. Высадка въ Крыму и взятіе Севастополя довершили бы въ глазахъ міра пораженіе Россіи и принудили бы ее къ миру, который имѣютъ въ виду ихъ величества королева *Викторія* и императоръ *Наполеонъ*.

Къ тому же, на Дунаѣ нечего дѣлать, ибо Австрія тоже стала союзницею Порты, и тѣмъ поставила русскихъ въ необходимость очистить княжества. Надо было перемѣнить поле битвы, и если крымское поле было опасно, то оно вмѣстѣ съ тѣмъ было и самое благопріятное, какъ относительно климата, такъ и относительно тѣхъ рѣшительныхъ выгодъ, которыя оно представляетъ для союзныхъ армій.

Всѣ взоры обратились на лорда *Раглана*. Онъ сидѣлъ съ озабоченнымъ видомъ, и лицо его въ послѣдніе минуты выражало всю его недовѣрчивость къ успѣху предпріятія.

Лордъ *Рагланъ* возражалъ, ссылаясь на недостаточныя свѣдѣнія о русскихъ силахъ и укрѣпленіяхъ Севастополя съ сухаго пути. Карты не представляютъ никакихъ указаній. Дороги, рѣки, естественныя препятствія неизвѣстны. То было дурное поле битвы. Англійскій главнокомандующій въ особенности ссылался на малочисленность союзной кавалеріи, тогда какъ у русскихъ было много отличныхъ лошадей. Бой былъ бы неравный.

Вице-адмиралъ *Гамеленъ* возражалъ съ большею энергіей. По его мнѣнію, экспедиція, предпринятая въ такихъ условіяхъ, была очень похожа на рискованную игру. Союзныя силы казались ему недостаточными. Эскадры, конечно, могли прикрывать высадку арміи, но неизвѣстно, долго ли еще могутъ онѣ оказывать свое содѣйствіе, по причинѣ равноденственныхъ вѣтровъ, которые могли вскорѣ возобновиться. Быть можетъ, имъ придется искать безопасной стоянки въ концѣ сентября, чтобы избѣгнуть сильныхъ бурь Чернаго моря. Въ такомъ случаѣ, сухопутная армія будетъ предоставлена самой себѣ; это было бы печально и могло бы сдѣлаться гибельнымъ. Климатъ Крыма не соотвѣтствуетъ климатамъ другихъ странъ, лежащихъ подъ тою же широтой; надо принять въ соображеніе близость моря и распредѣленіе горныхъ цѣпей. Крымъ, находящійся на югѣ Россіи, есть какъ бы резервуаръ всѣхъ климатическихъ неровностей этой обширной имперіи. Случалось даже, что севастопольская бухта замерзала зимою. Если намъ не удастся разомъ завладѣть Севастополемъ, то для чести Франціи и Англіи должно будетъ предпринять осаду, и кто скажетъ, чѣмъ кончится экспедиція въ такомъ случаѣ. Возраженіе лорда *Раглана* относительно недостатка свѣдѣній о русской арміи и укрѣпленіяхъ Севастополя съ сухаго пути весьма серьезно. Всѣ эти причины, вмѣстѣ взятыя, не позволяютъ адмиралу подать голосъ въ пользу экспедиціи.

Маршалъ *Сентъ-Арно* кратко и энергически отвѣчалъ на эти возраженія. Онъ повторялъ свои доводы съ большею силою, чѣмъ въ первый разъ, и въ заключеніе сослался на авторитетъ императора.

Послѣ него принцъ *Наполеонъ* говорилъ почти три четверти часа. Замѣтимъ, что онъ выражалъ свое мнѣніе и мнѣнія генерала *Боске* и герцога *Кембриджскаго*, съ которыми видѣлся и переговорилъ наканунѣ.

Принцъ безусловно опровергалъ какъ идею, такъ и самое исполненіе экспедиціи. Авторитетъ императора, конечно, великъ въ такомъ дѣлѣ; но императоръ, находясь въ Біарицѣ, не могъ знать практическихъ трудностей предпріятія. Огромное разстояніе, отдѣляющее его отъ театра событій могло ввести его въ заблужденіе. Онъ былъ правъ, продолжая, какъ наслѣдникъ имени *Наполеона*, славныя военныя преданія, возвращая Франціи ея мѣсто въ ряду народовъ и спѣша отомстить за бѣдственное прошедшее. Но не слѣдуетъ начинать съ того, чѣмъ кончилъ *Наполеонъ*. Вторгнуться въ предѣлы Россіи значитъ предоставить себя волѣ случая: маршалъ самъ сознался въ этомъ. Мы не знаемъ ничего о климатѣ, средствахъ и силахъ Россіи внѣ и внутри Севастополя, объ укрѣпленіяхъ съ сухаго пути, которыя могли быть также значительны, какъ и съ моря. Адмиралы не рѣшились стать подъ жерло 600 пушекъ, защищающихъ бухту и портъ; слѣдовательно, въ случаѣ нападенія, нельзя разсчитывать на содѣйствіе флота, который созданъ для того, чтобы сражаться съ кораблями, а не со стѣнами. (Адмиралы *Гамеленъ*, *Дондасъ*, *Лайонсъ* и *Чарнеръ* сдѣлали знакъ согласія).

Естественнымъ полемъ битвы для союзныхъ армій былъ Дунай, послѣ Дуная Прутъ. Они находились бы въ краю богатомъ и плодоносномъ, посреди сочувствующаго имъ населенія, опираясь на большую рѣку, подъ защитою ряда неприступныхъ крѣпостей. Такое поле битвы было превосходно какъ для наступательной, такъ и для оборонительной войны. Исполненіе этого плана представляло еще другую выгоду: оно доказало бы Австріи, что можно обойтись безъ нея. Присутствіе союзниковъ, на венгерской границѣ, въ шестидесяти льё отъ Польши, доставляло бы имъ рѣшительное господство надъ Австріею: война преобладала бы надъ дипломатіей и предписывала бы законы въ Вѣнѣ и Берлинѣ.

Еще не ушло время исполнить этотъ планъ. Медленность, съ какою русскіе очищали княжества, была послѣднимъ обстоятельствомъ, которымъ надобно воспользоваться.

Если крымская экспедиція состоится, не смотря на важныя возраженія, представленныя лицами, которыхъ мнѣніе должно служить авторитетомъ, то нужно еще составить цѣлый планъ, о чемъ до сихъ поръ не было и рѣчи. Пренія теряются въ подробностяхъ; цѣльнаго плана еще не представлено, а между тѣмъ военный совѣтъ долженъ разсмотрѣть его

Высадиться въ Крыму на сѣверѣ или на югѣ, разбить русскихъ и идти на Севастополь—все это еще не составляетъ серьезнаго плана. Прежде всего надо позаботиться о томъ, чтобы запереть Крымскій полуостровъ, отрѣзать сообщеніе Севастополя съ имперіею и князя *Меншикова* отъ резервовъ, которые могутъ быть присланы изъ дунайской арміи. Для этого нужно сначала занять Перекопскій перешеекъ, укрѣпить тамъ двѣ дивизіи въ неприступныхъ позиціяхъ, подъ прикрытіемъ артиллеріи пароходовъ. Потомъ слѣдуетъ занять Симферополь, правительственный центръ Крыма, и тѣмъ упрочить за собою доставку провіанта, одежды, палатокъ, фуража, со всѣхъ пунктовъ полуострова. Тогда только можно идти на Севастополь, завладѣть имъ или обложить его.

Безъ этихъ предварительныхъ мѣръ, экспедиція въ Крымъ была бы, по выраженію французскаго адмирала, рискованною игрою, которая могла кончиться зимнею кампаніею въ русской землѣ, то есть, предпріятіемъ безумнымъ

Маршалъ *Сентъ-Арно* очень рѣзко отвѣчалъ на возраженія принца *Наполеона*, и позволилъ себѣ нѣсколько ѣдкихъ намековъ на его образъ мыслей и сношенія съ политическими изгнанниками. Принцъ прервалъ его, сказавъ, что выбираетъ друзей по своему усмотрѣнію; что касается до образа мыслей, то онъ основанъ на интересахъ Франціи и національныхъ преданіяхъ первой имперіи. Принцъ

замѣтилъ, что никто не можетъ быть судьею въ этомъ дѣлѣ.

Генералъ *Канроберъ* говорилъ въ пользу экспедиціи Онъ подробно изложилъ результатъ рекогносцировки юго-западныхъ береговъ Крыма. Можно было высадиться на югъ отъ Севастополя; но высоты были укрѣплены и представляли важныя затрудненія. Съ палубы «Фюріуса» онъ и его товарищи ясно видѣли русскій лагерь, заключавшій въ себѣ приблизительно около 25.000 человѣкъ. На сѣверѣ, близъ крѣпости, между однимъ значительнымъ фортомъ и рѣкою Бельбекомъ находился другой лагерь, изъ 6.000 человѣкъ. Можно было высадиться на западномъ берегу Эвпаторіи, въ удобномъ мѣстѣ, на которомъ видеѣлись развалины древней крѣпости. Отсюда союзная армія могла въ два или три дня дойти до Севастополя, не давъ князю *Меншикову* времени сосредоточить свои силы и серьезно воспротивиться нашему движенію впередъ.

Слѣдуя такому плану, можно надѣяться на пораженіе русской арміи, которое должно имѣть неминуемымъ послѣдствіемъ сдачу Севастополя.

«Но что будетъ, если крѣпость не сдастся, и если она хорошо укрѣплена?» спросилъ лордъ *Рагланъ*.

Маршалъ отвѣчалъ, что въ такомъ случаѣ должно приступить къ осадѣ, и что, завладѣвъ сѣверными укрѣпленіями, мы будемъ господствовать надъ городомъ. Если сѣверныя укрѣпленія представятъ слишкомъ важныя препятствія, то легко перейти на югъ, обогнувъ крѣпость, и предпринять правильную осаду при содѣйствіи и подъ защитою эскадръ, которыя найдутъ хорошее мѣсто для стоянки у южнаго берега, особенно въ Балаклавѣ, изслѣдованной сэромъ *Лайонсомъ*.

Затѣмъ начали говорить о мельчайшихъ подробностяхъ экспедиціи, которая была одобрена значительнымъ большинствомъ голосовъ. Не смотря на свои столь основательныя возраженія, лордъ *Рагланъ* подалъ голосъ въ пользу предпріятія; генералъ *Боске* сдѣлалъ то же самое. — это была ошибка. Противъ экспедиціи подали голосъ вице-ад-

миралъ *Гамеленъ*, вице-адмиралъ *Дондасъ*, герцогъ *Кембрижскій* и принцъ *Наполеонъ*.

XI.

Маршалъ, не смотря на свой самоувѣренный видъ, былъ пораженъ оппозиціей, встрѣченною имъ на военномъ совѣтѣ. Нѣсколько дней спустя, онъ издалъ прокламацію къ арміи, отражавшую въ себѣ мрачное настроеніе его духа. Прокламація эта такъ общеизвѣстна, что мы считаемъ излишнимъ приводить ее здѣсь: она оканчивалась словами, которыя дышали чѣмъ-то въ родѣ отчаянія и производили самое тягостное впечатлѣніе. Позднѣе въ Мониторѣ было объявлено, что эта прокламація поддѣльная, и по настоянію принца *Наполеона*, писавшаго о томъ въ Біарицъ, она была уничтожена и замѣнена прокламаціею самого императора; но впечатлѣніе осталось. Греки и русскіе отлично воспользовались ошибкою маршала.

XII.

Экспедиція отправилась изъ Варны и Бальчика 4-го сентября; 7-го числа она была на высотѣ Змѣинаго острова, въ Одесскомъ заливѣ, и бросила якорь въ ожиданіи англійскаго флота, ибо въ то время, какъ и теперь, англичане постоянно опаздывали отъ дурной администраціи. 9-го числа французскій флотъ, соединившись съ англійскимъ, снялся съ якоря и пошелъ къ востоку-юго-востоку при попутномъ вѣтрѣ и подъ яснымъ небомъ.

13-го числа утромъ мы увидѣли бѣлѣющіяся крутизны Крыма, вечеромъ мы появились передъ Эвпаторіею, которая была занята полковникомъ главнаго штаба *Трошю*. Въ городѣ мы нашли одного майора съ 200 больныхъ солдатъ.

Въ полночь, всѣ эскадры поставили паруса, французы впереди, англичане въ центрѣ, турки въ аріергардѣ. День 14-го числа былъ занятъ высадкою войскъ у стараго укрѣпленія, который былъ означенъ генераломъ *Канроберомъ* въ донесеніи маршалу и въ послѣдствіи былъ еще изслѣдо-

ванъ коммисіею изъ генераловъ *Канробера*, *Мартенпре*, *Тьерри*, *Бизо*, полковниковъ *Трошю* и *Лебефа*, и контръ-адмирала *Бус-Вильоме*. Генералы *Рагланъ*, *Броунъ*, *Бургоинъ* и контръ-адмиралъ *Лайонсъ* сопровождали ихъ въ этой второй рекогносцировкѣ.

На этой части крымскаго берега не было ни одного непріятеля.

Довольно многочисленный русскій лагерь находился около Херсонесскаго мыса; на Качѣ и на Альмѣ русскія силы могли состоять изъ 25,000 человѣкъ.

Оттого высадка была произведена въ самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ. Но когда пришлось расположиться на берегу, мы увидѣли, что у англичанъ нѣтъ палатокъ. У нашихъ солдатъ были палатки и хорошія одѣяла.

15-го числа было вычислено, что союзныя войска состояли изъ 62,000 человѣкъ: 28,000 французовъ, 26,000 англичанъ и 8,000 турокъ.

Мы вторгались въ Россію, какъ норманцы въ Сицилію, *Пизарро* въ Перу, Фердинандъ *Кортесъ* въ Мексику. Въ арміи было замѣтно смутное опасеніе, неопредѣленное безпокойство; но каждый готовъ былъ исполнить долгъ свой и дорого продать свою жизнь.

Съ 15-го числа болѣзнь маршала *Сентъ-Арно* такъ усилилась, что нельзя было видѣться и говорить съ нимъ. Съ этого времени онъ почти не принималъ участія въ военныхъ дѣйствіяхъ, и должно отдать справедливость г-ну *Мартенпре*, начальнику штаба, что, не смотря на болѣзнь маршала, были отдаваемы точныя приказанія, которыя строго исполнялись.

Съ 15-го по 19-е число выгружали осадную артиллерію и составляли диспозицію для движенія къ Альмѣ, гдѣ сосредоточивалась русская армія изъ 30,000 человѣкъ. Мы много терпѣли въ эти четыре дня отъ недостатка воды и лѣса.

19-го числа, союзныя войска двинулись къ Альмѣ, а 20-го утромъ, въ отличную погоду, стали лицемъ къ лицу съ русскою арміей, расположенною на высотахъ по ту

сторону рѣки, и состоявшею изъ 35,000 человѣкъ, включая въ это число 3,000 кавалеріи.

XIII.

Русскіе генералы не могли повѣрить слухамъ объ экспедиціи въ такую позднюю пору года и съ недостаточными силами. Оттого князь *Меншиковъ* вовсе не былъ приготовленъ къ тому, чтобы остановить движеніе 62,000 отборнаго войска, высадившагося въ Каламитскомъ заливѣ. Имѣя въ своемъ распоряженіи около 35,000 человѣкъ, онъ занялъ сильную позицію во рвахъ и на высотахъ Альмы, на которыя поставилъ 64 полевыя орудія.

20-го числа утромъ маршалу сдѣлалось еще хуже; ему было очень трудно подняться съ своей походной постели; онъ уже не могъ заняться распредѣленіемъ атаки, которое было сдѣлано генералами *Рагланомъ* и *Мартенпре* въ присутствіи больнаго, безмолвнымъ знакомъ изъявившаго свое согласіе.

Французы открыли нападеніе въ шесть часовъ утра. Генералъ *Боске*, во главѣ своей дивизіи, взобрался на высоты, находившіяся противъ нашего праваго фланга, при содѣйствіи флотской артиллеріи. Генералъ *Канроберъ* слѣдовалъ за нимъ, и обѣ дивизіи напали на лѣвый флангъ непріятеля. Въ то же время дивизія принца *Наполеона*, послѣ сильной перестрѣлки, овладѣла альмскимъ селеніемъ, при содѣйствіи одной бригады изъ резервной дивизіи генерала *Форе*.

На лѣвомъ нашемъ флангѣ англичане были заняты своими нескончаемыми сборами и приготовленіями. Они стали въ линіи не ранѣе десяти часовъ утра и подвигались впередъ, по обыкновенію, флегматически. Они были обойдены непріятельскою кавалеріею, осыпаны пушечными выстрѣлами съ высотъ и принуждены отступить, чтобы снова сформировать ряды.

Положеніе становилось критическимъ для нихъ, а слѣдовательно и для насъ. Но, благодаря французамъ, дѣйствовавшимъ на правомъ флангѣ и въ центрѣ, англійскія

дивизіи генераловъ Лесси *Эванса* и *Броуна* вторично показались на противоположномъ берегу Альмы и съ фронта атаковали русскія позиціи.

Успѣхъ и поле битвы остались за нами. Русскіе медленно формировались подъ прикрытіемъ своей кавалеріи и увозили свои пушки, изъ которыхъ ни одна не осталась въ нашихъ рукахъ. Въ шесть часовъ вечера русскіе скрылись за горизонтомъ.

Послѣ альмскаго сраженія надо было идти по слѣдамъ непріятеля до самой крѣпости и во что бы то ни стало рѣшиться на внезапное нападеніе, согласно съ мыслью маршала. Смѣлое нападеніе могло въ это время довершить нашъ первый успѣхъ, тѣмъ болѣе что оно помѣшало бы непріятелю получить новыя подкрѣпленія, которыя шли изъ Перекопа въ Кафу и которыхъ прибытіе могло заставить насъ дать второе сраженіе, на этотъ разъ, превосходнымъ силамъ.

Состояніе маршала даже не позволило ему подать свое мнѣніе. Генералъ *Рагланъ*, котораго войска сильно пострадали, сомнѣвался въ успѣхѣ внезапнаго нападенія на Севастополь, а начальникъ штаба *Мартенпре*, читая на всѣхъ лицахъ, не могъ составить опредѣленнаго мнѣнія.

Однако, по настоятельнымъ требованіямъ генераловъ *Боске*, Лесси *Эванса*, *Каткарта* и *Наполеона*, рѣшено было, что армія выступитъ послѣ завтра и дойдетъ до Бельбека, чтобы какъ можно ближе придвинуться къ Севастополю.

22-го числа мы пошли по направленію къ югу и въ одинъ день достигли Бельбека.

Считаемъ не лишнимъ замѣтить, что турецкая дивизія не принимала никакого участія въ альмскомъ сраженіи; она оставалась во рвахъ, посреди садовъ и кустарниковъ долины, образуемой Альмою, и не подавала никакихъ признаковъ жизни. Это бездѣйствіе должно быть приписано генералу *Мартенпре*, который совсѣмъ забылъ о туркахъ и не измѣнилъ приказанія, даннаго имъ рано утромъ: находиться въ резервѣ позади дивизій *Боске* и *Канробера*.

XIV.

Вечеромъ мы пришли къ рѣкѣ Бельбеку, которой устье и лѣвый берегъ были защищены земляными укрѣпленіями и батареями. Лордъ *Рагланъ* и французскій начальникъ штаба осмотрѣли эти укрѣпленія и признали, что завладѣть ими трудно; на совѣтѣ, происходившемъ въ шесть часовъ вечера въ англійскомъ главномъ штабѣ, было рѣшено, что армія, вмѣсто того чтобы перейти черезъ Бельбекъ и атаковать сѣверную сторону крѣпости, обогнетъ бухту въ лѣво, перейдетъ черезъ Черную рѣчку внѣ выстрѣловъ севастопольской артиллеріи и займетъ позицію на югѣ, на Херсонесской возвышенности, изслѣдованной во время рекогносцировки съ «Фюріуса». Нѣсколько безопасныхъ и глубокихъ заливовъ, которыми прихотливо изрѣзана южная оконечность этой равнины, могли доставить хорошую якорную стоянку для флотовъ и открыть имъ прямыя сношенія съ сухопутною арміей. Въ этой позиціи, армія могла бомбардировать крѣпость при содѣйствіи эскадръ и отважиться на штурмъ. Если бы штурмъ признанъ былъ невозможнымъ, она могла бы приступить къ правильной осадѣ, пользуясь тѣмъ преимуществомъ, что опирается на море и получаетъ этимъ быстрымъ и легкимъ путемъ все нужное для своихъ военныхъ дѣйствій.

Когда рука попадаетъ въ колесо, все тѣло должно подвергнуться той же участи. Экспедиція, ошибочная въ своихъ основаніяхъ, должна была остаться таковою въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи. Начало было ложно, послѣдствія должны были сдѣлаться бѣдственными. Мысль, родившаяся въ Парижѣ, помимо всякихъ практическихъ свѣдѣній, была дурна; результаты ея не могли быть хорошими. Уже 24-го сентября замѣчаніе вице-адмирала *Гамелена* оправдалось на дѣлѣ: мы предались волѣ случая, и плоды англо-французской храбрости и альмской битвы были утрачены.

25-го и 26-го сентября мы обогнули крѣпость, согласно съ рѣшеніемъ, принятымъ въ палаткѣ лорда *Раглана*.

Во время этого труднаго перехода въ странѣ совер-

шенно неизвѣстной, перерѣзанной глубокими рвами, покрытыми непроходимымъ лѣсомъ, безъ дорогъ, безъ проводниковъ, безъ воды, маршалъ, чувствовавшій почти предсмертную агонію, старался показывать бодрость. Мысль о немедленномъ штурмѣ не покидала его ни на минуту; онъ говорилъ о немъ, какъ о дѣлѣ легкомъ, требующемъ только предварительнаго двѣнадцати или двадцатичетырехъ-часоваго бомбардированія. «Императоръ будетъ доволенъ нами», шепталъ онъ съ улыбкою. «Мы исполнили его приказанія; ему принадлежитъ вся честь экспедиціи.... Черезъ десять дней онъ получитъ ключи отъ Севастополя.... Имперія окончательно утвердится, она получитъ крещеніе». Маршалъ часто выходилъ изъ своего предсмертнаго усыпленія и повторялъ эти фразы, которыми лелѣялъ свою агонію. Онъ также не разъ повторялъ слова: 2-го декабря; но тутъ шопотъ его становился безсвязнѣе, мысли темнѣе и безпорядочнѣе.

26-го числа мы прибыли къ Черной рѣчкѣ.

Маршалъ велѣлъ позвать дивизіонныхъ и бригадныхъ генераловъ; онъ старался сказать имъ послѣднюю рѣчь, но слабость не позволила ему кончить. Онъ сдѣлалъ послѣднее усиліе и сказалъ, что надѣется угадать намѣренія императора, передавъ главное начальство тому изъ генераловъ, на котораго указываетъ голосъ всей арміи.

«Я выбралъ *Канробера* на свое мѣсто, сказалъ онъ, въ ожиданіи утвержденія отъ его величества».

Маршалъ движеніемъ руки подалъ знакъ генералу *Мартенпре*, который подошелъ къ *Канроберу* съ бумагою о временномъ его назначеніи.

Генералъ *Канроберъ* не принялъ бумаги изъ рукъ начальника штаба; онъ вынулъ изъ внутренняго кармана пакетъ съ печатью императора; наружный видъ этого пакета показывалъ, что онъ довольно долго лежалъ въ карманѣ генерала.

Г. *Сентъ-Арно* открылъ глаза, но не выразилъ удивленія. Голова его упала на подушку походной постели, и уста слабо произнесли: «Хорошо».

Всѣ генералы удалились, за исключеніемъ новаго глав-

нокомандующаго, оставшагося для совѣщаній съ г. *Мартенпре*.

Какія серьезныя права имѣлъ генералъ *Канроберъ* на постъ главнокомандующаго арміею, вовлеченною въ такую экспедицію? Если исторія строга къ памяти маршала, покорнаго и безсознательнаго соучастника въ военномъ соображеніи, которое привело насъ изъ Варны къ старому укрѣпленію, и изъ стараго укрѣпленія на скалы Херсонесса, то она будетъ еще строже къ мѣрѣ, которая увеличила первоначальную ошибку и поставила насъ въ положеніе, непредставляющее инаго исхода, кромѣ безсилія или безумія, отступленія или бѣдствія.

XV.

Вечеромъ 26-го числа и днемъ 27-го, мы заняли позицію на югъ отъ Севастополя, между Балаклавою и Херсонесскимъ мысомъ.

Главная ошибка кампаніи исполнилась, и когда мы осмотрѣли наши позиціи, тогда тѣ, которые прежде были противнаго мнѣнія, согласились съ нами. Мы могли обложить лишь южную часть крѣпости; вся сѣверная сторона ея оставалась открытою и сохранила свободное сообщеніе съ остальною Россіей, дорогами ведущими къ Эвпаторіи и Симферополю.

Сначала мы думали, что князь *Меншиковъ* удалится въ крѣпость черезъ высоты Бельбека; это ошибочное мнѣніе было распространено лордомъ *Рагланомъ* и генераломъ *Канроберомъ*. На высотахъ Бельбека было нѣсколько батарей, взятіе которыхъ дало бы намъ возможность атаковать Сѣверный и Константиновскій форты. Какъ искусный и благоразумный генералъ, князь *Меншиковъ* предвидѣлъ или узналъ во-время наше движеніе къ Черной рѣчкѣ. Онъ отошелъ съ своей арміею на бакчисарайскую дорогу; случилось даже, когда мы совершали наше обходное движеніе, что аріергардъ его столкнулся съ бригадою англійской кавалеріи.

Очевидно было, что князь *Меншиковъ*, вмѣсто того чтобы запереться въ крѣпости, рѣшился держаться въ полѣ, ожидать подкрѣпленій, и сохранять свободное сообщеніе Севастополя со своей арміей и южною Россіей. Такое положеніе было превосходно, и мы жестоко почувствовали его дѣйствіе.

Въ слѣдствіе этого стратегическаго соображенія, крѣпость дѣлалась неприступною. Она могла получать провіантъ каждый вечеръ и безпрестанныя подкрѣпленія, которыя возобновляли гарнизонъ и смѣняли усталые батальоны.

Ошибка главнокомандующихъ стала еще ощутительнѣе, когда мы узнали, что русскіе потопили семь своихъ кораблей при входѣ въ Севастопольскій рейдъ. Нападеніе съ моря сдѣлалось невозможнымъ, и русскіе получили въ свое распоряженіе 500 орудій, снятыхъ съ потопленныхъ кораблей.

Вскорѣ мы узнали черезъ шпіоновъ, что значительныя подкрѣпленія подходили къ князю *Меншикову*. Эти войска частію находились въ дорогѣ, частію же прибыли въ Симферополь

Князь *Меншиковъ* сдѣлалъ движеніе впередъ и снова занялъ сѣверныя высоты Севастополя и весь правый берегъ Черной. Въ то же время онъ сносился съ главнокомандующимъ въ Бессарабіи и одесскимъ губернаторомъ, чтобы упрочить безопасность Херсона, Николаева, Перекопа и дороги отъ Перекопскаго перешейка до Симферополя и Севастополя.

Высадка, произведенная нами на западномъ берегу, къ сѣверу отъ крѣпости, ни къ чему не послужила; всѣ выгоды этой операціи были утрачены. Съ одной стороны городъ, съ другой Черная рѣчка, блокировали насъ на Херсонесской оконечности, и вскорѣ мы сами могли быть осаждены, на лѣвомъ флангѣ, подкрѣпленіями, приближавшимися форсированнымъ маршемъ подъ начальствомъ генерала *Липранди*.

Такъ и случилось нѣсколько времени спустя.

XVI.

Съ 1-го октября занялись приготовленіями къ бомбардированію, и генералъ *Канроберъ* нашелъ нужнымъ дать арміи новое устройство. Онъ раздѣлилъ ее на двѣ части. Первая, подъ начальствомъ генерала *Форе*, была назначена для осады; она состояла изъ дивизій *Наполеона* и *Форе* (3-й и 4-й). Вторая, подъ начальствомъ генерала *Боске*, составляла наблюдательный корпусъ; эта часть заключала въ себѣ дивизіи *Канробера* и *Боске* (1-ю и 2-ю). Англійская армія получила такое же раздѣленіе.

Это была хорошая мѣра, въ томъ смыслѣ, что она давала возможность отвѣчать нападеніямъ русскихъ на всей линіи нашего лѣваго фланга; къ сожалѣнію, самая обширная часть этой линіи была занята англичанами и лордъ *Рагланъ* упустилъ изъ вида предосторожности, предписанныя въ подобныхъ случаяхъ. Онъ не велѣлъ возвести никакихъ оборонительныхъ работъ впереди своихъ линій, которыя остались безъ прикрытія, и исключительно занялся возведеніемъ первой параллели, для предположеннаго бомбардированія.

Съ 4-го по 8-е октября союзники получили около 10,000 человѣкъ, большую часть 5-й дивизіи (генерала *Лавальяна*) и два батальона 6-й дивизіи (генерала *Пате*).

Состояніе здоровья арміи было удовлетворительно; однако холера снова появилась въ нашихъ рядахъ, и въ особенности въ англійской арміи, которая не умѣла переносить чрезмѣрной усталости, какъ переносили ее наши солдаты.

Приготовленія продолжались до 16-го октября. Мы предприняли правильную осаду. 17-го числа, въ 6 часовъ утра, началось страшное бомбардированіе Севастополя съ суши и съ моря.

Подробности и результаты бомбардированія извѣстны. Флоты сражались храбро, и причинили значительныя поврежденія въ укрѣпленіяхъ бухты; но вечеромъ они были принуждены отступить, потерпѣвъ чувствительныя потери и важныя поврежденія.

Что касается до насъ, то, находясь въ 1,000 метрахъ отъ передовыхъ непріятельскихъ укрѣпленій, мы причинили имъ менѣе вреда, чѣмъ эскадры. Севастопольская артиллерія не переставала отвѣчать намъ на всѣхъ пунктахъ, съ дѣятельностію и мѣткостію, которыя удивили насъ.

Бомбардированіе продолжалось почти безостановочно до 24-го числа. Въ этотъ день, главнокомандующіе созвали военный совѣтъ, и, видя какъ мало вреда причинила наша артиллерія, рѣшились умѣрить огонь и продолжать осаду по всѣмъ правиламъ искусства, до третьей параллели. Солдаты во многихъ ротахъ, начинавшіе страдать отъ непогоды, требовали штурма. Нѣкоторые штабъ-офицеры и генералы раздѣляли ихъ нетерпѣніе и мнѣніе. Но лордъ *Рагланъ* неизмѣнно отвѣчалъ на такія требованія прекрасными рѣчами, которыя не были бы неумѣстны на трибунѣ верхней палаты.

XVII.

Въ это время императоръ получилъ частныя свѣдѣнія о происходившемъ въ лагерѣ. Онъ узналъ, что бомбардированіе послужило только къ растратѣ огромнаго количества военныхъ запасовъ и къ убѣжденію русскихъ въ прочности ихъ укрѣпленій и въ безсиліи нашихъ попытокъ. Они, конечно, понесли потери; одинъ изъ ихъ адмираловъ палъ въ крѣпости, ихъ артиллеристы также сильно потерпѣли. Но мы не подвинулись ни на шагъ, и то, что мы разрушали сегодня, завтра снова являлось передъ нашими глазами, какъ бы по мановенію волшебника.

Могли ли мы завладѣть Севастополемъ, сдѣлавъ внезапное нападеніе съ сѣверной стороны, послѣ альмской битвы? Быть можетъ; во всякомъ случаѣ, надо было попытаться. Прибывъ на югъ, могли ли мы взять крѣпость съ помощію бомбардированія, произвести брешь, идти на приступъ? Это сомнительнѣе; положеніе дѣлъ измѣнилось не въ нашу пользу, и даже въ случаѣ удачнаго штурма мы не могли бы удержаться въ крѣпости.

Генералъ *Бизо* и высшіе инженерные и артиллерійскіе

офицеры говорили это всѣмъ и каждому, нисколько не стѣсняясь въ выборѣ выраженій, которыми они характеризовали наши военныя дѣйствія.

Изъ лагеря видны были сѣверныя укрѣпленія бухты, тѣ самыя, съ которыхъ должно было начать осаду и взятіе которыхъ тотчасъ же повело бы за собою сдачу города и флота. Самое важное изъ этихъ укрѣпленій есть Сѣверный фортъ, расположенный на обнаженной возвышенности, господствующей надъ городомъ, рейдомъ и портомъ. Генералъ *Бизо* и принцъ *Наполеонъ* неоднократно распрашивали дезертировъ объ этомъ фортѣ. Всѣ они единогласно показывали, что фортъ вооруженъ 300-ми орудій большаго калибра и заключаетъ въ себѣ 3,000 человѣкъ гарнизона. Безполезно было осаждать Севастополь, не завладѣвъ предварительно этимъ центральнымъ укрѣпленіемъ, и мы, даже принудивъ крѣпость къ сдачѣ, не можемъ удержаться въ ней, пока Сѣверный фортъ будетъ въ рукахъ непріятеля.

Странное дѣло! Главнокомандующіе, по видимому, не подозрѣвали этого препятствія: они вовсе не заботились о немъ. По всей вѣроятности, они получили отъ своихъ правительствъ приказанія, которыя заставляли ихъ молчать и скрывать препятствія, не позволявшія завладѣть Севастополемъ, ибо ни въ журналахъ осадныхъ работъ, ни въ донесеніяхъ, ни въ разговорахъ не было и помина о тѣхъ вещахъ, которыми всѣ были озабочены. Они, конечно, считали долгомъ обѣщать своимъ правительствамъ золотыя горы, какъ правительства, въ свою очередь, считали долгомъ обѣщать золотыя горы общественному мнѣнію, чтобы скрыть неисправимую ошибку экспедиціи.

Императоръ получалъ свѣдѣнія о всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ и обстоятельствахъ; эти свѣдѣнія должны были дать ему ясное понятіе о настоящемъ положеніи дѣлъ. Но онъ не обращалъ вниманія на нихъ; онъ съ жалкою увѣренностію улыбался въ отвѣтъ на всѣ подобныя сообщенія, и однажды, даже публично, назвалъ ихъ робкими совѣтами. Это прямо относилось къ вице-адмиралу *Гамелену* и принцу *Наполеону* и косвенно къ марша-

лу *Вальяну*, который не разъ высказывалъ свои сомнѣнія относительно успѣха экспедиціи въ разговорахъ съ императоромъ и принцемъ *Іеронимомъ*.

XVIII.

Императоръ особенно уважалъ генерала *Канробера* и считалъ его способнымъ совершить что нибудь великое. Это уваженіе оправдывается многими качествами, отличною храбростью, даже нѣсколько поэтическою, увлекательною манерой держать себя на полѣ битвы, быстрымъ и вѣрнымъ соображеніемъ въ критическую минуту, грозною стремительностію при рѣшеніи дѣла. Онъ пользовался высокимъ уваженіемъ и любовью своей дивизіи. Но скажемъ откровенно: блестящій генералъ не рожденъ быть главнокомандующимъ и не способенъ управлять цѣлою арміей. Умъ его не одаренъ способностію обнимать цѣлое поле. Въ сраженіи онъ устремитъ все вниманіе на одинъ пунктъ и упуститъ изъ вида всѣ другіе; онъ уцѣпится за какую нибудь подробность и ревностно займется ею, но не увидитъ и не услышитъ ничего, что происходитъ вокругъ. Что касается до его административныхъ способностей, то онѣ ничтожны, и въ этомъ отношеніи онъ уступаетъ даже маршалу *Сентъ-Арно*, этому образцу грабительства и безпорядка не только во главѣ восточной арміи, но даже во главѣ военнаго министерства въ Парижѣ. (Маршалъ *Вальянъ*, его преемникъ, кое-что знаетъ объ этомъ). У *Канробера* есть поговорка, которую онъ произноситъ съ важностью: «нельзя дѣлать все вдругъ;» это его послѣднее возраженіе. Въ кампаніи надо умѣть дѣлать все вдругъ, а этого-то и не терпитъ ограниченная и лѣнивая натура генерала.

Боске пользуется всеобщимъ уваженіемъ; онъ храбръ и блестящъ, какъ его товарищъ; но взглядъ его обширнѣе, умъ практичнѣе и распорядительнѣе. Никто лучше его не подмѣтитъ опасности. Ему принадлежитъ вся честь альмскаго дѣла. Подъ Инкерманомъ онъ же спасъ союзную армію и, во второй разъ, англійскую армію.

Но *Боске*, какъ человѣкъ благоразумный, охраняющій свою будущность, никогда не уронитъ себя. Онъ спрашиваетъ вашего мнѣнія, высказываетъ свое; онъ ничего не принимаетъ на себя, хотя и дѣйствуетъ согласно съ своими видами. Онъ обладаетъ необыкновенно тонкимъ тактомъ. Къ тому же, онъ ученый офицеръ, начитанный, основательно знающій военное искуство въ теоріи и на практикѣ. Онъ любитъ своего товарища и искренно сожалѣетъ о немъ, но высказываетъ это весьма осторожно. Сколько разъ видѣли мы его съ горькою улыбкой на устахъ при мысли объ ошибкахъ, скопившихся въ этихъ экспедиціяхъ! Но онъ молчитъ и не дѣлаетъ замѣчаній. Императоръ уважаетъ, но не любитъ его.

Генералъ *Форе* не болѣе какъ солдатъ, даже не всегда исполняющій данныя ему приказанія. На Альмѣ онъ отказывался пустить въ дѣло одну изъ резервныхъ бригадъ въ ту самую минуту, когда участіе этой бригады должно было рѣшить судьбу сраженія. Начальникъ штаба съ большимъ трудомъ добился отъ него, чтобы онъ отрядилъ эту бригаду на помощь 3-й дивизіи для завладѣнія альмскимъ селеніемъ, которое упорно защищали русскіе стрѣлки.

Онъ очень друженъ съ генераломъ *Канроберомъ*; оба генерала питаютъ взаимное довѣріе другъ къ другу.

Мы не будемъ говорить объ англійскихъ генералахъ. Пожалѣемъ только, что храбрые и блестящіе офицеры, командовавшіе британскою арміей, *Броунъ*, *Каткартъ*, *Леси Эвансъ* и даже молодой герцогъ Кембриджскій не имѣли вождя болѣе искуснаго, болѣе дѣятельнаго и менѣе обремененнаго лѣтами.

XIX.

25-го октября утромъ, огонь съ нашихъ батарей почти прекратился, какъ вдругъ мы услышали пушечные выстрѣлы съ востока. Лагерь вовсе не ожидалъ подобнаго пробужденія. Въ одно мгновеніе всѣ были на ногахъ; мѣры предосторожности были приняты, и обсерваціонный корпусъ генерала *Боске* сталъ подъ ружье.

Французскій главный штабъ произвелъ рекогносцировку по направленію къ востоку и вскорѣ настигъ англійскій главный штабъ, скакавшій въ галопъ, съ цѣлью развѣдать, что происходитъ за Балаклавою, на склонѣ высокихъ холмовъ, составляющихъ границу операціонной позиціи союзниковъ.

То было нападеніе русскихъ, направленное съ большою осторожностью и еще съ большимъ искуствомъ противъ нѣсколькихъ редутовъ, воздвигнутыхъ тамъ по приказанію лорда *Раглана*. Когда генералы прибыли на мѣсто, первая часть дѣла была уже окончена. Русскіе, въ числѣ 22,000 человѣкъ, подъ начальствомъ генерала *Липранди*, послѣдовательно завладѣли четырьмя турецко-англійскими редутами, и заняли позицію на дорогѣ изъ Балаклавы въ лагерь.

Смѣлая попытка генерала *Липранди* отлично удалась, и если бы онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи болѣе многочисленныя силы, то могъ бы поставить нашу армію въ самое критическое положеніе. Къ счастію для насъ, онъ, съ своими силами, могъ только блокировать насъ съ этой стороны, какъ съ другихъ сторонъ блокировали насъ русскія войска, стоявшія на Черной рѣчкѣ, и гарнизонъ Севастополя.

Генералы *Канроберъ* и *Рагланъ* выслали венсенскихъ стрѣлковъ и шотландскихъ горцевъ противъ русскихъ аванпостовъ. Два редута были обратно взяты нашими солдатами, и мы съ высоты Кадыкіоя уже радовались успѣху нашихъ; но въ это время одинъ трагическій и неожиданный случай сильно поразилъ насъ.

Отступая, русскіе увозили съ собою пушки двухъ первыхъ редутовъ, и генералъ-маіоръ графъ *Луканъ* поскакалъ сообщить объ этомъ англійскому главнокомандующему. Лордъ *Рагланъ*, не разсмотрѣвъ позиціи, приказалъ графу *Лукану* выслать легкую кавалерію въ погоню за русскими и, если можно, отбить англійскія орудія, которыми они завладѣли.

Графъ *Луканъ* потребовалъ, чтобы приказаніе это было повторено слово въ слово, и потомъ подъѣхалъ къ лорду

Кардигану, находившемуся съ своею бригадой на равнинѣ впереди Чоргуна. Между ними завязался разговоръ, продолжавшійся семь или восемь минутъ; затѣмъ, мы съ изумленіемъ и ужасомъ увидѣли, какъ англійская кавалерія съ быстротою молніи скрылась въ рядахъ непріятельскаго войска. Вскорѣ она снова показалась впереди послѣднихъ русскихъ эскадроновъ, оставивъ за собою много тѣлъ. Въ это время непріятель окружилъ ее со всѣхъ сторонъ; на нее посыпался ружейный и картечный огонь, который косилъ ее, какъ жнецъ коситъ ниву.

Боске бросился къ главнокомандующимъ, испрашивая приказанія атаковать или по крайней мѣрѣ идти на помощь безстрашнымъ кавалеристамъ. Генералъ *Канроберъ* отвѣчалъ, что это безполезно, и что уже поздно. Лордъ *Рагланъ* не пошевельнулся; онъ съ видимымъ равнодушіемъ смотрѣлъ на истребленіе своей легкой кавалеріи—прямой результатъ несчастнаго приказанія, имъ даннаго.

Дрожь пробѣжала по батальонамъ, которые были свидѣтелями этой потрясающей сцены. Мы думали, что они тронутся и пойдутъ впередъ, не дожидаясь приказанія. Но видъ генераловъ вскорѣ убѣдилъ ихъ, что они должны въ бездѣйствіи перенести потери, причиненныя имъ русскими.

Изъ всей бригады возвратилось около 70 или 80 человѣкъ и лошади, бѣжавшія безъ всадниковъ, по бокамъ и позади уцѣлѣвшихъ кавалеристовъ.

Мы думаемъ, что атака, предпринятая съ цѣлью поддержать англійскую кавалерію или отомстить за нее, увѣнчалась бы успѣхомъ, и мы не были бы осаждаемы дивизіею генерала *Липранди*, которая удержала за собою два редута и не переставала безпокоить насъ безпрерывными стычками.

Но недостатокъ находчивости довершилъ въ этомъ случаѣ начавшееся отъ недостатка предусмотрительности. Мы не умѣли предупредить нападенія генерала *Липранди* съ помощію хорошей системы оборонительныхъ укрѣпленій, не умѣли и отразить оное однимъ изъ тѣхъ быстрыхъ и энергическихъ рѣшеній, которыя составляютъ тайну войны и достояніе отличныхъ генераловъ,

XX.

Съ 26-го числа огонь нашъ сталъ еще слабѣе. Мы все болѣе и болѣе убѣждались въ незначительности повреждений, причиняемыхъ нами непріятельскимъ укрѣпленіямъ, и сильное нетерпѣніе начинало серьезно распространяться въ нашихъ рядахъ. Съ самаго начала экспедиціи, наши потери были значительны; болѣзни съ каждымъ днемъ увеличивали число выбывавшихъ изъ строя. «Надо во что бы то ни стало покончить дѣло», говорили во всѣхъ французскихъ дивизіяхъ. Дальнѣйшая отсрочка могла быть гибельною для арміи, которая была точно также осаждена, какъ и самая крѣпость. Къ тому же, мы знали, что непріятель ежедневно получаетъ подкрѣпленія; мы ожидали, что будемъ окружены со всѣхъ сторонъ превосходнѣйшими силами.

Сначала предполагали назначить штурмъ на 2-е ноября; но по причинамъ, не имѣющимъ никакого отношенія къ нашей цѣли, онъ былъ отложенъ до 5-го ноября; рѣшено было произвести приступъ во чтобы то ни стало. Огонь продолжался съ обѣихъ сторонъ съ перемѣннымъ успѣхомъ до означеннаго числа. Русскіе дѣлали частыя вылазки; мы отражали эти нападенія и съ успѣхомъ бросали бомбы въ городъ.

Опускаемъ безчисленныя подробности осады, не входящія въ планъ нашего повѣствованія, и переходимъ къ послѣднимъ событіямъ.

XXI.

5-го ноября утромъ, мы были пробуждены во французскомъ лагерѣ страшною канонадой, раздававшеюся со стороны Инкермана. Весь лагерь сталъ на ноги съ тою быстротою, какую мы уже показали 25-го октября, и генералъ *Канроберъ* отправилъ ординарца къ лорду *Раглану*, чтобы узнать о случившемся. То было новое нападеніе русской арміи, но на этотъ разъ гораздо болѣе опасное, чѣмъ нападеніе генерала *Липранди* на Балаклавскіе редуты. Пользуясь густымъ утреннимъ туманомъ, непріятель безъ шума

приближался черезъ инкерманскій мостъ и переходилъ Черную рѣчку, съ цѣлью напасть въ расплохъ на англійскій лагерь, дурно защищенный или дурно охраняемый, не смотря на печальный урокъ 25-го октября. Въ семь часовъ утра борьба началась, на тѣсномъ пространствѣ, между русскими массами и дивизіею *Леси Эванса*.

Англичане уступили превосходному числу непріятелей; но прибытіе другихъ дивизій доставило имъ возможность штурмовать утраченныя позиціи, и тогда-то завязалась одна изъ самыхъ кровопролитныхъ битвъ, какихъ не бывало со времени великихъ войнъ имперіи. Драматическіе ужасы этого боя извѣстны; обѣ стороны дрались съ неописанною яростью; они вступали въ рукопашный бой, дрались прикладами, когда ломался штыкъ, даже кулаками, когда приклады разлетались на части, и камнями, когда не оставалось никакого другаго оружія.

Туманъ дѣлалъ эту борьбу еще болѣе мрачною и смертельною.

Въ девять часовъ англійскіе ряды начали рѣдѣть; англичане потеряли, взяли назадъ и снова потеряли свои позиціи, отчаяніе овладѣло солдатами; въ это время прибылъ на страшное поле смерти батальонъ 2-й французской дивизіи, подъ личнымъ начальствомъ генерала *Боске*. Онъ желалъ вознаградить союзниковъ за балаклавское бѣдствіе, онъ одинъ могъ поправить непростительную ошибку лорда *Раглана* и спасти армію отъ страшнаго пораженія.

Боске прибылъ съ отчаяніемъ въ сердцѣ, онъ понималъ великость опасности и трудность отразить ее. Явившись съ батальономъ зуавовъ изъ 600 человѣкъ, посреди котораго онъ сталъ съ своимъ главнымъ штабомъ, онъ услышалъ пушечные выстрѣлы на нашемъ крайнемъ лѣвомъ флангѣ, со стороны Карантиннаго форта, и въ то же время около Балаклавы, гдѣ корпусъ *Липранди* выступалъ впередъ, съ цѣлью напасть на нашихъ солдатъ, когда они будутъ разбиты.

Еще полчаса — и англичане потерпѣли бы пораженіе; ихъ колоны пришли бы въ совершенное разстройство и предались бы отступленію, и мы были бы окружены со всѣхъ

сторонъ. преслѣдуемы къ берегу, сброшены въ море. Къ счастію, неодолимая храбрость солдатъ исправила ошибки генераловъ. Генералъ *Боске* спасъ англичанъ.

Всѣ исполнили долгъ свой въ этомъ страшномъ дѣлѣ. Англичане дрались какъ герои; пять храбрыхъ англійскихъ генераловъ остались на полѣ битвы.

Канроберъ обнаруживалъ большую храбрость; но онъ дѣйствовалъ какъ простой солдатъ, и, въ глазахъ цѣлой арміи, вся честь этого дня принадлежитъ генералу *Боске*.

Форе, желавшій оставить при себѣ двѣ дивизіи для отраженія вылазки, произведенной гарнизономъ, не съумѣлъ удержать храбраго *Лурмеля* отъ одной изъ тѣхъ неосторожностей, которыя охотно прощаются офицеру, увлеченному и упоенному битвой, но которыя отнюдь не должны быть допускаемы дивизіоннымъ генераломъ и командиромъ цѣлаго корпуса. *Лурмель* устремился за русскими къ самымъ стѣнамъ крѣпости, потерялъ тамъ 300 человѣкъ, сраженныхъ русскою артиллеріею на разстояніи пистолетнаго выстрѣла, и самъ былъ раненъ пулею въ грудь.

Это сраженіе. которое оба союзныя правительства внесли въ приходъ войны, должно быть внесено въ расходъ ея. Русскіе понесли большія потери; наши потери были относительно чувствительнѣе. Инкерманская битва окончательно осудила экспедицію; то было кровавое доказательство вѣрности и истины возраженій, ею вызванныхъ. Къ ошибочной основной мысли постепенно присоединялись ошибки въ подробностяхъ исполненія, скопленныя безсильными и неспособными генералами и искупленныя столь дорогою цѣной, благодаря храбрости солдатъ.

Послѣ такого страшнаго урока, главнокомандующіе рѣшились укрѣпить лагерь и серьезно организовать обсерваціонный корпусъ. «Нельзя дѣлать все вдругъ», часто повторялъ генералъ *Канроберъ*; но, послѣ инкерманскаго дѣла, онъ самъ согласился, что надо было заблаговременно принять столь простую предосторожность. Съ 6-го ноября мысль о штурмѣ еще одинъ разъ взволновала умы. Генералъ *Канроберъ* совѣщался объ этомъ съ лордомъ *Рагланомъ*, но послѣдній отсовѣтовалъ своему товарищу отва-

житься на такое предпріятіе, ссылаясь на недостаточность союзныхъ силъ, въ особенности англійскихъ, уменшившихся до 14 тысячъ человѣкъ. Смерть генераловъ, его товарищей по оружію, и опасное состояніе герцога *Кембриджскаго* послѣ 5-го ноября, глубоко подѣйствовали на благороднаго лорда, который совѣтовалъ одно изъ двухъ: или продолжать правильную осаду въ ожиданіи подкрѣпленій, или сѣсть обратно на суда. Послѣднее было крайнею мѣрою, о которой была рѣчь на военномъ совѣтѣ въ Варнѣ и которая была допущена обоими правительствами въ началѣ экспедиціи.

Генералъ *Канроберъ* съ жаромъ отвергнулъ мысль объ отплытіи, въ которомъ онъ видѣлъ, быть можетъ ошибочно, безчестіе для нашего оружія. Онъ согласился на правильную осаду, которая продолжается доселѣ послѣ трехмѣсячной зимы, проведенной въ грязи, въ снѣгу, при средней температурѣ въ восемь градусовъ мороза, при холерѣ, тифѣ и скорбутѣ.

Послѣ 5-го ноября союзная армія состояла изъ 48,000 человѣкъ, не считая турокъ. Нынѣ (въ январѣ 1855 г.), со всѣми подкрѣпленіями, назначенными для пополненія убыли въ рядахъ, съ двумя вновь прибывшими дивизіями (*де-Салля* и *Дюлака*), она заключаетъ въ себѣ не болѣе 64,000.

Экспедиція окончательно осуждена; первая кампанія была бѣдственна.

Императоръ знаетъ истину, всю истину, о достоинствѣ маршала *Сентъ-Арно* и генерала *Канробера*, о важности севастопольскихъ укрѣпленій, объ опасности вторженія на русскую землю и бѣдственномъ исходѣ зимней кампаніи въ этой странѣ, какъ подъ 45-мъ, такъ и подъ 57-мъ градусомъ широты. Его дѣло воспользоваться этими свѣдѣніями.

Англія, старавшаяся изслѣдовать причины, погубившія ея армію, знаетъ истину, всю истину о средствахъ бороться съ Россіею. Она должна подумать объ этомъ.

Обоимъ правительствамъ извѣстно зло во всей его обширности. Мы знаемъ, что они до сихъ поръ не остав-

ляютъ крымской экспедиціи съ единственною цѣлью поддержать честь своего оружія. Но мы знаемъ также, что они систематически упорствуютъ въ роковой политикѣ двухъ послѣднихъ лѣтъ. Отъ одного конца Европы до другаго всѣ единогласно осуждаютъ эту политику, ея нынѣшнія послѣдствія и будущіе результаты. Оба правительства безсильны; ихъ теперешніе и будущіе союзы не доставятъ имъ тѣхъ плодовъ, какихъ они ожидаютъ: они не принудятъ Россіи къ миру.

Полная цифра потерь, понесенныхъ союзниками отъ непріятельскаго огня, болѣзней и холода, превышаетъ 45,000 умершими и 30,000 выбывшими изъ строя. Они знаютъ все это и не обманываютъ самихъ себя.

Продолженіе нынѣшней политики ослабитъ союзъ между ними и наконецъ расторгнетъ его. Они погубятъ другъ друга.

Наше дѣло еще не проиграно; оно можетъ быть возобновлено на другихъ основаніяхъ, на новыхъ условіяхъ, съ лучшими элементами.

Путь, которымъ слѣдовали доселѣ, ложенъ и ведетъ къ безднѣ: надо перемѣнить его.

Крымская экспедиція —предпріятіе безумное: надо оставить его.

Время не терпитъ. Франція глубоко встревожена. Россія вооружается въ обширныхъ размѣрахъ. Германія призываетъ свои ополченія. Противъ кого? Императору стоитъ только вступить на иной путь, и Англія, повинуясь своимъ внутреннимъ стремленіямъ, послѣдуетъ за нимъ на край свѣта (1).

(1) Москов. Вѣдомости 1855 г. № 52—57.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ГЕНЕРАЛЪ-ЛЕЙТЕНАНТЪ

ФЕДОРЪ ИВАНОВИЧЬ СОЙМОНОВЪ.

ГЕНЕРАЛЪ-ЛЕЙТЕНАНТЪ

ѲЕДОРЪ ИВАНОВИЧЪ СОЙМОНОВЪ.

(*Краткія свѣдѣнія о его служебной дѣятельности.*)

Происходя изъ дворянъ Тамбовской губерніи, Ѳедоръ Ивановичъ родился въ 1800 году и пятнадцати лѣтъ поступилъ въ Дворянскій полкъ (нынѣ Константиновское военное училище), гдѣ и кончилъ свое воспитаніе.

Въ 1817 году, семнадцати лѣтъ отъ роду, *Соймоновъ* былъ произведенъ въ прапорщики въ Малороссійскій гренадерскій полкъ (въ послѣдствіи гренадерскій фельдмаршала графа *Румянцева-Задунайскаго* полкъ).

Черезъ четыре года послѣ производства, Ѳедоръ Ивановичъ былъ уже штабсъ-капитаномъ и въ 1822 году назначенъ адъютантомъ къ начальнику 3-й гренадерской дивизіи генералъ-адъютанту *Храповицкому*. Оставаясь въ званіи адъютанта восемь лѣтъ, *Соймоновъ* былъ въ этотъ промежутокъ времени произведенъ въ капитаны (12-го мая 1823 г.), переведенъ за отличіе сначала л.-гв. въ Павловскій, а потомъ въ Измайловскій полкъ и наконецъ произведенъ, 1-го января 1830 г., въ полковники съ назначеніемъ въ 29 егерскій полкъ. При преобразованіи армейской пѣхоты полкъ этотъ поступилъ въ составъ Рязанскаго пѣхотнаго полка.

Пробывъ въ Рязанскомъ полку только нѣсколько мѣсяцевъ, полковникъ *Соймоновъ* былъ назначенъ (22 августа 1830 г.) командиромъ Галицкаго пѣхотнаго полка, съ которымъ

онъ и принялъ участіе въ войнѣ противъ польскихъ мятежниковъ. Галицкій полкъ находился въ составѣ отряда, дѣйствовавшаго въ предѣлахъ Гродненской губерніи, и принималъ участіе въ сраженіи подъ м. Зенземемъ противъ шайки Дембинскаго, которая и потерпѣла пораженіе.

29-го августа полковникъ *Соймоновъ*, переправившись черезъ рѣку Бугъ при м. Тирасполѣ въ Царство Польское, поступилъ въ составъ войскъ, находившихся (съ 13-го по 17-е сентября) при блокадѣ крѣпости Модлина, переименованной въ послѣдствіи въ Новогеоргіевскую крѣпость. Здѣсь Галицкій полкъ трудился надъ заложеніемъ перваго ложемента. Отсюда *Соймоновъ* со ввѣреннымъ ему полкомъ поступилъ въ составъ главныхъ силъ арміи и принималъ участіе въ преслѣдованіи польской арміи до прусскихъ границъ.

Оставленный на зимовыя квартиры въ Мазовецкомъ воеводствѣ, полковникъ *Соймоновъ*, въ апрѣлѣ 1833 года, былъ назначенъ командиромъ Полоцкаго егерскаго полка, съ которымъ и возвратился въ предѣлы Россіи.

Въ апрѣлѣ 1838 года, Ѳедоръ Ивановичъ произведенъ въ генералъ-маіоры и вскорѣ назначенъ сначала командиромъ второй бригады 3-й пѣхотной дивизіи (23-го октября 1838 г.), а потомъ командиромъ 2-й учебной карабинерной бригады (21-го января 1840 г.).

Въ мартѣ 1855 года, онъ былъ зачисленъ по арміи, а въ слѣдующемъ году назначенъ сначала командиромъ 2-й бригады 12-й пѣхотной дивизіи (13-го марта 1851 г.), а потомъ командующимъ 10-ю пѣхотною дивизіею (20-го октября 1851 г.).

Въ 1852 году 26-го ноября произведенъ въ генералъ-лейтенанты съ утвержденіемъ начальникомъ дивизіи.

Съ этою дивизіею генералъ *Соймоновъ* пришелъ въ Крымъ, передъ инкерманскимъ сраженіемъ, въ которомъ и былъ убитъ въ самомъ началѣ дѣла.

ГЕНЕРАЛЪ-АДЪЮТАНТЪ,

ЭДУАРДЪ ИВАНОВИЧЬ ТОТЛЕБЕНЪ.

ГЕНЕРАЛЪ-АДЪЮТАНТЪ

ЭДУАРДЪ ИВАНОВИЧЪ ТОТЛЕБЕНЪ.

(Біографическій очеркъ) (1)

Эдуардъ Ивановичъ *Тотлебенъ* родился 8-го мая 1818 года въ Митавѣ. Вскорѣ послѣ рожденія сына, отецъ Эдуарда Ивановича, бывшій здѣсь негоціантомъ, въ слѣдствіе расширенія своихъ заграничныхъ торговыхъ предпріятій, переселился въ Ригу, гдѣ онъ скончался уже въ преклонныхъ лѣтахъ въ 1855 году. Такимъ образомъ онъ имѣлъ радостное утѣшеніе дожить до подвиговъ совершенныхъ въ Севастополѣ сыномъ и убѣдиться на дѣлѣ, въ какой степени имъ вѣрно подмѣчено было истинное призваніе еще юноши, когда при выборѣ для него поприща дѣятельности, инженерная спеціальность представилась ему какъ наиболѣе соотвѣтствующая его дарованіямъ.

Дѣйствительно, въ дѣлѣ воспитанія своихъ дѣтей, отецъ Эдуарда Ивановича отличался большимъ тактомъ и умомъ: рано угадывая въ своихъ сыновьяхъ ихъ природныя наклонности и высоко цѣня образованіе, систематически направленное къ извѣстной цѣли, онъ всѣми средствами старался поддерживать и направлять правильное развитіе этихъ наклонностей, которыя справедливо считалъ зало-

(1) Настоящій очеркъ написанъ авторомъ для Севастопольскаго отдѣла на политехнической выставкѣ. Съ разрѣшенія автора и отдѣла мы помѣщаемъ его и въ настоящемъ «Сборникѣ Матеріаловъ». *Ред.*

гомъ будущаго счастья своихъ дѣтей. Наклонность третьяго сына, Эдуарда, къ военному поприщу обнаружилась очень рано и обратила на себя вниманіе его родителей.

Еще въ юномъ возрастѣ, девяти или десяти лѣтъ отъ роду, маленькій Эдуардъ страстно любилъ военныя забавы. Увлеченіе подобными играми свойственно почти всѣмъ дѣтямъ и не представляетъ ничего выходящаго изъ ряда вонъ, въ особенности же въ Ригѣ, гдѣ окружающая мѣстность, состоящая изъ открытыхъ равнинъ, пересѣченныхъ лѣсистыми, песчаными холмами, приглашаетъ къ тому въ весеннее и лѣтнее время воинственное юношество города. Но въ рукахъ маленькаго *Тотлебена* эти забавы переставали быть одной пустой игрой: онѣ принимали совершенно иной характеръ, который не могъ оставаться скрытымъ отъ посторонняго наблюдателя. Особенность эта заключалась въ томъ, что онъ обнаруживалъ въ своихъ дѣтскихъ играхъ замѣчательную способность подмѣчать и перенимать многое такое, даже изъ военнаго искуства, что вообще мало доступно понятіямъ ребенка его возраста. Живя постоянно въ Ригѣ и видя часто укрѣпленія города, тогда еще окруженнаго старинною крѣпостной оградой, воспріимчивый мальчикъ пристрастился къ инженернымъ постройкамъ; онъ сталъ возводить изъ земли маленькія крѣпости, съ рвами, подъемными мостами и проч., стараясь при этомъ, по возможности, подражать главнымъ правиламъ построекъ этого рода.

Со времени своего поступленія въ пансіонъ къ доктору Гюттель (D-r Hüttel), считавшійся тогда лучшей частной школой для первоначальнаго образованія, Эдуардъ *Тотлебенъ* затѣвалъ все болѣе серьезныя военныя игры, всегда устраиваемыя по опредѣленному придуманному имъ плану, который онъ сообщалъ своимъ товарищамъ, стараясь пріучать ихъ, по мѣрѣ силъ, къ поддержанію строгаго порядка и дисциплины. На дачѣ въ окрестностяхъ Риги (Collins Hofchen), гдѣ отецъ *Тотлебена* съ семьей проводилъ въ то время лѣто, онъ построилъ нѣсколько редутовъ съ помощію своихъ товарищей, равно какъ при содѣйствіи людей служившихъ въ родительскомъ домѣ и постороннихъ

лицъ, которыхъ онъ могъ только уговорить принять участіе въ работѣ; укрѣпленія эти были возведены по всѣмъ правиламъ инженернаго искуства, съ брустверомъ, рвами, гласисомъ; одинъ изъ нихъ былъ имъ даже контръ-минированъ. Затѣмъ онъ раздѣлялъ своихъ товарищей на двѣ партіи и производилъ осаду и оборону этихъ редутовъ. Предводительствуя атакующими, онъ часто отбивалъ укрѣпленія у своихъ противниковъ, не смотря на превосходство силъ его защитниковъ; совершая эти подвиги, *Тотлебенъ* постоянно обнаруживалъ замѣчательную для дѣтскаго соображенія распорядительность и военную хитрость.

До сихъ поръ сохранились еще въ окрестностяхъ Риги остатки одного изъ редутовъ, построеннаго *Тотлебеномъ* въ дѣтствѣ.

Когда отецъ Эдуарда Ивановича, изъ его дѣтскихъ игръ и пристрастія къ математическимъ занятіямъ, убѣдился окончательно въ наклонности, проявившейся у сына, къ поступленію на военную службу, то предположилъ готовить его къ ней серьезно; сообразно съ этимъ онъ распредѣлилъ уроки, обративъ особенное вниманіе на математику и изученіе русскаго языка. *Тотлебену* не минуло еще 14-ти лѣтъ, когда отецъ повезъ его въ 1831 году въ Петербургъ, для опредѣленія въ инженерное училище. Воспользовавшись еще въ продолженіе года уроками инженеръ-капитана Кирпичева, Эдуардъ Ивановичъ вступилъ осенью 1832 года кондукторомъ въ третій классъ Главнаго (нынѣ Николаевскаго) Инженернаго Училища. Здѣсь молодой Тотлебенъ съ необыкновеннымъ рвеніемъ предался научнымъ занятіямъ и въ скоромъ времени съумѣлъ заслужить благорасположеніе своихъ наставниковъ и пріобрѣсти, вмѣстѣ съ тѣмъ, любовь и уваженіе товарищей.

Въ послѣднее время его пребыванія въ училищѣ, передъ самымъ выпускомъ, онъ началъ, къ сожалѣнію, страдать болѣзнею сердца, вызванной неправильнымъ кровообращеніемъ и быстрымъ ростомъ; врачи опасались даже за совершенное разстройство его здоровья, въ случаѣ немедленнаго продолженія усидчивыхъ кабинетныхъ занятій, а потому *Тотлебенъ* отчисленъ былъ, послѣ производства, въ

1836 году, въ полевые инженеръ-прапорщики, на дѣйствительную службу въ рижскую инженерную команду. Благодаря тщательному уходу, встрѣченному въ родительскомъ домѣ, и удачному леченію, здоровье его, въ скоромъ времени, на столько поправилось, что можно было снова помышлять о продолженіи прерванныхъ занятій и возвратиться въ офицерскіе классы училища. Пробывъ годъ въ младшемъ классѣ и получивъ при переходѣ въ старшій офицерскій классъ чинъ подпоручика, онъ, незадолго до окончательнаго экзамена, снова началъ страдать припадками прежней болѣзни, воспрепятствовавшей ему вторично окончить полный курсъ наукъ. Возвратившись въ 1838 году въ Ригу, *Тотлебенъ*, въ продолженіе года, занималъ въ крѣпостной инженерной командѣ должность дежурнаго офицера.

Но недолго оставался здѣсь подпоручикъ *Тотлебенъ*; желая ознакомиться на практикѣ съ обязанностями сапернаго офицера и перемѣнить службу, представлявшую, въ военномъ отношеніи, мало интереса, онъ просилъ, въ слѣдующемъ году, перевода въ гренадерскій саперный батальонъ, стоявшій тогда въ лѣтнее время, лагеремъ близъ крѣпости Динабурга. Здѣсь, *Тотлебену* въ первый разъ представился случай заняться практически минымъ искуствомъ, и положить начало тѣмъ свѣдѣніямъ, блестящее примѣненіе которыхъ впослѣдствіи, въ севастопольской подземной войнѣ, доставило ему неувядаемую славу.

Пребываніе подпоручика *Тотлебена* въ гренадерскомъ саперномъ батальонѣ было непродолжительнымъ; въ 1840 году состоялся его переводъ въ учебный саперный батальонъ поручикомъ.

Въ первое же лѣто по своемъ прибытіи въ Царское Село, служившее мѣстомъ стоянки учебнаго батальона, онъ участвовалъ въ практическихъ работахъ, производившихся саперами въ Красномъ Селѣ, гдѣ они расположены были тогда лагеремъ. Здѣсь молодой поручикъ, своими познаніями и пониманіемъ дѣла, обратилъ на себя вниманіе генералъ-адъютанта *Шильдера*, который своею творческою изобрѣтательностью, соединенною съ обширною военною

опытностью, поддерживалъ и развивалъ, со свойственною ему энергіею, научно-военное направленіе сапернаго дѣла. Между прочими работами, *Тотлебенъ* получилъ отъ генерала *Шильдера* порученіе заняться трубной минной системой, предложенной имъ какъ средство для увеличенія оборонительной силы крѣпостей, въ виду превосходства атаки; это обстоятельство служитъ лучшимъ доказательствомъ того полнаго довѣрія, которое молодой поручикъ успѣлъ уже заслужить со стороны опытнаго инженернаго генерала. Для дальнѣйшаго изслѣдованія трубной системы, *Тотлебенъ* посланъ былъ, въ 1844 году, съ командою саперъ, въ Кіевъ, гдѣ предполагалось произвести въ обширныхъ размѣрахъ опыты подземной войны, съ цѣлью испытать практическое значеніе предложеній генерала *Шильдера*. *Тотлебенъ* завѣдывалъ при этихъ опытахъ оборонительными работами; онѣ увѣнчались замѣчательнымъ успѣхомъ и доказали, что трубная система, примѣненная въ сухомъ глинисто-песчаномъ грунтѣ, подобно кіевскому, представляетъ превосходное средство для продленія обороны.

Въ 1848 году, *Тотлебенъ* отправился на Кавказъ, для участія въ происходившихъ тогда военныхъ дѣйствіяхъ противъ горцевъ, въ Дагестанской области; такимъ образомъ Кавказъ былъ мѣстомъ, гдѣ впервые испыталъ свои силы передъ непріятелемъ и окончательно развилъ свои дарованія будущій знаменитый генералъ, съ искуствомъ котораго, нѣсколько лѣтъ спустя, тщетно боролись лучшіе военные люди Франціи и Англіи.

Во время бытности своей на Кавказѣ, *Тотлебенъ* принималъ участіе въ нѣсколькихъ экспедиціяхъ, предпринятыхъ отрядомъ генералъ адъютанта князя *Аргутинскаго-Долгорукова*, съ цѣлью утвержденія нашего владычества въ прибрежномъ Дагестанѣ. Своею распорядительностью и знаніемъ дѣла онъ много содѣйствовалъ успѣшному ходу осады Гергебиля, заложивъ, въ разстояніи 80 саженъ отъ стѣнъ укрѣпленнаго аула, летучею сапой брешь-батарею.

Въ томъ же году онъ находился при освобожденіи укрѣпленія Ахты отъ набѣга горцевъ, причемъ исполнялъ обязанности офицера генеральнаго штаба, и между прочимъ, по

порученію князя *Аргутинскаго*, перевелъ войска черезъ рѣку Самуръ въ бродъ, и участвовалъ при штурмѣ сильной непріятельской позиціи, впереди селенія Мискенджи, укрѣпленной завалами и занятой десяти-тысячнымъ скопищемъ Шамиля. Въ слѣдующемъ 1849 году, капитанъ *Тотлебенъ* находился въ отрядѣ осаждавшемъ укрѣпленіе Чохъ, и послѣднія четыре недѣли завѣдывалъ всѣми работами атаки до окончанія осады этого укрѣпленія, обращеннаго дѣйствіемъ нашей артиллеріи въ развалины. Не желая напрасно жертвовать людьми и опасаясь, по мѣстнымъ свойствамъ позиціи, неудачнаго исхода штурма, князь *Аргутинскій* рѣшился довольствоваться разрушеніемъ Чоха и отступить.

Подъ Чохомъ капитанъ *Тотлебенъ* совершилъ подвигъ, который отличался не меньшею смѣлостью какъ и заложеніе вышеупомянутой брешь-батареи при Гергебилѣ, и увѣнчался подобнымъ же успѣхомъ только потому, что онъ, при предварительныхъ распоряженіяхъ, принялъ во вниманіе всѣ обстоятельства, обусловливавшія производство предположенной работы.

Въ лунную ночь, 25-го іюля, *Тотлебенъ*, вмѣстѣ съ инженеръ штабсъ-капитаномъ *Поповымъ*, предпринялъ рекогносцировку мѣстности между восточнымъ фронтомъ непріятельскаго укрѣпленія и крайнимъ правымъ флангомъ нашей атаки; во время этого обозрѣнія, имъ ежеминутно угрожала опасность быть захваченными замѣтившими ихъ горцами, разсѣянными по этой части мѣстности, спускающейся терасообразными уступами къ глубокому оврагу, прикрывавшему съ восточной стороны Чохъ. Но счастіе благопріятствовало храбрымъ смѣльчакамъ; они дошли благополучно до оврага и здѣсь, въ 30-ти саженяхъ отъ восточнаго фаса крѣпости, капитанъ *Тотлебенъ* выбралъ пункты для двухъ брешь-батарей. Послѣ этого предстояла трудная задача вернуться обратно, что было невозможно выполнить по тому же самому направленію; горцы на этотъ разъ не пропустили бы ихъ безнаказанно въ нашъ лагерь. Оставалось спуститься въ оврагъ и попытаться отыскать переправу черезъ протекавшую въ немъ горную рѣчку и затѣмъ далѣе пробраться къ нашимъ осаднымъ работамъ

впереди южнаго фронта непріятельскаго укрѣпленія. Къ счастью, на рѣчкѣ оказался мостъ, перейдя который нашли тропинку, направлявшуюся къ третьей паралели. Ночью 26-го іюля удалось воспользоваться плодами этой смѣлой рекогносцировки и безпрепятственно заложить передовую паралель въ разстояніи 30-ти саженъ отъ укрѣпленія и устроить въ ней въ послѣдующіе дни двѣ брешь-батареи. Непріятель, обративъ все свое вниманіе на южную сторону атаки, замѣтилъ эту неожиданную для него работу только тогда, когда люди были почти уже закрыты насыпью, и потому ружейные залпы его не могли намъ болѣе вредить.

Въ 1850 году *Тотлебенъ* возвратился съ Кавказа въ чинѣ капитана, получивъ золотую саблю за храбрость и орденъ св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ. По желанію начальника инженеровъ дѣйствующей арміи, генералъ-адъютанта *Шильдера*, онъ былъ назначенъ къ нему въ Варшаву, въ томъ же году, адъютантомъ, съ переводомъ во 2 й саперный батальонъ. Пробывъ въ новой должности болѣе года, *Тотлебенъ* перешелъ въ гвардейскіе инженеры и поселился въ Петербургѣ, гдѣ онъ, въ началѣ 1852 года, женился на дочери гессенъ-дармштадскаго консула барона Гауфа.

Въ Петербургѣ капитанъ *Тотлебенъ* посвятилъ себя вполнѣ теоретическимъ занятіямъ, а лѣтомъ онъ руководилъ практическими работами гвардейскаго сапернаго батальона въ лагерѣ подъ Петергофомъ: здѣсь онъ имѣлъ неоднократно счастие объяснять ходъ проектированныхъ имъ работъ въ Бозѣ почившему Императору Николаю и удостоивался при этомъ каждый разъ милостиваго отзыва вѣнценоснаго покровителя отечественнаго инженернаго искуства.

Но *Тотлебену* суждено было не долго оставаться вдали отъ боевыхъ тревогъ и наслаждаться тихими радостями семейнаго счастія. Въ 1853 году поднятъ былъ вопросъ о святыхъ мѣстахъ и исключительномъ покровительствѣ Россіею христіанскихъ подданныхъ Турціи; недоброжелательство западныхъ державъ, тревожившихся преобладаніемъ Россіи на востокѣ, придало возникшимъ съ Отоманскою

Портою переговорамъ направленіе, заставившее Императора Николая прибѣгнуть къ тѣмъ демонстраціямъ противъ Турціи, которыя онъ счелъ въ этомъ случаѣ необходимыми. 20-го іюня 1853 года, русскія войска вступили въ княжества. и осенью Турція, благодаря стараніямъ французской и англійской дипломатіи, открыла военныя дѣйствія на Дунаѣ.

Когда по Высочайшей волѣ генералъ-адъютантъ *Шильдеръ* отправился къ арміи въ княжества, онъ предложилъ капитану *Тотлебену* прибыть къ нему на театръ военныхъ дѣйствій: *Тотлебенъ* не замедлилъ тотчасъ же явиться на почетный вызовъ своего стараго начальника и, покинувъ Петербургъ 27-го января, прибылъ въ Бухарестъ 14-го февраля. За нѣсколько дней до отъѣзда, Эдуардъ Ивановичъ получилъ чинъ подполковника. съ зачисленіемъ по сапернымъ батальонамъ.

Немедленно по прибытіи въ главную квартиру дунайской арміи. подполковникъ *Тотлебенъ* исполнялъ рядъ порученій возложенныхъ на него генералъ-адъютантомъ *Шильдеромъ*, изъ которыхъ наиболѣе важнымъ была командировка въ Мало-Валахскій отрядъ, для изслѣдованія турецкихъ укрѣплекій при Калафатѣ и соображенія способа атаки позиціи, занятой здѣсь непріятелемъ. Съ этой цѣлью полковникъ *Тотлебенъ* предпринялъ противъ Калафатской позиціи, подъ огнемъ турецкихъ батарей, рядъ блестящихъ рекогносцировокъ. вполнѣ разъяснившихъ расположеніе непріятельскихъ укрѣпленій и способъ ихъ атаки. Между тѣмъ войска наши совершили 11-го марта переправу черезъ Дунай, и затѣмъ, по занятіи Бабадагской области, рѣшено было открыть кампанію 1854 года взятіемъ крѣпости Силистріи. Съ начатіемъ 3-го мая пріуготовительныхъ работъ, по предположенной осадѣ, подполковникъ *Тотлебенъ* былъ назначенъ траншей-маіоромъ. а послѣ 1-го іюня т. е. со дня, въ который былъ раненъ главный распорядитель осадныхъ работъ, генералъ-адъютантъ *Шильдеръ*, *Тотлебенъ* принялъ завѣдываніе всѣми работами атаки. 8-го мая открыты были первые подступы противъ передовыхъ укрѣпленій крѣпости Силистріи. Арабъ-Табія и

Плане-Табія, и съ этого времени до конца осады, подполковникъ *Тотлебенъ* безотлучно находился въ траншеяхъ, не зная покоя ни днемъ ни ночью, лично руководя всѣми работами въ ввѣренномъ ему отдѣлѣ атаки. Дѣйствія наши противъ Арабъ-Табіи увѣнчались полнымъ успѣхомъ и привели къ тому, что 7-го іюня *Тотлебенъ* взорвалъ весь передній фронтъ этого укрѣпленія, причемъ образовался широкій удобовосходимый обвалъ и отлогій спускъ съ контръэскарпа. Можно было расчитывать дойти уже въ скоромъ времени къ окончательной развязкѣ начатаго предпріятія; ночью съ 8 на 9 іюня, войска наши находились на мѣстахъ и только ожидали сигнальной ракеты, чтобы начать штурмъ передовыхъ силистрійскихъ укрѣпленій, какъ къ полуночи вдругъ прибылъ въ траншеи адъютантъ отъ фельдмаршала князя Варшавскаго, съ приказаніемъ снять немедленно осаду и отступить на лѣвый берегъ Дуная. Коварная политика Австріи добилась наконецъ желаемаго результата: русская армія должна была очистить княжества въ виду угрожающаго положенія принятаго въ тылу ея имперіею, поставившею себѣ цѣлію удивить свѣтъ своею неблагодарностью. Такимъ образомъ, политическія соображенія отняли у насъ плоды продолжительныхъ усилій и трудовъ, запечатлѣнныхъ кровью многихъ храбрецовъ и героевъ.

Теперь наступаетъ моментъ, составившій знаменательный поворотъ въ жизни Эдуарда Ивановича Тотлебена.

Во время отступательнаго движенія нашей арміи изъ княжествъ въ предѣлы Россіи, въ главную квартиру дунайской арміи стали уже проникать свѣдѣнія о высадкѣ въ Крымъ, подготовляемой союзниками въ Варнѣ. Участь, которая ожидала бы открытый съ сухаго пути Севастоль, въ случаѣ осуществленія непріятелемъ подобной попытки, сильно тревожила князя *Горчакова*; въ виду этого обстоятельства. князь рѣшился немедленно отправить въ Крымъ инженера, который могъ бы укрѣпить сообразно обстоятельствамъ севастопольскую позицію. 2-го августа подполковникъ *Тотлебенъ* былъ неожиданно призванъ къ князю Горчакову, который, ознакомивъ его съ положеніемъ дѣлъ и

грозящимъ намъ вторженіемъ, объявилъ ему, что онъ командируетъ его въ распоряженіе главнокомандующаго войсками въ Крыму собранными: вмѣстѣ съ тѣмъ князь сказалъ Эдуарду Ивановичу, чтобы онъ старался быть полезнымъ въ Севастополѣ, не только при устройствѣ укрѣпленій, но и всюду, гдѣ того требуютъ обстоятельства. Въ письмѣ князю *Меншикову*, которое подполковникъ *Тотлебенъ* долженъ былъ ему вручить, князь Горчаковъ между прочимъ говорилъ, что посылаетъ ему, въ лицѣ подполковника *Тотлебена* своего лучшаго инженера, ученика *Шильдера*, офицера испытанной храбрости, основательно изучившаго инженерное искуство. 10-го августа *Тотлебенъ* прибылъ въ Севастополь и тотчасъ явился къ князю *Меншикову*; прочитавъ письмо, свѣтлѣйшій улыбнулся и сказалъ: «князь Горчаковъ въ разсѣянности своей вѣроятно позабылъ, что у меня есть въ Севастополѣ саперный баталіонъ ([1]); отдохните и затѣмъ поѣзжайте назадъ въ армію». Къ счастію, подполковникъ *Тотлебенъ* не воспользовался даннымъ ему разрѣшеніемъ возвратиться въ армію князя *Горчакова*, но на другой же день поспѣшилъ ознакомиться съ положеніемъ севастопольскихъ укрѣпленій: онъ началъ съ обзора фортовъ и береговыхъ батарей, которыми оборонялся доступъ къ большой бухтѣ. Состояніе этихъ укрѣпленій было превосходное. Всѣ верки были отлично вооружены и находились въ полной готовности ежеминутно встрѣтить непріятеля. Въ южной бухтѣ корабли и фрегаты черноморскаго флота стояли въ боевомъ порядкѣ, такъ что непріятельскій флотъ, въ случаѣ появленія на рейдѣ, подвергся бы жестокому огню съ укрѣпленій и судовъ. До 300 выстрѣловъ могли быть одновременно сосредоточены на фарватеръ.

Князь *Меншиковъ* узналъ отъ окружающихъ его лицъ восторженные отзывы подполковника *Тотлебена* относительно всего видѣннаго имъ на береговыхъ укрѣпленіяхъ и, по всей вѣроятности, эта справедливая оцѣнка превосход-

([1]) 6-й саперный батальонъ, направленный въ Крымъ для производства необходимыхъ инженерныхъ работъ, послѣ разрыва Россіи съ Франціею и Англіею.

наго состоянія приморской обороны побудила его предложить *Тотлебену* объѣхать также сухопутную сторону, въ сопровожденіи адъютанта своего ротмистра *Грейга.* Здѣсь *Тотлебену* представилось совершенно иное зрѣлище; онъ увидѣлъ только слабые начатки укрѣпленій, которыя едва обозначали собою направленіе оборонительной линіи, долженствовавшей прикрыть Севастополь съ сухаго пути. Въ случаѣ появленія непріятеля на Крымскомъ полуостровѣ, немыслимо было разсчитывать на нихъ, какъ на препятствіе къ занятію, съ его стороны, города. Приведемъ изъ записной книжки Эдуарда Ивановича слѣдующую любопытную замѣтку, отъ 15-го августа, относительно тогдашняго положенія оборонительныхъ верковъ съ сухаго пути, написанную еще подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ только что оконченнаго осмотра: «Съ сухопутной стороны Севастополь весьма доступенъ, если до появленія непріятеля ограничится существующими укрѣпленіями; укрѣпленія эти состоятъ изъ нѣсколькихъ батарей, вооруженныхъ орудіями весьма малаго калибра, которыя могли бы только оказать нѣкоторое сопротивленіе татарамъ».

Это отсутствіе надлежащихъ оборонительныхъ верковъ съ сухаго пути побудило подполковника *Тотлебена* тотчасъ же приступить къ составленію предположенія относительно способа укрѣпленія Севастополя, и съ этою цѣлью онъ началъ изучать въ подробности характеръ и свойства мѣстности окружающей Севастополь, для того, чтобы запастись всѣми данными, необходимыми для выполненія предположенной имъ работы. Но этимъ проектамъ Эдуарда Ивановича суждено было осуществиться только мѣсяцъ спустя, уже подъ огнемъ непріятельскихъ батарей. Въ это время, продолжительное бездѣйствіе непріятеля и приближеніе осени и равноденственныхъ бурь заставили князя *Меншикова* полагать, что союзники въ 1854 году не рѣшатся предпринять высадку въ Крымъ; по этому онъ неоднократно отклонялъ предложенія подполковника *Тотлебена*, дозволить ему приступить къ серьезнымъ оборонительнымъ работамъ, или же, по крайней мѣрѣ, заготовить необходимые, на случай ихъ выполненія, матеріялы и

инструментъ. Въ одномъ изъ разговоровъ, которые Тотлебенъ имѣлъ, по этому случаю, съ княземъ, послѣдній выразился слѣдующимъ образомъ относительно грозившей Крыму высадки союзниковъ: «въ этомъ году уже поздно, а въ будущемъ году будетъ миръ».

Такимъ образомъ прошло время до сентября мѣсяца, когда перваго числа въ Севастополѣ внезапно грянуло извѣстіе, что мимо Тарханъ-Кута прошло 70 непріятельскихъ судовъ, а вечеромъ того же дня получено донесеніе, что непріятельскихъ судовъ такъ много, что и пересчитать нельзя. Оставалось попытаться въ неровномъ бою остановить готовящееся вторженіе союзниковъ. Князь *Меншиковъ* занялъ позицію на рѣкѣ Альмѣ; но войска, подавленныя вдвое превосходнымъ непріятелемъ, вынуждены были 8-го сентября отступить. Участь Севастополя была по видимому рѣшена. Среди этихъ критическихъ обстоятельствъ главная забота князя *Меншикова* заключалась въ спасеніи арміи отъ безвыходнаго положенія быть запертою въ открытомъ городѣ, безъ пути отступленія, и потому онъ предпринялъ фланговое движеніе въ Бакчисарай, приказавъ генералъ-адъютанту *Корнилову* затопить у входа въ большую бухту самыя старыя изъ нашихъ судовъ, чтобы воспрепятствовать непріятельскому флоту въ нее ворваться. Подполковникъ *Тотлебенъ*, съ своей стороны, приступилъ къ усиленію сухопутной обороны на позиціи по сѣверную сторону бухты, на которую приходилось прежде всего ожидать нападенія непріятеля. Вмѣстѣ съ тѣмъ со стороны подполковника *Тотлебена* сдѣланы были распоряженія для начатія оборонительныхъ работъ на южной сторонѣ, на тотъ случай, если бы непріятель, высадивъ часть своихъ войскъ въ Камышевой бухтѣ, двинулся бы оттуда кратчайшимъ путемъ въ Севастополь на городскую сторону.

Въ это время, положеніе Севастополя и занимавшаго его гарнизона можно назвать вполнѣ безнадежнымъ. Къ сторонѣ Бельбока, впереди сѣвернаго укрѣпленія, виднѣлись уже непріятельскіе бивуаки, между тѣмъ какъ отъ возвышенія и утолщенія бруствѳровъ этого стариннаго форта, начатыхъ еще до высадки союзниковъ, по предпи-

санію инженернаго департамента, эскарпная стѣна мѣстами обвалилась въ ровъ, образуя для непріятеля готовые обвалы. Ежеминутно приходилось ожидать нападенія сильнаго шестидесяти-тысячнаго врага на слабыя укрѣпленія, обороняемыя одиннадцати-тысячнымъ гарнизономъ, состоящимъ почти исключительно изъ моряковъ.

Чтобы придать позиціи на сѣверной сторонѣ хотя нѣкоторую самостоятельность и оборонительную силу, полковникъ *Тотлебенъ*, приступая къ работамъ, имѣлъ главнымъ образомъ въ виду: 1) занять болѣе обширную и сильную фронтальную позицію на линіи существовавшаго сѣвернаго укрѣпленія: 2) выставить на этой позиціи возможно большее число орудій. Однако, не смотря на неутомимую дѣятельность гарнизона, работавшаго день и ночь, нельзя было многое сдѣлать ко дню появленія непріятеля на Бельбекѣ, 12-го сентября; бруствера были такъ низки, что едва могли прикрыть пѣшаго человѣка.

14-го сентября послѣдовала неожиданная для всѣхъ развязка; союзная армія снялась съ своей позиціи на Бельбекѣ, и, обойдя Севастополь съ юга, расположилась на возвышенной плоскости Херсонеса Таврическаго, овладѣвъ предварительно Балаклавою.

Теперь непріятелю предстояло атаковать ничтожныя укрѣпленія, раскинутыя на обширномъ пространствѣ семи верстъ [1], и не подлежитъ сомнѣнію, что, при всей готовности войскъ сражаться до послѣдней крайности, отстоять Севастополь не было никакой возможности. Гарнизону оставалось одно — честная смерть. Въ эту критическую минуту генералъ-адъютантъ *Корниловъ* нашелъ въ лицѣ подполковника *Тотлебена* инженера, дѣятельность и энергія котораго, при вѣрной оцѣнкѣ условій обстановки, ручались за выполненіе предстоявшей ему трудной и смѣлой задачи,

(1) Южная сторона Севастополя была только на одну треть своей окружности прикрыта каменною стѣною, подверженною артиллерійскимъ выстрѣламъ съ дальняго разстоянія. На остальныхъ же двухъ третяхъ городъ былъ совершенно открытъ и имѣлъ только нѣсколько слабыхъ батарей, раздѣленныхъ большими промежутками, сквозь которые непріятель, при первомъ своемъ появленіи, могъ легко ворваться въ городъ.

создать оборонительную линію въ виду многочисленной непріятельской арміи. Облеченный полнымъ довѣріемъ *Корнилова* и встрѣчая горячее содѣйствіе въ своихъ начинаніяхъ со стороны адмираловъ: *Нахимова* и *Истомина*, подполковникъ *Тотлебенъ* тотчасъ началъ съ усиленія позиціи, одновременно на всѣхъ пунктахъ, всѣми средствами, которыя могли увеличить сопротивленіе ежечасно ожидаемому штурму. При тогдашнихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, конечно нельзя было и помышлять о прикрытіи города расположеніемъ сильныхъ и правильныхъ укрѣпленій, обезпеченныхъ отъ атаки открытою силою; непріятель никакъ бы не остался празднымъ зрителемъ подобныхъ работъ и не далъ бы даже окончить трассировку этихъ укрѣпленій. Подполковникъ *Тотлебенъ* рѣшился поэтому извлечь въ скорѣйшее время всю возможную только пользу изъ сильнаго вооруженія флота, утратившаго свое прямое назначеніе. Руководствуясь этими соображеніями, подполковникъ *Тотлебенъ* рѣшился принять при устройствѣ оборонительной линіи въ основаніе слѣдующія начала: избирать кратчайшую и ближайшую къ городу позицію, обусловленную существовавшими укрѣпленіями, и на главныхъ пунктахъ ея выставить сильную артиллерію и соединить эти пункты траншеями для ружейной обороны и помѣщенія прикрытій, усиливъ ихъ мѣстами отдѣльными батареями. Дѣйствуя такимъ образомъ, всѣ подступы къ городу обороняились сильнымъ фронтальнымъ и фланговымъ огнемъ, какъ пушечнымъ, такъ и ружейнымъ. Для достиженія подобныхъ результатовъ въ короткое время, работа производилась такимъ образомъ, чтобы съ каждымъ днемъ усиливалась оборона; не ожидая окончанія батарей, орудія устанавливались безотлагательно, какъ только являлась возможность открыть изъ нихъ огонь, и затѣмъ уже невысокіе брустверы, обезпечившіе прислугу только отъ огня полевой артиллеріи, постепенно усиливались и устраивались разнаго рода преграды.

День и ночь свозились орудія и снаряды съ кораблей; нѣсколько тысячъ человѣкъ были заняты безостановочно земляными работами, батареи росли и покрывались орудіями,

и удивленный непріятель увидѣлъ вдругъ передъ собою сплошную оборонительную линію, вооруженную орудіями большаго калибра, тамъ, гдѣ первоначальныя рекогносцировки обнаружили только присутствіе слабыхъ укрѣпленій, прерванныхъ большими ничѣмъ не обороненными промежутками.

Между тѣмъ, откладывая все далѣе приступъ, на который слѣдовало немедленно рѣшиться, союзники давали намъ время усилить и устроить оборону; съ каждымъ днемъ укрѣпленія наши росли и множились, и съ каждымъ днемъ атака открытою силою представляла для непріятеля меньше вѣроятія успѣха. Узнавъ, что союзники обошли Севастополь съ юга, князь *Меншиковъ* снова сосредоточилъ армію на сѣверной сторонѣ, и 19-го сентября отправилъ первое подкрѣпленіе гарнизону южной стороны, который до сего времени состоялъ изъ моряковъ, только что оставившихъ свои суда, и восьми резервныхъ батальоновъ. Причина нерѣшительности союзниковъ заключалась въ болѣзни маршала *Сентъ-Арно*. Въ самый рѣшительный моментъ провидѣніе лишило непріятеля полководца, который одинъ могъ окончить начатое предпріятіе смѣлымъ ударомъ и овладѣть Севастополемъ. Уже подъ Альмой *Сентъ-Арно* боролся съ смертельнымъ недугомъ, однако еще лично командовалъ въ битвѣ, будучи поддерживаемъ на конѣ двумя кавалеристами; 14-го сентября, маршалъ сдалъ начальство надъ войсками генералу *Канроберу* и 17-го сентября скончался. Съ этихъ поръ союзники стали подвигаться впередъ все съ большею медленностію и осторожностью, и потому приготовленія къ приступу должны были измѣниться въ правильную осаду. Ночью съ 27-го на 28-е сентября, союзники открыли осадныя работы, заложивъ первую параллель. Подполковникъ *Тотлебенъ* поздравилъ войска съ успѣхомъ, глядя на узенькую полоску вновь взрытой земли, служившей доказательствомъ, что труды гарнизона достигли желаемой цѣли; теперь было ясно, что непріятель отказался отъ приступа и намѣренъ строить батареи для ослабленія огня нашей артиллеріи.

Подобный блистательный результатъ достигнутъ былъ,

независимо отъ необыкновеннаго рвенія и неусыпной дѣятельности всѣхъ чиновъ гарнизона, еще благодаря содѣйствію оказанному моряками при вооруженіи оборонительной линіи; одушевляемые достойнѣйшими своими начальниками, они исполнены были не только истинно-геройскимъ духомъ, но имѣли также большой навыкъ въ передвиженіи и установкѣ орудій, въ слѣдствіе частыхъ работъ по вооруженіи судовъ, выказывая при этомъ повсюду замѣчательную неутомимость, ловкость и расторопность.

Бомбардированіе, открытое атакующимъ 5-го октября, обнаружило всю силу, отличавшую уже въ это время севастопольскія укрѣпленія и заключавшуюся въ многочисленности и выгодномъ направленіи артиллеріи. Въ этотъ день французскія батареи были сбиты и принуждены замолчать, и войска осаднаго корпуса, стоявшія подъ ружьемъ въ ожиданіи приступа, не были двинуты на Севастополь; штурмъ позиціи былъ снова отстроченъ и этотъ разъ на неопредѣленное время, въ зависимости отъ хода, который приметъ дальнѣйшая постепенная атака.

Съ открытіемъ артиллерійскаго огня выяснилась относительная сила нашего вооруженія на разныхъ пунктахъ оборонительной линіи сравнительно съ дѣйствовавшими противъ нихъ осадными батареями. Въ слѣдствіе этого подполковникъ *Тотлебенъ* принялъ тотчасъ мѣры для усиленія артиллеріи тамъ, гдѣ она оказалась недостаточно сильною и вмѣстѣ съ тѣмъ уже не выжидалъ открытія огня со вновь возводимыхъ осадныхъ батарей, но старался, заблаговременнымъ устройствомъ новыхъ батарей, предупреждать дальнѣйшія попытки непріятеля сбить артиллерію обороняющагося.

Независимо отъ распоряженій по устройству всѣхъ укрѣпленій Севастополя и направленія артиллерійскаго огня, подполковникъ *Тотлебенъ* принималъ постоянно непосредственное участіе въ размѣщеніи войскъ на оборонительной линіи, разстановкѣ аванпостовъ для охраненія впереди лежащей мѣстности, равно какъ въ указаніи мѣста для резервовъ и мѣръ къ отбитію непріятельскаго штурма.

Наконецъ здѣсь нельзя умолчать о подвигѣ, совершенномъ полковникомъ *Тотлебеномъ* ([1]), въ день инкерманской битвы, въ которой ему представился случай оказать арміи и въ открытомъ полѣ незабвенную услугу. При отступленіи нашихъ войскъ послѣ неудачнаго исхода сраженія 24-го октября, артиллерія, утомленная продолжительнымъ боемъ и обезсиленная убылью людей, медленно двигалась по саперной дорогѣ въ Севастополь, между тѣмъ какъ пѣхота отошла уже вдоль берега бухты къ городу. Въ это время непріятельскими выстрѣлами подбито было нѣсколько повозокъ, которыя загородили дорогу, вслѣдствіе чего артиллерія наша остановилась, страшно растянувшись при своемъ слѣдованіи. Пользуясь этимъ, непріятельскіе стрѣлки прикрываясь кустарникомъ, так близко подступали къ нашимъ орудіямъ, что ежеминутно готовы были ихъ захватить. Замѣтивъ опасность, угрожавшую нашей артиллеріи, полковникъ *Тотлебенъ* взялъ находившуюся невдалекѣ роту Углицкаго полка, разсыпалъ ее въ цѣпь и, остановивъ шедшій въ хвостѣ колоны Бутырскій полкъ, ввелъ его въ дѣло. Вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы ободрить войска и остановить непріятеля, полковникъ *Тотлебенъ* выдвинулъ на позицію попавшіяся подъ руку четыре орудія, которыя открыли огонь, будучи вскорѣ поддержаны нѣсколькими другими. Непріятель пріостановилъ свой натискъ и ограничился одной перестрѣлкой. Этимъ временемъ воспользовались саперы и матросы, присланные по требованію *Тотлебена* съ Малахова кургана, чтобы на рукахъ поднять орудія, и къ 8½ часамъ вечера вся артиллерія наша прошла оборонительную линію. Такимъ образомъ, единственно благодаря находчивости и распорядительности полковника *Тотлебена*, побѣда непріятеля не увѣнчалась позорнымъ для насъ захватомъ отступавшей полевой артиллеріи.

Въ настоящемъ краткомъ біографическомъ очеркѣ

([1]) Къ этому времени подполковникъ *Тотлебенъ* получилъ за отличіе, оказанное имъ при осадѣ крѣпости Силистріи, и участіе въ Дунайской кампаніи знакъ св. Георгія 4-й степени и чинъ полковника.

не мѣсто входить въ подробности всего хода достопамятной севастопольской осады и перечислять заслуги, оказанныя дѣлу обороны инженеромъ, имя котораго пріобрѣло всемірную извѣстность и стало для каждаго русскаго неразрывно связаннымъ съ воспоминаніемъ объ этой славной страницѣ нашихъ боевыхъ лѣтописей. «Скажемъ только, что одиннадцать мѣсяцевъ длился этотъ небывалый опытъ надъ укрѣпленіями, которыя, въ виду и подъ выстрѣлами непріятеля, размножались или съ цѣлью противопоставить новыя преграды и тѣмъ вызвать атакующаго къ новымъ усиліямъ, или съ намѣреніемъ изъ оборонительнаго положенія перейти въ наступательное, и тѣмъ вынудить непріятеля на новый и совершенно неожиданный для него бой.... И все это производилось съ тою непостижимою быстротой, съ тѣмъ необыкновеннымъ искуствомъ, которыя и до сихъ поръ возбуждаютъ удивленіе въ иностранныхъ писателяхъ».

«Но могла ли бы севастопольская оборона стяжать себѣ такую неувядаемую славу, если бы гарнизонъ не былъ проникнутъ тѣмъ высоконравственнымъ элементомъ, при которомъ исчезаетъ всякое мелочное самолюбіе, при которомъ старшій, въ виду общей пользы, охотно подчиняется младшему, при которомъ всѣ защитники, отъ военачальника до послѣдняго солдата, составляютъ единую семью, единое органическое тѣло, воодушевленное сознаніемъ долга и чести.... и если бы среди этой семьи героевъ не явилось лица, которое, съ полнымъ знаніемъ инженернаго дѣла, соединяло въ себѣ и плодотворную дѣятельность и необычайное самоотверженіе, которое съумѣло согласить всѣ недоразумѣнія, пріобрѣсть всеобщую довѣренность, и, съ энергіею, стройно направить всѣ разнообразныя дѣйствія обороны къ одной общей цѣли?.. Нужно ли это лицо называть по имени?... Оно и безъ того всѣмъ извѣстно!» (¹)

Въ заключеніе необходимо упомянуть еще въ нѣсколькихъ словахъ о подземной войнѣ, прославившей севасто-

(¹) „Краткое обозрѣніе военно-инженернаго искуства въ Россіи за 50 лѣтъ (съ 1819 по 1869 годъ)“. Генералъ-маіора И. В. Болдырева.

польскую оборону не менѣе нашихъ надземныхъ дѣйствій. Утомленный упорствомъ обороны, непріятель обратился къ подземной атакѣ, надѣясь разомъ покончить осаду и безнаказанно взорвать 4-й бастіонъ, на который онъ съ открытія осады обратилъ свои главныя усилія. Но атакующій и подъ землею потерпѣлъ рѣшительное пораженіе; полковникъ *Тотлебенъ* встрѣтилъ осаждающаго, совершенно неожиданно, искусно подготовленною сѣтью минныхъ галерей, и вынудилъ его вступить съ нимъ въ подземный бой, въ продолженіе котораго онъ постоянно предугадывалъ съ поразительною проницательностью намѣренія непріятеля и привелъ всѣ его попытки оттѣснить нашего минера къ полной неудачѣ. Результатъ этой безпримѣрной въ военныхъ лѣтописяхъ подземной борьбы былъ вкратцѣ слѣдующій: 22 января 1855 года французы приблизились съ замѣчательною безпечностью одною изъ своихъ галерей на 19 саженъ разстоянія отъ контръ-эскарпа исходящаго угла 4-го бастіона и въ этотъ же день дозволили намъ безнаказанно подорвать оконечность этой галереи и занять ее на протяженіи 13 саженъ. Затѣмъ до послѣдняго штурма 27 августа, въ теченіе семи мѣсяцевъ, атакующему, не смотря на множество взрывовъ, не удалось болѣе вновь занять ту точку, на которой онъ уже находился 22 января.

Этотъ поразительный успѣхъ, достигнутый нашимъ знаменитымъ инженеромъ въ подземной войнѣ, не нуждается въ коментаріяхъ; онъ говоритъ самъ за себя, и свидѣтельствуетъ о той высокой степени совершенства, на которую поставлено было въ Россіи инженерное искусство въ царствованіе Императора Николая.

Видимо хранимый провидѣніемъ и выходя постоянно невредимымъ изъ подъ самаго жестокаго огня, генералъ *Тотлебенъ* подвергся наконецъ участи, лишившей Севастополь уже многихъ его доблестныхъ защитниковъ ([1]) Еще во

([1]) Послѣ бомбардированія 5-го октября полковникъ *Тотлебенъ* назначенъ былъ флигель-адъютантомъ къ Его Императорскому Величеству. 10-го апрѣля 1855 года полковникъ *Тотлебенъ* произведенъ въ генералъ-маіоры, съ

время неудачнаго приступа союзников 6-го іюня. генералъ Тотлебенъ былъ легко раненъ пулею въ лице, наблюдая съ бруствера Малахова кургана за ходомъ дѣла; но черезъ день, 8-го іюня, спускаясь съ Малахова кургана къ батареѣ Жерве, онъ былъ раненъ штуцерною пулей въ правую ногу на вылетъ; Тотлебена тотчасъ на носилкахъ перенесли въ его квартиру, находившуюся на Екатерининской улицѣ, напротивъ церкви Михаила Архангела и адмиралтейства (1). Здѣсь рана была осмотрѣна докторомъ *Гюббенетомъ* и, повидимому, позволяла разсчитывать на скорое выздоровленіе генерала: къ сожалѣнію, надежды эти не оправдались, и вскорѣ рана сдѣлалась для больнаго крайне мучительной и стала принимать сомнительный оборотъ, отъ наступившаго воспаленія жилистой оболочки.

Не смотря на болѣзненное состояніе, генералъ *Тотлебенъ* не могъ оторваться отъ своихъ обычныхъ занятій и сохранилъ за собою главное руководство оборонительными работами. Перенося съ замѣчательнымъ терпѣніемъ страданія причиняемыя раною, онъ не упускалъ благопріятной минуты, чтобы заняться выслушиваніемъ донесеній, получаемыхъ съ разныхъ мѣстъ оборонительной линіи, и составленіемъ необходимыхъ инструкцій.

Въ это время непріятель все болѣе и болѣе приближался своими батареями къ городу и сталъ громить его безпощаднымъ образомъ; почти нельзя было найти тогда мѣста въ Севастополѣ, которое не было бы подвержено выстрѣламъ. 9-го іюля бомба упала на дворъ дома генерала и пробила стѣну; это обстоятельство вынудило серьезно

назначеніемъ въ Свиту Его Величества. Послѣ штурма 6-го іюня, генералъ *Тотлебенъ* награжденъ орденомъ св. Георгія 3-й степени. Кромѣ того, за чрезвычайныя воинскія заслуги при оборонѣ Севастополя, Высочайше повелѣно 25-го апрѣля начертать имя и фамилію генерала *Тотлебена* на особой мраморной доскѣ въ Николаевскомъ Инженерномъ Училищѣ.

(1) Развалины этого дома подарены были генералу *Тотлебену* въ 1867 году Государемъ Императоромъ. Въ настоящее время, на этомъ мѣстѣ, Эдуардъ Ивановичъ построилъ великолѣпный домъ, часть котораго отдалъ для помѣщенія Севастопольскаго Музея.

позаботиться о прінсканіи раненому помѣщенія, менѣе подверженнаго непріятельскому огню. Генералъ *Тотлебенъ* отнюдь не хотѣлъ переселиться на сѣверную сторону и разстаться черезъ это совершенно съ своими боевыми товарищами, а потому его перенесли въ Николаевскую казематированную батарею. Здѣсь состояніе здоровья Эдуарда Ивановича окончательно ухудшилось и угрожало сдѣлаться безнадежнымъ; профессоръ *Гюббенетъ* вынужденъ былъ наконецъ настоятельно потребовать согласія больнаго на перенесеніе его на сѣверную сторону, дабы продолжать леченіе при болѣе благопріятныхъ гигіеническихъ условіяхъ, которыя одни могли спасти ему жизнь. Когда генерала перенесли въ долину Бельбека, на хуторъ помѣщика Сарандинаки, онъ находился почти въ безчувственномъ состояніи; но чистый воздухъ и спокойствіе, столь необходимые ему послѣ безпрерывныхъ боевыхъ тревогъ и напряженнаго состоянія ума, продолжавшагося десять мѣсяцевъ, имѣли самое благодѣтельное вліяніе на успѣшное леченіе раны. Послѣ продолжительныхъ тяжкихъ страданій, *Тотлебенъ* сталъ медленно поправляться и вскорѣ ему снова представилась возможность начать обычныя занятія и по прежнему внимательно слѣдить за ходомъ севастопольской обороны. Во второй половинѣ августа мѣсяца, генералъ *Тотлебенъ* пожелалъ ближе находиться къ мѣсту дѣйствій и переѣхалъ въ одну изъ казармъ Сѣвернаго укрѣпленія. 27-го августа, въ день послѣдняго приступа союзниковъ, его вынесли на валъ этого форта, откуда можно было слѣдить за непріятельской атакой, и здѣсь доблестный защитникъ Севастополя имѣлъ огорченіе видѣть, какъ французское знамя водружено было на Малаховомъ курганѣ. Съ занятіемъ этого пункта непріятелемъ, дальнѣйшее удержаніе южной стороны Севастополя становилось невозможнымъ, и войска наши, послѣ геройскаго сопротивленія продолжавшагося 349 дней, безпрепятственно отошли по мосту черезъ большую бухту, подъ защиту сильныхъ батарей сѣверной стороны, взорвавъ при отступленіи батареи и бастіоны и предавъ городъ пламени.

Послѣ паденія Севастополя, генералъ *Тотлебенъ* былъ

вызванъ 11-го сентября повелѣніемъ Его Величества въ Николаевъ и 14-го сентября назначенъ генералъ-адъютантомъ къ Государю Императору. На всемъ прибрежномъ пространствѣ Чернаго моря, самымъ важнымъ стратегическимъ пунктомъ, послѣ Севастополя, былъ городъ Николаевъ, какъ военный портъ, заключавшій въ себѣ адмиралтейство, верфь и до 40,000 жителей: кромѣ того, здѣсь имѣлись переправы черезъ рѣку Бугъ. Съ занятіемъ союзниками Севастополя, важность Николаева возрасла еще болѣе и настало время обезпечить этотъ пунктъ серьезными укрѣпленіями. Генералу *Тотлебену* поручено было привести Николаевъ въ оборонительное положеніе: составленный имъ проектъ удостоился Высочайшаго утвержденія и къ осуществленію его было тотчасъ же приступлено со всевозможною дѣятельностью. Береговыя батареи уже въ началѣ ноября были вооружены сильною артиллеріею, а доступы къ нимъ со стороны были защищены подводными минами. Въ слѣдъ за этимъ было приступлено къ вооруженію сухопутныхъ укрѣпленій.

По Высочайшему повелѣнію, послѣдовавшему 5-го ноября, генералъ *Тотлебенъ* возвратился въ Петербургъ, для завѣдыванія работами по усиленію укрѣпленій Кронштадта.

Послѣ достославной обороны Севастополя, имя генерала *Тотлебена* сдѣлалось предметомъ національной гордости Россіи, и повсюду доблестный инженеръ находилъ со стороны общества и своихъ сослуживцевъ самый восторженный и радушный пріемъ; всѣ наперерывъ старались выразить защитнику Севастополя дань справедливой признательности и удивленія за совершенный подвигъ. Одной изъ самыхъ торжественныхъ встрѣчъ генералъ *Тотлебенъ* удостоился 20-го ноября, со стороны чиновъ Инженернаго корпуса, собравшихся на обѣдѣ, данномъ въ залахъ Николаевскаго инженернаго училища привѣтствовать дорогаго сослуживца; здѣсь генералу объявлено было рѣшеніе конференціи училища, признавшей его достойнымъ получить михайловскую премію.

Миръ, заключенный въ мартѣ 1856 года, дозволилъ

наконецъ генералу *Тотлебену* подумать о поправленіи своего разстроеннаго усиленными трудами здоровья и окончательномъ излеченіи раны, не перестававшей еще причинять ему сильныя страданія. Осенью, того же года Эдуардъ Ивановичъ отправился въ заграничный отпускъ и возвратился въ Петербургъ только по прошествіи двухъ лѣтъ; этимъ временемъ онъ воспользовался для подробнаго изученія крѣпостей Германіи и Франціи, равно какъ и управленія въ этихъ государствахъ инженерной части. По возвращеніи изъ за границы, генералъ *Тотлебенъ* назначенъ былъ, въ 1859 году, директоромъ инженернаго департамента военнаго министерства, а четыре года спустя товарищемъ Его Императорскаго Высочества Генералъ-Инспектора по инженерной части. Такимъ образомъ, управленіе оборонительными преградами Имперіи сосредоточилось въ рукахъ опытнаго инженера, прошедшаго блестящее боевое поприще и заслужившаго даже отъ враговъ названіе *русскаго Вобана* (1).

Н. Шильдеръ.

12-го апрѣля,
1872 г.

---

(1) **Библіографическія указанія нѣкоторыхъ статей, могущихъ служить матеріалами для біографіи генерала Тотлебена.**

1, Біографическій очеркъ въ „Рижскомъ Альманахѣ“ за 1858 годъ, подъ заглавіемъ: „*Franz Eduard von Totleben, Russisch kaiserlicher General-Adjutant*“. Съ приложеніемъ гравированнаго портрета Эдуарда Ивановича. Статья эта составлена по матеріаламъ, доставленнымъ редакціи докторомъ Гюббенетомъ.

2) „*Le Lieutenant général F. E. de Totleben*“, въ „Энциклопедическомъ Сборникѣ“: „Les hommes de guerre existants ou morts dans le siècle en cours de publication à Genève“. Статья эта представляетъ почти буквальный переводъ очерка, помѣщеннаго въ „Рижскомъ Альманахѣ“.

3) „*M. Le général Totleben*“ (notice biographique) во французской „Всемірной Иллюстраціи“ 1858 г.

4) „*Осада укрѣпленнаго селенія Гергебиль въ Дагестанѣ въ 1848 г.*“ и „*Осада и бомбардированіе укрѣпленія Чохъ въ Дагестанѣ въ 1849 г.*“ напечатанныя съ оригинальной рукописи капитана (нынѣ генералъ-адъютанта) *Тотлебена* и помѣщеннаго въ „Сборникѣ описаній осадъ и оборонъ крѣпостей и укрѣпленій“, изданнаго при Николаевской Инженерной Академіи и училищѣ. С. П.-Б. 1869 г. Эти двѣ статьи напечатаны были еще ранѣе, въ совершенно искаженномъ видѣ, въ «Инженерномъ Журналѣ» 1857 г. №№ 3 и 4.

Нѣкоторыя біографическія данныя и замѣтки о прежней служебной дѣятельности генералъ-адъютанта Тотлебена.

Не прошло шестнадцати мѣсяцевъ со времени окончанія послѣдней (крымской) войны, не исполнилось и двухъ лѣтъ съ того дня, какъ доблестные защитники Севастополя, совершивъ все, что было во власти человѣка для сопротивленія преобладающей силѣ, уступили многочисленному непріятелю разрушенный городъ, покрывъ себя неувядаемою славою,—и уже это громкое событіе перешло въ воспоминаніе. Правда, воспоминаніе еще очень свѣжо, но все таки событіе, къ которому оно относится, какъ и всякое другое явленіе прошедшаго, принадлежащаго уже исторіи, смѣняется въ нашей жизни, сотканной всегда изъ непрерывнаго ряда мелочей, другими впечатлѣніями, частными интересами. Многія личности, которыя играли важную роль, если можно такъ выразиться, въ севастопольской драмѣ, и подвиги которыхъ возбуждали наше удивленіе, извѣстны намъ, то есть большинству нашихъ соотечественниковъ, только по отдѣльнымъ, можно сказать, случайнымъ проявленіямъ, которыя не всегда выставляли своихъ героевъ съ главной характеристической ихъ стороны. Отъ того понятіе большинства о разныхъ дѣя-

5) „*Пребываніе генералъ-адъютанта Е. И. Тотлебена на Бельбекѣ* (въ Крыму), *во время леченія отъ раны, полученной имъ при оборонѣ Севастополя*". „Русскій Художественный Листокъ" № 9, 1857 г. Извлеченіе изъ этой статьи помѣщено было въ „Русскомъ Инвалидѣ" 1857 г. № 66.

6) Статья о „*Русскихъ саперахъ*". „Русскій Инвалидъ" 1855 г.

7) „*Праздникъ въ честь генералъ-адъютанта Тотлебена*". „Русскій Инвалидъ" 1856 г., № 1. Перепечатано въ „*Инженерныхъ Запискахъ*" за 1856 г.

8) „*Генералъ-адъютантъ Тотлебенъ*". Статья полковника Черневскаго „Живописная Русская Библіотека" т. 1. № 12, 1856 г. Въ этой статьѣ упоминается главнымъ образомъ объ обѣдѣ, данномъ въ честь генерала *Тотлебена*, 20-го ноября 1855 года, въ Николаевскомъ Инженерномъ Училищѣ.

9) „*Генералъ Тотлебенъ*". „Воскресный Досугъ" 1864 года № 95. Здѣсь упоминается о путешествіи, предпринятомъ генераломъ въ 1864 году въ Бельгію и Англію.

теляхъ въ оборонѣ Севастополя не полно, отрывочно и неудовлетворительно. Тѣмъ требовательнѣе должны мы быть къ изображенію этихъ личностей, чтобъ составить себѣ о нихъ понятіе подробнѣе и послѣдовательнѣе, потому что наше вниманіе и сочувствіе къ нимъ нисколько не уменьшились, хотя и не преобладаютъ и не поглощаютъ нашего вниманія въ такой степени, какъ это было во время самой войны, когда всякое малѣйшее извѣстіе съ мѣста военныхъ дѣйствій ожидалось съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ. Кому же, какъ не журналамъ, заботиться теперь объ удовлетвореніи этой потребности читающей публики, составлять точнѣе и подробнѣе понятіе о лицахъ, оказавшихъ заслуги и получившихъ общую извѣстность въ послѣднюю войну?

Въ разныхъ изданіяхъ было много писано, или, лучше сказать, упоминаемо о *Тотлебенѣ*, одномъ изъ главныхъ героевъ Севастополя, а между тѣмъ ни въ одномъ изъ журналовъ не позаботились сообщить его прежней служебной дѣятельности. Принимая на себя эту пріятную обязанность, мы съ тѣмъ вмѣстѣ предлагаемъ нашимъ читателямъ нѣкоторыя біографическія данныя о его дѣтствѣ и воспитаніи, имѣя въ виду, между прочимъ, показать, какъ оправдывается общепринятое замѣчаніе, что истинный талантъ сверхъ дара, полученнаго имъ отъ Бога, развивается и крѣпнетъ на пользу общую при помощи хорошо направленнаго воспитанія, и, главное, непрерывнымъ трудомъ и неослабнымъ изученіемъ предмета, къ которому имѣетъ призваніе.

Эдуардъ Ивановичъ *Тотлебенъ* родился, 16-го мая 1818 года, въ Ригѣ. Отецъ его, занимавшійся заграничною торговлею, которая дала ему возможность составить себѣ небольшое состояніе, по рожденіи своихъ сыновей, посвятилъ себя исключительно ихъ воспитанію. Въ этомъ дѣлѣ онъ отличался большимъ тактомъ и умомъ: рано угадывалъ въ своихъ сыновьяхъ ихъ природныя наклонности, и, высоко цѣня образованіе, систематически направленное къ извѣстной цѣли, всѣми средствами старался о поддержаніи и правильномъ развитіи этихъ наклонностей, кото-

рыя онъ справедливо считалъ залогомъ будущаго счастья своихъ дѣтей. Наклонность третьяго сына, Эдуарда, къ военному поприщу обнаружилась очень рано. Еще въ юномъ возрастѣ, девяти или десяти лѣтъ отъ роду, маленькій Эдуардъ не только любилъ военныя забавы, что свойственно почти всѣмъ дѣтямъ, но показывалъ также особенную способность подмѣчать и перенимать многое такое, даже изъ военнаго искуства, что вообще мало доступно дѣтскимъ понятіямъ. Эта способность была тѣмъ болѣе замѣчательна въ ребенкѣ его возраста. Живя постоянно въ Ригѣ и видя часто укрѣпленія города, юный *Тотлебенъ* пристрастился къ инженернымъ постройкамъ: самъ дѣлалъ изъ земли миніатюрныя укрѣпленія, со всѣми принадлежностями, рвами, подъемными мостами, и проч., довольно вѣрно подражая главнымъ правиламъ построекъ этого рода. До сихъ поръ, говорятъ, сохранились, гдѣ-то около Риги, остатки небольшаго форта, построеннаго имъ въ дѣтствѣ.

Во время своего пребыванія въ школѣ, для первоначальнаго образованія, Эдуардъ *Тотлебенъ* часто затѣвалъ военныя игры, всегда устраиваемыя по опредѣленному придуманному имъ плану, къ которому пріучалъ своихъ товарищей, и смотрѣлъ на эти игры, какъ на дѣло серьезное. Онъ построилъ своими руками, почти безъ посторонней помощи, по всѣмъ правиламъ инженернаго искусства, редутъ, съ брустверомъ, рвами, гласисомъ и проч., раздѣлялъ своихъ товарищей на двѣ партіи, и производилъ осаду и оборону этого редута. Предводительствуя атакующими, онъ отбивалъ редутъ у болѣе многочисленной партіи защитниковъ, часто обнаруживая при этомъ замѣчательную, для дѣтскаго соображенія, стратегическую распорядительность и военную хитрость.

Когда отецъ Эдуарда Ивановича убѣдился окончательно въ его наклонности къ военной службѣ, то предположилъ готовить его къ ней, и, сообразно съ этимъ, расположилъ его уроки, обративъ особенное вниманіе на математику, которой училъ мальчика инженерный офицеръ Клотъ. *Тотлебенъ*, по собственному выбору, сталъ приготовляться къ

поступленію въ инженерное училище. Принятый туда, онъ очень успѣшно занимался науками, и умѣлъ заслужить любовь и уваженіе товарищей. Страданіе въ груди заставило опасаться за совершенное разстройство его здоровья, а потому онъ отправленъ былъ, вскорѣ по производствѣ въ офицеры, на дѣйствительную службу въ Ригу, гдѣ въ короткое время здоровье его позволило ему снова проситься въ офицерскіе классы училища. Пробывъ тамъ годъ и получивъ чинъ подпоручика, онъ снова принужденъ былъ оставить инженерное училище, по причинѣ той же болѣзни, до окончанія курса въ верхнемъ офицерскомъ классѣ. Первая его служебная должность была въ Ригѣ, въ званіи дежурнаго офицера, а чрезъ годъ онъ перешелъ въ саперы въ Динабургъ (въ мѣстечкѣ Илюкстъ). Тамъ онъ въ первый разъ практически занялся миннымъ искусствомъ, и одно изъ дѣйствій его, показывающее, что онъ и тогда уже хорошо зналъ свое дѣло, состояло въ томъ, что онъ прошелъ минными работами восемьдесятъ саженъ въ сутки, по способу голладскихъ рамъ (при хорошемъ грунтѣ). Изъ Динабурга *Тотлебенъ* переведенъ былъ въ учебный саперный батальонъ, въ Царское Село. Въ первое же лѣто, по своемъ прибытіи туда, онъ участвовалъ въ практическихъ работахъ, и получилъ порученіе отъ генерала *Шильдера* заниматься трубною минною системою. Это показываетъ, что молодой поручикъ обратилъ уже въ то время на себя вниманіе, и заслужилъ довѣріе опытнаго инженернаго генерала. По тому же дѣлу, то есть по изслѣдованію трубной системы, *Тотлебенъ* посланъ былъ съ особымъ порученіемъ въ Кіевъ, гдѣ и былъ однимъ изъ главныхъ участниковъ въ примѣрной подземной войнѣ, предпринятой для примѣненія изучаемой имъ системы, и въ которой завѣдывалъ оборонительными работами противъ полковника *Нитца*, бывшаго распорядителемъ работъ атакующей стороны. Слѣдствіемъ этихъ опытовъ было заключеніе, что трубная система очень хорошо примѣнима только въ грунтѣ извѣстнаго рода. Изъ Кіева *Тотлебенъ* возвратился въ Петербургъ уже въ чинѣ штабсъ-капитана. Въ послѣдствіи, онъ вновь получилъ особое порученіе отправиться на Кав-

казъ, для примѣненія тамъ трубной системы противъ горцевъ, однакожь, по причинѣ каменистаго грунта, она оказалась тамъ неудобною.

Находясь на Кавказѣ, *Тотлебенъ* участвовалъ при осадѣ Гергебиля, гдѣ. съ инженеръ-капитаномъ фонъ-*Кауфманомъ*, велъ сапныя работы, участвовалъ также при освобожденіи Ахты отъ набѣга горцевъ, причемъ исполнялъ обязанность офицера генеральнаго штаба, и, между прочимъ перевелъ войска чрезъ р. Самуръ въ бродъ, по порученію генералъ-адъютанта князя *Аргутинскаго*. При осадѣ горской крѣпости Чохъ, *Тотлебенъ* былъ помощникомъ капитана фонъ-*Кауфмана*, исправлявшаго должность начальника инженеровъ въ осадномъ отрядѣ, а по полученіи послѣднимъ раны, самъ завѣдывалъ осадными работами, получая только словесныя приказанія отъ *Кауфмана*. Съ Кавказа *Тотлебенъ* возвратился. въ 1850 г., въ чинѣ капитана, получивъ золотую саблю за храбрость и орденъ св. Владиміра четвертой степени въ бантомъ. Надо замѣтить, что, исполняя свои служебныя обязанности съ примѣрнымъ рвеніемъ, *Тотлебенъ* никогда не оставлялъ теоретическихъ занятій, и всегда занимался своимъ дѣломъ серьезно и съ любовью. По возвращеніи *Тотлебена* съ Кавказа, его потребовалъ къ себѣ въ адъютанты генералъ-адъютантъ *Шильдеръ*, который тогда находился въ Варшавѣ и былъ начальникомъ инженеровъ дѣйствующей арміи. Оттуда *Тотлебенъ* перешелъ въ гвардейскіе инженеры, въ 1852 году, и въ это время женился. Въ 1853 году онъ отправился въ Валахію, получивъ, за два дня до отъѣзда, чинъ подполковника. Это было въ то время, когда наши войска начали наступательныя дѣйствія противъ турокъ, и приближались къ Дунаю. *Тотлебенъ* былъ однимъ изъ главныхъ участниковъ въ осадѣ Силистріи. Находясь подъ начальствомъ главнаго распорядителя осадныхъ работъ, генералъ-адъютанта *Шильдера*, онъ производилъ работы на лѣвомъ флангѣ, между тѣмъ какъ правымъ флангомъ завѣдывалъ, по указаніямъ *Шильдера*, капитанъ (нынѣ подполковникъ) *Хлѣбниковъ*. При этой осадѣ *Тотлебенъ* взорвалъ укрѣпленіе, одну

изъ главныхъ опоръ и твердынь Силистріи, и, сдѣлавъ брешь въ крѣпостныхъ веркахъ, подготовилъ крѣпость къ штурму, который уже и былъ назначенъ. Въ ту самую ночь, когда предполагалось привести его въ дѣйствіе, войска наши получили приказаніе оставить осаду въ Силистріи и начать обратный путь изъ княжествъ. Это было лѣтомъ 1854 года. Непосредственно затѣмъ, *Тотлебенъ*, по выбору князя *Горчакова*, былъ посланъ въ Севастополь, гдѣ стяжалъ своимъ талантомъ и знаніемъ заслуженную имъ громкую извѣстность. Царскія милости, которыя слѣдовали одна за другою, опережая самую извѣстность *Тотлебена*, были достойными наградами ему за его заслуги и неутомимую дѣятельность. Чинъ полковника, полученный имъ вскорѣ по прибытіи въ Севастополь, званіе флигель адъютанта, чинъ генералъ-маіора, достоинство генералъ - адъютанта и знакъ св. Георгія третьей степени, —всѣ эти степени возвышенія пройдены имъ были въ самое короткое время.

Пребываніе генералъ-адъютанта Э. И. Тотлебена на Бельбекѣ (въ Крыму), во время леченія отъ раны, полученной имъ при оборонѣ Севастополя.

Съ именемъ *Тотлебена* невольно соединяется воспоминаніе о геройской защитѣ Севастополя. И въ самомъ дѣлѣ, это имя, съ именами другихъ главныхъ дѣятелей, *Пахимова*, *Корнилова*, *Хрулева*, князя *Васильчикова*, *Истомина* и прочихъ, такъ тѣсно связано съ обстоятельствами осады Севастополя, что сдѣлалось въ нашемъ представленіи нераздѣльнымъ съ ними.

Если *Нахимовъ* и *Корниловъ* стяжали столь всеобщую въ народѣ русскомъ славу за нравственное вліяніе, которымъ они кстати и во-время умѣли вдохнуть въ севастопольскій гарнизонъ бодрость, увѣренность въ свои силы и энергическую дѣятельность.... въ самую критическую минуту для Севастополя, — то въ такой же мѣрѣ вполнѣ заслужилъ свою славу и *Тотлебенъ*, поддержавшій и про-

длившій это геройское настроеніе духа на первое тоже критическое время, когда бодрости гарнизона необходимо было опереться на дѣйствительныя событія. Этими первыми ободряющими событіями были вѣрно задуманныя распоряженія *Тотлебена*: удачное расположеніе батарей, успѣшное сооруженіе укрѣпленій на важныхъ пунктахъ. разрушеніе нѣкоторыхъ начатыхъ работъ непріятеля, наконецъ неимовѣрно быстрое исправленіе поврежденій, причиняемыхъ бомбардировкою.

Все это имѣло то огромное значеніе, что на первыхъ же порахъ внушило гарнизону сознаніе въ возможности сопротивленія. И тогда севастополецъ, наблюдая съ бруствера, какъ ложатся ядра, пущенныя съ его выгодно расположенной батареи, и разрушаютъ начатую работу осаждающихъ, могъ сознательно сказать. обращаясь къ непріятелю: «Стой братъ, не горячись, мы еще помѣряемся съ тобою». Съ той поры Севастополь уже неуклонно боролся въ продолженіе десяти мѣсяцевъ.

Искусное развитіе обороны Севастополя, разрушеніе подземныхъ работъ осаждающаго и проч. довершили славу *Тотлебена*, какъ геніяльнаго инженера.

Громкая извѣстность, которую пользуется нынѣ генералъ *Тотлебенъ*, тѣмъ болѣе составляетъ его славу, что ему, какъ инженеру, труднѣе было пріобрѣсти ее, нежели всякому строевому начальнику. Подвигъ строеваго начальника, обнаружившій въ немъ необыкновенное мужество и отличную распорядительность, всегда будетъ понятъ всѣми и оцѣненъ по заслугамъ. но далеко не всѣмъ можетъ быть понятенъ равносильный подвигъ инженера, состоящій въ талантливомъ примѣненіи науки. Чтобы оцѣнить его, надобно имѣть понятіе объ инженерномъ искусствѣ, быть знакому съ техническими, относящимися до него, терминами. Замѣчательное присутствіе духа строеваго офицера всегда оцѣнится, между тѣмъ какъ неустрашимость и присутствіе духа часто остаются незамѣченными большинствомъ въ инженерномъ офицерѣ. который, безпрерывно находясь въ величайшей опасности, долженъ

еще соображать сложныя обстоятельства своего дѣла, требующаго большой точности.

Для того, чтобы инженеру пріобрѣсти общую извѣстность, надобно чтобы подвигъ его выходилъ изъ ряда обыкновенныхъ подвиговъ (что случается нечасто), и былъ бы очевидѣнъ для каждаго.

Таковъ именно былъ подвигъ генерала *Тотлебена* въ Севастополѣ.

Не имѣя намѣренія представлять настоящую оцѣнку заслугамъ сего знаменитаго отнынѣ генерала, или писать его біографію, мы, безъ сомнѣнія, не указали и на сотую долю обстоятельствъ, составляющихъ его заслугу. Но, желая только сообщить нашимъ читателямъ нѣкоторыя подробности, относящіяся до одного эпизода жизни генерала *Тотлебена* въ Севастополѣ, мы не могли удержаться, чтобъ не отдать ему съ своей стороны дани удивленія.

Подробности, о которыхъ мы хотимъ разсказать, относятся къ тому времени, когда генералъ *Тотлебенъ* былъ раненъ, и жилъ, для излеченія, на Бельбекѣ.

Инженеръ, во время осады или защиты крѣпости, по самому роду своихъ обязанностей, должень находиться въ безпрерывной опасности и, волей или неволей, свыкнуться съ нею; тѣмъ болѣе сжился съ опасностью и достигъ ничѣмъ невозмутимаго хладнокровія и присутствія духа *Тотлебенъ*, потому что инженерное искуство, постоянно изучаемое имъ съ особенною любовію, интересовало его какъ наука, не только какъ обязанность службы, и потому всякій затруднительный случай на мѣстѣ дѣйствій представлялся ему часто, какъ весьма интересная задача науки, требующая особенно тщательнаго разрѣшенія. *Тотлебенъ* обыкновенно выходилъ изъ этого затрудненія побѣдителемъ. Участіе *Тотлебена* въ осадахъ Гергебиля, Чоха (1849) (¹) и Силистріи служатъ подтвержденіемъ сего.

При такомъ направленіи его, понятно, что въ Севастополѣ, представлявшемъ совершенно особенныя новыя обстоятельства для инженернаго искуства, онъ занимался

(¹) На Кавказѣ, въ центрѣ Дагестана.

своимъ дѣломъ съ увлеченіемъ, съ страстью, независимо отъ того патріотическаго и геройскаго увлеченія, которое одушевляло всѣхъ и каждаго въ Севастополѣ.

Разъѣзжая и расхаживая безпрестанно по батареямъ оборонительной линіи, осматривая земляныя работы и входя во всѣ малѣйшія ихъ подробности, отъ которыхъ часто зависитъ успѣхъ всего дѣла, генералъ *Тотлебенъ* былъ неутомимъ, забывалъ часто и сонъ, и ѣду. Онъ и достойные помощники его, полковники *Гидебель* и *Гарднеръ*, капитаны *Мельниковъ*, *Хлѣбниковъ* и другіе, можно сказать, постоянно жили на бастіонахъ. Понятно, что, при такой жизни, нельзя было не свыкнуться съ опасностью, и что опасность часто вовсе не принималась у нихъ и въ соображеніе. Все вниманіе ихъ, особенно *Тотлебена*, какъ главнаго распорядителя, сосредоточивалось на ходѣ работъ, успѣхъ которыхъ составлялъ все его утѣшеніе.

Только неусыпнымъ трудомъ, *Тотлебенъ* достигалъ того, что всѣ подземныя работы непріятеля предугадывались имъ съ поразительною проницательностью и разрушались при самомъ началѣ: каждый значительный взрывъ минъ производимъ былъ *Тотлебеномъ* во-время, ко вреду осаждающихъ. Необыкновеннымъ знаніемъ дѣла и проницательностью *Тотлебенъ* достигъ того, что союзники, потерпѣвъ неудачи во всѣхъ попыткахъ вести подкопы, должны были совсѣмъ оставить систему подземной войны Они никакъ не ожидали встрѣтить съ нашей стороны такого отпора, такого искусства въ инженерномъ дѣлѣ; встрѣтивъ то и другое, были очень удивлены и, едва ли не прежде насъ самихъ, стали писать о *Тотлебенѣ*, какъ о замѣчательномъ, геніальномъ инженерѣ.

Проходя однажды, а именно 8-го іюня 1855 года, для осмотра оборонительныхъ работъ, съ батареи Жерве къ Корнилова бастіону, генералъ *Тотлебенъ*, занятый своими соображеніями и желая сократить путь, не пошелъ по стѣнкѣ, какъ обыкновенно это дѣлалось всѣми, а направился діагональю, прямо чрезъ открытую площадку, на которой пули жужжали какъ рои шмелей и безпрестанно гранаты падали и разрывались. Его предостерегали въ

крайней опасности на этомъ переходѣ, однакожь онъ пошелъ, миновалъ площадку благополучно, осмотрѣлъ на Корниловомъ бастіонѣ что ему было нужно, и отправился обратно тою же дорогою; но, не доходя до половины пути, былъ раненъ, т. е. окрестности Корнилова бастіона были роковыми для севастопольскихъ начальниковъ: тамъ погибли адмиралы *Корниловъ* и *Истоминъ*, а чрезъ нѣсколько дней послѣ *Тотлебена* былъ смертельно раненъ и герой Синопа, рыцарь Севастополя—*Нахимовъ*.

Тотлебена тотчасъ подняли, положили на носилки, и немедленно понесли на его квартиру, находившуюся на Екатерининской улицѣ, насупротивъ церкви и адмиралтейства. Раненаго генерала принялъ и осмотрѣлъ докторъ *Гюбенетъ*, профессоръ кіевскаго университета. Рана была велика и весьма мучительна. Не смотря на то, *Тотлебенъ* не могъ оторваться отъ занятій, наполнявшихъ всю его дѣятельность, и которымъ онъ былъ страстно преданъ. Перенося терпѣливо сильную боль, онъ не пропускалъ минуты спокойствія, когда боль нѣсколько унималась, и предавался всѣми своими способностями соображеніямъ работъ и дѣлалъ распоряженія. Къ нему безпрестанно являлись инженерные офицеры, съ разныхъ частей оборонительной линіи, съ донесеніями о ходѣ работъ, и онъ продолжалъ, по прежнему, давать свои приказанія и наставленія.

Между тѣмъ домъ, въ которомъ онъ жилъ, сталъ подвергаться учащеннымъ выстрѣламъ, такъ что бомбы уже разрывались на дворѣ и причиняли поврежденія въ самомъ домѣ. Не смотря на всѣ увѣщанія доктора, Эдуардъ Ивановичъ *Тотлебенъ* не хотѣлъ переселиться на сѣверную: онъ былъ до того увлеченъ дѣломъ обороны, что ему казалось невозможнымъ отдѣлиться отъ событій, перестать быть непосредственнымъ участникомъ въ нихъ. Съ трудомъ согласился онъ, чтобы его перенесли въ Николаевскую казематированную батарею, защищенную отъ ядеръ массивными каменными сводами. Ему казалось, что это будетъ слишкомъ далеко отъ мѣста дѣйствій, потому что мыслями

своими онъ постоянно присутствовалъ на оборонительныхъ работахъ.

Онъ все таки продолжалъ руководить ходомъ этихъ работъ и, забывая страданія, выслушивалъ ежедневно, съ особеннымъ вниманіемъ, разсказы подчиненныхъ ему инженерныхъ и саперныхъ офицеровъ объ успѣхѣ осадныхъ и оборонительныхъ дѣйствій, и потомъ отдавалъ приказанія, которыя всегда отличались необыкновенною ясностію и опредѣлительностію. Постоянное напряженное состояніе ума и всего организма, отъ чрезмѣрныхъ трудовъ и бодрствованія, и ослабляющее дѣйствіе раны, произвели въ Т*отлебенѣ* чрезвычайную нервную раздражительность, безпрестанно возбуждаемую служебными заботами. Такое расположеніе духа и тѣла вредили состоянію раны, надъ которою нужно было производить нѣсколько разъ операціи. Въ это время г. *Гюбенетъ* настоятельно потребовалъ отъ Эдуарда Ивановича согласія переселиться на Сѣверную, что и было имъ исполнено.

Единственное мѣсто, которымъ можно было воспользоваться для помѣщенія генерала *Тотлебена*, былъ домъ на хуторѣ помѣщика *Сарандинаки*, въ долинѣ *Бельбека*, въ шести верстахъ отъ Севастополя. Туда отправился *Тотлебенъ* въ сопровожденіи молодаго медика, приставленнаго къ нему профессоромъ *Гюбенетомъ*, для ближайшаго надзора за раною. Тамъ. тишина уединеннаго мѣста. сосѣдство большаго сада, чистый воздухъ и вообще восхитительная природа Тавриды, а, главное, спокойствіе и нѣкоторыя удобства матеріяльной жизни, давно уже неиспытанныя и покинутыя героемъ,—все это вмѣстѣ имѣло благодѣтельное вліяніе на его здоровье, и леченіе раны пошло успѣшнѣе. Профессоръ *Гюбенетъ* пріѣзжалъ къ нему изъ Севастополя раза по три въ недѣлю. Здѣсь навѣщали Тотлебена: главнокомандующій князь *Горчаковъ*, начальникъ штаба генералъ *Коцебу*, генералъ *Хрулевъ* и, во время своей болѣзни, князь *Васильчиковъ*. Приходили также и многіе инженеры, когда только позволяла имъ служба, провѣдать своего начальника-любимца.

Находя, что помѣщеніе въ домѣ *Сарандинаки* болѣе

чѣмъ достаточно для него одного. Эдуардъ Ивановичъ пригласилъ раздѣлить съ собою это убѣжище двухъ раненыхъ офицеровъ.

Весь день онъ проводилъ обыкновенно на воздухѣ. Его переносили каждое утро, часовъ въ десять, на балконъ на тѣневой сторонѣ дома, обращенной къ саду и рѣчкѣ Бельбеку. Тамъ онъ занимался дѣлами, писалъ письма, принималъ знакомыхъ и обѣдалъ. Подъ вечеръ, когда солнце склонялось къ западу и бросало свои жаркіе лучи на эту сторону дома, больнаго переносили на переднее крыльце, и вскорѣ потомъ, въ седьмомъ часу, для предохраненія отъ сырости вечерняго воздуха, переносили въ комнату. Нельзя сказать, однако, чтобы погода очень благопріятствовала выздоравливающему: напротивъ, лѣто въ тотъ годъ было въ Крыму особенно холодное и дождливое, такъ что въ началѣ августа въ Бельбекской долинѣ появлялась уже весьма замѣтная сырость по ночамъ и продолжалась часовъ до десяти утра. Сырость эта въ Крыму очень вредна: она почти неминуемо производитъ лихорадку во всякомъ, кто только немного не бережется, а избѣгнуть ея вліянія почти невозможно. Потому все населеніе Бельбекской долины не избѣгло крымской лихорадки, которой подвергся и *Тотлебенъ*. При хорошемъ леченіи, эта болѣзнь не можетъ усилиться и побѣждается врачебнымъ искусствомъ. Потому ни *Тотлебенъ*, ни его сожители далеко не испытали всей ея силы. Но за то между сельскими жителями долины Бельбека, крымскими татарами, она свирѣпствовала съ ожесточеніемъ.

Эдуардъ Ивановичъ, по свойственнымъ его характеру сострадательности и обходительности съ людьми простаго званія, привлекалъ къ себѣ ласковымъ обращеніемъ жившихъ по близости татаръ, съ ихъ семействами, озабочивался ихъ болѣзненнымъ состояніемъ, и поручалъ своему медику пользовать ихъ и давать имъ лекарства. Когда, бывало, онъ подъ вечеръ сидѣлъ на крыльцѣ, подлѣ него всегда собиралась толпа сельскихъ жителей, по большей части татаръ и ихъ дѣтей, которыя его особенно занимали. Любовь къ дѣтямъ, доказывающая мягкость и сердеч-

ность характера, часто бываетъ свойствомъ мужей, обладающихъ нравственною силою и неустрашимостью. Между тѣмъ Эдуардъ Ивановичъ, и при такой спокойной и мирной жизни, не покидалъ своихъ обычныхъ занятій, и мысленно присутствовалъ въ Севастополѣ. Онъ съ прежнимъ вниманіемъ слѣдилъ за ходомъ дѣлъ: читалъ ежедневно донесенія со всѣхъ бастіоновъ и писалъ свои распоряженія. Каждую недѣлю къ нему пріѣзжали для личныхъ объясненій полковники, инженерный *Геннерихъ* и саперный *Гарднеръ*, которымъ было поручено непосредственное завѣдываніе оборонительными работами, и инженерный капитанъ *Тидебель*, получавшій отъ генерала разныя порученія. Но постояннымъ помощникомъ въ занятіяхъ генерала *Тотлебена* былъ инженерный капитанъ (теперь подполковникъ) *Хлѣбниковъ*, который гостилъ на томъ же хуторѣ нѣкоторое время, для поправленія своего здоровья послѣ тифозной горячки. Онъ возвратился тогда изъ Перекопа, гдѣ трудился надъ укрѣпленіемъ тамошней мѣстности. По порученію *Тотлебена*, *Хлѣбниковъ* занимался на хуторѣ выпискою суточныхъ донесеній, получаемыхъ съ оборонительной линіи, и составленіемъ донесеній г. главнокомандующему.

Наступила уже вторая половина августа, и положеніе нашихъ дѣлъ въ Севастополѣ становилось со дня на день опаснѣе. *Тотлебенъ*, принимая постоянно въ нихъ живѣйшее участіе, пожелалъ быть поближе къ городу, и ему приготовили небольшое помѣщеніе въ одной изъ казармъ сѣвернаго укрѣпленія, куда онъ и переѣхалъ 24-го августа, а 27-го, т. е. въ день окончательнаго приступа, почти во все время боя, стоялъ на валу, пристально слѣдя за всѣмъ ходомъ дѣла. Мѣсяца черезъ два послѣ того, генералъ-адъютантъ *Тотлебенъ*, почти совершенно оправившійся отъ раны, прибылъ въ Петербургъ, гдѣ ожидалъ его общій радушный и восторженный пріемъ.

ПРАЗДНИКЪ ИНЖЕНЕРОВЪ, ВЪ ЧЕСТЬ ГЕНЕРАЛЪ-АДЪЮТАНТА ТОТЛЕБЕНА, 20-го НОЯБРЯ 1855 ГОДА.

Въ Инженерномъ замкѣ, въ залахъ, гдѣ помѣщается

кондукторская рота Николаевскаго Инженернаго училища, данъ былъ великолѣпный обѣдъ въ честь генералъ-адъютанта *Тотлебена*. Мысль этого торжественнаго и радушнаго засвидѣтельствованія общей признательности севастопольскому герою единодушно принята всѣми находившимися здѣсь чинами инженернаго вѣдомства, наперерывъ желавшими вписать свои имена въ число участниковъ празднества, и, по исходатайствованіи Высочайшаго соизволенія, днемъ праздника назначено было воскресенье, 20-го ноября.

Еще прежде этого дня началось торжество генерала *Тотлебена*. Онъ прибылъ въ Петербургъ 14-го ноября. На другой день, 15-го ноября, г. начальникъ главнаго штаба Его Императорскаго Величества по военно-учебнымъ заведеніямъ, генералъ-адъютантъ, генералъ-лейтенантъ *Я. И. Ростовцовъ*, со всѣми чинами Николаевской академіи и Николаевскаго Инженернаго училища, съ фельдфебелемъ и пятью портупей-юнкерами кондукторской роты, прибыли, въ десять часовъ утра, въ квартиру генералъ-адъютанта *Тотлебена*. Здѣсь г. начальникъ главнаго штаба, при представленіи всѣхъ чиновъ академіи и училища, въ краткихъ и сильныхъ словахъ выразилъ чувства глубокаго уваженія и душевной благодарности къ заслугамъ бывшаго воспитанника заведенія. Въ числѣ лицъ, прибывшихъ привѣтствовать генералъ-адъютанта *Тотлебена*, онъ увидѣлъ бывшаго въ его время инспекторомъ классовъ, нынѣ начальника училища, инженеръ-генералъ-лейтенанта *Ломновскаго*, нѣсколькихъ преподавателей, и многихъ товарищей по выпуску. Генералъ-адъютантъ *Тотлебенъ*, тронутый такимъ къ нему вниманіемъ, сказалъ, что онъ всегда съ любовью и благодарностью вспоминаетъ о заведеніи, въ которомъ получилъ образованіе, полезное для службы Государю и Отечеству. Обратившись къ обучающимся въ академіи офицерамъ, онъ, въ лестныхъ для нихъ выраженіяхъ, вспоминалъ о воспитанникахъ заведенія, бывшихъ его сотрудниками въ Севастополѣ; они, по словамъ его, служили съ безпримѣрнымъ усердіемъ и самоотверженіемъ, при совершенномъ знаніи своего дѣла, такъ что онъ не

можетъ ни одному отдать преимущества предъ другимъ. «Это», говорилъ генералъ *Тотлебенъ*, «служитъ ручательствомъ, что и настоящіе воспитанники академіи и училища послѣдуютъ примѣру бывшихъ своихъ товарищей».

Въ предназначенномъ въ честь генералъ-адъютанта *Тотлебена* празднествѣ приняли радушное участіе, сверхъ высшихъ чиновъ инженернаго корпуса здѣсь находящихся, всѣ чины заведенія, всѣ бывшіе воспитанники, находившіеся въ С.-Петербургѣ, и всѣ сослуживцы генералъ-адъютанта *Тотлебена*. Какъ гости, приглашены были бывшіе въ его время начальникъ училища и преподаватели, и четыре раненые въ Севастополѣ инженерные офицера, служившіе подъ начальствомъ генерала: полковникъ *Фолкмутъ*, полковникъ *Рейтлингеръ*, подпоручики *Эвертцъ* и *Чередѣевъ*; послѣдніе двое изъ выпуска нынѣшняго года; всего участвовало въ торжествѣ двѣсти десять лицъ.

Обѣденный столъ былъ расположенъ въ одной изъ залъ кондукторской роты Николаевскаго инженернаго училища, украшенной портреромъ благополучно царствующаго Государя Императора. Рядомъ съ этою залою, обѣдали кондукторы, нынѣ воспитывающіеся, и воспитанники военно-учебныхъ заведеній третьихъ спеціальныхъ классовъ инженернаго отдѣленія.

Въ исходѣ четвертаго часа прибылъ въ училище генералъ-адъютантъ *Тотлебенъ*. Онъ былъ встрѣченъ въ рекреаціонной залѣ генералъ-адъютантомъ *Ростовцовымъ*, начальникомъ училища и всѣми собравшимися гостями. Въ залѣ этой, украшенной портретами Императоровъ Александра I и Николая I, основателя заведенія, бюстомъ Великаго Князя Михаила Павловича и мраморною почетною доскою съ именемъ *Тотлебена*, была выстроена кондукторская рота. Генералъ *Ростовцовъ* подвелъ *Тотлебена* къ ротѣ, съ которою были выстроены и кадеты инженерныхъ отдѣленій третьихъ спеціальныхъ классовъ военно-учебныхъ заведеній. Генералъ-адъютантъ *Тотлебенъ* поздоровался съ своими товарищами-преемниками по образованію въ инженерномъ училищѣ; стройное и громкое: «здравія желаемъ, ваше превосходительство!» было ему отвѣтомъ.

Онъ говорилъ воспитанникамъ о надеждахъ, которыя возлагаютъ на нихъ Государь и Отечество, и выразилъ увѣренность, что и нынѣшніе питомцы училища постигаютъ свою высокую цѣль, и не будутъ жалѣть съ своей стороны усилій къ ея достиженію. Лѣвый флангъ фронта кондукторской роты оканчивался у той стѣны, на которой выставлена мраморная, украшенная георгіевскимъ крестомъ, доска, съ изображеніемъ на ней золотыми буквами имени генерала *Тотлебена.* Генералъ-адъютантъ *Ростовцовъ*, указавъ ему на эту доску, сказалъ, что она будетъ предметомъ и гордости, и радости и нынѣшнихъ, и всѣхъ будущихъ воспитанниковъ инженернаго училища.

Въ началѣ пятаго часа изволилъ прибыть въ училище Его Императорское Высочество, генералъ-инспекторъ инженеровъ, милостиво принявшій просьбу участниковъ торжества осчастливить и украсить праздникъ своимъ присутствіемъ. Просьба эта была выражена Его Императорскому Высочеству особою депутаціею, состоявшею изъ начальника училища, инспектора классовъ, командующаго кондукторскою ротою, фельдфебеля и трехъ портупей-юнкеровъ. Государь Великій Князь, ласково поздоровавшись съ кондукторами, подошелъ къ генералъ-адъютанту *Тотлебену*; въ лестныхъ для него выраженіяхъ привѣтствовалъ его, и съ нимъ отправился къ столу; за ними длинной вереницей потянулись всѣ гости. Его Императорское Высочество помѣстился по срединѣ длинной стороны стола, имѣя по правую руку генералъ-адъютанта *Тотлебена*, а по лѣвую директора инженернаго департамента, генералъ-адъютанта *Фельдмана.* Генералъ-адъютантъ *Ростовцовъ* и начальникъ училища, генералъ-лейтенантъ *Ломновскій*, находились на другой сторонѣ стола, насупротивъ Великаго Князя.

Обѣдъ былъ великолѣпный. Свѣтло и радостно было въ ярко-освѣщенной залѣ; свѣтло и радостно было настроеніе духа всѣхъ присутствовавшихъ. Любезность и привѣтливость Великаго Князя возвышали это общее настроеніе. Прекрасный хоръ военной музыки гремѣлъ безъ умолку во все время обѣда, разыгрывая лучшія піесы му-

зыкальнаго репертуара. Въ срединѣ обѣда начались тосты. Генералъ-адъютантъ *Ростовцовъ* провозгласилъ тостъ за здравіе Государя Императора.

И чаша первая, и первый гимнъ, Тебѣ!

Восторженный кликъ: «ура!», единодушный кликъ болѣе чѣмъ трехъ сотъ голосовъ, долго потрясалъ стѣны зданія. Когда умолкло громовое «ура!» кондукторы, училища, изъ своей столовой, выступили въ залу, и стройнымъ хоромъ пропѣли народный гимнъ: «Боже, Царя храни!» По окончаніи пѣнія, этотъ гимнъ повторенъ былъ хоромъ музыки, а когда она умолкла, снова загремѣло долго, долго неумолкавшее «ура!» Затѣмъ, при тѣхъ же громкихъ кликахъ, слѣдовали, провозглашенные одинъ за другимъ тосты: за здравіе Государыни Императрицы, за здравіе всей Августѣйшей фамиліи; за здравіе Его Императорскаго Высочества генералъ-инспектора; за здравіе Августѣйшей невѣсты Его Высочества. При этомъ тостѣ всѣ кондукторы училища, съ бокалами шампанскаго въ рукахъ, вошли изъ своей столовой въ залу, и по порядку подходили къ Его Императорскому Высочеству съ своими сердечными поздравленіями. Затѣмъ провозглашено было здоровье главнокомандующаго крымскою арміею; здоровье инспектора инженеровъ ([1]) и потомъ здоровье генералъ-адъютанта *Тотлебена* и славныхъ защитниковъ Севастополя, провозглашенное Его Императорскимъ Высочествомъ, и торжественные клики загремѣли въ честь виновника празднества. Когда все утихло, генералъ-адъютантъ *Ростовцовъ* объявилъ два Высочайшія повелѣнія: 1) о назначеніи генералъ-адъютанта *Тотлебена* почетнымъ членомъ Николаевской Инженерной академіи; 2) о выставленіи его портрета въ мѣстѣ его воспитанія, въ инженерномъ училищѣ. Затѣмъ начальникъ училища, генералъ-лейтенантъ *Ломновскій* прочелъ слѣдующій журналъ конференціи Николаевскаго Инженернаго училища.

([1]) Инженеръ-генералъ И. И. Денъ не былъ на праздникѣ, по отсутствію изъ С.-Петербурга.

«На основаніи предписанія начальника главнаго штаба Его Императорскаго Величества по военно-учебнымъ заведеніямъ, отъ 16-го ноября 1855 года за № 1,351, начальникъ училища предложилъ конференціи обсудить: подлежитъ ли генералъ-адъютантъ *Тотлебенъ* полученію михайловской преміи, и если конференція признаетъ съ своей стороны генералъ-адъютанта *Тотлебена* достойнымъ сей награды, то оная, какъ сказано въ вышеозначенномъ предписаніи, будетъ выдана ему не деньгами, а нарочно для сего вычеканенною медалью по образцу Высочайше утвержденному Государемъ Императоромъ.

«Конференція, вникая во всѣ дѣйствія по инженерной части знаменитой обороны Севастополя, сколько доселѣ они извѣстны, находитъ: генералъ-адъютантъ *Тотлебенъ* геніяльною изобрѣтательностью изыскалъ средства подъ огнемъ непріятеля обратить почти открытый городъ въ крѣпость, выдержавшую одиннадцати-мѣсячную постепенную атаку; примѣрною находчивостью предугадывалъ, предупреждалъ всѣ дѣйствія непріятеля, и съ блистательнымъ успѣхомъ противупоставлялъ ему на каждомъ шагу преграды, какъ на поверхности земли, такъ и подъ землею, и, постигнувъ всю важность подвижности обороны, въ настоящемъ случаѣ умѣлъ съ безпримѣрнымъ искуствомъ дать ей полное развитіе.

«Конференція, убѣждаясь, что всѣ вышеизложенныя дѣйствія генералъ-адъютанта Тотлебена несомнѣнно послужатъ основаніемъ дальнѣйшему развитію инженернаго искуства, присуждаетъ его превосходительству, на основаніи 3-го пункта Высочайше утвержденнаго 3-го іюля 1854 года положенія, михайловскую премію. О чемъ положено представить на благоусмотрѣніе господина начальника главнаго штаба Его Императорскаго Величества по военно-учебнымъ заведеніямъ».

По сему журналу состоялась слѣдующая резолюція его превосходительства г. начальника главнаго штаба: «Утверждаю, съ тѣмъ, чтобъ, на основаніи постановленій, золотая медаль выдана была г. генералъ-адъютанту Тотлебену 25-го іюня 1856 года, въ день рожденія блаженныя памяти

Государя Императора Николая Павловича, основателя главнаго инженернаго училища. 20-го ноября 1855 года».

Общее радостное ура! было откликомъ на эти умилительныя изъявленія признательности достоинствамъ нашего инженера.

Когда утихло и это ура, начальникъ штаба инженернаго корпуса, генералъ-маіоръ В. Г. Политковскій, выступилъ, и, обращаясь къ генералъ-адъютанту Тотлебену, говорилъ слѣдующее:

«Въ первый еще разъ инженерное училище встрѣчаетъ столь торжественнымъ привѣтомъ одного изъ своихъ питомцевъ. Юное существованіемъ, оно имѣетъ уже счастіе пользоваться такими обильными плодами и трудовъ, и успѣховъ своихъ. Благою мыслію и высокими чувствами пользы и добра преисполнено было сердце того, кто положилъ первый камень въ основаніе этого прекраснаго учрежденія. Глубокая и вѣчная благодарность да осѣнитъ священную его память! онъ любилъ это заведеніе всѣми чувствами высокой души своей,—каждое посѣщеніе его о томъ свидѣтельствовало.

«Не могу не привести звѣсь незабвенныхъ словъ въ бозѣ почившагося Государя, принятыхъ мною изъ устъ его и перенесенныхъ навсегда въ мое сердце. Въ исходѣ 1850 года поднесенъ былъ Его Величеству, по случаю совершившагося двадцатипятилѣтія его царствованія, альбомъ трудовъ бывшихъ его воспитанниковъ, находившихся на службѣ въ инженерномъ корпусѣ. Вскорѣ послѣ того, Государь, посѣтивъ инженерный замокъ, изволилъ сказать мнѣ: «благодарю тебя и твоихъ сослуживцевъ за прекрасный вашъ подарокъ. Онъ дорогъ мнѣ тѣмъ, что я вижу, какъ вы еще помните и любите вашего стараго наставника и дядьку!». Не служатъ ли эти слова лучшимъ доказательствомъ тѣхъ попеченій, которыя онъ обращалъ на это заведеніе во время управленія онымъ, той любви, которую питалъ къ нему всегда?

«То же чувство нѣжной заботливости о благѣ заведенія и всего инженернаго корпуса, пересозданнаго его мыслію и трудами, отражалось и въ правительственныхъ дѣйствіяхъ

Государя. Послѣ себя онъ передалъ всю эту часть Августѣйшему брату своему, подъ благотворнымъ начальствомъ коего она состояла около двадцати четырехъ лѣтъ, а въ 1849 году подчинилъ училище главному начальству Наслѣдника Цесаревича, нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора.

«Отсюда начинается какъ бы новая жизнь этого заведенія, и открывается предъ онымъ новый, широкій путь къ достиженію тѣхъ истинно-полезныхъ усовершенствованій, изъ коихъ многія уже исполнились, а другія зрѣютъ и готовятся къ осуществленію. Наконецъ, послѣднимъ выраженіемъ неизмѣннаго благоволенія почившаго Государя къ инженерному корпусу, было назначеніе Вашего Высочества генералъ-инспекторомъ онаго. Въ васъ инженерный корпусъ привѣтствуетъ свѣтлую и прекрасную для себя надежду! Ваше Высочество изволили ознаменовать первое присутствіе ваше среди инженернаго корпуса и готовящагося на службу онаго молодаго поколѣнія, драгоцѣннымъ знакомъ вашего вниманія къ подвигамъ и заслугамъ—это лучшій залогъ къ исполненію общихъ нашихъ надеждъ и ожиданій!

«Однимъ изъ первыхъ дѣйствій нынѣ царствующаго Государя Императора было: увѣковѣчить память высокаго основателя училища присвоеніемъ оному незабвеннаго его имени, коимъ названа также и вновь образованная инженерная академія. Будемъ помнить, будемъ чувствовать, будемъ заслуживать эти милости!

«Съ самаго учрежденія училища, многіе изъ воспитанниковъ онаго участвовали въ различныхъ войнахъ и запечатлѣли кровію исполненіе своего долга. Всѣ дѣйствовали честно, благородно и полезно, и не было еще примѣра противному. Но для совершенія необыкновенныхъ подвиговъ нужна была и борьба необыкновенная! Она настала и озарила собою торжество русскаго инженернаго искуства! Завиденъ жребій того, кто былъ главнымъ его представителемъ! Теперь онъ посреди насъ; къ нему обращаются наши привѣтствія и изъявленія чувствъ нашего уваженія и признательности. Мы должны благодарить его, и благо-

даримъ за все, что онъ сдѣлалъ: за доставленіе русской инженерной исторіи безсмертной страницы, на которой неизгладимыми чертами изображены будутъ гигантскіе труды его и его сподвижниковъ; за безпримѣрное самоотверженіе, которое можетъ объясниться только глубокимъ сознаніемъ священнаго своего долга, и наконецъ за указаніе врагамъ, которые считали насъ младшими своими учениками, какихъ инженеровъ имѣетъ Россія, сама, и безъ всякой иноземной помощи, ихъ воспитавшая и образовавшая. Рядъ монаршихъ наградъ, столь праведно ознаменовавшихъ блистательное поприще ваше, дорогой нашъ сотоварищъ, достойно вѣнчается нынѣ новымъ знакомъ всемилостивѣйшаго къ вамъ вниманія. Эти почести, о коихъ возвѣщено намъ въ сію минуту, почерпаются уже изъ сокровищницы вашего воспитанія. Да будетъ она отверзта, по примѣру вашему, и для тѣхъ, кому судьба опредѣлитъ счастливый жребій идти по слѣдамъ вашимъ! Примите также и изъявленіе общаго, искренняго нашего желанія, чтобъ силы ваши, ослабленныя столь тяжкими трудами и полученною вами раною, скорѣе возстановились для новыхъ подвиговъ и новой славы!

«Всѣ инженеры, и большая часть саперныхъ офицеровъ, участвовавшихъ въ великой борьбѣ севастопольской, были воспитанниками училища, и нѣкоторые прямо со школьной скамьи перенеслись на бастіоны и батареи. Какъ они тамъ служили, дѣйствовали и отличались — извѣстно всѣмъ! Отзывъ вашъ, что вы не могли довольно ими нахвалиться и ими налюбоваться, составляетъ для нихъ награду, которую, по всей справедливости, должны раздѣлить съ ними и почтенные ихъ наставники и воспитатели. Многихъ изъ этихъ героевъ уже нѣтъ, а другіе покрыты тяжкими ранами: почтимъ первыхъ благодарнымъ воспоминаніемъ и слезою искренняго сожалѣнія, и выразимъ послѣднимъ, изъ коихъ нѣкоторыхъ имѣемъ нынѣ удовольствіе видѣть посреди насъ, все наше участіе и уваженіе къ ихъ трудамъ и подвигамъ.

«Наконецъ да позволено мнѣ будетъ выразить, отъ лица всего инженернаго корпуса, душевную благодарность

главному хозяину праздника, по мысли и предстательству коего совершается это торжество, столь радостное въ настоящемъ и столь назидательное для будущаго, особенно въ стѣнахъ заведенія, котораго будущность такъ свѣтла и отрадна!»

Его Императорское Величество генералъ-инспекторъ, одобряя мысль объ изъявленіи отъ лица всего инженернаго корпуса благодарности тому, по чьей «мысли и предстательству совершалось это торжество», провозгласилъ тостъ за здоровье генералъ-адъютанта Я. И. Ростовцова; потомъ послѣдовалъ тостъ за здоровье всѣхъ воспитателей и преподавателей въ училищѣ.

Еще находилась бесѣда подъ вліяніемъ отрадныхъ и сильныхъ впечатлѣній, произведенныхъ тѣмъ, что совершалось, какъ на мѣсто генерала Политковскаго сталъ заслуженный профессоръ, дѣйствительный статскій совѣтникъ И. П. Шульгинъ, преподававшій исторію въ главномъ инженерномъ училищѣ во время пребыванія въ этомъ заведеніи генералъ-адъютанта Тотлебена, и сказалъ, обратясь къ нему, слѣдующее:

«Позвольте, ваше превосходительство, и мнѣ, свидѣтелю вашихъ юношескихъ трудовъ, вашихъ юношескихъ успѣховъ на поприщѣ науки, прославившей васъ, и вами прославленной, позвольте и мнѣ вложить листокъ въ этотъ вѣнокъ признательности, сплетенный вамъ руками вашихъ прежнихъ и нынѣшнихъ начальниковъ, и вашихъ сослуживцевъ, во имя всего инженернаго корпуса, гордящагося именемъ вашимъ. Въ томъ мѣстѣ, которое было нравственною и умственною колыбелью вашею, подносится вамъ этотъ вѣнокъ; здѣсь двадцать лѣтъ тому назадъ собирали вы сѣмена знанія, которыхъ плоды составляютъ теперь вашу славу, и радость Государя, а радость Государя есть радость отечества, ибо, по нашему русскому понятію и чувству, слава Богу, нѣтъ различія въ значеніи словъ: Государь и отечество! Здѣсь, двадцать лѣтъ тому назадъ, вы слушали внимательно уроки исторіи: теперь сами сдѣлались мужемъ исторіи.

«Имя генерала Тотлебена встрѣчалось уже, за сто лѣтъ

предъ симъ, на страницахъ нашихъ военныхъ лѣтописей; но это имя выражало лишь молодецкую удаль, которая, при случаѣ, можетъ произвести чудеса, но, еще легче, и сама погибнуть, и другихъ погубить, безъ славы и пользы. Имя генерала Тотлебена на страницахъ современной исторіи и исторіи грядущей будетъ отнынѣ выраженіемъ глубокой военной думы, обнявшей и вмѣстившей въ себѣ цѣлую систему обороны, спокойной и гордой, обороны славной, еслибъ она придумана была и въ тишинѣ кабинета; обороны безпримѣрной, потому что она и задумана и выполнена подъ глазами сильнаго и храбраго непріятеля, располагавшаго средствами нападенія неслыханными доселѣ, и съ высокимъ искуствомъ употреблявшаго эти средства невиданныя. «Но есть невозможное и для героевъ», сказалъ нашъ Великій Государь, утѣшая незабвенныхъ защитниковъ севастополя: его развалины оставлены непріятелю, который теперь угрюмо смотритъ на нихъ, не смѣя среди нихъ искать себѣ пріюта, ибо тамъ, объ онъ-полъ-моря, тотъ же Тотлебенъ, въ этихъ сооруженіяхъ, изъ которыхъ громы приносятъ врагу повелѣніе: «не ходи!» Месть этому врагу за эти развалины, облитыя священною кровью нашихъ братій! Подъ ихъ грудами и пепломъ прахъ Корнилова, и Нахимова, и Истомина; война врагу, auf Tod und Leben!... нѣтъ, auf Leben—на жизнь, ибо безсмертна Россія, и Севастополь воскреснетъ! Теперь лежитъ онъ какъ трупъ исполина, окруженный могилами многочисленныхъ враговъ, его, наконецъ, одолѣвшихъ; но онъ воскреснетъ! И за оградою возстановленныхъ твердынь его останутся, на память и на страхъ вѣкамъ, эти враждебныя могилы, и внутри его ограды мирно почивать будетъ прахъ героевъ, павшихъ его защищая, и въ изящно-величавыхъ и грозныхъ очертаніяхъ возобновленныхъ севастопольскихъ твердынь скажется вновь отечеству знакомое имя: Тотлебенъ!»

Новое ура! пронеслось по залѣ въ честь виновнику празднества ([1])

([1]) Послѣ этого И. П. Шульгинъ опять воротился на мѣсто насупротивъ

Затѣмъ преподающій нынѣ исторію въ Николаевскомъ Инженерномъ училищѣ, адъюнктъ-профессоръ *В. М. Ведровъ*, произнесъ слѣдующее:

«Герой Севастополя! Привѣтствую васъ, какъ наставникъ преемниковъ вашихъ по воспитанію въ наукѣ исторической; на страницы исторіи вы вписали ваше имя вашимъ геніемъ и вашею кровью!

«Завидная доля выпала вамъ: быть неутомимымъ защитникомъ Севастополя, блистательно противодѣйствовать неслыханной до сихъ поръ, почти невѣроятной, годовой его осадѣ. Вы доказали всѣмъ врагамъ нашимъ и соотечественникамъ славнаго Вобана—опору царствованія Людовика XIV, что искуство инженерное изучается въ нашемъ отечествѣ самостоятельно; что мы не только слѣдимъ за развитіемъ науки у современной Европы, и провѣряемъ ея теоріи въ нашемъ сознаніи, но идемъ и далѣе. Вы составляете торжество русской инженерной науки, и въ примѣненіи ея началъ вы проявили также и неодолимое русское мужество въ глазахъ врага, умѣвшаго достойно оцѣнить васъ.—Геройски исполняя свою святую обязанность, вы были съ тѣмъ вмѣстѣ и наставникомъ юнаго поколѣнія инженеровъ, которые, здѣсь взлелѣянные, охотно полетѣли къ вамъ для окончательнаго образованія подъ вашимъ руководствомъ, и для совершенія чудныхъ подвиговъ въ глазахъ своего обожаемаго идеала. Да, вы—идеалъ, къ которому жадно стремится приблизиться наше молодое поколѣніе; вы увлекли за собою и все наше обширное отечество; отъ безсмертнаго Севастополя до непоко-

---

генерала Тотлебена, и сказалъ: „Я говорилъ, любезный генералъ, о вашихъ юношескихъ трудахъ и успѣхахъ. Чтобъ остаться вѣрнымъ исторической истинѣ, вотъ документъ, котораго ветхость свидѣтельствуетъ объ его архивной древности".—При этихъ словахъ онъ показалъ генералу дѣйствительно ветхую книжку, въ которой отмѣчалъ успѣхи воспитанниковъ —„Я думалъ", продолжалъ далѣе И. П., „показать этотъ, вамъ, вѣроятно, знакомый памятникъ старины, только вамъ; но полагаю, что еще лучше засвидѣтельствовать предъ всѣми справедливость сказаннаго мною". Отыскавъ въ книжкѣ страницу, на которой былъ списокъ верхняго кундукторскаго класса 1835 года, онъ громко прочелъ: „Кондукторъ Тотлебенъ — успѣхи въ мартѣ 1835 года — 6; въ августѣ того же года 9".—Высшій балъ для означенія успѣховъ былъ 10.

лебимой Обители Соловецкой, отъ мѣста вашей родины до дикой величественной рѣки Амура; на всемъ этомъ пространствѣ теплое чувство повторяетъ ваше имя предъ Богомъ, и молитъ Его о сохраненіи вашей драгоцѣнной для Россіи жизни.

«Гордится вами Николаевская Инженерная академія— прежде бывшее училище, гдѣ протекла ваша юность, гдѣ развился вашъ геній; гордится вами и вся Россія!—Въ заключеніе беру на себя смѣлость пожелать, чтобъ значеніе вашей фамиліи—значеніе не случайное—осуществилось на дѣлѣ: *смерть врагамъ*, а *жизнь* долголѣтняя, славная Россіи и ея Великимъ Монархамъ».

По окончаніи обѣда Его Императорское Высочество вновь обратился къ *Тотлебену*, вновь благодарилъ и обнялъ его. Ласково простясь съ гостями, вышелъ Великій Князь изъ залы. Шумная и радостная семья воспитанниковъ училища встрѣтила его въ другой, и, толпясь и суетясь около него, впереди, по бокамъ и сзади, вынесла его до саней, и бѣжала въ слѣдъ до воротъ Инженернаго замка, провожая задушевнымъ: ура! своего Августѣйшаго начальника.

Генералъ *Тотлебенъ* остался или, правильнѣе сказать, *былъ оставленъ* въ училищѣ. Его бывшіе товарищи по воспитанію и нѣсколько поколѣній офицеровъ, воспитывавшихся въ училищѣ послѣ него, подхватили его на руки, и понесли въ ту залу, гдѣ на мраморной доскѣ, украшенной георгіевскимъ крестомъ, золотыми буквами изображено его имя, посадили и окружили его, чтобъ его слушать и любоваться имъ.

Конечно, нельзя выразить словами тѣхъ ощущеній глубокихъ и возвышенныхъ, которыя наполняли душу *Тотлебена* въ этотъ, во всѣхъ отношеніяхъ, торжественный для него день: онъ и самъ не возьмется за это [1].

---

(1) „Сѣверная Пчела“ 1855 г. № 285

ГЕНЕРАЛЪ-АДЪЮТАНТЪ,
КНЯЗЬ
ВИКТОРЪ ИЛЛАРІОНОВИЧЬ ВАСИЛЬЧИКОВЪ.–

ГЕНЕРАЛЪ-АДЪЮТАНТЪ КНЯЗЬ

ВИКТОРЪ ИЛЛАРІОНОВИЧЪ ВАСИЛЬЧИКОВЪ.

(Краткія свѣдѣнія о служебной его дѣятельности).

Князь Викторъ Илларіоновичъ родился въ 1820 году, получилъ воспитаніе въ пажескомъ Его Императорскаго Величества корпусѣ, откуда и выпущенъ 8-го августа 1839 года, лейбъ-гвардіи въ конный полкъ.

Черезъ три года (въ 1842 г.) онъ произведенъ былъ въ поручики и прикомандированъ къ отдѣльному кавказскому корпусу, гдѣ въ томъ же году принялъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ горцевъ.

Находясь въ дѣйствовавшемъ отрядѣ подъ начальствомъ командовавшаго войсками на кавказской линіи и въ Черноморіи генералъ-адъютанта *Граббе*, и состоя при немъ въ должности адъютанта, князь Викторъ Илларіоновичъ участвовалъ: 23-го мая въ дѣлѣ на р. Ярыксу близъ разореннаго аула Хасавъ-Юрта противъ собравшихся горцевъ и при отраженіи непріятельскаго нападенія на аулы: Казакъ-Мирза-Юртъ и Баташъ-Юртъ; 29-го, при переходѣ отряда въ Герзель-аулъ и перестрѣлкѣ нашихъ фуражировъ съ непріятельскою партіею; 30, 31 мая и 1-го іюня при наступательномъ движеніи отряда въ землю ичкеринцевъ при безпрерывной и сильной перестрѣлкѣ и рукопашномъ боѣ; 2 и 3-го іюня при обратномъ движеніи отряда къ укр. Герзель-аулу, при неумолкаемой при семъ перестрѣлкѣ и безпрерывномъ дѣлѣ

съ непріятелемъ, сильно тѣснившемъ аріергардъ и неоднократно прорывавшемся чрезъ боковыя цѣпи.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ часть чеченскаго отряда двинулась изъ Герзель аула, на сборный пунктъ въ Темиръ-Ханъ-Шуру, на соединеніе съ дагестанскимъ отрядомъ. Князь Викторъ Илларіоновичъ, находясь въ составѣ этого отряда, принимаетъ новое участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ: съ 19 по 25, при переходѣ отряда изъ Темиръ-Ханъ-Шуры въ Аварію на гору Арахъ-Тау и ко второму перевалу въ игалинскомъ ущельѣ; 26 іюня при наступательномъ движеніи всею колоною къ койсубулинскому селенію Игали. Подъ начальствомъ генералъ маіора Клюки-фонъ-Клугенау, колона эта двинулась по ущелью сел. Игали, и при выходѣ изъ ущелья встрѣтила значительное скопище горцевъ, которое послѣ неумолкаемой перестрѣлки, продолжавшейся до ночи, было разсѣяно.

На слѣдуюшій день 27 іюня непріятельская партія, появившаяся на горѣ, образующей правый бокъ игалинскаго ущелья, встрѣтила нашъ отрядъ сильнѣйшимъ огнемъ, продолжавшимся въ теченіе цѣлаго для. Горцы два раза спускались въ ущелье чтобы атаковать насъ, но были каждый разъ отбрасываемы съ значительною потерею. Раззоривъ нѣсколько ауловъ, отрядъ возвратился на гору Арахъ-Тау, при чемъ арріергардъ имѣлъ постоянную перестрѣлку съ непріятелемъ.

За то дѣятельное участіе, которое принималъ во всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ кн. Викторъ Илларіоновичъ, онъ награжденъ былъ орденомъ св. Анны 3-й степени съ бантомъ.

Возвратившись въ Петербургъ, онъ въ 1844 г. 16 января былъ назначенъ флигель-адъютантомъ къ Его Императорскому Величеству и въ маѣ того же года сопутствовалъ Государя Императора за границу, причемъ получилъ отъ короля Нидерландскаго орденскій знакъ Золотаго Льва 4-й степени, отъ короля сардинскаго орденъ св. Маврикія и Лазаря 3 ст.; отъ короля обѣихъ Сицилій—св. Фердинанда 3 ст. и отъ Императора Австрійскаго орденъ св. Леопольда 3 степени.

Венгерская кампанія 1849 года застала кн. *Васильчико-*

ва въ чинѣ капитана. Съ открытіемъ военныхъ дѣйствій онъ тотчасъ же былъ командированъ въ дѣйствующую армію къ генералъ-фельдмаршалу князю Варшавскому, при коемъ состоялъ до 13-го іюня. Въ этотъ день князь *Васильчиковъ* былъ отправленъ его свѣтлостію съ депешами къ Государю Императору. 3-го августа онъ былъ опять командированъ по Высочайшему повелѣнію въ г. Стри, для состоянія при Драгунскомъ корпусѣ и участвованія въ наступательныхъ поискахъ въ Венгріи. Произведенный 7 августа 1849 года за отличіе въ полковники, князь Викторъ Илларіоновичъ былъ 16-го августа отправленъ въ г. Варшаву съ извѣстіемъ о сдачѣ кр. Мункача.

Съ открытіемъ военныхъ дѣйствій въ 1853 году, князь Васильчиковъ былъ сначала командированъ въ Букарестъ въ распоряженіе командовавшаго 4-мъ и 5-мъ корпусами, а потомъ назначенъ состоять при войскахъ въ Малой Валахіи, находившихся подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Фишбаха. Въ слѣдъ за тѣмъ князь Викторъ Илларіоновичъ назначенъ исполнять должность начальника штаба Мало-Валахскаго отряда, поступившаго подъ начальство сначала генералъ-адъютанта *Анрепа*, а потомъ генералъ-лейтенанта *Липранди*. Въ этой должности онъ оставался до присоединенія отряда къ главнымъ силамъ въ Текучѣ.

Высадка союзниковъ въ Крымъ и послѣдовавшая за тѣмъ осада Севастополя призвали князя Васильчикова къ новой блестящей дѣятельности, доставившей ему громкую извѣстность, всеобщую любовь и уваженіе. Командированный съ 12-ю пѣхотною дивизіею въ Крымъ, князь Викторъ Илларіоновичъ былъ вскорѣ назначенъ начальникомъ штаба славнаго Севастопольскаго гарнизона. Въ этой должности онъ оставался до конца знаменитой обороны.

Читатели найдутъ ниже указанія славной дѣятельности князя Васильчикова въ Севастополѣ, той дѣятельности, которая не оцѣнивается офиціяльными реляціями и донесеніями, а сохраняется въ сердцахъ тѣхъ, на которыхъ отражались неутомимыя заботы начальника штаба.

Произведенный въ апрѣлѣ 1855 года въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ въ Свиту Его Величества, князь Викторъ

Илларіоновичъ, по оставленіи южной стороны города, былъ назначенъ генералъ-адъютантомъ, а 17-го апрѣля 1857 года онъ былъ уже директоромъ канцеляріи военнаго министерства и произведенъ въ генералъ-лейтенанты съ оставленіемъ въ званіи генералъ-адъютанта. Въ слѣдующемъ году (17 го апрѣля 1858 г.) князь Викторъ Илларіоновичъ былъ назначенъ товарищемъ военнаго министра.

Совершенно разстроенное здоровье заставило князя оставить блестящее служебное поприще. Князь Васильчиковъ просилъ объ увольненіи его сначала въ безсрочный отпускъ, а потомъ въ отставку.

Семейное праздцество въ Пажескомъ корпусѣ 29-го декабря 1855 года.

«Семейное начало составляетъ твердое, незыблемое основаніе русскаго государства».

Образъ правленія, вѣковыя событія и самая жизнь нашего народа подтверждаютъ непреложность историческаго этого изрѣченія.

Ни владычество монголовъ, ни первое нашествіе иноплеменныхъ, ни тлетворное вліяніе западныхъ поученій не могли разъединить русской семьи. Настало время новыхъ испытаній, совершилось второе нашествіе иноплеменныхъ; не дрогнула, не смутилась Русь, лишь родственное чувство горячею, оживленною струею протекло по всѣмъ сословіямъ. И горе и радость—все стало общее. Убогая лепта труженика и щедрое пожертвованіе богача приносились съ одинаковымъ усердіемъ въ общественную сокровищницу и принимались съ одинаковою признательностію.

Дѣянія каждаго содѣлались достояніемъ народнымъ. Скромное имя *Шевченко,* заслонившаго молодецкою грудью лейтенанта *Бирюлева*, стало извѣстно наравнѣ съ доблестными именами защитниковъ Севастополя.

Послѣ роковаго событія 27-го августа, справедливо говорятъ, что вся Россія спрашивала съ безпокойствомъ:

«Кто убитъ? Кто раненъ? А что *Хрулевъ? Живъ* ли *Васильчиковъ?* Сколько уцѣлѣло отъ Сѣвскаго полка? Что сталось со всѣмъ Христолюбивымъ воинствомъ?» И когда узнали о благополучной переправѣ на *Сѣверную*, общій голосъ былъ: «Слава Богу! отдохнутъ, оправятся родимые!» Кто не пойметъ, сколь много родственнаго въ этихъ словахъ? Не такъ мыслятъ кичливые народы. Не такъ думаютъ заносчивые ихъ правители. Зависть и злоба славолюбивы; любовь къ родинѣ тепла и настойчива.

«Спасибо, братья, за примѣрную стойкость!» взывала Русь къ воинству,

«Спасибо, дѣти, за посильное исполненіе долга!» молвилъ Царь-Отецъ.

И соединенныя силы четырехъ державъ, помышляя уже о преслѣдованіи побѣжденныхъ, встрѣтили повсюду живыя твердыни, одушевленныя царскимъ *спасибо* и многозначительнымъ и благотворнымъ его посѣщеніемъ.

Вскорѣ сонмища враговъ принуждены были отложить на время тщетныя покушенія; умолкли бранные клики, но не умолки дружескіе привѣты русской семьи. «Потрудились, понатерпѣлись наши: пусть отдохнутъ въ кругу семейства!» И столицы, гордясь русскимъ воинствомъ, наперерывъ привѣтствуютъ славныхъ его представителей.

«Царь похвалилъ, наградилъ, а семья радуется!»

Вотъ смыслъ и значеніе семейнаго торжества, происходившаго 29-го декабря 1855 года.

Въ этотъ день пажеская семья собралась, чтобъ привѣтствовать и поблагодарить одного изъ сыновъ своихъ, стяжавшаго царскую признательность при незабвенной оборонѣ Севастополя.

Многимъ не суждено было откликнуться на дружескій призывъ. Иные перешли уже въ вѣчность, другіе остались еще на стражѣ, врагамъ лицемъ къ лицу. Тѣмъ не менѣе, собраніе было многочисленное. Тутъ находились и маститые, заслуженные старцы, выпусковъ предшествующихъ первой отечественной войнѣ, и юноши, едва выступившіе на служебное поприще. Повсюду раздавались братскія лобзанія, и слышны были радостные возгласы. Товарищи,

однокашники встрѣчались послѣ долгой разлуки, привѣтствуя другъ друга корпусными, школьными прозваніями. Веселый, радушный говоръ кипѣлъ безъ умолку во всѣхъ углахъ. —«Тридцать лѣтъ съ костей долой», говорили многіе, одушевленные юношескими воспоминаніями. Въ самыхъ разговорахъ звучало что-то задушевное; рѣдко слышно было чопорное *вы* —оно замѣнялось братскимъ, кореннымъ русскимъ *ты*!

Вдругъ разговоры замолкли. Въ дверяхъ залы показался празднуемый товарищъ и совоспитанникъ нѣкоторыхъ, близкій сердцу всѣхъ, князь *Васильчиковъ*, въ сопровожденіи Якова Ивановича *Ростовцова*, ревностнаго и достойнаго исполнителя чадолюбивыхъ предначертаній главы русскаго семейства.

Умилительное чувство овладѣло присутствующими, когда г. начальникъ главнаго штаба Его Императорскаго Величества по военно-учебнымъ заведеніямъ подвелъ князя къ фронту выстроенныхъ пажей, какъ бы указывая юному поколѣнію живой примѣръ воинскихъ доблестей, и предоставилъ чествуемому, въ знакъ высокаго уваженія къ его заслугамъ, лестный почетъ поздороваться съ ротою.

Не станемъ описывать ни постепеннаго хода праздника, ни всѣхъ привѣтствій, сказанныхъ во время обѣда: подробное обстоятельное описаніе будетъ напечатано особою брошюрою; упомянемъ только о нѣкоторыхъ моментахъ, поразившихъ насъ въ особенности.

При провозглашеніи тоста за здравіе Государя Императора, въ единодушномъ кликѣ ура! отозвалось чувство восторженной любви и преданности. Долго оглашалась зала стократъ повторенными восклицаніями; изліяніе чувствъ крѣпчало, увеличивалось съ каждымъ порывомъ; никому не хотѣлось умолкнуть прежде другихъ, пока, наконецъ, громкіе клики преобразовались въ торжественный народный гимнъ: «Боже, Царя храни!» исполненный стройнымъ хоромъ воспитанниковъ и всѣми присутствовавшими.

По окончаніи заздравныхъ тостовъ въ честь царскаго дома, генералъ-адъютантъ *Ростовцовъ* провозгласилъ тостъ за здравіе князя *Васильчикова*.

Дружно разразилось громкое «ура!»; весело взывали присутствующіе къ товарищу и брату.

«Спасибо, *Васильчиковъ*! спасибо, товарищъ!» кричали многіе въ порывѣ душевнаго восторга. Слышны были взаимныя поздравленія, братскія лобзанія: пажеская семья радовалась и ликовала!

Не безъ труда добился генералъ-адъютантъ *Ростовцовъ* минуты молчанія, чтобъ объявить новую драгоцѣнную награду, дарованную князю *Васильчикову*.

Г. начальникъ главнаго штаба провозгласилъ приказъ по военно-учебнымъ заведеніямъ, подписанный въ тотъ же день, 29-го декабря.

«Государь Императоръ, во вниманіе необыкновенныхъ заслугъ, оказанныхъ бывшимъ воспитанникомъ Пажескаго Его Императорскаго Величества корпуса, генералъ-адъютантомъ княземъ *Васильчиковымъ*, при оборонѣ Севастополя, Высочайше повелѣть соизволилъ: на мраморной доскѣ, учрежденной при означенномъ заведеніи, по Высочайшему повелѣнію, объявленному въ приказѣ по военно-учебнымъ заведеніямъ 17-го марта текущаго года за № 2,052, начертать:

Князь Викторъ Васильчиковъ
выпущенъ въ 1839 г.
1854 — 1855
Севастополь».

Громкое ура привѣтствовало это новое доказательство Монаршаго вниманія. Всѣ присутствовавшіе оставили мѣста свои и столпились вокругъ князя *Васильчикова*. Казалось, что каждый чувствовалъ себя лично награжденнымъ, узнавъ, что заслуги товарища увѣковѣчатся на скрижаляхъ корпуса. Взирая на искренній, неподдѣльный восторгъ, слушая задушевныя, нелицемѣрныя поздравленія, радостно было за храбраго воина, страшно стало за человѣка. — «Не возгордись, князь!» хотѣлось воскликнуть. Но стоило взглянуть на открытое, прямодушное выраженіе лица чествуемаго, чтобъ убѣдиться, что заносчивое тщеславіе недоступно его сердцу.

Отвѣчая на привѣтствія бывшаго директора Пажескаго корпуса генералъ-адъютанта *Игнатьева*, профессора *Шульгина* и дѣйствительнаго статскаго совѣтника *Гаряйнова*, князь *Васильчиковъ* произнесъ слѣдующія замѣчательныя слова:

«Не нахожу достойныхъ словъ для выраженія вамъ искренней признательности за честь, сегодня мнѣ оказываемую, здѣсь, въ этой колыбели нашего общественнаго и служебнаго образованія.

«Не нахожу ихъ, потому что подобный почетъ подобаетъ только человѣку, вполнѣ заслужившему вниманіе ваше.

«Не мудрено, что мы держались въ Севастополѣ долѣе обыкновеннаго срока осады, за оплотомъ, созданнымъ вдохновеніемъ *Тотлебена.* Тамъ сорока-тысячная армія, предметъ непрестанной заботливости главнокомандующаго, соединенная подъ начальствомъ графа *Сакена* съ моряками Черноморскаго флота, обороняла честь русскаго оружія, увлекаемая энергіею *Корнилова*, *Нахимова*, *Хрулева*, *Семякина* и самого *Тотлебена.* Я тоже имѣлъ честь принадлежать къ этой арміи, и награжденъ милостью Царскою, конечно свыше посильныхъ трудовъ моихъ, получивъ тѣ же награды, коихъ удостоился и генералъ *Тотлебенъ.* Послѣдняя сегодняшняя награда (приказъ по военно-учебнымъ заведеніямъ) окончательно меня съ нимъ сравнила въ этомъ отношеніи.

«Позвольте же мнѣ принять этотъ праздникъ какъ *напутственную трапезу* для тѣхъ изъ насъ (обращаясь предпочтительно къ воспитанникамъ), которымъ суждено принять дѣятельное участіе въ предстоящихъ еще кровавыхъ битвахъ, коими осуществится, конечно, изгнаніе враговъ изъ предѣловъ Отечества. Господа, товарищи, братья! за славу нашего Царя и благоденствіе Россіи! Ура!»

Какъ описать впечатлѣніе, произведенное этими искренними словами? Многіе тронуты были до слезъ; каждому хотѣлось обнять скромнаго торжественника, достойнаго сподвижника незабвенныхъ *севастопольцевъ.* За пажескую семью и за пажеское гнѣздо! былъ послѣдній, за-

душевный тостъ, провозглашенный генералъ-адъютантомъ *Ростовцовымъ*.

По окончаніи обѣда или *напутственной трапезы*, по трогательному выраженію празднуемаго воина, г. начальникъ главнаго штаба по военно-учебнымъ заведеніямъ пригласилъ присутствовавшихъ въ смежную комнату. Тамъ приготовлены были: съ одной стороны мраморная бѣлая доска, окруженная воинскими доспѣхами и украшенная георгіевскимъ крестомъ, на которой начертано уже было золотыми буквами имя князя *Виктора*, а съ другой стороны прекрасная картина, окруженная медаліонами, представляющая въ совокупности виды Севастополя, знаменитаго 4-го бастіона, переправы, и проч. и проч.

Одинъ изъ учредителей (бывшій фельдфебель и товарищъ князя Васильчикова, нынѣ командиръ Измайловскаго полка), генералъ *Кушелевъ*, подвелъ князя къ возвышенію, на которомъ находилась картина, вставленная въ великолѣпную золотую раму и окруженная цвѣтами (1).

«Три чувства привели сюда многочисленную нашу пажескую семью», сказалъ генералъ, указывая на присутствовавшихъ: «радость, благодарность и гордость:

«*Мы радуемся*, что Богъ возвратилъ тебя намъ невредимымъ изъ безчисленныхъ опасностей, тебя окружавшихъ.

«*Благодаримъ тебя*, что постояннымъ, совѣстливымъ, святымъ исполненіемъ долга своего, ты не измѣнилъ нашимъ кореннымъ семейнымъ правиламъ.

«*Мы гордимся тобой*, потому что среди *самыхъ* героевъ ты прослылъ героемъ!

«Въ ознаменованіе этихъ чувствъ *вся семья наша*, отъ пажа до министра (2), проситъ тебя принять эту картину въ память нынѣшняго радостнаго дня. Она изображаетъ драгоцѣнныя для тебя мѣста, гдѣ ты такъ долго подвизался, такъ много перечувствовалъ, такъ усердно молился, но никогда не унывалъ!

---

(1) Картина эта написана безвозмездно художникомъ Айвазовскимъ.

(2) Въ числѣ присутствовавшихъ находился г. министръ Двора Его Императорскаго Величества, бывшій также воспитанникъ Пажескаго корпуса.

«Желаемъ отъ души, чтобъ эта картина передала отдаленнымъ твоимъ потомкамъ, что въ родѣ ихъ былъ князь Викторъ, который, въ числѣ доблестныхъ защитниковъ славнаго Севастополя, былъ всегда изъ первыхъ при его оборонѣ, и послѣднимъ перешелъ чрезъ мостъ на Сѣверную сторону».

Въ заключеніе задушевныхъ этихъ словъ, произнесенныхъ со всѣмъ увлеченіемъ глубокаго чувства, товарищи братски обнялись, и загремѣло вновь дружное, неумолкаемое ура! Громче всѣхъ раздавались свѣжіе, звонкіе голоса воспитанниковъ -и они *радовались*, и они *благодарили*, и они *гордились*! Будущее поприще представлялось имъ свѣтлою зарею, ярко озаряющею каждое дѣяніе, каждый поступокъ и каждую заслугу.

Честь и хвала возъимѣвшему благую мысль совершить семейное, поучительное торжество въ *самой колыбели общественнаго и служебнаго нашего образованія!* (1).

Бывшій воспитанникъ Пажескаго Его Императорскаго Величества Корпуса.
Ѳ. Т. (Ростиславъ.)

Двадцать девятое декабря (1855), въ Пажескомъ корпусѣ.

По случаю возвращенія изъ арміи генералъ-адъютанта князя *Васильчикова*, почти всѣ находящіеся въ Петербургѣ, бывшіе пажи, согласились дать обѣдъ прежнему своему товарищу, и когда намѣреніе ихъ удостоилось Высочайшаго соизволенія, днемъ праздника назначено было 29-е декабря.

Въ 1811 году, Пажескій корпусъ, изъ Неплюева дома, на Фонтанкѣ, переведенъ въ нынѣшнее его помѣщеніе. Тамъ находились тогда огромныя сѣни и двойная лѣстница; изъ нихъ въ 1827 году сдѣлали для пажей столовую и надъ нею обширную залу, въ недавнемъ времени отлично отдѣланную. Здѣсь положено было дать праздникъ: внизу, въ столовой пажей, принять князя *Васильчикова*,

(1) „Сѣв. Пчел." 1856 г. № 12.

и въ верхней залѣ обѣдать. Сверхъ того, всѣ пажескія спальни, лицемъ на большой дворъ, обращены въ гостиныя, съ роскошною мебелью и мягкими коврами.

Въ назначенный день, въ половинѣ пятаго, общество, уже съѣхавшееся, собралось въ нижней залѣ, гдѣ выстроена была рота пажей. Прибылъ генералъ-адъютантъ *Ростовцовъ*, старшій распорядитель праздника, воспитанникъ и вмѣстѣ главный начальникъ Пажескаго корпуса; не замедлили также и почетные гости, генералъ-адъютанты: министръ Императорскаго двора *Адлербергъ*, военный министръ князь *Долгоруковъ*, военный генералъ-губернаторъ *Игнатьевъ*; генералы: *Философовъ*, *Зиновьевъ*, графъ *Анренъ*, графъ *Адлербергъ 2-й*, *Огаревъ*, *Чевкинъ*, *Путята*, многіе другіе генералы, прежніе пажи и приглашенные, изъ бывшихъ наставниковъ князя *Васильчикова*, въ томъ числѣ священникъ-законоучитель.

Собраніе дожидалось не долго; вскорѣ дали знать о пріѣздѣ гостя. Пажи вытянулись, разговоры смолкли; хоръ заигралъ тихій маршъ, князь *Васильчиковъ* явился. Его привѣтствовали генералъ-адъютантъ *Ростовцовъ* и другія именитыя лица; множество товарищей и знакомыхъ бросились къ нему, наскоро пожали руку и отпустили. Гостю предоставлены были всѣ почести старшаго: онъ поздоровался съ пажами, и прошелъ по фронту; потомъ рота построилась по отдѣленіямъ, послышался скорый маршъ, пажи тронулись съ мѣста, и князь *Васильчиковъ*, вслѣдъ за ними и въ сопровожденіи всего общества, отправился вверхъ. Тамъ изъ первой залы повернули налѣво, въ слѣдующей комнатѣ остались пажи; здѣсь корпусное начальство приготовило для нихъ угощеніе. Посѣтители шли далѣе; явился завтракъ, предвѣщавшій и обѣдъ гастрономическій. Чрезъ нѣсколько минутъ мы возвращались: проходя комнату, гдѣ ожидали пажи, барабанъ ударилъ къ столу; всѣ остановились, воспитанники пропѣли обычную молитву и сѣли за столы; общество слѣдовало въ обѣденную залу. Предшествующая ей комната, во всю длину перегороженная завѣсою, скрывала что-то такое, если не для всѣхъ насъ, то по крайней мѣрѣ для виновника празднества не-

извѣстное. Ему не дали времени разгадывать тайну. Гостю предстояли ощущенія, которыя, даже послѣ севастопольскихъ, должны были произвести на него сильное впечатлѣніе: тамъ, въ кровавыхъ сѣчахъ, сражался онъ за Отечество; здѣсь ожидали его Царская милость, любовь и ликованіе корпусной семьи. Тогда заслуги, теперь награда.

Въ прекрасной залѣ, изящно убранной, богато освѣщенной и украшенной портретами во весь ростъ Императоровъ Николая Павловича и Александра Николаевича, помѣстилось насъ около двухъ сотъ человѣкъ ([1]). Обѣдъ былъ нарядный. Онъ доказалъ вкусъ, знаніе дѣла и щедрость распорядителей. Но вотъ заздравный кубокъ Государю. Не берусь рѣшить, хоръ ли скорѣе грянулъ народную пѣснь, или въ залѣ загремѣло ура! Во всѣхъ концахъ столовой, и вездѣ кругомъ, разразились вдругъ восторженные клики; самъ я находился въ одинаковомъ съ другими состояніи, слѣдовательно мнѣ было не до наблюденій; знаю только, что ура почти заглушало музыку, перешло въ сосѣднюю комнату къ пажамъ, и стало затихать, потому развѣ, что у многихъ грудь оказалась слабѣе ихъ воли и восторга!... Въ заключеніе пажи пропѣли національный гимнъ: «Боже, Царя храни!» Съ живѣйшимъ одушевленіемъ пили потомъ за здоровье Государынь Императрицъ, Государя Наслѣдника и всего Августѣйшаго дома, наконецъ князя *Васильчикова* и храбрыхъ защитниковъ Севастополя. Опять начались общіе оглушительные клики, долго длились они, вдругъ затихли!... Всталъ генералъ-адъютантъ *Ростовцовъ* и объявилъ слѣдующую Высочайшую волю: Государь Императоръ, во вниманіе необыкновенныхъ воинскихъ заслугъ, оказанныхъ бывшимъ пажемъ, генералъ-адъютантомъ княземъ *Васильчиковымъ*, Высочайше повелѣть соизволилъ: начертать имя его въ заведеніи на мраморной доскѣ». Новый общій взрывъ восторженнаго ура.—До какой степени это Монаршее отличіе рѣдко,

---

([1]) Залу, по угламъ плафона, украшаютъ еще золотыя вензелевыя имена четырехъ послѣднихъ государей, и на стѣнахъ шестьдесятъ именъ отличившихся пажей.

можно судить по тому, что такимъ образомъ красуются только имена: въ Николаевскомъ инженерномъ училищѣ генералъ-адъютанта *Тотлебена*, въ Константиновскомъ кадетскомъ корпусѣ генералъ-маіора *Огарева* и штабсъ-капитана *Щеголева*, въ Пажескомъ генералъ-маіора *Баумгартена*.

Засимъ, бывшій директоромъ Пажескаго корпуса во время воспитанія тамъ князя *Васильчикова*, генералъ-адъютантъ *Игнатьевъ*, сказалъ нѣсколько прекрасныхъ словъ, потомъ сообщилъ нѣкоторыя подробности, вполнѣ занимательныя, о юношескихъ лѣтахъ нашего гостя, и заключилъ прочтеніемъ наставленія, говореннаго имъ, при выпускѣ князя *Васильчикова*, всѣмъ пажамъ, вмѣстѣ съ нимъ произведеннымъ въ офицеры. Потомъ генералъ-адъютантъ *Огаревъ* произнесъ, съ большимъ одушевленіемъ, привѣтствіе въ стихахъ:

КНЯЗЮ ВИКТОРУ ИЛЛАРІОНОВИЧУ ВАСИЛЬЧИКОВУ.

29-го декабря 1855 года.

Еще заздравные бокалы
Пусть наливаются полнѣй:
Тебѣ, товарищъ нашъ удалый,
Предложитъ тостъ семья пажей.
Подъ кровомъ отческаго дома,
Съ дней юности была знакома
Тебѣ та рыцарская честь,
Которой былъ князь, твой родитель,
И стражъ, и доблестный ревнитель.
Въ пажахъ умѣлъ ты пріобрѣсть
Пажей разборчивую дружбу;
Потомъ взлюбилъ ты свято службу,
И, совѣсть чистую храня,
Стяжалъ довѣріе Царя;
И твердо шелъ прямой дорогой,
Всегда къ обязанностямъ строгой!...
Судьба готовила тебѣ
На Севастопольской скалѣ,
Презрѣвъ опасность и недуги,
Явить Отечеству заслуги!
Въ тебѣ воскресъ герой-отецъ,
Солдату другъ и удалецъ.,
Баярдъ безъ страха и укора!....
За здравіе *пажа Виктора*!“

Дѣйствительный статскій совѣтникъ *Шульгинъ* сдѣлалъ историческій очеркъ роду *Васильчиковыхъ*. Бывшій пажъ и вмѣстѣ старый солдатъ 1812 года, *Горяйновъ*, сказалъ нѣсколько словъ о славномъ быломъ и еще славнѣйшемъ настоящемъ: о пожарѣ Москвы и защитѣ Севастополя (1). Засимъ генералъ-адъютантъ *Ростовцовъ* предложилъ здоровье *за пажескую семью и пажеское гнѣздо*. Разумѣется, какъ было съ радостью не осушить чары до дна при такомъ задушевномъ родномъ тостѣ. Генералъ-маіоръ *Языковъ* съ чувствомъ довершилъ привѣтствія (2). Растроганный до глубины сердца милостью

(1) Кому изъ насъ Пажескій корпусъ не напоминаетъ юношескихъ лѣтъ, беззаботной жизни, *Клингенберга*, какъ бывало онъ журилъ и любилъ пажей. Кажется, мы здѣсь точно дома. И вотъ въ прежнемъ гнѣздѣ нашемъ собрались служившіе въ разныя времена, на поприщѣ военномъ и гражданскомъ, живущіе въ отставкѣ, даже люди 12-го года. Представители полувѣковаго существованія корпуса, мы окружили себя нынѣшнимъ поколѣніемъ его, чтобъ, всею семьею бывшихъ и настоящихъ пажей, еще полнѣе праздновать возвращеніе въ столицу одного изъ вождей крымской арміи. Помните ли, въ 1839 году, изъ гнѣзда нашего вылетѣлъ птенецъ, едва только оперившійся? Много и долго носился онъ по поднебесью, все крѣпчаль, учился размашисто летать, и наконецъ Россія увидѣла его орломъ на поляхъ Тавриды; въ отца уродился; видно по всему. Вотъ онъ здѣсь между нами. Здравствуй, Русскій съ сѣвера орелъ, стяжавшій славу и честь на полуднѣ, защищая родину свою! Князь! всѣ собравшіеся здѣсь, мы привѣтствуемъ васъ, и въ лицѣ вашемъ славимъ героевъ Крыма. Пажескій Корпусъ гордится питомцемъ своимъ, какъ вся Россія гордится защитниками Севастополя. Мы, люди 12-го года, участники славной Отечественной войны, мы преклоняемся предъ крымскими богатырями. Въ годину испытанія русскія не пожалѣли Москвы для спасенія отечества — жертва огромная, но минутная; вы одиннадцать съ половиною мѣсяцевъ жертвовали собою въ борьбѣ неумолкавшей, страшной, какой нѣтъ примѣра въ исторіи. — Юноши, питомцы корпуса! Видите ли, какъ должно служить Государю и Отечеству! Князь вамъ живой примѣръ; учитесь у него, и вѣрно кто нибудь изъ васъ, а можетъ быть и многіе, сдѣлаются также доблестными вождями. Велики, незабвенны заслуги крымскихъ воиновъ! Недавно еще самъ Государь благодарилъ, любовался ими, и богатыри русскіе, обрадованные любовію, вниманіемъ Монарха, еще съ большимъ прежняго нетерпѣніемъ ожидаютъ теперь случая доказать Ему преданность свою новыми, сильнѣйшими ударами непріятелямъ. Кипитъ и вся Россія самоотверженіемъ къ Государю и негодованіемъ къ врагамъ. Они дерзнули посягнуть на завѣтныя святыни наши: Православную церковь и родимую землю; горе нечестивцамъ, а Русскому Царю и воинству его ура, тысячу разъ ура!.

(2) Пажи товарищи! Позвольте обратить ваше вниманіе на одинъ день изъ нашей жизни, который мы никогда не забывали: этотъ день *Суббота*

Царя и общимъ къ нему вниманіемъ, князь *Васильчиковъ* выразилъ благодарность свою въ короткихъ, но сильныхъ словахъ.

Отъ стола перешли мы въ комнату съ завѣсою: она исчезла, а воля Государя, только что возвѣщенная, какъ будто по мановенію волшебнаго жезла, была уже исполнена. Самое исполненіе имѣло что-то магическое; въ сіяніи, окруженныя военными украшеніями, на бѣлой мраморной доскѣ, заблистали золотыя слова:

Князь Викторъ Васильчиковъ,
выпущенъ въ 1839 г.
1854 — 1855
Севастополь.

Послѣ необыкновенной Монаршей награды, увѣковѣчившей имя князя *Васильчикова* на стѣнахъ Пажескаго

Помните ли, какъ въ этотъ день у каждаго изъ насъ билось сердце при мысли, отпустятъ ли насъ къ роднымъ, а родные ожидали насъ и мыслили: чѣмъ мы ихъ обрадуемъ?

Такъ протекла наша молодость.

Насталъ день выпуска, и мы разошлись по разнымъ странамъ.

Воспоминаніе о корпусѣ насъ никогда не покидало, и родные были для насъ святая связь, и, въ разлукѣ, всѣ наши мысли стремились къ нимъ, и мы думали: увидимъ ли ихъ, какъ бывало въ *Субботу*?

Взгляните на храбраго товарища. Цѣлый годъ стоялъ онъ среди огня и ужаса, подъ чугуннымъ сводомъ непріятельскихъ ядеръ, и цѣлый годъ съ покойнымъ духомъ встрѣчалъ онъ смерть. Но таковъ ли онъ былъ, когда вспоминалъ о своихъ родныхъ? Нѣтъ, тогда, только тогда сильно билось его сердце, и невольно мыслилъ онъ: отпуститъ ли Всевышній его къ роднымъ, а родные о немъ молились, лили слезы и мыслили: прійдетъ ли онъ и обрадуетъ ли ихъ, какъ бывало въ *Субботу*?

Всемилосердый возвратилъ его.

Но отецъ имъ уже не любовался: онъ давно перешелъ въ жизнь вѣчную, оставя незабвенное о себѣ воспоминаніе и ему и намъ, и, умирая, завѣщалъ всѣмъ: жизнь Царю, честь никому (*).

Но онъ увидѣлъ мать: къ ней бросился онъ въ объятія, и слезы ихъ смѣшались, какъ бывало въ *Субботу*.—Выпьемъ за здоровье счастливой матери княгини Татьяны Васильевны Васильчиковой!

(*) Девизъ герба князей Васильчиковыхъ, принятый покойнымъ родителемъ при возведеніи его въ княжеское достоинство.

корпуса и въ памяти всѣхъ, гостя нашего ожидалъ еще лестный подарокъ корпусныхъ товарищей. Его подвели къ прекрасной картинѣ *Айвазовскаго*, окруженной четырьмя медаліонами: всѣ пять картинъ изображали Севастополь или событіе при его осадѣ, и соединялись въ общей богато отдѣланной золотой рамѣ, съ разными украшеніями, изъ которыхъ самымъ замѣчательнымъ былъ девизъ фамильнаго герба князя «Васильчикова»: Жизнь Царю, честь никому [1]. У картины стоялъ генералъ-маіоръ *Кушелевъ*. Онъ съ большимъ чувствомъ сказалъ товарищу нѣсколько прекрасныхъ словъ, и бросился къ нему на шею. Это была, въ свою очередь, живая картина, которую рѣдко случается видѣть. Каждый изъ насъ хотѣлъ бы обнять обоихъ друзей вмѣстѣ.

Нарадовавшись всѣмъ видѣннымъ и слышаннымъ, мы возвращались уже въ другія комнаты. Но здѣсь пажи встрѣтили, окружили князя *Васильчикова*, грянули ура и подняли севастопольскаго героя на рукахъ, какъ древніе на щитахъ поднимали тріумфаторовъ. Пажи были въ восторгѣ, а мы любовались нашею молодежью, этимъ *будущимъ* Россіи — залогомъ ея величія и непоколебимости. Праздникъ кончился самою пріятною, оживленною бесѣдою. Гость нашъ уѣхалъ въ девятомъ часу, и мы тоже скоро, но не-хотя оставили корпусъ: всякій думалъ, когда-то удастся съ такимъ удовольствіемъ освѣжить давно прошедшія воспоминанія юности!.. И подлинно, праздникъ 29-го декабря былъ примѣрный въ составѣ своемъ и по расположенію духа собравшихся. Насъ съѣхалось около двухъ сотъ человѣкъ старыхъ пажей, и какихъ еще! Одинъ въ андреевской звѣздѣ, иные, почти за полвѣка выпущенные, въ 1809 году; у другихъ дѣти въ корпусѣ, или обра-

[1] Большая картина представляетъ осажденный Севастополь, медаліоны — подвиги князя Васильчикова. На первомъ изображенъ Корниловъ бастіонъ, и тамъ адмиралъ Нахимовъ, генералы Тотлебенъ и князь Васильчиковъ. На второмъ госпиталь, свидѣтель попеченій князя о раненыхъ, на третьемъ мѣсто и домъ весь истребленный, гдѣ онъ жилъ, на четвертомъ разрушеніе Севастополя и мостъ, съ южной стороны на сѣверную, по которому пропустивъ войска, перешелъ онъ послѣднимъ.

зовавшіеся тамъ, давно уже на службѣ. Здѣсь былъ замѣчателенъ примѣръ отца съ сыномъ, оба генералъ-адъютантами, и въ запасѣ у нихъ дома третье поколѣніе: два внука пажами. Такой составъ общества, конечно, рѣдко случается видѣть. Но собраніе наше, въ самомъ началѣ, отличалось уже отъ подобныхъ ему большихъ съѣздовъ, куда гости часто опаздываютъ, а мы явились ранѣе назначеннаго часа. Всѣ спѣшили: кто взглянуть на жилище, въ которомъ многіе не бывали десятки лѣтъ, другіе обозрѣть приготовленія къ семейной трапезѣ, или отыскивать старыхъ товарищей и друзей; всѣ встрѣчались съ удовольствіемъ, иногда совершенно неожиданно. Самая оригинальная встрѣча была двухъ товарищей, въ послѣдній разъ видѣвшихся въ 1813 году, на полѣ сраженія подъ Кенигсвартомъ, гдѣ одинъ изъ нихъ, другому раненому, на прощанье далъ послѣдній свой стаканъ вина: съ тѣхъ поръ пріятели не видались. Прошло сорокъ два года, и товарищи сошлись: одинъ какъ лунь сѣдой, другой тоже много постарѣлъ и перемѣнился, тотчасъ узнали другъ друга и бросились обниматься. Многіе изъ старыхъ пажей, видаясь въ обществахъ, не думали знакомиться, здѣсь сблизились, и разстались пріятельски. Будто магнитная сила бѣгала струями по комнатамъ, тянула и сближала людей между собою, а все пріятныя воспоминанія юности! Такъ глубоки они, что заставляютъ на время забыть настоящее, ни чуть иногда невеселое, сглаживаютъ на челѣ нашемъ морщины заботъ, и даже тяжкой старости. Къ вечеру, 29-го декабря, мы рѣшительно всѣ помолодѣли. Самые между нами упрямые сѣдины на время исчезли, и бывшіе пажи разстались, съ сладостными ощущеніями благодарности къ Государю, дружбы къ товарищамъ, воспоминаній дѣтства и удовольствій настоящаго дня. Хорошо бы почаще такъ веселиться: тогда и въ самомъ дѣлѣ немудрено помолодѣть! (1).

А. Гаряйновъ.

---

(1) «Сѣверн. Пчела» 1856 г. № 15.

ОБѢДЪ КНЯЗЮ ВИКТОРУ ИЛЛАРІОНОВИЧУ ВАСИЛЬЧИКОВУ.

Къ числу отрадныхъ свойствъ нашего времени надо присоединить обычай, недавно у насъ укоренившійся, чествовать дружными сходками память дорогихъ событій, или близкія сердцу воспоминанія, или избранныхъ людей, вызывающихъ особое къ себѣ уваженіе. Тутъ припоминаются то учебные годы, то боевыя опасности, то годовщины Царской милости, всему русскому народу дарованной. Такія собранія имѣютъ глубокій смыслъ. Они сближаютъ сослуживцевъ, въ единодушномъ благоговѣніи къ ихъ обязанности, они поддерживаютъ и увѣковѣчиваютъ признательность къ заслугамъ живыхъ и мертвыхъ. Они передаютъ исторіи изустныя преданія, а что всего важнѣе—они служатъ оселкомъ общественнаго мнѣнія, мѣриломъ нравственнаго достоинства взысканныхъ общимъ вниманіемъ лицъ. Но рѣдко бываютъ такіе обѣды, которые, не относясь къ какому нибудь хронологическому факту, возникаютъ мгновенно, сами собою, отъ душевнаго желанія выразить сочувствіе человѣку, достойному сочувствія.

Такою особенностью и отличался обѣдъ, данный, 23-го февраля (1871 г.), севастопольцами въ честь князя В. И. *Васильчикова*. Достойно вниманія, что князь В. И. *Васильчиковъ* уже нѣсколько лѣтъ не находится болѣе въ дѣйствительной службѣ. Если бы онъ состоялъ еще въ прежнихъ своихъ высокихъ званіяхъ и должностяхъ, то оказанный ему почетъ могъ бы быть заподозрѣнъ въ разсчетѣ со стороны хотя нѣкоторыхъ участниковъ обѣда. Но на этотъ разъ ничего подобнаго не могло имѣть мѣста. Князь *Васильчиковъ*, послѣ славной своей военной карьеры, отошелъ къ мирнымъ земледѣльческимъ занятіямъ. И если онъ и на этомъ поприщѣ сталъ въ первомъ ряду, то это потому, что такова его природа: всякое дѣло выполнять добросовѣстно. Такимъ образомъ, почетъ, ему оказанный, очевидно, относился прямо къ нему какъ къ человѣку, а не къ какому нибудь постороннему значенію. Это обстоятельство и составляло отличительную черту даннаго ему

обѣда. Этотъ обѣдъ не былъ задуманъ и подготовленъ заблаговременно. Князь *Васильчиковъ* не былъ даже въ Петербургѣ. Онъ пріѣхалъ только къ обѣду севастопольцевъ, но, когда онъ появился на годичной сходкѣ, всѣ лица его прежнихъ товарищей просіяли радостью, и общимъ говоромъ пробѣжало по собранію: «Онъ опять съ нами. Встрѣтимъ его съ хлѣбомъ-солью по русскому обычаю»! Такъ и сдѣлалось. Обѣдъ севастопольцевъ былъ 20-го февраля, обѣдъ князю *Васильчикову* 23-го. Онъ принесъ честь не только виновнику торжества, но и всѣмъ соучастникамъ этого торжества, изобличая, какъ разумно и честно они помнятъ добро, какъ товарищески-дружно они относятся къ личности дѣятеля общественнаго. Впрочемъ, иначе и быть не могло. Люди, которые выдержали севастопольскую осаду, люди уже вполнѣ закаленные въ духѣ правды и нравственной твердости и приговоръ ихъ ничѣмъ поколебаться не можетъ. На этотъ разъ они, можно сказать, даже щегольнули изъявленіемъ своей симпатіи: они встрѣтили и проводили своего гостя у подъѣзда; поставили предъ его приборомъ огромный букетъ, увѣнчанный княжескою короною, и поднесли ему лавровый вѣнокъ. На импровизованный обѣдъ собралось болѣе 60-ти человѣкъ. Распорядителемъ былъ выбранъ капитанъ 1-го ранга *Асланбековъ*.

На обѣдѣ севастопольцевъ (бывшемъ 20-го февраля) было заявлено предложеніе открыть по всей Имперіи подписку на сооруженіе въ Севастополѣ памятника генералу *Хрулеву*. Предположеніе это, представленное на Высочайшее Государя Императора благоусмотрѣніе, удостоилось соизволенія Его Величества. Въ слѣдствіе этого, въ началѣ обѣда, генералъ-лейтенантомъ *Меньковымъ* было прочитано, сообщенное военнымъ министромъ, объявленіе Высочайшей воли, что Государь Императоръ на открытіе подписки соизволяетъ. При этомъ сообщеніи, князь *Васильчиковъ* быстро поднялся съ мѣста и громко провозгласилъ здоровье Государя Императора. Оглушительное севастопольске «ура» отвѣтило тосту, высказанному сердечно и сердечно подхваченному.

Во время обѣда было, разумѣется, сказано нѣсколько рѣчей, и всѣ онѣ отличались такою искренностію, такою задушевностію, что мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести ихъ цѣликомъ. Такія рѣчи служатъ и дополненіемъ, и объясненіемъ къ исторіи Севастополя.

Распорядитель обѣда, г. *Аслабенковъ*, сказалъ:

«Вы уже ясно, убѣдительно видѣли, князь Викторъ Илларіоновичъ, на послѣднемъ севастопольскомъ обѣдѣ, насколько отрадно было намъ ваше появленіе; всѣ бросились привѣтствовать васъ тою неподдѣльною, живою радостью, которая не укладывается ни въ какія формы экстаза и искусственности. Каждый спѣшилъ поклониться нашему незабвенному, дорогому, милому, уважаемому, горячо любимому начальнику штаба севастопольскаго гарнизона *(браво)*.

«Вы слышите, что это не я говорю, не я такъ чувствую, но вся севастопольская семья, какъ одинъ человѣкъ, такъ думаетъ, такъ чувствуетъ; я только проводникъ той могучей силы любви, уваженія, преданности, которую вы навсегда вложили въ сердца наши и которая никогда не умретъ; скажу болѣе: если бы между ними встали тѣ герои-богатыри, которые спятъ непробудньмъ сномъ на холмахъ Севастополя, то они вмѣстѣ съ нами вамъ поклонились бы и прокричали бы ура! *(рукоплесканія)*.

«Такая общая любовь, такая сильная привязанность не достаются легко; эти чувства служатъ лучшимъ, убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ великихъ достоинствъ воина и человѣка. Увидавъ васъ, пробѣжала идея объ обѣдѣ вамъ, и явилось болѣе 60 подписей именъ—всѣхъ родовъ оружія.

«Я не стану говорить ни о вашей доблести, ни о вашихъ безустанныхъ трудахъ, ни о вашей заботливости и энергіи. Кто изъ насъ не видалъ, не знаетъ, что вы всякій день, а зачастую и по два раза въ день, объѣзжали всю оборонительную линію; что вы бывали вездѣ, гдѣ грозила опасность; что вы проводили подъ открытымъ небомъ ночи, тамъ, гдѣ ожидалось нападеніе; но не могу не

сказать о той постоянной готовности, о томъ искреннемъ желаніи помочь всякой нуждѣ, содѣйствовать, иногда, такъ сказать, изобрѣтать средства тамъ, гдѣ казалось, нѣтъ никакихъ средствъ, наконецъ, о той сердечной теплотѣ, съ которой вы облегчали стоны раненыхъ и увѣчныхъ (*правда правда*). Я увѣренъ, я убѣжденъ, что тѣ многострадальцы, которые доживаютъ свой вѣкъ по разнымъ угламъ нашего отечества, не забываютъ васъ въ своихъ молитвахъ.

«Никто не приходилъ къ вамъ не во-время—ни днемъ, ни ночью, никому не было отказа, если была малѣйшая возможность удовлетворить. Каждому не секретъ, что севастопольскій гарнизонъ, богатый своимъ нравственнымъ достоинствомъ, былъ бѣденъ въ матеріяльномъ отношеніи, а потому нужна была особенная заботливость, особенное вниманіе начальника штаба, чтобы средства обороны не совсѣмъ исчезли, чтобы дѣла шли такъ, какъ они шли въ теченіе 349 дней. Но, не смотря на всѣ лишенія, на всѣ недостатки, на бѣдственное состояніе путей сообщенія, севастопольскій гарнизонъ отслужилъ свою службу не только *вѣрно*, — но, позвольте сказать, сверхестественно, покрывъ себя неувядаемой славой, давно признанной и соотечественниками, и врагами; но вѣрно и то, что начальникъ штаба этого смѣлаго гарнизона исполнилъ свой долгъ.

«Зная близко ваши высокія нравственныя достоинства воина и гражданина, понимая вашъ доблестный характеръ, мы твердо надѣемся, что въ выраженіяхъ этой правды, этой истины, этой сердечной привязанности, вы найдете лучшую и достойнѣйшую васъ награду, и я заключу свое слово тѣмъ, чѣмъ началъ:

«Мы любимъ васъ, мы обожаемъ васъ, мы гордимся вами, какъ лучшимъ изъ лучшихъ нашихъ украшеній (*браво! браво!*).

«Господа, я предлагаю тостъ за здоровье нашего общаго любимца, нашего боярина князя В. И. *Васильчикова*».

Теплое слово, выражающее общее настроеніе, сопровождалось громкими рукоплесканіями.

Туркестанскій герой, генералъ-маіоръ *Черняевъ*, дополнилъ рѣчь г. *Асланбекова* слѣдующими словами:

«Чѣмъ болѣе событіе удаляется отъ насъ, тѣмъ болѣе выясняется его значеніе, тѣмъ явственнѣе обозначаются характеры дѣйствовавшихъ лицъ и ихъ значеніе въ ходѣ событія. Послѣ Седана, Меца и Парижа, окровавленныя развалины Севастополя освѣтились новымъ блескомъ (*правда*).

«Въ числѣ упрековъ, взводимыхъ на маршала *Базена*, сами французы ставятъ ему въ укоръ, что онъ не научился подъ Севастополемъ—защищать Меца!

«Я не стану здѣсь вспоминать о доблестныхъ подвигахъ черноморскаго флота на морѣ и сушѣ, о блистательныхъ заслугахъ инженеровъ, но прошу позволенія сказать нѣсколько словъ о нашей арміи, защищавшей Севастополь, и о ея представителяхъ.

«Ограниченная въ своихъ дѣйствіяхъ тѣсной оградой, за которой каждый имѣлъ опредѣленное мѣсто и единственную обязанность не оставлять его, гдѣ для всѣхъ, отъ генерала до солдата, былъ одинъ общій девизъ: «стоять и умирать», севастопольскія войска могли только высказать свою непоколебимую стойкость, свое беззавѣтное самоотверженіе — качества, искони русскому войску присущія и уже цѣлому свѣту извѣстныя.

«Въ такой тѣсной рамкѣ не было мѣста для личной инициативы.

«Отдѣльные подвиги, такъ сказать, растворялись въ массѣ общаго самоотверженія. Сознаніе долга до такой степени проникло каждаго, что въ отдѣльныхъ примѣрахъ не было надобности, и главный начальникъ счелъ даже нужнымъ сдерживать отдѣльные порывы. Въ приказѣ, отданномъ по гарнизону, въ концѣ второй бомбардировки, графъ *Сакенъ* убѣждалъ не подвергаться безполезно опасности и беречь себя для рѣшительной минуты (*браво!*).

«Ничего подобнаго не встрѣчали мы въ борьбѣ, которой были на дняхъ свидѣтелями издали.

«Не смотря на пассивную роль, къ которой была обречена армія, сколько именъ стало чаще и чаще повторяться въ Севастополѣ, и къ концу осады стоустная молва разнесла ихъ по всей Россіи.

«Съ именами этими не связаны воспоминанія рѣшительныхъ событій, такъ какъ рѣшительныя событія не зависѣли отъ воли этихъ людей; но имена ихъ были знаменемъ для севастопольцевъ въ самыя трудныя минуты, и остались донынѣ дорогими русскому сердцу, какъ представители военной доблести этой достопамятной эпохи.

«Къ числу этихъ немногихъ именъ полевой арміи, заслонявшей своею грудью обвалы севастопольскихъ стѣнъ, принадлежитъ имя князя Виктора Илларіоновича *Васильчикова*, въ честь котораго и предлагаю крикнуть «ура» *(рукоплесканія)*.

Послѣ возобновленныхъ, восторженныхъ привѣтствій, растроганный виновникъ задушевнаго праздника произнесъ взволнованнымъ голосомъ:

«Любезные и дорогіе сослуживцы!

«Примите не хитрое мое слово, какъ теплое выраженіе моей душевной признательности за предполагаемую мнѣ вами сегодня солдатскую хлѣбъ-соль. Мы познакомились и сблизились въ тѣ кровавые дни, когда русскому воинству, обреченному на тягостное, оборонительное положеніе, приходилось защищать наскоро набросанныя ими укрѣпленія противъ громадныхъ средствъ союзниковъ. Вы грудью своею отстаивали эти укрѣпленія и отстояли славу русскаго оружія, честь русскаго орла *(рукоплесканія)*.

«Эти кровавые дни составляютъ самое дорогое воспоминаніе моей жизни, потому что теперь, указывая на васъ, защитниковъ Севастополя, я имѣю право сказать: И я былъ съ ними! (*съ вами, князь, съ вами*).

«Еще разъ позвольте поблагодарить за незаслуженный мною почетъ! (*да здравствуетъ князь*!).

«Но облитыя русскою кровью развалины Севастополя, служащія нынѣ памятникомъ нашего самоотверженія и доблести, будутъ имѣть еще иное значеніе въ исторіи русскаго народа. Годъ тяжкаго испытанія, перенесеннаго на-

шимъ отечествомъ, и изображенный на могильныхъ памятникахъ павшихъ нашихъ собратовъ, обозначаетъ отнынѣ новую эру въ Исторіи Россіи. Съ этого года начинается эпоха обновленія и внутренняго переустройства нашей любезной отчизны. Великія дѣла совершились и постоянно совершаются на землѣ русской съ этого времени. Омытая въ крови доблестныхъ своихъ защитниковъ, земля русская возраждается, и, напрягая силы свои къ совершенствованію себя и свободному своему развитію—любовно манитъ соплеменные народы къ мирному и дружелюбному единенію, не для того, чтобы безчисленными полчищами завоевывать чужія земли и покрывать ихъ грудами развалинъ и труповъ (*браво, браво!*), но для того, чтобы, сплотившись въ тѣсную семью, гордо сказать враждебнымъ намъ элементамъ: «Не троньте насъ!» (*взрывъ рукоплесканій*).

«Вотъ то значеніе, какое имѣютъ бѣлыя могилы, которыми усѣяны крутыя высоты надъ Севастопольской бухтой; надъ ними паритъ духъ *Корнилова*, *Нахимова*, *Истомина*, *Горчакова*, *Хрулева*, преждевременно сраженнаго смертью М. П. *Лазарева*, и превыше всего высится православный крестъ, водруженный на усыпальницѣ убіенныхъ, и судитъ Россіи вящшую славу, вящшее благоденствіе!» (*рукоплесканія*).

Затѣмъ, генералъ-лейтенантъ *Меньковъ*, на скромный отзывъ князя *Васильчикова* о самомъ себѣ, высказалъ слѣдующее:

«Выслушавъ глубоко-прочувствованную рѣчь князя Виктора Илларіоновича, я почтительно преклоняюсь передъ историческими истинами, заявленными имъ, но именемъ всѣхъ присутствующихъ, именемъ всей севастопольской семьи, протестую противу скромныхъ выраженій князя — «о незаслуженомъ имъ почетѣ» (*браво*).

«Нѣтъ, князь Викторъ Илларіоновичъ!... Искренно-солдатское выраженіе нашихъ чувствъ служитъ только слабою данью заслуженнаго вами почета!

«Не спицею въ колесѣ Севастополя—какъ вы выразились послѣ вашей рѣчи—былъ князь Викторъ Илларіоновичъ. Нѣтъ! князь *Васильчиковъ* былъ тѣмъ могучимъ, са-

моотверженнымъ двигателемъ, по разумному направленію котораго вертѣлись всѣ колеса славной севастопольской обороны!... (*браво, браво*).

«Къ чувствамъ, съ такою правдою и съ такимъ красорѣчіемъ высказаннымъ предъ симъ почтеннымъ А. Б. *Асланбековымъ*, я прибавляю:

«Глубокое уваженіе, любовь и довѣріе людей даются не легко,—да и даются не каждому!... Право на нихъ—есть исключительное достояніе тѣхъ немногихъ личностей, блистательнымъ представителемъ которыхъ—князь Викторъ Илларіоновичъ *Васильчиковъ*! (*браво*).

«Сегодня, и три дня тому назадъ, на нашей севастопольской тризнѣ, всѣ мы были свидѣтелями того добраго, хорошаго чувства, съ которымъ каждый севастополецъ спѣшилъ на встрѣчу къ князю Виктору Илларіоновичу, спѣшилъ наглядѣться, послушать его!...

«Настоящій маленькій кружокъ, привѣтствующій князя Виктора Илларіоновича хлѣбомъ-солью, не болѣе какъ капля въ морѣ—въ широкомъ кругу его почитателей!... (*да, правда*).

«Много фактовъ изъ былаго, много фактовъ изъ севастопольской эпопеи, я могъ бы привести въ подтвержденіе моихъ словъ... но... но, ограничусь однимъ изъ нихъ:

«Былъ разгаръ осады. — Надъ Севастополемъ стояли непроглядныя тучи пороховаго дыма, повсюду градомъ сыпались вражьи снаряды, было — іюньское бомбардированіе, предшествовавшее славно отбитому іюньскому штурму...

«Доблестный Павелъ Степановичъ (*Нахимовъ*) возвращался съ бастіоновъ... (*вниманіе, вниманіе*).

«Одинъ изъ севастопольцевъ, идя на встрѣчу доблестному адмиралу, замѣтилъ ему, что онъ не бережетъ себя, и при всякой тревогѣ подвергается опасности... «Что будетъ, заключилъ онъ, если Севастополь васъ утратитъ?»...

«Нахмурилось чело адмирала...

«Не то вы говорите-съ, возразилъ Павелъ Степановичъ. «убьютъ съ меня, убьютъ-съ васъ-съ, это ничего-съ!...

а вотъ—если «израсходуютъ» князя *Васильчикова* или генерала *Тотлебена* — это бѣда-съ: безъ нихъ не сдобровать-съ и Севастополю!...

«Истина словъ, произнесенныхъ устами доблестнаго представителя храбрыхъ моряковъ, была прочувствована и сознана севастопольцами... Да и не только гарнизонъ, но и войска, раскиданныя по сѣвернымъ прибрежьямъ севастопольской бухты, съ именемъ князя Виктора Илларіоновича *Васильчикова* сочетали свое довѣріе, свои надежды!... (*рукоплесканія*).

«Мой тостъ, господа, за боевыя доблести, за честную службу святой родинѣ, въ минуты тяжелыхъ ея испытаній, тостъ мой за здоровье князя Виктора Илларіоновича, олицетворяющаго собою *идеалъ доблестей* русскаго офицера!...

«Ура»!... (*рукоплесканія*)

Рѣчь генералъ-лейтенанта *Менькова* возбудила общее сочувствіе собранія. Въ особенности затронула вниманіе исторически-характерная черта, такъ высоко ставящая самого *Нахимова*, генерала *Тотлебена* и князя *Васильчикова*.

Въ свою очередь, министръ государственныхъ имуществъ, генералъ-адъютантъ *Зеленый*, бывшій нѣкогда подчиненнымъ князя *Васильчикова*, обратился къ собранію и, съ отличительною скромностію, напомнилъ о своихъ личныхъ отношеніяхъ къ князю. Затѣмъ онъ разсказалъ, что въ письмахъ, которыя онъ часто получаетъ отъ своихъ тобольцевъ, его спрашиваютъ: «живъ ли, здоровъ ли *нашъ* князь Викторъ Илларіоновичъ?» (*рукоплесканія*). Представитель Тобольскаго полка заключилъ свое задушевное слово заздравнымъ тостомъ князю *Васильчикову*, который, тутъ же, поднялъ бокалъ за здравіе Александра Алексѣевича. Восторженное «ура» прошумѣло въ залѣ.

Полковникъ Е. В. *Богдановичъ*, какъ и на предшествовавшемъ обѣдѣ, говорилъ за столомъ послѣдній. И на этотъ разъ, одушевленная его рѣчь, въ иныхъ мѣстахъ удачно потрясавшая сердечныя струны присутствующихъ, произвела сильное впечатлѣніе.

Вотъ что онъ сказалъ:

«Милостивые государи!

«Намедни, когда севастопольскіе братья собрались къ своей ежегодной тризнѣ, вдругъ сдѣлалось общее радостное движеніе, какъ будто каждый неожиданно увидалъ своего ближайшаго родственника, своего лучшаго друга *(да, да)*. Въ залъ вошелъ человѣкъ въ скромномъ черномъ фракѣ, но съ Георгіемъ на шеѣ. По стройному стану онъ казался юношей, по бѣлѣющимъ волосамъ онъ казался старцемъ. Созданный, чтобъ быть исполиномъ, онъ видимо отдалъ свѣжесть молодости какому-то суровому долгу, какому-то сокрушительному призванію.

«И, дѣйствительно, долгъ его былъ суровый, призваніе его было не легкое. Болѣе 9-ти мѣсяцевъ князь *Васильчиковъ*, ежеминутно жертвуя собой, радѣлъ о севастопольскомъ гарнизонѣ *(рукоплесканія)*.

«Всей Россіи извѣстно, что онъ послѣдній вышелъ изъ ада, горѣвшаго подъ огненнымъ дождемъ города *(правда)*.

«Не знаю, милостивые государи, раздѣляете ли вы мое мнѣніе, но мнѣ кажется, что нынѣ, послѣ разгрома цѣлой Франціи, защита Севастополя принимаетъ еще болѣе величественные размѣры, становится еще страшнѣе для нашихъ недоброжелателей, еще священнѣе для насъ самихъ *(браво)*. Защита не началась хвастливостью, а, напротивъ того, свойственнымъ русскому духу смиреніемъ, свойственною русскому обычаю простотой. Французская легенда самодовольно гласитъ о какой-то орлеанской дѣвѣ съ хоругвью въ рукахъ, театрально ведущей войска къ побѣдѣ! По мнѣ стократъ трогательнѣе и поучительнѣе тѣ простыя матери, жены и дочери севастопольскихъ матросовъ, тѣ босоногія бабы *(браво, браво)*, которыя носили фашинники и землю для скороспѣлыхъ укрѣпленій подъ непріятельскими выстрѣлами *(рукоплесканія)*. Онѣ не рисовались передъ фронтомъ, онѣ не думали о томъ, что оставляютъ послѣ себя круглыхъ сиротъ,—онѣ шли на смерть, какъ на барщину. Выпала такая очередь. Онѣ перекрестились и пошли *(браво, правда)*. То геройство и велико, которое само не знаетъ, что оно геройство *(рукоплесканія)*.

«Воскресеніе Севастополя не зависитъ отъ лондонскихъ конференцій (*браво*). Оно основывается на силѣ русскаго чувства, которое, за неимѣніемъ другой защиты, бросилось нѣкогда отстаивать мученическій городъ и никогда не сдавалось (*браво*). Пока русскіе не забудутъ своихъ родныхъ началъ: вѣры въ Бога, преданности престолу и любви къ родинѣ—намъ не страшенъ, намъ никто не нуженъ (*правда, правда*). Мы не обращаемъ побѣду въ пятимилліардную спекуляцію (*взрывъ рукоплесканій*), чужихъ земель мы не желаемъ и мы нуждаемся не въ завоевательныхъ скорострѣльныхъ орудіяхъ, а въ орудіяхъ земледѣльческихъ, въ плугахъ и молотильныхъ машинахъ.

«И въ этомъ отношеніи нашъ почтенный гость намъ служитъ примѣромъ (*рукоплесканія*). Русскій нашъ Цинцинатъ такъ же честно и всецѣло посвятилъ себя родному благоденствію, какъ посвящалъ себя всецѣло оборонѣ отечества. И тутъ стяжалъ онъ себѣ имя. И тутъ заслужилъ онъ благодарность (*рукоплесканія*).

«Въ князѣ *Васильчиковѣ* мы видимъ достойнаго члена той братской севастопольской семьи, которая удивила всю вселенную мощью своей духовной силы. Эта духовная сила знамя русской державы (*браво!*). Въ наше время, чреватое событіями, нельзя знать—гдѣ миръ и гдѣ война! Дай Богъ миръ всѣмъ. Но если вспыхнетъ война—сила духовная будетъ съ нами! *Лазаревъ* и *Грейгъ* сойдутъ съ своихъ гранитныхъ пьедесталовъ. *Корниловъ*, *Нахимовъ*, *Истоминъ*, *Хрулевъ*, *Сабашинскій*, *Тимофѣевъ*, *Шейдеманъ* возстанутъ изъ гробовъ, *Тотлебенъ* выдвинетъ бастіоны, *Хрущевъ* припомнитъ Волынскій и Камчатскій редуты (*браво! браво!*). Оберегатель государственныхъ имуществъ, мужъ нашей оффиціальной правды (*громъ рукоплесканій*), очутится снова передъ своими тобольцами, и князь *Васильчиковъ*, сбросивъ съ себя одежду пахаря, надѣнетъ свой боевой мундиръ и вернется къ своему доблестному призванію (*рукоплесканія*).

«Я предлагаю тостъ за будущность русской силы, за сохраненіе святыхъ началъ русскаго чувства, всегда оду-

шевлявшаго русскую армію и русскій флотъ!» *(рукоплесканія).*

Во время обѣда, находившаяся на лицо семья севастопольцевъ обратилась къ генералъ-маіору Михаилу Григорьевичу *Черняеву*, съ задушевною просьбою принять на себя всѣ заботы по сооруженію надгробнаго памятника надъ могилою доблестнаго героя Степана Александровича *Хрулева*.

Генералъ-маіоръ Михаилъ Григорьевичъ *Черняевъ*, съ полною готовностью, принялъ на себя исполненіе этого святаго для севастопольской и всей военной семьи дѣла.

Послѣ обѣда генералъ В. Д. К... прочелъ слѣдующій экспромтъ:

„Гдѣ лавръ, тамъ, кстати, стихъ поэта,
Въ его права вступаю я.
Къ вамъ, князь, любовію согрѣта
Вся севастопольцевъ семья.
Вы русскій князь, не по названью,
Что титулъ? это звукъ пустой;
Герой вы—воинъ по призванью,
Вы русскій—русскою душой!
Вамъ памятникъ нерукотворный
Въ сердцахъ друзей земли родной
Привѣтъ любви ихъ непритворной,
Привѣтъ сердечной и святой!"

Было сказано еще много сочувственныхъ князю *Васильчикову* словъ, много было вызвано добрыхъ воспоминаній, много было обмѣнено дружескихъ рѣчей между прежними боевыми товарищами.

Затѣмъ, всѣ начали разъѣзжаться и шумная зала опустѣла.

Казалось бы, что, само по себѣ, дѣло не важное. Собрались добрые пріятели, выпили нѣсколько бокаловъ шампанскаго, обмѣнялись привѣтствіями и разошлись. Но судить такъ было бы невѣрно. Никакая заслуга передъ отечествомъ нынѣ болѣе у насъ не умираетъ. Погибнетъ-ли цѣлый городъ —этотъ городъ въ самой своей смерти найдетъ источникъ новой жизни; онъ воскреснетъ въ обновленномъ видѣ, но память о его временной гибели обратится

въ народную святыню. Падетъ-ли воинъ на полѣ чести—онъ, который иначе прошелъ бы незамѣченный, становится безсмертенъ на скрижаляхъ исторіи! Наконецъ, является ли передъ лицемъ русскаго гражданства живая заслуга по общественному дѣлу и по человѣчнымъ стремленіямъ,—слово правосудія, рано или поздно, высказывается судомъ правды. Общественное мнѣніе и правому, и виноватому воздастъ должное, и благословеннымъ ходомъ событій просвѣщеніе водворяется въ нѣдрахъ государства (1).

(2) „Русскій Инвалидъ“ 1871 г. № 45.

МАРШАЛЪ СЕНТЪ-АРНО.

Сентъ-Арно родился въ Парижѣ, въ 1801 г., отъ родителей небогатаго состоянія. Онъ вступилъ въ молодыхъ лѣтахъ въ военную службу, и, подобно многимъ молодымъ людямъ, служившимъ въ арміи въ царствованіе *Людовика* XVIII, предавался удовольствіямъ. Въ царствованіе *Карла* X онъ служилъ недолго въ королевскомъ гвардейскомъ полку, но вскорѣ послѣ того вышелъ въ отставку и переѣхалъ на жительство въ Англію. Послѣ переворота 1830 года, онъ возвратился во Францію, и вновь вступилъ въ военную службу. Въ это время полкъ, въ которомъ онъ служилъ, охранялъ крѣпость Блэ, гдѣ помѣщена была на жительство герцогиня *Беррійская*, и здѣсь онъ обратилъ на себя благосклонное вниманіе *Бюжо*, бывшаго комендантомъ крѣпости, своимъ умомъ и расторопностью.

Въ 1837 г., въ чинѣ капитана, онъ отправился въ Алжиръ съ иностраннымъ легіономъ, составленнымъ преимущественно изъ политическихъ выходцевъ, искавшихъ службы во французской арміи. Въ этомъ отрядѣ *Сентъ-Арно*, отличавшійся неустрашимостью, участвовалъ во многихъ важныхъ предпріятіяхъ. Менѣе чѣмъ въ десять лѣтъ, онъ возвысился изъ чина батальоннаго командира до званія маршала. Въ числѣ его подвиговъ, самые важные были: походъ, подъ его начальствомъ, въ 1842 г., противъ непокорнаго племени Бени-Бондонанъ, къ западу отъ Миліаны; нападеніе на племя Бени-Ферра, въ слѣдующемъ

году: пораженіе *Флиціа-эль-Баръ* и покореніе шерифа *Бу-Мазы*, возбудившаго возстаніе въ Даръ. Въ 1849 году, *Сентъ-Арно*, въ чинѣ бригаднаго генерала, прошелъ страну Бени-Селиманъ, и ознаменовалъ свой походъ многими блестящими успѣхами. Въ слѣдующемъ году онъ назначенъ былъ губернаторомъ провинціи Константины, и, при неутомимой дѣятельности, быстро усмирилъ и преобразовалъ эту страну, и пріобрѣлъ привязанность многихъ старшинъ, которыхъ прежде никто не могъ покорить. Походъ, предпринятый генераломъ *Сентъ Арно* въ 1851 г. противъ кабиловъ, былъ однимъ изъ успѣшнѣйшихъ когда-либо исполненныхъ французскими войсками въ Алжиріи. Съ отрядомъ изъ шести тысячъ человѣкъ, онъ опустошилъ эту дикую и гористую страну, не смотря на сопротивленіе ея воинственныхъ племенъ.

Въ 1851 г., въ чинѣ генералъ-лейтенанта, *Сентъ-Арно* возвратился во Францію. Его образъ мыслей обратилъ на себя вниманіе *Людовика-Наполеона*, тогдашняго президента французской республики, который видѣлъ въ немъ надежнѣйшаго помощника для своихъ затѣй, и, въ октябрѣ 1851 года, будущій императоръ французовъ поручилъ ему важную должность военнаго министра. Въ 1852 году, за услугу при пресловутомъ декабрскомъ переворотѣ, онъ пожалованъ въ маршалы Франціи, вскорѣ послѣ того въ сенаторы, а затѣмъ въ оберъ шталмейстеры. Въ 1854 году, по объявленіи Франціею и Англіею войны Россіи, маршалъ *Сентъ-Арно* назначенъ былъ главнокомандующимъ французскими войсками на Востокѣ. Ни разу не встрѣтившись съ русскими, французы, отъ холеры и другихъ болѣзней, потеряли огромное число солдатъ изъ своего войска. Въ это время, желая, вѣроятно, вознаградить потерянное время и оправдать свои хвастливыя прокламаціи, *Сентъ-Арно*, не слушая благоразумныхъ совѣтовъ другихъ генераловъ, предпринялъ крымскую экспедицію ([1]).

Сентъ-Арно, знаменитый полководецъ, которымъ гор-

([1]) „Русск. Худож. Лист." 1854 г. № 28

дится теперь Бонапартовская Франція, впервые является на обширномъ театрѣ войны. До сихъ поръ онъ былъ въ Алжирѣ бригаднымъ генераломъ. По отзыву офицеровъ, участвовавшихъ въ алжирскихъ кампаніяхъ, *Сентъ-Арно* не обнаружилъ, при экспедиціи въ Кабилію, никакихъ стратегическихъ дарованій; движенія войскъ производились безтолково, потеряно было много солдатъ, и поверхность одержана единственно численностью и превосходствомъ войскъ. *Бюжо* сказалъ о *Сентъ Арно*: «онъ храбръ днемъ, но труситъ въ полночь». Потомъ прибавилъ: «*Сентъ-Арно* всегда будетъ человѣкъ полезный, потому что правительство можетъ заставить его дѣлать, что захочетъ. Онъ не откажется ни отчего (¹)».

Заграничная переписка «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей».

Лондонъ 4-го апрѣля 1854 г.

.....Теперь позвольте мнѣ обратиться къ любопытной, но малопоучительной біографіи главнокомандующаго французскимъ экспедиціоннымъ корпусомъ на Востокѣ.

Послѣ революціи 1830 года, военное поприще снова открылось для г. *Леруа*. 9-го декабря 1831 года онъ поступилъ поручикомъ въ одинъ пѣхотный полкъ, расположенный въ Вандеѣ, гдѣ онъ вскорѣ имѣлъ удовольствіе помѣняться ружейными выстрѣлами съ своими старинными сослуживцами, гвардейцами, окружавшими герцогиню *Беррійскую*.

Когда эта принцесса была арестована въ Нантѣ, послѣ преданія ея министерству *Тьера* жидомъ *Дейцомъ*, поручикъ *Сентъ-Арно* получилъ приказаніе сопровождать ее въ Блэ и содѣлался однимъ изъ ея тюремныхъ стражей, подъ главнымъ наблюденіемъ генерала *Бюжо*. Его поступки въ отношеніи къ знаменитой узницѣ не были сообразны ни съ правилами обыкновенной вѣжливости, ни съ тѣми чувствами, которыя должно внушать положеніе вдвойнѣ-несчаст-

---

(¹) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 207.

ной женщины. Даже генералъ *Бюжо*, никогда не отличавшійся большою вѣжливостію, былъ возмущенъ поступками своего ординарца въ отношеніи къ герцогинѣ, но онъ не былъ властенъ смѣнить адъютанта, назначеннаго самою военной полиціей для присмотра за узницей.

Поручикъ *Сентъ-Арно* исполнялъ свою роль тюремнаго сторожа до самаго переселенія герцогини въ Палермо, куда ему приказано было сопровождать ее. По возвращеніи въ 64 полкъ, офицеры встрѣтили его съ явнымъ презрѣніемъ, негодуя на ту недостойную роль, которую онъ разыгрывалъ въ Блэ. Чтобы избавиться отъ нихъ, онъ принужденъ былъ перейдти въ «иностранный легіонъ», сформированный въ городѣ По, подъ руководствомъ и главнымъ начальствомъ батальоннаго командира *Бедо*. Иностранный легіонъ представлялъ самую пеструю смѣсь выходцевъ, дезертировавшихъ изъ различныхъ европейскихъ армій, настоящій refugium peccatorum, и, вступивъ въ него, бывшій блейскій тюремный сторожъ почувствовалъ, что онъ попалъ въ свою настоящую среду.

Въ кругу своихъ новыхъ товарищей, г. *де-Сентъ Арно* сталъ изучать военное искусство, принималъ дѣятельное участіе въ жестокостяхъ противъ арабовъ, научился истреблять жатвы, уничтожать плантаціи оливковыхъ деревъ, вытѣснять горцевъ изъ ихъ убѣжищъ, однимъ словомъ, вести войну съ помощью засадъ и хитрости.

15-го августа 1827 года онъ произведенъ былъ въ капитаны, за выслугу лѣтъ, а спустя нѣсколько мѣсяцевъ, на него возложены были казначейская и провіантная часть, и онъ началъ такъ безцеремонно черпать изъ ввѣренной ему кассы, что генеральный инспекторъ *Рюльеръ*, открывъ его продѣлки, потребовалъ, чтобъ виновный въ расхищеніи казеннаго капитала былъ отданъ подъ судъ. Г. *де-Сентъ-Арно* долженъ былъ бы неминуемо погибнуть, еслибъ полковнику *Бедо*, тронутому его отчаяніемъ, не удалось смягчить просьбами справедливый гнѣвъ генеральнаго инспектора.

Благодаря этой снисходительности, капитанъ *Сентъ-Арно* не былъ исключенъ даже изъ списка офицеровъ,

назначенныхъ къ повышенію, и когда настала его очередь старшинства, онъ былъ переведенъ, въ 1840 году, батальоннымъ командиромъ въ 18-й легкій полкъ, въ 1842 году произведенъ въ подполковники, съ назначеніемъ въ 53-й, и наконецъ въ 1844, въ полковники. съ переводомъ въ 32-й линейный полкъ.

Назначенный командиромъ орлеанвильской бригады вовремя войны съ *Абдель-Кадромъ* въ 1845—1846 годахъ, онъ игралъ въ тогдашнихъ военныхъ событіяхъ самую незначительную роль. Между тѣмъ какъ дѣйствіямъ его подчиненныхъ, подполковниковъ *Эйнара* и *Канробера*, отдавалась въ бюллетеняхъ маршала *Бюжо* величайшая похвала, имя г. *де-Сентъ-Арно* никогда не упоминалось въ нихъ съ особеннымъ одобреніемъ. Борьба не возобновлялась уже цѣлый годъ, когда *Бу-Маза*, наскучивъ скитальческой жизнію среди непріязненныхъ ему племенъ, добровольно сдался командиру орлеанвильской бригады. Этотъ счастливый случай, которымъ г. *де-Сентъ-Арно* умѣлъ ловко воспользоваться, доставилъ ему въ ноябрѣ 1847 года чинъ генералъ-маіора, а вскорѣ послѣ того г. *Леруа* возвратился въ Парижъ.

Въ первыхъ числахъ февраля 1848 года, между тѣмъ, какъ депутатъ *де-Марни* готовилъ втайнѣ реформистскій банкетъ, долженствовавшій низвергнуть іюльское правительство, г. *де-Сентъ-Арно* отправился въ Тюильри, чтобы выразить королю чувства преданности и признательности. 22-го февраля, ему ввѣрено было начальство надъ одною изъ бригадъ парижской арміи и дано порученіе защищать префектуру полиціи. 24-го февраля онъ не сдѣлалъ ничего для подавленія возстанія и отступилъ на Карусельскую площадь, оставивъ на произволъ судьбы одинъ батальонъ муниципальной гвардіи, который и былъ изрубленъ въ куски.

Затѣмъ онъ предложилъ свою преданность временному правительству, которое, сильно сомнѣваясь въ его искренности, отправило его въ Африку и снова поручило ему начальство надъ орлеанвильской бригадой, а онъ, въ свою

очередь, вновь принялся за коммерческія спекуляціи съ предводителями туземныхъ племенъ.

По окончаніи экспедиціи, предпринятой въ Заатчу, г. *де-Сентъ-Арно* назначенъ былъ губернаторомъ провинціи Константины. Здѣсь сошелся онъ съ батальоннымъ командиромъ *Флери*, который, сдѣлавшись незадолго предъ тѣмъ довѣреннымъ лицомъ президента республики, предложилъ бывшему гвардейцу самыя блистательныя условія, если онъ согласится содѣйствовать планамъ *Людовика-Наполеона*. Генералъ *Сентъ-Арно* съ радостью согласился на эту сдѣлку и представилъ только одно возраженіе, а именно, что будущій военный министръ не можетъ оставаться бригаднымъ генераломъ. «О! за этимъ дѣло не станетъ, отвѣчалъ г. *Флери*, у насъ есть случай и возможность поручить вамъ экспедицію въ Кабилію, и, каковъ бы ни былъ ея результатъ, вы во всякомъ случаѣ получите чинъ дивизіоннаго командира».

Эта экспедиція происходила въ 1851 году, и г. *Сентъ-Арно* совершилъ ее такъ неискусно, выказалъ такое незнаніе горной войны, что въ одномъ шеститысячномъ отрядѣ оказалось убитыхъ и раненыхъ 650 нижнихъ чиновъ и 57 офицеровъ. Что касается до результата экспедиціи, то она нисколько не содѣйствовала водворенію спокойствія въ колоніи, а для финансовъ была чрезвычайно-убыточна. Но за то г. *де-Сентъ-Арно* былъ произведенъ въ дивизіонные генералы.

По возвращеніи въ Парижъ, онъ, на первый разъ, получилъ начальство надъ дивизіей французской арміи. Вслѣдъ затѣмъ генералъ *Рандонъ*, позволившій себѣ выразить нѣкоторыя сомнѣнія на счетъ законности власти, и призвавшій къ порядку полковника *Гардеренса*, который обратился къ бонапартистскимъ pronunciamento къ 6-му линейному полку—принужденъ былъ уступить г. *де-Сентъ-Арно* должность военнаго министра.

Читателямъ извѣстно участіе, принятое имъ въ государственномъ переворотѣ 2-го декабря, и то, что онъ при этомъ случаѣ, вмѣстѣ съ гг. *де-Морни* и *де-Мопа*, былъ довѣреннымъ лицомъ *Людовика Наполеона*. За

это удачное сообщничество онъ былъ назначенъ маршаломъ Франціи, а теперь на него возложены начальство надъ значительной арміей и огромная отвѣтственность. Теперь мы уже знаемъ частную его жизнь, а вскорѣ будемъ имѣть случай оцѣнить и его военныя способности. ([1])

Письма маршала Сентъ-Арно. Парижъ, 1855 г. 2 тома.

(Lettres du Marechal de Saint-Arnaud. Paris, 1855. 2 vol).

Новѣйшая французская литература изобилуетъ мемуарами, которыя, подъ различными наименованіями—Lettres familières, Confidences, Mémoires contemporaines, Histoire de ma vie и т. п.—имѣютъ цѣлію раскрывать предъ всѣмъ свѣтомъ самую сокровенную жизнь историческихъ личностей. Хотя мы привыкли къ подобнымъ явленіямъ, однако не мало удивились, что родственники маршала *Сентъ-Арно* признали нужнымъ, уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ его смерти, познакомить публику съ тайными изгибами его души. Какая цѣль изданія этихъ писемъ? Какъ матеріялъ для исторіи, онѣ весьма скудны, и единственную причину ихъ обнародованія можно, повидимому, объяснить тѣмъ, что хотѣли исторгнуть изъ жизни покойнаго многія темныя пятна, которыхъ онъ никогда не могъ загладить. Очень вѣроятно также, что, при нынѣшнемъ положеніи Франціи, изданіе писемъ *Арно* было разсчитано на благопріятный эффектъ и на прославленіе бонапартовскаго любимца. Во Франціи умѣютъ мастерски придавать лоскъ современнымъ событіямъ.

Жизнь Сентъ-Арно представляетъ три періода, рѣзко отличающіеся одинъ отъ другаго. Первый періодъ объемлетъ его молодость до 1830 года, второй знакомитъ насъ съ его военнымъ поприщемъ, на которомъ онъ, въ теченіе двадцати лѣтъ, возвысился изъ подпоручиковъ въ маршалы; третій начинается тамъ, гдѣ онъ принимаетъ участіе въ политическихъ судьбахъ Франціи, и является окончательно въ главѣ экспедиціи, до нынѣ обращающей на себя

([1]) „С. Петербургскія Вѣдомости“ 1854 г. № 81.

вниманіе міра. Первый и третій періодъ этой тревожной жизни изложены далеко не полно въ обнародованныхъ нынѣ письмахъ: первый, безъ сомнѣнія, потому, что родные не хотѣли вдаваться въ большія подробности, третьяго *не смѣли*. И потому только второй періодъ изложенъ, по видимому, вполнѣ, и эта часть писемъ есть въ тоже время почти полная исторія войны въ Африкѣ, написанная живо и сильно, иногда увлекательно.

Не все однако выпущено изъ того, что касается первыхъ тридцати лѣтъ жизни *Сентъ-Арно*; не только въ предисловіи, но и въ самихъ письмахъ есть намеки, которые тѣмъ не менѣе красноречивы. Такъ, напримѣръ, въ предисловіи сказано, что «маршалъ, не смотря на недугъ, преждевременно приблизившій его къ могилѣ, все еще сохранилъ красивыя и выразительныя черты лица, типъ военнаго изящества и энергіи...» И потомъ прибавлено: «Вообразите себѣ его тѣмъ, чѣмъ онъ былъ въ двадцать лѣтъ, красивымъ, остроумнымъ, пылкимъ молодымъ человѣкомъ, одареннымъ такимъ характеромъ, который воспламеняется при всякомъ препятствіи, и тогда вы не удивитесь, что молодость его прошла бурно, и что онъ былъ героемъ не одного романическаго приключенія. Быть можетъ, и самъ *Сентъ-Арно* намекаетъ на подобныя приключенія въ своей жизни, въ одномъ письмѣ (мартъ, 1830): «Герцогъ Клермонъ-Топнеръ опредѣлилъ меня, во время своего министерства въ 1827 году, въ 49-й полкъ, который я оставилъ самымъ глупымъ образомъ», или (въ декабрѣ 1839): «И такъ наши дѣти растутъ на славу, становятся здоровѣе и умнѣе. Слава Богу! Умъ дается не всякому. Я, мой бѣдный другъ, я былъ вызванъ поздно, когда надѣляли умомъ. Пусть говорятъ, что это неразлучно съ темпераментомъ; человѣкъ родится умнымъ такъ-же, какъ родится живописцемъ или харчевникомъ. Я родился солдатомъ, со всѣми недостатками этого ремесла и съ нѣкоторыми его достоинствами». Бережливость онъ не причисляетъ, кажется, къ достоинствамъ «ремесла», судя по слѣдующему случаю, имъ разсказываемому (въ іюлѣ 1850, письмо изъ Сетифа): «Одинъ портной изъ Ліона прислалъ

мнѣ въ Константину заемное письмо въ 550 франковъ, выданное мною въ Парижѣ, срокомъ по 15-е іюня 1820 г. Не помню ни заемнаго письма, ни портнаго. Можно было бы, пожалуй, сослаться на тридцатилѣтнюю давность, но подобными уловками мы не занимаемся. Я распорядился платежемъ. Этотъ хвостъ молодости длиннѣе хвоста Консидерана; но за то каковъ у него и глазъ! Ахъ, какія наставленія получаетъ отъ меня мой сынъ!» Къ столь немногимъ намекамъ можно прибавить, по письмамъ 1822 года, что *Сентъ-Арно*, имѣвшій тогда двадцать четыре года отъ роду, былъ жаркій филеллинъ и отправился въ Грецію, и что онъ скоро охладѣлъ въ своемъ филеленизмѣ. Стало быть, намъ извѣстно только, что будущій маршалъ Франціи былъ красивый мужчина, съ выразительнымъ лицомъ, живой и пылкій, и уже на двадцать пятомъ году жизни раскланявшійся съ восторженностію. Портретъ его можно развѣ дополнить тѣмъ, что, при взрывѣ іюльскаго переворота, онъ находился въ Англіи, и едва ли не правдоподобно, что причиною тому былъ упомянутый портной изъ Ліона, не дававшій ему покоя и въ 1850 году.

Между тѣмъ *Сентъ-Арно* воспользовался своимъ пребываніемъ за границею, и своими различными путешествіями, чтобы пополнить неудовлетворительность своего первоначальнаго образованія. Онъ говорилъ и писалъ на двухъ или на трехъ иностранныхъ языкахъ (I. стр. 40), кромѣ латинскаго, изъ котораго любилъ приводить цитаты; зналъ музыку («Герцогиня-Беррійская—писалъ онъ изъ Блэ, въ 1833 году, съ удовольствіемъ слушаетъ мое пѣніе; она просила, чтобы я пришелъ къ ней сегодня вечеромъ съ гитарою»); любилъ хорошіе стихи, самъ импровизировалъ ихъ, какъ случилось, напримѣръ (15 октября 1833), при передачѣ генераломъ Менье знамени той ротѣ, которою командовалъ поручикъ *Сентъ-Арно*:

Pour nos drapeaux, c'est l'honneur que l'ordonne,
S'il faut mourir, il sera satisfait.
Rappelons nous Meunier, qui les donne,
Sous la mitraille autrefois les prenait.

Когда совершился іюльскій переворотъ, *Сентъ-Арно* поступилъ опять на дѣйствительную службу, которую оставилъ «глупымъ образомъ». Въ слѣдующемъ году онъ женился. Онъ все еще былъ подпоручикомъ, но съ этихъ поръ только и помышлялъ о томъ, какъ бы возвыситься, что сообщаетъ его перепискѣ утомительное однообразіе. Все однѣ и тѣ же фразы: (Бордо, 17-го апрѣля, 1834).... «Положеніе нашего государства пугаетъ меня; но, по неизвинительному, конечно, эгоистическому чувству, я не могу сожалѣть о немъ, потому что мы стоимъ на волканѣ, будемъ драться; люди съ сердцемъ и характеромъ проложатъ себѣ дорогу, и твой братъ или умретъ, или—возвысится надъ толпою»... Далѣе (въ 1837 г.): «Я здоровъ, и нетерпѣливо желаю подраться, потому что Константина доставитъ мнѣ кое-что»... Легко раненый въ руку, онъ писалъ: «Слыханное ли дѣло, что простофиля промахнулся въ четырехъ шагахъ отъ меня? Если-бы онъ всадилъ мнѣ пулю въ руку или въ другое мѣсто, то я былъ бы за штурмъ подполковникомъ. Увалень! Между тѣмъ я грѣюсь въ его бурнусѣ»... Впрочемъ *Сентъ-Арно* увлекался не однимъ честолюбіемъ, но и заботами о своемъ семействѣ, и, какъ мужъ и отецъ, является въ болѣе благородномъ свѣтѣ. «Ахъ, мой бѣдный любезный братъ—писалъ онъ изъ Блиды, отъ 14-го октября 1841 г.—если ты бодрствуешь надъ моими дѣтьми и заступаешь при нихъ мое мѣсто, то и сердце твое должно биться радостно и гордо при моихъ успѣхахъ, которыми, по большей части, я обязанъ тебѣ, потому что я никогда не подчивалъ бедуиновъ двумя сабельными ударами, не вспомнивъ при одномъ о тебѣ, а при другомъ о моихъ дѣтяхъ...» «Какъ я ни боленъ—писалъ онъ изъ Меца въ томъ же году—какъ ни долженъ заботиться въ будущемъ о моемъ здоровьѣ, однако ничего не желаю такъ пламенно, какъ воротиться поскорѣе въ Африку. Для моихъ дѣтей лучше, если они останутся сиротами полковника, нежели баталіоннаго командира...» «Для нихъ—писалъ онъ изъ Пели, въ декабрѣ 1845, матери своей—для моихъ дѣтей, чтобы оставить имъ уважаемое имя и положеніе въ свѣтѣ, я изнуряю себя ду-

шевно и тѣлесно и веду жизнь, которой испугалась бы и почтовая лошадь...» Здѣсь мы видимъ лучшую сторону *Сентъ-Арно.* Всегда, во все время тревожной военной службы, въ чинѣ подпоручика и маршала, изъ каждаго города, съ каждаго бивуака, пишетъ онъ съ одинаковою любовію и нѣжностью къ своей матери, къ своимъ братьямъ и сестрамъ, къ своей женѣ и дѣтямъ. Но мы узнаемъ еще одну похвальную черту его. Будучи капитаномъ, онъ взялъ на свою отвѣтственность приготовить впавшему въ немилость *Клозелю* (въ ноябрѣ 1838), когда онъ пріѣхалъ частнымъ человѣкомъ въ Метиджу, пріемъ достойный маршала Франціи и бывшаго генералъ-губернатора Алжиріи. «Въ присланныхъ ко мнѣ приказаніяхъ, пишетъ онъ объ этомъ, не сказано ничего, какія почести я долженъ былъ отдать ему, и вообще слѣдовало-ли мнѣ принять его съ почестями. Отрядъ мой находился въ составѣ ста пѣхотинцевъ и двадцати конныхъ егерей. Обстоятельства были трудны и щекотливы; я обдумалъ все зрѣло, и рѣшилъ, что лучше всего повиноваться голосу сердца. Я видѣлъ предъ собою мужа, украшеннаго высокимъ военнымъ саномъ; я помышлялъ только о его подвигахъ, и чѣмъ болѣе онъ находился въ немилости, тѣмъ сильнѣе побуждало меня внутреннее чувство доказать ему, что армія, которую онъ столь часто водилъ къ побѣдѣ, всегда помнитъ о немъ. Маршалъ былъ въ партикулярномъ платьѣ, безъ всякихъ знаковъ отличій. Я приказалъ моему отряду встрѣтить его такъ, какъ будто онъ явился въ шляпѣ съ большими перьями и съ орденами, заслуженными на поляхъ битвъ. Я былъ награжденъ за это, братъ, увидѣвъ слезы, катившіяся по загорѣлымъ щекамъ престарѣлаго воина, когда на мосту Эль-Карна, гдѣ ожидалъ его въ боевомъ порядкѣ мой небольшой отрядъ, раздались звуки барабановъ и трубъ, и солдаты отдали честь. Маршалъ схватилъ меня за руку, выразилъ мнѣ свою благодарность въ самыхъ задушевныхъ словахъ, и, прощаясь, сказалъ: «До свиданія, капитанъ; мы, навѣрное увидимся!» Ежели мои начальники не одобрятъ моего поступка, если духъ партіи исказитъ мои намѣренія, я съумѣю отвѣчать имъ...»

Небольшіе отрывки, нами извлеченные, даютъ общее понятіе о слогѣ писемъ; особенно много силы и энергіи въ письмахъ изъ Африки. «Какая война!—такъ писалъ *Сентъ-Арно*, тогда полковникъ, въ 1843 году—война безъ конца, возгарающаяся съ новымъ ожесточеніемъ! Арабы превосходные солдаты. Здѣсь хорошая школа; я скоро буду генераломъ, и не по названію только...» Письма, въ которыхъ онъ разсказываетъ осаду и наконецъ штурмъ Константины, написаны ясно, сильно, сжато и наглядно, притомъ увлекательно и краснорѣчиво, порой заносчиво. «Могу сказать—замѣчаетъ онъ въ одномъ мѣстѣ—что я не боюсь за себя; страхъ и я—между нами нѣтъ ничего общаго; у меня есть рука и сабля, которыя посмѣиваются надъ убійцами (рѣчь идетъ о бунтѣ въ иностранномъ легіонѣ); ежели они (т. е. убійцы) желѣзные, то я изъ стали...» «Что до меня касается—сказано въ другомъ письмѣ (декабря 1845), то я хожу съ поникшею головою, пока пули не свистятъ».

Сентъ-Арно принадлежалъ къ той воинственной породѣ, которая любитъ войну ради войны же, и мало заботится, зачѣмъ ведутъ ее: вездѣ, и въ маршалѣ, и въ субалтернъ-офицерѣ *Сентъ-Арно*, мы видимъ солдата... «Какъ бы ты расцѣловалъ меня—пишетъ онъ изъ Блиды, въ октябрѣ 1841 г. брату своему—когда я привелъ обратно свой отягченный добычею баталіонъ: изъ бѣдной руки моей струилась кровь, пистолетъ мой былъ изломанъ, клинокъ сабли былъ красенъ до половины! Братъ, такія минуты никогда не забываются, но онѣ заставляютъ забывать о всѣхъ трудахъ и лишеніяхъ...» «Не знаю—пишетъ онъ отъ 4-го іюня 1844 г.—какой необыкновенно пріятный военный шумъ на марокканской границѣ привелъ въ движеніе западъ... Мы вступимъ въ провинцію Оранъ..» Изъ Фадды, въ февралѣ 1843 года: «сколько упоенія въ побѣдѣ! Предъ нею должна померкнуть счастливая любовь...» Изъ Боны, въ сентябрѣ 1837 года: «Если бы я имѣлъ время писать тебѣ, то изобразилъ бы величественную и привлекательную картину, находящуюся передъ моими глазами: 10,000 человѣкъ въ палаткахъ вокругъ Боны,

многочисленный штабъ, необозримый обозъ... Вся эта армія двинется 25-го числа въ Константину... Мы будемъ драться comme il faut. Я живу, дышу, вращаюсь въ моей стихіи. Бивуаки, марши, битвы, все это счастливитъ меня. Я воспламеняю моихъ солдатъ, приготовляю ихъ, учу и думаю, что буду имъ обязанъ кое-чѣмъ въ петлицу...»

Мы уже сказали, что *Сентъ-Арно* не перемѣнился и въ чинѣ маршала. По прибытіи въ Галлиполи, въ маѣ 1854 г., произведя смотръ собравшейся тамъ арміи, онъ писалъ: «Объѣзжая ряды 38,000 французовъ, проливалъ я слезы радости и гордости.» Это то же чувство, это почти тѣ же слова, какъ и двадцатью годами прежде. Въ томъ же году, въ Варнѣ, онъ опять производилъ смотръ войскамъ: «Когда вчера, на высотахъ Варны, я смотрѣлъ дивизію *Канробера*, сердце мое прыгало отъ радости, и я воскликнулъ бы съ удовольствіемъ: «Впередъ! Чего нельзя сдѣлать съ такими войсками!» И здѣсь онъ тотъ же солдатъ африканской арміи: le vieux coursier a senti l'aiguillon (старый конь почувствовалъ шпоры), какъ выразился Беранже. Замѣчательна энергія его нравственной борьбы съ жестокимъ недугомъ, долженствовавшимъ прекратить его жизнь. Онъ писалъ изъ Варны, отъ 30-го августа 1854 г., женѣ своей: «я провелъ мучительную ночь, несмотря на то, что вчера мнѣ ставили піявки... Послѣ завтрака, я почувствовалъ себя такъ дурно, что принужденъ былъ опять лечь въ постель, и въ четыре часа поставилъ себѣ нарывной пластырь, послѣднее средство для одолѣнія моего врага... Таково мое положеніе: я борюсь, жду, больше всего—надѣюсь, но припадки становятся все сильнѣе и сильнѣе. Недугъ превращается въ хроническій. Питаю надежду, что громъ пушекъ подѣйствуетъ благотворно на мои нервы и на мою грудь. Вотъ за что я хватаюсь, будто утопающій за ивовую вѣтку. Быть можетъ, вѣтка переломится... Все въ волѣ Божіей...» Есть въ письмахъ *Сентъ-Арно* мѣста, гдѣ онъ иногда превосходно судитъ о самомъ себѣ. Такъ, онъ писалъ изъ Миліаны, отъ 27-го іюня 1847 года: «...Голова моя похожа на мельницу съ проектами, которая постоянно въ ходу; я встаю по ночамъ,

чтобы записывать мысли свои, хотя онѣ и не даютъ мнѣ спать...» Адъ для меня—сказано въ другомъ письмѣ, также изъ Миліаны,—адъ для меня—покой, бездѣйствіе». — Я хочу дѣлать слишкомъ много и слишкомъ хорошо—писалъ онъ изъ Орлеанвиля въ октябрѣ 1846 года—это свойственно людямъ порядочнымъ, но такіе люди живутъ не долго; они быстро истрачиваютъ свои силы, и я чувствую это, однако перемѣниться мнѣ поздно». Такъ разсуждаетъ *Сентъ-Арно* о себѣ и въ Африкѣ, и въ послѣдніе дни своей жизни. «Любезный братъ—писалъ изъ Ени-Кени (на Босфорѣ) отъ 20-го іюня 1854 г.—я получилъ оба твои письма. Вижу, что ты все еще усердно занимаешься планами кампаній. У меня готово ихъ больше двадцати, но, вѣроятно, я не исполню ни одного. Говорятъ, что надобно заранѣе составлять планъ, а я утверждаю: надобно быть готовымъ на все». Но наконецъ, «между тѣмъ какъ многіе медлятъ» (это собственныя слова *Сентъ-Арно*, т. II, стр. 466), онъ самъ составилъ свой планъ. Нѣкогда онъ надѣялся излечить свои страданія громомъ пушекъ, нѣкогда бездѣйствіе было для него адомъ—теперь онъ ничего не желаетъ, кромѣ побѣды, а потомъ успокоенія, совершеннаго успокоенія. «Я видѣлъ—пишетъ онъ изъ Варны отъ 18-го августа 1854 г., моихъ друзей, моихъ сослуживцевъ, моихъ солдатъ, которые мнѣ дѣти, скошенными будто молніей, а самъ остался живъ возлѣ груды ихъ труповъ. Мнѣ почти кажется, что въ тѣлѣ моемъ, изнуренномъ страданіями, трудами и мыслію, силы увеличиваются по мѣрѣ того, какъ онѣ исчезаютъ во всѣхъ меня окружающихъ... Какое испытаніе подъ конецъ моей жизни! Я перенесу его, сестра, потому что во мнѣ есть вѣра, есть сердце, которое не трепещетъ ни предъ чѣмъ. Если я паду, то паду съ честію; вотъ единственное чувство гордости, которое я допускаю... Какой вѣкъ, какой годъ! Міръ въ волненіи, будто шумящее море при сумрачномъ небѣ... Еще до исхода года совершатся событія. Я, я только желаю сильнаго удара, побѣды и затѣмъ полнаго, совершеннаго успокоенія...»

Такъ говорилъ *Сентъ-Арно* въ августѣ 1854 года. Не

многими мѣсяцами позже, онъ нашелъ «полное, совершенное успокоеніе»—въ могилѣ.

До сихъ поръ мы старались опредѣлить лично характеръ *Сентъ-Арно*, руководствуясь его собственными письмами: теперь послѣдуемъ въ хронологическомъ порядкѣ за событіями, въ которыхъ онъ принималъ большее или меньшее участіе.

Первыя письма писаны весною и лѣтомъ 1831 года, изъ Бреста, «изъ такого захолустья, гдѣ узнавали о случившемся въ свѣтѣ тогда, когда въ другихъ мѣстахъ уже успѣли забыть о немъ». Въ Брестѣ полагали войну неизбѣжною: «въ ту минуту, когда я пишу тебѣ это письмо (8-го августа), мы, вѣроятно, уже поколотили голландцевъ и перемолвили слова два съ пруссаками». Однако *Сентъ-Арно* не удалось ни поколотить голландцевъ, ни перемолвить слова два съ пруссаками: рота, которою онъ командовалъ временно, была послана въ Вандею, противъ шуановъ. Длинный рядъ писемъ живо изображаетъ эту малую, но безпокойную войну съ врагомъ упорнымъ и ожесточеннымъ, который то скрывался, то внезапно показывался изъ густаго лѣса, и, пользуясь высокими кустарниками, дѣлалъ невозможнымъ всякое преслѣдованіе. Скоро убѣдился *Сентъ-Арно* въ отважности шуановъ: въ разстояніи съ небольшимъ тысячи шаговъ отъ баталіона, они напали на жоселенскаго мирнаго судью и его писца. Тутъ же увидѣлъ онъ и главнаго предводителя шуановъ: «то былъ красивый молодецъ; жандармы вели его посреди нашего батальона, и онъ съ величайшимъ хладнокровіемъ осыпалъ нашихъ ожесточенныхъ солдатъ насмѣшками и проклятіями». Уже въ это время обнаружился нетерпѣливый характеръ *Сентъ-Арно*. «Отъ Жоселена до Радона прошелъ я, по ужаснѣйшимъ дорогамъ, чрезъ притонъ шуанства. Согласно съ данными мнѣ инструкціями, я приказалъ пуститься въ погоню за вооруженнымъ крестьяниномъ, который перебѣгалъ изъ кустарника въ кустарникъ. Послѣ долгаго и утомительнаво преслѣдованія, во время котораго многіе солдаты, проходя чрезъ болото, увязали по шею, онъ все таки ускользнулъ

отъ насъ. И таковъ всегда конецъ пѣсни, потому что въ домы врываться нельзя: запрещаетъ законъ» —Страна усѣяна патрулями: «фуражка. куртка, штыкъ, прикрѣпленный большимъ ремнемъ, патроны въ сумѣ и ружье на перевязи. или какъ кому угодно, таковъ наружный видъ арміи въ цѣлый Вандеѣ». *Сентъ-Арно* приходитъ въ Бонажъ. «будто созданный для воровъ, потому что можно вездѣ прятаться», и немедленно начинаетъ преслѣдовать «пресловутаго» *Діо*, который «называетъ себя генераломъ, потому что имѣетъ подъ своимъ начальствомъ сорокъ шуановъ». За два дня предъ тѣмъ, *Діо* ѣлъ и пилъ въ Сентъ-Поршаіѣ, «самъ въ гостиницѣ за наличныя деньги—потому что онъ всегда платитъ—люди же его у священника и у зажиточныхъ обывателей». *Діо* «разыгрываетъ роль великодушнаго», сыплетъ золотомъ, только не жандармамъ, не національнымъ гвардейцамъ и не офицерамъ: «въ офицеровъ онъ стрѣляетъ». – «Служба крайне отяготительна: вѣчно на ногахъ, день и ночь, чрезъ рвы и кустарники. Если шуаны утомлены такъ, какъ мы, то я сожалѣю о нихъ». А между тѣмъ нѣтъ надежды добраться до нихъ. У шуановъ больше пособниковъ, нежели у насъ; крестьяне никогда не выдаютъ ихъ, по страху или по сочувствію. Однако мы все болѣе и болѣе стѣсняемъ ихъ; войска расположены на столь близкомъ разстояніи, что скоро, во всемъ краю, не будетъ ни одного дома, гдѣ шуаны могли бы запасаться продовольствіемъ». Между тѣмъ, *Сентъ-Арно* продолжалъ свои поиски: «Гурже, 15-го апрѣля 1832... Четыре дня тому, услыхалъ я наконецъ свистъ шуанскихъ пуль; около дюжины ихъ пролетѣли около моихъ ушей. Мы находились въ весьма густомъ перелѣскѣ. Внезапный ружейный залпъ извѣстилъ насъ о близости шуановъ; осколки деревъ посыпались намъ въ лицо. Однимъ изъ такихъ осколковъ мнѣ попало въ губу, но раненыхъ не было никого. Я имѣлъ подъ командою 26 человѣкъ, и мы бросились по направленію огня, однако не представилось никакой возможности пробраться чрезъ густой и колючій кустарникъ. Мы не видали ничего, рѣшительно ничего. Эти люди прытче борзой собаки».

Сентъ-Арно становится нетерпѣливымъ. «Не пройдетъ двухъ недѣль, какъ я непремѣнно сдеру шкуру съ попавшихся въ мои руки шуановъ, или не будь я *Сентъ-Арно*. Ружейные выстрѣлы, которые я слышу и на которые не могу отвѣчать, навострили мнѣ уши, будто старому, давно небывшему на охотѣ псу. Я внѣ себя отъ бѣшенства... что это за жизнь? Ежедневныя битвы воспламеняютъ мужество и даютъ работу воображенію: думаешь о томъ, что сдѣлалъ и что еще сдѣлаешь; но мыкаться по лѣсамъ и полямъ, падать во рвы, рвать себѣ одежду, подвергаться ружейнымъ выстрѣламъ и не отвѣчать на нихъ, ожидать пули изъ за каждаго куста дерева, думать о не отмщенной смерти — для этого нужно быть больше нежели философомъ, и я боюсь, что все это ожесточитъ меня. Лучше, если бы они не попадались мнѣ въ руки: иначе, отмщу за всѣхъ. Горсть шуановъ не даетъ покоя 30,000 солдатамъ... какой вѣкъ! какое правленіе! И добрый король терпитъ это! да, можетъ быть, онъ и не знаетъ ни о чемъ: такъ скажите ему. Развяжите на двѣ недѣли руки каждому отрядному начальнику, и чрезъ мѣсяцъ не будетъ ни одного шуана».

Сентъ Арно хочется «нанесть рѣшительный ударъ», то есть онъ надѣется словить *Сегонди* съ его шайкою; все приготовлено какъ нельзя лучше; но ежели кого нельзя словить, такъ это *Сегонди* и его шайку: «шуаны, кажется, за одно съ чортомъ». Вездѣ неудача. «Въ страстную пятницу, у шуановъ было сборище. Присутствовали всѣ предводители, *Діо*, *Роберъ*, *Сегонди*, всего отъ сорока до шестидесяти человѣкъ. Собраніе происходило на одномъ хуторѣ, въ трехъ лье отъ Партене. Случилось, что патруль изъ восьми волтижеровъ, подъ командою капрала, проходилъ мимо и потребовалъ впуска въ домъ. Его не пустили; солдаты хотѣли ворваться силою, но въ это мгновеніе выбѣжала женщина, съ пистолетомъ въ рукѣ, и приставила его къ груди одного волтижера. Волтижеръ отбился отъ нея прикладомъ и устремился въ домъ. Тогда, изъ всѣхъ оконъ и дверей, посыпались пули. Одинъ волтижеръ, прострѣленный въ

грудь, упалъ замертво; другому была раздроблена рука; они отвѣчали на огонь. Шуаны скрылись заднею дверью, а капралъ, увидѣвъ, что ихъ больше нежели впятеро, не рѣшился преслѣдовать и удовольствовался перестрѣлкою. Полагаютъ, что многіе шуаны были ранены, но ни одинъ изъ нихъ не остался на мѣстѣ. Капралъ разграбилъ хуторъ, захватилъ жителей и представилъ ихъ связанными въ Партене. Въ четвертокъ и субботу я осматривалъ всю мѣстность, а въ пятницу шуаны преспокойно сидѣли на одной мызѣ и ѣли жареную баранину».—При этомъ случаѣ, *Сентъ-Арно* разсказываетъ слѣдующій анекдотъ о *Діо*. «Двумя мѣсяцами прежде, три человѣка ворвались ночью въ домъ нѣкоего Шерин; они стащили хозяина съ постели и принудили его выдать шесть золотыхъ монетъ. Шерин, отдавъ деньги, бѣжалъ на другой день въ Сенъ-Лу и предоставилъ хозяйство женѣ своей. Спустя нѣсколько времени, являются къ ней два человѣка, и спрашиваютъ, сколько у мужа ея выкудили денегъ. Сначала, она не хотѣла отвѣчать, но, по настоянію незнакомцевъ, которые объявили себя посланцами *Діо*, назвала сумму. Эта сумма была возвращена тотчасъ же отъ имени *Діо*, и, кромѣ того, незнакомцы уговорили Шерин воротиться домой, сказавъ, что его никто не будетъ болѣе тревожить».

Довольно важная находка порадовала *Сентъ-Арно*. Выше было говорено о стычкѣ съ шуанами. «Спустя день вечеромъ, одна крестьянка, проходя мимо поля, услыхала стонъ; приблизившись, она увидѣла лежащаго на землѣ человѣка, у котораго бедро было перевязано окровавленнымъ платкомъ. Раненый угрожалъ крестьянкѣ пустить пулею въ голову, ежели она не принесетъ ему хлѣба. Бѣдная женщина обѣщала немедленно исполнить его желаніе, но, вмѣсто того, побѣжала за жандармами, которые и подхватили шуана. Это былъ пріятель мой, корсиканецъ *Сегонди*. Привезенный въ Партене, онъ сдѣлалъ важныя показанія. Опять отправились на хуторъ, и нашли тамъ оружіе, бумаги и черныя блузы, какія носили шуаны, для экипировки новобранцевъ. *Сегонди* носитъ черную фуражку съ золотою кокардою и бѣлымъ, синимъ и зеленымъ око-

лышемъ. Ему отняли ногу». Важныя показанія его не повели впрочемъ ни къ какимъ непосредственнымъ результатамъ. *Сентъ-Арно* принужденъ былъ предпринять новый большой поискъ. «Мнѣ надлежало прибѣгнуть къ угрозамъ, чтобы принудить крестьянъ служить намъ проводниками. Одинъ мальчикъ, согласившійся служить мнѣ за деньги, былъ прибитъ за то своимъ отцомъ. Я щедро отплатилъ отцу тѣмъ же». Не отыскавъ ничего, и изнуренный до крайности, *Сентъ-Арно* воротился: «Скоро ноги мои откажутся носить меня; я такъ привыкъ къ движенію, что, кажется, хожу даже во снѣ; мнѣ воображается, что я вѣчный жидъ». Дѣла, между тѣмъ, принимали тревожный оборотъ.... Умы—пишетъ *Сентъ-Арно*, все еще изъ Гурже, 15 мая 1832—вездѣ въ такомъ волненіи, что, если вспыхнетъ революція, то она будетъ кровавѣе революціи 93 года. Въ Парижѣ вы ничего не замѣтите. За нѣсколько дней, явился ко мнѣ, рано утромъ, въ величайшемъ страхѣ, одинъ добрый фермеръ, живущій въ разстояніи лье отъ Гурже, возлѣ самаго лѣса. Вставъ съ постели, онъ нашелъ у себя на дверяхъ слѣдующую надпись: «До сихъ-поръ мы думали, что ты на нашей сторонѣ. Ты велъ въ Партене переговоры съ военными начальниками. Голова твоя оцѣнена: 25 луидоровъ тому, кто принесетъ ее; 40 луидоровъ, если явятся съ нею нѣсколько. Трепещи.... Подписано Шуаны». Много ночей сряду провелъ я въ домѣ больнаго фермера, но не могъ жить тамъ вѣчно. Прощаясь съ нимъ, я совѣтывалъ ему не бояться угрозъ, которыя никогда не будутъ исполнены. Но что же случилось? Всѣ его служители, мужчины и женщины, покинули его; онъ остался одинъ со своимъ семействомъ, какъ будто, за три вѣка, отлученный отъ Церкви; никто не хочетъ помогать ему въ обработкѣ полей, онъ разоренъ, онъ погибшій человѣкъ. Что скажешь объ этомъ? «Ab uno disce omnes». (Какъ одинъ, такъ и всѣ). Отъ 1-го іюня *Сентъ-Арно* писалъ: «Мы ежеминутно въ опасности быть атакованными въ нашихъ кантониръ-квартирахъ. Въ прошлую ночь шуаны напали на двѣ кантониръ-квартиры, но были отбиты. Это случилось въ трехъ лье отъ Гурже. Я устроился на воен-

ную ногу; не сплю всю ночь, хожу дозоромъ, держу ухо остро, вооруженъ съ головы до ногъ. Я не спалъ пять ночей сряду, и только днемъ бросаюсь въ постель. 29 числа мы убили одного шуана; онъ имѣлъ при себѣ тридцать шесть пуль и списокъ людей размѣщенныхъ на двухъ кантониръ-квартирахъ. Видимъ, какъ выдаютъ насъ крестьяне, ропщутъ и бунтуютъ; многіе изъ нихъ примкнули къ шуанскимъ шайкамъ. Всѣ офицеры отмѣчены, а я въ особенности, красными чернилами. Отплачиваю имъ ударъ за-ударъ; до-сихъ-поръ они еще у меня въ долгу. Междоусобная война хуже всего: она ожесточаетъ, доводитъ до свирѣпости и изступленія».

Скоро однако измѣлось положеніе дѣлъ. Отъ генерала *Солиньяка* пришли депеши, что четыре тысячи шуановъ передались, и что многіе ихъ предводители готовы положить оружіе. Съ другой стороны, и правительство приняло болѣе строгія мѣры. «Намъ приказано писалъ *Сентъ-Арно* отъ 12-го іюня—подвергать квартирной повинности домы тѣхъ отцовъ и матерей, сыновья которыхъ уклоняются отъ конскрипціи или пристаютъ къ шуанамъ. Солдаты получаютъ пищу и ежедневно по одному франку до тѣхъ поръ, пока бѣглые не явятся. Благодаря этой мѣрѣ, графъ Эраонъ началъ формировать свой полкъ, и я полагаю, что средство подѣйствуетъ. Подобная мѣра была употребляема во времена Имперіи, и имѣла совершенный успѣхъ». Тѣмъ не менѣе, пока все еще осталось по старому, и мы опять видимъ *Сентъ-Арно* въ главѣ отряда «преслѣдующаго шуановъ». Онъ описываетъ своему брату собственную наружность въ этой экспедиціи. «Вообрази себѣ небритаго человѣка, съ усами, безобразно торчащими, въ солдатской курткѣ, въ панталонахъ, запущенныхъ подъ сапоги, въ фуражкѣ съ клеенчатымъ чахломъ, съ ягдташемъ, въ которомъ хранятся сорочки, чулки, пули, порохъ, гребенки, бритвы, писчая бумага и т. п., съ пистолетами за поясомъ, съ двухствольнымъ ружьемъ и, въ дополненіе картины, прибавь свистокъ въ петлицѣ, которымъ я подаю сигналъ моимъ людямъ—таковъ твой бѣдный братъ!» Подвижная колонна не нашла, впрочемъ, ничего, кромѣ такъ называе-

мой «трущобы» шуановъ, которую *Сентъ Арно* описываетъ слѣдующимъ образомъ: «представь себѣ посреди поля большой дубъ, стволъ котораго, вышиною около восьми футовъ, выдолбленъ донизу. Представь себѣ еще отверстіе длиною въ четыре фута, до того узкое, что самый худощавый человѣкъ, какъ, напримѣръ, я, едва можетъ пролѣзть туда и спуститься потомъ въ вырытую подъ землею яму въ шесть футовъ длины, пять футовъ ширины и три фута вышины. Доски, положенныя на два крѣпкія бревна, препятствуютъ обрушенію земли и образуютъ потолокъ. Охапка соломы, избитой отъ долговременнаго употребленія, замѣняетъ постель. Пять человѣкъ могутъ лежать, протянувшись, въ этой ямѣ, но, стоя даже на колѣняхъ, надобно наклоняться. Я спускался туда одинъ, держа пистолетъ въ зубахъ. Тамъ небыло никого; я нашелъ только башмакъ грубой работы деревянный на деревяшкѣ, трубку, разбитые стаканы, горшокъ съ маринованными фруктами, старыя тряпки, вѣроятно для чистки ружей и карты».

Но уже новое назначеніе ожидало Сентъ-Арно. Волненіе въ Вандеѣ кончилось, потому что герцогиня Беррійская была взята въ плѣнъ, и въ первыхъ числахъ декабря Сентъ-Арно отправился съ своимъ батальономъ въ Блэ, входившимъ въ составъ тамошняго гарнизона. «Изъ поимщика шуановъ — жалуется онъ своему брату — я сталъ тюремнымъ стражемъ».

Первое письмо его изъ Блэской цитадели писано отъ 25-го января 1833 года. Почти въ каждомъ письмѣ есть нѣсколько словъ о герцогинѣ Беррійской. «Третьяго дня, пишетъ онъ отъ 25-го января, герцогиня выходила. Какъ она блѣдна, какъ истомлена! Все, даже ея походка, носитъ на себѣ печать болѣзни. Вчера у насъ была большая медицинская консультація. Пріѣзжали Орфила и Овили, въ сопровожденіи Гитрака, доктора изъ Бордо. Два первые возвратились сегодня въ Парижъ. Они осматривали цитадель. Все это заставляетъ предполагать, что плѣнница не останется здѣсь долго, и что, по причинѣ болѣзни, ее переведутъ въ болѣе здоровую мѣстность. Дай Богъ!» — Отъ 5-го февраля: «недавно видѣлъ я герцогиню Беррій-

скую очень близко. Она шла прямо черезъ садъ, когда я вышелъ, чтобы сопутствовать дамамъ въ прогулкѣ по валу. Герцогиня разговаривала весьма милостиво съ госпожею Шуссери (женою тогдашняго коменданта). Мнѣ показалось, что она очень блѣдна и болѣзненна. Въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ, я могъ очень хорошо видѣть и слышать ее, потому что стоялъ только въ двухъ шагахъ отъ нея. Ея иностранный акцентъ замѣтнѣе, по моему мнѣнію, еще больше нежели прежде. Она говоритъ скоро и голосъ ея звученъ. Ея собачка не переставала лаять на меня; она назвала ее шалуньей и приказала молчать. Кличка собачкѣ—Бевисъ. Съ тѣхъ поръ герцогиня не выходила». Вмѣсто полковника Шуссери, назначенъ былъ комендантомъ цитадели полковникъ Бюжо. Отъ 2-го марта Сентъ-Арно писалъ: «послѣ моего послѣдняго письма, герцогиня Беррійская объявила офиціально о своей беременности, о своемъ тайномъ замужествѣ, но не упомянула ни чьего имени. Правительство прислало немедленно пять врачей, которые должны были рѣшить: не повредитъ ли здоровью принцессы ея дальнѣйшее пребываніе въ Блэ. Герцогиня приняла ихъ съ благороднымъ самодостоинствомъ, отвѣчала на всѣ ихъ вопросы, и снова объявила, что она беременна шесть мѣсяцевъ, и скоро представитъ доказательства о своемъ замужествѣ». Отъ 9-го марта: «я сблизился съ врагомъ, присланнымъ въ Блэ, съ докторомъ Меньеромъ. Онъ видитъ герцогиню ежедневно, а иногда и по нѣскольку разъ въ день. Она беременна слишкомъ полгода. Здоровье ея плохо. Она много кашляетъ и жалуется на грудь, которая была всегда слаба. Во всѣхъ донесеніяхъ начальствамъ стараются доказать, что продолжительное пребываніе здѣсь, или вообще въ заключеніи, можетъ быть для герцогини вредно и даже опасно; но до сихъ поръ нѣтъ никакого рѣшенія. Если герцогиня разрѣшится отъ бремени здѣсь, то будетъ этимъ обязана неловкости своихъ друзей и газетъ: ей не содѣйствуютъ и отъ того она остается здѣсь. Она негодуетъ на ихъ глупость».—Отъ 7-го апрѣля: «Я очень часто вижу принцессу и ея спутниковъ. Въ великой четвертокъ они всѣ причас-

тились. Черезъ два часа я пойду съ ними къ обѣднѣ, а вечеромъ стану утѣшать ихъ музыкою. Герцогиня съ удовольствіемъ слушаетъ мое пѣніе. Она просила меня придти сегодня вечеромъ съ гитарою. Здоровье ея порядочно». Отъ 3 мая: «принцесса здорова. Я вижу ее ежедневно. Развязка близка. Между 15 и 25 мая у насъ будетъ герцогъ де-Блэ». Отъ 8 мая: «рѣшительная минута приближается, потому что между 15 и 25 числами ожидаютъ разрѣшенія отъ бремени герцогини. Она здорова, сколько позволяетъ ея положеніе, и очень добра». Въ Блэ однако ошиблись разсчетомъ, потому что уже 10 мая Сентъ-Арно писалъ: «я полагаю, тебя порадуетъ вѣсть, что герцогиня Беррійская разрѣшилась сегодня отъ бремени дочерью, въ 3 часа 25 минутъ. Мать и младенецъ здоровы. Я оставилъ принцессу вчера, въ пять часовъ пополудни. Врачи пробыли у нея до десяти часовъ. Она чувствовала себя очень хорошо, кушала съ апетитомъ и была весела. Ничто не предвѣщало событія, а сегодня утромъ, въ три часа, послали за генераломъ, который и явился немедленно. Сдѣлано было три пушечныхъ выстрѣла для приглашенія свидѣтелей, которые хотя и пришли одинъ за другимъ, однако поздно, потому что, послѣ болей, продолжавшихся четверть часа, родилась на свѣтъ Марія Анна Розалія. Герцогиня обнаружила полное самодостоинство. Когда приступили къ составленію протокола, она объявила, что находится въ законномъ супружествѣ съ графомъ Луккези Палли (изъ рода князей Кампо Франко), каммергеромъ Его Величества короля обѣихъ Сицилій».

Рѣшено было отправить герцогиню въ Сицилію (супругъ ея жилъ въ Палермо), въ сопровожденіи генерала Бюжо и Сентъ-Арно, назначеннаго, въ это время, его адъютантомъ. Кромѣ ихъ, свиту герцогини составляли: г. де Менаръ, князь и княгиня Бофремонъ, доктора Дене и Меньеръ, каммерфрау Гаузеръ и Лебешу и аббатъ Саббатье. Она отправилась на кораблѣ «Агата». Вотъ единственное прекрасное мгновеніе, которымъ я наслаждался», восклицаетъ Сентъ-Арно, когда судно вошло въ Гибралтарскій проливъ». Я видѣлъ Танжеръ, любовался Сеутою. Мнѣ во-

ображалось, что я вижу войска храбраго Аннибала, когда онъ высадился на испанскій берегъ у Тарифы. Но кто утомится созерцаніемъ Гибралтара? Онъ страшно крѣпокъ. Если бы Гибралтаръ принадлежалъ Франціи, я не оторвалъ бы отъ него глазъ. «Жизнь на кораблѣ была очень скучна». Двѣ партіи стоятъ другъ противъ друга, измѣряя себя испытующими взглядами. Чѣмъ болѣе приближается герцогиня къ Сициліи, тѣмъ холоднѣе становится она, и держитъ себя въ сторонѣ со всею свитою. Сообщительнѣе всѣхъ г. де Менаръ. Дене заикается и блѣднѣетъ, когда заговорятъ о политикѣ. Мы обѣдаемъ за столомъ коменданта съ Дене и аббатомъ. Разговоръ невозможенъ, все запрещено». Наконецъ 5-го іюля «Агата» бросила якорь у Палермо. «Вскорѣ потомъ, явились привѣтствовать герцогиню нѣсколько каммергеровъ намѣстника. Они пробыли у ней самое короткое время. Я расправшивалъ ихъ о состояніи умовъ въ Сициліи, и о томъ, что говорятъ на счетъ брака герцогини. Они отвѣчали, что о бракѣ узнали недавно чрезъ газеты, что графъ Луккези пріѣхалъ въ Палермо только двумя днями прежде, что сицилійское правительство лишь наканунѣ узнало, чрезъ прибывшій изъ Тулона французскій бригъ «Актеонъ», о скоромъ пріѣздѣ принцессы въ Палермо. Между тѣмъ, графъ Гекторъ Луккези посѣтилъ инкогнито свою супругу и оставался съ нею наединѣ почти два часа. Наконецъ, они вышли вмѣстѣ на палубу, и, казалось, были въ смущеніи. Кормилица держала младенца на рукахъ. Графъ обѣдалъ на кораблѣ. Въ пять часовъ явился за принцессою сицилійскій контръ-адмиралъ. Она сошла въ шлюпку «Агаты» со своимъ супругомъ, г. де-Менаромъ и княземъ и княгинею Бофремонъ; во второй шлюпкѣ помѣстились аббатъ, Дене и Меньеръ; въ третьей — кормилица съ младенцемъ и слугами. Шлюпкамъ надлежало пробираться между множествомъ лодокъ, наполненныхъ любопытными, музыкантами и нищенствующими монахами. «Агата» потряслась отъ грома салютовъ, и разцвѣтилась флагами. Въ Палермо отвѣчали на нашъ салютъ; городъ утопалъ въ солнечномъ блескѣ, а вдали ла-

вировалъ подъ всѣми парусами «Актеонъ», выжидая конца драмы, съ извѣстіемъ о которой онъ долженъ былъ воротиться въ Тулонъ... Порученіе наше кончилось: принцесса находилась въ Палермо, и генералъ уже получилъ свидѣтельство о ея прибытіи, выданное первымъ министромъ княземъ Кампо-Франко. Генералъ поручилъ благодарить намѣстника за приглашеніе сойдти на берегъ и въ шесть часовъ вечера мы были уже подъ парусами, на бригѣ «Актеонъ», возвращавшемся въ Тулонъ».

Послѣ этого, Сентъ-Арно стоялъ во многихъ мелкихъ городахъ, и письма его не занимательны. При покушеніи Фіески на жизнь короля, посредствомъ адской машины, онъ находился въ Бефорѣ и подалъ голосъ въ пользу адреса Лудовику Филиппу. «Какое время! По истинѣ, мы заслуживали бы потопа!» восклицаетъ онъ. Изъ Бефора ѣздилъ онъ на торжественное открытіе памятника Кювье, въ Монбеліарѣ, родинѣ знаменитаго ученаго; академики Шарль Нодье, Дюмериль, Роже, Мишо и Флуранъ говорили рѣчи; «префектъ Дубскаго департамента говорилъ хорошо, страсбургскіе депутаты были неуклюжи, какъ эльзасцы; мерь говорилъ такъ, какъ говорятъ въ Монбеліарѣ»...

«Я болталъ съ Шарлемъ Нодье. Онъ говоритъ такъ же, какъ заставляетъ говорить своихъ героевъ; движенія, взглядъ, все живо; онъ очень увлекателенъ. Роже любезенъ и веселъ. Мишо, быть можетъ, считалъ насъ недостойными своего гнѣва; я долженъ былъ думать о крестовыхъ походахъ, чтобы не навострить лыжи»; вскорѣ потомъ *Сентъ-Арно* спасъ ребенка изъ горѣвшаго дома: «я отдѣлался тѣмъ, что лишился нижняго платья и кивера, да немного опалило волосы, а впрочемъ ничего». Тутъ видна дѣйствительная скромность: возлѣ горѣвшаго дома находился пороховой магазинъ. За это онъ получилъ серебряную медаль, но, конечно, разсчитывалъ на крестъ почетнаго легіона.

Въ продолженіе цѣлаго года, съ сентября 1835 по ноябрь 1836, писемъ нѣтъ; *Сентъ-Арно* былъ откомандированъ тогда въ Парижъ, въ военно-гимнастическое заведеніе, слѣ-

довательно жилъ между своими родными. Въ мартѣ 1836 умерла его жена; онъ выпросился въ иностранный легіонъ, и въ ноябрѣ того же года уѣхалъ въ По, къ мѣсту своего новаго назначенія. «Что за удивительный полкъ! Славные ребята, но сбродъ всѣхъ націй, смѣсь всѣхъ состояній, занятій и всѣхъ общественныхъ положеній; всѣ они пришли сюда, чтобы слиться въ одно цѣлое, а многіе и для того, чтобы укрыться здѣсь. Нѣмцы, пруссаки, голландцы, бельгійцы, итальянцы, испанцы, поляки, греки, всѣхъ по немногу, но большинство составляютъ бельгійцы и голландцы, затѣмъ нѣмцы. Въ моей ротѣ есть два солдата, изъ которыхъ одинъ былъ баварскимъ артиллерійскимъ поручикомъ, а другой бельгійскимъ подпоручикомъ. Баварецъ имѣетъ орденъ. Патенты ихъ на чины въ порядкѣ, и, если вѣрить имъ, они удалились изъ отечества единственно по причинѣ дуэли, которая наказывается у нихъ чрезвычайно строго. Есть у меня еще одинъ голландскій почталіонъ, много музыкантовъ и живописцевъ, и одинъ дѣтина, служившій пятнадцать лѣтъ въ Батавіи. Впрочемъ, люди эти, я надѣюсь, будутъ отличными солдатами. Надобно умѣть взяться за нихъ и заслужить ихъ любовь, о чемъ я и постараюсь. Сожалѣю, что не знаю по нѣмецки, но хочу попытаться выучиться говорить хотя немного. У насъ есть, впрочемъ, переводчики. Сколько труда образовать солдатъ изъ такихъ разнородныхъ стихій, привязать ихъ къ нашей службѣ, къ нашему знамени! Они не знаютъ ни нашихъ военныхъ законовъ, ни нашихъ нравовъ, дезертируютъ, уносятъ съ собою вещи: это ихъ наибольшіе недостатки. Во время нашего продолжительнаго марша, они, быть можетъ, поисправятся». Въ началѣ января 1837 года, полкъ пришелъ въ Тулонъ, 11 числа отправился въ Африку, и отсюда начинается новое поприще *Сентъ-Арно*—все еще поручика, которое долженствовало вознести его, въ немногіе годы, на высшую степень военныхъ почестей (¹).

(¹) „Военный Журналъ“ 1855 г. кн. V.

Въ первой статьѣ мы довели переписку *Сентъ-Арно* до того времени, когда онъ отправился въ Алжирію. 14-го января 1837 года, корабль бросилъ якорь на алжирскомъ рейдѣ. «Какое зрѣлище! Вообрази себѣ амфитеатръ изъ бѣлаго мѣла, въ видѣ обширной трапеціи, съ правильно расположенными черными точками. Такъ представляется Алжиръ, даже въ самой близи. Бѣлыя мѣловыя массы это дома, которые окрашиваются ежегодно; одинъ домъ стоитъ надъ другимъ, а надъ всѣми ими высится Касба; черныя точки суть окна. Берегъ восхитительно хорошъ; вправо, обширные сады бывшаго бея, пересѣкаемые длинными дорожками, будто декораціи въ райкѣ; на оконечности мыса, обогнутаго въ 1830 году для произведенія высадки въ Сиди-эль-Ферухѣ, фортъ Таксисъ; влѣво, вновь построенное укрѣпленіе, господствующее надъ городомъ. На крайней лѣвой оконечности бухты возвышается другой фортъ. Между этимъ фортомъ и Алжиромъ, на плоскости почти въ шесть льё (двадцать четыре версты), стоитъ лагерь Мустафы, maison carrée, и лагерь при Кубѣ, все расположенное амфитеатромъ, усѣянное загородными домами, окруженное пальмовыми и померанцовыми деревьями и алоевыми заборами; домы словно кружева á jour; рощи и луга одѣты самою свѣжею зеленью, миндальныя деревья въ полномъ цвѣту; возлѣ травы, вчера вызванной изъ земли солнцемъ, трава, сегодня уже пускающая ростки». *Сентъ-Арно* выходитъ на берегъ и вступаетъ въ Алжиръ. «Мы увидѣли улицы, гдѣ два человѣка не могутъ идти рядомъ; мавританскіе домы, подвергаемые сломкѣ, для того, чтобы перестроить ихъ на французскій ладъ; вездѣ развалины, для разширенія улицъ. Непостижимо, что, послѣ шести лѣтъ завоеванія, успѣли сдѣлать такъ мало. Можно подумать, что городъ покоренъ только вчера: до того въ немъ все вверхъ дномъ. Мало арабовъ и турокъ, больше жидовъ, много европейцевъ—таково населеніе Алжира, на сколько оно видно. Быть можетъ, внутри домовъ есть еще арабы». Вскорѣ иностранный легіонъ былъ переведенъ въ лагерь Кубы, а спустя нѣсколько недѣль въ лагерь при Тиксераинѣ; здѣсь, въ ожиданіи экспедиціи противъ Кон-

стантины, *Сентъ-Арно* принялся усердно учиться по арабски. Въ маѣ онъ принималъ участіе въ экспедиціи противъ Блидаха и выдержалъ первый жаркій бой съ кабилами. Рядомъ съ нимъ сражался отрядъ дружественнаго племени бени-мусса, подъ начальствомъ своихъ каидовъ. «Я наблюдалъ внимательно этихъ людей, говоритъ онъ. Они покорны и послушны, потому что мы сильны, но они перерѣзали бы намъ всѣмъ горло, еслибы были увѣрены, что останутся безнаказанными; одно мало мальски значительное пораженіе, и бени-муссы возстанутъ противъ насъ». Въ августѣ Сентъ-Арно былъ произведенъ въ капитаны, а спустя мѣсяцъ выступилъ къ Константинѣ, вполнѣ убѣжденный въ скорой побѣдѣ. Онъ не ошибся: 13-го октября Константина была взята штурмомъ, хотя и послѣ кровопролитнѣйшаго побоища. «Даже старые солдаты временъ имперіи не испытывали ничего подобнаго. Изумительное сопротивленіе! Люди, которыхъ надобно было убивать два раза! Городъ, который надлежало брать штыками подъ убійственнымъ огнемъ, домъ за домомъ, улицу за улицею! И эта рѣзня продолжалась три часа»! Командиръ иностраннаго легіона, храбрый полковникъ Комбесъ, палъ здѣсь геройскою смертію. Турки засѣли на поворотѣ одной улицы и оттуда осыпали пулями штурмующихъ французовъ; одна изъ нихъ сразила полковника, ободрявшаго своихъ солдатъ, и только судорожное движеніе показало, что онъ былъ раненъ. Онъ бросился къ бреши и получилъ вторую рану, но не произнесъ ни одной жалобы, ни одного слова. Онъ все шелъ къ бреши, спустился одинъ и поспѣшилъ къ батареѣ, гдѣ находились принцъ (герцогъ Немурскій), генералъ Вале и штабъ. Видѣли, что полковникъ былъ раненъ, и принцъ изъявилъ ему свое сожалѣніе; но, вмѣсто отвѣта, Комбесъ отрапортовалъ ясно и кратко о движеніяхъ своей колонны, и въ заключеніе сказалъ: «Ваше высочество, кто имѣлъ счастіе пережить этотъ штурмъ, тотъ вправѣ сказать, что былъ свидѣтелемъ прекраснаго и достославнаго дня»; затѣмъ, онъ обернулся къ главному врачу артиллеріи: «докторъ, я вамъ дамъ работу». На другой день полковникъ умеръ.

Сентъ-Арно, оставшійся невредимымъ въ кровавомъ бою, былъ наконецъ награжденъ давно желаннымъ крестомъ почетнаго легіона. Въ январѣ 1838 года, онъ уже опять стоялъ въ лагерѣ при Кубѣ. «Черезъ недѣлю, писалъ онъ отъ 7-го января, будетъ годъ, что я, бѣдный, ничтожный поручикъ, жалкимъ образомъ вступилъ въ лагерь. Теперь я кое-что значу; я капитанъ вольтижеровъ, и въ петлицѣ моей красуется ленточка, надъ которою никто не смѣется, потому что всякому извѣстно, что она дана мнѣ по заслугамъ». Пользуясь свободнымъ временемъ, онъ занялся опять заброшеннымъ арабскимъ языкомъ и повтореніемъ позабытаго отчасти англійскаго; ему былъ даже досугъ размышлять о противодѣйствіи палаты депутатовъ планамъ Бюжо относительно Алжиріи. «Бѣдная Африка! бѣдная Франція! депутаты торгуются о славѣ, будто о фунтѣ сальныхъ свѣчъ».

Экспедиція въ Блидахъ оказалась мыльнымъ пузыремъ, хотя введеніе обѣщало много. «1 го мая былъ балъ у алжирскаго губернатора. Въ полночь, въ самый разгаръ танцевъ, подошелъ ко мнѣ полковникъ *Бедо* и сказалъ потихоньку: «Будьте въ пять часовъ утра въ Кубѣ; мы выступаемъ въ семь часовъ». Я думалъ, что онъ шутитъ; однако, черезъ часъ, походъ былъ уже всѣмъ извѣстною тайною; офицеры бросились за саблями и за фуражками, и подъ конецъ остались лишь дамы съ своими мужьями; а какъ этотъ сортъ людей не танцуетъ, то всѣ они разбрелись спать, и въ три часа были погашены свѣчи въ большой залѣ». 2-го мая, войска находились въ виду Блидаха, но непріятель не показывался, не было слышно ни одного ружейнаго выстрѣла, и кончилось тѣмъ, что городъ сдался безъ сопротивленія, къ крайнему неудовольствію капитана *Сентъ-Арно*, возвратившагося въ лагерь при Фондукѣ.

Арабскія племена, между Фондукомъ и Алжиромъ, описываетъ онъ очень не лестно: «Смотря на эти жалкія хижины, построенныя изъ тростника или изъ древесныхъ вѣтвей, или на палатки изъ верблюжьихъ шкуръ, смотря на людей и на животныхъ, какъ они живутъ и ѣдятъ

вмѣстѣ, въ отгороженномъ высокими кактусами пространствѣ, спрашиваешь себя, какъ все это можетъ существовать на бѣломъ свѣтѣ, и когда поразмыслишь объ ограниченныхъ потребностяхъ ихъ, убѣждаешься въ чрезвычайной трудности образовать арабовъ. Они не понимаютъ, что можно жить лучше. Дайте имъ кровать, и они лягутъ подъ нею; выстройте имъ домъ, и они расположатся на дворѣ, чтобы караулить его. Что прикажете дѣлать съ подобными людьми! изъ десяти тысячъ, одинъ, каидъ или хакемъ, имѣетъ слабое понятіе объ удобствахъ жизни, и, по своему благоусмотрѣнію, надѣляетъ палочными ударами толпу, надъ которою владычествуетъ и которая трепещетъ предъ нимъ, пока онъ силенъ и пока не низложитъ его сильнѣйшій. Свыкнувшись съ палкою, толпа остается почти всегда холодною и равнодушною, если только жажда мести, какъ въ Корсикѣ, или фамильная и племенная ненависть не заставятъ ее схватиться за ятаганъ. Тогда арабы ужасны, кровожадны, безжалостны. Я думаю—нѣтъ народа съ болѣе разительными противоположностями, и ни одинъ изъ народовъ не измѣнился такъ мало, какъ арабы-бедуины. Я ежедневно вижу древнихъ патріарховъ, нумидійцевъ Юбу и Масиниссу; подъ Константиною видѣлъ шайки Югурты. Тѣ же люди, тѣ же кони, та же одежда. Время и образованность не принесли ничего, кромѣ плохаго оружія и большихъ турецкихъ сѣделъ».

Между тѣмъ арабы опять начинаютъ волноваться; *Абдель-Кадеръ* вооружается; уже не далека та минута, когда будетъ нарушенъ договоръ, заключенный въ Тафнѣ; уже опасно одному выходить изъ лагеря: иначе, воротишься, пожалуй, безъ головы! Однако войскамъ дано строжайшее приказаніе нигдѣ не начинать враждебныхъ дѣйствій: они должны ограничиваться обороною. *Сентъ-Арно* внѣ себя. «Герцогъ *Ровиго* —пишетъ онъ—слѣдовалъ другой системѣ. Онъ сказалъ племенамъ, живпимъ около того мѣста, гдѣ было совершено убійство: «У меня отрѣзали голову троимъ солдатамъ; ежели виновные не будутъ мнѣ выданы въ теченіе сорока восьми часовъ, я приду къ вамъ и возьму у

васъ триста головъ». И онъ сдержалъ свое слово. Онъ истребилъ несчастное племя эль-уффіатовъ, но, за то, подъ его управленіемъ не слышно было объ убійствахъ, и Метиджа была такъ же безопасна, какъ Пале-Рояль въ Парижѣ». «Теперь, прибавляетъ *Сентъ-Арно*, поступаютъ иначе; но мнѣ нравится больше система Ровиго». Впрочемъ, за себя онъ не боится. «Я не хожу, и вообще рѣдко выхожу изъ лагеря, а если и отлучаюсь, то вооруженъ такъ хорошо, что могу схватиться съ головорѣзами; голова моя сидитъ крѣпко на столько, что не должна пасть такимъ образомъ».

Въ августѣ послали *Сентъ-Арно* для защиты одного дружественнаго племени отъ набѣга. Шейхъ полюбилъ его, и скоро посѣтилъ его въ лагерѣ, гдѣ былъ немедленно угощенъ завтракомъ. «Я напоилъ его по капелькѣ, потому что иначе онъ не хотѣлъ пить вина; но онъ выпилъ столько капель, что нагрузился какъ бочка. Любопытно было смотрѣть, какъ шейхъ чувствовалъ невѣдомыя ему дотолѣ ощущенія, какъ онъ удивлялся имъ, боролся съ ними, потомъ невольно подчинялся имъ, хохоталъ и вдругъ останавливался, смущенный своимъ смѣхомъ, какъ будто въ немъ смѣялось другое существо. Я разъигрывалъ роль философа-наблюдателя. Въ шейхѣ было соединено все забавное легкаго хмѣля, безъ малѣйшей непріятности. Я крѣпко подружился съ пріятелемъ *Али-Хассемомъ*, и онъ признался мнѣ, что хотя, съ 1830 года, отрѣзалъ много французскихъ головъ, но отнынѣ—онъ поклялся Аллахомъ— не будетъ больше рѣзать, а если священная война заставитъ его снова вооружиться противъ насъ, то, по крайней мѣрѣ, пощадитъ мою голову». При этомъ случаѣ *Сентъ-Арно* говоритъ о себѣ, какъ объ отличномъ стрѣлкѣ: «Я засмѣялся, взялъ шейха за руку, повелъ его въ свою палатку, гдѣ у меня были превосходные пистолеты, поставилъ его въ тридцати шагахъ отъ кактуса, указалъ ему на листъ, шириною съ клочекъ бумаги, и прострѣлилъ листъ пулею. Бѣдный Али не опомнился отъ удивленія». Спустя нѣсколько недѣль, *Сентъ-Арно* выступилъ противъ кулуглисовъ, однако не отыскалъ ихъ. Походъ свой онъ

описываетъ весьма юмористически. «Я расположился со своею ротою въ одномъ ущельѣ, въ маленькихъ Ѳермопилахъ, что бы остановить напоръ бедуинской сволочи (la bedouinnaille), и обратился къ своимъ солдатамъ съ слѣдующею рѣчью: «Солдаты! насъ сто человѣкъ. Ихъ больше тысячи. Стало быть, партія не ровна; они погибли. они наши»! И теперь еще я проливаю слезы умиленія надъ этимъ высокимъ краснорѣчіемъ. Но увы! у всякой медали есть своя печальная оборотная сторона. О непостоянство человѣческихъ вещей! Бедуины не являлись, а я простоялъ двое сутокъ въ засадѣ, и не имѣлъ чѣмъ утолить голодъ, пилъ грязную воду, промокъ до костей и не могъ развести ночью огня». Въ досадѣ, *Сентъ-Арно* задѣваетъ мимоходомъ Шангарнье: «Полковникъ Шангарнье слишкомъ довѣрчивъ къ донесеніямъ своихъ агентовъ или лазутчиковъ».

Въ исходѣ сентября онъ отправился въ Тиксераинъ, гдѣ уже былъ однажды. «Я распростился съ горами древняго Атласа, который очень великъ, очень высокъ, очень безплоденъ и очень важенъ, хотя и называется Малымъ Атласомъ. Я распростился съ воемъ шакаловъ и гіенъ, услаждавшимъ мои безсонныя ночи». Но уже въ началѣ октября онъ былъ въ лагерѣ при Биркадемѣ, и здѣсь воевалъ не съ бедуинами, а съ женами офицеровъ. «Что за обуза эти офицерскія жены для коменданта! Капитанъ, мнѣ негдѣ помѣстить дѣтей. Сударыня, зачѣмъ же у васъ дѣти? — Капитанъ, у меня нѣтъ кухни. – Сударыня, есть у васъ печка? — Капитанъ, у мадамъ такой то и такой то кабинетъ, а у меня нѣтъ: ее ставятъ выше меня.—Сударыня. я вѣдь не строилъ домовъ.—Капитанъ, барабаны, музыка. собаки, кошки, пьяные... глазъ нельзя сомкнуть ночью.—Сударыня, заложите уши хлопчатою бумагою, или убирайтесь въ степь Сахару.—Просто—съ ума сойдешь».

Едва оправясь отъ упорной лихорадки, *Сентъ-Арно* принялъ, въ маѣ 1839 года, участіе въ экспедиціи противъ Джиджели, который былъ взятъ. какъ извѣстно, безъ выстрѣла. «Что это за городъ! Домы, въ которыхъ мать наша не помѣстила бы гасконскихъ свиней». Войска заняли позицію передъ городомъ и постоянно дрались тамъ съ ка-

билами. «За исключеніемъ константинскаго штурма, я не видалъ ничего, что можно было бы сравнить съ здѣшними битвами.... Эти кабилы превосходнѣйшіе солдаты во всей Африкѣ. Есть между ними такіе, которые бросались на наши пушки и въ десяти шагахъ гибли подъ картечью. Одинъ изъ нихъ палъ; оба сына его заколоты штыками на его трупѣ. Это уже похоже на дикарей; но мы, люди образованные, не могли бы сдѣлать лучшаго». Имя *Сентъ-Арно* во второй разъ было упомянуто съ отличіемъ въ приказѣ по арміи — въ первый разъ случилось это подъ Константиною—и маршалъ Вале обѣщалъ ему скорое производство въ маіоры. «Купи Монитеръ, писалъ онъ своему брату, и приложи его къ нумеру о Константинѣ. Это архивъ для нашихъ дѣтей». Но капитанъ опять впадаетъ въ лихорадку. «Я худощавѣе скелета, я палка». Его отправили въ алжирскій госпиталь; тамъ онъ лежалъ «въ той самой комнатѣ, въ которой пѣли и веселились нѣкогда одалыки Дея. Сады—истинное волшебство. Все очаровательно, но все таки это больница». Онъ былъ близокъ къ смерти, однако оправился: «Я было толкался головою въ двери ада, но чортъ не принялъ меня: значитъ еще рано». По возвращеніи въ Джиджелли, *Сентъ-Арно* увидѣлъ герцога Орлеанскаго: «въ немъ есть самоувѣренность (aplomb), онъ прекрасно говоритъ, имѣетъ привлекательную воинственную осанку, благородное и открытое лицо». Съ января 1840 года, *Сентъ-Арно* опять находится въ лагерѣ при Кубѣ. Онъ надѣется то на рѣшительный ударъ въ Африкѣ, то на войну въ Европѣ: «Тьеръ войнолюбивъ, и ему прійдетъ, пожалуй, охота вести войну въ обширномъ размѣрѣ». Въ исходѣ апрѣля, первая надежда исполнилась: *Абдель-Кадеръ* стоитъ въ полѣ и армія идетъ къ нему на встрѣчу: происходитъ кровопролитная битва у Музаіи; *Сентъ-Арно* раненъ, правда не тяжело, но, по причинѣ возврата лихорадки, его опять отсылаютъ въ Алжиръ. На этотъ разъ онъ выѣхалъ отсюда съ отпускомъ въ карманѣ, чтобы возстановить во Франціи свое разстроенное здоровье, и въ это же время похлопать о своемъ производствѣ. Въ

августѣ 1840 года мы видимъ его баталіоннымъ командиромъ въ 14-мъ легкомъ полку, расположенномъ въ Мецѣ.

Здѣсь онъ велъ веселую жизнь и разсуждалъ о невѣроятности войны. Новое покушеніе (въ октябрѣ) на короля исторгаетъ у него восклицаніе: «Наша нація становится глупою; я готовъ усомниться, можетъ ли быть для насъ утро». Между тѣмъ онъ устроилъ около себя пріятное, по возможности, общество: дочери полковника преподавалъ уроки въ англійскомъ языкѣ, съ генераломъ игралъ въ вистъ, и съ примѣрнымъ долготерпѣніемъ выслушивалъ утомительные разсказы генеральши. Но *Бюжо* назначенъ генералъ-губернаторомъ Алжиріи, и его бывшій адъютантъ обращается къ нему съ просьбою о переводѣ на службу въ Африку. Въ мартѣ 1841 года желаніе *Сентъ Арно* исполнилось: онъ былъ перемѣщенъ къ зуавамъ, которыми тогда командовалъ полковникъ *Каваньякъ*. Въ началѣ апрѣля онъ уже въ Алжирѣ, и сидитъ за столомъ маршала *Бюжо*, который принимаетъ его «какъ сына»; герцогъ Немурскій говоритъ ему много лестнаго; герцогъ Омальскій также; въ Блидахѣ *Каваньякъ* встрѣчаетъ его «самымъ радушнымъ образомъ»; подчиненные не менѣе того.

«Какіе люди, какіе солдаты, какіе офицеры, какой духъ товарищества! Зуавы — императорская гвардія Африки, старая гвардія».—«Я живу, писалъ онъ нѣсколько позже, съ полковникомъ *Каваньякомъ* въ наилучшихъ отношеніяхъ. Онъ человѣкъ честный и добросовѣстный, но чрезвычайно щекотливъ и раздражителенъ. Зная его слабости, буду щадить ихъ, и мы уживемся....» Еще позднѣе: «Рядомъ со своими блистательными и превосходными качествами, *Каваньякъ* имѣетъ и свои недостатки; но я знаю ихъ и стараюсь не входить съ ними въ столкновеніе. Онъ въ высшей степени способный человѣкъ, и пойдетъ дальше».

Между тѣмъ назначена экспедиція, на этотъ разъ для снабженія продовольствіемъ Медеаха и Миліанаха. Въ исходѣ апрѣля 1841 г., войска выступили изъ Блидаха, и, безъ боя, достигли до перваго изъ этихъ городовъ, хотя вся конница *Абдель-Кадера* была въ виду: но на пути къ Миліанаху произошла жаркая схватка, въ которой *Сентъ*

Арно снова отличился, потому что имя его опять было упомянуто въ дневномъ приказѣ. Въ половинѣ мая, мы находимъ его въ новой экспедиціи въ Мостаганемѣ, а чрезъ нѣсколько дней -въ Текедемитѣ и Маскарѣ. «Что бы вести такую жизнь, говоритъ онъ, надобно имѣть добрый запасъ энергіи и мужества, но, въ особенности, силы и здоровья, въ которыхъ именно я нуждаюсь. Тѣмъ не менѣе я плетусь кое какъ; худѣю, правда, но зима опять поставитъ меня на ноги; волосы мои начинаютъ сѣдѣть, но я не обращаю на то вниманія. Когда же свистятъ пули, мы молоды и сильны, и несемъ голову высоко, какъ рысистый конь. Къ сожалѣнію, товаръ растраченъ и арабы знать ничего не хотятъ». Дальше: «Здоровье—вотъ все, что я желаю. Бываютъ дни, когда чувствую себя очень хорошо, но бываютъ и такіе, когда я едва держусь на ногахъ. Надобно быть изъ желѣза и стали, чтобы выносить подобную жизнь, и я постараюсь еще долго выносить ее. Если бы я былъ одинокъ, то тотчасъ перепросился бы во Францію. Всякая извозчичья лошадь въ Парижѣ ведетъ, въ сравненіи со мною, жизнь самую счастливую». Текедемитъ описываетъ *Сентъ-Арно* слѣдующимъ образомъ: «Наскоро построенный городъ, какъ строятъ здѣсь деревни; въ тылу его длинное ущелье; слишкомъ шесть сотъ домовъ каменныхъ или деревянныхъ, большой блокгаузъ, который замѣнялъ у эмира крѣпость. магазинъ, тюрьму, монетный дворъ и мастерскую—таковъ Текедемитъ. И все это запустѣло; нѣтъ ни одной души; у дверей дома, гдѣ жилъ кади, нашли мы мертвую собаку и мертвую кошку и между ними надпись: «Вотъ кого мы оставляемъ принять васъ: кошку—сыну вашего короля. собаку — губернатору Алжиріи». Наконецъ, послѣ непрерывныхъ стычекъ, войска добрались до Москары. *Бюжо* неутомимъ. «*Бюжо*, говоритъ *Сентъ-Арно*, очень любимъ солдатами, и пользуется ихъ полною довѣренностію. Иногда онъ бываетъ вспыльчивъ, и это не нравится генераламъ и штабъ-офицерамъ; другія же уважаютъ его. Какъ бы то ни было, онъ пріобрѣлъ въ Африкѣ заслуженную славу полководца, которая, въ случаѣ важной войны, доставитъ ему главное начальство надъ

арміей. Этотъ человѣкъ родился солдатомъ; у него быстрый взглядъ, онъ отваженъ и искусенъ». Въ другомъ мѣстѣ: «Генералъ *Бюжо* преслѣдуетъ свою цѣль съ похвальною и неутомимою настойчивостію. Онъ страшно любитъ войну и битвы, но, для пользы страны, отказывается отъ того и отъ другаго. Человѣкъ достойный удивленія; его не знаютъ, не отдаютъ ему справедливости. Онъ истинно геніяленъ. Ежедневно открываю я въ немъ блистательныя достоинства, хотя онъ и не изъятъ отъ недостатковъ. Откровенный и прямодушный «до крайности», онъ становится иногда почти грубымъ. Дѣятельный въ высшей степени, является порою мелочнымъ. Находясь пятнадцать лѣтъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ необразованными сословіями, не всегда сохраняетъ желаемое самодостоинство и важность. За то какая добросовѣстность, какая честность, какое нѣжное чувство, какое самоотверженіе!» И опять въ иномъ мѣстѣ: «Что это за работникъ, и какъ легко онъ работаетъ! Хотя слогъ его и неблагороденъ, однако ясенъ и полонъ здраваго смысла». Наконецъ: «*Бюжо*—человѣкъ необъяснимый; онъ занимается всѣмъ, говоритъ обо всемъ хорошо, пламенно, умно, а, главное, въ высшей степени здраво; притомъ—онъ вовсе не начитанъ, ни слова не знаетъ по латынѣ, но умѣетъ за все взяться, и весь составленъ изъ гранита».

Успѣхи оружія не успокоили однако лихорадочно-дѣятельнаго *Арно*; онъ сообщаетъ нѣсколько любопытныхъ бумагъ, поданныхъ генералу *арабами* во время экспедиціи. «Что могло побудить Францію—сказано въ одной изъ нихъ—называющую себя могущественною и сильною, прійти сюда и вести съ нами войну? Развѣ ей не довольно собственныхъ владѣній? Что значитъ все то, что она можетъ отнять у насъ, въ сравненіи съ тѣмъ, что останется у насъ? Она будетъ идти впередъ, мы будемъ отступать; но и ей, въ свою очередь, прійдется отступать, а мы опять явимся тамъ, гдѣ были. Ты, губернаторъ Алжиріи, какой вредъ наносишь ты намъ? Въ сраженіяхъ ты теряешь столько же людей, какъ и мы, и твои войска всякій годъ уменьшаются отъ болѣзней. Чѣмъ вознаградишь ты своего

короля и свое отечество за свои огромныя потери людьми и деньгами? Горстью земли и камней изъ Маскары? Ты сожигаешь наши жатвы, берешь пшеницу и ячмень, разграбляешь наши ямы, въ которыхъ хранится хлѣбъ! Но что значитъ равнина Гриса, которой ты не опустошилъ и двадцатой доли, когда намъ остаются жатвы на равнинахъ.... (слѣдуетъ нѣсколько десятковъ названій) и даже въ Марокко? Вредъ, который ты думалъ причинить намъ, капля въ морѣ. Мы сражаемся, когда хотимъ, а ты знаешь, что мы не трусы. Безразсудно было бы, если бы мы захотѣли противиться силѣ, которую ты ведешь съ собою, но мы утомляемъ ее, дразнимъ ее, истребляемъ малыми частями, а нашъ климатъ довершитъ остальное. Вышли одного на одного, десять на десять, сто противъ ста, тысячу противъ тысячи, и ты увидишь, поддадимся ли мы. Взгляни, какъ движется воздухъ, когда птица пересѣкаетъ его въ своемъ полетѣ? Вотъ изображеніе твоего похода чрезъ Африку?» «Что прикажете дѣлать съ такими людьми?» замѣчаетъ *Сентъ-Арно*. «Съ людьми, у которыхъ нѣтъ никакихъ надобностей, которыхъ родина всюду, въ неизмѣримомъ, недоступномъ пространствѣ. Это борьба льва съ комаромъ, а комаръ былъ не глупѣйшій изъ обоихъ».

Страшно-печальный день ожидалъ французскія войска, когда, въ началѣ іюля, они выступили изъ Мостагенема къ Маскарѣ. Огненное солнце палило безводную степь; армія едва передвигала ноги, преслѣдуемая арабами, которые, «какъ хищные звѣри, были увѣрены въ своей добычѣ». Сентъ-Арно командовалъ арріергардомъ. «Изъ всѣхъ отрядовъ, изъ всѣхъ полковъ, люди отставали сотнями. Баталіонъ пѣшихъ егерей, впервые находившійся въ Африкѣ, былъ въ полномъ разстройствѣ. Здѣсь я видѣлъ всю отвратительную картину слабости и упадка духа. Я видѣлъ, какъ цѣлые взводы бросали свои ружья и ранцы, ложились на землю и ждали смерти, вѣрной, позорной смерти. Они вставали, когда обращали къ нимъ рѣчь, проходили шаговъ сто, опять ложились и прятались отъ меня у края дороги, въ кустахъ и рвахъ. Я поспѣшалъ къ нимъ

приказывалъ отбирать у нихъ ружья и ранцы; зуавамъ моимъ велѣлъ тащить ихъ, а нѣкоторыхъ сажалъ даже на мою собственную лошадь. Я видѣлъ солдатъ, которые умаливали меня со слезами, чтобы я убилъ ихъ, лишь бы только не умереть отъ руки арабовъ; другіе съ какимъ то фанатическимъ наслажденіемъ приставляли ружье ко рту, но не осталось сзади ни единаго человѣка; ни одинъ не лишилъ себя жизни; умерли многіе отъ апоплексіи, но я въ этомъ не виноватъ. Всегда послѣдній въ арміи, я осматривалъ ка́ждый кустъ, каждый оврагъ, и труды мои были вознаграждены вполнѣ, когда, спустя минутъ двадцать, арабы бросались въ тотъ же кустъ, въ тотъ же оврагъ, чтобы поискать добычи, мною у нихъ отнятой. То былъ день нравственной силы, а это поважнѣе безстрашной встрѣчи съ пулями». Генералъ *Ламорисіеръ* объявилъ начальнику арріергарда, что если бы не баталіонъ зуавовъ, то было отрѣзано двѣсти головъ: «побольше бы, генералъ», возразилъ *Сентъ-Арно* съ справедливымъ самодовольствомъ. Здѣсь, мимоходо́мъ, высказано имъ сужденіе о *Ламорисіеръ*. «Генералъ *Ламорисіеръ*, говоритъ *Сентъ-Арно*, храбръ и свѣдущъ; но нельзя перескакивать, особенно здѣсь, обѣими ногами отъ начальствованія полкомъ къ начальствованію арміи. Лежащая на немъ отвѣтственность дѣлаетъ его безпокойнымъ, и потому не рѣшительнымъ».

Въ началѣ августа, *Сентъ-Арно* вступилъ въ Оранъ; «и для того, что бы я сталъ истымъ африканцемъ, мнѣ надобно теперь съѣздить только въ Тлемценъ». Оранъ не удовлетворилъ его. «Городъ, построенный совершенно на испанскій ладъ, похожъ на большое село бѣднѣйшаго департамента въ бѣднѣйшей части Франціи. Одно въ немъ оригинально: онъ пересѣкается широкою лощиною, въ буквальномъ смыслѣ усѣянною увеселительными и плодовитыми садами и огородами. Главная улица, называемая при началѣ своемъ Наполеоновскою, а въ концѣ Филипповскою, вѣроятно потому, что она спускается постепенно все ниже и ниже, идетъ по всему городу; а къ ней примыкаетъ множество неровныхъ и кривыхъ переулковъ: можно прожить въ Оранѣ десять лѣтъ и не знать ничего кромѣ Наполеоно-

Филиповской улицы. Новый замокъ, въ которомъ живетъ, генералъ-губернаторъ провинціи, внутри отдѣланъ хорошо, но входъ тяжелый, бѣдный, однимъ словомъ — испанскій. Вкусъ Ламорисіера передѣлалъ всю внутренность замка на арабскій образецъ. Есть въ Оранѣ много поселенцевъ, то есть мелкихъ промышленниковъ; собственно же колонисты здѣсь рѣже нежели въ Алжирѣ, или, говоря точнѣе, ихъ нѣтъ вовсе. Большую часть потребностей Оранъ получаетъ изъ Испаніи. Городъ, во всякомъ случаѣ, замѣчательный: я радъ, что видѣлъ его, но не желалъ бы жить въ немъ».

Въ исходѣ августа мы находимъ *Сентъ-Арно* опять въ Блидахѣ; онъ только что былъ назначенъ офицеромъ почетнаго легіона. «Я очень люблю моихъ зуавовъ, но надобно быть крѣпче желѣза, чтобы выносить жизнь, ведомую этимъ войскомъ. Зуавовъ — всегда впередъ! Ночью предположено овладѣть ущельемъ — подавай сюда зуавовъ; опасаются за арріергардъ — зуавовъ въ арріергардъ; боятся за лѣвый флангъ — зуавовъ на лѣвый флангъ. Какой нибудь батальонъ выдерживаетъ бой — ранцы долой, и маршъ бѣглымъ шагомъ на помощь ему зуавы. Подвигаются на одну милю впередъ, дерутся, отходятъ на милю назадъ и развѣшиваютъ ранцы. Армія стоитъ три часа на бивуакѣ; всѣ выспались и поѣли — тутъ только являются зуавы, а на утро они же встаютъ двумя часами раньше другихъ.

«И такую жизнь веду я семь мѣсяцевъ»! И лѣта даютъ себя чувствовать, хотя *Сентъ-Арно* только сорокъ три года. «Изъ двадцати четырехъ часовъ я могу пробыть безнаказанно на конѣ пятнадцать; бивуакъ не имѣетъ на меня вреднаго вліянія; я чувствую себя столько же крѣпкимъ и пылкимъ, хотя и менѣе проворнымъ, какимъ былъ въ счастливые двадцать пять лѣтъ; при обыкновенномъ успокоеніи тѣла, которое воспламеняется по прежнему только въ случаѣ надобности, ощущаю приближеніе старости». Размышляя о лѣтахъ, онъ дѣлаетъ естественный переходъ къ своимъ дѣтямъ, говоритъ о ихъ воспитаніи и образованіи. «Главное — они должны учиться по латынѣ, по французски и на фортепіано. Музыкою отнюдь не должно пре-

небрегать: это неистощимый вспомогательный источникъ на будущее время, больше нежели вспомогательный источникъ: фортепіано—другъ, которому мы повѣряемъ радость и горе, и который даритъ насъ улыбкою или словомъ утѣшенія». —Что же касается до моего сына, пишетъ онъ въ другомъ мѣстѣ своему брату, то сдѣлай мнѣ изъ него человѣка. Онъ долженъ знать всего понемногу, долженъ умѣть найтись и въ огнѣ, и въ гостиной, и на бивуакѣ, и въ будуарѣ, и за фортепіано. Въ здѣшнемъ мірѣ надобно разумѣть кое-что изъ всего». — Положеніе дѣлъ въ Блидахѣ давало между тѣмъ пищу его дѣятельности, потому что надлежало усмирять буйныхъ арабовъ и вооруженныхъ въ видѣ милиціи жидовъ. «Я, словно какой нибудь паша, приказываю отсчитывать сотнями палочные удары; тюрьмы набилъ биткомъ; нѣкоторыхъ отдаю подъ военный судъ; безпрестанно посылаю патрули по улицамъ, и при всемъ томъ едва поддерживаю спокойствіе. Я рабъ порядка, и не понимаю моего ремесла безъ дисциплины».

Для возстановленія здоровья, *Сентъ-Арно* отправился, въ концѣ ноября, въ Алжиръ, но не при благопріятныхъ обстоятельствахъ, потому что его полковникъ *Каваньякъ* поссорился съ его покровителемъ Бюжо. «Ты знаешь — писалъ онъ своему брату — антипатію генерала Бюжо ко всему республиканскому, а *Каваньякъ* объявилъ прямо, что раздѣляетъ образъ мыслей съ своимъ братомъ, не соглашаясь съ нимъ только въ одномъ: Готфридъ полагаетъ, что государственный переворотъ совершится вскорѣ, а онъ, Евгеній, думаетъ, что не настало еще время. *Каваньякъ* заранѣе считаетъ себя будущимъ генераломъ республики, спасителемъ Франціи и арміи». Однако хитрый *Сентъ-Арно* всячески уклонялся отъ участія въ этомъ столкновеніи: «когда быки дерутся, саранчу давятъ» — онъ руководствуется этою поговоркою.

Случайно — онъ опять заводитъ рѣчь объ Абдель-Кадерѣ, потому что Бюжо объявилъ марокскому императору, что если онъ приметъ къ себѣ эмира или окажетъ ему какую нибудь помощь, то отъ него потребуютъ отчета съ оружіемъ въ рукахъ. Мароккскій императоръ приказалъ

эмиру выйти изъ своихъ владѣній. «Бѣдный эмиръ, твердый и рѣшительный въ несчастіи, употребляетъ всѣ средства своего ума и своего вліянія, чтобы собрать сколько нибудь всадниковъ и поддержать остатки своей колеблющейся власти. Онъ великій человѣкъ, и я ставлю его выше Югурты и Сифакса».

Въ апрѣлѣ *Сентъ-Арно* поправился до того, что могъ принять участіе въ экспедиціи бени-менассеровъ; однако дѣла не было, потому что непріятель не показывался. «Мы сожгли все, истребили все. О война война! Сколько женщинъ и дѣтей, бѣжавшихъ въ холодныя ущелья Атласа, погибли тамъ отъ стужи и голода!» Впрочемъ, подобныя соболѣзнованія составляли у него мгновенную вспышку; въ слѣдъ за тѣмъ онъ писалъ своему брату по поводу того, что армія должна, вмѣсто непріятеля, бороться съ дождемъ и грязью: «Война прекрасная вещь, но только тогда, когда дерутся, и когда хорошая погода». Все однако кончается хорошо: по возвращеніи экспедиціи, *Сентъ-Арно* былъ произведенъ въ подполковники, и пожалѣлъ единственно о томъ, что не могъ продолжать службы съ зуавами: его перевели въ 53-й полкъ, которымъ командовалъ полковникъ Смидтъ, «строгій блюститель порядка и дисциплины». Полкъ стоялъ въ Блидахѣ, куда и поспѣшилъ новый подполковникъ.

Уже въ первые дни Сентъ-Арно пришелъ въ столкновеніе съ Каваньякомъ, своимъ прежнимъ начальникомъ: поводомъ къ тому былъ Бюжо. «Кавапьякъ имѣлъ случай замѣтить, что подполковникъ 53 полка теперь не батальонный командиръ зуавовъ, которому субординація и дисциплина, равно и приличіе, связывали языкъ». Бюжо не остался въ долгу: въ половинѣ іюня Сенъ-Арно былъ назначенъ главнымъ начальникомъ въ Миліанахѣ; ему было очень лестно командовать тремя батальонами, 60 кавалеристами и нѣсколькими орудіями, очень пріятно получать ежемѣсячно 150 франковъ добавочнаго жалованья, еще лестнѣе имѣть въ своемъ распоряженіи секретныя суммы. Но самая резиденція его, Миліанахъ, заставляла еще желать многаго, относительно удобствъ жизни: владѣлецъ ея долженъ былъ привезти съ собою не только вина, сахара

и кофе, но также куръ, картофеля и сальныхъ свѣчъ. Въ противномъ случаѣ, надлежало бы отказаться отъ всѣхъ этихъ вещей. Наружный видъ Миліанаха *Сентъ-Арно* описываетъ такъ: «Смотря съ сѣверо-западной стороны Шелифской равнины, увидимъ сквозь открытое между горами пространство, у подошвы высшей горы, Цаккаръ, плоскую возвышенность, окруженную лощинами. Съ трудомъ различимъ нѣсколько минаретовъ, неправильный валъ, нѣсколько мрачныхъ шалашей, покрыхъ черепицею, а справа и слѣва нѣсколько редутовъ: это Миліанахъ. Дорога идетъ по направленію ложа стремительной рѣчки, потомъ поднимается, въ продолженіе добраго часа, по неровной и каменистой мѣстности, прерываясь, однако, на половинѣ возвышенности второю небольшою нагорною равниною, поросшею виноградниками и деревьями, какъ будто природа хотѣла назначить здѣсь мѣсто отдыха. Наконецъ, въѣзжаемъ, черезъ Цаккарскія или Шелифскія ворота, по выбору, въ Миліанахъ, то есть въ груду развалинъ, которая увеличивается съ каждымъ днемъ: ежели ночью я просыпаюсь отъ глухаго шума, то знаю, что обрушился одинъ изъ моихъ домовъ». *Сентъ-Арно* энергически приступаетъ къ дѣлу, приказываетъ очистить городъ отъ мусора, починить уцѣлѣвшіе домы, строить казарму. Но вытѣснить нищету не такъ-то легко. «Пока я пишу, позади меня сидятъ на моемъ коврѣ десять арабовъ, мѣстныхъ старшинъ, и съ ними офицеръ регулярныхъ войскъ *Абдель-Кадера*, мнѣ сдавшійся. Онъ былъ богатъ, имѣлъ лошадей, женъ, землю; теперь у него нѣтъ ничего, и онъ считаетъ себя счастливымъ, если я опредѣлю его унтеръ-офицеромъ между спагисами. Онъ попросилъ два дня на размышленіе: я далъ ему этотъ срокъ и съ тѣмъ вмѣстѣ два хлѣба. О война! война!» Не смотря, однако, на всѣ лишенія, унтеръ-офицеры Миліанахскаго гарнизона устроили немедленно театръ любителей; офицеры принялись читать съ жадностію пару старыхъ книгъ, кѣмъ-то забытыхъ въ жалкомъ городѣ; *Сентъ-Арно* даетъ обѣды, за которыми гости получаютъ по полбутылки вина и хлѣба «a discretion». и у него завелись дюжина куръ и пѣтухъ.

Новому владѣтелю Миліанаха скоро пришлось выступить и на дипломатическое поприще, потому что къ нему явилась депутація племени хашемъ для переговоровъ о подданствѣ. «Депутаты усѣлись на корточкахъ; я приказалъ подать имъ кофе и переговоры открылись. Прежде всего я коснулся ихъ политическихъ и торговыхъ выгодъ, сталъ выхвалять свой рынокъ, говорилъ имъ объ арабской честности, которой не вѣрю, и о французскомъ великодушіи и благородствѣ, въ которыя желалъ бы вѣрить; наконецъ, по прошествіи часа, измученный жаромъ и напряженіемъ, спровадилъ моихъ арабовъ, ознакомивъ ихъ съ собою и съ своею націею.

«Лишь только кончились труды дипломата, начались труды полководца: въ главѣ небольшой арміи, тысячи въ двѣ человѣкъ, *Сентъ-Арно* выступилъ противъ нѣсколькихъ непокорныхъ племенъ. Кромѣ того, при отрядѣ было пять-сотъ человѣкъ арабскаго вспомогательнаго войска, и въ числѣ ихъ «многіе мошенники, убивавшіе прежде нашихъ товарищей». Однако, власть *Арно* надъ ними такъ велика, что «если бы я приказалъ одному изъ нихъ срѣзать другому голову, то моя туземная кавалерія могла бы уменьшиться въ нѣсколько минутъ на половину». Дѣло не дошло, однако, до боя: арабы вездѣ изъявляли покорность. «А я не устаю надѣлять ихъ стереотипными фразами: «согласіе дѣлаетъ сильнымъ!»... «Покровительство Франціи»... «Добросовѣстная покорность» и т. п. У меня всегда въ запасѣ множество подобнаго краснобайства».

Въ исходѣ іюля получено было въ Миліанахѣ, изъ Орлеана, извѣстіе о смерти герцога Орлеанскаго. «Какое горе, какая скорбь для короля, и особенно для королевы! Сердце сжимается у меня: опять поводъ къ замѣшательствамъ. Регентство для Франціи—междоусобная война. Республиканцы опять подпимутъ голову, выйдутъ на бѣлый свѣтъ». Нѣсколько позже: «Я очень плохо разумѣю политику, и желаю только, чтобы отечество мое было счастливо, а главное — спокойно. Тѣмъ не менѣе я вижу, что мы стоимъ на огнедышащей горѣ. Вижу, что междоусобная война у дверей, а за нею — всеобщая война. Тутъ я ни-

чего не могу сдѣлать, и потому закрываю глаза и жду, твердо рѣшившись исполнить свой долгъ во всякомъ случаѣ, какъ храбрый солдатъ и какъ честный человѣкъ, и чѣмъ выше буду стоять, тѣмъ менѣе отступлю отъ этого правила. Герцогъ Орлеанскій не сдѣлалъ мнѣ ни добра, ни зла; однако я полагаю скорѣе, что онъ благоволилъ мнѣ, нежели противное тому, и я послужилъ бы ему честно. Ежели герцогиня будетъ правительницею, то я предложу ей мою шпагу точно такъ же, какъ предложилъ бы ее царствующему Государю. Я люблю эту фамилію за претерпѣнное ею горе, и особенно къ королевѣ питаю полное уваженіе. Думаю, что о герцогѣ Немурскомъ судятъ слишкомъ строго. Въ немъ много хорошаго; пока былъ живъ его братъ, положеніе его всегда было ложно. Я могу выиграть, ежели власть перейдетъ въ его руки, потому что онъ знаетъ меня. Есть, впрочемъ, одно, противъ чего я буду дѣйствовать словомъ и рукою: это республика. Я ненавижу ее».

Сентъ-Арно становится все довольнѣе и довольнѣе своимъ положеніемъ. «Мнѣ часто кажется забавнымъ, что я разыгрываю здѣсь роль крошечнаго владѣтеля. Когда я сажусь на лошадь, за мной слѣдуютъ пѣшкомъ пятеро или шестеро арабскихъ старшинъ, чтобы держать въ удаленіи народъ, и нѣсколько конныхъ егерей: пародія совершенная». И онъ имѣлъ право быть довольнымъ, если справедливо то, что пишетъ: «Мнѣ лестно, что я столько же любимъ арабами, сколько французами. Сколько трехфранковыхъ монетъ, въ видѣ мѣры хлѣба, перешли въ хижины бѣдныхъ, у дверей которыхъ стучался голодъ! Я не наживу въ Миліанахѣ богатства, но наградою мнѣ бумага, поданная почетнѣйшими жителями губернатору, въ которой они объясняютъ, что оставили бы городъ и ушли бы въ горы, если бы меня удалили. Гдѣ прежде лежали развалины, тамъ высится теперь городъ; гдѣ господствовала нищета, тамъ процвѣтаютъ торговля и промышленность. Я нашелъ здѣсь сто бѣдныхъ семействъ; теперь ихъ едва ли десять, и число ихъ будетъ постепенно уменьшаться, потому что я даю имъ средства къ заработкамъ. Кто бы

подумалъ, что я, странствовавшій въ молодости по Греціи, по Италіи, по Англіи, что я дойду до этого? И такъ, самое лучшее и самое вѣрное—никогда ничего впередъ не загадывать».

Въ сентябрѣ, *Шангарнье* и *Каваньякъ* пріѣхали къ *Сентъ-Арно* въ гости, *Каваньякъ*, съ которымъ онъ не задолго передъ тѣмъ поссорился. «Мы помирились, и намъ не нужно было никакихъ объясненій: все ограничилось тѣмъ, что мы стояли лицомъ къ лицу и пожали другъ другу руки. При взаимномъ уваженіи, нельзя ссориться серьезно изъ-за третьяго. Можно быть различнаго мнѣнія, и тѣмъ не менѣе сближаться между собою, когда не говоришь о лицахъ и предметахъ, на которыя смотришь различно». Что же касается до *Шангарнье*, котораго, мимоходомъ, *Сентъ-Арно* называетъ Африканскимъ Массеною, то «мы схватывались съ нимъ хладнокровно. Онъ жестоко нападалъ на моихъ офицеровъ, а я заступался за нихъ, и мы разстались довольно холодно». Не смотря на то, нѣсколькими мѣсяцами позже, *Шангарнье* отдалъ полную справедливость *Сентъ-Арно*, только что воротившемуся изъ блистательной экспедиціи, сказавъ: «Лучше нельзя было сдѣлать».

Управляя округомъ, *Сентъ-Арно* предпринималъ неоднократныя экспедиціи во внутрь страны, борясь, впрочемъ, не столько съ непріятелемъ, сколько съ лишеніями, потому что отваживался углубляться въ степь. «Что за картина, эта степь! Небо синее, но все мертво и безмолвно. Ни воды, ни дерева, ни кустарника. Лишь изрѣдка попадаются небольшіе кустики, какъ бы стыдясь показываться въ такой глуши». А потомъ опять горы. «Онѣ воздымаются волнообразно, будто море, взбороженное бурею, ибо въ Африкѣ горы и равнины принимаютъ равно необозримые размѣры». При сожженіи одной деревни племени бени-насуровъ, *Сентъ-Арно* былъ свидѣтелемъ страшной сцены. Бѣдные жители бѣжали; холодъ былъ жестокій; снѣгъ выпалъ на нѣсколько футовъ. Колонну, выступившую на другой день въ дальнѣйшій походъ, ожидало поразительное зрѣлище; сотни труповъ лежали другъ возлѣ друга — всѣ

несчастные бѣглецы замерзли. *Сентъ-Арно* «отвращаетъ взоры», но скоро утѣшается мыслію, что всему виною — Абдель-Кадеръ (Абдель-Кадеръ, защищавшій свою родину!).

Въ послѣднихъ числахъ ноября пріѣхали къ *Сентъ-Арно*, въ Миліанахъ, новые, и, на этотъ разъ, значительнѣйшіе гости, герцогъ Омальскій и генералъ-губернаторъ *Бюжо*. «Принцъ привѣтствовалъ меня весьма благосклонно; губернаторъ обошелся со мною, по прежнему, какъ съ сыномъ. Въ честь ихъ устроено было большое театральное представленіе: «Индіана и Карлъ Великій», «Антрактъ въ райкѣ», «Капралъ и Крестьянка».—«Принцъ смѣялся отъ души. Онъ подарилъ триста франковъ на костюмы и декораціи. Губернаторъ, хохотавшій до упаду, хотѣлъ прислать въ Миліанахъ военную музыку. Уѣзжая, принцъ оставилъ сто франковъ раненымъ и столько же поселенцамъ. Онъ человѣкъ необыкновенный. Въ немъ есть много сходства съ братомъ. Герцогъ Омальскій сказалъ *Сентъ-Арно*: «Я желалъ бы предпринять съ вами экспедицію, господинъ *Сентъ-Арно*; думаю, что мы успѣли бы сдѣлать что-нибудь порядочное». Еще мѣсяцемъ позже, принцъ, передавъ *Шангарнье* свою должность въ Блидахѣ, писалъ *Сентъ-Арно*, что «и впредь они будутъ находиться въ дружественныхъ отношеніяхъ». — «Несказанно сожалѣю объ этомъ—говоритъ *Сентъ-Арно*—потому что принцъ самый любезный принцъ» (une aimable Altesse).

Вскорѣ потомъ *Сентъ-Арно* угощалъ двухъ важныхъ мужей между арабами, хакема Миліанахскаго, сына одного изъ прежнихъ алжирскихъ деевъ, и его Коджу. Онъ позаботился предложить имъ и вина. «Оба мои араба пили словно бездонная кадка (comme des trous), боргоское, шампанское, все вливали въ себя; но когда я спросилъ у нихъ, понравилось ли имъ вино, они отвѣчали мнѣ, что вино превосходный напитокъ для людей образованныхъ и безъ предразсудковъ, какъ, напримѣръ, они сами, но что арабовъ доведешь скорѣе до того, что они станутъ ѣсть луну, нежели пріучить пить вино... Арабское населеніе въ городахъ, возрастающее съ нами, позаимствуетъ много нашихъ нравовъ и обычаевъ; жители горъ — никогда».

Въ маѣ 1843 года, принцъ Омальскій нанесъ тотъ отважный ударъ, который имѣлъ слѣдствіемъ взятіе Абдель-Кадеровой смалы. — «Не могу тебѣ выразить, писалъ *Сентъ-Арно* своему брату — какъ я радъ, что именно на долю принца достался этотъ успѣхъ: предзнаменованіе хорошее; въ немъ есть частица будущности!»... Спустя пять лѣтъ, принцъ былъ изгнанникомъ! А еще черезъ два года, наполеоновское правленіе отняло у орлеанской фамиліи даже имущество. Абдель-Кадеръ перенесъ, впрочемъ, ударъ «по философски».

Въ досужую минуту, лежа съ вывихнутою ногою на диванѣ, *Сентъ-Арно* описываетъ общими, краткими чертами боевую жизнь въ Африкѣ. «Когда у меня будетъ полкъ, я тщательно его вычешу, вымою, наряжу; пусть онъ ходитъ въ бой опрятнымъ». Но въ Африкѣ ведутъ войну безъ кокетства. Здѣсь нѣтъ городовъ, черезъ которые надобно было бы проходить; здѣсь нечего разсчитывать ни на кантониръ-квартиры, ни на вниманіе женщинъ, которое заставляетъ забывать о продолжительныхъ трудахъ и лишеніяхъ и при которомъ невольно поднимаешь голову и бодришься. Здѣсь нѣтъ ничего, кромѣ грязныхъ бедуиновъ, длинныхъ, до самаго дула заряженныхъ ружей, ничего, кромѣ солнца и пыли, снѣга и грязи, безконечныхъ и безлѣсныхъ равнинъ. Мы всѣ похожи на нищихъ, на оборванцевъ. Одинъ пріятель изъ Оранской провинціи писалъ мнѣ недавно, что на прорѣху на своемъ синемъ плащѣ онъ принужденъ былъ нашить заплату алаго сукна. Что сказала бы императорская гвардія, ходившая въ огонь en grande tenue? Въ другихъ мѣстахъ знаютъ день, когда произойдетъ сраженіе; здѣсь и за пять минутъ невѣдаешь ничего. Диспозиціи надобно дѣлать уже въ то время, когда дерутся. Мы сидимъ сложа руки, и вдругъ просвистѣла пуля, просвистѣли двадцать, тысяча пуль. «Не смотря на то, вся африканская война кажется ему крайне мелочною. «Я видѣлъ только одну порядочную осаду; хотѣлось бы мнѣ видѣть и порядочную битву въ 50.000 человѣкъ». Онъ мечтаетъ, что въ скоромъ времени вступятъ въ Испанію французскія войска, а въ слѣдъ за ними по.

шлютъ и нѣкоторые африканскіе полки. «Ахъ, у насъ будутъ радзіи въ Андалузіи! Какое счастіе видѣть Альамбру и львиную башню! Я не понимаю Испанію безъ Гренады. Арагонія, Кастилія, Каталонія, Наварра, все это хорошо, но Мурсія, Гренада, Севилья — прелестно, величественно! Я долженъ быть въ Гренадѣ. Прогулка въ садахъ генералифскихъ—для меня потребность. «Покамѣсть *Сентъ-Арно* отправляется однако не въ Гренаду, а въ Алжиръ, потому что въ іюлѣ 1843 года назначенъ былъ на мѣсто его генералъ Ревё. «Миліанахскій гарнизонъ задалъ своему отъѣзжавшему начальнику пиръ, и всѣ офицеры, въ главѣ ихъ самъ Ревё, всѣ арабы, провожали его за восемь верстъ.

Изъ Алжира *Сентъ-Арно* опять уѣхалъ въ отпускъ, въ Парижъ, но уже въ февралѣ 1844 года былъ въ Марсели, чтобы переправиться отсюда въ Африку: «До сихъ поръ я не зналъ герцога; онъ говорилъ хорошо и безъ околичностей». По прибытіи въ Блидахъ, *Сентъ-Арно* принимаетъ, какъ начальникъ пѣхотной колонны, участіе въ экспедиціи въ Сахару, и надѣется воротиться съ французскими знаменами, которыя будутъ пробиты пулями «отлитыми, можетъ статься, въ Томбукту». Онъ пишетъ изъ Тагвина, гдѣ, за годъ передъ тѣмъ, герцогъ Омальскій овладѣлъ смалою Абдель Кадера. «Осмотрѣвъ мѣстность, я долженъ сознаться, что ударъ былъ задуманъ удивительно смѣло: рядомъ съ покореніемъ Константины—это блистательнѣйшій подвигъ въ африканской войнѣ, и только самъ принцъ, которому не было надобности колебаться и который имѣлъ при себѣ такихъ людей, каковы Морисъ и Юсуфъ, могъ рѣшиться на него. По моему мнѣнію, самымъ уважительнымъ поводомъ къ атакѣ была невозможность отступленія; надлежало побѣдить или умереть, сутками раньше или позже—не возвратился бы изъ колонны ни одинъ человѣкъ». Но какъ отличительною чертою въ характерѣ *Сентъ-Арно* были рѣзкія противоположности, то, въ слѣдъ за подвигомъ герцога Омальскаго, онъ съ неменьшею важностію говоритъ и о первыхъ трофеяхъ, которыми ему удалось полакомиться въ пустынѣ.

Въ этомъ, быть можетъ, находилъ онъ и единственную отраду, живя въ безотрадной степи, которой двѣ первыя полосы, полоса газелей и страусовъ, уже были пройдены имъ. а въ виду находилась третья полоса — финиковая. «Страна, волновавшаяся какъ море; сѣроматовый небосклонъ, который уходитъ все дальше и никогда не оканчивается; ни одного предмета для успокоенія утомленныхъ глазъ; вдали изрѣдка показывается стадо легкихъ газелей, заставляющее биться сердце, потому что эти животныя придаютъ хотя малое оживленіе мертвенности и указываютъ на присутствіе воды; нѣсколько пугливыхъ кроликовъ, убѣгающихъ въ свои норы; надъ нашими головами огромный коршунъ, чутьемъ слѣдящій за колонною; за нами, изчезая постепенно, послѣднія цѣпи Атласа; передъ нами безконечная пустыня; кое гдѣ одинокія пальмы, высящіяся подобно мачтамъ необъятнаго корабля на гладкомъ морѣ — она величественна, но грустна — эта неизмѣримая степь, подобіе вѣчности». Войска приходятъ въ Тедгемонтъ. «Тедгемонтъ прелестная театральная декорація, то-есть издали, потому что, какъ всѣ арабскіе города, онъ въ развалинахъ. Онъ окруженъ весьма высокими земляными валами, съ нѣсколькими каменьями въ промежуткахъ, и имѣетъ низенькія неуклюжія ворота. Но, при своемъ возвышенномъ положеніи, опоясанный садами, которые, въ свою очередь, окаймлены серебряною лентою рѣчки, катящейся по мелкому бѣлому песку, Тедгемонтъ представляетъ восхитительную картину. Надъ темною зеленью деревъ абрикосовыхъ и сладко-рожковыхъ лѣса пальмъ; вдали — сѣрые очерки города, и все это подъ африканскимъ небомъ — привлекательнѣйшій ландшафтъ, когда-либо видѣнный мною въ Алжиріи». Вскорѣ потомъ *Сентъ-Арно* вступаетъ въ Аинъ-Маади, резиденцію Теджини, Абдель-Кадерова соперника. который именно въ этомъ самомъ городѣ противился девять мѣсяцевъ всѣмъ силамъ врага. «Крѣпостные валы Аинъ-Мади имѣютъ въ вышину около десяти метровъ (5 саженъ) и 50 сантиметровъ въ толщину. Сады, окружающіе городъ, обведены небольшою насыпью, которая вредитъ оборонѣ и прикры-

ваетъ атакующихъ, потому что въ садахъ можно укрыться отъ огня крѣпости. Третья часть города въ развалинахъ. Внутренность домовъ, сложенныхъ изъ камней и земли. отвратительна; но, подобно Тедгемонту, Аинъ-Махни оазисъ въ пустынѣ; тамъ, гдѣ оканчиваются сады, не видно уже ни одного дерева, ни малѣйшей растительности, только песокъ да камни». Третій оазисъ — Лагхуатъ. «Лагхуатъ очень великъ: со включеніемъ садовъ, онъ имѣетъ въ окружности отъ полуторы до двухъ льё (отъ 6 до 8 верстъ). Городъ разрѣзываетъ сады на двѣ половины и, въ свою очередь, раздѣляется утесомъ, на высшей оконечности котораго стоитъ Касбахъ. Отсюда видъ превосходный: на востокѣ и на западѣ, за извилинами рѣки, степь; на сѣверѣ и на югѣ, обѣ половины города съ высокими сѣрыми стѣнами, съ единственными воротами, вышиною въ три фута, а дальше сады съ пальмовыми лѣсами, столь высокими, что другіе деревья кажутся передъ ними кусточками земляники. Я заходилъ во многіе дома. Рядомъ съ отвратительными тварями, есть въ нихъ и миловидныя женщины, которыя, однако, по видимому, рано старѣются. Я видѣлъ старухъ, которымъ, казалось мнѣ, было больше ста лѣтъ, хотя онѣ считали не больше пятидесяти».

Въ іюнѣ экспедиція возвратилась, и *Сентъ-Арно* тотчасъ же получилъ приказаніе принять участіе въ походѣ противъ Марокко. «Какъ растолковать поступокъ стараго Абдеррахмана (мароканскаго султана), который, живя не въ ладу съ Испаніей, затѣваетъ еще ссору съ Франціей? Онъ чучело, которымъ вертятъ вельможи и подданные, и принужденъ ими къ глупому вооруженію за Абдель-Кадера, который однако не извлечетъ изъ того ни малѣйшей пользы, потому что упалъ такъ глубоко, что уже не поднимется: только другихъ увлечетъ съ собою въ погибель». Дорогой, *Сентъ-Арно* читалъ «знаменитую статью» принца Жуанвильскаго. «Этотъ трудъ не изъ вседневныхъ. Статья заключаетъ въ себѣ мысли вѣрныя и превосходно выраженныя, которыя должны заслужить общее одобреніе; дѣло важно и не останется безъ послѣдствій, Сообразивъ всѣ обстоятельства. взглянувъ на Европу и на другія части

свѣта, принявъ во вниманіе всѣ мелкія, но чувствительныя столкновенія между народами, мы, по необходимости, въ правѣ ожидать великихъ событій. Нужна одна искра и все загорится, а искра вылетитъ оттуда, откуда ее ожидаютъ меньше всего—изъ Марокко, Гаити или съ Маркизскихъ острововъ, изъ кабинета или изъ будуара». Эта мысль не даетъ ему покоя. «Будетъ ли у насъ война или миръ, пишетъ онъ нѣсколько позже, мы должны были бы, по крайней мѣрѣ, перестать ругаться между собою, какъ лакеи, и лаяться какъ собаки, которыя не смѣютъ кусать. Раньше или позже, дѣло дойдетъ до драки, потому что національный духъ и большинство націи возобладаютъ надъ правительствомъ и увлекутъ его за собою. Папеити и королева Помаре подвернулись тутъ же, и въ добавокъ Ибрагимъ готовится вовсе не кстати занять мѣсто Мегмеда-Али. Словомъ, все запутывается въ такой степени, что бомба должна лопнуть, и тогда она свалитъ нѣкоторыя посредственности, но мы—мы пойдемъ въ гору. Еще нѣсколько недѣль, быть можетъ нѣсколько мѣсяцевъ, и мы увидимъ начало конца. И при такихъ-то важныхъ событіяхъ, министры наши разъѣхались, кто на воды, кто въ свое помѣстье».

Войска жестоко страдали на походѣ, но *Сентъ-Арно* доволенъ уже тѣмъ, что видитъ деревья и лѣса. «О, какъ я люблю лѣсъ! Послѣ пребыванія моего въ степи, я не прохожу мимо дерева, чтобы не снять предъ нимъ почтительно шляпу, не встрѣчаю ни одного ружья, чтобы не засвидѣтельствовать ему полное уваженіе. Безъ лѣса, безъ воды—что за жизнь».

Между тѣмъ дѣла въ Марокко были рѣшены: Бюжо выигралъ сраженіе при Исли, и *Сентъ-Арно* возвратился въ Блидахъ, но не надолго. Произведенный въ полковники 32-го полка, онъ вскорѣ за тѣмъ былъ назначенъ бригаднымъ начальникомъ въ Орлеанвилѣ. Теперь все представляется ему въ розовомъ цвѣтѣ. «Генералъ-губернаторъ, назначивъ меня на значительнѣйшій, въ политическомъ и военномъ отношеніи, постъ, уже тѣмъ самымъ проложилъ мнѣ путь къ генеральскому чину, и очень вѣ-

роятно, что я буду генералъ-лейтенантомъ прежде десяти лѣтъ. Дочерей своихъ опредѣлилъ я въ Сентъ-Дени, сыновей въ коллегіумъ Генриха IV; самъ дослужился до полковника, составилъ себѣ имя, и, какъ сынъ собственныхъ дѣлъ, могъ бы жить счастливо съ моею доброю матерью, моими братьями, сестрами и дѣтьми, если бы, по временамъ, старые грѣхи не помрачали моего чела!...»

Разскажетъ ли намъ кто-нибудь про эти старые, а можетъ быть и про нѣкоторые новые грѣхи *Сентъ-Арно?* [1]

Я. Т.

[1] „Военный Журналъ“ 1855 г. кн. VI.

АЛФАВИТЪ ИМЕНЪ, УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ ТЕКСТѢ.

АЛФАВИТЪ СУХОПУТНЫХЪ ВОЙСКЪ И ФЛОТА.

АЛФАВИТЪ СЕВАСТОПОЛЬСКИХЪ УКРѢПЛЕНІЙ.

ОПЕЧАТКИ

Стр.	*сверху*	*напечатано:*	*слѣдуетъ быть:*
37	21 и 22	*Баженова*	*Бажанова*
187	7	Histoire	въ Histoire
209	8	*Дюлана и Саль*	*Дюлака и Салля*
220	25	**ухаживоли**	**ухаживала**

2007081643